Федеральное государственное бюджетное научное учреждение

УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Обособленное структурное подразделение

ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи

Котов Вячеслав Георгиевич

СРЕДНИЙ И ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

Специальность 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

в 2-х томах

Том 1

Уфа 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….……3

ГЛАВА 1. ПАЛЕОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ….....24
1.1. Характеристика четвертичного периода в Южно-Уральском регионе……24
1.2. Географические особенности Южно-Уральского региона…….....30

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОГО УРАЛА. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОРУДИЙ КАМЕННОГО ВЕКА ……..39

2.1. История изучения палеолита Южного Урала……. …….……....39
2.2. Методология изучения орудий каменного века…….....50

ГЛАВА 3. СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА……..65

3.1. Следы нижнего палеолита на территории Южного Урала……65
3.2. Памятники среднего палеолита Южного Урала.……....68
3.3. Кусимовский тип индустрии…….....69
3.4. Памятники среднего палеолита неясного происхождения…….99

ГЛАВА 4. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА…….126

4.1. Памятники ранней поры верхнего палеолита…….127
4.2. Памятники позднего этапа верхнего палеолита……152
4.3. Памятники верхнего палеолита Южного Урала и их место в палеолите Урала……...224
4.4. Верхний палеолит Урала в концепциях российских ученых……234

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..258

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ……266

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ…….270

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….....316

ПРИЛОЖЕНИЯ Т.2 ……..1

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: ТАБЛИЦЫ…….....3

ПРИЛОЖЕНИЕ 2: ИЛЛЮСТРАЦИИ…….32

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В последние десятилетия достигнуты большие успехи в изучении древнекаменного века Урала [Археология…, 2021; Древняя история…, 2000; Павлов, 2012, 2015; Сериков, 1999, 2000, 2009; Мосин, 2000, 2019], в то же время палеолит Южного Урала остается малоизвестным для исследователей каменного века в России и за рубежом.

Южный Урал занимает ключевое положение в истории всего Уральского региона и прилегающих территорий Поволжья, Прикамья и Западной Сибири. Во многом особость региона определяется расширением уральского хребта, образованного меридионально вытянутыми хребтами. Горные массивы определяют климат всего региона и разнообразие ландшафтных зон. Во все исторические эпохи Южный Урал был наиболее предпочтительным местом охоты и своеобразным убежищем для людей и животных [Вахрушев, 1938; Карачаровский, 1951]. Это было особенно важно на ранних этапах человеческой истории. Кроме того, в историческом и географическом плане Уральский хребет выступал как своеобразный барьер, разделяющий природу и население Русской равнины со степным миром Зауралья и Западной Сибири. С другой стороны, Южный Урал был своеобразным перекрестком путей миграций животных и древнего населения с запада, востока, севера и юга [Савельев, 2011]. Все эти факторы были причиной сложных процессов культурогенеза на территории Южно-Уральского региона.

Памятники эпохи палеолита на территории Южного Урала были открыты самыми последними в середине 30-х годов XX века [Бибиков, 1950]. Это были небольшие пещерные стоянки с немногочисленным инвентарем, в результате чего сложилось мнение о незаселенности Южно-Уральского региона в эпоху верхнего палеолита. Открытие наскальной живописи в пещерах Шульган-Таш (Каповая) (1959 г.) [Рюмин, 1961] и Игнатиевская (Ямазы-Таш) (1980 г.)

[Петрин, 1992] стало стимулом для поиска палеолитических памятников на территории Урала. В этой связи в дискуссии по поводу первоначального заселения территории Урала памятники Южного Урала могут стать ключевыми для понимания этих процессов. Южно-Уральский регион в историко-географическом смысле близок Средней Азии и Кавказу, где в настоящее время выявлены многочисленные памятники нижнего и среднего палеолита.

Благодаря настойчивым поискам М.В. Талицкого, О.Н. Бадера, В.Т. Петрина, Ю.Б. Серикова, П.Ю. Павлова, М.Ш. Галимовой, А.Ф. Мельничука, Э.Ю. Макарова и др. были открыты и исследованы стоянки с крупными коллекциями эпохи среднего и верхнего палеолита в Среднем Приуралье и Зауралье, что стало основанием для ряда обобщающих работ по палеолиту Уральского региона [Бадер, 1951, 1956, 1960, 1964; Галимова, 2001; Генинг, Петрин, 1985; Мельничук, 2011; Мельничук, Павлов, 1987; Павлов, 1996, 1997, 2009а, 2012; Петрин, Смирнов, 1977; Сериков, 1997, 2007; Талицкий, 1940]. Известные к концу 80-х годов немногочисленные палеолитические стоянки Южного Урала привлекались лишь в качестве дополнения к этим материалам.

Автором были начаты систематические поиски палеолита на территории Южного Урала в начале 90-х годов. В результате 30-летних исследований автором были открыты и изучены около сотни новых палеолитических памятников. Были открыты местонахождения раннего, среднего и верхнего палеолита, и среди них стратифицированные стоянки с большими коллекциями. В связи с этим назрела потребность в систематизации и обобщении накопленного материала.

Это позволит определить время и пути заселения территории Южного Урала в древности, особенности сложения автохтонного населения и характер взаимодействия с пришлым населением в различные периоды палеолита. Одна из проблем – это возможность преемственности между населением среднего и верхнего палеолита. Не менее сложным является установление времени

появления пластинчатых индустрий на Южном Урале. Другой проблемой, которая стоит перед исследователями - существует ли общность памятников верхнего палеолита на Урале и если она есть, то каков характер этой общности.

Исходя из этого, актуальность исследования детерминируется необходимостью решить проблемы, связанные с периодизацией, хронологией, выявлением культурных связей в палеолите Южного Урала и, в конечном итоге, интеграцией среднего и верхнего палеолита Южного Урала в общую картину палеолита Евразийского континента.

Степень изученности. В истории изучения палеолита на Южном Урале выделяются три этапа. К первому этапу относится деятельность краеведов и археологов иной специализации с конца XIX в. и до начала 30-х гг. XX в. Второй этап - это период спорадического изучения региона отдельными палеолитическими экспедициями или палеолитчиками из других научных центров, который продолжался с 30-х гг. по конец 80-х гг. XX в. Были открыты и изучены ряд памятников с небольшими коллекциями находок, которые не давали ясного понимания о культурной ситуации в эпоху палеолита на территории Южно-Уральского региона. Третий этап - с начала 90-х гг. по настоящее время, - начало систематического изучения палеолита на территории Южного Урала и связан с деятельностью уфимских палеолитчиков и сложения Южно-Уральского центра изучения каменного века. Были открыты и изучены стоянки с крупными собраниями находок всех периодов палеолита. Большая часть памятников (около 80%) эпохи палеолита на Южном Урале были открыты и изучены автором.

Из этого понятно, что с начала двухтысячных годов и до недавнего времени на Южном Урале происходило открытие новых памятников палеолитического времени и осуществлялось осмысление этого материала. Поэтому в первых обобщающих работах Т.И. Щербаковой и П.Ю. Павлова с середины 1980-х гг. формирование концепций о времени и характере заселения Урала опиралась на памятники с богатыми коллекциями Среднего и Северного

Урала (стоянки Талицкого, Бызовая, Чернозерье, Ширококово, Медвежья Пещера и др.) [Щербакова, 1986; Павлов, 1988]. Памятники с территории Южного Урала привлекались в контексте восприятия индустрии верхнего палеолита как единой для всего Урала культурной традиции [Павлов, 1988; 1996]. Со временем П.Ю. Павлов выдвинул концепцию сначала «среднеуральской», а затем единой «уральской культуры» верхнего палеолита, основываясь на материалах памятников конца верхнего палеолита Урала [Павлов, 1997, с. 72; Павлов, 2001, с. 56]. Эту концепцию поддержала Т.И. Щербакова [Щербакова, 2001, с. 167]. Для подтверждения этой идеи исследователи порой субъективно выделяли из коллекций те или иные формы изделий, которые характеризовали их концептуальные установки. Например, Т.И. Щербакова не «увидела» на стоянке Талицкого резцы, бифасиальные орудия, ортогональные и дисковидные нуклеусы. Точно также и П.Ю. Павлом в каждом новом обобщении по верхнему палеолиту дополнял список признаков «уральской культуры», но упорно не хотел замечать среднепалеолитические формы, на которые указывал автор диссертации [Павлов, 2007, с. 77, 78; Котов, 2013в]. Другой проблемой являлись неточности в радиоуглеродных датах уральских стоянок, что приводило к ошибочным временным границам тех или иных этапов «уральской культуры» [Dublyansky et al., 2018]. Кроме того, были выявлены различными исследователями местные особенности памятников внутри единой общности верхнего палеолита Урала, что противоречило представлению о принадлежности всех памятников определенного периода к единой «уральской культуре» [Сериков, 2007, с. 84-85; Галимова, 2001, с. 85]. Для индустрий памятников раннего этапа верхнего палеолита П.Ю. Павловым и Т.И. Щербаковой постулировалось наличие характеристик среднего палеолита, и они воспринимались как переходные и миксовые [Щербакова, 2001, с. 167; Павлов, 2015, с. 51]. Вместе с тем, стоянки с представительным материалом среднего палеолита на территории Урала не были открыты, пока в 2019-2021 гг. не были изучены автором материалы из Южного Зауралья

(«кусимовский тип индустрии») [Котов и др., 2020б]. Только после этого появилась возможность понять нюансы процесса «перехода» материальной культуры Южно-Уральского населения от среднего к верхнему палеолиту. В целом же остаются дискуссионными вопросы о времени и путях заселения Урала. Не менее важно понять процесс взаимодействия населения Уральского региона с пришлыми группами в период верхнего палеолита [Павлов, 2015, с. 56]. Интересной и до конца не разработанной проблемой является присутствие в индустриях верхнего палеолита Урала набора изделий из камня и кости, которые станут отличительными признаками индустрий последующей мезолитической эпохи [Матюшин, 1976, с. 283]. На решение этих проблем и было нацелено данное исследование.

Целью работы является создание схемы культурно-исторических процессов в период среднего-верхнего палеолита в Южно-Уральском регионе и корреляция ее с культурно-историческими явлениями сопредельных и отдаленных территорий. В рамках этого решались следующие ***задачи***:

1. Описать географические и палеогеографические характеристики Южно-Уральского региона;

2. Представить историю археологического изучения палеолита Южного Урала;

3. Рассмотреть проблему первоначального заселения территории Южного Урала в среднем палеолите;

4. Выявить культурные особенности памятников среднего палеолита;

5. Обозначить период сосуществования памятников среднего и верхнего палеолита на раннем этапе верхнего палеолита в Южно-Уральском регионе;

6. Охарактеризовать особенности культурогенеза Южно-Уральского населения в конце верхнего палеолита.

Объектом исследования являются культурные процессы, происходившие на территории Южного Урала в период палеолита: в

хронологических рамках конца среднего неоплейстоцена (MIS 6) - финального неоплейстоцена (MIS 2), 130 тыс. л.н. - 11 тыс. л.н.

Предметом исследования являются индустрии археологических местонахождений, содержащие остатки материальной культуры палеолита на территории Южного Урала.

Территориальные рамки. Рассматриваются палеолитические местонахождения на территории Южного Урала и для сравнения привлекаются материалы палеолитических памятников из соседних регионов. Особенностью уральского региона являются уникальное географическое положение горных хребтов, вытянутых с юга на север. Это создавало барьерный эффект, с которым связаны особенности по климатическим и природным условиям между Приуральем и Зауральем. В рамках уральского региона Южный Урал выделяется тем, что здесь расположены самые высокие горные системы, образующие крупную горную систему.

Основная часть Южно-Уральского региона находится на территории Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, а также юго-восточная часть территории Татарстана, прилегающие территории Курганской области Российской федерации, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кустанайской областей Казахстана. Восточная граница Южного Урала проходит по краю зауральского пенеплена, частично заходя в Курганскую область и Тургайское плато. На юге эта граница захватывает бассейны рек Орь, Илек и Эмба. Западная граница начинается от оз. Челкар и проходит по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности до устья р. Белой. Северная граница Южно-Уральского региона проходит по северной границе Башкортостана и Челябинской области. Северная и центральная части региона делятся на три зоны: Южное Приуралье, Южное Зауралье и Уральскую горную страну, южная часть из-за того что переходит в полосу холмогорий вся называется Степным или Южным Приуральем [Савельев, 2011, с. 11]. Приуралье занимает западную часть Русской платформы и Предуральского

краевого прогиба. Эта область сложена осадочными горными породами морского и континентального происхождения. Западный край Русской платформы - это приподнятая и расчлененная область высотой более 400 м над уровнем моря, к которой относятся Уфимское плато, Белебеевская возвышенность и Общий Сырт. Между ними и Уралом находится обширные понижения - Прибельско-Камская равнина и Юрюзанско-Айская предгорная равнина на востоке от Уфимского плато. Восточная часть Южного Урала - это часть Уральской складчато-сбросовой области. Она сложена наряду с осадочными, также и метаморфическими и изверженными породами. Горы Южного Урала представляют собой систему горных хребтов средней высотой 600-800 м, разделенных широкими межгорными понижениями. В эпоху неоплейстоцена происходили наиболее интенсивно процессы поднятия гор, что сопровождалось опусканием земной коры в Предуральском прогибе и в Зауралье. В совокупности с колебанием уровня Каспийского бассейна, это оказало существенное влияние на формирование речных террас в этих районах [Puchkov, Danukalova, 2009, p. 10].

Крупная горная система сформировала «меридиональную» природную поясность, существующую наряду с широтно ориентированными природными зонами. В эпоху похолоданий в горах развивались локальные ледниковые покровы, которые оказывали существенное влияния на климат, ландшафт и особенности геологического строения террас на прилегающих территориях. Плодородная полоса предгорий, обилие родников и малых рек и озер в межгорных долинах и в Зауралье, относительно труднодоступные и изолированные ландшафтные ниши с благоприятными условиями проживания, соседство открытых остепненных и облесенных пространств, обилие животного мира, неисчерпаемые источники кремня и яшмы - все это было важным фактором привлечения в каменном веке человеческих коллективов в этот регион.

Хронологические рамки исследования. Естественно-научное изучение стоянки Кусимово-6 с крупным собранием изделий среднего палеолита, а также ОСЛ датировки дают возраст позднего этапа среднего плейстоцена - 130-120 тыс.л.н. (MIS 6-5). Многослойная стоянка в пещере Иманай-1 с неоплейстоценовой фауной (малый пещерный медведь, лошадь, бизон), судя по датам от 26 до 42 тыс. л.н., относится к финалу среднего палеолита и сосуществует с населением - носителями технологических традиций верхнего палеолита [Котов и др., 2020а]. Памятники раннего этапа верхнего палеолита (пещерная стоянка Смеловская 2, стоянка Лабазы 1, местонахождение Табулдинское) имеют радиоуглеродные даты от 35 до 41 тыс. л. н. (вторая половина MIS 3). Стоянка Шульганово-4, нижний слой, отнесена к этому периоду на основе данных спорово-пыльцевого анализа. Массовый приток южно-сибирского населения произошел приблизительно 22 тыс. л.н. и связан с заселением территории Южного Урала и сложением уральской традиции верхнего палеолита. Верхнюю границу отмечают памятники финала верхнего палеолита древностью 11-12 тыс. лет такие как: стоянка Троицкая I, местонахождение Малый Липовый, стоянка в пещере Заповедная, стоянка Пещерный Лог около г. Магнитогорска, стоянка Игнатиевская 2 и др.

Методология и методы исследования. Основываясь на философском анализе места и роли орудия труда в структуре человеческой деятельности, отраженном в классической философии, становится понятным необходимость изучения каменных орудий в единстве его производства и употребления как системного явления. Системность этого явления требует и системного подхода при его анализе. Производство «орудия» как акт сложного опосредования возможно только при наличии устойчивого «образа/идеи орудия». В частности, морфологический анализ должен быть направлен на реконструкцию процесса изготовления изделия как материализации конкретного «образа орудия», сформированного, в том числе, использованием этой орудийной формы. Связь производства и потребления имеет взаимообусловленный характер, поэтому

устойчивая форма орудия является результатом повторяемости его использования в каком-либо производстве, то есть, внутренним содержанием формы являлась его функциональность. Стабильность формы проявляется в системном соединении рукояточных и рабочих элементов инструмента в единую целостность [Филиппов, 1977б, с. 13; Анисюткин, Филиппов, 1986, с. 63]. Фиксируемое археологами сходство форм орудий свидетельствует о существовании у древнего человека набора конкретных образов или «идей орудия». Исходя из этого, выделение типов орудий должно основываться на технико-морфологическом и функциональном анализе с целью приблизиться к пониманию «идеи орудия» древнего человека. Поэтому при анализе конкретной формы орудия мы должны руководствоваться задачей реконструкции структуры древнего инструмента через воссоздание на основе морфологических характеристик процесса его изготовления и вторичной обработки. Понимание структуры орудия позволит приблизиться к пониманию вероятной обобщенной функции орудия. В конечном итоге, это даст возможность выделить устойчивые типы изделий. Совокупность типов орудий как некоей системы и составляют облик той или иной культурной традиции. Обобщение этого знания в совокупности с пониманием особенностей хозяйства, природных условий и временных рамок дает основание для выделения неких социальных границ - археологической культуры [Аникович, 2007, с. 70].

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать ряд методологических подходов к изучению каменных изделий. Во-первых, «идея орудия» предполагает выработку в течение долгого времени тех или иных наиболее эффективных приемов изготовления и, главное, универсальных форм орудий, используемых в определенных производственных циклах, то есть некой «культурной нормы». Наряду с этим существовали изделия, которые могли создаваться в соответствии с конкретной ситуацией (особенности и доступность сырья, потребности производства, субъективные характеристики,

как например: возраст или пол изготовителя и пр.). Соответственно, наряду с устойчивыми типами изделий могут быть специфические изделия. Во-вторых, выделяемые на основе морфолого-технологического анализа устойчивые формы изделий или типы, имеют в своей основе функциональные характеристики [Bordes, 1988, p. 102; Гиря, 2015, с. 27]. В-третьих, «идея орудия» - это системное по своей природе явление, которое в свою очередь предполагает системность бытования «орудия» внутри орудийной деятельности - от изготовления «орудия» до его использования. Системность может проявляться в сходных приемах изготовления нуклеусов и орудий, как это мы видим в раннем и среднем палеолите. Также, зачастую, некоторые орудия составляют друг с другом единую систему: например, выявление на памятниках резцов как специализированных орудий, в основном, для прорезания пазов у основ вкладышевых инструментов, предполагает наличие вкладышей (пластин и пластинок с притупленной спинкой, геометрических микролитов и пр.). Присутствие изделий с резцовым сколом в индустриях, где нет вкладышей, как это, например, характерно для изделий нижнего и среднего палеолита, дает основание сомневаться в выделении такого типа орудий как «резцы». И в таком случае можно говорить о наличии в индустрии или техники резцового скола, или сегментации заготовок торцевым раскалыванием, или подтески рабочих участков «резцовыми» сколами.

Наличие устойчивых форм изделий, таким образом, указывают на присутствие «культурной нормы», являвшейся основанием для выделения типов «орудий» и их совокупности - тип-листа для каждого памятника. Сходство и различие в наборе типов изделий - тип-листа памятника может указывать на его место среди других памятников в регионе и на более обширных территориях, а также может дать информацию о наличии культурного и этнического взаимодействии. Мы поддерживаем точку зрения «о необходимости двоякого подхода к материалу: через обобщенный и чисто служебный тип-лист, предназначенный исключительно для сравнительного

анализа индустрий, и через классификацию или типологию, направленную на выявление структуры каждого конкретного комплекса» [Беляева, 1998, с. 46-47; Kolpakov, Vishnyatsky, 1989]. Мы исходим из того, что создать единую строго иерархичную и дробную типологию каменных орудий в принципе невозможно. Поэтому выделение типов в наших работах заключалась в фиксации наиболее значимых и отличительных характеристик изделия внутри той или иной категории, которая может основываться на разных подходах – будь то особенности формы (треугольные, остроконечные, клювовидные, шиповидные и пр.) или особенности обработки (ретушные, с подтеской, нуклевидные, зубчатые, выемчатые и пр.).

В основу метода описания коллекций палеолитических памятников была положена методика комплексного описания каменных орудий, разработанная Г.А. Бонч-Осмоловским [Бонч-Осмоловский, 1940] и дополненная трудами последователей экспериментально-трасологического анализа С.А. Семенова [1957; 1968; 1983], В.Е. Щелинского [1974, 1975, 1977, 1981а, 1981б, 1983, 2015], А.К. Филиппова [1977а, 1977б, 1983], А.Е. Матюхина А.Е. [1983], Е.Ю. Гири [1997], П.Е. Нехорошева [1999].

За основу типологической классификации палеолитических изделий были взяты работы Ф. Борда [Bordes, 1988], В.П. Любина [1965, 1970, 1977], И.И. Коробкова [1971], И.И. Коробкова, М.М. Мансурова [1972], Н.К. Анисюткина [1972, 2017, 2019], Ю.Г. Колосова [1983], Г.И. Медведева [1981], А.П. Деревянко, С.В. Маркина и С.А. Васильева [1994] и др.

В процессе исследования археологических памятников использовались стратиграфический и планиграфический методы. В задаче характеристики исторического потенциала региона была опробована методика историко-географического анализа, разработанная в работах Н.С. Савельева [Савельев, 2011, 2017]. Датирование палеолитических местонахождений осуществлялось методами естественно-научных дисциплин: радиоуглеродным, палеомагнитным, оптико-стимулирующей люминисценции (ОСЛ), спорово-

пыльцевым, палеонтологическим, геолого-стратиграфическим, палеогеографическим (в привязке к речным или озерным террасам). Для местонахождений с разрушенным культурным слоем применялся технико-морфологический метод датировки коллекций [Коробков, 1965, 1971; Деревянко и др., 2001]. В процессе изучения коллекций каменных изделий применялись методы технико-морфологического, трасологического, экспериментального, статистического анализов. Для реконструкции охотничьего промысла использовались методы палеоэкологической реконструкции фауны, которые нашли отражение в публикациях (Иманай-1, Лабазы-1, Балатукай, Сергеевка-1, Акбута).

Источниковую базу диссертации составляют 110 археологических местонахождений, которые находятся на территории Южного Урала. Около 80% из них были открыты или заново обследованы автором, ряд памятников впервые вводятся в научный оборот. В зависимости от принадлежности к той или иной географической зоне различаются их расположение и условия их залегания. Памятники в Южном Зауралье находятся в *денудационной зоне*, где отсутствуют лессовые отложения, и большинство памятников являются поверхностными местонахождениями с разрушенным культурным слоем (стоянки Кусимово-7, Кусимово-8, Долина-1, Долина-2, Карышкино-11 и др.). Вместе с тем, здесь были открыты и изучены ряд стратифицированных стоянок, например: стоянки Богдановка, Кусимово-6, пещера Смеловская 2). В горной зоне Южного Урала, стоянки, в основном пещерные, причем из-за своеобразного формирования речных террас в связи с трансгрессиями и регрессиями Каспийского бассейна, палеолитические памятники втсречаются или невысоко над уровнем рек (стоянка Шульганово-4, пещера Шульган-Таш (Каповая), грот Максюстовский, местонахождение Усть-Акаваз, пещера Неолитовая) или на большой высоте - более 15 м (пещеры Байсланташ, Балатукай, Кульюрт-Тамак-1 и др.). В зоне Предуральского прогиба на западном склоне Южного Урала известные нам стоянки находятся на уровне

воды или на первой береговой террасе современных рек (стоянки Новобелокатай, Горново, Лабазы 1, Муллино, Сюнь-1, Сюнь-2 и др.). Здесь были зафиксированы многочисленные скопления костей неоплейстоценовых животных, находящиеся ниже современного уровня рек. Следует отметить, что в конце неоплейстоцена после последнего оледенения только здесь в Южном Предуралье появились лессовые отложения. Существует дизбаланс в количестве памятников в различных географических зонах Южно-Уральского региона: больше всего памятников обнаружено в Зауралье, меньше - в горной части и единичные к западу от Уральского хребта. Свидетельством проникновения людей, предположительно, во время нижнего палеолита считаются стоянки в башкирском Зауралье - Кызыл-Яр-2, Карышкино-11, Кусимово-8 и др. Опорными памятниками среднего палеолита являются в Южном Зауралье стоянка Кусимово-6, и пещерная стоянка Иманай-1 и на западном склоне Южно-Уральского хребта стоянка Новобелокатайская. Памятники раннего этапа верхнего палеолита редки, в основном это местонахождения с немногочисленными находками, самым крупным собранием обладает стоянка Лабазы-1 на р. Бузулук в Оренбургской области. Самыми представительными являются памятники позднего этапа верхнего палеолита, 20-11 тыс. л.н., к которым относятся как стратифицированные стоянки открытого типа Сергеевка-1, так и ряд пещерных стоянок - Байсланташ, Игнатиевская, Бобылек и др. К этому периоду относятся святилища в пещерах Шульган-Таш (Каповая), Игнатиевская, Заповедная. Для лучшего понимания культурных процессов в различные эпохи палеолита нами привлекались для сравнения материалы памятников из других сопредельных регионов Среднего Урала и Западной Сибири.

В диссертационном исследовании использовались опубликованные работы и архивные материалы С.Н. Бибикова [1940, 1950], К.В. Сальникова [1950, 1952], О.Н. Бадера [1962, 1964, 1965], Г.Н. Матюшина [1976, 1985], В.Т. Петрина [1992], А.Р. Губайдуллиной [1981], В.Е. Щелинского [Щелинский,

1997; 2001; 2016; Ščelinsij, Širokov, 1999], Т.И. Щербаковой [1986, 2001], П.Е. Нехорошева [Нехорошев, Гиря, 2004], В.С. Житенева [Житенев, 2006, 2007, 2007а, 2011б, 2012, 2014, 2017, 2018]. Автор ведет самостоятельные исследования пещерных святилищ Шульган-Таш (Каповая) и Заповедная с 1993 г. (по настоящее время), в 1995-1996 гг. был получен качественно новый материал среднепалеолитической стоянки Новобелакатайская, в 1999-2003 гг. был открыт и изучен на большой площади палеолитический слой в пещере Байсланташ (Акбутинская). Автор принял участие в изучении и публикации ряда палеолитических местонахождений в Южном Зауралье (Долина-1, Долина-11, Карышкино-5, Карышкино-12, Улек-Хазы-6, Каменный Овраг-10, -18, -20, Калинино-4, -6, Старыташ-1в, Кызыл-Яр-2, -4, -13 и др.). С 2009 г. по настоящее время осуществляется изучение стоянки Сергеевка-1 и пещерной стоянки Иманай-1 на р. Нугуш и других палеолитических памятников в этом районе. Были проанализированы и опубликованы совместно с С.В. Богдановым стоянка Лабазы-1 в Оренбуржье. С 2019 г. автором открыты и исследуются местонахождения палеолита в районе оз. Банное-Сабакты в Южном Зауралье (Сабакты-6, -7, -8, Зеленая Поляна-2, Яманкая-1 и др.). В результате открытий последних десятилетий по количеству памятников и находок Южно-Уральский регион стал соизмерим с другими регионами Урало-Поволжья. Это стало основанием для сравнительно культурных исследований палеолитических памятников уральского региона.

Кроме этого, использовались коллекции, хранящиеся в МАЭ им. Р.Г. Кузеева ЭИ УФИЦ РАН, в фондах БГОМ, в фондах археологического музея Башкирского госуниверситета. Также использовались архивные фонды ИА РАН и ИИМК РАН. Использованы данные естественно-научных исследований: радиоуглеродные датировки (ИГ БФ АН СССР, Уфа; лаборатория естественно-научных методов ИИМК РАН, Санкт-Петербург; ИГ РАН, Москва; ВСЕГЕИ, г. Ленинград-Санкт-Петербург; Лаборатория радиоуглеродного датирования, Киев, Украина; Познаньская радиоуглеродная

лаборатория, Университет Адама Мицкевича, Познань, Польша; ЦКП «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия), фаунистические определения (ИЭРЖ УрО РАН, ИИМК РАН), данные спорово-пыльцевых исследований (ИГ УФИЦ РАН), данные трасологических исследований (работы автора).

Научная новизна исследования:

Впервые на массовом материале с территории Южного Урала была показана картина появления и развития палеолитических индустриальных традиций среднего и верхнего палеолита, подтверждена общность между индустриями верхнего палеолита, как на территории Южного Урала, так и с индустриями сопредельных регионов.

1. Использованы новые методы исследования палеолитических, и в том числе, многослойных памятников исследуемого региона на основе полной флотации отложений, с разборкой культурного слоя посредством зачисток, комплексный межлисциплинарный характер изучения культурных отложений, морфологическая идентификация материалов проверялась экспериментальным моделированием и трасологическими исследованиями.

2. Впервые выдвинуто предположение о заселении территории Южного Урала в финале позднего этапа среднего – начала раннего этапа позднего неоплейстоцена носителями кусимовской традиции среднего палеолита (MIS 6-5).

3. Было впервые установлено достаточно продолжительное сосуществование в начальный период верхнего палеолита населения - носителей пластинчатых индустрий верхнепалеолитического облика и двух индустрий среднего палеолита - нелеваллуазской и леваллуазской.

4. В результате всестороннего анализа собраний стоянок начала верхнего палеолита, было выдвинуто предпололожение о заселении Южного Урала в это время носителями отщепово-пластинчатых индустрий с территории Южной Сибири.

5. Выдвинута гипотеза о «миксовом» характере отщепово-пластинчатой индустрии конца верхнего палеолита на Южном Урале, которая сформировалась в результате смешения пришлых групп из Южной Сибири или Средней Азии с местным уральским населением.

6. Обоснована идея о том, что индустрия памятников верхнего палеолита Южного Урала является составной частью верхнепалеолитической традиции Уральского региона, который входит как западная окраина обширного сибирского мира верхнепалеолитической культуры.

Теретическая и практическая значимость работы. Предложена методология комплексного изучения орудий каменного века. Обоснована характеристика нелеваллуазской индустрии (кусимовского типа) среднего палеолита на Южном Урале. Охарактеризован начальный этап заселения Южного Урала в среднем палеолите. Установлено продолжительное сосуществование различных групп - носителей среднепалеолитической и верхнепалеолитических индустрий на раннем этапе верхнего палеолита на Южном Урале. Зафиксирован в конце верхнего палеолита на Южном Урале смешанный характер материальной культуры: местный субстрат, сохраняющий в индустрии пережиточные черты «среднего» палеолита, смешался с пришлым населением из Южной Сибири (индустрии типа стоянок Малая Сыя, Сабаниха, Куртак 5 и др.) или Средней Азии. Подтверждено предположение П.Ю. Павлова о существовании в верхнем палеолите на Урале единой общности, характеризующейся сходным набором технологических приемов и типов орудий. Продемонстрирована преемственность в индустрии между верхним палеолитом и мезолитом.

Материалы и выводы диссертационного исследования будут использованы в обобщающих работах по древней истории Урала, Поволжья и Западной Сибири, написании учебников и в лекционных курсах по археологии и древней истории Урало-Поволжского региона, а также при создании музейных экспозиций, создании археологических карт и сводов памятников.

Результаты исследований были представлены в томах «Башкирская энциклопедия», в 1-м томе «История Башкирского народа», в своде памятников «Древности Башкирского Урала», в коллективной монографии «Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала».

Материалы диссертационного исследования использовались в лекционных курсах по каменному веку Башкортостана, прочитанных в БГУ, а также в рамках школьного лектория на базе археологической экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН «Яктыкуль-Кусимово» в 2019-2021 гг.

Степень достоверности и апробация результатов. На территории Южного Урала открыто и изучено 110 палеолитических памятников. Значительное число их - это стоянки с небольшими коллекциями или же со следами кратковременного посещения. В данной работе, в основном, привлекаются для анализа палеолитические местонахождения с представительными коллекциями. Преимущество отдается стратифицированным памятникам, которые выступают в качестве реперных. В ходе их изучения использовались данные естественно-научных дисциплин: стратиграфии геологических отложений, спорово-пыльцевой анализ, гранулометрический анализ, палеонтологии, радиоуглеродного и палеомагнитного анализов. На ряде памятников были взяты образцы для ОСЛ-датирования и проведены палеомагнитные исследования.

Подробный технико-морфологический анализ коллекций стратифицированных памятников с многочисленными коллекциями находок позволяет получить достаточно полную картину о структуре той или иной индустрии, что дает основание устанавливать с достаточной уверенностью культурную принадлежность других местонахождений с малочисленными и компактными собраниями каменных изделий. Это в первую очередь касается памятников среднего палеолита, часть которых - это поверхностные местонахождения.

Для местонахождений среднего палеолита, а также для палеолитических памятников, индустрия которых основывалась на использовании «непревычного» сырья (кварцит, кварцито-песчаник, известняк, кальцит и др.), критерием достоверности артефактов из камня является, выявляемый углубленным технико-морфологическим анализом, системный характер их обработки, как то: подготовка ударной площадки, негативы предшествующих снятий, вторичная обработка, следы переоформления и пр., а также серийность тех или иных приемов и форм изделий. В таких случаях нами также использовались данные экспериментов, с помощью которых выяснялись особенности первичной и вторичной обработки на основе того или иного сырья [Котов, 2012, 2014; Косинцев и др., 2018; Котов, Румянцев, 2021; Котов и др., 2020а, 2020б]. В результате этого появлялась возможность обосновать искусственность изделия, а также особенности их обработки и использования в связи с характеристиками сырья или другими факторами социального характера (возраст изготовителя, степень обученности или ритуальный контекст изготовления и пр.) [Котов, 2012, 2014а, 2016а, с. 49; Пещерное святилище…, 2019, с. 213; 2023, с. 213]. Кроме того, нами осуществлялось сравнение находок с естественными формами. Например, находки сколов известняка и кальцита в Южно-Уральских пещерах нами сравнивались со сколами температурной десквамации в привходовых залах пещер, что позволяло установить признаки искусственности при анализе находок в ходе раскопок. Также нами были обнаружены в долинах горных рек Южного Зауралья многочисленные сколы яшмы и кремня естественного происхождения, а также оббитые куски и гальки из этих пород. Это также дало нам понимание критериев отбора артефактов.

Нередко, решающий аргумент в пользу искусственности того или иного предмета мог дать только трасологический анализ, позволяющий зафиксировать следы обработки или использования изделия. Например, так были выявлены орудия из известняка в пещере Шульган-Таш (Каповой) и в

других пещерных памятниках Южного Урала, а также многочисленные резчики и другие орудия на аморфных осколках кремня в пещерах Иманай-1 и Тодора Бояджиева [Пещерное святилище…, 2019, 2023; Котов и др., 2020а].

Для разделения крупных коллекций местонахождений открытого типа на более ранние и более поздние комплексы немаловажное значение, наряду с технико-типологическим анализом, имеют характеристики сохранности изделий: патина, повреждения, присутствие люстража, дефлированности, окатанности и пр.

Большое значение также имеет наличие признаков технологической структуры в собраниях находок: присутствие нуклеусов, сколов-заготовок, отбойников, орудий труда.

При анализе скоплений находок большую роль имеют ведущие формы орудий со сложной структурой (нуклеусы, бифасы, наконечники и пр.), которые являются своеобразными маркерами, необходимыми для суждения о стадиальном возрасте и культурной принадлежности комплексов изделий. Между тем, абсолютизировать данные маркеры нельзя из-за того, что некоторые типы изделий могут встречаться намного раньше или же гораздо позже стадиально «своего» возраста. Яркий тому пример, присутствие чопперов на памятниках позднего этапа верхнего палеолита. Возраст памятников, поэтому в конечном итоге основывался на комплексе данных смежных наук: стратиграфии, спорово-пыльцевого, палеонтологического анализа костей крупных и мелких млекопитающих и др. Для памятников позднего неоплейстоцена моложе 50 тыс. л.н. основным является радиоуглеродный анализ древесного угля или костей животных. В последнем случае даты должны быть серийными, так как древние люди часто приносили для обработки или в качестве приношений на святилищах кости уже тогда ископаемых животных, а угли из слоя могли смешиваться с более поздними из более молодых отложений, или же быть омоложенными в результате поступления влаги в грунт.

Таким образом, достоверность палеолитических комплексов доказывается разнообразными и системными исследованиями не только в рамках археологии, но и с привлечением данных естественно-научных дисциплин.

Основные результаты и выводы диссертационного исследования докладывались на 15 международных, 13 всероссийских и 3 региональных научных конференциях в городах Москва, Санкт-Петербург, Париж, Тюбинген, Сыктывкар, Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Уфа, Казань, Кемерово, Тобольск, Березники.

Основные положения работы опубликованы в шести монографиях (пять коллективных) и двух брошюрах (одна коллективная), а также в 83 научных статьях, в том числе, 21 статья были опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК**.** Общий объём публикаций - 274,8 п.л., в том числе, авторский вклад - 214 п.л.

Положения, выносимые на защиту:

- в Южном Зауралье был сформирован своеобразный вариант нелеваллуазской индустрии среднего палеолита (кусимовский тип индустрии);

- установлено сосуществование двух среднепалеолитических индустрий – нелеваллуазской (кусимовской) в Южном Зауралье и леваллуазской в Южном Приуралье;

- выявлено достаточно продолжительное сосуществование, с 40 до 25-30 тыс. л.н., в среднем вюрме групп населения, являвшихся носителями среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий;

- выдвинуто предположение о появлении пластинчатых индустрий на Южном Урале всвязи с проникновением в начале верхнего палеолита населения из Южной Сибири;

- обоснована общность памятников конца верхнего палеолита на территории Уральского региона;

- технико-типологические особенности памятников говорят о присутствии у верхнепалеолитического населения технологии и орудийных форм «среднего» палеолита наряду с пластинчатой технологией и типами орудий верхнего палеолита;

- особенности технологии и орудийного набора Южно-Уральских памятников конца верхнего палеолита указывают на юго-восточное (южно-сибирское) происхождение культурного импульса, оказавшего влияние на аборигенное население в формировании и становлении своеобразной материальной культуры конца верхнего палеолита уральского региона;

- к концу верхнего палеолита появляются типы орудий, которые будут характерны для населения Южного Урала в последующие эпохи.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения, библиографического списка, списка сокращений и приложения 1, состоящего из таблиц, а также приложения 2, включающего планы, карты и фотографии – всего 215 илл.

ГЛАВА 1
ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

1.1. Характеристика четвертичного периода в Южно-Уральском регионе

Уральские горы расположены между двумя полосами высокой тектонической активности. Недавние исследования показали, что рельеф Южного Урала стабилизировался в конце Мела - начале Кайнозоя, и формирование его современного облика происходило в конце Плиоцена - Неоплейстоцене. Также долина р. Белой сформировалась в конце Миоцена-раннем Плиоцене под влиянием совокупности различных факторов: тектоники и воздействия климата и изменений гидростатического режима в регионе, связанного с изменением уровня Каспийского моря. В конце Плиоцена речные долины испытывали периодические воздействия водными потоками в связи с подъемом уровня Каспийского моря во время Акчагыльской трансгрессии (3,4 - 1,8 млн. л.н.) [Puchkov, Danukalova, 2009, p. 10]. Эта ситуация сохранялась на всем протяжении четвертичного периода, с чем связана фрагментарность вблизи Уральских гор сохранившихся отложений эоплейстоцена, нижнего и среднего неоплейстоцена, что существенно затрудняет изучение стратиграфии [Данукалова, 2007, с. 107]. Это же в конечном итоге выражается в трудности поиска и обнаружения палеолитических памятников.

Южно-Уральский регион в четвертичный период - это внеледниковая область. В периоды похолоданий в горах образовывались леднички.

В эоплейстоцене (1,8 - 0,8 млн. лет) происходило формирование гидрографической сети в условиях повышенной тектонической активности, приведшей к формированию современного рельефа региона. Отложения

сохранились на высоких водораздельных участках (рис. 1.9). В это время преобладали открытые пространства, растительность характеризовалась как лесостепная и степная - на юге, и хвойно-листопадная с широколиственными - на севере [Данукалова, 2010, с. 112-114]. В раннем неоплейстоцене (0,8 - 0,427 млн. лет - MIS 12-18) закончилось формирование современной гидросети и ландшафт был близок современному. Отложения этого времени сформировались в нижних частях третьих надпойменных террас низовьев р. Белая. На климат региона определенное влияние оказывала Бакинская трансгрессия, которая произошла 400-500 тыс. лет назад (MIS 12-13). Уровень моря Палеокаспия поднялся настолько, что распространился на севере до предсыртового уступа, площадь Бакинского водоема достигала около 750 тыс. км^2. В это время действовал сток по Манычской депрессии в древнеэвксинский водоем Понта (рис. 1.9). Начало Бакинской трансгрессии приходится на Донское оледенение (MIS 14), продолжалось в Последонское межледниковье (MIS 13) и Окское оледенение (MIS 12) [Янина, 2012, с. 145-149, 203, 207; Свиточ, 2015, с. 73-74]. В начальный период раннего неоплейстоцена климат характеризовался как теплый и засушливый, что ассоциируется со степным и лесостепным типом растительности. Крупная фауна представлена трогонтериевым слоном [Гарутт, 1985]. Во время похолодания распространились хвойно-березовые леса с примесью широколиственных, на высоких вершинах были снежники [Яхимович и др., 1983]. Южный Урал представлял собой горную область с низкогорными хребтами, платообразными возвышенностями. На восточном склоне уже сформировались хребты Ирендык и Крыкты, они контактировали с высокими равнинами Таналыкской и Восточно-Уральской, Восточное Зауралье представляло собой денудационное плато. В Южном Предуралье существовали высокие равнины. В долинах и депрессиях шло осадконакопление [Данукалова, 2010, с. 116].

Средний неоплейстоцен (427 - 127 тыс. л.н, MIS 6-11) в начальный период характеризовался умеренно теплым климатом. Растительный покров

был представлен разнотравными степями с многочисленными степными видами и немногими хвойно-березово-широколиственными лесами. Млекопитающие принадлежали хазарскому фаунистическому комплексу: Mammuthus chosaricus (архаичная форма, близкая к слону Вюста), Bison priscus, Bos primigenius, Ovis cf. ammon, Alces cf. alces, Megaloceras giganteus, Cervus elephus, Equus cf. hemionus, E. caballus, Camelus sp., Mammuthus sp. и Coelodonta antiquitatis. В средний период среднего неоплейстоцена (MIS 9) отмечено потепление и распространение широколиственных в составе хвойных и смешанных лесов [Данукалова, 2010, с. 116]. Очевидно, с процессами укрупнения озер в Зауралье в период потепления и увлажнения (MIS 7) связано распространение носителей карышкинской индустрии.

В конце среднего неоплейстоцена (MIS 6) климат характеризовался как начало ледниковья [Данукалова, 2010, с. 116-117]. К эпохе среднего неоплейстоцена приурочен хазарский этап Палеокаспийского водоема, во время которого были две трансгрессии Палеокаспия: раннехазарская (300-200 тыс. лет назад) и позднехазарская (180-80 тыс. лет назад), которые по своим масштабам соизмеримы с бакинской (рис. 1.10). В *горной части* они стали причиной формирования отложений второй надпойменной террасы [Бадер, 1965, с. 241]. Это еще одно отличие в процессах формирования террас в горах и на равнине. К покровным отложениям этой второй надпойменной террасы приурочены памятники, предположительно, нижнего палеолита с галечной индустрией стоянки Акбулатово-3 и в пещере Имендяшевская [Котов, Румянцев, 2021, с. 21]. К концу среднего неоплейстоцена (MIS 6) относится появление памятников среднего палеолита типа стоянок Кусимово-6, -7 и Мысовая, верхний палеолитический слой.

Таким образом, на всем протяжении раннего и среднего неоплейстоцена на территории Южного Урала сформировалась современная гидростеть и ландшафты существенно не менялись: преобладали открытые пространства, в горах произрастали небольшие смешанные леса (ель, сосна, береза), в периоды

потеплений увеличивалось количество широколиственных деревьев, в периоды похолоданий на высоких горах образовывались снежники и леднички. Географическая и климатическая обстановка благоприятствовала проникновению древнего человека и сохранению населения в течение длительного времени.

Поздний неоплейстоцен (127 – 10 тыс. л.н.). В начале позднего неоплейстоцена (кушнаренковское/микулинское время - MIS 5) из-за увеличения водности потоков при таянии снежного покрова и, вероятно, значительных тектонических подъемов территории на равнине формировались отложения нижней части вторых надпойменных террас [Яхимович и др., 1985, 39]. На водоразделах и выровненных территориях произрастали сосново-еловые и березовые леса с примесью липы, вязов, дубов, граба [Яхимович и др., 1983, с. 4-36], в результате формировалась почва [Яхимович и др., 1981, с. 58, 1983, с. 43; Danukalova et al., 2002]. Небольшие открытые участки были покрыты разнотравьем с большим разнообразием травянистых растений, в конце этого времени распространились лесостепи и степи, климат был теплым и влажным [Данукалова, 2010, с. 117-118]. Возможно, к этому периоду следует отнести стоянку среднего палеолита Яманкая-1 на восточном склоне хребта Крыкты в Башкирском Зауралье.

В ранневалдайское (Сайгатское/Калининское - MIS 4) похолодание (127 – 42 тыс. л.н.) ледниковый панцирь занимал территорию Фенноскандии, и его восточная граница проходила западнее современных долин рек Волга и Кама. В горах Южного Урала были распространены небольшие леднички (рис. 1.11). Высоты уральских гор были близки к современным, преобладали процессы склоновой денудации и солифлюкции, формировались каменные россыпи [Рождественский, 1971, с. 274]. Речная эрозия была замедленна, накапливался тонкий материал с линзами песка и галечника, которые формируют верхние части вторых надпойменных террас [Яхимович и др., 1981, с. 58, 1983, с. 43, 1985, с. 39 и сл.]. На равнинах была развита степная растительность, в горах -

тундровая и лесотундровая. Древесные породы сохранялись на склонах горных долин [Данукалова, 2010, с. 118].

В средневалдайское (Табулдинское/Ленинградское - MIS 3) время (41-26 тыс. лет) активизировалось врезание речной сети и расчленение рельефа. Геологи предполагают что, в это время произошло сильное размытие второй надпойменной террасы, аллювиальные осадки формируют нижние части первых надпойменных террас. Активно образовывались замкнутые пресноводные водоемы, в которых формировались озерные отложения с обилием органики [Яхимович и др., 1985, с. 39-44]. На равнинных участках формировалась почва [Яхимович и др., 1981, с. 75; 1983, с. 43; 1985, с. 43]. Млекопитающие принадлежали к верхнепалеолитическому фаунистическому комплексу: мамонт, носорог, крупная лошадь, бизон, лось [Danukalova et al., 2002]. В спорово-пыльцевых спектрах присутствует пыльца елей; травянистые растения представлены полынными, маревыми, разнотравьем, злаками. Климат был умеренно теплым [Данукалова, 2010, с. 118-119]. Памятники этого времени в Приуралье немногочисленны, и все они приурочены к основаниям первой надпойменной террасы или находятся в озерных глинах на уровне воды - это стоянки Новобелокатайская, Горново, Муллино-2 (нижний слой), Шульганово-4 (нижний слой), пещера Смеловская 2 (нижний слой), местонахождение Табулдинское.

В позднем валдае, в кудашевское (осташковское) время (26-11 тыс. лет, MIS 2), наступило последнее похолодание. Поздневалдайский ледниковый покров максимальной стадии покрывал территорию к северо-западу от современных долин рек Волга, Вятка, Кама (рис. 1.11). Территория Южного Приуралья была областью глубокого сезонного промерзания. В долинах Приуралья в результате подпруживания рек формировались пойменные осадки, на склонах и водоразделах в результате широкого развития склоновых процессов образовывались делювиальные отложения (лессовидные суглинки). Эти отложения формируют верхние части первых надпойменных террас

[Яхимович и др., 1981, с. 58; 1983, с. 43; 1985, с. 43; 1988, с. 23; Данукалова и др., 2000, с. 71; 2002, с. 56-57; Danukalova, Eremeev, 2006, p. 31; Danukalova, Yakovlev, 2006, p. 39-41; Danukalova et al., 2008, p. 42-43; 2009, p. 15-17; Yakovlev et al., 2006, p. 120]. Определенное влияние на климатические условия Южно-Уральского региона и формирование речных террас оказала раннехвалынская стадия трансгрессии Каспия, которая сопоставляется всеми исследователями с одним из оледенений (ранеевалдайским - калининским (MIS 4) или поздневалдайским - осташковским (MIS 2)) [Свиточ, 2015, с. 75]. Раннехвалынское море по размерам сопоставима с Бакининским и достигало 1 млн км^2. Северная граница проходила там же - по границе пенеплена в широтном течении р. Урал [Янина, 2005, с. 269-271; Свиточ, 2015, с. 76; Атлас литолого-палеогеографических карт…, 1961, с. 88] (рис. 1.11).

Климат в конце верхнего неоплейстоцена был прохладным, в спорово-пыльцевом спектре присутствовала пыльца травянистых, из древесных представлена пыльца елей, берез, сосен. Среди растительности преобладали маревые, разнотравье, полынь лугово-степных сообществ, а в горах и долинах рек произрастали еловые леса с примесью берез [Danukalova et al., 2008, p. 46-47; Данукалова и др., 2002, с. 56-57]. Крупные млекопитающие представлены видами, характерными для мамонтового комплекса: мамонт, бизон, лошадь, большой пещерный медведь, шерстистый носорог [Yakovlev et al., 2006, p. 120; Danukalova, Yakovlev, 2006, p. 39-41; Danukalova et al., 2008, p. 53; 2009, p. 15-17; Данукалова, 2010, с. 119]. На уровне первой надпойменной террасы в горах Южного Урала были обнаружены ряд памятников эпохи верхнего палеолита: стоянки Шульганово-4, верхние слои; пещера Шульган-Таш (Каповая); грот Максютовский (р. Белая); стоянка Усть-Акаваз; пещера Неолитовая (р. Нугуш); пещера Игнатиевская (р. Сим) [Древности Башкирского Урала, 2018; Петрин, 1992].

В последние годы башкирскими геологами были подведены итоги изучения четвертичных отложений Приуралья и территории Башкортостана

[Данукалова, 2010], которые подтвердили, что во время потеплений климата происходила активизация эрозионных процессов, и шло формирование аллювия, сменявшееся озерным осадконакоплением, на равнинных участках образовывались почвы; во время похолодания климата накапливались водно-делювиальные лессовидные отложения. Отличительной особенностью территории Южного Урала и Приуралья является наличии рефугиумов межледниковой флоры и фауны в периоды похолоданий [Вахрушев, 1938, с. 47-48]. Этот факт можно считать дополнительным свидетельством привлекательности Южно-Уральского региона для заселения в глубокой древности.

Другой отличительной чертой региона являются специфические характеристики тектонической активности в Приуралье и в Зауралье, что отразилось на особенностях формирования речных террас, образование которых, в основном, было связано с уровнем Каспийского моря в те или иные периоды неоплейстоцена [Вербицкая, 1974, с. 58]. Например, поздневалдайские отложения, в отличие от других регионов, были приурочены к первой надпойменной террасе, что нашло отражение в местоположении ряда верхнепалеолитических памятников.

1.2. Географические особенности Южного Урала

Уральский регион является уникальной по своему историко-географическому значению зоной: уральский хребет выступает с глубокой древности зримой границей между Европой и Азией, разделяющей ландшафты и животный мир двух континентов. Это же было свойственно и в историческом аспекте не только для мира природы, но и для человеческих коллективов во все исторические эпохи. По точному выражению Н.С. Савельева «Урал обладал и обладает свойствами огромного магнита, притягивая к себе и перемешивая в своих пределах население как европейское, так и азиатское. В наиболее

контрастном виде это характерно именно для Башкирии, являющейся основной частью Южно-Уральского региона» [Савельев, 2011, с. 11].

В понятие «Южный Урал» с историко-географической точки зрения входят территории Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, а также часть прилегающей территории Татарстана, Курганской области РФ, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кустанайской областей Казахстана. С востока условная граница Южного Урала проходит по краю зауральского пенеплена, захватывая часть равнины Курганской области и Тургайского плато. На юге эта граница охватывает бассейн крупнейших левых притоков р. Урал в его широтном течении: истоки рек Орь, Илек и Эмба. Западная граница региона проходит от оз. Челкар к северу по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, с конечной точкой в устье р. Белой. Северная граница Южно-Уральского региона является северная окраина Башкортостана и Челябинской области (рис. 1.1). Северная и центральная части региона в меридиональном направлении делятся на три зоны: Южное Приуралье, Южное Зауралье и Уральскую горную страну, южная часть из-за того что переходит в полосу холмогорий вся называется Степным или Южным Приуральем без разделения на предуральскую и зауральскую зоны [Савельев, 2011, с. 11].

Урал расположен на стыке Европы и Азии, двух крупнейших континентов, обладающих своими природно-культурными особенностями. Причем с обеих сторон Уральского хребта территории имеют равнинный характер. Кроме того, на Южном Урале леса с севера по горным хребтам далеко вдаются в степную зону, а со стороны Зауралья из-за барьерного характера Южно-Уральской горной системы, степи далеко заходят на север, в горах средняя температура ниже, чем на равнине и верхние части самых высоких хребтов и вершин покрыты тундрой (рис. 1.2; 1.3). В результате этого лесные животные по горным хребтам проникали далеко на юг, а степные заходили в таежную зону (рис. 1.6). Вместе с тем, за животными следовали

охотники, что и «предопределило крайнюю этнокультурную мозаичность территории Южного Урала с глубокой древности» [Савельев, 2011, с. 12-13].

По природным условиям Южный Урал подразделяется на две части: Западную и Восточную. Различия между ними во многом связаны со строением земной коры и историей ее геологического развития [Puchkov, Danukalova, 2009, p. 8].

Западная часть Южного Урала – это часть Русской платформы и Предуральского краевого прогиба. Эта территория сложена осадочными горными породами морского и континентального происхождения. Они имеют горизонтальное залегание с очень пологими изгибами. Эта территория является частью приподнятой и расчлененной областью Русской равнины: самые высокие здесь – Уфимское плато, Белебеевская возвышенность и Общий Сырт, они имеют высоту более 400 м над уровнем моря. Между ними и Уралом находится обширное понижение – Прибельско-Камская равнина, имеющая наклон с юго-востока на северо-запад. Другую пониженную часть в Южном Приуралье составляет Юрюзанско-Айская предгорная равнина на востоке от Уфимского плато, ее поверхность образована линейными грядами и широкими понижениями, по которым проходят русла рек Юрюзань и Ай.

Восточная часть Южного Урала – это часть Уральской складчато-сбросовой области. Она сложена наряду с осадочными, также и метаморфическими и изверженными породами, которых особенно много в Зауралье. Горы Южного Урала представляют собой систему горных хребтов, разделенных широкими межгорными понижениями. Осью Южного Урала является хребет Урал-Тау, протянушившийся в меридиональном направлении от города Златоуста до реки Сакмары. Средняя высота хребта 800-900 м, наивысшая точка – гора Арвяк-Рязь-Таш – 1068 м к юго-востоку от г. Белорецка. К западу от хребта Урал-Тау протянулись множество коротких хребтов. Наиболее высокие хребты находятся в северной части этой полосы: Иремель, Яман-Тау, Зигальга и др. К западу высота хребтов понижается, переходя в

увалы, в основном они сложены из известняков. К востоку от хребта Урал-Тау протягивается мелкосопочник, состоящий из системы гряд, сопок, котловин и долин. Среди них возвышается хребет Ирендык-Крыкты, сложенный вулканическими породами. Вдоль восточного склона Южного Урала протянулась полоса сыртов, имеющих наклон к востоку к долине р. Урал. К югу Южный Урал переходит в Южно-Уральский пенеплен со сглаженными поверхностями междуречий и глубокими и узкими речными долинами, абсолютные высоты 500-600 м [Кадильников, 1965, с. 8-11].

Еще одной важной характеристикой географических условий Южно-Уральского региона является фактор внешней открытости. Западная часть Южно-Уральского региона является восточным окончанием лесостепей и степей Поволжья, северная часть - это южный предел территории Прикамья и Пермского Приуралья, восточная - крайний юго-западный предел лесов Среднего Зауралья, западный предел Зауральской лесостепи и северо-западная граница азиатских степей. Южная часть региона является северной частью евразийского пояса степей [Кадильников, 1965, с. 13]. Эти положения можно экстраполировать и на эпоху неоплейстоцена, причем, не только на периоды межледниковья или интерстадиалы, когда леса покрывали эти территории, но и в какой-то мере и на периоды оледенения, поскольку в начале похолоданий леса не сразу исчезали, и какое-то время сохранялись различия в территориальной зональности.

Расположение в центре региона крупной горной системы, привело к формированию «меридиональной» природной поясности, существующей наряду с широтно ориентированными природными зонами (рис. 1.3). Плодородная полоса предгорий, обилие родников, малых рек, озер в межгорных долинах и в Зауралье, относительно труднодоступные и изолированные ландшафтные ниши с благоприятными условиями проживания, соседство открытых остепненных и облесенных пространств, обилие животного мира, неисчерпаемые источники кремня и яшмы - все это было

важным фактором привлечения человеческих коллективов в каменном веке в этот регион. Из этого можно сделать вывод, что осевое положение горной страны выступала консолидирующим началом во все исторические эпохи. По материалам палеолитических памятников пока затруднительно однозначно сказать, что «Южно-Уральская историко-культурная область - внутренне закрытый, автономный регион» [Савельев, 2011, с. 13]. Тем не менее, он имеет свою культурную специфику, проявившуюся на самых ранних этапах древнекаменного века. Описывая специфику географических условий, растительного и животного мира Южного Урала в четвертичную эпоху, Г.В. Вахрушев отмечал, что «Южный Урал в это время мог представлять собой некоторое убежище, где многие виды растений и животных задерживались на более или менее продолжительное время» [Вахрушев, 1938, с. 47-48]. Точно также, после изучения фаунистических остатков из пещер бассейна р. Юрюзань палеонтолог В.В. Карачаровский пришел к выводу о том, что в неоплейстоцене на Южном Урале фауна была необычайно разнообразна и относилась к «смешанному» типу, характерному для горно-лесных убежищ: наряду с типичными представителями животного мира эпохи оледенения - мамонтом, шерстистым носорогом, песцом и северным оленем, обитали представители типично степных ландшафтов - тушканчик, сурок, суслик, сайга, косуля азиатская, и вместе с тем лесные животные - лось, белка, а также обитатели горных ландшафтов - горные козлы и бараны [Карачаровский, 1951, с. 254, 255]. Исследователь наиболее близкие аналогии подобной «смешанной» фауны в эпоху оледенения находит в Крыму и отчасти на Кавказе [Карачаровский, 1951, с. 256].

Важной особенностью, оказывавшей влияние на процессы распространения растений, животных и человека в регионе - это трансзональное положение Уральских гор. Южный Урал - это настоящая горная страна, вытянутая с севера на юг на расстояние 700 км и с востока на запад протяженность горных образований имеет в самой широкой части около

150 км. Как считает Н.С. Савельев «Меридиональная» ландшафтная поясность, характерная для окружающих горы предгорий и равнин, служила основной причиной проникновения северного полукочевого или оседлого населения далеко на юг» [Савельев, 2011, с. 17]. В эпоху палеолита горные охотники могли проникать по хребтам и плоскогорьям с юга на север. То, что по хребтам в меридиональном направлении проходила старинная дорога для перегонки скота, которую башкиры называют дорога Конгур Буги, упоминают башкирские эпосы и предания [Лепехин, 2007, с. 197; Аминев, 2016]. Единственный для Урала сухопутный трансуральский путь проходил через верховья р. Миасс - юг Месягутовской лесостепи - устье р. Сим [Савельев, 2007, с. 187]. Наличие этого пути создавало для более поздних эпох ситуацию прямой зависимости всех процессов, протекавших в лесостепи Южного Приуралья от этнокультурной ситуации в Зауралье, Западной Сибири и Центральной Азии [Савельев, 2011, с. 18]. В эпоху палеолита здесь мог проходить коридор миграции копытных животных, а также человеческих коллективов. По крайней мере, по р. Сим известны палеолитические местонахождения в пещерах и гротах [Бибиков, 1950а]. Многочисленные палеолитические памятники были выявлены в горном течении р. Белая [Древности Башкирского Урала, 2018].

Важное значение для расселения и консолидации населения имели речные и озерные узлы. Речной узел Белая - Уфа - Дема - Сим расположен в центральной части Южного Приуралья. Местом впадения последних рек в Белую является район современного города Уфы. Нижнее течение р. Белой обеспечивает северо-западные, прикамские связи лесостепного Приуралья, среднее и верхнее течение Белой подразумевает связи с южной и предгорной и правобережной лесостепью и собственно горно-лесной зоной, истоки же реки находятся в непосредственной близости от южной границы Зауральской лесостепи. Река Дема связывает юго-западную часть лесостепи Приуралья, степи Оренбуржья, река Уфа с северной лесостепью Приуралья, Уфимским

плато, горно-лесной зоной границы Южного и Среднего Урала и через нее - с северолесостепным и лесным Зауральем. Река Сим является связующим звеном центральной части приуральской лесостепи с горно-лесной зоной, островной Месягутовской лесостепью и через нее, по долине р. Ай, - с лесостепным Зауральем [Савельев, 2011, с. 18].

Речной узел Урал - Сакмара - Илек - Самара определяет систему связей степного Оренбуржья и Западного Казахстана и Приаралья. Речной узел Исеть - Миасс - Уй является основой связей восточного склона Урала с Притобольем и далее на восток. Одним из палеолитических памятников, демонстрирующим продвижение уральского населения в восточном направлении является стоянка Троицкая-1 на р. Уй [Широков и др., 1996].

Озерный узел Иткуль - Чебаркуль (Кыштымский озерный край) вытянут в меридиональном направлении вдоль восточного склона Урала более чем на 150 км. Расположение северного края озерного узла у границы между лесостепью и горно-лесной зоной приводило в эпоху голоцена к проникновению с севера групп населения и расселение их по линии озер далеко на юг вплоть до современного Магнитогорска [Савельев, 2011, с. 19-20]. В эпоху нижнего и/или среднего палеолита наоборот проникновение населения осуществлялось с юга на север, о чем свидетельствует находка бифасиального орудия на р. Увелька в Челябинской области из специфического кремнистого сырья, характерного для палеолитических памятников Мугоджарских гор [Мосин, Широков, 2007].

Горная область. С историко-географической точки зрения горы Южного Урала делятся на три самостоятельные, слабо связанные между собой части - Месягутовскую лесостепь, центральную часть с верховьями р. Белой и южную часть - Зилаирское плато. Центральная часть горной области относительно однородна, в ней отсутствуют лесостепные анклавы, а высота гор постепенно снижается. Судя по материалам бронзы и раннего железа, освоение этих гор шло через верховья р. Белая из Приуралья и Зауралья [Савельев, 2011, с. 22]. Горные течения р. Белой и других рек начали осваиваться, предположительно,

еще с раннего палеолита (стоянка Акбулатово-3 вблизи пещеры Шульган-Таш (Каповой) и стоянка в пещере Имендяшевоской на р. Зилим) и достигло своего пика в эпоху верхнего палеолита (пещеры Шульган-Таш (Каповая), Байсланташ, Муйнакташ, Балатукай, стоянка Сергеевка-1 и др.).

Во многом определяющими на характер растительности и животного мира являлись особенности климата. Уральский хребет расположен посредине Евразийского материка, чем была вызвана континентальность его климата. Кроме того, с севера он открыт влияниям холодного Ледовитого океана, а с юга - засушливых районов Центральной Азии, что выражается в резких изменениях климатических характеристик в течение года. В основном, климат Урала формируется воздушными массами, поступающими с Атлантического океана. Уральские горы не останавливают воздушных потоков с запада, лишь отчасти ослабляя их движение и задерживая распространение циклонов к востоку. В результате, в Приуралье с приближением к горам, возрастают осадки, увеличивается снежный покров (рис. 1.5). К востоку от гор заметно общее уменьшение влажности, зима становится более морозной и малоснежной. Вместе с тем Уральский хребет не препятствует передвижению воздушных масс в меридиональном направлении. Зимой холодный арктический воздух проникает вдоль них далеко на юг, а летом сухой и нагретый воздух с юга беспрепятственно распространяется к северу. Такие передвижения масс воздуха чаще наблюдаются в Зауралье, где действие теплых и влажных воздушных потоков с запада ослаблено. С прорывами арктических холодных масс связана на Урале изменчивость погоды осенью, весной и даже летом. В горах климат меняется по вертикали. С высотой снижается температура воздуха, возрастают осадки и облачность, усиливаются ветры (рис. 1.4). Климат вершин много суровее и влажнее, чем у подножья гор [Оленев, Горчаковский, 1969, с. 36].

Реки региона относятся к трем крупным бассейнам - реки Волга, Урал и Обь. К бассейну р. Волга относятся левые притоки р. Камы (реки Белая, Буй,

Западный Ик); к бассейну р. Урал относится р. Сакмара с притоками; к бассейну р. Оби - реки Уй, Миасс.

Реки бассейна р. Волги (Камы) имеют хорошо разработанные долины, широкие поймы, на склонах - террасы. На западном склоне Урала долины рек обладают двухъярусным строением: более молодые глубокие и узкие долины врезаются в днище древних широких и плоских долин, образовавшихся в неогене. Долины рек на Уфимском плато имеют каньонообразный облик глубиной до 150-200 м. Многие реки Урала в верховьях текут по дну древних долин, приуроченных к днищам межгорных депрессий. В долине р. Урал фиксируются до трех террас. Реки на Зилаирском плато являются в верховьях горными по характеру и равнинными в низовьях. Лучше всего разработаны террасы в нижнем течении р. Белая. Полный комплекс террас представлен тремя надпойменными террасами, высокой и низкой поймой, которые сформировались в неоплейстоцене-голоцене [Данукалова и др., 2006, с. 53-54].

В итоге в раннем и среднем неоплейстоцене на Южном Урале сформировалась современная гидросеть и ландшафты кардинально не менялись: господствовали открытые пространства, в горах произрастали смешанные леса (ель, сосна, береза), в периоды потеплений увеличивалось количество широколиственных деревьев, в периоды похолоданий на высоких горах образовывались снежники и леднички [Данукалова, 2010]. Географическая и климатическая обстановка благоприятствовала проникновению древнего человека и сохранению населения в течение длительного времени.

ГЛАВА 2
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОГО УРАЛА. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОРУДИЙ КАМЕННОГО ВЕКА

2.1. История изучения палеолита Южного Урала

Впервые вопрос о наличии каменного века на Урале был поставлен 150 лет назад Й.Р. Аспелиным, который пришел к выводу о его полном отсутствии [Матюшин, 1976, с. 27]. Последующие за этим открытия памятников каменного века в Среднем Приуралье были обобщены в 1892 г. Ф.А. Теплоуховым [Матюшин, 1976, с. 27]. На Южном Урале первое каменное изделие было найдено в пещере Шульган-Таш (Каповой): во входном гроте одним из посетителей в 1899 г. был обнаружен кремневый нуклеус, который был передан в МАЭ (Кунсткамеру) [Матюшин, 1978, с. 109, рис. 13]. Отдельные каменные изделия вместе с костями вымерших животных были найдены в 1906 г. П.С. Назаровым на р. Губерле около д. Идельбаево близ г. Орска [Ефименко, 1953, с. 59]. Уфимский краевед С.Р. Минцлов в 1911 г. опубликовал сводку находок неоплейстоценовой фауны, где фигурировали находка костей мамонта и каменный топор вблизи с. Буруново в Гафурийском районе Башкортостана [Минцлов, 1911, с. 22].

В конце XIX в. были сделаны и антропологические находки неолитической эпохи [Сальников, 1962, с. 36] и, возможно, череп эпохи палеолита близ г. Илецкая Защита, который впоследствии был утрачен [Богачев, 1940, с. 94].

В 1912 г. впервые на Урале были произведены археологические раскопки в пещере Игнатиевской будущим известным археологом С.И. Руденко, который заложил шурф [Руденко, 1914, с. 10-15]. На площади около 10 м^2 во входном

гроте пещеры были вскрыты голоценовые отложения, давшие материалы поздних эпох и несколько каменных изделий. Главное, что эти исследования показали большую перспективность археологического изучения пещер Южного Урала, в том числе, с целью поиска стоянок каменного века [Петрин, 1992, с. 5] (Табл. 1).

Несмотря на отсутствие палеолитических находок на Урале, в 30-х годах XX века геологи прогнозировали здесь наличие памятников древнего человека ледниковой эпохи [Варсонофьева, 1934, с. 275]. Эти ожидания были подтверждены в 1938-1939 гг. открытием С.И. Бибиковым ряда пещерных памятников на Южном Урале [Бибиков, 1940; 1950]. Обследуя пещеры на реках Юрюзань, Сим, Катав, им были обнаружены следы палеолита в пещерах Ключевой, Бурановской и Кочкари, в которых были найдены единичные кремневые изделия общим числом 11 экз. Исследователь пришел к выводу о том, что выявленные им памятники являются кратковременными стоянками со следами посещения [Бибиков, 1950, с. 103]. Получить на основе этого материала какое-либо представление о культуре палеолитической эпохи было невозможно. Между тем, в Прикамье археологом М.В. Талицким в 1938 г. была обнаружена и исследовалась в 1938, 1939, 1941 гг. верхнепалеолитическая стоянка открытого типа Островская, которая дала представительную коллекцию каменных, костяных изделий и неоплейстоценовой фауны. Кроме того, М.В. Талицким было открыто местонахождение мустьерских изделий Пещерный Лог [Талицкий, 1940, с. 42]. Все это заставляло думать, что на Урале могут быть найдены новые памятники эпохи палеолита (Табл. 1).

Начавшаяся Великая отечественная война на время приостановила археологическое изучение Южно-Уральского региона. Тем не менее, поиски палеолита продолжались: в 1942 г. геолог Н.А. Преображенский во время шурфовки Мурадымовской 1 пещеры на р. Большой Ик в Башкирии обнаружил на большой глубине вместе с костями животных кремневый скребок [Бадер, 1962б-А, с. 9] (Табл. 1).

В 1947 г. в г. Молотове (г. Пермь) состоялось первое Уральское археологическое совещание, подготовку которого возглавлял О.Н. Бадер (Молотовский университет). Принявшие участие в конференции археологи из Москвы, Свердловска, Нижнего Тагила, Молотова и других городов СССР, указали на необходимость координации научных сил в деле систематического изучения территории Уральского региона. Специалисты высказались за продолжение систематических поисков палеолитических пещер на Южном Урале, расширении раскопок и разведок в Башкортостане [Первое Уральское..., 1948, с. 6]. В этом же году был опубликован О.Н. Бадером обзор палеолитических памятников на Урале, в котором были высказаны идеи о заселении человеком Урала в конце ашельской - начале мустьерской эпохи, а также о сибирских чертах верхнего палеолита на примере стоянки им. Талицкого [Румянцев, 2019, с. 8].

Для проверки данных об открытии Н.А. Преображенского в Мурадымовской 1 пещере О.Н. Бадер в 1948 г. отправил студента ПГУ И. Захаржевского в Башкирию, и они подтвердились: в ходе шурфовки пещеры Мурадымовская 1 он обнаружил на глубине кремневую пластину. Следующий выезд на Южный Урал О.Н. Бадер организовал в 1951 г., послав М.А. Бадер обследовать пещеры Игнатиевскую (Усть-Катавский район Челябинской области) и Идрисовскую (Салаватский район Башкортостана). В 1956 г. для поиска палеолита на р. Сим в Челябинской области была отправлена группа в составе С.Н. Астахова и Н.О. Бадера, но палеолитических памятников она не обнаружила [Астахов, 1956-А; Бадер, 1962а-А, с. 10] (Табл. 1).

После работ в 30-40-х годах XX столетия С.Н. Бибикова и О.Н. Бадера устоялось мнение, что здесь находятся только кратковременные стоянки с бедным культурным слоем и сюда охотники приходили из других регионов [Бибиков, 1950, с. 103; Бадер, 1951, 1956]. К этому можно добавить выводы ведущего палеонтолога В.И. Громова о необитаемости в эпоху последнего

оледенения территорий Восточной Европы на средней широте [Громов, 1950, с. 102].

Тем не менее, поиски палеолита ширились: одновременно с О.Н. Бадером систематическими разведками палеолита на Южном Урале занялся бронзовед К.В. Сальников. В частности, с 1950 г. он стал проверять пункты находок неоплейстоценовых костей [Сальников, 1950-А, с. 29-30]. В 1950 г. была обнаружена и в 1952 г. доисследована палеолитическая стоянка в пещере Смеловская II вблизи г. Магнитогорска [Сальников, 1950-А, 1952] (Табл. 1).

С середины 50-х годов начинается активная деятельность краеведа А.П. Шокурова, начавшего систематическое разведочное обследование р. Белой. В 1955 г. на территории д. Старые Тукмаклы Кушнаренковского района Башкортостана им было открыто и изучено местонахождение костей ископаемых животных [Шокуров, 1977], которое оказалось в дальнейшем одним из древнейших археологических памятников на Урале. В 1959 г. вблизи д. Красный Яр и д. Горново Уфимского р-на Башкортостана он обнаружил крупное местонахождение неоплейстоценовой фауны и единичные каменные изделия [Шокуров, 1959; Шокуров, Бадер, 1960] (Табл. 1).

Событием эпохального значения, которое в корне изменило представление о палеолитической эпохе на Урале, стало открытие наскальной живописи в 1959 г. в пещере Шульган-Таш (Каповой). А.В. Рюмин, к тому времени уже признанный ученый - специалист по палеоэкологии, кандидат биологических наук, приехал в 1958 г. работать в Башкирский государственный заповедник из Москвы с целью найти следы древнего человека на Урале. Принимая во внимание богатство природного мира горной местности, неисчерпаемые запасы кремневого сырья, и наличие естественных убежищ карстового происхождения на Южном Урале, ученый полагал, что здесь должна существовать высокоразвитая культурная традиция первобытного человека, аналогичная франко-кантабрийскому центру Западной Европы. И уже в январе 1959 г. им были обнаружены первый рисунки на верхнем этаже

пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Косарев, Червяцова, 2009, с. 5]. О своем открытии А.В. Рюмин сразу же оповестил в газетах, журналах и даже за рубежом [Рюмин, 1961]. Доклад А.В. Рюмина, сделанный в Институте археологии АН СССР в г. Москве вызвал живейший интерес и одновременно большой скепсис со стороны ученых. Тем не менее, на 1960 г., по поручению Института археологии АН СССР, О.Н. Бадер запланировал экспедицию для проверки открытия А.В. Рюмина в пещере Шульган-Таш (Каповой). Как писал О.Н.Бадер, чтобы застраховаться от неудачи, он одновременно предполагал продолжить исследования Мурадымовской 1 (Голубиной) пещеры [Бадер, 1962б-А, с. 11]. В пещере Шульган-Таш О.Н. Бадер проработал с 1960 г. вплоть до самой своей кончины в 1978 г. В результате многолетних исследований, возглавляемой им экспедиции, были открыты более 50 красочных изображений, сделанных охрой. Некоторые рисунки пришлось отмывать от грязи или открывать из-под кальцита. Свои исследования ученый не успел завершить, и о замечательном памятнике знали лишь по предварительным публикациям [Бадер, 1963, 1965а, 1965б].

В 1960-1961 гг. было продолжено обследование стоянки Горново археологом О.Н. Бадером и геологом В.Л. Яхимович, было вскрыто раскопками на площади 90 м^2 [Шокуров, Бадер, 1960; Яхимович, 1965а, с. 43]. Интерес к памятнику подогревался, идущей в советском палеолитоведении, дискуссией о возрасте среднего и верхнего палеолита. Первоначально О.Н. Бадер придерживался геологической схемы В.И. Громова, согласно которой верхний палеолит в Горново геологически датируется рисским оледенением, хотя орудия он относил к ориньякскому времени [Бадер, 1962, с. 13; 1964, с. 3]. Тем не менее, стоянка Горново показало перспективность поиска палеолитических памятников открытого типа на реках Южного Урала.

В этом же 1960 г. О.Н. Бадер провел разведочное обследование на р. Сим, где были обнаружены следы палеолита в пещере Ямызы-Таш (Игнатиевской), в Гроте у Каменного Кольца, в пещере Колокольной

(Серпиевская 2) и в навесе вблизи нее [Бадер, 1962а-А, с. 14-15]. Интересно, что эти работы производились после изучения им наскальной живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой), но О.Н. Бадер ни тогда, ни потом не обнаружил рисунков ни в пещере Ямазы-Таш (Игнатиевской), ни в Колокольной (Серпиевской 2) (Табл. 1).

С начала 1960-х годов начинается на Южном Урале деятельность известного в будущем специалиста по каменному веку Г.Н. Матюшина. Объектом его исследований являлись памятники мезолита-энеолита, в ходе поиска и исследований которых им были обнаружены объекты палеолитической эпохи. Так в процессе изучения неолитической стоянки Айдос на р. Уфе в 1958 г. были найдены изделия, которые только после открытия других палеолитических стоянок спустя многие годы были им идентифицированы как палеолитические [Матюшин, 1985, с. 87]. На многослойной стоянке Ильмурзино нижние 6-7 культурные слои были датированы эпохой неоплейстоцена на основании технико-типологических отличий и спорово-пыльцевого анализа [Матюшин, 1976, с. 75]. Материалы палеолитического облика со стоянки Мысовая (Карабалыкты VII) были выделены в ходе обработки коллекции неолитического материала автором раскопок Г.Н. Матюшиным, а затем этот памятник был доисследован О.Н. Бадером в 1970 г. [Бадер, Матюшин, 1973]. Каменные и костяное изделия были найдены экспедицией Г.Н. Матюшина в неоплейстоценовых отложениях пещеры Казырбаковская на р. Юрюзань [Матюшин, 1976, с. 90, 92, рис. 20].
Подводя итог исследованиям палеолита на Южном Урале к середине 70-х годов XX в., Г.Н. Матюшин считал, что «…большая часть Урала в палеолите была почти необитаема» [Матюшин, 1976, с. 194] (Табл. 1).

В 1966 г. поиски палеолита на территории Башкирии были продолжены под общим руководством О.Н. Бадера. Им были организованы два отряда - один для исследования верховьев р. Уфы в составе краеведов А.П. Шокурова и А.В. Коновалова и другой - для изучения верховьев р. Ай были посланы

студенты МГУ В.В. Сидоров и Ю.Б. Сериков. Палеолитические памятники этими отрядами обнаружены не были [Бадер, 1966-А].

С середины 70-х годов к поискам палеолита в пещерах на Южном Урале подключился В.Т. Петрин и поначалу он пришел к неутешительному выводу о том, что «…традиция длительного обитания у верхнепалеолитического населения Урала отсутствовала» [Петрин, Смирнов, 1977, с. 70]. Вторым после Шульган-Таша (Каповой) по значимости открытием на Урале стало обнаружение древних рисунков в Игнатиевской (Ямазы-Таш) пещере В.Т. Петриным, С.Е. Чаиркиным, В.Н. Широковым в марте 1980 г. И с этого года по 1986 г. продолжались под руководством В.Т. Петрина комплексные исследования этого памятника [Петрин, 1992; Широков, Петрин, 2013] (Табл. 1).

В 1981 г. у д. Табулда Стерлибашевского района Башкортостана случайно во время рытья котлована под пруд были обнаружены кости мамонта, которые имели следы воздействия древнего человека. Место находки было обследовано геологом В.Л. Яхимович и археологом Т.И. Щербаковой [Итоги изучения …, 1985, с. 32-35].

Небольшую разведку с шурфовкой в пещерах по р. Юрюзани осуществила А.Р. Гуйбадуллина в 1981 г., при этом единственный интересный памятник, предположительно, палеолитического времени был ею найден на р. Ай [Губайдуллина, 1981-А]. Продолжение исследований не последовало, местонахождение памятника В.Г. Котовым в дальнейшем было установлено заново. К сожалению, отложения стоянки существенно пострадали из-за природных процессов разрушения берега реки (Табл. 1).

С 1982 по 1991 гг. комплексные исследования пещеры Шульган-Таш (Каповой) были продолжены Южно-Уральской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством питерского археолога В.Е. Щелинского. Основное внимание он уделил поиску и изучению внутри пещеры культурных отложений эпохи палеолита. Применив современную методику раскопок, им

был обнаружен на среднем этаже пещеры Шульган-Таш в зале Знаков культурный слой эпохи верхнего палеолита с углями и охрой. Здесь же были зафиксированы несколько кострищ и найдены 200 каменных изделий, украшения из камня и кости, а также кости неоплейстоценовых животных [Щелинский, 1997, 2001, 2016; Ščelinsij, Širokov, 1999]. В рамках Южно-Уральской палеолитической экспедиции ЛОИА АН СССР П.Е. Нехорошевым в 1987-1988 гг. были продолжены исследования пещеры Кульюрт-Тамак, расположенной рядом с пещерой Шульган-Таш (Каповой) [Нехорошев, Гиря, 2004] (Табл. 1).

В 1982 и 1985 гг. было продолжено обследование стоянки Горново Т.И. Щербаковой. На памятнике были сделаны зачистка берега и заложен раскоп, которые дали новую информацию по стратиграфии отложений и единичные находки каменных и костяных изделий [Щербакова, 1985-А, 1986а]. В Бурзянском районе в окрестностях пещеры Шульган-Таш (Каповой) ею была проведена разведка пещер без закладки шурфов [Щербакова, 1981-А]. Спустя более, чем 20 лет (2004, 2005 гг.) она еще проведет две небольших экспедиции в пещере Шульган-Таш (Каповой) [Щербакова, 2006, 2007]. На этом исчерпывается полевой вклад первой уфимской исследовательницы палеолита в обследовании территории Башкиртостана. Ей же принадлежит и первое диссертационное обобщение по палеолиту уральского региона (1986 г.) [Щербакова, 1986-А, 1986, 2001] (Табл. 1).

Попытался в конце 1980-х гг. заняться палеолитом башкирский археолог В.К. Федоров. Ему принадлежит честь открытия демонстрационного комплекса с черепом пещерного медведя в пещере Заповедная в Белорецком районе Башкортостана [Федоров, 1990-А], но затем он переключился на изучения раннего железного века.

С 1992 г. автором были начаты на Южном Урале систематические поиски и исследования палеолитических памятников. С 1993 г. по настоящее время изучается пещерное святилище Заповедная на р. Лемеза в Белорецком районе

РБ [Котов, 1995, 1995-А, 1997-А, 1997а, 1999-А, 1999а, 2000, 2001а, 2002, 2005, 2007б, 2008а, 2010в, 2010г, 2011д, 2012]. В 1995-1996 гг. была заново открыта и доисследована палеолитическая стоянка с костяной индустрией Новобелокатайская в Белокатайском районе Башкортостана [Котов, 1995-А, 1996а, 1996б, 1997-А, 1999, 2008; Kotov, 2002]. С 1999 г. масштабные исследования производились под руководством автора пещерных памятников на р. Белой в зоне строительства Юмагузинского водохранилища [Котов, 1999-А, 2000, 2001, 2004а; Морозов, Котов, 2001, 2002; Косинцев и др., 2018]. Была открыта и изучена на большой площади палеолитическая стоянка в пещере Байсланташ (Акбутинской) [Котов, 2001в, 2003, 2004, 2001б-А, 2004а-А]. Осуществлялся поиск памятников монументального искусства на территории Южного Урала. Был опубликован совместно с С.В. Богдановым уникальный барельеф эпохи верхнего палеолита с р. Бузулук в Оренбургской области [Богданов, Котов, 2001]. Г.Н. Гарустовичем был обнаружен и повторно обследован автором настенный рисунок в пещере Киселевская в Челябинской области [Гарустович, Котов, 2010]. Кроме того публиковались автором отдельные находки эпохи палеолита [Котов, 2004б] (Табл. 1).

В начале 2000-х гг. в Баймакском районе Башкортостана Н.С. Савельевым, А.Ф. Яминовым и В.Г. Котовым открыты и первично исследованы десятки палеолитических памятников (Долина-1, Долина-11, Карышкино-5, Карышкино-12, Улек-Хазы-6, Каменный Овраг-10, -18, -20, Калинино-4, -6, Старыташ-1в, Кызыл-Яр-2, Кызыл-Яр-4, Кызыл-Яр-13 и др.) (рис. 2.2; 2.5; 3.1), большая часть из которых - поверхностные местонахождения [Савельев, 1997-А; Котов, Савельев, 2001; Котов, 2004а-А, 2005-А, 2006а, 2012б, 2013а, 2013б, 2015-А] (Табл. 1).

С 1995 г. ведется автором изучение пещеры Шульган-Таш (Каповой), и с 2008 г. проводятся раскопки, давшие новую информацию о древнем святилище [Котов, 1997б, 1997в, 2000, 2007а, 2008, 2009, 2010а, 2010б, 2011, 2014а, 2016-А, 2019-А; Котов, Савельев, 2021б; Пещерное святилище…, 2019, 2023].

Археологические исследования памятника проводились в следующих направлениях: поиск новых участков культурного слоя эпохи верхнего палеолита в зале Купольном, зале Хаоса, в зале Сталагмитовом [Котов, 2011б, 2011е, 2014а, 2017-А, 2018а, 2019-А]; поиск и изучение новых настенных изображений, сделанных охрой [Пещерное святилище…, 2019, 2023]; изучение способов подготовки поверхности и нанесения красочных изображений [Котов и др., 2004; Пещерное святилище…, 2019, 2023; Подурец и др., 2016]; исследование и поиск гравированных изображений [Котов, 2010а, 2023]; изучение скульптурных изображений [Котов, 2010е]; изучение технико-типологических особенностей каменной и костяной индустрии [Котов, 2009, 2021; Пещерное святлище…, 2019, 2023]; сбор подъемного материала [Пещерное святилище…, 2019, 2023]; поиск и изучение следов использования пещеры в культовой практики в постпалеолитические эпохи [Котов, Савельев, 2021б]. Большое внимание нами было уделено изучению семантики изображений и структуры святилища эпохи верхнего палеолита [Котов, 2006б, 2010е, 2010ж, 2011в, 2011г, 2014, 2016а, 2019а; Пещерное святилище…, 2019, 2023]; историческое окружение пещеры Шульган-Таш [Котов и др., 2014; Древности Башкриского Урала, 2018]. Также в ряде работ были отражены история изучения и сохранения уникального памятника [Котов, 2009г, 2016г]. Была также проведена работа по выявлению мифологических представлений населения Южного Урала, связанная с пещерой Шульган-Таш по материалам фольклора и этнографии народов Урало-Поволжья [Котов, 1997г, 2001б, 2006б, 2006в, 2012а, 2016б; Пещерное святилище…, 2019, 2023]. В итоге нами была обоснована всемирно-историческая значимость пещеры Шульган-Таш (Каповой) для включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО [Котов, 2015б, 2016в, 2019б, 2024; Kotov, 2015].

В ходе подготовки Проекта охранной зоны пещеры Шульган-Таш (Каповой) было проведено под руководством автора в 2013-2016 гг. сплошное разведочное обследование ее окрестностей, в результате которого были

обнаружены 4 палеолитических памятника, в том числе: стоянка нижнего палеолита Акбулатово-3, многослойная стоянка Шульганово-4 и палеолитическая стоянка с наскальной живописью в пещере Жемчужная [Румянцев, 2016-А; Древности Башкирского Урала, 2018, с. 90-91, 96-98, 100-102, 104-105; Котов, Румянцев, 2021].

Автором были предприняты первые попытки обобщения палеолита Южного Урала [Котов, 2007а, 2007в, 2007г, 2009, 2009б, 2009в, 2010д, 2013в, 2018б].

С 2009 г. автором при участии палеонтологов проводятся исследования стоянки Сергеевка-1, размываемой водами Нугушского водохранилища, на которой была собрана большая коллекция изделий верхнего палеолита [Котов, 2009; Гимранов и др., 2012]. Тогда же были начаты исследования пещерной стоянки Иманай-1 среднего палеолита [Котов, 2010-А, 2016-А; Котов и др., 2020а; Гимранов и др., 2021]. Также были возобновлены исследования пещеры Мурадымовская 2 (Старомурадымовская) на р. Большой Ик на юге Башкортостана, в которой были обнаружены культурный слой одновременный настенным изображениям финала мезолита и культурные отложения эпохи палеолита [Котов, Румянцев, 2010; Котов и др., 2010].

Разведочное обследование горной части р. Нугуш и р. Большой Ик в 2011-2012 гг. привело к открытию ряда новых памятников эпохи верхнего палеолита [Котов и др., 2010; Котов, 2010-А, 2015-А; Древности Башкирского Урала, 2018, с. 171-173, 176-177] (Табл. 1).

В 2008 г. были открыты С.В. Богдановым две верхнепалеолитические стоянки с костяной индустрией Лабазы-1 и Лабазы-2 в Оренбургской области [Богданов, 2007-А; Богданов, Котов, 2008] (Табл. 1).

С 2019 г. под руководством автора исследуется стоянка среднего палеолита Кусимово-6 в районе оз. Сабакты-Банного в Абзелиловском районе Башкортостана, предоставившая многочисленную коллекцию находок (около 3 тыс. экз.) [Котов и др., 2020б]. Поблизости от этой стоянки были открыты еще

ряд новых палеолитических местонахождений (Кусимово-7, Кусимово-8, Зеленая Поляна-2, Яманкая-1 и др.) [Археологическая экспедиция …, 2020; Котов, Курманов, 2023; Котов и др. , 2024] (Табл. 1).

С 2006 г. на территории Южного Урала разведочные работы и небольшие раскопки проводит на реках Юрюзань и Ай, а также в пещере Шульган-Таш (Каповой) московский археолог В.С. Житенев (МГУ) [Житенев, 2006, 2007, 2007а, 2011б, 2012, 2014, 2017, 2018].

Основной массив памятников эпохи палеолита на Южном Урале был открыт и изучен автором в последние два десятка лет, первое обобщение было нами сделано в 1-м томе «Истории башкирского народа» (2009). До этого для различных исторических реконструкций привлекались лишь отдельные памятники с территории Южного Урала. Все эти работы нами разбираются в соответствующих главах.

2.2. Методология изучения орудий каменного века

Методика анализа какого-либо социального явления или предмета должна целиком основываться на выявлении его места и роли в системе человеческой деятельности [Ильенков, 1961, с. 105]. Впервые и наиболее полно деятельность была проанализирована представителями классической немецкой философии К. Марксом и Ф. Энгельсом. Производство по К.Марксу предстает как такое присвоение индивидом предметов природы, в ходе которого он приспосабливает последние к своим потребностям [Маркс, Энгельс, 1960, с. 23-25]. В факте приспособления природы (пуская даже ее части в виде отдельных предметов) и заключается то главнейшее отличие жизнедеятельности человека от жизнедеятельности животных [Маркс, Энгельс, 1956, с. 565, 566].

Преобразующая же природу человека деятельность основана на применении различных посредников-орудий, которые человек помещает между

собой для преодоления сопротивления, оказываемого природными предметами в процессе их изменения сообразно человеческим потребностям [Гегель, 1935, с. 227; Маркс, Энгельс, 1960, с. 25]. Таким образом, деятельность с самого начала предстает как способ опосредованого удовлетворения человеческих потребностей [Николов, 1984, с. 75], имеющая свою опосредованную логику - «логику посредника» [Сабуро, 1985, с. 50].

Исходя из того, что производительная деятельность может осуществляться только при наличии посредников, производство орудий труда является предпосылкой человеческой практики. Причем такой предпосылкой, которая имеет первичный, всеобщий (логически и исторически) характер, то есть, порождает все остальные формы человеческой жизнедеятельности [Ильенков, 1961, с. 88].

Систематическое преобразование природных предметов свидетельствует о том, что, в отличие от абстракции животных, не просто выделяются из общей массы естественных предметов предметы с полезными свойствами, а эти свойства видоизменяются для получения других свойств, имеющиеся в представлении как потребность или цель. Таким образом, производство изначально носит целесообразный характер. В этом случае знания о свойствах преобразуемого предмета выделяются как средство своего последующего изменения в ходе обработки. Эти знания объективируются, прежде всего, в средствах труда. Поэтому в какой-то мере можно сказать, что орудие труда является вершиной человеческого разума формирующегося человека или своеобразным «символом», «смысловое значение» которого было неразрывно связано с контекстом его непосредственного использования, а «предметное значение» - с его формой. Форма орудия через детерминированные ею свойства определяет их употребление.

Необходимость в свойствах орудия труда определяется его субъективным использованием, через которое оценивается весь цикл производства этой вещи. Эта оценка возвращается в производство как исходный пункт дальнейшей

деятельности «как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» [Маркс, Энгельс, 1960, с. 28]. Этот внутренний образ орудия, определяется теми свойствами, которые в совокупности приданы предмету производством, а значит, производством же создается и идеальная предпосылка своего существования - цель или «влечение к потреблению» [Маркс, Энгельс, 1960, с. 30].

Основываясь на философском анализе места и роли орудия труда в структуре человеческой деятельности, становится понятным необходимость изучения каменных орудий в единстве его производства и употребления как системного явления.

Конкретно, орудие труда как посредник субъективного воздействия на предметы вступает в контакт, как с субъектом, так и с объектом производства, и форма орудия является результатом «приспособления» к свойствам субъекта и объекта. Это положение на практике проявляется в том, что приспособление к захвату рукой в ходе аккомодационного оформления орудия, производится в связи с оформлением рабочих участков. Чем лучше орудие труда приспособлено к субъекту, тем выше точность и эффективность производимых операций. Непосредственно в контакт с объектом входят рабочие лезвия орудия, при этом под встречным воздействием материала происходила их деформация. Исходя из этого, процесс формообразования рабочих лезвий инструмента предполагает гармоническое разрешение двух взаимоисключающих друг друга целей: создать условия для потребления формы/свойств объекта при этом сохранив форму/свойства средства труда. Это противоречие нередко разрешается сознательным изготовлением той устойчивой формы лезвия, которую оно получило «через утилизацию в конкретных технологических циклах» [Филиппов, 1977б, с. 11]. При этом эффективность рабочих участков оценивается по затратам мускульной энергии при достижении необходимого результата [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 82; Семенов, 1957, с. 233].

Исходя из того, что связь производства и потребления имеет взаимообусловленный характер, поэтому устойчивая форма орудия является результатом повторяемости его использования в каком-либо производстве. Стабильность формы основывается на системном соединении рукояточных и рабочих элементов инструмента в единую целостность [Филиппов, 1977б, с. 13; Анисюткин, Филиппов, 1986, с. 63]. Поэтому при анализе конкретной формы орудия мы должны руководствоваться задачей реконструкции структуры древнего инструмента через воссоздание на основе морфологических характеристик процесса его изготовления и, в частности, вторичной обработки, а также функциоанального назначения. Понимание структуры орудия позволит отделить общие моменты процесса производства от случайных, связанных с особенностями сырья, орудий производства, субъекта и прочее и, в конечном итоге, даст возможность реконструировать вероятную обобщенную «функцию» орудия.

Изучением конкретных функции орудий занимается трасология. Трасологическое исследование в каждом конкретном случае начинается с морфологического изучения изделия в целях обнаружения видимых глазом повреждений поверхности и заканчивается сопоставлением выявленных микроследов использования с морфологией лезвия и орудия в целом. При этом трасология может только «…проверить и уточнить функциональные определения орудий по признакам формы и обработки» [Щелинский, 1983, с. 132]. Ряд трасологов считают, что для орудий нижнего и среднего палеолита следует ожидать совпадение формы и функций и «главные» функции орудий можно реконструировать по «признакам формы и обработки» [Щелинский, 1983, с. 117, 132, 133; Филиппов, 1977б, с. 11]. В устойчивой форме какого-либо орудия воплощается обобщенное представление об ее устойчивом употреблении при выполнении какого-либо конкретного вида деятельности в рамках определенного круга операций, объединенных одним предметом обработки (разделка туш, обработка шкур, выделка деревянных и костяных

предметов) [Щелинский, 1983, с. 110; Анисюткин, Филиппов, 1986, с. 63]. По мнению А.К. Филиппова «…в динамике употребления различных активных элементов возникают устойчивые сопряжения: лезвия и острия, лезвия и скребковой кромки; или - лезвия, режущего угла и скребковой кромки, наконец, лезвия, острия и обушка» [Филиппов, 1977б, с. 7-8]. Это проявляется в разнообразии устойчивых форм орудий, обладающих «развитой формой целостности», которая выступает как осознанная «оппозиционная» связь «рабочей и рукояточных частей» [Филиппов, 1977б, с. 10].

Определяющим моментом при функциональной интерпретации технической формы выступает рабочая или активная часть орудия. В качестве активной кромки могут быть признаны как устойчиво повторяющиеся формы лезвия, образованные раскалыванием, так и различные формы кромок и острий, сформированные с помощью ретуши. Функциональную значимость, кроме формы лезвия, имеет угол заострения, тип вторичной обработки, степень выровненности, забитость лезвия, то есть уже не формальные, а технологические характеристики [Щелинский, 1981б, с. 54; 1983, с. 132].

Форма и пропорции орудий хотя и зависят от «навыков, способов и приемов пользования», но на них могут влиять размеры руки и заготовок [Филиппов, 1977б, с. 10], диктующие определенные способы захвата при выполнении одних и тех же операций и соответствующее ему аккомодационное оформление [Семенов, 1957, с. 128-130]. Кроме того, по мнению А.К. Филиппова, пропорции орудий зависят от размера обрабатываемого предмета, например, мелкие шкурки можно обрабатывать только микролитами [Филиппов, 1977а, с. 168]. Кроме всего прочего, нельзя не учитывать и субъективный фактор, а именно «…индивидуальные склонности древних мастеров в подборе подходящего скола и приспособления орудия к руке» [Щелинский, 1983, с. 133].

На определенном этапе развития технологии появляется потребность в устойчивом типе сколов, что достигается предварительной подготовкой

предметов расщепления (пренуклеусов), то есть «идентичность» сколов обусловлена «идентичностью» пренуклеусов и нуклеусов. Появление этой технологии означало отход от конкретно-избирательного расщепления камня и переход к стадиальной последовательности расщепления: изготовление пренуклеуса и последующее расщепление с целью получения сколов определенной формы. Самым ранним проявлением этой технологии является леваллуазская техника, появившаяся в раннем палеолите [Гиря, 1997, с. 145]. Появление этой технологии означало кардинальное усложнение структуры процесса производства, поскольку процесс получение орудия распадался на этапы формообразования, предполагающие существование промежуточных «образов» изделий и соответственно формирование системы «технологических» потребностей наряду с «орудийными» [Деревянко и др., 1999, с. 55]. Потребность в получении длинного прямого режущего лезвия орудия соединилась с необходимостью стадиального расщепления нуклеусов для последовательного снятия сколов определенного вида – пластин, как более экономной и результативной технологии, которая стала господствующей в Евразии в эпоху верхнего палеолита [Гиря, 1997, с. 145, 149]. В свою очередь совершенствование пластинчатой технологии стимулировалось развитием вкладышевых орудий [Котов, 1996; Гиря, 1997, с. 149; Лисицын, 2000, с. 124].

Назначение орудия, объективированное его изготовлением, и использование орудия, установленное с помощью трасологического анализа, различаются разной степенью обобщенности. И если в первом случае назначение выступает как обобщенный в результате тысячекратного предшествующего использования *образ орудия*, то во втором случае назначение выступает как конкретное использование данного орудия. Сопоставление двух значений этих знаний возможно только через обобщение последнего в результате многочисленных всесторонних функциональных исследований. Причем сближение данных представлений будет происходить также и по пути все большей конкретизации представлений об «*идее орудия*», отраженной в его

форме, в результате углубленного морфологического анализа. Оба направления, поскольку они интерпретируют одно явление - форму орудия, в своих выводах могут дополнять друг друга, но различия между ними будут сохраняться по причине того, что каждому из них соответствует своя методика исследования [Котов, 1999б, с. 8]. Корреляция выводов этих методов должна стать основой для создания «…триединого, технического, морфологического и функционального, подхода» к анализу и классификации каменных орудий [Рогачев, 1973, с. 15]. Здесь следует особо отметить, что мы придерживаемся конкретно-исторического подхода в анализе археологического материала по А.Н. Рогачеву и М.В. Аниковичу, согласно которому выделение общего и особенного в инвентаре конкретного памятника как некой системы должно основываться на изучении конкретных изделий как ее элементов. Обобщение этого знания в совокупности с пониманием особенностей хозяйства, природных условий и временных рамок дает основание для выделения неких социальных границ - археологической культуры [Аникович, 2007, с. 70].

Подводя итог всему сказанному необходимо отметить следующее: 1) «орудие труда»[1] является важнейшим и сущностным проявлением человеческой деятельности; 2) оно является продуктом системной по своей природе активности; 3) «орудие труда» само является элементом системного процесса отношения человека и природного объекта; 4) «орудие» в характере исходной заготовки и вторичной обработки содержит в себе информацию о структуре производства; 5) производство «орудия» как акт сложного опосредования возможно только при наличии устойчивого «образа/идеи орудия»; 6) фиксируемое археологами сходство форм орудий свидетельствует о существовании у древнего человека «идея орудия»; 7) выделение типов орудий должно основываться на технико-морфологическом и функциональном анализе с целью приблизиться к пониманию «идеи орудия» древнего человека; 8)

[1] Под «орудием труда» понимается изделие со сложной структурой («высокой целостности») – нуклеусы, орудия из камня и кости.

совокупность типов орудий и других проявлений человеческой активности и составляют облик той или иной культурной традиции; 9) процентное соотношение типов орудий и изделий позволяет более точно зафиксировать культурные и стадиальные особенности, как отдельных памятников, так и культурных традиций.

В классификации каменных орудий палеолита мы придерживаемся подхода, согласно которому при выделении типов необходимо ориентироваться на уже известные системы, если углубленный технико-типологический анализ, как отдельных изделий, так и всего комплекса артефактов выявляет сходство с уже известными типами [Беляева, 2015, с. 23]. Под сходством понимается не только формальные признаки, но технологические и функциональные характеристики, указывающие на принадлежность идентичным видам деятельности [Гиря, 2015, с. 27; Щелинский, 2015б, с. 37-38].

Как проявляется в конкретных исследованиях индустрий идея системности «орудия труда»? Изучение индустрий начинается с описания отдельных изделий как некой системы. Каждый предмет углубленно анализировался как результат определенного процесса с целью реконструкции в конечном итоге целей этих действий: это касалось как нуклеусов и сколов, так и орудий. Описывалась исходная заготовка, техника удара, последовательность и направления снятий и пр. Эти наблюдения проверяются моделированием этого процесса с помощью эксперимента с этим же сырьем. На основании характера морфологии обработанных участков и всего изделия реконструируется предполагаемая функция, которая также может проверяться экспериментом и трасологическим анализом[2]. Устойчивая форма изделий позволяет их отнести к определенным типам или уже общеупотребимым из тип-листа Ф.Борда или же в случае оригинальных форм – к новым типам в соответствии с морфологией орудия.

[2] Формат диссертации не позволяет приводить подробное описание, трасологию каждого изделия и памятника в целом. Данную информацию можено получить в публикациях, посвященных отдельным памятникам.

Восприятие индустрий как системы в основе своей подразумевает ряд положений. Форма нуклеусов и орудий зависит от формы заготовок; часто при обработке нуклеусов и бифасов использовались аналогичные технические приемы (что, например, характерно для памятников нижнего и среднего палеолита). Подготовка нуклеусов к расщеплению (обработка ударной площадки, удаление карниза, формирование точки удара и пр.) нередко имеет сходство с технологией обработки бифасов и других орудий. В каждой индустрии присутствует системная связь функциональной природы между изделиями, существование которых взаимообусловлено. Например: форма отбойников и посредников связана с морфологией нуклеусов и орудий. Точно также совершенствование техники раскалывания нуклеусов сразу переносится в сферу вторичной обработки [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 81]. Новые, более «прогрессивные» формы и техники сначала появляются как редкие и неустойчивые проявления «опережающего развития». Еще Г.А. Бонч-Осмоловский указывал, что «…подобные случаи раннего появления предвестников новых технических навыков, смущающие многих специалистов, далеко не единичны в палеолите. В последние годы все с большей определенностью вырисовывается, что и обработка кости и появление резцов уходят своими корнями в такую глубь веков, что, казалось, путают наши представления о последовательности этапов развития» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 76].

На примере таких изделий как «резцы» можно почувствовать системный характер любой индустрии и убедиться в необходимости комплексного подхода при ее систематизации. Здесь важно отметить, что наличие резцов предполагает развитую пластинчатую индустрию, а также «вкладышевый комплекс» – основы с пазами из дерева, рога, кости и вкладышевые изделия (геометрические вкладыши, пластины с притупленной спинкой, сегментированные пластины и пр.). В тех случаях, когда в индустриях раннего или среднего палеолита фиксируются изделия с резцовым сколом, но

отсутствуют нуклеусы для пластин и пластинок, а также вкладыши, по нашему глубокому убеждению, нам следует быть очень острожными с выделением этой категории орудий. И лучше их описывать как изделия «с подтеской» резцовыми сколами или как изделия с рассечением торцевыми снятиями и пр. В противном случае это будет вводить в заблуждение постороннего читателя, навязывая «…атипичным по существу орудиям чуждую им оформленность» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 86].

С подобной дилеммой мы столкнулись на примере индустрий стоянки-мастерской Кусимово-6 и стоянки в пещере Иманай-1 [Гимранов и др., 2017; Котов и др., 2020]. Исходя из представлений о системности типологической структуры любой индустрии, изделия с резцовыми сколами в этих коллекциях нами были интерпретированы не как «резцы», а как резчики с подтеской или как орудия на сегментированных торцовыми снятиями заготовках. Данные памятники отличаются большой сложностью в их интерпретации и описании, поэтому выработка типологической классификации этих собраний будет продолжаться еще долго.

В основу анализа коллекций палеолитических памятников была положена методика комплексного описания каменных орудий, разработанная Г.А. Бонч-Осмоловским [Бонч-Осмоловский, 1940] и дополненная трудами последователей экспериментально-трасологического анализа С.А. Семенова [1957; 1968; 1983], В.Е. Щелинского [1974, 1975, 1977, 1981а, 1981б, 1983, 2015а, 2015б], А.К. Филиппова [1977а, 1977б, 1983], А.Е. Матюхина [1983], Е.Ю. Гири [1997, 2015], П.Е. Нехорошева [1999].

Статистико-типологический анализ палеолитических изделий опирался на работы Ф. Борда [Bordes, 1988], В.П. Любина [1965, 1970, 1977], И.И. Коробкова, М.М. Мансурова [1972], Ю.Г. Колосова [1983], Г.И. Медведева [1981], А.П. Деревянко, С.В. Маркина и С.А. Васильева [1994], Н.К. Анисюткина [1972, 2017, 2019] и др.

Типологический метод анализа каменных изделий базируется на системе Ф. Борда [Bordes, 1988]. В свою очередь она заключается в углубленном морфологическом анализе изделий, преимущественно, на стандартных заготовках (отщепах и пластинах) устойчивых форм. Важным принципом описания являлось соотношение оси орудия и оси снятия заготовки, от которого часто зависела дальнейшая классификация орудийной формы. Таким образом, в типологической классификации была заложена технологическая и функциональная характеристика индустрии, заключающаяся в изначально присутствующей в леваллуазской технологии стремления к предсказуемости получения заготовок определенной формы (леваллуазское острие, овальный отщеп, пластинчатый скол). В связи с этим в этом технокомплексе присутствует сложный набор приемов первичной обработки, причем нуклеусы также имеют устойчивую форму. Регулярность присутствует во вторичной обработке: сложный набор разнообразной по форме и систематической ретуши, отжимная ретушь, техника уплощения ударных бугорков и поверхности, симметричные формы остроконечников, острий и пр. Исследователи считают, что система Ф.Борда опирается на повторяемость оформления характерных форм орудий как единого целого, хотя большая часть которых представляет сочетание 2-3 рабочих элементов, причем в завуалированной форме использовалось разделение орудий по функциональным группам [Коробков, Мансуров, 1972, с. 60]. В философском смысле леваллуазские индустрии отражают более высокий уровень опосредования технологических цепочек и соответственно более высокий уровень ментальности и социально-исторического развития. Это подтверждается и дальнейшей эволюцией технологии в этом направлении. Неслучайно, в сравнительном изучении среднепалеолитических индустрий есть методика построения технологических цепочек оформления ручных орудий из камня [Колобова и др., 2023].

Для «нелеваллуазских» индустрий нижнего и среднего палеолита, к которым относились «тейякские» индустрии, расщепление нуклеусов является

в большинстве своем ситуативным, в результате заготовки также аморфные и небольшого размера (в основном, до 50 мм). Часто в качестве заготовок выступали массивные отщепы, часто укороченные, осколки, расщепленные гальки, куски кремня. Недостатки заготовок компенсировались разнообразными приемами вторичной обработки: уплощением поверхности сколами, получением ровных граней торцевым рассечением, крупными и широкими резцовыми сколами и пр. Индексы леваллуа обычно низкие. Среди орудий скребла не являются преобладающими, господствуют комбинированные орудия, сочетающие скребловидные участки с остриями и выемчатыми участками. Острия выделяются клектонскими анкошами, ретушью или небольшими выемками, обрабатываются подтеской с одной или с обеих сторон. Вторичная обработка отличается грубостью и аморфностью, формообразующая ретушь и другие способы обработки характеризуются ситуативностью: они сконцентрированы на определенных местах заготовки (на углах, выступах), формирующих один или несколько рабочих участков.

Исходя из этого, И.И. Коробков, вслед за Г.А. Бонч-Осмоловским, предложил методику описания орудий как совокупность «рабочих элементов» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 86; Коробков, Мансуров, 1972, с. 61]. Она может быть более приспособлена для анализа нелеваллуазского технокомплекса среднего палеолита. Вместе с тем, выделение и описание «рабочих элементов» должно основываться не на интуитивном понимании их функции, а на полноценном трасологическом анализе. Это позволит исключить ошибки при интерпретации каких-либо естественных повреждений как искусственной обработки.

Архаизм «нелеваллуазских» индустрий требует своего объяснения. Исследователи подобных памятников полагали, что сходство «функциональных групп» и целого ряда одинаково оформленных элементов в индустриях, находящихся на большом расстоянии друг от друга является

свидетельством более общего сходства – «единого пути развития, в основе которого, возможно, лежат более общие социально-экономические закономерности эволюции общества в палеолите» [Коробков, Мансуров, 1972, с. 61]. Н.К. Анисуюткин считает, что «нелеваллуазские» индустрии среднего палеолита следует воспринимать как «пережиточный ранний палеолит» [Анисюткин, 2019, с. 125]. Кусимовские материалы показывают, что архаический облик кусимовская индустрия сохраняет вплоть до начала верхнего палеолита, и она фактически сосуществует с пластинчатыми индустриями верхнепалеолитического облика. При этом новации в этой индустрии были связаны с микокскими заимствованиями, очевидно, в результате взаимодействия с родственными (?) коллективами.

Наш подход учитывает разработки типологического метода Ф.Борда, а также методику И.И. Коробкова и Н.К. Анисюткина в ходе анализа индустрий среднего и верхнего палеолита: первичная классификация может учитывать типы орудий из тип-листа Ф.Борда, а конкретное описание направлено на выделение рабочих элементов и их взаимосвязь с аккомодационными участками. В основе морфологического описания была положена цель реконструкции процесса изготовления изделия, и в случае с орудием, понять его обобщенную функцию или функции. Для лучшего понимания этих процессов осуществлялись в ходе экспериментов моделирование процессов изготовления предметов из этого сырья и способы использования рабочих участков конкретных орудий. О необходимости учитывать археологами-палелитчиками данных экспериментов по раскалыванию нуклеусов и изготовлния орудий при типологической классификации палеолитических индустрий писал Ф. Борд [Bordes, 1988, p. 102]. В случае хорошей сохранности изделий трасологические исследования позволяют уточнить и конкретизировать функциональное назначение орудий.

Классификация индустрий подразделялась на технокомплексы, индустрийные традиции и индустрии. Под технокомплексом понимается совокупность индустрийных традиций, схожие по технологии производства заготовок и типов орудий. Индустрийная традиция или тип индустрии отражает локальную группу идентичных индустрий на территории небольшого географического ареала. Индустрия – это комплекс изделий отдельного памятника [Степанчук, 2015, с. 31]

Исходя из представлений об орудии труда и совокупности орудий как системного явления, требующего комплексного подхода, мы можем с этой точки зрения взглянуть на историю изучения каменного века. Условно ее можно разделить на несколько периодов.

1. Период становления науки в XIX - первой половине XX вв., выработка терминологии, методики исследования и описания, накопление информации. В методике описания каменных изделий господствует идея единства всех территорий и восприятие орудий как неких стадиальных явлений, например: «эпоха рубила», «эпоха остроконечника», «эпоха шлифованного топора». Это период выделения «стадиальных форм орудий».

2. Период активного накопления материала с середины по конец 80-х гг. XX в., охват исследованиями всех территорий земного шара, выделение региональных особенностей каменных индустрий, совершенствование типологических классификаций. В основе методологии описания господствует идея выделения «ведущих форм орудий» внутри агрегатных скоплений для обозначения культур. Широко стали использоваться статистико-комбинаторные методы исследований для уточнения локальных особенностей тех или иных культурных традиций.

3. Период становления комплексного подхода, основанного на использовании данных типологического, экспериментального и трасологического методов исследований. Отдельные прорывные исследования (Г.А. Бонч-Осмоловский, Ф. Борд, В.П. Любин и др.) относятся к более

раннему времени. С начала 1990-х начался глобальный процесс унификации терминологии и выработки критериев общего и особенного в исследованиях индустрий эпох палеолита. Появляется все больше работ, в которых используется триединый (морфологический, экспериментальный и трасологический) подход в описании коллекций тех или иных памятников. Он позволяет выделять и обосновывать особенности каждого памятника и своеобразия локальных групп памятников внутри более крупных общностей.

ГЛАВА 3
СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

3.1. Следы нижнего палеолита на территории Южного Урала

Еще в начале 1960-х годов О.Н. Бадер выдвинул гипотезу о первоначальном заселении Урала в ашельскую эпоху [Бадер, 1964а, с. 2].

Открытие памятников раннего палеолита на Кавказе, возраст которых превышает 1 млн. лет (Дманиси, Родники, Богатыри, Кермек, Айникаб, Мухкай, Гегалашур, Карахач, Мурадово, Таштадем и др.) говорит о вероятности заселения юга Русской равнины еще в эоплейстоцене [Ниорадзе М.Г., Ниорадзе Г.Н., 2008; Щелинский и др., 2008; Щелинский, 2013; Беляева, Любин, 2013; Амирханов, 2013]. Между тем, в Прикамье А.Ф. Мельничуком было открыто нижнепалеолитическое местонахождение Ельники II, которое обследовалось П.Ю. Павловым и Б.И. Гуслицером, и где были найдены кости трогонтериевого слона вместе с чоппингом и отщепом [Павлов, 1996, с. 46]. Ряд памятников открытого типа ашельского времени были найдены в конце 1990-х годов в Мугоджарах [Деревянко и др., 2001]. Исходя из выше сказанного, логично было предполагать проникновение людей на Южный Урал еще в среднем неоплейстоцене.

Одной из ярких особенностей Южного Урала являются многочисленные выходы яшмы [Ферсман, 1960, с. 131]. Каждое месторождение обладает неповторимыми особенностями, что помогало в определении происхождения сырья [Мосин, Никольский, 2008].

Изучение памятников нижнего палеолита на территории региона еще только началось. Возможно, единственный пока памятник с фауной, имеющий надежные датировки - это Старо-Тукмаклинское местонахождение в

Башкортостане на территории д. Старые Тукмаклы Кушнаренковского района Башкортостана (рис. 2.1; 2.2; 2.3, А, Б). Костеносный горизонт находится в обнажении высотой 11 м на глубине 9,5 м от поверхности. Памятник был открыт и обследован в 1955 г. А.П. Шокуровым, в 1968 г. местонахождение повторно изучалось А.П. Шокуровым и А.В. Коноваловым, которые сделали зачистку костеносного слоя в обрыве берега длиной 12 м [Шокуров, 1977, с. 99]. В 1969 г. археологом О.Н. Бадером и геологом В.Л. Яхимович проводились дополнительные исследования [Бадер, 1971-А, с. 1-5]. В 2011 г. памятник обследовался автором.

Среди костей были обнаружены, по определению В.Е. Гарутт, кости Archaediskodon trogontherii [Гарутт, 1985]. Была получена запредельная некалиброванная радиоуглеродная дата > 50 тыс. лет назад (БашГИ - 61). Палеомагнитные исследования нижней части озерных отложений с костеносным горизонтом, проведенные Ф.И. Сулеймановым, позволили датировать их возрастом ~ 400 тыс. лет. [Итоги биостратиграфических…, 1977, с. 100]. По мнению А.П. Шокурова, многие кости имеют следы дробления и огня, кроме того, среди них был найден один уголек и проколка из грифельной кости лошади [Шокуров, 1977, с. 99]. В ходе изучения автором с помощью микроскопа МБС-10 коллекции костей, были обнаружены бесспорные орудия Котов, 2009, с. 23-25].

В последние годы в ходе проведения сплошной разведки южной части хребта Ирендык в Баймакском районе Башкортостана были выявлены местонахождения на выходах яшмы и кремня, (Сарыташ-1в, Кызыл-Яр-4, Юмаш-Тау-7, Долина-11, Карышкино-11, Карышкино-12, Каменный Овраг-10, Узян-2, Улек-Хазы-6 и др.) [Котов, Савельев, 2001; Котов, 2003, 2004а, 2005-А, 2009, с. 25; 2009а, 2012, 2013б, 2015] (рис. 2.2).

Наиболее архаические материалы были обнаружены на ряде стоянок и местонахождений в Южном Зауралье в районе хребта Ирендык (стоянка Кызыл-Яр-2, местонахождения Кызыл-Яр-4 и Улек-Хазы-6 и др.), для которых

характерны макроорудия из зеленой яшмы и, прежде всего, ручных топоров-цалди [Котов, 2012б, 2013а, 2013б]. Сходные орудия были обнаружены в раннепалеолитических слоях пещер Цона, Кударо I, III, Азых и на открытых стоянках в Южной Осетии, Имеретии, Абхазии и Армении, причем они являются отличительной чертой ашельской традиции в этом районе Кавказа [Любин, 1984, с. 60, рис. 17, *8*; 18, *1*; Moncel et al., 2013, с. 58]. Подобное же орудие было обнаружено Х.А. Амирхановым в горизонте 1 многослойной ашельской стоянки Мешхед III в Южной Аравии [Амирханов, 2006, с. 127, рис. 73, *1*].

В Южном Зауралье в районе хребта Ирендык в Баймакском районе и вблизи озер Банное, Сабакты и Карабалыкты в Абзелиловском районе Башкортостана в последние десятилетия были выявлены ряд памятников предположительно нижнего палеолита (Мысовая, Карышкино-11, Карышкино-12, Кусимово-7, Кусимово-8 и др.) [Бадер, Матюшин, 1973; Котов, 2004а-А, 2005-А, 2009, 2015] (рис. 2.2). По реперному памятнику они объединены в «карышкинский тип индустрии»[3]. Для этой традиции были характерны разнообразные орудия, как например: разнообразные рубила (обушковые, обушковые с продольным лезвием, сердцевидные, листовидные), пики, чопперы, кливеры, грубые скребла, скребки, орудия с шипом, грубые острия, нуклеусы кубовидные, бессистемные, ортогональные и радиальные уплощенные [Бадер, Матюшин, 1973, с. 139, рис. 5, *1, 2*; Котов, 2015а, с. 8; Котов, Савельев, 2022, с. 842, рис. 1, *4*; 2, *7*; Котов, 2015а, с. 9]. Аналогичные по исполнению обушковые бифасы с продольным лезвием происходят с ашельского местонахождения Тигва в Южной Осетии [Любин, 1998, рис. 13]. Прямой культурной аналогией карышкинской традиции являются памятники во Франции, например, стоянка в пещере Baume Bonne (Прованс), котороая датируется рисским временем [La Prehistoire Française, 1976, p. 843-847;

[3] Под термином конкретного «типа индустрии» понимается синоним термина «индустрийная традиция», который обозначал группу индустрий (памятников) на конкретной территории, характеризующиеся общими характеристиками [Степанчук, 2015, с. 31].

Деревянко и др., 1994, с. 163-164]. Этим же временем геологи датируют палеоозера Южного Зауралья [Казаков, 2017; 2018], к берегам которых и приурочены стоянки предположительно нижнего палеолита.

В горной части Южного Урала были обнаружены два памятника, с технологией расщепления основыванной на галечном сырье из кварцита и кварцито-песчаника - стоянка открытого типа Акбулатово-3 (палеолитический слой) и стоянка в пещере Имендяшевская-1, а также стоянка открытого типа Навес (Остров Веры-6а), на которой сырьем служил порфирит и кварцит [Котов, 2009, с. 25, 29, рис. 4; Котов, Румянцев, 2021; Григорьев С.А., 2008-А, с. 42-51; Григорьев и др., 2008, 2010; Котов, 2022б-А] (рис. 2.2). Первые две приурочены ко второй надпойменной террасе горных рек Белой и Зилима позднерисского времени [Бадер, 1965б, с. 241; Румянцев, 2016-А; Древности Башкирского Урала, 2018, с. 90-91; Котов, Румянцев, 2021]. Все три памятника нами были предварительно объединены в «акбулатовский тип индустрии». По ряду архаических признаков эта традиция может относиться к нижнепалеолитическому времени [Коробков, 1965, с. 82]. К этим памятникам ближе всего материалы стоянки Ганичата I и II [Павлов, 1996, с. 35-43].

Таким образом, выявленные памятники, предположительно, нижнего палеолита могут свидетельствовать о проникновении различных групп древнего населения на территорию Южного Урала еще в среднем неоплейстоцене.

3.2. Памятники среднего палеолита Южного Урала

До начала XXI века на территории Южного Урала было известно 4 памятника эпохи среднего палеолита: стоянка Новобелокатайская, отдельные находки со ст. Мысовая (Карабалыкты VII), местонахождение Муллино-2 (палеолитический слой) и стоянка Богдановка I [Бадер, Матюшин 1973; Бадер 1973; Широков, Волков 2001; Котов, 1999а, 2008, 2009] (рис. 3.1). Материалы

стоянки Мысовая различными исследователями были разделены на ашельский и мустьерский комплексы, но в целом рассматривались как относящиеся к ашело-мустьерскому времени [Бадер, Матюшин 1973; Бадер 1973]. В последние годы в Баймакском районе Башкортостана Н.С. Савельевым, А.Ф. Яминовым и В.Г. Котовым открыты и первично исследованы ряд памятников среднего палеолита, большая часть из которых - это поверхностные местонахождения [Котов, Савельев 2001; Котов 2009, с. 25-29; 2015].

Новые памятники с территории Южного Зауралья, изученные в последние годы, позволяют по-новому взглянуть на среднепалеолитическую традицию Южного Урала в целом.

3.3. Кусимовский тип индустрии

В районе озер Банное, Сабакты, Карабалыкты характерно изобилие изотропного сырья для изготовления орудий в виде галек яшмы и фтанита [Мосин, Никольский, 2008], что было причиной необычно высокой концентрации памятников каменного века. Здесь в этом микрорайоне известно к настоящему времени 89 местонахождений эпохи камня, среди которых 80 стоянок и местонахождений относятся к неолиту-энеолиту и 9 – являются палеолитическими. Все голоценовые памятники приурочены к современным берегам озер Банное, Сабакты, Карабалыкты, Хулюктыкуль или рек и ручьев. Большинство их были обследованы или открыты автором. Для них характерна развитая пластинчато-отщеповая индустрия с правильными призматическими или конусовидными нуклеусами, шлифованными топорами, а также бифасиальными наконечниками разнообразной формы [Матюшин, 1976, 1982]. Палеолитические памятники представлены отдельными находками, небольшими скоплениями находок, так и включениями в поверхностных местонахождениях, содержащих каменные артефакты поздних эпох. Среди них

компактностью распространения и насыщенностью находками выделяется единственная стратифицированная стоянка-мастерская Кусимово-6.

Стоянка-мастерская Кусимово-6 локализована на восточном склоне хребта Крыктытау в небольшой долине между двумя хребтами, к западу от озера Сабакты, на восточной окраине д. Кусимово Абзелиловского района Башкортостана (рис. 3.2). До берега оз. Сабакты около 1,8 км к востоку, а до стоянки Мысовая (Карабалыкты VII) - 3,7 км к северо-востоку (рис. 2.2). Стоянка-мастерская приурочена к небольшому мысовидному возвышению высотой около 5 м размерами 60 × 160 м посреди долины длиной 2 и шириной 1 км (рис. 3.3).

Палеолитический памятник был выявлен в 2019 г. в ходе раскопок каменного кургана № 1 курганного могильника раннего железного века Кусимово-3 (руководитель экспедиции Н.С. Савельев) [Котов и др., 2020а; Археологическая экспедиция…, 2020]. Курган Кусимово-3 был зафиксирован в 2005 г. экспедицией Научного центра «Наследие», руководитель Н.С. Савельев [Котов, 2008-А].

Находки приурочены к покровным отложениям серовато-коричневого суглинка с доломитовой щебенкой мощностью до 0,2 м, который был зафиксирован сразу под гумусированным слоем на глубине 0,5 м от поверхности. Местами в его кровле присутствует прослойка гальки или средне окатанных кусков фтанита. На южном краю долины, являющейся береговым валом древней озерной террасы, слой серовато-коричневого суглинка со щебенкой и галькой достигает 1 м. В трех шурфах, заложенных на территории памятника в 2020 г., было установлено, что этот слой имеет многочисленные глубокие клинья, уходящие в слой желтоватого суглинка на глубину от 0,5 до 0,7 м [Котов, 2022б-А; Котов, Савельев, 2022] (рис. 2.54). Данные клинья, очевидно гляциального происхождения, указывают на то, что они сформировались во время максимума оледенения, завершившегося некими катастрофическими процессами резкого подъема уровня воды в палеоозере

Яктыкуль-Сабакты, который сопровождался сносом галечного материала и кусков кремнистых пород с вершины близлежащего хребта Аркыргыр, где находятся их выходы (рис. 2.51).

В образце серовато-коричневого суглинка с галечником из культурных отложений стоянки Кусимово-6 и местонахождения Кусимово-8 Р.Г. Курмановым (ИГ УФИЦ РАН) был выделен лесостепной спектр, в котором преобладают пыльцевые зерна деревьев и кустарников (55 %). По мнению Р.Г. Курманова, полученный палиноспектр характеризует лесостепные ландшафты. В изученный период времени были распространены березовые и ивовые леса с примесью сосны, лещины, вяза и ольхи. На опушках и влажных участках росли папоротники, плауны и зеленые мхи. Открытые пространства занимали злаково-разнотравные сообщества. Нарушенные территории зарастали рудеральными (сорными) растениями (маревые, полынь, бодяк, крапива и конопля). Наличие в спектре пыльцы пасквальных (пастбищных) растений указывает на вытаптывание поверхности в этом месте долины. Климат был умеренно влажным [Котов, Курманов, 2023, с. 133-134].

Данные стратиграфии и спорово-пыльцевого анализа указывают, что слой светло-коричневого суглинка с доломитовой щебенкой формировался в период теплого и влажного климата при воздействии палеоозера Якты-куль-Сабакты. Эти характеристики сопоставимы с палиноспектрами нижележащих отложений светло-коричневого (желтоватого) суглинка. Его с большой вероятностью следует относить к концу этого периода, то есть к концу рисс-вюрмского периода (MIS 6) [Данукалова, 2010, с. 116-117; Котов, Курманов, 2023, с. 133-134]. То что, для этого периода отмечено увлажнение подтверждается наличием слоя гальки на поверхности мыса, что говорит том, что мыс определенное время находился в прибойной зоне и в период существования палеолитической стоянки он являлся берегом палеоозера Якты-куль-Сабакты. Ориентируясь на линии горизонталей, мы реконструировали границы этого палеоозера (рис. 3.2).

Сходная ситуация существования древних озер была выявлена и в других местах Южного Урала. В частности, в зоне Приподнятого Зауральского пенеплена зафиксированы береговые валы более обширных по площади озерных котловин у озер Калкан, Чубтэкуль, Ургун в Учалинском районе и озер Талкас, Султанкул, Атавды и Култубан в Баймакском районе Республики Башкортостан, которые существовали, предположительно, с раннего до среднего неоплейстоцена [Казаков, 2017, с. 64-66; 2018, с. 340].

Вблизи стоянки Кусимово-6 на южной окраине Кусимовской долины в одном из стратиграфических шурфов были взяты два образца на ОСЛ датирование, которые были переданы в лабораторию ОСЛ датирования ВСЕГЕИ (рук. Д.В. Назаров)[4]. Первый образец на глубине 1 м от поверхности на контакте серовато-коричневого суглинка с доломитовой щебенкой и желтого суглинка дал дату 258 ± 13 тыс. л.н. (RGI-1103)[5]. Второй образец имел глубину 1,8 м от поверхности и был взят из основания слоя желтого суглинка, он имеет возраст 136 ± 9 тыс. л.н. (RGI-1104). Таким образом, обе даты указывают на среднеплейстоценовый возраст этих отложений, предположительно, от 125 до 200 тыс. лет. Соответственно, слой серовато-коричневого суглинка с находками среднего палеолита имеет возраст около 120-130 тыс. лет (рубеж среднего и верхнего неоплейстоцена - MIS 6-5). Само наличие столь древнего возраста отложений, которые находятся на небольшой глубине, является дополнительным аргументом гомогенности отложений с культурными остатками среднего палеолита на стоянке-мастерской Кусимово-6.

Очевидно, этот слой серовато-коричневого суглинка с кремневой галькой и щебенкой окаменевшей глины имеет водное происхождение, и он сформировался в периоды трансгрессий паолеоозера Якты-куль-Сабакты.

---

[4] Благодарю Н.С. Савельева за возможность осуществления датирования отложений палеолитического времени при поддержке гранта РНФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

[5] Из-за слишком большого значения палеодозы дата признана не надежной. В таких случаях ОСЛ датировки дают удревненную дату.

Наличие морозобойных клиньев в нижней части слоя указывает также и на перигляциальный характер этих отложений. Предположительно, эти процессы могли быть ледниковыми проявлениями климата в конце среднего неоплейстоцена во время московского похолодания (MIS 6): в это время ледниковый щит подходил наиболее близко к Южному Уралу (рис. 1.10), что могло сопровождаться распространением мерзлотных процессов даже в Южном Зауралье. Кроме того, в этот период времени присутствовали мощные трансгрессии Палеокаспия (Позднехвалынская трансгрессия) и локальные оледенения в горных районах, сопровождаемые процессами сноса с вершин хребтов в долины обломочного материала и формирования вторых надпойменных террас [Данукалова, 2010, с. 116-117]. В последующие эпохи в этой денудационной зоне все перекрывающие отложения, очевидно, были смыты или рассеяны ветром, а среднеплейстоценовые остались лишь потому, что они были скреплены суглинком со щебнем и перекрыты галечным слоем. И только в эпоху голоцена поверх них образовалась гумусированная толща.

В качестве сырья на стоянке Кусимово-6 использовались гальки или же куски фтанита - кремнистой породы, имеющей различный цвет - от светло-серого до черного, встречается полосчатый окрас, это сырье присутствует в изобилии в окрестностях [Мосин, Никольский, 2008, с. 41]. Выходы фтанита нами были обнаружены на вершине хребта Аркыргыр, который с запада окаймляет кусимовскую долину[6]. Изделия из красной яшмы и диабаза единичны.

Всего на стоянке-мастерской было обнаружено 2219 экз. каменных изделий (Табл. 2). Показательным является большое количество первичных отщепов с естественной ударной площадкой (233 экз. - 13%), а всего сколов с естественной галечной коркой на спинке - 630 экз. - это 35,6% от всех сколов.

[6] Ввиду того, что фтанит по своим свойствам не отличим от кремня, мы условно в описании используем название этого сырья «кремень».

Все негативы сколов на нуклеусах рельефные с глубокими выемками от ударных бугорков. Это свидетельствует об использовании для расщепления твердых отбойников. В коллекции присутствуют многочисленные отбойники на гальках из кремня (73 экз.) размером от 5 до 10 см длинной (рис. 3.7, *4*). Иногда в качестве отбойников использовались поврежденные орудия, как например, отбойник на заготовке бифаса или радиального двустороннего нуклеуса из серого кремня размером 7×5×3 см (рис. 3.7, *1*). Изредка попадаются отбойники на гальках из диабаза (рис. 3.7, *3*). Небольшую серию (4 экз.) образуют ударные инструменты на гальках удлиненной формы, у которых использовались в качестве рукояток одна половина, в то время как боковые поверхности и дистальный конец употреблялись в качестве молотков для расщепления нуклеусов и обработки бифасов. Одно такое орудие представляет собой гальку удлиненной формы из черного кремня, размером 17×5,3×3,5 см, у которой на дистальном конце имеется скопление полулунной ступенчатой ретуши с заломами (рис. 3.7, *5*). Характер повреждений показывает, что у орудия использовался боковой край дистального конца для ударной обработки каменных изделий. Наши эксперименты по изготовлению орудий из кремня показали большую эффективность подобных орудий по сравнению с отбойниками из гальки. Небольшие гальки со следами использования в качестве ударных инструментов для обработки кремневых изделий были отнесены в категорию ретушеров или ретушеров-отбойников - 23 экз. (рис. 3.7, *2*).

На памятнике присутствует большое количество и разнообразие нуклеусов (250 экз.). На гальках или же кусках кремня уплощенной формы одним или же нескольким сколами на узком конце формировалась ударная площадка, с которой в продольном направлении снимались удлиненные сколы. Многие гальки или же куски кремня имеют одиночные негативы сколов, снятые с естественных поверхностей. Такие предметы были классифицированы как нуклевидные изделия - 116 экз. Нередко встречались гальки с негативами

сколов, которые трудно было отнести к какому-либо типу, поэтому они были описаны как нуклеусы аморфные – 43 экз.

Формы нуклеусов могут быть различными, например, клиновидная (рис. 3.5, *1*) или же конусовидная (рис. 3.5, *5*). Встречаются подчетырехугольные уплощенные формы нуклеусов параллельного скалывания (рис. 3.5, *6*). Из-за наличия у многих нуклеусов двух и более площадок форма ядрищ отличается большим разнообразием. На форму нуклеусов влияют и характер исходного сырья. Например, у крупной удлиненной и округлой в сечении гальки сначала во всю длину была сформирована цепочкой крупных сколов относительно прямая грань – ударная площадка, с которой снимались крупные отщепы (рис. 3.4, *4*). Следует обратить внимание на то, что мастер более мелкими сколами на ряде нуклеусов выравнивал поверхность скалывания вблизи края ударной площадки (рис. 3.4, *1, 3, 4*). Часто снятие сколов на нуклеусах производилось с неподготовленных площадок во встречном направлении (рис. 3.4, *1*; 3.5, *2, 4, 8*) или же в плоскостях перпендикулярных основной плоскости скалывания – они были отнесены к ортогональным нуклеусам (15 экз.) (рис. 3.4, *2*; 3.5, *4, 7*; 3.6, *4*). Нередко невозможно отличить ударную площадку от плоскости скалывания заготовок (рис. 3.4, *3, 4*; 3.5, *7*). У многих нуклеусов зафиксировано беспорядочное скалывание отщепов в различных направлениях с многочисленных ударных площадок, которыми становились негативы предшествующих снятий. Эти нуклеусы были отнесены к бессистемным – 41 экз. (рис. 3.4, *1*).

Есть нуклеусы, которые имеют две плоскости скалывания, когда на одной плоскости осуществлялось параллельное скалывание удлиненных отщепов, а на другой – снятие сколов имеет радиальный характер (рис. 3.5, *2, 8*).

Нуклеусов радиальных односторонних и двухсторонних – 10 экз. (4%). Нуклеусы радиальные односторонние были изготовлены путем раскалывания уплощенных галек (рис. 3.6, *1, 5*). Двусторонние радиальные нуклеусы также были получены в ходе расщепления кремневых галек (рис. 3.5, *3*; 3.6, *1, 2, 3, 6*).

Отщепов с радиальной огранкой обнаружено всего 62 экз. - это 3,5 % от всех сколов. Это свидетельствует о второстепенном значении радиального способа расщепления нуклеусов.

Среди нуклеусов встречаются одноплощадочные подпризматические ядрища, но большинство - это нуклеусы с двумя и более площадками (Табл. 2). Небольшая группа (5 экз. – 2% от всех нуклеусов) представлена ядрищами с плоскостным продольным снятием удлиненных пластинчатых и укороченных сколов первичного и вторичного снятия. Ударные площадки гладкие, созданные одним сколом, или же несколькими плоскими снятиями, а также естественные (рис. 3.4; 3.5; 3.6). Было выявлено 210 отщепов с продольной огранкой 210 экз. (12% от всех сколов). Среди отщепов присутствует 6 экз. пластин и 21 экз. пластинчатых отщепов. Большая часть пластин аморфные и они имеют трехгранное сечение (рис. 3.11, *1-6*).

Всего сколов выявлено 1769 экз. Примерно одну треть составляют сколы с естественными ударными площадками (584 экз. - 33%) и галечной коркой на спинке (630 экз. - 35%). Остальные сколы по характеру огранки дорсальной поверхности распределяются следующим образом: продольные и бипродольные - 25%, с гладкой поверхностью - 17%, бессистемная - 10%, перекрестная - 9%, радиальная - 2,7% Достаточно большое количество орудий на первичных отщепах свидетельствует о том, что у древних людей подготовка нуклеуса к раскалыванию была минимизирована строго необходимыми операциями, такими как: создание ударной площадки, формирование поверхности скалывания посредством снятия галечной корки, удаление выступов или заломов и др. Второй по численности является точечная ударная площадка - 305 экз. (17%). Значительная часть этих сколов могла появиться в процессе изготовления бифасов. На третьем месте гладкие ударные площадки, созданные одним сколом - 212 экз. (12%). За ними по количеству следуют двугранные площадки - 106 экз. (6%). Важно, что среди площадок имеются грубо фасетированные, то есть, сформированные из 3-4 фасеток, подобных

сколов насчитывается 44 экз. (2,5%). Тонко фасетированные ударные площадки единичны. Обращает на себя внимание тот факт, что 22% сколов (388 экз.) имеют удаленные ударные площадки вместе с ударными бугорками. В большинстве случаев удаление производилось с помощью обломов, и только небольшая часть - с помощью ретуши и сколов утоньшения (рис. 3.8, *2, 6*; 3.9, *1, 3*; 3.11, *5, 8*; 3.12, *4, 5, 6, 11*; 3.13, *3, 5, 7, 8, 9, 10,14, 15*; 3.14, *4, 6, 8*; 3.15, *2, 3, 5, 11*; 3.16, *11, 12*). Кроме того, у сколов отсутствовала какая-либо связь между характером ударной площадки и огранкой спинки.

Вторичная обработка характеризуется использованием различной ретуши, резцовых сколов, анкошей, фрагментирования, сегментации, оббивки. В большинстве случаев применялась однорядная, отвесная, крутая и полукрутая, чешуйчатая, краевая ретушь. Иногда для формирования граней применялась обивка крупными и средними ступенчатыми сколами, края подправлялись крутой чешуйчатой ретушью. Часто ретушью выравнивался край на отдельных участках граней, причем ретушь была нерегулярной, она была разного размера и глубины. Лезвия в плане и профиль имели зигзагообразный профиль. Нередко при отделке орудий применялись пологие или же плоские крупные и средние сколы в целях утоньшения спинок орудий или же ударных бугорков (рис. 3.10, *3*; 3.11, *6, 7, 10*; 3.12, *3, 5, 11, 12, 13*; 3.13, *6*; 3.14, *7*; 3.15, *15*; 3.16, *11*). У многих орудий присутствует двусторонняя или же противолежащая ретушь рабочих участков (рис. 3.8, *8*; 3.9, *1*; 3.10, *1, 3*; 3.11, *1, 3, 11, 12*; 3.12, *5, 8, 9, 11*; 3.13, *2*; 3.14, *1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8*; 3.15, *1-3, 5, 8, 9, 10*; 3.16, *1, 2, 3, 4, 7, 10-13*).

Анкоши представлены простыми или ретушированными, являлись или составной частью оформления рабочего участка, например у клювовидных орудий (рис. 3.14, *1-4*), орудий с шипом (рис. 3.14, *5, 8*; 3.15, *2, 6, 8, 9*), орудий с выемками (рис. 3.16, *1-4, 6-10*), скребков (рис. 3.10, *7, 11*), острий (рис. 3.15, *10, 14*), обушковых ножей (рис. 3.11, *7, 9, 11*), резчиков (рис. 3.12, *1, 2, 6, 8, 10*) или

же аккомодационным оформлением черенков резчиков (рис. 3.12, *7, 11*), обушковых ножей (рис. 3.16, *5*) или же резцов (рис. 3.13, *1, 13, 14*).

Фрагментация заготовок широко применялась на памятнике (22% всех сколов). Прежде всего, она имела целью удаление массивного ударного бугорка. Наряду с этим, фрагментация посредством облома или же сегментации имела и самостоятельное значение для получения нужной формы изделия или рабочего участка. Таким способом удавалось получить остроугольный выступ или плоскую грань, не требующие значительной подработки (рис. 3.10, *7, 10*; 3.11, *3, 10, 13*; 3.12, *12*; 3.13, *5, 11*; 3.14, *6*). Наряду с этим употреблялась фрагментация посредством вертикальной или же крутой ретуши (рис. 3.11, *4*; 3.12, *7, 11*; 3.14, *4, 5*; 3.16, *12*).

Резцовые сколы продольной, поперечной направленности использовались для создания рабочих участков в форме прямых или острых углов резчиков (рис. 3.13).

Всего в коллекции было выявлено 479 экз. орудий (Табл. 2). Это без учета отщепов с ретушью, часть из которых могли быть различными орудиями (резчиками, скреблами, скобелями, ножами и пр.), что может установить только трасологический анализ. Характер вторичной обработки во многом повторяет технику получения заготовок, что хорошо видно на примере бифасиальных орудий. Некоторые из них невозможно отличить от нуклеусов.

На стоянке-мастерской Кусимово-6 было обнаружено 5 бифасов и 1 бифасиальный остроконечник: бифас-рубило обушковое на гальке серого кремня (рис. 3.8, *1*), остроконечник бифасиальный, асимметричный, миндалевидной формы из черного кремня (рис. 3.8, *2*), заготовка бифаса на гальке серого кремня (рис. 3.8, *3*), дистальный фрагмент остроконечника бифасиального из черного кремня (рис. 3.8, *4*), полубифас-частичное рубило на гальке серого кремня (рис. 3.8, *7*), бифас асимметричный обушковый на плоской гальке серого кремня (рис. 3.8, *5*), бифас-рубило овальной формы на гальке серого кремня (рис. 3.17, *3*) [Котов и др., 2020б, с. 1605]. Таким образом,

серия бифасов демонстрирует единую технику их изготовления. Все они имеют двояковыпклое сечение, в плане овальной или листовидной формы с закругленным основанием. Поверхность и приблизительный контур формировались радиальными крупными сколами. Затем производилось утончение пологими длинными сколами, иногда образующие параллельную огранку, на последнем этапе лезвие выравнивалось двусторонней ретушью, кончик мог уплощаться и приостряться пологими удлиненными фасетками ретуши.

Одно рубящее орудие является чоппером на плитке прямоугольной формы из темно-серого кремня (рис. 3.17, *1*). У него несколькими крупными сколами была сформирована пологая грань и острый прямой край. Обушковая грань обработана крупными отвесными сколами и выровнена средними сколами и мелкой ретушью.

Одной из самых представительных категорий являются скребла - 29 экз. (6%). Скребла представлены различными типами и подтипами: конвергентными (5 экз.) (рис. 3.8, *6*; 3.9, *2*, *8*), продольными (7 экз.) (рис. 3.9, *1, 4*), поперечными (2 экз.) (рис. 3.9, *3*), простыми (13 экз.) (рис. 3.9, *5, 7*) и двойными (2 экз.) (рис. 3.9, *6*). Все скребла были сформированы в единой технике: рабочие грани создавались крутыми крупными сколами, затем выступы и грани выравнивались средними по величине сколами, и окончательно лезвие выравнивалось крутой несистематической ступенчатой ретушью, из-за чего оно часто неровное в плане. Некоторые скребла имеют оформленные различными техническими примами приостренные углы или концы (рис. 3.8, *6*; 3.9, *2, 3, 4, 5*). Одно массивное скребло обладает, созданным двусторонним утончением, черенком (рис. 3.9, *1*).

Скребки (17 экз.) также отличаются большим разнообразием. Эти орудия представлены следующими типами: скребок боковой (рис. 3.10, *11*), скребок прямой на нуклеусе ортогональном (рис. 3.10, *9*), скребок вентральный (рис. 3.10, *2, 5*), скребок выпуклый (рис. 3.10, *6*), скребок с носиком (рис. 3.10, *7*),

скребок полукруглый (рис. 3.10, *8*), скребок двойной (рис. 3.10, *11*), скребок стрельчатый (рис. 3.10, *4*), скребок-резчик; скребок-нож (рис. 3.10, *3*), скребок-острие (рис. 3.10, *10*), микроскребок.

Из этого набора орудий видно, что среди изделий, отнесенных к скребкам, отсутствуют устойчивые типы. Зачастую к скребкам условно отнесены отщепы с участками более-менее систематической крутой ретушью, причем присутствуют вентральные формы. Вместе с тем, наряду с обычными полукруглыми скребковыми лезвиями, выявлены необычные, явно специализированные орудия со стрельчатой и клювовидной формами рабочих участков. Серия скребковидных орудий на нуклевидных изделиях зафиксирована в нижнем IV культурном слое грота Старые Дуруиторы [Анисюткин и др., 2017, с. 69]. Скребки с носиком - это достаточно специфичное орудие, при этом, сходное изделие также было найдено в IV культурном слое грота Старые Дуруиторы [Анисюткин и др., 2017, рис. 31, *2*].

Внушительной серией представлена такая категория как ножи обушковые - 13 экз. (2,7% от всех орудий). Часть ножей объединяет единая техника обработки и форма: поверхность изделий и рабочие участки обрабатывались с обеих сторон крупными пологими снятиями, лезвия выравнивались средними и мелкими сколами (рис. 3.11, *7, 9-11, 13*). У некоторых изделий лезвие завершается или закругленной режущей кромкой или же острием (рис. 3.11, *7-13*). В целом эта техника сопоставима с обработкой других бифасиальных орудий и нуклеусов.

Еще одна категория режущих инструментов - резчики, относится к самым представительным - 98 экз. (20% от всех орудий). У этих орудий рабочим участком выступала режущая кромка острия, шиповидного выступа или же угла. Часто рабочий участок формировался пологой или полукрутой ретушью с одной стороны скола (рис. 3.12, *1, 2, 6, 8, 12*). Нередки орудия с двумя рабочими кромками (рис. 3.12, *3, 5*) или же образованные бифасиальной ретушью (рис. 3.12, *4, 5, 9, 10, 13*). Было установлено, что в качестве заготовок

для этого типа орудий часто использовались укороченные массивные отщепы, концы которых подправлялись мелкой крутой ретушью (рис. 3.12, 5). Среди резчиков выделяются два орудия, у которых бифасиальной обработкой оформлены черенки (рис. 3.12, *7, 11*). Сходные орудия Н.К. Анисюткин относит к долотовидным орудиям клювовидной формы и в нижнем слое молдавской стоянки Стинка I есть аналогичное изделие [Анисюткин, 1973, рис. 1, *9*].

Здесь также присутствует сложная обработка, которая в принципе соответствует той, что применялась к другим бифасиальным орудиям. Общей чертой многих резчиков является клювовидный выступ или угловой шип с режущей кромкой, созданной полукрутой или пологой ретушью.

Другой тип изделий, принцип использования которой также предполагает обработку углов и выступов - это орудия с резцовым сколом. Разнообразие и неустойчивость форм этих орудий, а также особенности оформления рабочих участков дают основание их относить к разновидности резчиков. Всего на памятнике установлено 47 экз. орудий с резцовым сколом, это 9,8 % от всех орудий (Табл. 2). Большая часть их изготовлено на отщепах, и только единичные - на осколках. Среди них встречаются боковые ретушные (рис. 3.13, *1, 2*), боковые (рис. 3.13, *3, 4, 7, 14*), латеральные (рис. 3.13, *6, 12*), срединные (рис. 3.13, *8*), многофасеточные (рис. 3.13, *5, 10, 11, 15*), клювовидные (рис. 3.13, *13*), комбинированные (рис. 3.13, *9*).

Очевидно, родственными по функции предыдущим инструментам являются клювовидные орудия (4 экз.). У них имеется клювовидный выступ, который был создан ретушированием вогнутого (рис. 3.14, *2, 3*) или прямого края (рис. 3.14, *1, 4*). Одно изделие имеют два клювовидных выступа, концы которых были оформлены ретушью (рис 3.14, *4*). Похожие орудия присутствуют в материалах грота Бом Бон во Франции [Lumley et al., 1976, fig. 21, *9, 10*].

Другая родственная категория - орудия с шипом - 53 экз. (11% от всех орудий). Она также похожа на предыдущие по характеру обработки:

посредством крутой противолежащей (рис 3.14, *5*), односторонней (рис. 3.14, *6*) или двусторонней (рис. 3.14, *7, 8*) ретушью обрабатывался шиповидный выступ.

Сходным образом образовывались орудия с острием небольшого размера, которые были отнесены к проколкам (6 экз.). У этих орудий крутой ретушью формировались две выемки, выделявшие острый выступ (рис. 3.15, *1, 2, 6*), присутствуют изделия с одной выемкой (рис. 3.15, *4, 5, 7, 8*), есть орудия с обработкой противолежащей ретушью (рис. 3.15, *3*).

У некоторых изделий обработкой была придана остроконечная форма, поэтому они были отнесены к остриям - 21 экз. (2% от всех орудий). Эта форма могла быть достигнута ретушированием краев заготовки (рис. 3.15, *9, 10, 11, 12*), ретушированием граней (рис. 3.15, *13*) или нуклевидной обработкой поверхности заготовок (рис. 3.15, *14, 15*). Аналогичные острия встречаются среди орудий в гроте Бом Бон (Франция) [Lumley et al., 1976, fig. 21, *18-22*].

К выемчатым орудиям были отнесены отщепы с ретушированными вогнутыми участками - 7 экз. (рис. 3.16, *1-10*). Сюда были включены изделия только с регулярной ретушью, чтобы исключить сколы, у которых выемки могли образоваться в результате повреждений естественного характера.

Уникальной находкой является крупная галька серого кремня подтреугольной формы с одной вогнутой поверхностью, размер: 12,3×16,7×5 см (рис. 3.17, *2*). Выемка овальной формы размером 9×10,5 см и до 13 мм глубиной была создана посредством пикетажа и продолжительного абразивного воздействия каменным инструментом. Внутри выемки присутствуют цепочки звездчатой выкрошенности и неглубоких выщербин, концентрирующихся по периферии углубления и отсутствующие в центре. В центре эти следы были сглажены в процессе работы абразивным инструментом. Это указывает на то, что эти выщербины появились, очевидно, от ударов каменным предметом - пикетажем в процессе формирования углубления. Внутренняя поверхность выемки выровнена и заглажена. Под микроскопом при

100-кратном увеличении видны участки сильной стертости и заполировки, а также разнонаправленные царапины. На краю выемки зафиксированы участки с параллельными царапинами и бороздами. Очевидно, эти следы указывают на использование этого предмета в качестве ступки для перетирания мягковолокнистых материалов. На концах гальки и на одном краю изделия присутствуют негативы крупной ретуши с заломами, указывающие на употреблении предмета в качестве ударного инструмента для расщепления камня уже после появления выемки. Таким образом, по характеру обработки и следов использования этот предмет следует отнести к разряду комбинированных орудий, таких как ступка, которая также употреблялась как молоток-отбойник. Характер повреждений от использования в качестве молотка-отбойника свидетельствует о том, что изделие следует относить к среднему палеолиту.

В итоге на многих орудиях были зафиксирована обработка нерегулярной ретушью, часто фасетки имеют и разный размер, а также разную глубину выемок. У некоторых орудий форма образована крупными, глубокими сколами и поверхность, а также край не выравнивался более тщательной обработкой. Это позволило выделить изделия на отщепах, края которых имели несистематическую крупную ретушь - зубчатые орудия (4 экз.). В основном это сколы с двусторонней нерегулярной ретушью и зубчатым краем (рис. 3. 16, *11, 13, 14*). У одного отщепа на вентральной стороне край был обработан крутой крупной ретушью, на другом крае крутой крупной ретушью был выделен выступ (рис. 3. 16, *12*).

В ходе анализа материалов стоянки Кусимово-6 была установлена гомогенность коллекции, то есть, все нуклеусы, сколы и орудия были изготовлены не только в рамках одной традиции. Нуклеусы отличаются разнообразием, они представлены подчетырехугольными плоскостными с продольным скалыванием, ортогональными, радиальными, подпризматическими и бессистемными типами. Достаточно много ядрищ,

которые имеют две и больше плоскостей скалывания. Одна треть сколов обладает естественными ударными площадками и дорсальными поверхностями. Индекс грубо фасетированных ударных площадок (IF) - 2,5. Единичность тонко фасетированных площадок и атипичных леваллуазских сколов указывает на нелеваллуазкий характер индустрии. Часть сколов (26,5%) имеют удаленную (22%) или неопределимую (4,5%) ударные площадки. Кроме того, 59% всех сколов по размеру меньше 30 мм, около 20% - до 40 мм, до 50 мм - 12%, и дальше в порядке уменьшения - до 60 мм - 4,2%, до 70 мм - 2,6%, остальные размеры единичны. Во многом мелкоразмерный характер индустрии связан с использованием соответствующего сырья и заготовок.

Техника обработки бифасиальных орудий в основных чертах сходна с обработкой нуклеусов. Еще одна категория представлена двусторонними формами - это обушковые ножи. Двусторонней обработкой оформлялись рабочие участки и у других категорий орудий (резчиков, проколок, острий, орудий с шипом, клювовидных, выемчатых орудий, скребков). У них присутствует сходная техника обработки и форма: поверхность изделий и рабочие участки формировались крупными пологими сколами, лезвия выравнивались средними и мелкими сколами. Представляется, что бифасиальная обработка применялась так широко для компенсации недостатков заготовок.

Среди скребловидных орудий преобладают с выпуклыми лезвиями, реже встречаются прямые, продольные и поперечные, конвергентные и двойные. Также отличаются разнообразием и неусточивостью форм скребки. Серийно представлены разнообразные угловые и остроконечные формы орудий: орудия с резцовыми сколами, резчики, клювовидные орудия, острия, проколки. Среди изделий присутствуют 3 орудия с черенком и у нескольких орудий были оформлены насады, что указывает на возможное наличие составных инструментов.

Большое разнообразие форм, отсутствие устойчивых приемов первичной и вторичной обработки указывает на большую роль ситуативности при изготовлении тех или иных орудий. С другой стороны анализ орудий «высокого уровня целостности» (бифасов, остроконечников, конвергентных скребел, обушковых ножей) и нуклеусов показывает в принципе сходный набор технических приемов обработки поверхности. Аналогично производилось уплощение поверхностей массивных заготовок в ходе оформление других типов орудий. Это позволяет предположить, что основной идеей орудия на памятнике являлся бифас. Второй по значимости «идеей орудия» являлись формы на отщепах с выделенными ретушью или подтеской остриями или углами с режущими кромками - резчики, орудия с шипом, клювовидные орудия, острия. Часто на одном изделии присутствуют два и более рабочих участков, порой с разной функцией - скребло-резчик, скребок с шипом, двойные резчики пр., что, предположительно, указывает на стремление придать универсальность орудиям.

Присутствие так называемых «прогрессивных» форм не должно удивлять, поскольку скребки, «резцы», проколки и призматические нуклеусы представлены в среднем и даже в нижнем палеолите [Bordes, 1988, p. 49, 50, 51, 97]. Подобные изделия, наряду с чопперами, пиками, грубыми скреблами и архаическими нуклеусами, являются отличительной чертой кварцитовой индустрии стоянки Акбулатово-3 в горной части р. Белой, которая была отнесена к переходному периоду от нижнего к среднему палеолиту и датируется концом среднего плейстоцена [Котов, Румянцев, 2021, с. 21]. На стоянке-мастерской Кусимово-6 они также сочетаются с «ашельскими» орудиями: рубильцами, чопперами, грубыми скреблами. Нижнепалеолитические черты присутствуют как в первичной обработке: нуклеусы радиальные, ортогональные, бессистемные, преобладание первичных сколов и отщепов с радиальной, бессистемной огранкой, отщепы массивные, аморфные, с хорошо выраженными ударными бугорками, много укороченных.

Так и вторичная обработка отличается набором приемов, компенсирующих недостатки первичной обработки: разнообразные техники утончения поверхности широкими краевыми плоскими сколами, радиальными снятиями; уплощение ударного бугорка ретушью или плоскими сколами; удаление ударного бугорка посредством фрагментации заготовки, сегментация заготовок в продольном или поперечном направлениях одним сколом или нескольким вертикальными обломами и пр.

Кроме того, серийно представлены такие орудия как: бифасы-рубила небольшого размера, бифасиальные остроконечники, скребла на плитках и расколотых гальках с отвесной ретушью, большое количество бифасиальных орудий (острия, резчики, ножи обушковые, орудия с резцовыми сколами), комбинированные орудия: скребла с остриями, скребла с резчиками, скребки-резчики, зубчатые орудия, встречаются чопперы.

Данные особенности характеризуют индустрию стоянки-мастерской Кусимово-6 как среднепалеолитическую. Об этом говорит и возраст отложений, к которым приурочен этот памятник – конец среднего неоплейстоцена-начало верхнего неоплейстоцена (130-120 тыс. л.н.).

В непосредственной близости от стоянки Кусимово-6 в кусимовской долине, на местонахождении Кусимово-8 были собраны нуклеусы и изделия среднего палеолита, сходные с теми, что были найдены в раскопе 1 стоянки Кусимово-6 [Котов, Савельев, 2022]. Также в 1 км к западу были выявлены еще две стоянки, Зеленая Поляна-2 и Яманкая-1, обладающие сходными типами каменных изделий [Котов, 2022б-А].

В Южном Зауралье на территории Баймакского и Абзелиловского районов Башкортостана были выявлены ряд местонахождений со сходной индустрией, которые являются небольшими локализованными гомогенными комплексами односезонных стоянок. В частности, местонахождение Сабакты-6а на восточном берегу оз. Сабакты [Котов, 2008-А]. Ряд стоянок и местонахождений среднего палеолита были выявлены в долине р. Сагылузяк

вблизи с. Баишево в Баймакском районе Башкортостана [Котов, 2005-А]. Среди них местонахождения Долина-1, Долина-11 [Савельев, 1997-А]. Они находятся вблизи д. Баишево Баймакского района Башкортостана на краю низкой, не распахиваемой террасы восточных отрогов хребта Ирендык на западном берегу древнего высохшего озера Сагылкуль, существовавшего в среднем плейстоцене [Казаков, 2017, 2018; Котов, 2005-А; Котов, Савельев, 2021а, с. 19]. Местонахождение Утюльган-8 было обнаружено недалеко от д. Янзигитово Баймакского района Башкортостана [Котов, 2005-А]. На р. Худолаз также были исследованы ряд памятников среднего палеолита, и самая представительная коллекция была собрана с местонахождения Сибай-5б [Котов, 2005-А]. Много лет известно местонахождение каменных изделий на р. Урал на окраине г. Магнитогорска на горе Маячной [Корда, 1971].

Их изучение позволяет получить дополнительную информацию о технологии, типе хозяйства и расселении носителей кусимовской индустрии.

Между тем, в Южном Зауралье был исследован стратифицированный памятник открытого типа с фауной - стоянка Богдановка, который демонстрирует средний этап существования кусимовской индустрии.

Стоянка Богдановка расположена на левом берегу р. Урал, в 1,5 км ниже оп течению рек и от с. Богдановка Кизильского района Челябинской области, в 150 км к югу от г. Магнитогорска (52°24’ с.ш., 59°04’ в.д.) (рис. 3.1). Стоянка была открыта в 1988 г. В.Н. Широковым, Э.К. Касимовым и А.И. Варовым. Раскопки памятника были осуществлены в 1989 г. под руководством В.Н. Широкова [Широков, 1989; Широков, Волков, 2001; Широков и др., 2011].

Памятник приурочен к обрыву излучины реки высотой 14-18 м, сложенной делювиальными отложениями. В обнажении берега на протяжении 60 м прослежено скопление костей неоплейстоценовых животных и культурный слой (рис. 3.35). Раскоп имел размеры 10×3-6 м, площадь около 40 м^2, он был размещен вдоль кромки берега (рис. 3.37).

В ходе раскопок было установлено, что кости и находки преимущественно приурочены к двум скоплениям чешуек в слое серовато-желтого суглинка на глубине 6,6 м от современной поверхности (рис. 3.36; 3.37). Всего было обнаружено 1864 экз. каменных изделий. По сырью большая часть их изготовлена из яшмы разных оттенков серого цвета, единичные экземпляры из кремнистого сланца, красной яшмы, фтанита черного цвета и туфита.

В коллекции присутствуют нуклеусы и нуклевидные изделия - 4 экз. Один грубый нуклеус - монофронтальный, плоский, параллельного скалывания, подчетырехугольной формы, имеет две противопоставленные ударные площадки на узких гранях гальки - одну грубо ретушированную, а другую естественную, тыльная сторона ядрища сохраняет галечную корку (рис. 3.38, *4*). Еще один нуклеус происходит из сборов, он округлой в плане формы, плоский, площадки грубо ретушированные, в трех случаях - двухгранные, тыльная сторона сохраняет галечную корку (рис. 3.38, *3*). В.Н. Широков характеризует его как «нуклеус леваллуа для отщепов «многоразовый», монофронтальный, бипродольный [Широков и др., 2011, с. 130, рис. 4, *3*]. Между тем, следует обратить внимание на то, что крупные сколы были сняты с боковых граней, и в двух местах на боковых гранях были подготовлены грубо фасетированные ударные площадки, а также поверхности скалывания для последующих снятий радиальной направленности. Исходя из этого, данный нуклеус вполне можно рассматривать как радильный плоский односторонний. Еще одно изделие представляет собой нуклеус плоский, многоплощадочный, перекрестно ортогонального скалывания (рис. 3.38, *2*). В работе В.Н. Широкова этот предмет описывается как пренуклеус «леваллуа для пластин» [Широков и др., 2011, с. 130, рис. 4, *2*]. В коллекции присутствует нуклеус двухплощадочный, двухсторонний, параллельного скалывания, который был фрагментирован крупным ныряющим сколом. У него дополнительно продольными и боковыми сколами была уплощена одна поверхность

скалывания, а на ударной площадке крутой ретушью был сформирован прямой скребловидный край (рис. 3.38, *1*).

Одно изделие - это отбойник на продолговатой гальке с негативами крупных продольных ступенчатых снятий с заломами на одном из концов орудия (рис. 3.38, *5*). Забитость есть и на углу противоположного конца, причем повреждения концентрировались на боковой поверхности, что указывает на возможное использование этого предмета для раскалывания и обработки каменных изделий в качестве молотка-отбойника.

По данным исследователей памятника основным типом заготовки являлись отщепы - 460 экз. (24,7%) и чешуйки, осколки - 1350 экз. (72,4%). Больше половины их (54%) полупервичных, 36% вторичных и 10% первичных. Сколов с естественными ударными площадками 30,8%, с гладкими 23,1%, фасетированных и двугранных по 10%, точечных 2,6%, проксимальная часть отсутствует у 33% заготовок. У трети заготовок (35,9%) была удалена дистальная часть. Сколы по форме огранки спинки различаются следующим образом: ортогональная - 35,9%; продольная - 30,8%; бипродольная - 7,7%; гладкая - 7,7%; подперекрестная - 5,1%; перпендикулярная - 2,6% [Широков и др., 2011, с. 131].

Эти характеристики сколов стоянки Богдановка и, прежде всего, из-за низкого процента фасетированных площадок говорят о том, что данная индустрия не является леваллуазской и фасетированной [Любин, 1965, с. 47, 48]. Более того, эти данные близки к материалам стоянки-мастерской Кусимово-6: сопоставимо соотношение сколов с естественными ударными площадками - 33% и удаленных ударных площадок - 22%, но при этом, созданных одним сколом - 12%, фасетированных и двухгранных ударных площадок - 8,5%, что в два раза больше, чем в Кусимово-6. Это может указывать на более поздний стадиально возраст стоянки Богдановки по сравнению с Кусимово-6.

Изделий со вторичной обработкой и следами использования - 40 экз. (2,1%). Подробное описание орудий со стоянки с результатами трасологического анализа были приведены в отдельной работе [Широков, Волков, 2001].

Самой многочисленной категорией являются скребла - 11 экз. Они представлены следующими типами: продольные прямые (3 экз.) (рис. 3.39, 1-3), выпуклые (2 экз.) (рис. 3.39, *4, 5*), вогнутые (1 экз.) (рис. 3.39, *8*), выпукло-вогнутые с клювовидным острием, выделенным бифасиальной ретушью (1 экз.) (рис. 3.39, *7*), диагональные (2 экз.) (рис. 3.39, *10, 12*), угловатое (1 экз.) (рис. 3.39, *14*).

Весьма показательным является овальное скребло (лимас) с бифасиальной обработкой (рис. 3.39, *17*). Оно имеет в профиль двояковыпуклую форму. Орудие использовалось как для скобления шкур, так и для разделки туш животных в качестве ножа [Широков, Волков, 2001, с. 16].

Единственным орудием представлен остроконечник мустьерский, асимметричный, листовидной формы с прямым основанием на леваллуазском отщепе (рис. 3.39, *16*). Функциональное определение изделия - резание шкур и мяса [Широков, Волков, 2001, с. 16].

Ножи - 5 экз. (рис. 3.39, *9, 15*; 3.40, *13, 14, 20*). К ним В.Н. Широков отнес изделия на аморфных отщепах с естественным или искусственными обушками и противолежащими острыми краями. Они использовались для резания мягко волокнистых материалов и мяса [Широков, Волков, 2001, с. 16-17].

Выемчатые орудия - 7 экз. Изготовлены на сколах размером от 2,4 до 10 см, у которых были оформлены выемки (рис. 3.40, *1-6, 17*). В основном, они использовались для скобления дерева [Широков, Волков, 2001, с. 17]. Среди этих изделий есть одно явно комбинированное орудие с выделенными ретушью на дистальном крае двумя шиповидными выступами и подправленным подтеской острием на проксимальном участке (рис. 3.40, *3*). Одно орудие являлось зубчато-выемчатым, оно было изготовлено на полупервичном отщепе

(рис. 3.40, *8*). Также единственным экземпляром представлено зубчатое орудие на полупервичном отщепе с радиальной огранкой (рис. 3.39, 15).

Кроме того к орудиям были отнесены сколы с ретушью и следами использования - 13 экз. (рис. 3.39, *11*; 3.40, *1, 9, 11, 12, 15, 16, 18, 19*).

Обращает внимание присутствие у многих орудий специально оформленных ретушью, обломами, выемками, подтеской или анкошами острых углов, острий или шиповидных выступов, которые могут являться рабочими участками резчиков (рис. 3.39, *2, 3, 6, 7, 8, 12, 14, 17*; 3.40, *1, 3, 6, 8, 10, 12, 14, 17*). Эти детали еще больше сближают обе индустрии.

Остеологический материал показал, что на участке раскопа стоянки были утилизированы пять особей мамонта, две - бизона, по одной - благородного оленя, северного оленя, сайги, лошади и малого пещерного медведя. По мнению исследователей памятника, вероятно, данная стоянка была временным сезонным весенним лагерем сбора и утилизации утонувших животных [Широков и др., 2011, с. 136, 137].

Сочетание животных открытых перигляциальных пространств (мамонт, бизон, северный олень, лошадь, сайга, малый пещерный медведь) и лесных (благородный олень), дополняется данными спорово-пыльцевого анализа. Он показал, что культурный слой формировался в отложениях, содержащих спорово-пыльцевые спектры степных ландшафтов, с включением пыльцы березы и сосны, произраставших в долине р. Урал и в предгорьях [Широков и др., 2011, с. 131, 138]. Следует обратить внимание на сходство спорово-пыльцевого спектра отложений III надпойменной террассы местонахождения Пещерный Лог на р. Чусовой, на котором присутствуют прямые аналогии ведущим типам изделий на стоянке Богдановка [Бадер, 1957, с. 307].

Возраст стоянки предварительно оценивается первой половиной позднего неоплейстоцена; вероятно, он совпадает с морскими изотопными стадиями 5a-b-4 (примерно 90–70 тыс. л.н.) [Широков и др., 2011, с. 137].

Не смотря на мало репрезентативную выборку орудий (27 экз. без учета отщепов с ретушью), В.Н. Широков пришел к выводу о принадлежности каменной индустрии к мустье типичному с элементами леваллуазского расщепления с доминированием односторонней обработки [Широков и др., 2011, с. 138]. Этот вывод у него основывается на интерпретации одного нуклеуса как леваллуазского [Широков и др., 2011, с. 130]. Также вызывает сомнения описание В.Н. Широковым овального скребла как частично бифасиального [Широков, Волков, 2001, с. 16], что стало основанием для вывода о том, что «полностью двусторонне обработанные изделия отсутствуют» [Широков и др., 2011, с. 130, 138]. Между тем, еще ряд деталей противоречат этому выводу. Например, в коллекции отсутствуют пластинчатые сколы, и ведущей формой заготовок являлись отщепы, причем 64,1% из них относились к первичным и полупервичным, что также является признаком нелеваллуазской индустрии [Любин, 1965, с. 43]. Также для индустрии памятника характерен довольно низкий процент фасетированных и двугранных площадок - 10,3%, указывающий на принадлежность ее к категории «нефасетированных» [Любин, 1965, с. 48]. Обращает на себя внимание полное сходство остроконечников стоянок Богдановка и Пещерный Лог в Прикамье [Павлов, 2008, с. 35, рис. 2, *10*]. На этом основании более аргументированной является мнение П.Ю. Павлова о принадлежности стоянки Богдановка к восточно-микокскому технокомплексу [Павлов, 2009а, с. 31]. Наличие же зубчатых орудий, бифасиального скребла, нуклеуса-скребла, клювовидного орудия и многочисленных примеров комбинирования рабочих участков с выделенными ретушью или анкошами остриями или шиповидными выступами – резчиков (?) дает основание относить этот памятник к кусимовскому типу индустрии.

Еще один стратифицированный памятник с фауной, относящийся к финальному этапу существования кусимовской традиции - это стоянка в пещере Иманай-1.

Пещера Иманай-1 (Барсучья Нора) расположена в урочище Иманай, в 1,5 км к северо-востоку от горы Иманай, в 3,5 км к юго-западу от д. Сергеевка, в 5 км к западу от пос. Нугуш Мелеузовского района Республики Башкортостан (рис. 3.1; 3.41). Она находится в левом борту дола Иманай, на высоте 30 м от уровня урочища Иманай (рис. 3.42). Вход находится в воронке и закрыт от взора насыпью высотой 2 м. Он имеет вид узкой щели около 1,5 м шириной и 0,5 м высотой, ориентирован на север (рис. 3.43).

Пещера представляет собой коридор, тянущийся под углом 11° вверх с юга на север в виде туннеля с уступами, покрытыми крупными камнями. Он имеют длину 70 м, 2 м ширины и 3 м высоты, и заканчивается небольшим залом (зал Дальний) размером 2×4×3 м, пол которого на 2 м ниже ложа туннеля (рис. 3.44; 3.45).

Пещера исследовалась комплексно в рамках единой экспедиции двумя отрядами: археологический - ИИЯЛ УНЦ РАН (руководитель В.Г. Котов) и палеонтологический - ИЭРЖ УрО РАН (руководитель Д.О. Гимранов) в 2009, 2015-2016 гг. [Котов, 2009; Гимранов и др., 2017; Котов и др., 2020а].

Большая часть костей была обнаружена в Дальнем зале (рис. 3.45). Здесь были зафиксированы вдоль стен скопления костей неоплейстоценовой сохранности. По определению археозоологов Д.О. Гимранова (ИЭРЖ УрО РАН, г. Екатеринбург) и Р.М. Сатаева (БГПУ, г. Уфа), в основном, это кости малого пещерного медведя (*Ursus ex gr. savini-rossicus*) (93%), пещерного льва (*Panthera ex gr. fossilis-spelaea*), встречаются кости степного сурка, зайца беляка, бобра, волка, лисицы, барсука, росомахи, хоря, лошади, носорога, лося, первобытного бизона [Gimranov et al., 2018, p. 193; Котов и др., 2020, с. 1279; Гимранов и др., 2018; Гимранов и др., 2021]. Абсолютное большинство костей животных (99%) происходит из верхних горизонтов до глубины 0,6 м [Gimranov, Kosintsev, 2020].

В Дальнем зале был заложен раскоп 1 площадью 12 м^2 (рис. 3.46). Отложения были вскрыты до глубины 0,6 м и зафиксировано четыре

геологических слоя (рис. 3.47): 1) Супесь светло-коричневая с известняковой щебенкой и кусками черного кремня. В основании слоя присутствует фрагментированная кальцитовая корка толщиной 3-4 мм. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность - 0,1 м. 2) Супесь светло-коричневая с доломитово-известняковой растворенной щебенкой. В основании слоя зафиксирована прослойка серовато-коричневого суглинка толщиной 2-3 см. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность 0,1-0,15 м. 3) Супесь темно-коричневая с доломито-кальцитовым гравием и кусками кремня. В основании слоя залегает прослойка известняковой супеси, насыщенная гравием. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность - 0,2 м. 4) Супесь коричневая с доломито-кальцитовым гравием и кусками кремня. Выявленная мощность 0,2 м.

Коллаген был обнаружен в костях животных только из 1-го слоя, который соответствовал 1-му культурному горизонту. Имеются три радиоуглеродные даты: две по костям пещерного медведя и одна по кости пещерного льва: 26320 ± 1790 л.н. (GIN-14244), калиброванная дата 27369-35947 л.н. (95.4%)[7]; 34940 ± 140 л.н. (IGAN-5652), калиброванная дата 39703-40516 л.н. (95.4%); 42410 ± 260 л.н. (IGAN-5652), калиброванная дата 44566-45499 л.н. (95.4%) [Gimranov, Kosintsev, 2020; Гимранов и др., 2021, с. 1279] (Табл. 7).

Подавляющее количество изделий было изготовлено из аморфных сколов и осколков светло-серого, белесого, темно-серого и черного кремня. Очень редко встречаются орудия из коричневого кремня, серой яшмы, известняка, кальцита и кварцито-песчаника. Большая часть орудий сделана из качественного кремня светло-серых оттенков и черного цвета, который был принесен в пещеру.

Вместе с костями неоплейстоценовых животных были найдены изделия из камня, угольки, кусочки охры. Всего в раскопе 1 в пещере Иманай-1 в 1-м

[7] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

слое обнаружены 399 изделий из камня и кости (Табл. 3). Орудия составляют достаточно внушительную долю - 80% от всех изделий, полноценные нуклеусы отсутствуют, а нуклевидные формы представлены аморфными оббитыми кусками кремня - 8 экз. (2%). Сколов аморфных с бессистемной огранкой - 60 экз. (15%), пластины аморфные единичные - 3 экз. (1%). В промывке культурных отложений не были обнаружены чешуйки и мелкие сколы, что говорит о том, что раскалывание нуклеусов и обработка орудий осуществлялась за пределами этого зала, и, скорее всего, за пределами пещеры.

Во многом показательными в коллекции являются бифасиальные остроконечники. Так самый большой мустьерский бифасиальный остроконечник вытянутый, иволистный имеет плоско-выпуклую форму (рис. 3.48, *5*). Другой остроконечник похож на маленькое рубило, он имеет укороченную форму и закругленное основание (рис. 3.48, *6*). Третий остроконечник изготовлен на массивном укороченном отщепе подтреугольной ассиметричной формы с выпуклыми боковыми лезвиями и скошенным прямым основанием, левый фас сформирован радиальными сколами, края с обеих сторон обработаны крупной полукрутой ретушью разного размера (рис. 3.48, *7*).

Два конвергентных скребла миндалевидной формы в профиль обладают плоско-выпуклой формой. Брюшко сформировано радиальными сколами, дорсальная сторона выпуклая, создана радиальными удлиненными снятиями, кромка выравнивалась более мелкой ретушью. Основание массивное в профиль (рис. 3.48, *1, 3*). У двух других скребел присутствуют естественные основания, боковые грани образованы полукрутой и пологой разнокалиберной крупной ретушью, лезвия выровнены мелкой ретушью, закругленные вершины были с двух сторон подправлены сколами удлиненной пологой ретуши (рис. 3.48, *2, 4*).

Серийно представлены простые скребла (11 экз. - 2%). Некоторые имеют бифасиальную обработку поверхностей и рабочих участков (рис. 3.49, *8, 9, 10, 11*). В коллекции были выделены изделия различной формы с полукруглыми

лезвиями - скребки (8 экз. - 2%) (рис. 3.49, 1-7, 12). Большинство их имеет малые размеры, рабочие участки и боковые края обработаны вертикальной ретушью (рис. 3.49, *1, 2, 4, 6, 7, 13*). Несколько орудий отнесены к скребкам с рыльцем: у них ретушью или выемками был выделен рабочий участок (рис. 3.49, *3, 5, 12*). Одно орудие комбинированное - у него полукрутой и пологой ступенчатой ретушью обработаны края, оформившие слегка выпуклый края скребка с рыльцем и два выпуклых скребловидных края с вентральной подработкой (рис. 3.49, *11*).

Показательным является присутствие в коллекции памятника обушковых ножей (6 экз.) (рис. 3.50). У четырех из них обушки были созданы ретушью или продольными сколами (рис. 3.50, *1-3, 5*). Два орудия имеют бифасиальную обработку: у одного изделия продольными сколами было произведено утоньшение обеих поверхностей, а затем мелкой крутой ретушью был образован закругленный обушок (рис. 3.50, *4*); у другого орудия с естественным продольным обушком скошенное лезвие было создано радиальными снятиями (рис. 3.50, *7*).

Обушковые ножи из пещеры Иманай-1 по форме и технике исполнения находят ближайшую аналогию на стоянке Кусимово-6. Здесь также используется техника уплощения поверхности с обеих сторон продольными сколами, наряду с радиальными снятиями (рис. 3.11).

Абсолютно доминируют количественно среди орудий резчики (229 экз. - 57%) и острия (19 экз. - 5%). У них разнообразной ретушью, торцевыми снятиями и ретушью с двух и более сторон выделены острия с режущими кромками. Размеры изделий от 1 до 5 см (рис. 3.51). У части орудий острия имеют форму короткого шипа, и они могли быть проколками (рис. 3.51, *1-10, 12, 19*), в то время как у других массивные острия обладают режущей кромкой и они, скорее всего, являлись резчиками по мягко волокнистым материалам (рис. 3.51, *11, 13-18*). У одного резчика бифасиальной обработкой образован шиповидный выступ с плечиками, подправленный противолежащей ретушью

(рис. 3.51, *14*). Орудия с шипом широко представлены на стоянке Кусимово-6 (рис. 3.14; 3.15; 3.16). Похожие изделия присутствовали на стоянке в гроте Старые Дуруиторы [Анисюткин и др., 2017, рис. 37, *4, 6*; 39, *1, 5*].

Достаточно многочисленны изделия с резцовыми сколами (21 экз. - 5%). Большая часть из них - это боковые снятия (рис. 3.52, *1, 11*), причем нередки участки, оформленные многофасеточными резцовыми сколами (рис. 3.52, *2, 3, 4, 7, 8, 10*). Среди изделий с резцовым сколом есть латеральные формы (рис. 3.52, *5, 6, 12*) и поперечные (рис. 3.52, *9, 13*). Следует обратить внимание на то, что данная категория отличается неустойчивостью не только форм заготовок, но и разнообразием способов оформления рабочих участков резцовыми снятиями: резцовыми сколами образовывались прямые грани орудий (рис. 3.52, *2, 4*), производилось заострение концов (рис. 3.52, *7, 9*), выделялись плечиками шиповидные выступы (рис. 3.52, *1, 11*), образовывались клювовидные выступы (рис. 3.52, *6*), подправлялись режущие кромки острий (рис. 3.52, *4, 13*), сегментировались сколы (рис. 3.49, *1, 3*; 3.51, *13, 16*; 3.52, *2, 4, 5, 7, 9, 10*), создавались обушковые грани резчиков (рис.3.52, *13*), подтесывались рабочие участки резчиков (рис 3.52, *2, 5, 7, 8, 10, 12*). Принимая во внимание, что эти технические приемы широко применялись при оформлении других орудий, данная категория является разновидностью резчиков. Тем более, что в коллекции напрочь отсутствуют «спутники» резцов - вкладышевые изделия и пластины. Системный подход к изучению данной технологической традиции дает основание считать эти изделия «резчиками с подтеской» или «резчиками на сегментированных заготовках». Широкое использование техники резцового скола для оформления рабочих участков является своеобразной чертой древнего населения, оставивших следы своей хозяйственной активности в пещере Иманай-1.

В раскопе 1 был найден череп малого пещерного медведя (*Ursus ex gr. savini-rossicus*) с искусственным отверстием в теменной кости (рис. 3.53). Трасологический анализ отверстия показал, что оно было сделано каменным

наконечником копья плоско-выпуклой формы по свежей кости, то есть, животное было убито ударом сзади, возможно, во время спячки. Очевидно, что этот наконечник был похож на остроконечники, что были найдены в раскопе 1 [Котов и др., 2020а, с. 1288; Гимранов и др., 2021, с. 9].

Подводя итоги, следует отметить, что технико-типологический анализ показывает единство собранных каменных изделий из 1 культурного горизонта. Прежде всего, обращает на себя внимание мелкоразмерный характер орудий: серийно представлены резчики размером около 5 мм. Основной заготовкой являлись мелкие осколки и сегменты отщепов небольшого размера, редко встречались орудия размером более 5 см. Широко применялись техники утончения поверхностей заготовок радиальными снятиями, краевыми широкими сколами, а также сегментация обломами, торцевыми, резцовыми сколами, вертикальной ретушью. Много орудий с несколькими рабочими участками с одинаковой функцией и сходной техникой оформления. Преобладают среди орудий разнообразные резчики, оформленные ретушью или анкошами, за ними следуют различные «резчики с подтеской»: образованные боковыми, поперечными, двойными резцовыми сколами. Серийно представлены разнообразные острия, также с бифасиальной обработкой поверхности и рабочих участков. Другие орудия единичны, и среди них есть небольшие серии бифасиальных остроконечников, конвергентных скребел, бифасиальных ножей и скребел.

Это уникальный пещерный памятник среднего палеолита на Урале с таким насыщенным культурным слоем. Было установлено, что обработка нуклеусов и изготовление орудий во время накопления 1-го культурного горизонта производились за пределами пещеры, внутри пещеры были зафиксированы только единичные орудия из кости. Следов разделки туши и раскалывания костей малого пещерного медведя не было обнаружено. Находка черепа этого животного с охотничьим повреждением указывает на единичность или даже одноактность этого охотничьего действия. Полное доминирование

среди орудий разнообразных резчиков при единичности других орудий (острий, скребков, ножей и пр.) может свидетельствовать о том, что в Дальнем зале пещеры Иманай-1 осуществлялись достаточно трудоемкие по времени операции по раскройке шкур. Редкость специализированных орудий для изготовления одежды (проколок, скребел и пр.), мелкие размеры аморфных скребков, - все это позволяет выдвинуть острожное предположение о массовом изготовлении из кожи каких-то охотничьих приспособлений, например, кожаных ремней для ремонта и плетения ловчих сетей. Такие ловчие сети, например, были широко распространены в охотничьем промысле сибирского населения и использовались для охоты на зверей и мелких копытных животных вплоть до этнографического времени [Андреев, 1947, с. 88-89].

В будущем мы планируем продолжение комплексных исследований на данном памятнике.

3.4. Памятники среднего палеолита неясного происхождения

На территории Южного Урала в разные годы были выявлены памятники с небольшими коллекциями находок, культурная принадлежность которых неясна. Поэтому они были выделены для рассмотрения в отдельную группу «памятников неясного происхождения». Одним из них является стоянка Новобелокатайская с индустрией из кости.

Стоянка Новобелокатайская расположена в центре села Новобелокатай Белокатайского района, на северо-востоке Республики Башкортостан. Она находится на левом берегу р. Большой Ик, в основании 15-метрового обрыва, сложенного бурыми суглинками, в основании которого в слое голубых глин была зафиксирована прослойка погребенного торфяника с костями неоплейстоценовых животных (рис. 3.1; 3.55; 3.56; 3.61). Памятник в 1964 г. был исследован К.В. Сальниковым, который провел археологические раскопки на площади 33 м² [Сальников, 1964-А]. Тогда же Новобелокатайское

местонахождение костей изучила геолог-четвертичник В.Л. Яхимович [Яхимович и др., 1974, с. 202]. По мнению В.Л. Яхимович и В.К. Немковой голубые глины с костеносным горизонтом в погребенной почве относятся ко второй половине одинцовского межледниковья (MIS 7) [Яхимович, Немкова, 1981]. Углеродная датировка погребенной почвы имела запредельный возраст: >50 000 л.н. (БашГИ-60) [Яхимович и др., 1974, с. 202].

В.Г. Котовым памятник был обследован в 1995 г., тогда же была сделана зачистка берега [Котов, 1995, 2008б] (рис. 3.55). В 1996 г. им был заложен раскоп общей площадью 48 м^2 (рис. 3.56; 3.59), осуществлена зачистка берега на всю высоту террасы и взяты образцы для спорово-пыльцевого анализа [Котов, 1997-А, 2008; Яковлев и др., 2000]. Под пятнадцатиметровой толщей бурого суглинка почти на уровне реки Ик залегает слой голубовато-серого тяжелого суглинка видимой мощностью до 0,8 м. На глубине 0,2 м от его кровли зафиксирована гумусированная прослойка черного цвета болотно-старичного типа мощностью 0,2-0,6 м с единичными галечками и доломитовыми плитками, насыщеная органическими остатками: щепками, кусочками дерева, фрагментами костей, угольками, отдельными костями животных (рис. 3.60; 3.63).

По результатам спорово-пыльцевого анализа растительность в голубовато-серых суглинках характеризовалась сосново-еловыми лесами с небольшой примесью березы, ольхи и жимолости с папортникообразными семейства ужовниковых под пологом леса. На открытых пространствах произрастали полынно-марево-разнотравные сообщества. Из гумусированной прослойки получен спорово-пыльцевой спектр с незначительным преобладанием древесных пород (39,1%) над травянистыми (33,3%) и споровыми растениями (2,5-3%). В это время растительность представляла собой сосново-еловые леса с небольшой примесью березы, ольхи и жимолости, на открытых пространствах росли полыни, маревые и разнотравье, под пологом леса существовали папортникообразные семейства ужовниковых. Таким

образом, по спорово-пыльцевым спектрам эти отложения не отличаются, что позволяет их относить к одному периоду потепления позднего неоплейстоцена (MIS 3). Об этом же свидетельствует и радиоуглеродная некалиброванная дата скопление углей из раскопа 1996 г. - 41070 ± 1 570 л.н. (ЛУ - 4149) [Данукалова и др., 2000; Котов, 2008б]. Калиброванная дата укладывается в интервале 42341-47903 л.н. (95.4%). Всю толщу отложений бурого суглинка, перекрывающего серо-голубые суглинка, геологи описывают как один слой и относят к осташковскому времени (MIS 2) [Данукалова, 1998] (рис. 3.61).

Из раскопа 1996 г. было передано для определения П.А. Косинцеву (ИЭРиЖ УрО РАН) 101 кость неоплейстоценовой сохранности. Большая часть костей залегали в гумусированной прослойке. Фаунистические остатки принадлежали следующим видам: сурок степной (*Marmota sp.*) - 8 экз. (8%), хорек (*Putorius sp.*) - 8 экз. (8%), мамонт (*Mammuthus primigenius*) - 3 (3%), бизон первобытный (*Bison priscus*) - 49 экз. (49%), лошадь (*Equus sp.*) - 2 экз. (2%), неопределимые кости - 31 экз. (31%). П.А. Косинцев полагал, что видовой состав больше характерен для лесостепной фауны и относительно мягкого климата, что дополнительно указывает на принадлежность фауны ко времени ленинградского межледниковья (MIS 3) [Данукалова, 1998].

В ходе раскопок автора в 1996 г. были обнаружены два десятка каменных и костяных изделий, а также расчищено скопление угольков (рис. 3.59), которое являлось остатками размытого кострища [Котов, 1999-А, 2008б].

В самом раскопе встречены лишь единичные гальки песчаника и кварцито-песчаника. Некоторые из них были расколоты, но только одна является нуклеусом, который имеет два негатива последовательных сколов с гладкой ударной площадки, созданной одним сколом (рис. 3.62, *1*). О том, что раскалывание осуществлялось и по принципу леваллуазской технологии, свидетельствует находка двух относительно крупных отщепов. Один вторичный леваллуазский отщеп из кварцита имеет на дорсале негатив предшествующего продольного снятия, параллельного вентральной плоскости

(рис. 3.62, *4*). Ударная площадка гладкая, созданная одним сколом, скошена к брюшку под углом 65°. По правому краю на вентральной стороне тянутся несистематическая цепочка чешуйчатой ретуши с заломами. Другой псевдолеваллуазский скол подтреугольной формы из кварцито-песчаника на дорсале имеет негативы радиальных снятий, ударная площадка гладкая (рис. 3.62, *6*).

Два изделия относятся к категории чопперов. Рабочие участки у них образованы двумя крупными сколами, формирующие приостренные лезвия и угловой выступ, противопоставленный основанию с естественной коркой, края лезвий имеют следы сработанности в виде ретуши с заломами (рис. 3.62, *2, 7*). Во время обследования стоянки в 1995 г. нами было обнаружено на берегу под костеносным горизонтом одно каменное изделие - простое, поперечное скребло на массивном сколе доломита (рис. 3.62, *3*).

Одно изделие из раскопок К.В. Сальникова, очевидно, являлось орудием, которым и производилась абразивная обработка орудий из кости (и, возможно, дерева) (рис. 3.62, *8*). Это крупный отщеп из зеленовато-серого мелкозернистого глинистого песчаника, оббитый по левому краю и со следами сильной стертости по правому краю и отдельных участков на обоих фасах. Второе изделие из песчаника происходит из раскопок В.Г. Котова 1996 г. Оно представляет собой фрагмент плитки трапециевидной формы, края которого были обломаны крупными сколами (рис. 3.61, *5*). Левый фас относительно плоский, имеет равномерную стертость по всей поверхности. Возможно, он использовался для стачивания и выравнивания каких-то твердоволокнистых изделий с широкой поверхностью. На правом фасе на поверхности имеются 4 борозды от 2 до 5 мм шириной и 1-2 мм глубиной, которые появились в связи с использованием этого орудия для абразивной обработки изделий с гранями толщиной 2-3 мм.

На стоянке были найдены несколько плит и много обломков песчаника, но следов обработки и использования на них не были зафиксированы.

Абразивы из мягкого песчаника обладают способностью к самовозобновлению рабочей поверхности, поскольку слой, забитый волокнами выпадает, что обусловило широкое применение их для обработки дерева и кости в первобытной культуре [Семенов, 1968, с. 110]. Абразивная обработка костяных изделий зафиксирована на этом и на ряде верхнепалеолитических памятников, например, на Александровском поселении [Рогачев, 1955, с. 146] и на стоянке Мальта [Филиппов, 1983, с. 33].

В коллекции были представлены разнообразные изделия из кости - 21 экз.: проколки, провертки, ножи, скребла, резчик, скобели, ретушеры (рис. 3.63). Их подробное описание приводится в отдельной работе [Котов, 2008б]. Широко использовались при обработке кости, наряду с раскалыванием и ретушной оббивкой, расщепление костей с помощью клиньев, скобление и абразивное стачивание. Хорошая сохранность костяных изделий и костей на стоянке Новобелокатайская и широкий набор приемов их обработки дает возможность удревнить время широкого использования кости до финала эпохи среднего палеолита [Вишняцкий, 2000, с. 245]. Памятник, очевидно, являлся кратковременной стоянкой-мастерской на скоплении костей погибших животных и выходов песчаника и датируется финалом среднего палеолита [Котов, 2009, с. 32].

Местонахождение Муллино-2 расположено в 1 км южнее пос. Муллино (пригород г. Октябрьского) Туймазинского района Башкортостана на западном берегу старицы (оз. Кылы) р. Ик, на мысу высокой поймы реки на высоте 3-4 м от воды (рис. 3.1; 3.64). Памятник был открыт и исследовался с 1967 по 1970 гг. А.П. Шокуровым. В 1970 г. поселение изучала геолог В.Л. Яхимович [Шокуров, Киктенко, 1978]. Памятник также исследовался раскопками Г.Н. Матюшиным в 1976, 1979, 1981 гг. на площади 572 м^2 [Матюшин, 1982, с. 196; 1996, с. 49-50]. Поселение Муллино является многослойным и включает культурные остатки от эпохи раннего железа до мезолита и палеолита [Котов, 2008г]. Всего было вскрыто на поселении более 700 м^2.

Находки палеолитического облика были обнаружены на глубине 2,5 м в верхней части белой глины, ниже голубовато-серая, алевритистая глина с прослойками иловатого глинистого песка, мощность слоя 0,4-0,5 м. Выше - песок буровато-серый, мелкозернистый, глинистый с включением прослойки золы на глубине 2,2-2,45 м. По углю из зольника получены некалиброванные даты 8320 ± 100 л.н. (БашГИ - 58) (калиброваный интервал 9082-9494 л.н. (90.6%)) и 8500 ± 180 л.н. (БашГИ - 59) (калиброванный интервал 9023-9959 л.н. (93.0%)) [Матюшин, 1996, с. 49-50] (Табл. 7)[8]. Таким образом, слой с палеолитическими находками залегает под культурным слоем мезолитического времени.

Очевидно, памятник является остатками палеолитического местонахождения на поверхности размытой второй террасы ленинградского времени (MIS 3) подобно стоянкам Новобелокатайской и Пещерный Лог в Пермской обл. [Матюшин, 1996, с. 49-50; Павлов, 1996, с. 53; Котов, 2009, с. 32; 2011а, с. 33-35].

Каменные изделия изготовлены из темного аргилитового сланца и все они, кроме размеров и технологических характеристик, отличаются от других находок густой патиной. Нам удалось обнаружить и прорисовать только часть палеолитической коллекции - 5 изделий. Несколько предметов оказались в экспозиции и были недоступны. Некоторые изделия, судя по непрофессиональным рисункам из публикации А.П. Шокурова, оказались утраченными [Шокуров, Киктенко, 1978, табл. I-III].

В коллекции присутствуют поперечное скребло с вентральной обработкой края на массивном отщепе (рис. 3.67, *5*), которое было изображено в публикации краеведа А.П. Шокурова [Шокуров, Киктенко, 1978, табл. II, *20*]. Показательно скребло на леваллуазском нуклеусе, у которого на левом фасе имеется негатив скола, а на правом фасе - негативы радиальных снятий (рис. 3.67, *3*). Соотнести с каким–либо изображением в публикации А.П. Шокурова

[8] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

достаточно затруднительно. К этой же серии относится скребло поперечное выпуклое на массивном отщепе с радиальной огранкой дорсальной поверхности (рис. 3.67, *4*). Концевой скребок с вентральной подработкой боковых краев на массивном полупервичном отщепе треугольных очертаний по очертаниям похож на изделие из первой публикации [Шокуров, Киктенко, 1978, табл. I, *2*] (рис. 3.67, *2*). Здесь также было зафиксировано скребло продольное с зубчатым краем на леваллуазском отщепе с радиальной огранкой дорсальной стороны (рис. 3.67, *6*), которое можно сопоставить с орудием из публикации А.П. Шокурова [Шокуров, Киктенко, 1978, табл. I, *1*]. Также в первой экспозиции Историко-краеведческого музея г. Октябрьский был представлен чоппер из кварцитовой гальки, происходящий из нижнего культурного слоя Муллино-2.

Кроме того, в экспозиции Краеведческого музея г. Октябрьского хранится задняя часть черепа большерогого оленя с обрубленными ветвями рогов из Муллинского гравийного карьера (инв. №563). Рога обрублены на высоту 4-6 см каменным орудием, поверхность обрубленных участков заглажена и имеет такую же сохранность, как и на других участках черепа (рис. 3.67, *1*). Принимая во внимание, что гравий в этом месте р. Ик залегает на контакте голубовато-серого суглинка и песка, можно предположить одновременность этого черепа палеолитическому комплексу поселения Муллино-2 [Котов, 2011а, с. 35].

Таким образом, А.П. Шокуровым был обнаружен и исследован памятник эпохи среднего палеолита, который дал хотя и небольшую, но интересную коллекцию находок. Каменная индустрия представлена сочетанием леваллуазской техники с галечными орудиями типа чопперов. По стратиграфии этот комплекс находит аналогии с такими памятниками, как стоянки Новобелокатайская и Горново, что указывает на их близкий возраст. Эти памятники датируются ленинградским (табулдинским) интерстадиалом (MIS 3).

В итоге стоянки среднего палеолита были обнаружены как в Зауралье, так и Приуралье. Наряду со стоянками открытого типа с разрушенным культурным слоем были исследованы стратифицированные стоянки открытого типа: Кусимово-6, Новобелокатайская, Богдановка и пещерная стоянка Иманай-1. Наиболее информативным памятником, на материалах которого основываются наши представления о характере среднего палеолита в Южном Зауралье, является стоянка Кусимово-6.

Коллекция Кусимово-6 характеризуется как среднепалеолитическая с ашельскими чертами. Характерные черты индустрии проявляются как в первичной обработке (наличие нуклеусов радиального, ортогонального, бессистемного скалывания, большое количество первичных сколов и сколов с радиальной, бессистемной огранкой, клектонских отщепов, массивность сколов и относительно небольшие размеры, широкое использование приемов фрагментации и уплощения заготовок), так и в присутствии таких форм как: рубила, чопперы, бифасиальные остроконечники, скребла прямые с отвесной ретушью, большое количество разнообразных бифасиальных орудий (острия, резчики, ножи, орудия с резцоыми сколами), единичные зубчатые орудия. Одним из важнейших проявлений специфики данного комплекса являются многочисленные и разнообразные резчики клювовидной, шиповидной формы, оформленные ретушью, ретушированными и клектонскими анкошами, а также резцовыми сколами. Отсутствие леваллуазских нуклеусов, единичные находки пластин и редкость фасетированных ударных площадок характеризуют эту традицию как нелеваллузскую. Присуствствие в индустрии Кусимово-6 листовидных бифасов небольшого размера, бифасиальных остроконечников и обушковых ножей может указывать на восточномикокский компонент. Хотя здесь следует отметить, что для микокских индустрий преимущественно характерны изделия с плоско-выпуклой бифасиальной обработкой [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 39; Колобова и др., 2023, с. 27]. Данные особенности позволяют относить ее к своеобразной традиции среднего палеолита. Сходные

типы орудий и нуклеусов присутствуют на ряде памятников, выявленных в Южном Зауралье (Мысовая, Сабакты-6а, Кусимово-8, Зеленая Поляна-2, Яманкая-1, Долина-1, Долина-11, Утюлган-8, Сибай-5б, Маячная гора, Богдановка) и на западном склоне Южного Урала - пещерная стоянка Иманай-1. Это дает основание выделить их в отдельный тип индустрии эпохи среднего палеолита, который по реперному памятнику получил название «кусимовский». Этот тип индустрии существовал достаточно долго. Самый поздний памятник этой традиции, пещера Иманай-1 датируется ленинградским временем (MIS 3) или началом верхнего палеолита. Особенности обработки бифасиальных остроконечников, сребел, обушковых ножей указывают на включение населением финала среднего палеолита в свою индустрию элементов микокской технологии. Кусимовскй тип индустрии просуществовал более 100 тыс. лет без серьезных изменений, что характерно для нелеваллуазских индустрий [Анисюткин, 2019, с. 123].

На территории верхней Камы были выявлены два памятника, стоянка Гарчи I и местонахождение Пещерный Лог, каменная индустрия которых характеризуется как принадлежащая традиции круга восточно-микокских индустрий Kielmessergruppen [Павлов, 2015, с. 51]. Это дало основание П.Ю. Павлову предполагать заселение территории камского бассейна в среднем палеолите из южных или центральных областей Русской равнины [Павлов, 2015, с. 51]. Круг аналогий стоянке-мастерской Кусимово-6 (Крым, Кавказ, Приднестровье) [Бонч-Осмоловский, 1940; Коробков, Мансуров, 1972; Коробков, 1978] не дает нам оснований для однозначных выводов о путях заселения территории Южного Урала в начале среднего палеолита.

Коллекция стоянки-мастерской Кусимово-6 имеет структурное и типологическое сходство с нижним культурным слоем (горизонты VI и V) грота Киик-Коба в Крыму (рис. 3.68). Грот Киик-Коба распложен в 25 км к востоку от г. Симферополя в горной части долины р. Зуя. Он был открыт и раскапывался в 1924-1926 гг. Г.А. Бонч-Осмоловским [Бонч-Осмоловский,

1940]. Грот находится на высоте около 100 м над уровнем реки, в основании скального обнажения высотой 10 м, имеет ширину 11 м, глубину и высоту 9 м. Выявлено четыре культурных горизонта палеолитического времени, связанные с двумя горизонтами очагов внутри желтой глины с известняковой щебенкой. По характеру стратиграфии и типологии находок были выделены Г.А. Бонч-Осмоловским два культурных слоя: первый включает третий надочажный и четвертый очажный горизонта, а второй – пятый надочажный и шестой очажные горизонты [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 29].

Для верхнего культурного слоя (горизонты IV и III) характерно большее количество изделий на отщепах и бифасиальные остроконечники, в нижнем (горизонты IV и III) - орудия отличаются аморфностью и только здесь встречены рубильца. К нижнему культурному слою относится погребения неандертальцев: взрослого человека и ребенка [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 136-139]. Для нас наибольший интерес представляет индустрия нижнего культурного слоя. Для нее характерно использование мелкоразмерного сырья в виде галек мелового кремня хорошего качества. Единичными находками представлены изделия их кварцита и песчаника. Размер изделий не превышал 8 см в длину и 3,5 см в ширину. Важной характеристикой этой индустрии является наличие галечной корки у приблизительно 50% изделий из кремня. Всего в нижнем культурном слое было обнаружено около 13 тыс. кремневых находок. Нуклеусы устойчивых форм отсутствуют, выделено 150 нуклевидных изделий, некоторые из них трудно отличить от орудий с двухсторонней обработкой, тем более, что многие имеют следы приспособления к работе или следы использования [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 72-73]. По этому поводу автор раскопок отмечает: «Повидимому, каждое ядрище, так же как почти каждый осколок, обладавший более или менее острыми гранями, употреблялся для производственных нужд. Здесь еще не наметилась та дифференциация между отбросом производства, которую мы сравнительно легко устанавливаем для дисковидных нуклеусов и ручных рубил в ашеле и мустье или для

призматических нуклеусов и скребков высокой формы в ориньяке. Наиболее существенным отличием этих нуклеусов является их крайне разнообразная форма. Некоторые из них приближаются к ореховидной форме (табл. I-2), другие напоминают маленький куб или пирамиду (табл. I-5), третьи вытянуты в длину (табл. I-4,6) и, наконец, большинство просто представляют собою многогранные, неправильные, часто изогнутые обломки. Только несколько совершенно единичных экземпляров напоминают наиболее несовершенные типы дисковидных ядрищ (табл. I-3). …На угловатых нуклеусах аморфной стадии лунки размещаются беспорядочно и имеют случайные очертания. На наиболее совершенных с технической точки зрения экземплярах встречаются 2-3 лунки, направленных от периферии, но и то в большинстве случаев не к центру, а в различных направлениях. Обычно с каждой стороны более или менее явственно выделяется только одна большая лунка. Ее сопровождают несколько маленьких, совершенно неправильных и имеющих вполне случайный характер. Они являются, повидимому, следами неудачных, наугад наносившихся ударов» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 72-73].

Аморфность первичной обработки дополняется полным отсутствием технически стандартных типов заготовок, которых около 2 тыс. экз. Подавляющее большинство заготовок (70%) представляют собой аморфные сколы, часто укороченные, с массивными ударными бугорками и изогнутые в профиль. Тонкие и менее изогнутые в профиль сколы относительно малочисленны (9%) и являются случайными. Аморфных пластин и пластинчатых отщепов всего 12 экз., которые, скорее всего, были отходами вторичной обработки. Изучение 635 орудий показало, что примерно у половины (57%) были фрагментированы базальная часть или ударная площадка. Только у десяти орудий присутствует грубо ретушированная ударная площадка и только четыре являются фасетированными [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 75]. Следует добавить, что заготовками многих орудий послужили аморфные осколки и обломки кремня. Не случайно в нижнем слое

памятника были выявлены 1079 осколков с ретушью, которые не были учтены отдельно [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 89].

Характеризуя вторичную обработку, Г.А. Бонч-Осмоловский отмечает, что «…огромное большинство орудий не имеет ясно выраженного рабочего края. Обычно он представляет собой отдельные, беспорядочно перемещающиеся выступы и выемки, грубо оформленные неуклюжей ретушью. Фасетки последней неровны, различной глубины и длины и расположены на различном расстоянии друг от друга» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 82]. Он подсчитал, что среди 571 орудия присутствует двухсторонняя, часто противолежащая ретушь у 206 экз. (36%), причем она разбита на участки выемками и выступами, придававшими рабочему лезвию зубчатый характер (96% орудий). И только у 17 орудий (3%) ретушь относительно ровная без зубцов и заломов и 10 орудий (1%) были обработаны ретушью с заломами, широко представленной в верхнем культурном слое [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 83]. Важная характеристика – в нижнем слое были найдены 5 орудий, у которых острия были подправлены резцовыми сколами [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 85, табл. IX, *5-9*]. Также исследователем выделены пять изделий, похожих на скребки высокой формы [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. IX, *1-4*]. Г.А. Бонч-Осмоловский считал эти орудийные формы, наряду с рубильцами, случайными проявлениями аморфной и грубой техники обработки камня, «…допускавшей в силу своей примитивности крайне широкий размах вариаций» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 89]. Эта установка привела Г.А. Бонч-Осмоловского к отрицанию возможности выявления устойчивых типов, а основной задачей морфологического анализа орудий признано выявление различных вариантов сочетания трех *рабочих элементов*, представляющие оформленные различным образом участки: режущего края, острия и выемки [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 86-87].

Нам представляется, что на скребки больше похожи другие формы [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. VI, *5, 6, 8*; X, *2*]. Кроме того, выделяются такие формы как скребки «с рыльцем», у которых присутствует узкое скребковое лезвие, выделенное выемками или анкошем [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. VI, *1, 4*; VII, *12*; VIII, *14*; IX, *2*]. Среди орудий количественно выделяются скребла с прямыми и выпуклыми лезвиями (42%), а также комбинированные формы: сочетание скребловидного края с остриями или выемками [Анисюткин, 2019, с. 119]. Достаточно представительную серию составляют разнообразные острия: конвергентные формы типа укороченных остроконечников (тейякские острия) [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. VII, *2, 3, 5, 7, 10, 15*; VIII, *3, 4, 9*]. Широкое распространение получили шиповидные и клювовидные острия, выделенные ретушированными выемками или клектонскими анкошами [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. IV, *6*; V, *7*; VI, *2*; VII, *4-6, 9-11, 13, 14*; VIII, *1, 2, 5-9, 10-12*; IX, *6, 8, 9*]. Обращает на себя внимание большое количество двухсторонних форм орудий, у многих рабочие участки сформированы уплощенными крупными сколами или двухсторонней подтеской узкими сколами [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. V, *8*; VI, *7, 10*; VII, *7, 15*; IX, *5, 6, 8, 9, 11*; X, *2-4*].

Индустрия нижнего слоя существенно отличается от верхнего культурного слоя среднего палеолита. В верхнем культурном слое она имела более выраженную отщеповую технологию, среди орудий много бифасиальных остроконечников листовидной, треугольной, ассиметричной формы. Заготовки более тонкие, много фасетированных ударных площадок, встречаются леваллуазские сколы. Ретушь регулярная, часто удлиненная, ступенчатая, края орудий выровнены более мелкой ретушью. Встречаются рабочие участки, обработанные резцовыми снятиями или двусторонней ретушью. Среди орудий встречаются сходные формы с изделиями из нижележащего слоя: двойные скребла, клювовидные острия-резчики, скребки, скребла с переломленным лезвием, орудия с шипом, выемчатые орудия, рубильца, много комбинированных орудий [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. XI-XVII]. Поскольку

зубчатые орудия имеют подчиненное в количественном плане положение в нижнем культурном слое, он не может быть классифицирован как «микромустье зубчатое» [Анисюткин, 2019, с. 119].

Сходство индустрии нижнего слоя грота Киик-Коба с кусимовским типом индустрии имеет самый общий характер. В первичной обработке находят аналогии бессистемные и радиальные нуклеусы, а также сходство последних с бифасами. На стоянке-мастерской Кусимово-6 тоже много аморфных первичных сколов, правда, процент грубо ретушированных ударных площадок гораздо выше. Вторичная обработка похожа набором технических приемов: двусторонняя обивка рабочих участков, несистематическая ретушь, чередующаяся ретушь, использование для выделения рабочих участков выемок и анкошей, более широко присутствуют подтеска шиповидных резчиков резцовыми сколами, сегментация заготовок, уплощение поверхности орудий краевыми сколами. Последнее находит много общего со вторичной обработкой аморфных осколков, обломков и отщепов на стоякнке в пещере Иманай-1. Среди орудийного набора коллекции Кусимово-6 также представлены рубильца и бифасиальные двояковыпуклые остроконечники, бифасиальные острия, бифасиальные скребла, зубчатые формы, острия-проколки, комбинированные орудия. В целом, кусимовская индустрия отличается большей продвинутостью по сравнению с нижним культурным слоем Киик-Кобы. В плане эволюции технологии Кусимово-6 занимает промежуточное положение между нижним и верхним культурным слоем грота Киик-Коба. По-нашему мнению, нижний слой Киик-Кобы следует относить к переходному периоду от нижнего к среднему палеолиту. Его коллекция, по мнению И.И. Коробкова и М.М. Мансурова, демонстрирует основные характерные черты тейякско-зубчатых комплексов Евразии [Коробков, Мансуров, 1972, с. 65-66].

Самые близкие аналогии стоянка-мастерская Кусимово-6 обнаруживает с III и IV слоями среднего палеолита грота Старые Дуруиторы (северо-запад

Молдовы) [Анисюткин и др., 2017] (рис. 3.68). Так в нижнем IV культурном слое грота Старые Дуруиторы обнаружен большой процент первичных сколов, причем значительная их часть имеют вторичную обработку или следы использования. Также находит аналогии и нуклеусы, среди которых имеются ашельские одноплощадочные, дисковидные, пирамидальные, многогранники, атипичные формы. Не обнаружены в Кусимово-6 шаровидные формы нуклеусов [Анисюткин и др., 2017, с. 65-68, 87-89]. На молдавском памятнике мы находим много сходных по технико-типологическим характеристикам орудий. Например, обработка рабочих участков у скребел на стоянке-мастерской Кусимово-6 во многом повторяет оформление орудий в гроте Старые Дуруиторы: лезвия сформированы зубчатой, мелкой зубчатой, мелкой атипичной, крутой и грубой чешуйчатой ретушью, и полностью отсутствует обработка параллельной ретушью [Анисюткин и др., 2017, с. 73]. В коллекциях орудий наличествуют сходные категории - резцы атипичные, скребки, ножи со спинкой, выемчатые орудия, проколки, резцевидные острия (резчики), зубчатые орудия, отщепы с вентральной ретушью, клювовидные острия, клювовидные орудия-резчики, скребки на ударных площадках отщепов, долотовидне орудия, бифасы [Анисюткин и др., 2017, с. 71-83, 91-96]. Присутствует различие лишь в процентном соотношении этих орудий. Вместе с тем, в гроте Старые Дуруиторы есть чопперы, «тейякские» остроконечники, острия «с плечиками», которые не были зафиксированы на стоянке-мастерской Кусимово-6, хотя эти формы являются немногочисленными на памятниках Молдовы [Анисюткин и др., 2017, с. 79]. Отсутствуют на стоянке Кусимово-6 и на других памятниках Южного Зауралья клювовидные резаки типа “bill-hook” [Анисюткин, 2019, с. 121]. Вместе с тем, в материалах стоянки-мастерской Кусимово-6 выявлены своеобразные черты, не характерные для молдавских памятников, в частности: обработка бифасов параллельными удлиненными снятиями, присутствуют скребки стрельчатые, скребла простые прямые с отвесной ретушью, обушковые бифасиальные ножи, бифасиальные острия,

резчики с бифасиальной обработкой и черенком, более серийно выражены орудия с резцовыми сколами. Все это может свидетельствовать о наличии какой-то общей более древней индустриальной основы обеих традиций, что не исключают возможность взаимодействия и на горизонтальном временном уровне. Кроме того, обилие клювовидных форм также может указывать на сохранение в течение долгого времени нижнепалеолитических традиций, своим происхождением связанных с клектоном Центральной Европы [Анисюткин, 1973, с. 234].

Принимая во внимание то, что весь массив аналогий между Южно-Уральским и молдавским памятниками указывает на принадлежность их одной культурной традиции. Культурные слои IV и III грота Старые Дуруиторы датируются первой половиной рисского времени (300-245 тыс. л.н. – MIS 10-8) [Анисюткин и др., 2017, с. 62; Анисюткин, 2019, с. 122]. Самые поздние памятники дуруиторского варинта датируются началом вюрма (MIS 5), что является свидетельством продолжительной устойчивости этих индустрий к изменениям [Анисюткин, 2019, с. 123].

Средний этап этой индустрии представлен стоянкой Богдановка, которая предварительно датируется первой половиной позднего неоплейстоцена (MIS 5-4) [Широков и др., 2011, с. 137]. Представленные в коллекции 4 нуклеуса, в целом, совпадают по основным характеристикам с кусимовскими. Вместе с тем, обращает на себя внимание больший процент ретушированных ударных площадок на отщепах, их меньшая толщина и преобладание заготовок орудий, у которых ось снятия совпадает с осью орудия. Кроме того, присутствует более высокий процент сколов с продольной огранкой (38,5%), встречаются леваллуазские отщепы. Во вторичной обработке представлена зубчатая ретушь, двусторонняя обработка встречается гораздо реже. Показательно, что среди орудий присутствует мустьерский остроконечник на леваллуазском отщепе. Более выраженная монофронтальность в технологии и более регулярная ретушь

указывают на стадиально более поздний возраст стоянки Богдановка по отношению к стоянке-мастерской Кусимово-6.

Стоянка в пещере Иманай-1, судя по радиоуглеродным датам из 1-го слоя, представляет финальный этап существования кусимовской индустрии. На облик индустрии, судя по всему, наложил отпечаток особенности пещерного памятника: отсутствие нуклеусов и отходов производства внутри пещеры, а также специфика самой стоянки - временный лагерь охотников для изготовления и починки охотничьего снаряжения. В связи с этим большая часть изделий - это разнообразные по технике исполнения резчики на осколках и аморфных сколах местного кремня. В целом индустрия относится к мелкоразмерной, поскольку большинство изделий меньше 5 см. Для вторичной обработки применялись следующие приемы: создание прямых граней посредством торцевых и резцовых снятий; ретушь нерегулярная, с глубокими выемками, концентрируется на рабочих участках (обычно на углах и выступах аморфных сколов и осколков); широко используются для выделения рабочих участков резчиков анкоши (в том числе, и ретушированные); выемки или «плечики», созданные торцевыми крупными сколами с одной или двух сторон; присутствует прием приострения рабочего участка торцевыми мелкими снятиями, придающие острию или шипу многогранность; рабочие участки (выступы и углы), нередко, обрабатываются уплощающими торцевыми сколами с одной или с двух сторон; встречается прием одновременного создания пологой ретушью режущего острия и примыкающего к нему обушкового участка с помощью крутой ретуши или торцевых (резцовых) снятий.

В коллекции стоянки Иманай-1 во многом показательными являются конвергентные скребла с бифасиальной обработкой и мустьерские бифасиальные остроконечники плоско-выпуклой формы. Они находят аналогии на мустьерских памятниках Кавказского региона и Крыма: из верхнего культурного слоя грота Киик-Коба [Бонч-Осмоловский, 1940, табл.

XI; XII, *1, 2*; XVI, *4*; XVII, *1, 2*], на стоянке Ильская 1 в Прикубанье на Северном Кавказе [Щелинский, Кулаков, 2005]. Скребла и обушковые ножи с бифасиальной обработкой плоско-выпуклой формы аналогичны изделиям памятников Kielmessergruppen. Данные формы, очевидно, отмечают эпизод восточномикокского влияния на местное население на рубеже среднего и верхнего палеолита [Павлов, 2009а, с. 31].

Много общего кусимовская индустрия имеет с местонахождением Чахмаклы на северном склоне Малого Кавказа на провобережье р. Куры (Азербайджан) (рис. 3.68). Памятник исследовался в 1960-х годах М.М. Мансуровым. Местонахождение строго локализовано и считается коллекция гомогенной [Коробков, Мансуров, 1972, с. 57]. Здесь было собрано 332 каменных изделия. Из них 44 нуклеуса, 143 орудия, 30 сколов с ретушью, 115 экз. отщепов и отходов производства. Высокий процент орудий может быть связан с экономным отношением к сырью. Авторы отмечают: «Почти все ядрища сработаны до предела, в ход шли первичные и полупервичные заготовки, в качестве орудий использовались осколки и обломки, а большинство орудий многофункционально по своему назначению [Коробков, Мансуров, 1972, с. 58]. Нуклеусы в основном одностороннего радиального и подтреугольной формы вееровидного скалывания. Для сколов характерна такая же огранка, 26% являются первичными и полупервичными. Леваллуазские заготовки составляют 12%. Достаточно часто встречаются грубо ретушированные и ретушированные ударные площадки (27%). Вторичная обработка представлена мелкозубчатой и выемчатой ретушью, анкошами, крутой скребковой ретушью, ступенчатой и чешуйчатой ретушью. Хорошо выражен прием разного рода подтески и единичные случаи резцовой обработки, в том числе, многофасеточного типа. Отличительной чертой является многосоставность орудий, что характерно для половины изделий со вторичной обработкой. Основываясь на типологии и вероятной функции изделий со вторичной обработкой, исследователями выделяются скребково-

скребловидные элементы орудий (34% всех орудий), доля скребков среди них – 25%. Зафиксированы скребки прямые, овальные, округлые, выпуклые, с «мордочкой» и с «плечиками» [Коробков, Мансуров, 1972, с. 61]. Эти орудия находят аналогии с характером оформления скребков на памятниках кусимовского типа индустрии (рис. 3.10; 3.49, *11, 12*). Широко представлены резчики – орудия с режущей функцией на углу режущего края заготовки. Оформление их отличается разнообразием: клювовидные с анкошами, с оформлением рабочих концов в виде режущей кромки, с «утиным носиком», остроконечные ретушированные выступы. Скребла имеют, в большинстве случаев, прямые края, образованные отвесной ретушью. Единичными экземплярами представлены острия-проколки и обушковые ножи-резчики. Все эти орудийные формы выступают отличительными характеристиками индустрий Кусимово-6 и Иманай-1.

При всей проблематичности выделения многих «рабочих элементов» на изделиях на местонахождении Тахмаклы, находившихся многие тысячи лет на поверхности холма, все же можно согласиться с авторами о наличие большого количества комбинированных орудий, что может подтверждаться регулярной, иногда двухсторонней, ретушью рабочих участков на изделиях. Следует согласиться с наличием у комбинированных орудий различных функциональных элементов, например, таких как скребловидно-скребковые участки с короткими «тейякскими» остриями, резчики с остриями или проколками, а также участки, оформленные резцовыми сколами.

Приведенные выше аналогии обозначают комплекс общих характеристик, которые не являются случайными. Южно-Уральские памятники привносят дополнительные черты в характеристику этой общности. Первичная обработка характеризуется ядрищами радиального, бессистемного, параллельного снятия, часто уплощенными формами, редко подпризматическими. Сколы аморфные, массивные, с выраженным ударным бугорком, снятые твердым отбойником,

часто укороченные клектонского типа, большой процент составляют отщепы с естественной спинкой, огранка у многих радиальная, бессистемная, грубо продольная. Вторичная обработка была направлена на устранение недостатков заготовок: часто осуществлялось уплощение ударного бугорка широкими сколами или ретушью, нередко заготовки сегментировались посредством обломов, ретушью, торцевыми и резцовыми снятиями. Рабочие и аккомодационные элементы оформлялись ретушью, анкошами, резцовыми сколами. Ретушь часто нерегулярная, чешуйчатая, противолежащая, встречается зубчатая. Орудия представлены следующими типами: скреблами, обычно, прямыми, оформленные отвесной ретушью, встречаются конвергентные, продольные, поперечные, аморфные скребки, разнообразные резчики – шиповидные, клювовидные, с резцовыми сколами, реже присутствуют выемчатые орудия, зубчатые формы, острия и проколки. На ряде памятниках обнаружены рубильца (грот Киик-Коба, нижний слой и Кусимово-6) и бифасиальные острия (ст. Стинка I) [Бонч-Осмоловский, 1940; Котов и др., 2020; Анисюткин, 1972]. Часто орудия имеют несколько рабочих участков: сребловидно-скребковые участки сочетаются с резчиками, остриям, часто можно видеть двойные, тройные резчики. Присутствие в индустрии стоянки-мастерской Кусимово-6 листовидных бифасов и обушковых ножей с бифасиальной обработкой может быть по аналогии с молдавскими памятниками (стоянка Стинка 1) проявлением контактов с носителями микокской индустрии [Анисюткин, 2019, с. 125].

Эти индустрии производят на первый взгляд впечатление «смешанных», в которых сочетаются изделия характерные для нижнего, среднего и верхнего палеолита. Вместе с тем, «верхнепалеолитические» формы (скребки, «резцы», проколки, резчики, грубо призматические нуклеусы) встречаются в индустриях нижнего и среднего палеолита [Bordes, 1988, p. 49, 50, 51, 97]. Изделия с резцовыми сколами не имеют устойчивых форм, и техника резцового скола применялась для оформления шиповидных и клювовидных выступов

разнообразных резчиков. Все эти изделия в нелеваллуазских индустриях отличаются аморфностью, правильные пластины с регулярной огранкой отсутствуют, нуклеусы призматические с регулярной огранкой также не встречены, нет в этих собраниях пластин с притупленной спинкой и прочих изделий, являвшихся маркерами верхнего палеолита. Также следует принимать во внимание то, что этот набор изделий характерен для памятников, расположенных в разных регионах Евразии. Это указывает на то, что данные коллекции принадлежат одной линии технологического развития, и они не могли появиться в результате смешения разновозрастных археологических материалов.

Коллекция каменных и костяных орудий из пещеры Иманай-1 демонстрирует архаические признаки в первичной и вторичной обработке, характерные для нелеваллуазских индустрий среднего палеолита [Коробков, Мансуров, 1972, с. 65-66]. Многие особенности первичной и вторичной обработки стоянки Иманай-1 находят сходство с индустрией стоянки Кусимово-6, что дает основание считать ее финальным этапом кусимовского типа индустрии. Вместе с тем, яркой особенностью памятника является микокский компонент в 1-м культурном слое пещеры Иманай-1[9]. Немногочисленность находок микокского облика и ограниченность этого комплекса по типологическому набору внутри иманаевской индустрии позволяет предполагать некий «поверхностный» характер этого влияния, например, типа заимствования определенного набора «идей орудий» в процессе контактов.

На Среднем Урале были изучены два памятника среднего палеолита с микокской индустрией (рис. 3.69). Стоянка Гарчи I находится на правом берегу Камского водохранилища, нижний культурный слой приурочен к погребенной

[9] Культурные отложения продолжаются глубже и в индустрии сохраняется преемственность в технологии и типологическом наборе, но среди тысяч орудий изделия микокского облика не были обнаружены – Неопубликованные материалы автора.

почве, имеющей возраст по ОСЛ-датированию – около 100 тыс. л.н. Орудия представлены бифасиальными и частично бифасиальными формами плоско-выпуклой формы: ножами с обушком, угловатыми и конвергентными скреблами, остроконечниками и листовидными бифасами [Павлов, 2008, с. 35, рис. 2, *2-8, 11, 12*]. На местонахождении Пещерный Лог собрана с поверхности коллекция во многом сходная со стоянкой Гарчи I: сегментовидные, частично двусторонние продольные скребла-ножи, остроконечник, небольшие плоско-выпуклые бифасы треугольной формы, угловатые и конвергентные скребла [Павлов, 2008, с. 35, рис. 2, *9, 10*]. По особенностям каменного инвентаря эти комплексы П.Ю. Павлов относит к индустриям восточного микока [Павлов, 2008, с. 36].

Важно, что микокский компонент присутствует на ряде стоянок раннего этапа верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (рис. 3.69). На стоянке Заозерье (33-35 тыс. л.н.) к изделиям мустьерской морфологии П.Ю. Павловым были отнесены небольшие плоско-выпуклые бифасы овальной формы, бифасиальный нож обушковый, скребла и скребки с вентральной подтеской [Павлов, 2008, с. 36, рис. 3, *2-8, 14*]. В верхнем слое стоянки Гарчи I (28-29 тыс. л.н.) среди изделий верхнепалеолитического облика, характерных для костенковско-стрелецкой культуры, встречаются продольные скребла, в том числе, с бифасиальной плоско-выпуклой обработкой лезвий [Павлов, 2008, с. 36, рис. 3, *20*]. Стоянка Бызовая в среднем течении р. Печора, возраст которой около 29 тыс. л.н., в инвентаре имеет среднепалеолитические проявления: плоские нуклеусы, сегментовидные ножи обушковые и разнообразные скребла бифасиальные плоско-выпуклой формы [Павлов, 2008, с. 38, рис. 3, *27,28, 29, 32*]. По структурным характеристикам, по мнению П.Ю. Павлова, Бызовая имеет сходство с более древним памятником стоянкой Заозерье, а по некоторым типам орудий – с одновременной стоянкой Гарчи I, верхний культурный слой [Павлов, 2008, с. 38].

Ближайший к Уралу памятник с нелеваллуазской индустрией среднего палеолита, отноящийся к микокскому технокомплексу - Стоянка Сухая Мечетка (рис. 3.69). Она расположена на северной окраине г. Волгограда, на правом берегу р. Волги, по берегам ручья Сухая Мечетка на глубине 20 м (рис. 3.69). Она была исследована С.Н. Замятниным в начале 1950-х годов на площади около 650 м^2 [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 11-15]. По сведениям Н.Д. Праслова и Л.В. Кузнецовой обнаружено 8000 каменных изделий и из них – 365 орудий (4,6%) [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 34]. По другим данным находок из камня 10862 экз., из которых 23 нуклеуса, 7 отбойников и 360 орудий [Колобова и др., 2023, с. 23].

Определенное сходство стоянка Сухая Мечетка со стоянкой-мастерской Кусимово-6 имеет в первичной обработке. Это наличие уплощенных нуклеусов подтреугольной формы, а также грубо призматических нуклеусов, наряду с ортогональными, кубовидными и радиальными ядрищами [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 12; 13, *1, 2*; 14; 15; 16-20]. По сравнению с кусимовской индустрией технология получения заготовок более продвинутая: она имеет меньший процент первичных сколов (3,5 %), более высокий процент леваллуазских сколов и ретушированных ударных площадок (11,9 %) [Колобова и др., 2023, с. 27]. Отличительной чертой изделий со вторичной обработкой являются разнообразные остроконечные формы орудий на отщепах: показательна серия остроконечников мустьерских, угловатые скребла, в том числе, с бифасиальной или частично бифасиальной обработкой, лимасы, тейякские острия [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 27-41; 42, *1-3*; 46]. Обращает на себя внимание то, что остроконечники мустьерские и часть угловатых скребел были изготовлены на леваллуазских и псевдолеваллуазских сколах [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 27-32; 33, *2*].

Надо отметить, что бифасиальные орудия, в основном имеют плоско-выпуклую форму, характерную для восточномикокских памятников [Праслов,

Кузнецова, 2020, с. 39, рис. 33, *4*, *5*; 46, *3*; 47-50; 53; 54; Колобова и др., 2023, с. 27]. Это важное отличие от индустрии Кусимово-6. Эти изделия находят аналогию орудиям из 1-го культурного слоя стоянки в пещере Иманай-1. Среди орудий 1-го культурного слоя пещеры Иманай-1 присутствует семь бифасиальных орудий – четыре конвергентных скребла и три остроконечника, большинство которых имеют плоско-выпуклую форму (рис. 3.48). За исключением одного орудия, все они были изготовлены или из массивных сколов или бесформенных кусков кремня. Один остроконечник имеет двояковыпуклую форму и похож на маленький сердцевидный бифас (рис. 3.48, *6*). Сходные мелкие овальные и сердцевидный бифасы присутствуют на стоянке Сухая Мечетка [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 47-48, рис. 50, *1-3*; 52, *1*; 53, *4*]. Ножи-бифасы с обушком (5 экз.) Н.Д.Праслов и Л.В. Кузнецова на стоянке Сухая Мечетка [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 49, *1-3*; 52, *2*; 55, *1*]. Прямой им аналогией следует считать бифасиальный нож с частично естественным обушком из пещеры Иманай-1 (рис. 3.50, 7). Среди орудий на стоянке Сухая Мечетка есть изделия «позднепалеолитического» облика: скребок нуклевидной формы с тремя рабочими краями на массивном сколе [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 42, *4*] и орудия с резцовыми сколами [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 43, *1-3*]. Восемь орудий на отщепах и плитках по характерному оформлению рабочего края были отнесены к зубчатым орудиям [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 47, рис. 41, *4*; 4, *1*, *2*; 47].

Характеризуя индустрию стоянки Сухая Мечетка, Н.Д. Праслов и Л.В. Кузнецова, указывают индексы следующих категорий каменного инвентаря: скребла – 45,5 %, скребла угловатые – 15 %, остроконечники – 6 %, ассиметричные острия – 5,5 %, бифасы – 9 %, зубчатые орудия – 2 %, верхнепалеолитическая группа орудий – 1 % [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 49]. Обращает на себя внимание высокий индекс конвергентных орудий (скребел угловатых, остроконечников, ассиметричных острий) – 26,5 %, которые являются яркой характеристикой микоксого компонента в данном собрании.

Другой важной особенностью памятника является внушительное количество бифасов (29 экз. – 9 %). Бифасиальная обработка осуществлялась, в основном, в рамках плоско-выпуклой стратегии [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 50, 51; Колобова и др., 2023, с. 27]. Вместе с тем, в коллекции стоянки есть двояковыпуклые бифасы, в том числе, достаточно крупные [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 47; 49, *3*; 50, *4*; 51; 52; 54, *1*, *3*; 55, *1*]. Также широко применялись приемы вентральной обработки: оформление рабочего края, утоньшения ударного бугорка, уплощение или переоформления рабочего края лезвий или острия, сегментация заготовок [Праслов, Кузнецова, 2020, рис. 21, *2*, *5*, *7*; 23, *3*, *4*; 24, *4*, *5*; 26, *2*; 27, *1*, *3*; 28, *3*; 29, *5*, *7*; 30, *2*, *3*; 32, *2-4*; 33, *2*, *3*; 34, *5*; 35, *1-3*; 37, *1*; 40, *1*, *2*, *4*; 41, *1*, *2*; 42, *1*; 43, *3*; 44, *1*, *2*].

Стоянка Сухая Мечетка является чистым микокским комплексом среднего палеолита в Восточной Евпропе. Вместе с тем, широкое использование бифасиальной обработки, а также большое разнообразие орудийных форм, многие из которых не образуют устойчивых серий, может указывать на сохранение «ситуативной» стратегии в обработке камня, характерной для «аморфной» стадии нелеваллуазских индустрий. Об этом свидетельствует и то, что «…пропорции отщепов, использованных для изготовления орудий, были, по-видимому, безразличны первобытным людям, так как в комплексе присутствуют примерно равное количество отщепов всех имеющихся на стоянке вариантов пропорций, имеющих вторичную обработку…» [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 50]. Наличие бифасов и аморфность заготовок как раз и сближают индустрию Сухой Мечетки и Кусимово-6.

По особенностям остроконечников Сухой Мечетки Н.Д. Праслов и Л.В. Кузнецова указывали на сходство с индустриями Крыма, например, Староселья, Шайтан-Кобы, верхнего слоя Киик-Кобы, а также Кавказа (Ильская 1) [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 50]. Углубленный технико-

морфологический анализ бифасиальных изделий со стоянки Сухая Мечетки позволил установить сходство с аналогичными орудиями в сибирячихинском варианте среднего палеолита Алтая и в микокских индустриях Центральной и Восточной Европы [Колобова и др., 2023, с. 27] (рис. 3.69).

Культурные отложения стоянки Сухая Мечетка имеет возраст 110-97 тыс. л.н., а комплексы Чагырской пещеры – 59-48 тыс. л.н. и пещеры Окладникова >44 тыс. л.н. [Междисциплинарные исследования…, 2018; Колобова и др., 2023, с. 33]. Возраст отложений Сухой Мечетки моложе датировок стоянки Кусимово-6 (130-120 тыс. л.н.) и он ближе к предполагаемой дате стоянки Богдановка (MIS 5-4) [Широков и др., 2011, с. 137] и нижнему слою стоянки Гарчи I [Павлов, 2008, с. 35]. Алтайские же памятники ближе по возрасту к микокскому комплексу 1-го культурного слоя пещеры Иманай-1, который датируется в диапазоне 30-45 тыс. л.н. (MIS 3) [Гимранов и др., 2021, с. 1279]. Очевидно, эти даты могут отмечать три волны проникновения неандертальцев на территории к востоку от Центральной Европы, причем, эти волны были связаны с проникновением групп – носителей микокских традиций.

В последние годы важную информацию о взаимодействии древних предков дает генетика. В частности, важные открытия были сделаны в Денисовской пещере на Алтае. Так по данным анализа человеческих костей, принадлежащих денисовскому человеку (Denisova-25) из этой пещеры, было установлено, что денисовцы и неандертальцы разошлись от общего предка около 300 тыс. л.н. и вначале активно смешивались. Неандертальцы заселили Европу и Ближний Восток, а денисовцы Азию. Приблизительно 300 тыс. л.н. денисовцы пришли на Алтай и 120 тыс. л.н. встретились с группой неандертальцев, появившихся там. Вторая волна проникновения денисовцев на Алтай датируется 60-80 тыс. л.н. После этого около 50 тыс. л.н., как это было выявлено по ДНК из кости человека, найденной в Денисовской пещере, снова фиксируются контакты с неандертальцами. Алтайский регион, возможно,

являлся пограничным для расселения денисовцев и неандертальцев. По данным анализа ДНК женщины (Denisova-3) было установлен факт включения генома некоего неизвестного типа человека, возможно Homo erectus, в период между 200 и 60 тыс. л.н. [Gibbons, 2024. P. 241]. Последнее указывает на вероятность продолжительного сосуществования в Алтайском регионе или на соседних территориях в условиях относительной изоляции групп архантропов, неандертальцев и денисовцев. Это должно было отразиться на сосуществовании различных технокомплексов на территориях контактных зон, к которым вполне можно отнести и Южный Урал.

К тому же периоду, что и 1-й культурный слой стоянки в пещере Иманай-1 (MIS 3), очевидно, относятся среднепалеолитические стоянки Новобелокатайская, Муллино II с леваллуазскими (?) индустриями и верхнепалеолитические стоянки Лабазы-1 и Горново. Для этих памятников характерно использование для изготовления орудий костей животных и сходные приемы обработки костей. Каменная индустрия Новобелокатайской стоянки и местонахождения Муллино-2 представлена сочетанием леваллуазской (?) техники и рубящих орудий на гальках - чоперов. Предположительно, в финале своего эволюционного развития две среднепалеолитические индустрии, кусимовская и леваллуазская (?) с чоперами, сосуществовали с памятниками раннего этапа верхнего палеолита с пластинчатой индустрией.

ГЛАВА 4
ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

Ранний этап верхнего палеолита (40-26 тыс. л.н.) совпал с последним оптимумом среднего валдая (MIS 3) - Табулдинским (соответствующий Ленинградскому или Брянскому по европейской схеме). Он отмечен умеренно теплым климатом, который был несколько суше и прохладнее современного, флора не отличалась от современной: в долинах рек произрастали сосново-еловые леса, на открытых пространствах преобладали полынные, маревые, разнотравье, злаковые. Аллювиальные осадки слагают основания вторых надпойменных террас. Фауна представлена верхнепалеолитическим комплексом: мамонтом, носорогом, крупной лошадью, бизоном, лосем [Данукалова, 2010, с. 118-119; Puchkov, Danukalova, 2009, p. 8].

Средний и поздний этапы верхнего палеолита приурочены к последнему этапу верхнего неоплейстоцена (MIS 2) - Кудашевскому (Осташковскому по европейской схеме) горизонту (25-11 тыс. л.н.). Это время сильного похолодания, ледниковый щит покрывал территории к северо-западу от рек Волга, Вятка и Кама, Южный Урал был областью сезонного промерзания. Открытые пространства покрывали лугово-степные растительные ассоциации, представленные разнотравными, полынно-маревыми, в долинах рек и в горах распространялись еловые леса с примесью березы. Животные были представлены типичным мамонтовым комплексом: мамонтом, носорогом, бизоном, большим пещерным медведем, гиеной, северным оленем, песцом и пр. [Карачаровский, 1951, с. 255; Данукалова, 2010, с. 119; Puchkov, Danukalova, 2009, p. 8]. В период максимума оледенения (28-20,5 тыс. л.н.) вечная мерзлота распространялась на всю территорию Южного Урала и достигала глубины 100 м. Около 20,5 тыс. л.н. начался процесс дегляциации,

который продолжался до 15,5 тыс. л.н. [Dublyansky et al., 2018]. В конце позднего неоплейстоцена отмечена раннехвалынская трансгрессия, в результате воды каспийского бассейна достигли отметок 45-50 м на широте современного г. Уральска, и Хвалынское море в период максимума имела площадь около 950 тыс. км^2 [Янина, 2005, с. 269-271].

4.1. Памятники ранней поры верхнего палеолита

Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Европы, по мнению М. Отта и Я.К. Козловского, осуществлялся как на основе эволюции мустьерских технологий, так и под влиянием пришлого населения - носителей ориньякской культурной традиции [Отт, Козловский, 2005]. Памятники Южной Сибири демонстрируют непрерывную эволюцию от индустрии среднего палеолита к верхнепалеолитической пластинчатой индустрии (Денисова пещера, стоянки Усть-Каракол-1, Кара-Бом). Начало перехода относится к 50-60 тыс. л.н., завершение - к 45-40 тыс. л.н. [Деревянко, 2005]. В Средней Азии на примере грота Оби-Рахмат в Узбекистане зафиксирован переход от леваллуазской технологии среднего палеолита к пластинчатой технологии верхнего палеолита в интервале 50-48 тыс. л.н. Индустрия раннего этапа верхнего палеолита Китая, Японии, Кореи и Юго-Восточной Азии имеет существенное отличие от культурных традиций других регионов Евразии. Это, по мнению А.П. Деревянко, свидетельствует о независимой эволюции технологических традиций среднего палеолита в направлении перехода к пластинчатой технологии верхнего палеолита в разных регионах Евразии [Деревянко, 2005]. Для Европы постулируются более сложные процессы перехода от среднего к верхнему палеолиту [Утмайер, 2005; Аникович, 2005; Анисюткин, 2005; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007].

Не менее сложным было формирование верхнепалеолитической традиции на территории уральского региона. Для верхнего палеолита Урала

Т.И. Щербакова выделила две группы памятников, относящиеся к разным типам индустрий. Памятники первой группы - стоянки Бызовая (верхний культурный слой), Заозерье, Горново, грот Близнецова, Гроты у Каменного Кольца, датируются ранним этапом верхнего палеолита (MIS 3). Они обладают некоторыми чертами сходства с памятниками среднего палеолита - стоянками Урта-Тубе, Богдановка и Пещерный Лог в Прикамье [Щербакова, 1997, с. 19; 2001, с. 165, 167]. Вторая линия представлена памятниками близкими стоянке им. М.В. Талицкого (грот Столбовой, Медвежья пещера, Ганичата III, Драчево). Они, в свою очередь, имеют определенные совпадения по некоторым категориям изделий с памятниками первой группы [Щербакова, 1997, с. 19; 2001, с. 167]. Тем самым, Т.И. Щербакова предполагала возможность автохтонного возникновения верхнего палеолита на территории Уральского региона [Щебракова, 2001, с. 167].

П.Ю. Павлов подразделяет памятники начальной поры верхнего палеолита на две хронологические группы. В первую группу древностью 33-38 тыс. л.н. вошли стоянки Заозерье и Мамонтовая Курья. Во второй группе, датирующейся концом брянского интерстадиала (29-28 тыс. л.н.), состоят стоянки Гарчи I (верхний слой), грот Близнецова и Бызовая [Павлов, 2015, с. 51]. Рассматривая материалы наиболее информативного памятника первой группы стоянку Заозерье, П.Ю. Павлов относит его к костенковско-стрелецкой культуре [Павлов, 2009б]. Вместе с тем, в коллекции этой стоянки он выделяет две технико-типологические группы - пластинчатые и бифасиальные формы, которые условно можно считать принадлежащими как к «верхнепалеолитическим», так и «среднепалеолитическим» индустриям. На этом основании каменный и костяной инвентарь стоянки Заозерье П.Ю. Павлов относит к симбиотическим (смешанным) культурам начала верхнего палеолита переходного типа [Павлов, 2015, с. 51].

Стоянка Гарчи I обладает самой представительной коллекцией находок, и ее П.Ю. Павлов также относит к костенковско-стрелецкой культуре, о чем

свидетельствуют находки бифасильных наконечников треугольной формы с вогнутым или прямым основанием стрелецкого и сунгирского типов, скребки высокой формы и пр. [Павлов, Макаров, 1998; Гиря, Павлов, 2011; Павлов, 2015]. В материале стоянки среднепалеолитические черты выражены сильнее: преобладают плоские нуклеусы параллельного скалывания, полностью преобладают отщепы в качестве заготовок, многие скребки имеют вентральную подтеску, скребла на массивных пластинчатых сколах, ножи с обушком близкие к Kielmesser, широко представлена двусторонняя ретушь [Павлов, 2015, с. 53]. В инвентаре стоянки Бызовая (бассейн Печоры) черты среднего палеолита преобладают: ножи обушковые и разнообразные скребла, по мнению П.Ю. Павлова, имеют прямые аналогии в индустриях Kielmessergruppen Восточной Европы [Павлов, 2015, с. 53]. На этом основание им было выдвинута гипотеза о принадлежности этих двух памятников к финальному этапу среднего палеолита и о существовании на севере Урала во второй половине среднего валдая популяции позднейших неандертальцев, контактировавших с людьми современного вида *Homo sapiens sapiens* [Павлов, 2015, с. 54-55]. В конце среднего - в первой половине позднего валдая (от 27 до 19 тыс. л.н.) из-за суровых условий последнего оледенения население уходит с территории северо-востока Европы [Павлов, 2015, с. 55].

Ранний этап верхнего палеолита Южного Урала представлен 5 памятниками. Только одна стоянка является пещерной, остальные - это стоянки открытого типа. Большая часть стоянок являются пунктами кратковременных остановок с небольшими коллекциями каменных и костяных изделий. Более того, каждый памятник был своеобразен: кратковременная стоянка охотников - пещера Смеловская 2; места сбора костей мамонта и других животных - местонахождение Табулдинское, стоянка Горново; кратковременный лагерь посетителей пещерного святилища Шульган-Таш (Каповая) - Шульганово-4 (нижний слой); базовое поселение - стоянка Лабазы I [Котов, 2009]. Самой информативной является стоянка Лабазы I.

Стоянка Лабазы I находится в 1,1 км к югу от с. Лабазы, в 2,4 км к северо-востоку от с. Скворцовка в Курманаевском районе Оренбургской области (рис. 4.1). Рекой Бузулук вскрыты культурные отложения верхнего палеолита, содержащие кости плейстоценовых животных и другие находки на расстоянии 120 м [Богданов, Котов, 2008] (рис. 4.2).

Основную массу находок на стоянке Лабазы I образуют кости ископаемых животных - 748 экз., и орудия, изготовленные из этих костей. Согласно определениям П.А. Косинцева (ИЭРиЖ УрО РАН) и других биологов выделены следующие распространенные виды: носорог, мамонт, бизон, лошадь, гигантский олень, благородный олень, лось. Реже встречаются костные останки таких животных как: северный олень, сайгак [Богданов, 2015, с. 8].

В обрыве левого берега р. Бузулук в центре скопления костей был заложен С.В. Богдановым шурф 1 размером 2×2 м. Он был доведен до глубины 2,1 м (рис. 4.4). Под слоями супеси и песка на глубине от -165 до -200 см от дневной поверхности был зафиксирован культурный слой в погребенном торфянике. Он представлен слабосуглинистым грунтом черного цвета, который содержит большое количество отмерших стеблей растений, коры, корней. В нем присутствует множество пятен золы, пепла, он насыщен древесными и костными углями, очень много мелких остроугольных осколков костей (1-3 мм), костной золы, мощность слоя составляет 0,40-0,47 м [Богданов, Котов, 2008, с. 30]. Культурные остатки равномерно распределены по всей площади культурного слоя (рис. 4.5). Всего в шурфе обнаружено одна полупервичная кремневая пластина из голубовато-серого камня (рис. 4.6, *4*), два круглых песчаниковых диска, фрагмент белемнита, одна костяная развертка. Здесь же были найдены 37 костей животных с надрезами, насечками, сколами.

По мнению П.А. Косинцева палеонтологические остатки стоянки относится к средневюрмскому, Ленинградскому (Табулдинскому) горизонту (MIS 3). По обработанному фрагменту рога гигантского оленя была получена

некалиброванная дата 40310 ± 3830 л.н. (ИГАН 3442) [Богданов, Котов, 2008, с. 30]. Калиброванный возраст - в интервале 41112-52978 л.н. (88.0%).

Всего на памятнике присутствуют 15 изделий из камня (рис. 4.6). В качестве сырья использовались черный (1 экз.), серый (2 экз.), светло-серый с белыми вкраплениями (1 экз.), светло-серый (2 экз.) кремень, серовато-коричневый пестрый кремень (2 экз.), красноватый (1 экз.), светло-коричневый (1 экз.,) светло-розовый (1 экз.) кремень, кварцит (2 экз.), сургучная (1 экз.), серая (1 экз.) яшма. Разнообразие каменного сырья может говорить о его дефиците.

Пластин и изделий из пластин - 9 экз. (60% от всех изделий). Большая часть пластин обладает регулярной огранкой (рис. 4.6, *2, 3, 4, 9, 10, 14, 16, 17*). Пластины имеют слабо изогнутый профиль, ударные площадки у целых пластин точечные, зафиксирована техника удаления карниза, ширина пластин более 1 см - все это может указывать на то, что они были сняты с применением посредника из кости. Два таких посредника из рога присутствуют в коллекции (см. описание ниже). Большую часть заготовок составляют пластины из кремня и кварцита - 5 экз. (рис. 4.6, *2, 4, 5, 10, 17*), другая категория сколов представлена отщепом с ретушью из серой яшмы (?) и отщепом из серого кремня (рис. 4.6, *8, 15*). Среди находок - ныряющий скол с ретушью из серого кремня, снятый с продольного ребра нуклеуса с фрагментированной проксимальной частью (рис. 4.6, *16*). Негативы боковых снятий указывают на характерную подправку поверхности скалывания конусовидного нуклеуса, которая получила широкое распространение в конце верхнего палеолита Урала [Котов, 2004, с. 38].

Среди изделий со вторичной обработкой присутствуют: пластина с притупленной спинкой из черного кремня, левый край которой обработан крутой ступенчатой ретушью (рис. 4.6, *1*); пластина из светло-серого кремня на вентральной стороне имеет нерегулярную, ступенчатую, полукрутую ретушь (рис. 4.6, *3*); у ныряющего скола с конусовидного нуклеуса во всю длину левого

края тянутся негативы полукрутой, мелкой ретуши (рис. 4.6, *16*); долотовидное орудие, изготовленное из расколотой кремневой галечки посредством продолных сколов (рис. 4.6, *6*); концевой скребок, изготовленный на массивном пластинчатом отщепе из красного кремня, на дорсале имеет следы утоньшения, левый край подправлен мелкой ретушью, основание удалено боковым резцовым снятием, рабочее лезвие полукруглое, оформлено крупной, крутой ретушью (рис. 4.6, *13*); острие на крупной пластине из сургучной яшмы из шурфа 1, левый край острия образован обломом, мелкая ретушь тянется по обоим краям изделия (рис. 4.6, *14*); долотовидное орудие или клин для раскалывания крупных костей из уплощенной кварцитовой гальки (рис. 4.6, *18*).

Все кости из сборов и шурфа 1 были автором изучены с использованием микроскопа МБС-10. Подавляющее большинство костей неоплейстоценовых животных сохранилась во фрагментах. В основном это было связано с деятельностью человека. Многие кости имеют следы разделки туши в виде нарезок, например, как на двух заячьих костях (рис. 4.8, *1, 2*) или на берцовой кости сайги (рис. 4.7, *4*).

Нуклеусы из кости по форме и характеру обработки повторяют ядрища из камня: это одноплощадочный подпризматический нуклеус со скошенной ударной площадкой, с подправленными краевыми сколами боковыми поверхностями и с негативами пластинчатых снятий на всю высоту нуклеуса (рис. 4.7, *1*). В этой связи следует рассматривать и пластинчатый отщеп из бивня мамонта с негативами вентральной, несистематической ретуши правого края (рис. 4.6, *7*). Точно также с помощью ретуши сформировано острие проколки на удлиненном сколе с бивня мамонта (рис. 4.6, *11*). В качестве заготовок использовались крупные осколки массивных трубчатых костей (рис. 4.7, *2, 7*). Зафиксирован характерный для обработки кости прием расщепления ребер крупных животных с помощью клиньев (рис. 4.8, *3, 4*; 4.9, *1*). В этой связи, примером является фрагмент ребра животного средних размеров с

прорезанным продольным пазом на боковой грани (рис. 4.8, *3*). Также показательным является фрагмент ребра бизона, который был разделен на две половинки, края которых после разделения были древним мастером обработаны и выровнены абразивом (рис. 4.9, *1*). Данный прием нами был зафиксирован на среднепалеолитической стоянке Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана (см. выше). Фрагмент рога оленя (?) со следами надрезов в месте облома рогового отростка иллюстрирует другой прием фрагментации изделий из рога и кости.

Всего были выделены 17 изделий, подвергнутых обработке или же имеющие следы использования [Богданов, Котов, 2008, с. 32-36].

Два изделия являются посредниками для скалывания заготовок с кремневых нуклеусов. Одно орудие из обломанного отростка рога лося или оленя длиной 7,8 см, диаметром 2,3 см, имеет скопление глубоких выемок на узком конце предмета (рис. 4.7, *3*). Второе орудие было изготовлено из расщепленной вдоль кости 8,5×2,9×1,1 см (рис. 4.7, *6*), у которой крупной крутой ретушью был сформирован сужающийся конец, после чего, изделие было размягчено, а затем боковые грани, а также поверхности сколов были выровнены и заглажены скоблением-строганием посредством каменного инструмента. Следы повреждений в виде скопления глубоких выемок также концентрируется на узком конце изделия.

У наковаленки из тазовой кости подовальной формы крупного травоядного животного размером 17×12×2 см (рис. 4.10, *1*), края были обломаны, выровнены и закруглены абразивом, на всей поверхности предмета зафиксированы многочисленные ямочки глубиной 0,5-1 мм.

Острие-проколка из кости, размером 3,1×0,4 см, образовано посредством скобления (рис. 4.6, *12*). Крупный скол с массивной трубчатой кости имеет естественный режущий край, который, судя по следам сработанности, вероятно, использовался в операциях срезания-скобления кожи или мездрения. (рис. 4.7, *2*). Берцовая кость сайги имеет ретушированный выступ с режущими

краями (рис. 4.7, *4*), она могла использоваться в качестве тесла-струга по дереву. Проколка-провертка по шкуре из подъязычной кости гигантского оленя размером 8×0,5 см (рис. 4.7, *5*), имеет острие, обработанное скоблением каменным инструментом, и на кончике зафиксированы заглаженность и заполировка. Острие-проколка из фрагмента ребра лошади, имеет на выпуклой поверхности насечки неясного происхождения и, кроме того, края и острие слегка заглажены и заполированы (рис. 4.8, *4*). Провертка по шкуре на фрагменте продольно расколотой крупной трубчатой кости с острым концом (инв. № Л-I-183 (ОК 60) ПМ), края на конце заглажены и заполированы, на поверхностях граней острия фиксируются линейные следы, идущие поперек кромки лезвия. Крупный скол подтреугольной формы с массивной кости размером 11,2×4,5×1 см (рис. 4.7, *7*), очевидно, использовался в качестве скребла по шкуре.

Одно изделие представляет собой рукоятку двуручного вкладышевого скребла по шкуре на фрагменте ребра носорога размером 19×4,5×2,8 см, на боковой стороне имеется искусственное углубление продолговатой формы приблизительно 4×1 см, глубиной до 1 см (рис. 4.8, *5*). У фрагмента лопатки парнокопытного, размером 15×5,5×2,2 см (рис. 4.9, *2*), на левой стороне с обеих сторон были нанесены многочисленные нарезки различной длины, местами образующие скопления параллельных линий. Наиболее вероятно использование данного изделия в качестве лощила для шкур, кроме того, это изделие могло быть рукояткой составного орудия.

Лощило из левой половины нижней челюсти бизона, имеет размеры 22×19×2 см (рис. 4.10, *2*). Внутренняя стенка удалена вместе с зубами, вогнутый край челюсти оббит и срезан каменным режущим инструментом, выпуклый край с внутренней стороны оббит и выровнен скоблением. Крупное орудие для копания было изготовлено из лучевой кости носорога (рис. 4.11).

Также были найдены два изделия экстраутилитарного назначения. Первое представляет собой женскую статуэтку из эпифиза плечевой кости

благородного оленя, она имеет размеры 6,4×5×5 см (рис. 4.12, *1*), ее верхняя часть декорирована наклонными насечками, центральная выпуклая часть эпифиза оббита и обрезана таким образом, что выделены короткие выступающие в стороны выпуклости, очевидно, обозначающие руки и две округлые выпуклости - груди, на нижней наиболее широкой части эпифиза гравированными ломаными линиями показаны ноги (возможно, согнутые в коленях) [Котов, 2012а, 2020; Котов, Румянцев, 2021]. Сходные по форме и типу антропоморфные статуэтки на фигурных костях животных известные в виллендорфско-костенковской культуре в Авдеево (1 экз.) и Пршедмости (4 экз.) [Столяр, 1985, с. 249, рис. 32-34]. Второй предмет - это изображение, предположительно, животного (?) из шейного позвонка гигантского оленя размером 8,5×12 см (рис. 4.12, *2*), у него был отбит отросток и основание таким образом, что он приобрел форму двух развернутых лопастей, на левом крыле позвонка под прямым углом к краю прорезаны каменным острием или углом пластины три линии длиной 0,5 см, 1 мм шириной и 0,7 мм глубиной.

Для последних двух изделий характерно максимально-полное использование естественного рельефа и формы костей. Данные принципы отчетливо проявились в костяной скульптуре верхнего палеолита, характерной и для урало-сибирской традиции [Сериков, 2005; Котов, Румянцев, 2018; Котов, 2020, 2022а].

Коллекция каменных изделий стоянки гомогенна и относится к типу пластинчатых индустрий. В итоге изучения каменных изделий по характеру первичной обработки, формы пластин, наличию пластин с притупленным краем, формы скребков и долотовидных орудий можно говорить о вероятном сходстве с памятниками «уральской» линии развития верхнего палеолита.

Определенное сходство имеется с верхнепалеолитическими памятниками, в частности, с остриями в гроте Безымянный [Петрин, Смирнов, 1977, с. 66-67], с изделиями из рога в гроте Бобылёк [Широков и др., 2005, с. 59-60], с остриями из пещеры Байсланташ [Котов, 2004, с. 51, рис. 13, *9, 12*].

Сопоставление со стоянкой Гари в Среднем Зауралье, где собрана Ю.Б. Сериковым самая крупная коллекция костяных изделий, показывает сходство также в самых общих чертах: в качестве орудий выступали естественные формы костей без их глубокой обработки, использование костей с выемками в качестве основы составных изделий или присутствие на костях ритмичных нарезок и насечек непонятного назначения, а также в натуральном характере изобразительной деятельности и малочисленности каменных орудий [Сериков, 2007, с. 63-64, рис. 33, *2, 3*]. Большее сходство имеется в характере обработки кости на среднепалеолитической стоянке Новобелокатайская: сходным образом получались заготовки посредством продольного раскалывания крупных трубчатых костей и продольного расщепления ребер, а также наличие костяных нуклеусов, использование естественных форм костей с незначительной подправкой, также широко применялась техника ретушной оббивки и для окончательной доводки изделия - скобление и абразивное стачивание поверхности [Котов, 2008б]. Отличием же стоянки Лабазы I является наличие основ вкладышевых орудий.

Технико-типологический и трасологический анализ находок, позволил установить, что на стоянке Лабазы I осуществлялись значительные по объему работы по обработке костей и шкур млекопитающих нескольких десятков промысловых видов. Целых костей мегафауны на стояке сравнительно немного. Присутствует диспропорция по составу костей: много нижних челюстей, обломков лопаток, костей конечностей ископаемых животных, но мало фрагментов черепов, хребтов и костей таза. Отсюда можно предположить, что на площадку стоянки доставлялись уже разделанные фрагменты туш (конечности, ребра) животных или же только кости пригодные для изготовления орудий. Весьма важной характеристикой является ограниченное изготовления кремневых орудий, что могло быть связано с недоступностью галечного сырья, например, из-за повсеместной заболоченности рек и озер в это

время [Данукалова, 2010, с. 118-119]. Это могло быть причиной широкого использования костей для изготовления орудий.

Еще один памятник, связанный со сбором костей - это местонахождение Табулдинское.

Местонахождение Табулдинское расположено на правом берегу ручья Сухой Кундряк, левого притока р. Кундряк (приток р. Ашкадар) в 1,5 км к западу от д. Табулды Бакеевского сельсовета Стерлибашевского района Башкортостана (рис. 4.1; 4.14). В 200 м от реки, на склоне берега (абсолютная отметка 205 м) на глубине около 4-5 м в буром суглинке при строительстве пруда в сентябре 1981 г. было выявлено скопление костей мамонта. Раскопки скопления производились в 1981 г. под руководством геолога В.Л. Яхимович и в 1982 г. - при участии археолога-палеолитчика Т.И. Щербаковой (ИИЯЛ БФАН СССР) [Итоги изучения…, 1985; Данукалова, 2007]. Место находки также было осмотрено археологами М.Ф. Обыденновым (БГУ) и В.А. Ивановым (ИИЯЛ БФАН СССР), что нашло отражение в научном отчете [Акбулатов, Обыденнов, 1983-А, с. 25-26].

Кости мамонта залегали на глубине 5 м от поверхности в толще буровато-коричневых тяжелых суглинков перигляциального типа. Вблизи скопления был обнаружен отщеп из серого грубозернистого известняка [Итоги изучения…, 1985, с. 34-35, рис. 18].

Все кости в скоплении, принадлежат одной особи мамонта, которые были уложены в штабель размером в плане 1,6×1,2 м и около 0,7-0,8 м высотой [Итоги изучения…, 1985, с. 32] (рис. 4.15; 4.16). Большая часть костей расколота, местами на них сохранились зарубки, следы ударов. В восточной части штабеля лежала обломанная нижняя челюсть мамонта с зубами. По костям мамонта были получены следующие некалиброванные даты: 31360 ± 250 л.н. (ЛЕ-2153) и 34910 ± 300 л.н. (ЛЕ-2154). Калиброванные значения - 35271-36225 л. н. (95.4%) и 39448-40725 л.н. (95.4%) соответственно.

К востоку от основного скопления лежали бивни, разбитые позвонки, куски костей черепа мамонта. Среди них были обнаружены две плоские гальки из песчаника со стертыми краями, которые исследователи памятника относят к изделиям (рис. 4.20, *3, 4*). На 0,7 м южнее основного скопления костей были найдены раздробленные ребра и другие мелкие кости. Непосредственно под ними было обнаружено, предположительно, орудие из зеленовато-серого пермского песчаника (рис. 4.20, *4*). Ниже этой прослойки суглинка на 3-5 см залегали раздробленные на куски ребра мамонта. Таким образом, основание штабеля из костей мамонта находилось на границе желто-бурых и коричневых суглинков. В 10-15 м к юго-юго-востоку от скопления костей мамонта скрепером были расчищены отдельные кости носорога и крупной лошади. В 1982 г. в 70 м к юго-востоку от основного скопления были найдено скопление костей бизона или быка, часть костей лежали в анатомическом порядке.

На южной стенке котлована была заложена расчистка № 1, вскрывшая разрез до дна котлована, в стенке раскопа с костями мамонта была сделана зачистка № 2 [Итоги изучения…, 1985, с. 39-41] (рис. 4.17; 4.18). В обоих разрезах В.Л. Яхимович прослеживает границу нижних желтовато-бурых суглинков и желтых песков (пачка I) с коричневыми (пачка II): «В расчистке 1 это подошва слоя 12, а расчистке 2 - слоя 3» [Итоги изучения…, 1985, с. 41]. По зачистке № 2 видно, что коричнево-бурая пачка сильно криотурбирована и она сформировалась в условиях мерзлоты и сильно деформирована при таянии. Ледяные жилы проникают в нижнюю толщу желто-бурых суглинков (рис. 4.19). Геологи полагают, что эта толща отложений сформировалась во время последнего поздневалдайского - осташковского оледенения (MIS 2). Желто-бурые суглинки они относят к ранневалдайскому, калининскому оледенению (MIS 4), но этому противоречит некалиброванная радиоуглеродная дата, полученная по трубчатой кости мамонта - ≥ 34900 л.н. (ЛУ - 1377А) [Итоги

изучения…, 1985, с. 41, 43] (калиброванный возраст в интервале 39440-40715 л.н.)[10].

Среди костей мамонта были найдены 4 предмета, которые, как считают исследователи, были принесены человеком[11]. Два отщепа были сделаны из известняка. Отщеп из светло-серого зернистого пермского известняка, размером 6,2×3,8×1,5 см. Края имеют с обеих сторон негативы несистематической разнокалиберной ретуши (рис. 4.20, *2*). Фрагмент отщепа из светло-серого зернистого известняка, размером 2,7×3,2×1 см. Ударная площадка гладкая (рис. 4.20, *1*). Два других предмета - из песчаника. Предмет овальной формы из зеленовато-серого песчаника, размером 15×10×4,1 см, не имеет следов искусственной обработки. У него нижний и спрямленный край стерты, снизу заметны следы оббитости (рис. 4.20, *4*). Он был обнаружен среди расколотых костей. Последний предмет - это фрагмент плоской гальки из песчаника без следов искусственной обработки, размер 5,4×8×1,7 см. У него есть один выпуклый и закругленный край, который с одной стороны стерт «наподобие скребка» [Итоги изучения…, 1985, с. 54] (рис. 4.20, *3*). Сходные орудия из песчаника, которые использовались для обработки кости в качестве абразива, присутствуют в коллекции стоянки среднего палеолита Новобелокатайской в Белокатайском районе Башкортостана [Котов, 2008б, с. 12] (рис. 3.62, *8*).

В итоге следует констатировать, что данный памятник не является естественным кладбищем мамонтов - об этом свидетельствует характер основного скопления костей. Вместе с тем, здесь не было обнаружено достаточно многочисленных находок из камня, но были зафиксированы следы воздействия человека на крупные кости. Можно предположить, что это кратковременная стоянка человека, на которой были собраны и уложены человеком в штабель кости мамонта для последующей их утилизации. Эта идея

[10] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.
[11] Материалы автором не были обнаружены. Описание изделий приводится по публикации [Итоги изучения…, 1985, с. 54].

впервые была высказана Ю.Б. Сериковым [Сериков, 2007, с. 9]. Правда, этому противоречит то, что все кости в штабеле принадлежали одной особи мамонта, а также то, что некоторые кости мамонта и бизона лежали в анатомическом порядке. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело также и с местом разделки туши мамонта. К сожалению, на месте находки костей не были произведены масштабные археологические исследования, которые могли бы дать более полную картину культурных отложений на этом местонахождении.

Еще один памятник, на котором были обнаружены изделия из кости - это стоянка Горново.

Стоянка Горново расположена в 0,5 км севернее д. Горново Уфимского района Башкортостана в излучине левого берега р. Белой (рис. 4.1; 4.21). Костеносный горизонт мощностью около 1,5 м и длиной 100 м был приурочен к серо-голубому суглинку в основании 15-тиметровой террасы (рис. 4.22). Скопление костей было обнаружено местными жителями, которые собирали здесь кости ископаемых животных. Впервые оно было обследовано в 1951 г. археологом К.В. Сальниковым, который сделал зачистку костеносного горизонта, а затем он заложил шурф [Сальников, 1951-А, с. 18]. Заново памятник был открыт краеведом А.П. Шокуровым в 1959 г. Он на основании находок большого количества расколотых и обожженных костей предположил, что это палеолитический памятник [Шокуров, 1959-А, с. 2]. Для проверки этого предположения им были сделаны три зачистки костеносных отложений. В одной из зачисток был обнаружен кремневый скол оживления ударной площадки нуклеуса [Шокуров, 1959-А, с. 5] (рис. 4.26, *11*). Кроме того, были найдены ряд изделий из кости [Шокуров, 1959-А, с. 8]. На бичевнике краевед обнаружил срединный резец из серого кремня (рис. 4.26, *10*) [Шокуров, Бадер, 1960]. В 1960-1961 гг. памятник обследовался археологом О.Н. Бадером и геологом В.Л. Яхимович, была вскрыта раскопом площадь 90 м^2 [Шокуров, Бадер, 1960; Яхимович, 1965а, с. 43]. В 1983-1984 гг. возобновилось изучение стоянки В.Л. Яхимович, Г.А. Данукаловой, А.Г. Яковлевым, Т.И. Щербаковой и

др. [Яхимович и др., 1987; Щербакова, 1985-А, 1986-А]. Здесь было сделано описание геологического разреза, заложен раскоп и собран обильный костный материал (рис. 4.23; 4.24; 4.25).

Первые радиоуглеродные некалиброванные датировки были получены по древесине из слоя, который перекрывал костеносный горизонт с археологическими находками: 21280 ± 550 л.н. (РУЛ - 145) (24264-26548 л.н. (95.4%))[12] и 28800 ± 124 л.н. (БашГИ-36) (32808-33774 (91.7%)), 29700 ± 1250 л.н. (Н - 1856/1287) (31273-37286 л.н. (95.4%)) [Свеженцев, Щербакова, 1997; Данукалова, 2010, с. 119]. Для уточнения возраста культурного слоя и вмещающего его серого гумусированного суглинка, по древесине были получены новые ^{14}C даты: для верха отложений - 26950 ± 560 л.н. (ЛУ-3711) (30026-32248 (94.4%)) и для низа - 26990 ± 150 л.н. (ЛУ - 3212) (30930-31293 л.н. (95.4%)), а по зубу бизона определен возраст ≥ 33670 л.н. (ЛУ - 4153) (35700-41841 л.н. (95.4%)) (табл. 7). Стратиграфия отложений Горновского местонахождения костей подробно описана в ряде работ и стала опорной для нашего региона [Яхимович, 1965а, 1965б; Яхимович и др., 1987; Щербакова, 1986-А, с. 107-114; Яковлев и др., 2000; Данукалова и др., 1996; Данукалова и др., 2000, с. 70; 2010, с. 119].

В коллекции, полученной с памятника, было 10 каменных изделий. Единственный нуклеус представлен торцовым ядрищем на массивном отщепе, ударная площадка скошенная, созданная несколькими сколами, на боковой и торцевой гранях присутствуют негативы продольных пластинчатых снятий, (рис. 4.26, *7*). Сколы представлены сегментом отщепа и двумя дистальными фрагментами аморфных пластин (рис. 4.26, *3, 4*). Найдено также 3 кремневых орудия: концевой скребок на массивном отщепе с ретушированными гранями, (рис. 4.26, *5*), мустьерский остроконечник на массивном полупервичном отщепе, оба его края обработаны ступенчатой ретушью (рис. 4.26, *8*) и срединный резец на массивном полупервичном отщепе (рис. 4.26, *10*). В

[12] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

Октябрьском историко-краеведческом музее им. А.П. Шокурова были обнаружены среди материалов из Горново (колл. № 262; 362) три изделия из серого полосчатого кремня. Выделяется размерами псевдолеваллуазское острие с несистематической ретушью на выпуклом и вогнутых краях (рис. 4.26, *14*). Здесь же присутствуют еще два массивных скола с участками несистематической ретуши (рис. 4.26, *12, 13*) [Котов, 2011а].

Костяное изделие из материалов Т.И. Щербаковой представлено обломком трубчатой кости, орнаментированное параллельными нарезками (рис. 4.26, *1*) [Щербакова, 1986-А, с. 119]. Среди сборов А.П. Шокурова на Горновском местонахождении в фондах Октябрьского краеведческого музея были обнаружены изделия из кости: скол с трубчатой кости крупного травоядного с закругленным дистальным концом, у которого с внутренней стороны левый край был утончен краевыми плоскими сколами, а на закругленном острие на выпуклой стороне имеются два негатива длинных продольных сколов, возникших, предположительно, от использования изделия в качестве долотовидного орудия (инв. № 362/16) (рис. 4.27, *1*). Другой остроконечный скол (инв. № 362/13) был сходным образом обработан краевым сколами на вогнутой стороне, но на обоих продольных краях, на выпуклой стороне его острие также было подправлено тремя плоскими сколами от левого края (рис. 4.27, *3*). В этом ряду показателен скол с массивной трубчатой кости треугольных очертаний (инв. № 362/17). Прямой продольный левый край этого скола с вогнутой стороны был подправлен плоской краевой ретушью по всей длине лезвия, острие также обработано плоскими сколами (рис. 4. 26, *9*). Небольшой фрагмент трубчатой кости был также с внутренней стороны уплощен краевой ретушью (инв. № 362/23), затем ретушированные участки были обработаны абразивной обработкой. Очевидно, это фрагмент какого-то крупного орудия (рис. 4.27, *2*). Другой предмет (инв. № 262/19) тоже является фрагментом продольно расколотой трубчатой кости, у которого основание было оббито крутой ретушью, а боковые грани выровнены скоблением и

залажены абразивом (рис. 4.26, *6*). На левом крае зафиксированы ряды царапин, идущих под углом 45°, возникшие от использования в качестве орудия по скоблению шкур. Еще одно орудие представляет собой обломанный у основания отросток рога большерогого оленя длиной 36 см и шириной в основании 5 см, он изогнут, в базальной части его на протяжении 12 см крупными сколами оформлена выемка в качестве рукоятки (инв. № 262/41) (рис. 4.27, *4*). У основания обломка ветви рога видны борозды, оставленные рубящим инструментом, дистальная часть рога заглажена и заполирована. Очевидно, изделие могло использоваться в качестве острия-кинжала.

Присутствие в коллекции каменных и костяных изделий типично мустьерского облика (мустьерский остроконечник, леваллуазские сколы, костяные остроконечники и др. орудия из кости) и характерных для позднего палеолита (торцевой нуклеус, концевой скребок, срединный резец, пластины, орнаментированная кость) указывает на «переходный» характер этой индустрии, о чем писал О.Н. Бадер [Бадер, 1962, с. 13]. В настоящее время памятник в значительной степени уничтожен рекой.

Гораздо более представительные материалы были получены в результате изучения стоянки в пещере Смеловская 2 в Южном Зауралье.

Пещера Смеловская 2 находится в 3 км к северо-востоку от пос. Смеловского Верхне-Уральского района Челябинской области, на левом берегу, на высоте 7 м над уровнем р. Малый Кизил, притока р. Урал (рис. 4.28). Размеры пещеры 1,9×0,5×5 м, перед входом имеется небольшая площадка (рис. 4.30). Вход в пещеру представляет собой арку высотой 1,5 м, шириной 3 м, который ориентирован на запад (рис. 4.29). Культурные отложения были выявлены К.В. Сальниковым, который в 1950 г. заложил у входа шурф 1 [Сальников, 1950-А]. В 1952 году К.В. Сальников расширил шурф 1 до 2×2 м [Сальников, 1952-А, 1962, с. 32]. Почти полностью пещера была раскопана О.Н. Бадером в 1962 и 1965 гг. [Бадер, 1962б-А, 1971-А]. Общая площадь раскопа достигла 40 м^2 (рис. 4.30). Раскоп был доведен до скального основания

на глубине 2,38 м и зафиксирована следующая стратиграфия [Бадер, 1971, с. 201] (рис. 4.30):

1. Супесь гумусированная, серо-черная, с известняковым щебнем и небольшим количеством костей. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность до 0,8 м.

2. Суглинок желтый, местами слабо гумусированный, насыщенный крупным известняковым щебнем, с единичными костями и находками ножевидных пластинок. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность до 0,6 м.

3. Суглинок коричневатый, рыхлый, со слабой примесью золы и известнякового щебня. В нем присутствуют многочисленные кости, кремневые изделия, сверленые подвески. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность 0,4 м.

4. Суглинок желтый с крупным известняковым щебнем, с единичными находками костей и кремня. Контакт с нижележащим слоем четкий. Мощность 0,6 м.

5. Глина песчаная, внизу примесь крупного песка и мелкого галечника. В нем присутствуют отдельные крупные кости и единичные угольки. Мощность до 0,3 м.

6. Скала.

Выявлено три культурных слоя. Верхний культурный слой приурочен к контакту гумусированной супеси и желтоватого суглинка, в котором были обнаружены 8 ножевидных пластинок, 2 отщепа и 1 осколок. О.Н. Бадер отмечал микролитический облик пластинок и относил их к мезолиту [Бадер, 1971, с. 202]. Возможно, для этого горизонта были получены радиоуглеродная некалиброванная дата: 15590 ± 150 л.н. (ЛЕ-2774) и [Кузьмина, 1997, с. 136]. Калиброванный возраст: 18633-19233 л.н. (93.7%)[13].

[13] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

Второй культурный слой приурочен к отложениям желтого суглинка с известняковым щебнем (слой 4) с прослойкой коричневатого суглинка с примесью золы (слой 3). Неоплейстоценовый комплекс фауны 2-го культурного слоя представлен мамонтом, донским зайцем, сурком, волком, песцом, лисицей, пещерным медведем, пещерной гиеной, пещерным львом, широкопалой лошадью, неоплейстоценовым ослом, шерстистым носорогом, бизоном, сайгой. Этот набор теплолюбивых и холоднолюбивых животных был характерен для средневалдайского (табулдинского) оптимума (MIS 3). Преобладающим по количеству на стоянке являлись кости лошади (55,5%), находка костей жеребят, по мнению С.А. Кузьминой, свидетельствует о том, что пещера была местом кратковременных стоянок охотников на лошадей в летне-осенний период. Радиоуглеродные даты 2-го культурного горизонта следующие: 25000 ± 600 л.н. (ГИН-8403) (27881-30436 л.н. (94.9%))[14], 31000 ± 1500 л.н. (ГИН-8401) (32734-39974 л.н. (94.2%)), 41000 ± 1800 л.н. (ГИН-8402) (42137-49223 л.н. (95.4%)) [Кузьмина, 1997, с. 136] (табл. 7). Возраст этих отложений укладывается в интервал дат от 28 до 49 тыс. л.н., что позволяет однозначно их отнести к Табулдинскому времени (MIS 3). Это подтверждает предположение О.Н. Бадера о принадлежности этого культурного слоя к ранней поре верхнего палеолита [Бадер, 1971, с. 208].

Во втором культурном слое было выявлено основное количество находок: 53 изделия из черного желвачного кремня и в единичных случаях из темно-серого кремня или цветной яшмы. Из них - 23 отщепа, 6 крупных пластин и пластинчатых отщепов, 2 нуклеуса, 4 нуклевидных изделия, 5 первичных скола (рис. 4.31). Пластины и отщепы отличаются массивностью, большая часть сколов (70%) имеет фасетированные ударные площадки. У отщепов преобладает скошенная ударная площадка.

[14] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

Один нуклеус в начальной стадии расщепления на удлиненной гальке, имеет негативы подпараллельных снятий и скошенную под углом 80° ударную площадку, созданную одним сколом и подправленную мелкими плоскими сколами (рис. 4.31, *18*). Второе нуклевидное изделие на обеих сторонах плоской гальки покрыто негативами крупных, разнонаправленных сколов, причем основание изделия было подправлено с одной стороны более мелкими сколами, что может указывать также и на рубящие функции этого орудия (рис. 4.31, *17*).

Скребковая, ступенчатая ретушь на закругленных, выпуклых и вогнутых краях отщепов и пластин может указывать на вероятное использование этих изделий (рис. 4.31, *1-16*). У одного отщепа дистальный край, а у другого - проксимальный участок, были обработаны крутой ретушью, что дало основание О.Н. Бадеру отнести их к скребкам [Бадер, 1971, с. 203] (рис. 4.31, *7, 14*). У другого первичного отщепа несистематическая ретушь идет по краям изделия, а также вертикальной ретушью обработана прямая скошенная дистальная грань (рис. 4.31, *12*). Некоторые сколы имеют выемки, созданные крупной, несистематической ретушью (рис. 4.31, *1, 8, 11*). На большинстве изделий ретушь несистематическая, разнокалиберная, нередко двусторонняя. Создается впечатление, что она появилось в результате повреждений предметов в слое или в ходе использования.

Здесь же в слое желтого суглинка были также найдены 31 подвеска из плоских галечек из мягкотого камня со сверлинами в центре (рис. 4.32). Установлено О.Н. Бадером, что подвески встречается по всей толще желтого суглинка [Бадер, 1971, с. 207]. К.В. Сальников пишет о скоплении подвесок и кусков талька в верхней части желтого суглинка [Сальников, 1962, с. 32]. Они являлись, по мнению К.В. Сальникова и О.Н. Бадера, нашивками на одежду, предположительно, пуговицами (?) [Сальников, 1962, с. 32; Бадер, 1971, с. 207].

В Музее археологии и этнографии при Институте этнологии УФИЦ РАН нами были изучены под микроскопом МБС-9 подвески из пещеры Смеловская 2 в количестве 12 экз. (коллекция № 929) и были выявлены ряд интересных

деталей (рис. 4.32). Изучение этих предметов показало большое разнообразие материала, форм изделий, технологические различия отверстий, их расположения, обработки поверхности различными инструментами. Также наличие следов использования этих изделий в качестве ретушеров указывает на то, что это были одиночные подвески на шнурке, которые были сделаны различными людьми и в разное время. Некоторые подвески были сломаны, но их почему-то берегли и не выбрасывали, а проверчивали новое отверстие. Судя по сильной залощенности поверхностей от трения о кожу, все подвески находились в употреблении достаточно долгое время. Наличие подвески с одним центральным и нескольким периферийными отверстиями может свидетельствовать в пользу того, что центральное отверстие в камне само по себе имело определенное символическое значение для древних людей. Все это в совокупности позволяет говорить об этих изделиях как об амулетах. Присутствие в пещере такого большого количества подвесок-амулетов может означать только одно, пещера 30-40 тыс. лет назад являлась для древнего человека культовым местом, а подвески были приношениями. Не исключено, что культовый характер этого памятника объясняет преобладание среди находок сколов и отсутствие выраженных орудий.

Эти подвески являются самыми ранними находками подобного рода на Урале, получившие в последующее время широкое распространение. Сходное изделие было найдено на стоянке Шульганово-4 в нижнем культурном слое раннего этапа верхнего палеолита (см. ниже). Такая же подвеска в виде необработанной гальки с искусственным отверстием в центре была обнаружена в раскопе В.Е. Щелинского в пещере Шульган-Таш (Каповой) [Щелинский, 1997, с. 33, рис. 3]. Вторая подвеска из плоской галечки с недосверленным углублением была найдена В.С. Житеневым в шурфе в зале Хаоса пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Житенев, 2017].

Третий, самый нижний культурный слой был обнаружен на дне пещеры в толще глины с песком, с примесью щебня и гальки. Здесь присутствовали

окатанные кости крупных животных (носорога, лошадей и др.), некоторые из них расколотые и обожженные, а также найден один уголек. Эти отложения, по мнению О.Н. Бадера, формировались в конце среднего неоплейстоцена, когда река периодически затапливала полость пещеры [Бадер, 1971, с. 207-208].

Таким образом, пещера Смеловская 2 оказалась многослойным палеолитическим памятником. Второй культурный слой дал пускай немногочисленную, но интересную коллекцию находок, характеризующий ранний этап верхнего палеолита. В целом, массивность сколов и пластин, массивные ударные бугорки, наличие ретушированных ударных площадок, грубые нуклеусы, многочисленность первичных сколов, разнокалиберная ретушь указывают на сохранение архаических среднепалеолитических черт в индустрии. Эти характеристики находят соответствие на соседней с пещерой Смеловская 2 стоянке-мастерской Кусимово-6 в Абзелиловском районе Башкортостана. Не случайно, О.Н. Бадер указывал на определенное сходство этой коллекции с материалами эпохи среднего палеолита Средней Азии [Бадер, 1971, с. 206]. Смеловская индустрия отличается лишь большим количеством пластин и пластинчатых отщепов, а также наличием сверленых подвесок, что указывает на ее верхнепалеолитический облик.

Другой очень важный памятник был открыт в горной части Южного Урала в непосредственной близости от пещеры Шульган-Таш - это нижний слой стоянки Шульганово-4.

Стоянка Шульганово-4 расположена в Бурзянском районе Башкортостана, в 200 м к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу реки Белая в устье реки Шульган, вытекающей из пещеры (рис. 4.1). Заложенный в 2013 г. М.М. Румянцевым шурф 1 (размер 1×2 м) был доведен до глубины 1,60 м. В шурфе 1, начиная с глубины 1 м и на 0,5 м ниже, в коричневом среднем суглинке зафиксированы четыре углисто-сажистые прослойки плотного суглинка (очажные линзы), разделенные стерильными прослойками мелкозернистого песка. Пятый культурный слой выделен на

основе угольков и археологических находок, залегающих в темно-сером среднем суглинке с известняковой щебенкой. Проведенный спорово-пыльцевой анализ показал поздневалдайское (кудашевское) время (MIS 2) возникновения отложений с очажными прослойками и средневалдайское (ленинградское/табулдинское) время (MIS 3) нижнего, 5-го культурного слоя [Румянцев, 2014, с. 125]. К сожалению, попытки получить AMS даты по углю не дали приемлемых результатов.

Археологический материал из отложений темно-серого суглинка (5-й культурный слой) представлен подвеской (или нашивкой) из плоской сланцевой галечки темно-зеленого цвета размером 0,8×0,5×0,1 см с проверченным с одной стороны отверстием. Здесь же были обнаружены заготовка подвески подпрямоугольной формы из кости (бивня мамонта?) размером 0,9×0,6×0,15 см, массивный вторичный скол с гальки из кварцито-песчаника и орудие на массивном сколе известняка. В этом слое также были обнаружены две галечные скульптуры [Румянцев, 2014, с. 126; Котов, 2020, с. 14].

Скульптура № 1 на известняковой гальке уплощенной яйцевидной формы размером 13,3×10×7,3 см (рис. 4.34, *1*). На одной стороне посредством пикетажа были сделаны два углубления на месте глаз и выделена линия носа. Ниже на расстоянии, примерно равном длине носа, цепочкой сколов сделана слегка изогнутая глубокая линия рта длиной 3,5 см. Поверхности сколов слегка заглажены растворением. Изображение является личиной человека.

Галечная скульптура № 2 из гладкой известняковой овальной гальки, размером 4×3,4×1,7 см (рис. 4.34, *5*). На одной стороне гальки на расстоянии 1 см друг от друга со сдвигом вправо пикетажем выбито два углубления неправильной формы 2×1,5 мм и глубиной около 0,5 мм. В нижней части пикетажем выбит желобок линзовидной формы, обозначающий рот человека. Обратная поверхность гальки гладкая, слегка растворена выщелачиванием.

Данная скульптура также является личиной человека. Она отличается от предыдущей отсутствием носа и другим набором средств выражения образа.

Эти находки находят аналогии с галечной скульптурой, найденной в пещере Шульган-Таш [Котов, 2014а, с. 123-124]. Кроме того, близость памятника ко входу в пещерное святилище, использование в качестве основы для получения сколов и изображений галек не из кварцито-песчаника, а из известняка, возможно было связано с сакральностью «пещерного» камня (известняка и кальцита), выявленная нами в ходе исследования пещерного святилища Шульган-Таш (Каповая) [Котов, 2011в, 2014а; Пещерное святилище…, 2019, 2023]. Без всякого сомнения, данный памятник был связан с пещерой Шульган-Таш (Каповой) [Котов, 2020, с. 14]. Это позволяет предполагать, что пещера Шульган-Таш могла использоваться в культовых целях еще до появления настенных красочных изображений. Точно также и в пещере Игнатиевской в ходе раскопок были выявлены В.Т. Петриным слои посещения ниже культурных отложений с охрой [Петрин, 1992, с. 91]. Проведенные дополнительные исследования в дальних залах Игнатиевской пещеры позволили получить новые AMS даты из культурных отложений, а также датировать слой посещения под прослойками с углем и охрой, возраст которого укладывается в интервал калиброванных значений 27760 - 28230 л.н. (OxA-39971) [Дублянский и др., 2021, с. 11, 12].

Данный памятник может свидетельствовать в пользу того, что культовое использование пещеры Шульган-Таш (Каповой) началось задолго до появления в ней красочных изображений на стенах.

Предположительно, на Южном Урале есть один довольно необычный памятник, относящийся к ранней поре верхнего палеолита. Это стоянка ***Большие Аллаки II***, расположенная на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки в Каслинском районе Челябинской области. Она приурочена к скальному выходу гранита - «каменным палаткам» необычной формы, сходных внешне с головой человека, высотой до 8 м, находящихся на вершине холма. В

раскопе площадью 60 м^2, заложенных И.В.Жилиной и В.Т. Петриным, было выделено два культурных горизонта [Жилина, Петрин, 1989]. Первый культурный горизонт приурочен к слою почвы и содержал находки от эпохи мезолита до раннего железного века. Второй культурный горизонт залегал в супеси, насыщенной дресвой. В нем были обнаружены кости лошади неоплейстоценовой сохранности (определение Н.Г. Смирнова), мельчайшие угольки и 206 артефактов, из них 164 экз. из хрусталя. По костям была получена некалиброванная дата 24760 ± 1095 (СОАН-2213). Калиброванный возраст - 27141-31455 л.н. (95.4%) (Табл. 7), который позволяет датировать палеолитический слой концом внутривюрмского потепления (MIS 3)[15].

Изделия из хрусталя представлены следующими типами: орудия - 13 экз., пластины - 12 экз., пластинчатые сколы - 11 экз., отщепы - 119 экз., преформы - 3 экз., куски - 6 экз. Среди орудий имеются 2 скребка, 5 пластин с ретушью, остальные сколы имеют минимальную обработку. Авторы раскопок предположили использование "каменных палаток" в качестве святилища древним населением еще в эпоху палеолита [Жилина, Петрин, 1989, с. 48]. В последующем В.Т. Петрин продвигал эту гипотезу [Петрин, 1992, с. 82], ее поддержал Ю.Б. Сериков [Сериков, 1999, с. 101; 2004, с. 227] и Р.Б. Волков [Волков, 2004, с. 215].

Еще один памятник, который имеет сходный возраст - это пещера ***Мурадымовская 2***. Пещера находится в 3 км выше д. Юлдыбаево-3-е (Мурадымово) в Кугарчинском районе Башкортостана, на правом берегу р. Больший Ик, на высоте около 90 м над уровнем реки, в 30 м к востоку от пещеры Мурадымовская 1 (Старомурадымовская). Вход арочный, высотой 1 и шириной 2 м. В 45 м от входа находится единственный зал. В этом зале на стене были зафиксированы 11 рисунков красной охрой в виде фигур человека с птичьими чертами [Котов и др., 2010]. В зале был заложен

[15] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

автором шурф 1 вблизи рисунков, в котором были зафиксированы 2 культурных слоя: верхний содержал угольки, кости животных и кусочки охры, он датирован по ^{14}C - 6900 ± 600 л.н. (RGI-58) (калиброванная дата: 6551-9145 л.н. (94.7%)) - концом мезолита, в нижнем были обнаружены единичные изделия из известняка, кости животных и угольки, по зубу лося была получена радиоуглеродная AMS дата 24200 ± 700 л.н. (RGI - 59) [Котов и др., 2010, с. 225-226]. Калиброванный интервал последней даты: 27274-29982 л.н. (95.4%) (Табл. 7), который также датирует нижний культурный слой концом Табулдинского горизонта (MIS 3)[16].

Памятники раннего этапа верхнего палеолита единичны и их коллекции немногочисленны. Вероятно, это можно объяснить редкостью населения в это время. Вместе с тем, наличие свидетельств использования пещер Шульган-Таш (Каповая) и Игнатиевской в конце этого периода, очевидно, с культовыми целями, может говорить о присутствии уже постоянного населения в это время на Южном Урале.

Подводя итог описанию памятников раннего этапа верхнего палеолита, следует отметить следующее: памятники с пластинчатой индустрией и широким использованием орудий из кости, на примере стоянки Лабазы 1, появляются на Южном Урале уже в сложившемся виде. Наряду с этим, присутствуют памятники с «симбиотической» индустрией, сочетающей формы характерные как для среднего, так и для верхнего палеолита (пещерная стоянка Смеловская 2, стоянка Горново). Кроме того, памятники верхнего палеолита сосуществуют с памятниками финала среднего палеолита (стоянка Новобелокатайская, пещерная стоянка Иманай-1). Это дает основание предполагать, что период сосуществования носителей среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий занял достаточно большое время и продолжался вплоть до начала последнего оледенения.

[16] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

4.2. Памятники позднего этапа верхнего палеолита

Достоверные памятники среднего этапа верхнего палеолита не обнаружены на территории Южного Урала. Вполне вероятно, что в это время (26-23 тыс. л.н.) из-за неблагоприятных климатических условий максимума похолодания большая часть населения покинуло эти территории [Павлов, 2015, с. 55]. Предположительно, новая волна заселения территории Южного Урала и Урала вообще началось около 23-22 тыс. лет назад, во второй половине среднего этапа верхнего палеолита, о чем свидетельствуют калиброванные даты ряда стоянок (палеолитический культурный слой в пещере Шульган-Таш (Каповой), стоянок Сергеевка-1, Талицкого и Шикаевка II). Все памятники последнего этапа верхнего палеолита были разделены по возрасту на две условные группы. В группу 1 вошли памятники возрастом от 22 до 16 тыс. л.н. включительно: Сергеевка-1, Усть-Акаваз, Кульюрт-Тамак-1, Шульган-Таш (Каповая), Балатукай, Байсланташ (Акбутинская), Игнатиевская, Бобылек, Троицкая I, Барановская, Идрисовская, Смеловская 2, верхний культурный слой. В группу 2 были отнесены памятники возрастом от 15 до 11 тыс. л.н.: стоянки Мурадымово I, Мурадымово 2, Заповедная, Сикияз-Тамак I, Ильмурзино, Малый Липовый XIV, Игнатиевская 2, Пещерный Лог.

Самое крупное скопление палеолитических памятников группы 1 было обнаружено на западном склоне Южного Урала на р. Нугуш и р. Белой. Большая часть - это пещерные памятники, среди которых выделяется пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) с наскальной живописью верхнепалеолитической древности. Вблизи нее был исследован ряд памятников с многочисленным инвентарем, например, такие как: стоянка Сергеевка-1, пещера Байсланташ (Акбутинская), пещера Кульюрт-Тамак-1 и др., которые позволили получить представление об особенностях верхнепалеолитической традиции на территории Южного Урала.

Палеолитические памятники на р. Нугуш и р. Белой расположены в полосе крайних западных хребтов Южного Урала. Данная территория относится к Нугушско-Бельскому району Инзерско-Бельского хребтово-увалистого округа Инзерско-Бельской низкогорной широколиственной подпровинции горно-лесной провинции [ФГРБ, 1964, с. 99-106]. Территория расчленена глубоковрезанными речными долинами, в которых хорошо проработаны 4-5 надпойменные террасы. Крутые склоны долин рассечены короткими логами с текущими в них ручьями. Для берегов рек характерны скалистые обрывы высотой до 150-200 м с большим нагромождением осыпей у подножий [ФГРБ, 1964, с. 106-111].

Наиболее крупным по количеству находок является стоянка Сергеевка-1, на анализе коллекции которой и во многом основываются наши суждения о верхнем палеолите Южно-Уральского региона.

Стоянка Сергеевка-1 находится в Мелеузовском районе Республики Башкортостан, в северо-восточной части левого берега Нугушского водохранилища, в 1,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка (рис. 4.1; 4.35; 4.36). Памятник был обнаружен в 2008 г. археозоологом Д.О. Гимрановым, в 2009-2010 гг. изучался Южно-Уральской палеолитической экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН (руководитель В.Г. Котов) [Гимранов и др., 2012].

Стоянка находится на второй надпойменной террасе р. Нугуш высотой 20-30 м до затопления Нугушским водохранилищем, с двух сторон это место защищено от ветров высокими мысами (рис. 4.35; 4.37). Находки встречаются на протяжении 200 м, шириной от 20 м после понижения уровня воды. Зачистка берега позволила установить стратиграфию отложений (рис. 4.38): находки были зафиксированы на глубине 2 м от поверхности на контакте низа суглинка темно-коричневого (бурого) тяжелого, мощностью - 1,22-1,3 м и глины светло-бурой с известянковым щебнем [Гимранов и др., 2012, с. 24-25]. Спорово-пыльцевой анализ показал, что темно-коричневый суглинок и слой светло-бурой глины датируются верхним неоплейстоценом и относятся к

Кудашевскому горизонту (поздний вюрм - MIS 2) [Гимранов и др., 2012, с. 25]. По кости была получена дата 18000 ± 340 л.н. (ЛЕ-9603), калиброванный возраст 20899-22568 л.н. (95.4%) (Табл. 7)[17].

Также на поверхности светло-бурой глины были найдены три сотни костей неоплейстоценовой сохранности. Большая их часть, по определению Д.О. Гимранова, - это остатки лошади (80%), единичные кости принадлежат другим животным: бизону, носорогу, оленю, мамонту, пещерному льву [Гимранов и др., 2012, с. 25]. Отдельные кости, в частности, конечность пещерного льва были обнаружены в анатомическом порядке, что указывает на незначительное перемещение материала в слое. Памятник являлся сезонной стоянкой охотников на лошадей.

Коллекция изделий из камня состоит из 1538 экз. (Табл. 4). В целом, технико-типологические характеристики каменных изделий характеризуют коллекцию как единый комплекс. Пластин и изделий со вторичной обработкой - 490 экз., это 31,8% от всех изделий.

Одной из особенностей стоянки является большое количество изделий из галек кварцита и кварцито-песчаника. Значительное число их являются нуклеусами (70 экз./15,7%) (Табл. 4). Среди кварцитовых нуклеусов обнаружено одноплощадочных - 35 экз., двухплощадочных - 12 экз., ортогональных - 9 экз. (рис. 4.40, *5*), дисковидных - 4 экз. (рис. 4.40, *1*). Типы этих нуклеусов сходны с ядрищами из кремнистых пород. В отличие от нуклеусов из кремня и яшмы скалывание с кварцитовых галек производилось с естественных ударных площадок или с поверхности скалывания в случае ортогонального снятия. В точке удара на краю нередко присутствуют полулунные выемки диаметром 1-1,5 см, возникшие от использования каменного посредника. Выделяется несколько стратегий получения заготовок. Часть первичных отщепов овальной формы было снято непосредственно каменным отбойником с естественных ударных площадок кварцитовых галек

[17] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

сферической формы. Некоторое количество вторичных сколов подтреугольных очертаний имеет плоско-выпуклую форму, причем ось снятия совпадает с осью заготовки. На некоторых нуклеусах присутствует набор приемов, направленных на получение заготовок подобной формы: на поверхности раскалывания на определенном расстоянии производилось снятие двух небольших сколов, образующих продольную грань и выпуклую в профиль поверхность скалывания. На поверхности ударной площадки возникал выступ, который и являлся точкой удара. Он мог затем редуцироваться в целях отодвигания точки удара от края нуклеуса (рис. 4.40, 5). С кварцитовых нуклеусов снимались, в основном, отщепы (82 экз./5,2%). Эти приемы характеризуют данную технологию как леваллуазскую. Она позволяла получать крупные сколы определенной формы.

Для ретушеров-отбойников обычно использовались гальки сфероидной формы - 6 экз. Вместе с тем, в коллекции есть 7 орудий из продолговатых или расколотых вдоль крупных галек весом до 2 кг. У них крутой крупной ретушью и пикетажем оформлены рукоятки, причем следы использования в виде скопления крупных выемок сконцентрированы на плоских сторонах в медиальной части орудия. Данные орудия использовались как молотки/молоты в процессе раскалывания нуклеусов из кварцитовых галек с помощью посредников, причем некоторые из них употреблялись и как отбойники, о чем свидетельствуют скопления звездчатой выкрошенности на дистальных участках (рис. 4.40, *3*). О том, что на памятнике существовали посредники, демонстрируют две продолговатые кварцитовые гальки, которые, судя по своеобразным следам забитости, использовались в качестве посредников при скалывании заготовок.

У некоторых оббитых галек (6 экз.), в отличие от нуклеусов, рабочее лезвие создано крупными полукрутыми сколами, подправлено более мелкими сколами и на вентральной стороне на участках, примыкающих к кромке лезвия, имеются негативы полулунной ретуши с заломами от использования в ходе

рубки твердоволокнистых материалов, которые были идентифицированы как чопперы (рис. 4.40, *2*). Уникальным является орудие на гальке вытянутой формы с естественной рукояткой, на боковой грани оно обработано двумя крупными сколами и острое лезвие с двух сторон имеет следы сработанности в качестве рубящего орудия. По форме инструмент можно отнести к рубящим орудиям типа «цалди» (рис. 4.40, *4*).

Нуклеусов из кремнистых пород - 121 экз. (7,8% всех изделий). Среди них преобладают одноплощадочные подпризматические (24 экз./20% всех нуклеусов) и конусовидные (7 экз./5,8%) нуклеусы (рис. 4.39, *2, 3, 4, 7*). Для данных нуклеусов характерно оформление выпуклого фронта скалывания поперечными боковыми сколами от тыльной стороны и/или утончением основания со второй ударной площадки. Тыльная сторона, в основном, уплощенная, формируется поперечными, параллельно-встречными или радиальными снятиями. У большинства нуклеусов присутствуют следы редуцирования карниза мелкими сколами и у остаточных нуклеусов, - абразивной обработки. Ударные площадки скошенные, сформированы одним сколом, затем радиальными плоскими снятиями выделялась выпуклая или двугранная ударная площадка и точка удара.

Достаточно представительную серию составляют нуклеусы ортогональные (25 экз./20%). У них в качестве второй ударной площадки выступает боковая грань или же основание (рис. 4.39, *8, 10, 11, 12*).

Небольшую серию образуют нуклеусы двухплощадочные параллельно-встречного раскалывания (9 экз./7,5%) (рис. 4.39, *5*). Серийно представлены нуклеусы уплощенных форм. Причем это нуклеусы на плоских гальках, а не сработанные ядрища. Среди них есть три дисковидных двусторонних ядрища (рис. 4.39, *9, 13, 14*). Также зафиксированы два сфероидных, один клиновидный (рис. 4.39, *6*), один леваллуазский и один торцевой (рис. 4.39, *1*) нуклеусы.

Важной особенностью первичного раскалывания - это неустойчивость расположения ударных площадок, что выражается в параллельно встречном,

ортогональном и радиальном характере снятий заготовок. Это характеризует ее как содержащию определенные архаические черты, более свойственные индустриям среднего палеолита. Это проявляется в наличии радиальных нуклеусов (рис. 4.39, *9, 13, 14*; 4.40, *1*), леваллуазских сколов и в радиальной огранке многих отщепов (рис. 4.42, *8, 14, 15*).

Коллекция орудий и сколов с ретушью из яшмы различных пород и разнообразного кремня - 516 экз. (33,5% всех изделий). Пластин и пластинчатых отщепов - 196 экз. или 12% от всех находок. Большая часть пластин имеют продольную огранку и ширину от 1 до 2 см (рис. 4.43). У части пластин присутствует прием редуцирования карниза с применением абразива. В большинстве случаев встречаются точечные или скошенные, гладкие ударные площадки, редко встречается прием изолирования ударной площадки, кроме того некоторые пластины имеют ретушированную и изогнутую в плане ударную площадку (рис. 4.43, *13*). Большинство целых пластин обладают изогнутым профилем и хорошо выраженным ударным бугорком. Очевидно, в связи с этим основное количество пластин было фрагментировано в древности (рис. 4.41, *1, 9-12*; 4.43, *1-10, 12, 14-18*). Лишь пластинки и микропластинки имеют правильную огранку, в то время как у большинства пластин нерегулярная огранка и непараллельные лезвия.

Скрёбла представлены 9 экз. (1,8% всех орудий). Одно изделие из серого окремненного песчаника с прямым зубчатым лезвием и выделенным черенком (рис. 4.42, *14*). Овальное скребло (лимас) также было изготовлено на леваллуазском отщепе из этого же материала (рис. 4.42, *13*). Два крупных продольных скребла с прямыми лезвиями были образованы на крупных кварцитовых сколах гальки (рис. 4.42, *15*).

Достаточно представительны резцы - 48 экз. (от всех изделий - 3,1% или от всех орудий - 9,8%), среди которых большинство составляют боковые резцы - 33 экз. (6,7% от всех орудий) (рис. 4.41, *13, 17*), есть ретушные - 5 экз. (рис. 4.41, *6, 7, 11, 12, 20*), поперечные - 6 экз. (рис. 4.41, *13, 14*), многофасеточные

тройные - 3 экз. (рис. 4.41, *7, 12, 16*), многофасеточные двойные (рис. 4.41, *19*), латеральные многофасеточные (рис. 4.41, *15*), срединные (рис. 4.41, *18*). Среди них выделены оригинальные орудия - резцы многофасеточные с шиповидной формой рабочего участка (рис. 4.41, *8-10*).

Небольшую серию составляют долотовидные орудия (3 экз.). Преимущественно они обладают четырехугольной формой, прямым рабочим лезвием и оформленными резцовыми снятиями боковыми гранями (рис. 4.41, *1, 3-5*). У единственного орудия из этой серии, которое было изготовлено на пластине, рабочее лезвие на дистальном крае было обработано пологой ретушью (рис. 4.41, *2*).

В коллекции есть четыре усеченных ретушью пластины (рис. 4.43, *15, 16, 18*), а также две пластины с притупленной спинкой (рис. 4.43, *1*) и одна пластинка (рис. 4.43, *8*). Показательным является наличие четырех сегментов пластин с ретушированными краями треугольной и трапециевидной формы, которые являются геометрическими вкладышами (рис. 4.43, *2-5*).

Обработанная кость представлена фрагментом шлифованного, круглого в сечении стержня с пазом, диаметром около 1 см, сделанного из бивня мамонта.

В коллекции находок со стоянки Сергеевка-1 присутствуют и ряд изделий, относящихся к предметам изобразительной и культовой деятельности. К ним относятся несколько «галечных скульптур», в том числе, голова некоего существа на фигурной плоской гальке окремненного песчаника желто-коричневого цвета подтреугольной формы с загругленными концами размером 6×5,5×2 см (рис. 4.45, *1*). У этой односторонней «галечной скульптуры» обработкой выделены глаз, рот и ноздря, поверхность окрашена красной охрой [Котов, 2012а; Котов, Румянцев, 2018, с. 139; Котов, 2018в, с. 19, рис. 3; 2020]. Следующая находка отличается от предыдущей своим оформлением. Плоская галька пятиугольной формы из кварцито-песчаника светло-коричневого цвета размером 6,8×4,8×1,8 см. По форме контура галька напоминает бизона (рис.

4.45, *2*). У этой «скульптуры» такими же приемами оформлены глаза и рот [Котов, Румянцев, 2018; Котов, Котов, 2012а; 2018в, с. 19, рис. 4; 2020].

Еще одно изделие представляет собой брусок вытянутой формы размером 17,7×2,7×1,0 см из зеленовато-коричневого окремненного сланца с параллельными краями (рис. 4.45, *3*). Вдоль каждого из этих краев нанесены четыре группы по четыре пропила, которые были сделаны краем кремневой пластины [Котов, 2018в, с. 21, рис. 5]. Несомненно, пропилы являются простейшим орнаментом, основанным на четырехкратной ритмике. После нанесения «орнамента» данный брусок многократно использовался как ударный инструмент типа молоточка по какому-то твердому посреднику или в качестве отжимника-ретушера, в результате чего на широких поверхностях дистальных и проксимальных сегментов образовались скопления звездчатой выкрошенности и лунок. Аналогичные сланцевые гальки продолговатой формы, украшенные простейшей нарезкой, были найдены в палеолитических слоях пещер Пекарна и Бычи скала в Моравии [Елинек, 1985, рис. 723].

Еще один предмет также был орнаментирован. Он представляет собой плоскую гальку из мягкого полупрозрачного камня (стеатита?) подчетырехугольной формы с искусственным отверстием (рис. 4.45, *4*). Размер: 2,1×2,5×0,5 см. Отверстие диаметром 6 мм было проверчено с двух сторон и контуры отверстий не совпадают и смещены на 3 мм. По периметру подвески на боковых гранях были нанесены с обеих сторон короткие и глубокие нарезки. На левом плоском фасе изделия перпендикулярно бороздам слоистости были нанесены глубокие (до 0,5 мм) линии различной длинны каким-то острым инструментом, предположительно, углом кремневой пластины. Поверхность подвески и сами гравированные линии местами стерты, предположительно, в процессе использования [Котов, 2022б].

Кроме этого, на стоянке был найден фигурный кремень в виде зигзага (рис. 4.45, *5*). Размер: 4,8×1,1×0,4 см. Он изготовлен на основе пластинчатого отщепа с бессистемной огранкой, сформировавшей изломанную под тупым

углом грань, параллельно которой крутой систематической ретушью сформированы края изделия. Дистальная часть ретушью закруглена, на угловом выступе ретушью выделен шип. По форме фигурный кремень похож на голову животного [Котов, 2022б].

Очевидно, стоянка Сергеевка-1 являлась сезонным базовым поселением охотников на лошадей. Между тем, поблизости, выше по течению р. Нугуш в горной зоне были обнаружены небольшие стоянки верхнего палеолита. Одним из таких памятников является стоянка Усть-Акаваз.

Стоянка Усть-Акаваз была открыта в 2012 г. во время обследования берега Нугушского водохранилища Южно-Уральской палеолитической экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН (руководитель В.Г. Котов) [Котов, 2015-А; Древности Башкирского Урала, 2018, с. 176-177]. Памятник приурочен к мысу и прилегающему к нему берегу, образованном р. Акаваз, левого притока р. Нугуш, и левым берегом Нугушского водохранилища, в 4 км к западу-северо-западу от д. Сергеевка и в 1,5 км к югу от устья р. Урюк Мелеузовского района Башкортостана (рис. 4.1; 4.46; 4.47). Поверхность памятника пологая, имеет незначительный наклон к реке. Она лишена дернового покрова в результате размыва водами водохранилища. Находки концентрируются, в основном, в районе мыса, и примерно в 50 м от него вдоль берега (рис. 4.47). Приблизительная площадь стоянки около 700 м². Высота не размытого берега в этом месте около 1 м. Берег сложен в основном из гумуса: его мощность достигает 0,3-0,5 м; под ним мелкий галечник до 0,2 м мощностью, ниже слой светло-бурого суглинка мощностью 0,1 м; под ним слой светло-бурой глины. На поверхности глины и сделаны находки каменных изделий, фрагменты керамики и кости неоплейстоценовых животных. В частности, здесь была найдена суставная кость лошади неоплейстоценовой сохранности (определение археозоолога Д.О. Гимранова). Эта ситуация с распределением находок на поверхности глины характерна и для стоянки Сергеевка-1 [Гимранов и др., 2012].

Всего на поверхности памятника было собрано 73 предмета. Большую часть из них составляют неорнаментированные фрагменты стенок лепных глиняных сосудов - 39 экз. Керамика слоистая, снаружи красная, внутри черная, тесто с примесью мелкого песка и шамота (рис. 231). Предположительно, она датируется финалом раннего железного века или ранним средневековьем (IV-V вв. н.э.). Все фрагменты сильно окатаны от долгого нахождения в прибойной зоне.

Остальные артефакты - это изделия из камня - 34 экз. Среди находок выделены следующие категории находок: 4 отщепа из кремня и яшмы; 4 отщепа с ретушью из кремня (рис. 4.48, *2-5*), 2 отщепа из кварцито-песчаника (рис. 4.48, *6*); нуклеус радиального скалывания из кремня (рис. 4.48, *1*); резец боковой на отщепе из черного кремня (рис. 4.48, *12*); массивный отщеп с ретушью из известняка; 2 оббитых куска кремня; нуклеус остаточный из кремня (рис. 4.48, *11*); нуклеус конусовидный из кремня (рис. 4.48, *10*); нож сланцевый (рис. 4.48, *13*); пластина аморфная с параллельно-встречной огранкой из серого кремня (рис. 4.48, *9*); дистальная и проксимальные части массивной пластины из кремня (рис. 4.48, *8*); пластина косоусеченная из кремня серого (рис. 4.48, *7*). Ряд изделий были сделаны из галек кварцито-песчаника: чоппер на плоской гальке треугольной формы (рис. 4.49, *5*); чоппер на расколотой массивной гальке; нуклеус-наковальня на массивной гальке (рис. 4.49, *4*); 2 чоппера на гальках; отщеп вторичный из кварцито-песчаника; отбойник на круглой гальке из кварцито-песчаника; массивный отщеп из кварцито-песчаника (рис. 4.49, *6*); рубящее орудие (?) на массивном отщепе с ретушью утилизации (?) из кварцито-песчаника (рис. 4.49, *1*); нуклеус двухплощадочный на гальке из кварцито-песчаника (рис. 4.49, *3*); нуклеус-чоппер на гальке из кварцито-песчаника (рис. 4.49, *2*).

Формы нуклеусов и заготовок из кремня и яшмы, нуклеусы из кварцито-песчаника, чопперы из кварцитовых галек, использование разнообразного галечного сырья, а также типы орудий полностью идентичны по своим

характеристикам стоянке Сергеевка-1 в 3 км ниже по течению Нугушского водохранилища. Похожа и геологическая ситуация на этих памятниках. Поэтому комплекс каменных изделий можно отнести к эпохе верхнего палеолита. Памятник является местом кратковременных остановок палеолитических охотников, приходивших сюда из базового поселения - стоянки Сергеевка-1.

Точно таким же пунктом кратковременных стоянок тех же охотничьих групп верхнепалеолитического населения, являлась пещера Неолитовая в 6 км выше по течению р. Нугуш, в которой были обнаружены автором в неоплейстоценовых отложениях находки, аналогичные изделиям со стоянки Сергеевка-1 [Котов, 2015-А, с. 32-38; Древности Башкирского Урала, 2018, с. 171-173].

Представительная группа памятников верхнего палеолита присутсвует в горном течении р. Белая в Бурзянском, Кугарчинском и Мелеузовском районах Башкортостана. Среди них такие пещерные памятники, как: Байсланташ (Акбутинская), Балатукай, Кульюрт-Тамак-1, Шульган-Таш (Каповая) и др. Наиболее многочисленный материал был обнаружен в пещере Кульюрт-Тамак-1.

Пещера Кульюрт-Тамак-1 (Космонавтов) находится в Бурзянском районе Башкирии на правом берегу р. Белой, примерно в 1 км ниже по течению от пещеры Шульган-Таш (Каповой) (рис. 4.1; 4.67). Пещера расположена в приустьевой части одноименного ущелья, в его левом борту, на высоте 30 м от дна каньона и 40 м от уровня р.Белой. Вход обращен на юг, его ширина 7 м, высота 2,5-3 м, общая длина ходов около 170 м (рис. 4.50; 4.51). Привходовая часть длиной 21 м немного расширяется на север; в восточной стене имеется отверстие уходящего наклонно вниз хода, выходящего в Большой навес Кульюрт, с запада к привходовой части примыкает полутемный зал (рис. 4.52).

Археологическое исследование пещеры проводились О.Н. Бадером в 1961, 1965, 1971, 1973 гг. [Бадер, 1973-А, с. 30] (рис. 4.53; 4.54). Раскопки

экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством П.Е. Нехорошева проводились в 1987-1988 гг. [Нехорошев, Гиря, 2004] (рис. 4.55).

Палеолитический культурный слой мощностью до 60 см залегает в нижней части слоя светло-бурого суглинка со щебенкой известняка на глубине от 1 до 2,5 м [Нехорошев, Гиря, 2004] (рис. 4.56; 4.57). По древесному углю из культурного слоя были получены две радиоуглеродные даты: 14920 ± 660 л.н. (ЛЕ-4350) (калиброванная дата - 16517-19849 л.н. (95.4%), 15870 ± 390 л.н. (ЛЕ-3350) (калиброванная дата - 18586-20185 л.н. (91.2%)) (Табл. 7)[18]. Фаунистические находки из культурного слоя по определению И.Е. Кузьминой (ЗИН РАН) характеризуются следующими видами: мамонт, носорог, пещерный лев, бизон, песец, лошадь (?), волк (?), барсук (?). По определению А.Г. Яковлева (ИГ РАН, Уфа) фауна грызунов входит в состав мамонтового верхнепалеолитического комплекса и соотносится с радиоуглеродными датами [Нехорошев, Гиря, 2004, с. 17].

В коллекции каменных изделий 345 предметов: орудия - 38 экз., нуклевидные - 3 экз., пластины - 11 экз., микропластинки - 39 экз., отщепы - 23 экз., осколки - 5 экз., чешуйки, мелкие отщепы и осколки - 220 экз., небольшие гальки - 6 экз. (табл. 6). Сырье представлено кремнем, халцедоновым полупрозрачным кремнем и яшмой черных, коричневых, серых и зеленоватых цветов и оттенков, а также кварцитом и кварцито-песчаником.

Нуклеусы - 3 экз. Характеризуются призматическими одноплощадочными формами, ударные площадки создавались уплощенными радиальными сколами, поверхность скалывания выпуклая, несет на себе негативы пластинчатых снятий (рис. 4.58, *2*). Весьма показательна «таблетка», снятая с призматического нуклеуса (рис. 4.80, *1*).

В коллекции имеются 2 гальки из кварцита, у которых на одной из узких граней радиальными сколами образованы ровные поверхности, предположительно, ударных площадок, а сами изделия П.Е. Нехорошев

[18] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

относил к нуклевидным изделиями или пренуклеусам (рис. 4.58, *3, 4*). Хотя это вполне могут быть самостоятельные нуклеусы для получения отщепов. Аналогичные нуклеусы с естественными ударными площадками в большом количестве присутствуют на стоянке Сергеевка-1 [Гимранов и др., 2012].

Отщепы – 20 экз.: из них из кремня – 7 экз., из прочих пород – 13 экз. На всех кремневых отщепах и пластинах отмечаются единичные мельчайшие нерегулярные фасетки ретуши «утилизации» (?). Осколки – 5 экз. (из кремня – 1 экз., из прочих пород – 4 экз.). Чешуйки и мелкие отщепы – 220 экз.

Пластины – 11 экз. (кремень – 10 экз., песчаник – 1 экз.). Две пластины целые (рис. 4.59, *20*), остальные представлены фрагментами (рис. 4.59, *1, 5*). Микропластинки – 39 экз. (все из кремня). Все они аморфные, как правило, фрагментированы (рис. 4.59, *3, 4, 14, 17, 19*).

Резцы угловые на пластинах из кремня – 7 экз. Резец латеральный представляет собой массивную полупервичную пластину, дистальный конец которой был усечен боковыми сколами, с этой скошенной площадки был снят на вентральной стороне плоский резцовый скол (рис. 4.59, *24*). На медиальных фрагментах пластин были изготовлены четверной и тройной резцы (рис. 4.59, *23, 25*). Остальные 4 резца – простые на углу сломанной пластины (рис. 4.59, *2, 6, 10*).

Долотовидные орудия – 3 экз. Первое орудие на пластинчатом полупервичном отщепе, левый край обработан мелкой крутой ретушью, резцовые сколы появились в процессе использования (рис. 4.59, *8*)[19]. Другое изделие на фрагменте массивной пластины на вентрале в дистальной части имеет негативы коротких продольных сколов и одного резцового скола, а также следы забитости. В проксимальной части присутствуют с обеих сторон негативы утончающих продольных сколов и резцовый скол по правому краю – следы использования орудия в качестве клина (рис. 4.59, *30*). Третий инструмент был обнаружен в отвале шурфа А.П. Шокурова у северной стенки

[19] Трасологическое исследование материала принадлежит Е.Ю. Гире (ИИМК РАН).

первого зала М.М. Румянцевым в 2020 г. Он имеет прямоугольную форму, образован на отщепе, у которого дорсальная поверхность утончена крупным сколом, плоскими сколами на вентрале приострены два соединяющиеся под прямым углом лезвия, противолежащая продольная грань была создана сечением (рис. 4.59, *26*).

Пластины с усеченным ретушью концом - 4 экз. из кремня. У двух ретушированными выемками пластин усечен проксимальный конец. Один медиальный фрагмент пластины имеет обработанный пологой двусторонней ретушью левый край, правый край имеет дорсальную ретушь на проксимальном сегменте (рис. 4.59, *9*). Второе изделие также представляет собой медиальный фрагмент пластины, проксимальный участок правого края выровнен полукрутой ретушью, угол сходящихся ретушированных граней имеет микрорезцовый скол, диаметрально противоположный угол также обработан микрорезцовым сколом (рис. 4.59, *29*). У двух пластин чередующимися снятиями усечен дистальный конец. У одной пластины по левому краю тянется нерегулярная чередующаяся полукрутая ретушь, на правом крае полукрутой ретушью создана выемка (рис. 4.59, *21*).

Проколка изготовлена на вторичной полуреберчатой пластине из кремня, левый край обработан крутой ретушью (рис. 4.59, *31*). Орудие с шипом, выделенным ретушью на дистальном конце пластинки из кремня (рис. 4.59, *22*). Клювовидное орудие на усеченной пластине из кремня, у которой клюв был выделен ретушью на правом дистальном углу. Края отретушированы полукрутой неровной ретушью, левый край также обработан пологой ретушью с брюшка у дистального конца (рис. 4.59, *27*). В коллекции есть медиальная часть пластины с маленькой ретушированной выемкой, выполненной у левого дистального угла полукрутой ретушью (рис. 4.59, *11*), а также пластина из кремня с мелкой ретушью по левому краю (рис. 4.59, *28*).

Микропластинок с ретушью из кремня - 14 экз. (рис. 4.59, *13, 15, 16, 19*). Микропластинок с притупленным краем - 7 экз. (рис. 4.59, *12, 14*), причем у

двух имеется косоусечённый ретушью конец (рис. 4.59, *13*). Отщепы из кремня - 5 экземпляров и осколок с ретушью из кварцита.

В итоге, П.Е. Нехорошев пришел к выводу, что памятник являлся временным охотничьим лагерем, который неоднократно посещался в течение длительного времени. Здесь производился ремонт охотничьего снаряжения [Нехорошев, Гиря, 2004, с. 33].

Первичная обработка на памятнике была направлена на получение пластин и микропластинок. В коллекции представлены многочисленные резцы, пластины с усечённым концом, долотовидные орудия, скребки, большое количество микропластинок с ретушью и с притупленным краем, с косо усечённым концом. Также присутствуют изделия с тем или иным выделением небольшого острия (проколки, орудия с «шипом», «клювовидные» орудия) или угла заготовки (усечённые пластины, с углом, выделенным микровыемкой и резцовым сколом, отщепы с обработанным углом).

По мнению П.Е. Нехорошева индустрия Кульюрт-Тамака-1 занимает промежуточное положение между стоянкой Талицкого и Горной Талицей, являясь как бы «недостающим звеном»: «…Со стоянкой Талицкого Кульюрт-Тамак объединяет наличие орудий с «шипами» и выступами, усечённых пластин, долотовидных, проколок, микропластинок с притупленным краем. Отличает присутствие разнообразных резцов и малочисленность скребков, развитое пластинчатое расщепление, что напротив, сближает со стоянкой Горная Талица. Несколько большее сходство прослеживается с индустрией Игнатьевской пещеры (шесть дат от 13 до 19 тыс.л.н.), что, может быть, просто объясняется представительной в количественном отношении коллекцией каменного инвентаря. Для орудийного набора этого памятника также были характерны резцы, ретушированные пластинки, долотовидные, скребки, орудия с выступом, «шипом», зубчатым и фигурным краем при развитом пластинчатом расщеплении» [Нехорошев, Гиря, 2004, с. 35].

Мы отмечали, что полную аналогию материалам Кульюрт-Тамака-1 имеет индустрии Сергеевки-1 и пещеры Байсланташ (Акбутинской): сходство проявляется в наличии таких же нуклеусов и приемов их обработки, сегментации аморфных пластин, пластинок, наличию скребков, различных резцов, проколок, усеченных ретушью пластин, орудий с шипом и клювовидных форм, а также долотовидных орудий [Котов, 2004, с. 53; Гимранов и др., 2012]. Новые материалы из наших раскопок в пещере Шульган-Таш (Каповой) подтверждает мнение П.Е. Нехорошева о сходстве по технико-типологическим особенностям каменных изделий этих памятников [Нехорошев, Гиря, 2004, с. 35].

Пещера Шульган-Таш (Каповая) расположена в 3,75 км к югу-юго-востоку от д. Гадельгареево (Шульганово) Бурзянского района Башкортостана, и в 1 км к северо-востоку от пещеры Кульюрт-Тамак-1, на правом берегу р. Белая (рис. 4.1; 4.67). Вход в нее расположен на южном склоне горы Шульган-Таш на высоте 8 м над уровнем р. Белая. Он представляет собой арку входа, имеющей ширину 40 м и высоту 20 м (рис. 4.60). Всего общая длина разведанных ходов пещеры превышает 3 км (рис. 4.61). Пещера сформирована подземным руслом р. Шульган, начинающейся в 7 км к северу от д. Гадельгареево (ур. Шульганбаш) и уходящей под землю в 1 км к юго-востоку от деревни (пещера Ожиганова) [Ляхницкий, 2006, с. 336]. Над подземным течением р. Шульган расположен хорошо проработанный суходол, в северной части которого находятся 2 крупных карстовых озера (Йылкысыккан и Ыгышма) [Червяцова, Байзигитов, 2009].

Настенные рисунки. Всемирную известность пещера приобрела после открытия настенных рисунков А.В. Рюминым в 1959 г. [Рюмин, 1961]. В итоге более чем полувекового изучения пещерного святилища было выявлено к настоящему времени около двух сотен красочных изображений [Ляхницкий и др., 2013]. Рисунки размещены в 200 - 300 м от входа на среднем и верхних ярусах пещеры. На среднем этаже изображения зафиксированы в залах

Купольном, Знаков и Хаоса. На верхнем этаже есть лишь один декорированный участок – это зал Рисунков (рис. 4.61).

Большая часть рисунков среднего яруса является геометрическими знаками. Здесь имеются четыре изображения животных в сочетании со знаками и в одном случае животное изображено с человекоподобным существом. Есть знаки в виде косой решетки, короткой черты и круга, треугольника с вписанным треугольником, лесенки, трезубец и пр. Но в основном знаки представлены четырехугольниками и трапециями, у которых верхняя линия выходит слегка за пределы фигуры и загнута вниз. Фигуры различаются и разным количеством вертикальных или наклонных линий от одной до семи. Среди животных преобладает лошадь - 3 рисунка, изображен бизон и плохо сохранившийся рисунок животного (мамонта?) в зале Знаков.

На верхнем ярусе большая часть рисунков - это животные и есть лишь один знак в виде трапеции с «ушками», аналогичный знакам среднего этажа. В этом собрании преобладают мамонты - 11 фигур, причем один мамонт изображен, предположительно, в силуэтной манере, а остальные - контурные (рис. 4.61). Среди животных присутствуют изображения носорога и быка. Здесь же были зафиксированы 2 фигуры человека.

Большая часть рисунков сделаны сходным образом: они контурные, толщина линий около 3-4 см, имеют одинаковые размеры, нанесены на одной высоте от пола, имеют похожую стилистику - в профиль с четырьмя ногами. Это говорит о том, что собрание рисунков является гомогенным. Небольшие отличия в цвете и в характере передачи пропорций указывают на то, что некоторые рисунки могли быть сделаны в разное время рукой разных художников или подправлены позднее. Наличие композиций и размещения части изображений в труднодоступных местах, на большой высоте, в нишах и трещинах свидетельствует о явно символическом характере размещения части изображений [Ляхницкий и др., 2013; Житенев, 2018; Пещерное святилище…, 2019, с. 264-291; 2023, с. 264-291]. В последние годы было проведено уран-

ториевое датирование кальцита в связи с рисунками, которое позволило установить, что возраст кальцита, на который были нанесены красочные изображения, составляет 36400 л.н., а дата перекрывающего кальцита - 14500 л.н. [Дублянский и др., 2016, с. 53]. Кроме того, в культурных отложениях верхнего палеолита были обнаружены красочные изображения на плитках и камнях и кусочки охры, что надежно подтверждает плейстоценовый возраст наскальных изображений [Ščelinski, Širokov, 1999; Житенев, 2018; Пещерное святилище…, 2019, 2023].

История археологических исследований. Первая археологическая находка была сделана внутри пещеры еще в 1760 г. П.И. Рычковым, обнаружившим в нише Купольного зала «сухую человеческую голову» или иначе - череп человека [Рычков, 1760]. Следующая находка человеческого черепа была сделана уже в конце XIX в. лесником Ф. Гусевым приблизительно в 1895 г. в зале Сталагмитовом, которая им была передана в Оренбургское отделение РГО [Симон, 1897; Соколов и др., 1897, с. 77]. Интересная находка была подобрана в пещере в 1899 г., она находится в фондах МАЭ (Кунсткамера) РАН и опубликована Г.Н. Матюшиным как нуклеус «янгельского» типа [Матюшин, 1978, с. 109. Рис. 13; Пещерное святилище…, 2019, с. 162; Котов, 2021] (рис. 4.64, *1*).

С 1960 по 1978 гг. в пещере с небольшими перерывами вел работы О.Н. Бадер [Бадер, 1960-А, с. 11; 1962; 1965а; 1978]. В зале Знаков им были заложены два раскопа [Бадер, 1962б-А]. На верхнем этаже в зале Рисунков точно также были размещены два шурфа [Бадер, 1962а-А;1978-А, рис. 13] (рис. 4.62).

С 1982 по 1991 гг. археологические раскопки в пещере были продолжены сотрудником ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) В.Е. Щелинским. Им был открыт культурный слой в глубине пещеры в 200 м от входа на среднем этаже в зале Знаков (рис. 4.62). Этим было опровергнуто утверждение о том, что в пещере отсутствует культурный слой [Формозов, 1966, с. 31]. Площадь раскопа

составила 68 м^2 и покрыла почти весь северный останец зала Знаков (рис. 4.63). По древесному углю из культурного слоя было получено несколько дат: 14680 ± 150 л.н. (ЛЕ-3443), 13930 ± 300 л.н. (ГИН-4853), 15050 ± 100 л.н. (KN-5022), 16010 ± 100 л.н. (KN-5023) [Щелинский, 1996, с. 13; 1997, с. 31; Ščelinski, Širokov, 1999, p. 73]. Калиброванные даты укладываются в интервал от 16 до 19,5 тыс. л.н. (Табл. 7).

Здесь было обнаружено 193 каменных изделия. Из них 120 экз. - это сколы из известняка и кальцита без обработки и следов использования. Остальные изделия большей частью изготовлены на пластинах из кремня и зауральской яшмы, а также изделия из кварцитовых галек [Щелинский, 1997, с. 32]. В слое присутствовали украшения: три подвески из тонких пластиночек кости, подвеска из сланцевой галечки с центральным отверстием, четыре бусины боченковидной формы из серпентинита и многочисленные маленькие раковины ископаемых моллюсков, которые были принесены с Поволжья или Прикаспия. Кроме того, в культурном слое была найдена плоская чашечка из глины, которая, как показали исследования, была обожжена внутри и она могла использоваться в качестве жировой лампы [Щелинский, 1997, с. 33]. В.Е. Щелинский отмечает ряд особенностей культурных отложений: малочисленность костей крупных млекопитающих, невыраженность структуры в распределении культурных остатков, отсутствие полного цикла производства каменных орудий, большое количество изношенных орудий при отсутствии в слое обрабатывавшихся материалов, своеобразный состав украшений. По его мнению, люди не жили в пещере, а приходили в зал Знаков для совершения ритуалов и приношений [Щелинский, 1997, с. 33-34].

Здесь надо особо отметить, что В.Е. Щелинский в своих публикациях придерживается мнения, что культурные отложения принадлежали к одному культурному слою [Щелинский, 1987, с. 11; 1997, с. 30-31; 2016, с. 25]. Между тем, в своем отчете за 1984 г. он пишет, что в перекрывающем культурный слой коричневато-сером суглинке встречаются редкие угольки, которые, по его

мнению, являются результатом размыва нижележащего культурного слоя [Щелинский, 1984-А, с. 3] (рис. 4.63).

Небольшие археологические раскопки в пещере были проведены в 2004 и 2005 гг. Т.И. Щербаковой - научным сотрудником Музея религии (г. Санкт-Петербург). В 2004-2005 гг. ею было осуществлено доисследование шурфа О.Н. Бадера под Восточным панно зала Рисунков (рис. 4.62). В результате были обнаружены 10 изделий из известняка, кусочки охры и угля. По углю имеется ^{14}C AMS дата - 15100 ± 1300 л.н. (RGI - 505) [Щербакова, 2006-А, с. 2] (калиброванная дата 15252-22325 л.н. (95%)) (Табл. 7). Под западным панно с изображениями зала Рисунков в 2005 г. ею был расширен шурф О.Н. Бадера на 1 м^2 [Щербакова, 2007, с. 403].

Представительный материал в пещере Шульган-Таш был получен В.Г. Котовым в 2008-2011 гг. в ходе исследований первого уступа Каскадной галереи или Балкона [Котов, 2011б]. В шурфе 1 в отложениях светло-бурого суглинка были зафиксированы 3 горизонта посещения, выраженных в прослойках угольков и скоплениях находок в них. Из шурфа 1 по углю были сделаны две калиброванные даты: из условного горизонта 5 - 13900 ± 190 л.н. (Ki - 15568) (калиброванная дата - 16061-17836 л.н. (95.4%)) и из условного горизонта 3 - 16710 ± 800 л.н. (Ki - 15967) (калиброванная дата - 19078-19553 л.н. (95.4%)). В 2011 г. здесь был заложен раскоп 1 (рис. 4.62), в котором было обнаружено 1255 находок [Котов, 2014а].

В ходе археологических раскопок В.Г. Котова 2009-2010 гг. в зале Купольном был зафиксирован новый участок культурного слоя эпохи верхнего палеолита. Всего было сделано в раскопе 3159 находок, в том числе, 2800 каменных и костяных изделий и 359 костей. В итоге раскоп 1 в зале Купольном в Капелле Черепов показал, что здесь сохранился участок многослойной стоянки, содержащей как минимум 5 культурных слоев. Верхний культурный слой относится к эпохи металла (находка человеческих останков, угля и

фрагментированных костей животных и человека), ниже - культурные остатки эпохи палеолита [Котов, 2009а].

В 2015, 2017 гг. в Западной нише зала Сталагмитового был заложен шурф 1 [Котов, 2016-А, с. 43; 2017]. Здесь были обнаружены в позднеголоценовых отложениях верхняя челюсть и фрагменты черепной крышки человека. Ниже были найдены находки верхнепалеолитического возраста (рис. 4.62). По углю из низа культурных отложения верхнего палеолита были получены две ^{14}C AMS даты: 14400 ± 134 л.н. (NSKA - 01922) (калиброванная дата - 17111-17976 л.н. (95.4%)) и 15420 ± 80 л.н. (Poz-108009) (калиброванная дата - 16906 ВС (95.4%)) (Табл. 7).

С 2009 по 2018 гг. в пещере проводил археологические раскопки в различных залах пещеры В.С. Житенев (МГУ) [Житенёв, 2011; 2012; 2014; 2017, 2018]. В зале Купольном этим исследователем был заложен раскоп 2 вблизи Капеллы Черепов и раскопа 1 (ИИЯЛ УФИЦ РАН), в котором были зафиксированы многочисленные прослойки угля эпохи голоцена, а также обнаружена керамика межовской культуры финала бронзового века на одном уровне с фрагментом черепной крышки человека и черепом человека из раскопа 1 (ИИЯЛ УФИЦ РАН) [Житенев, 2011а; Котов, Савельев, 2021б]. Ниже были изучены до глубины более 1 м от современной поверхности горизонты посещения эпохи верхнего палеолита с изделиями из камня и находками фауны, по кости были сделаны две AMS даты: 28050 ± 250 ВС (AAR-20983), 15235 ± 70 ВС (AAR-20982) [Житенев и др., 2015, с. 6-7; Житенев, 2017, 2018] (табл. 7). В зале Хаоса им осуществлялись сборы с поверхности и между камней и глыб, а также был заложен небольшой шурф 2 для исследования скопления охристого пигмента между глыбами [Житенев, 2017]. На верхнем ярусе в зале Рисунков им были начаты три шурфа вблизи восточной и западных стенок (рис. 4.62).

Последние исследование палеоклимата пещеры показали, что во время существования пещерного святилища в период по калиброванным значениям от

19,6 до 16,3 тыс. л.н. пещера Шульган-Таш находилась в зоне вечной мерзлоты и внутри полостей присутствовала температура ниже «0» [Dublyansky et al., 2018, p. 5].

В процессе исследования автором культурных отложений в пещере Шульган-Таш (Каповой) собрана крупная коллекция изделий из камня и кости (около 15 тыс. экз.) [Котов, 2014а; 2016]. Подавляющее большинство находок - это сколы известняка и кальцита, а также оббитые куски известняка и кальцита. Среди находок достаточно представительную коллекцию составили разнообразные орудия из известняка, реже - из кальцита и единичные находки из кремня и яшмы (резцы, резчики, скребки, острия, проколки и пр.). Эти материалы в совокупности с коллекцией из раскопок В.Е. Щелинского позволяет получить представление о культурной принадлежности палеолитического населения, посещавших пещеру в конце неоплейстоцена в период от 20 до 11 тыс. л.н.[20]

Характеристика индустрии. Технико-типологический анализ каменных изделий в разных залах и различных по глубине условных горизонтах показал принадлежность всех культурных отложений эпохи неоплейстоцена к одной культурной традиции [Котов, 2014а, с. 129; 2016, с. 46]. Исходя из этого, все палеолитические изделия, обнаруженные в ходе раскопок автора и В.Е. Щелинского рассматриваются как единый комплекс.

Собрание изделий из камня пещеры Шульган-Таш, в целом, характеризуется рядом особенных черт. В частности, присутствует существенная разница в первичном расщеплении известняка и кальцита в сравнении с изделиями из кремнистых пород (кремня, яшмы, окремненного сланца) и галечного кварцитового сырья. По большей части осуществлялось бессистемное расщепление кусков известняка и кальцита с естественных ударных площадок в разных направлениях. Куски известняка и кальцита с

[20] На Балконе Каскадной галереи в раскопе 1 нами были обнаружены в верхнем культурном слое изделия мезолитического облика, этот горизонт по данным спорово-пыльцевого анализа датировался финалом неоплейстоцена-ранним голоценом [Котов, 2014а, с. 125, 127].

негативами одного или нескольких сколов, снятые в разных направлениях с естественных ударных площадок были отнесены к категории «оббитые куски» известняка или кальцита. Примитивный характер расщепления автор объясняет следующими причинами. Во-первых, это связано с хорошей изотропностью и хрупкостью известняка и кальцита, что позволяло снимать сколы с неподготовленных ударных площадок. Во-вторых, это то, что расщепление известняка и кальцита производилось, вертоятно, в культовых целях. В третьих, камень обрабатывался в полумраке при слабом освещении светильников и к тому же, предположительно, детьми, находящимися в дальних залах пещеры в условиях ритуальной изоляции [Котов, 2016а, с. 49; Пещерное святилище…, 2019, с. 213].

Присутсвует явный дисбаланс в структуре первичной обработки: при большом количестве сколов известняка и кальцита, нуклевидные изделия из этих пород представлены единичными находками. Зафиксировано два аморфных подпризматических нуклеуса из известняка с ударной площадкой, сформированной одним сколом, для получения массивных, шириной 1-2 см пластинчатых сколов (рис. 4.66, *10, 14*). Одно нуклевидное изделие похоже на двухплощадочный нуклеус подперекрестного скалывания на куске известняка (рис. 4.66, *15*). В зале Хаоса между камней было найдено одно нуклевидное изделие с радиальным фронтом скалывания из кальцитового натека (рис. 4.66, *12*). К этому следует добавить единичность находок пластинчатых заготовок из известняка и кальцита (рис. 4.66, *8*, *13*).

В зале Хаоса из раскопа В.Е. Щелинского происходят два нуклевидных изделия из продолговатых галек кварцито-песчаника (рис. 4.64, *4, 6*). Их ударные площадки были созданы одним крупным сколом, фрагментировавшим часть гальки. Снятие крупных пластинчатых сколов в одном случае производилось в продольном направлении (рис. 4.64, *4*). Этот нуклеус затем был переоформлен в рубящее орудие (рис. 4.64, *4*). У другого нуклеуса крупным боковым сколом была сделана попытка образовать наклонную

ударную площадку, что дополнялось серией более мелких сколов на другой плоскости гальки, но на этой стадии подготовка нуклеуса была остановлена (рис. 4.64, *6*). О том, что раскалывание галек осуществлялось здесь же, свидетельствуют находки отщепов из кварцита.

Кроме того, речные гальки из кварцита и кварцито-песчаника раскалывались на две продольные половинки, в результате чего получались массивные сколы с естественными режущими кромками. Одно такое изделие из сборов подъемного материала в Главной Галерее, судя по макроследам сработанности, использовалось в качестве рубящего орудия (рис. 4.64, *2*). Идентичные рубящие орудия и другие изделия на массивных сколах из кварцита и кварцито-песчаника серийно представлены в индустриях стоянок Сергеевка-1 и Усть-Акаваз [Гимранов и др., 2012, с. 26].

В качестве сырья для изготовления орудия использовались крупные кости животных. Крупный фрагмент расколотой вдоль кости на поверхности скола был оббит плоской ретушью, сформировавшей кромку режущего орудия (рис. 4.64, *5*) [Щелинский, 2016, с. 34].

Уникальной в своем роде случайной находкой Главной Галерее является нуклеус из яшмы. Опираясь на описание В.Е. Щелинского, мы отнесли его к типу двусторонних двухплощадочных уплощенных нуклеусов для получения пластин (рис. 4.64, *1*). На уплощенной стороне снимались крупные и широкие (до 2 см) пластины, другой фронт скалывания размещался на торцевой части нуклеуса, причем ретушированная скошенная ударная площадка располагалась на противоположной стороне галечной заготовки. Для формирования выпуклой поверхности скалывания нижняя часть нуклеуса была подработана крупными боковыми сколами. На этой стороне нуклеуса сохранился участок галечной корки. Подобные нуклеусы также имеют аналогии на стоянке Сергеевка-1 [Гимранов и др., 2012, с. 26, рис. 3, *5*].

О преобладании пластинчатого характера расщепления нуклеусов из кремня и яшмы свидетельствуют находки пластин, обнаруженные в различных

частях пещеры (рис. 4.65). Они явно преобладают над отщепами из кремня и яшмы. Обращает на себя внимание то, что основная часть пластин аморфные, массивные, не имеют регулярной огранки, края их не параллельные и неровные. Вместе с тем, есть отдельные изделия с правильной огранкой, причем это характерно, исключительно, для пластинок (рис. 4.65, *2, 14, 17, 18, 20, 24, 25, 33*), также у некоторых пластин зафиксированы следы абразивного редуцирования края ударной площадки (рис. 4.65, *18*). У многих пластин и пластинок была удалена сломом или ретушированием базальная часть с ударным бугорком или они были фрагментированы (рис. 4.65, *1, 2, 3, 7, 13, 16, 17, 24-27, 35*). Сходный технический прием был выявлен на стоянке Сергеевка-1: здесь также широко представлены различные техники фрагментации [Гимранов и др., 2012, с. 26-27].

Орудий из кремня и яшмы представлены следующими типами: два концевых скребка с зауженным основанием (рис. 4.65, *11, 17*); два острия типа граветт, у одного изделия ретушью подправлено основание (рис. 4.65, *14, 27*); три пластинки с притупленной спинкой (рис. 4.65, *13, 25, 26*); четыре орудия с шипом на пластинах (рис. 4.65, *1, 2, 4, 6*); зубчатое орудие на отщепе (рис. 4.65, *21*); усеченная ретушью пластина (рис. 4.65, *10*); выемчатое орудие на пластине (рис. 4.65, *33*); пластинчатые отщепы и пластины с краевой ретушью (рис. 4.65, *3, 5, 16, 34, 35*); один отщеп с ретушью (рис. 4.65, *22*).

Для орудий из известняка использовались более массивные заготовки, что было связано, как показали наши эксперименты, с большей хрупкостью сырья. Для них свойственна еще большая аморфность. Здесь присутствуют сходные с изделиями из кремня и яшмы типы орудий: концевой скребок на массивной пластине (рис. 4.66, *8*); пластинка с притупленной спинкой (рис. 4.66, *13*); орудие с шипом клювовидной формы (рис. 4.66, *4*). Вместе с тем, есть орудия, характерные только для изделий из известняка. Серийно представлены небольшие орудия, у которых ретушью, нередко с двух сторон, оформлены массивные острия с режущей кромкой, которые функционально могли являться

резчиками (рис. 4.66, *1, 3*). Скребки более массивные, в частности, скребок высокой формы со слегка выпуклым лезвием (рис. 4.66, *2*). Одновременно другие подобные орудия обладают небольшими размерами, как например, тройной скребок на осколке известняка (рис. 4.66, *5*). Достаточно многочисленными являются разнообразные резцы: двойной ретушный резец (рис. 4.66, *6*), тройной боковой резец (рис. 4.66, *7*), многофасеточный резец на массивном отщепе (рис. 4.66, *9*). Нередко, резцовыми сколами подтесывались шиповидные выступы у различных изделий из известняка, например у нуклеуса-скребка (рис. 4.66, *14*). Следует обратить внимание на разброс параметров изделий со вторичной обработкой: крупные орудия соседствуют с микроскребками и микроостриями.

В итоге, следует констатировать, что присутствует опреледенное сходство в первичной и вторичной обработке изделий из кремнистых пород и известняка. Для первичной обработки было свойственно изготовление конусовидных нуклеусов уплощенной формы, двусторонних и двухплощадочных или торцевых нуклеусов. Преобладающая часть заготовок из известняка - это отщепы, в то время как для изделий из яшмы и кремня характерно преобладание пластин. Для вторичной обработки было характерно использование приемов резцового скола, чешуйчатой подтески, оформления шипов и выступов. Орудийный набор представлен концевыми скребками, в том числе, высокой формы, остриями на пластинах и отщепах, шиповидными и зубчатыми формами, усеченными пластинами, пластинами с ретушью, пластинами с притупленной спинкой, проколками с плечиками; боковыми, угловыми, поперечными резцами; крупными скреблами; чопперами и чоппингами на гальках из кварцита/кварцито-песчаника; двухпазовым наконечником из кости [Котов, 2021]. Эти характеристики не противоречат нашим представлениям об уральских памятниках конца верхнего палеолита Урала [Павлов, 1996, с. 124–125; Щелинский, 1996, с. 16; Нехорошев, Гиря, 2004, с. 34–35; Павлов, 2007, с. 74; Котов, 2014б].

Наличие на памятнике острий типа граветт, свидетельствует о существовании контактов с какими-то группами, пришедшими с территории Русской равнины уже во время функционирования святилища с наскальными рисунками в пещере Шульган-Таш. В итоге, мы поддерживаем мнение В.Е. Щелинского, о том, что орудийный комплекс святилища Шульган-Таш формировался «…в результате посещения этого ритуального места представителями разных культурных традиций» [Щелинский, 2016, с. 38]. Поэтому на облик индустрии этого памятника оказало влияние его главное предназначения как межрегионального святилища [Щелинский, 1997, с. 34; Котов, 2001б, с. 76; Житенев, 2017, 2018].

Пещера Шульган-Таш (Каповая) - это уникальный памятник археологии, истории и культуры мирового значения. Он содержит информацию о культурно-исторических процессах с глубокой древности вплоть до современности. Автором он исследовался в различных направлениях гуманитарного знания: археологии, естественно-научных исследований настенных изображений, семантики, мифологии, этнографии [Пещерное святилище…, 2019, 2023].

Пещера Балатукай находится в 11 км к юго-западу от д. Гадильгареево (Шульганово) Бурзянского района Башкортостана на правом берегу р. Белой вблизи вершины скалы в излучине реки, между урочищем Балатукай и Аксыир в 7 км ниже по течению реки от пещеры Шульган-Таш (Каповой), на высоте 90 м над уровнем реки (рис. 4.1; 4.67). Склон достаточно крутой - около 60°, порос деревьями и кустарником. Вход высотой 12 м, шириной 7 м ориентирован на восток-юго-восток (рис. 4.68; 4.69). Пещера сухая, имеет хорошо освещенный привходовой зал размером 8×3 м. Далее вглубь пещеры ведут два узких хода, развитых по тектоническим трещинам, причем один, что слева начинается от площадки и тянется более чем на 50 м. Общая длина полости - 70 м (рис. 4.68).

Первые раскопки в пещере были произведены в 1961 г. краеведом А.П. Шокуровым. Им был заложен у входа шурф размером 2×1 м, в котором

была обнаружена керамика, раннего железного века [Шокуров, 1961-А; Археологическая карта..., 1976, с. 170] (рис. 4.69). В 2004 г. пещера изучалась Южно-Уральской палеолитической экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством автора [Котов, 2005-А; Косинцев и др., 2018].

На поверхности привходового зала в 2004 г. нами были обнаружены вместе с другими находками крупный отщеп и резец на пластине из известняка. Отщеп аморфный имеет точечную ударную площадку, на дорсальной стороне присутствуют негативы продольных сколов (рис. 4.73, *9*). Резец на изогнутой в профиль пластине на дорсальной стороне имеет негативы узких продольных сколов от ударной площадки, которые могли появиться в результате редуцирования карниза (рис. 4.73 , *7*). На вентрале от поверхности слома (?) и на медиальном участке были сняты по 4 коротких плоских скола, утоньшающих и выпрямляющих дистальную часть изогнутого скола. На медиальном участке левого края идет ряд неупорядоченных плоских сколов.

Нами был заложен шурф 1 размером 1×2 м в глубине привходового зала от задней стены до крупной глыбы на относительно пологой площадке (рис. 4.69). Шурф 1 раскапывался условными горизонтами мощностью по 10 см и он был доведен до скального основания и достиг глубины 1,40 м [Косинцев и др, 2018]. Была зафиксирована следующая стратиграфия, которая дается по северной стенке (рис. 4.70, *Б*): под слоем сероватой пылеватой супеси мощностью до 0,7 м залегал на скальном основании слой серовато-коричневой супеси с мелкой растворенной щебенкой известняка, мощностью от 0,4 до 0,7 м. В заполнении слоя серовато-коричневой супеси встречены многочисленные мелкие кости, угольки и изделия из известняка, здесь же была обнаружена лопатка лошади, сохранность костей неоплейстоценовая.

Первый культурный горизонт представлен углями и современными находками на поверхности. В основании 1-го условного горизонта

зафиксирована в северной стенке линза кострища 2-го культурного слоя[21]. Отложения, судя по костям животных, относятся к позднему голоцену. Третий культурный слой зафиксирован на 3-м условном горизонте в отложениях серовато-бурой пылеватой супеси со щебенкой. Здесь были найдены кроме угольков, мелкие обожженые косточки, небольшой фрагмент керамики с дресвой, костяной скол, два сланцевых скола, два известняковых отщепа, два фрагмента кальцитовой корки и 1 осколок кристализованного кварца. Другие изделия представлены укороченным известняковым отщепом, один конец которого подработан плоским сколом (рис. 4.73, *4*), а также двумя крупными сколами известняка, края которых имеют следы сработанности в виде несистематической ретуши и заглаженности краев. Предположительно, этот культурный слой, судя по наличию сланцевых сколов, относится к эпохе неолита-энеолита.

Четвертый культурный слой также приурочен к светло-серой пылеватой супеси, но к его основанию - 5-7 условным горизонтам. В заполнении много костей мелких млекопитающих, угольки, но зафиксированы фрагменты костей крупных млекопитающих со следами погрызов и кварцитовая галечка. Кости неоплейстоценовой сохранности и окраса: они имеют красно-коричевую или желтоватую окраску с черными пятнами. На 5-м условном горизонте был обнаружен подконусовидный нуклеус с негативами пластинчатых снятий из известняка (рис. 4.71, *1*; 4.73, *11*). У него параллельно встречными и боковыми снятиями оформлена плоская сторона, а также сколами от основания и бокового края образована выпуклая поверхность скалывания, ударная площадка гладкая, образована одним сколом, скошенная под углом 70° к поверхности скалывания, край ударной площадки на выступах на лицевом фасе имеет следы абразивного удаления карниза. Один пластинчатый скол был снят с противоложной поверхности с ударной площадки под тупым углом к

[21] Отложения разбирались условными горизонтами мощностью по 10 см. параллельно поверхности [Котов-2005-А].

плоскости скалывания. Особенности скалывания указывают на верхнепалеолитическую технологию первичной обработки. Очевидно, резец на изогнутой пластине из подъемного материала относится к этому культурному слою. По костям крупных млекопитающих из 6-7 условных горизонтов была получена некалиброванная дата - 11900 ± 130 л.н. (СОАН - 7271). Калиброванный интервал - 13570-14056 л.н. (89.6%).

Пятый культурный слой приурочен к 8-10 условным горизонтам серовато-коричневой супеси с мелкой окатанной щебенкой и отдельными кусками известняка средних размеров. Начиная с 11-го условного горизонта зафиксирована неровная поверхность скального дна, выемки и трещины которого заполняет светло-бурая супесь со щебенкой (рис. 4.68, *Б*). В 8-м условном горизонте был найден тройной резец из окремненной породы (окремненный сланец?) (рис. 4.72, *1*; 4.73, *3*). На уровне 9-го условного горизонта лопатка лошади, лежащая горизонтально, и скопление каменных и костяных изделий (рис. 4.70, *А*). Здесь же были обнаружены 12 известняковых сколов, мелкий скол из яшмы, маленький осколок черного кремня и нуклеус. Среди известняковых сколов - три медиальных фрагмента пластинок, 6 отщепов, отщеп с ретушью, отщеп с ретушированной ударной площадкой и массивная пластина с неправильной огранкой (рис. 4.73, *5, 8*). Конусовидный нуклеус из известняка имеет скошенную ударную площадку под углом 70° к поверхности скалывания (рис. 4.71, *2*; 4.73, *10*). Кроме того, в этом же горизонте был при просеивании найден отщеп из бивня мамонта и заостренная кость. Острый край отщепа из бивня мамонта заглажен и залощен - вероятно, он использовался для резания мягковолокнистых материалов (кожи, мяса) (рис. 4.72, *3*). Острие из кости имеет на поверхности продольные линейные следы в виде царапин, поверхности и, особенно, края заглажены и заполированы, причем на них фиксируются поперечные риски, что однозначно указывает на то, что острие использовалось в качестве проколки-провертки по шкуре (рис. 4.72, *2*; 4.73, *2*).

По костям крупных млекопитающих получены две радиоуглеродные даты: из 8–9 условных горизонтов - 13770 ± 220 л.н. (СОАН - 7272), по костям мелких млекопитающих из 10–13 условных горизонтов - калиброванная дата 13450 ± 120 л.н. (Ki - 14960). Калиброванная первая дата имеет интервал 16071-17326 л.н. (95.4%)[22]. Все полученные даты близки, но относятся к разным климато-стратиграфическим подразделениям. Дата из 5–7 условных горизонтов соответствует границе относительно теплого периода Бѐллинг и относительно холодного периода средний Дриас, даты из 8–9-го и 10–13-го условных горизонтов - относительно холодном периоде вепсовской стадии (MIS 2) [Косинцев и др., 2018, с. 8].

В фаунах из обеих групп горизонтов присутствуют виды, типичные для Южного Урала конца позднего неоплейстоцена: песец, шерстистый носорог, лошадь, бизон, пищуха степная, суслик, большой тушканчик, хомячки, пеструшки, копытный лемминг, узкочерепная полевка. В обеих выборках доминируют остатки видов открытых ландшафтов: заяц, сурок, пищуха и узкочерепная полевка, что характерно для позднеплейстоценовой фауны Южного Урала. Видовой состав фауны в обеих выборках не отличается от видового состава фауны конца позднего неоплейстоцена в других местонахождениях Южного Урала [Косинцев и др., 2018, с. 8-9].

Таким образом, в ходе исследования пещеры Балатукай были зафиксированы пять культурных слоев: современный, раннего железного века, неолита-энеолита и конца верхнего палеолита (два культурных слоя). Это один из немногих многослойных памятников на р. Белой с достаточно представительным археологическим материалом. На примере пещеры Балатукай мы видим, что охотники в древности были непривередливы при выборе сырья и могли использовать для производства заготовок и орудий

[22] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

любую изотропную породу в условиях дефицита кремнистых пород, что еще более должно было повышать их мобильность.

Пещера Байсланташ (Акбутинская) находится в 1 км к западу от хутора Акбута в Мелеузовском районе Башкортостана, на правом берегу р. Белой (рис. 4.1). Вход расположен на высоте 18 м от уровня воды, (абсол. отметка - 265 м МБс), ориентирован на юго-запад (рис. 4.74). Высота входа около 17 м, ширина - 8 м, длина пещеры - 110 м, средняя высота - 4,5 м, средняя ширина - 3,6 м, общая площадь пола - 337 м^2. Пол сложен рыхлыми отложениями бурого суглинка, поверхность в глубине пещеры завалена крупными и мелкими кусками известняка, он имеет наклон в сторону выхода примерно в 10-20° (рис. 4.75). В 1961 г. пещера была обследована А.П. Шокуровым, в 1962 г. - Г.Н. Матюшиным: вблизи входа ими были заложены 2 шурфа оба размером 2×2 м (рис. 4.75) [Шокуров, 1961-А; Матюшин, 1962-А]. Шурфы не были доведены до скального основания. Находки представлены костями птиц и домашних животных, отщепами кремня и фрагментами керамики бронзового века [Археологическая карта…, 1976, с. 169]. Стационарные раскопки были начаты Южно-Уральской палеолитической экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством автора в 1999 г. и продолжились до 2002 г. [Котов, 2004]. Вскрыта площадь 70 м^2 на глубину от 2,5 до 6 м (рис. 4.76; 4.77).

Были выявлены три культурных слоя. Слой 1, который состоит из гумусированной супеси, относится к верхнему голоцену, причем из нижней части этого слоя, содержащего остатки эпохи раннего железного века, по углю была получена радиоуглеродная некалиброванная дата 1600 ± 50 л.н. (ГИН - 10852) [Данукалова и др., 2002, с. 41; Yakovlev et al., 2006, tabl. 1]. Слой 2 датируется нижним и средним голоценом. Кость из основания этого слоя, где были обнаружены культурные остатки эпохи неолита и мезолита, дала радиоуглеродную дату 7140 ± 170 л.н. (ГИН - 10854) [Данукалова и др., 2002, с. 42; Yakovlev et al., 2006, tabl. 1]. Слой 3 расположен на глубине 2 м от дневной

поверхности, он приурочен к светло-бурому среднему суглинку со средней и мелкой угловатой щебенкой, мощность его достигает 1 м. Отложения 3-го слоя насыщены костями мелких млекопитающих и здесь были выявлены верхнепалеолитические находки (рис. 4.76; 4.77). Слой датирован по спорово-пыльцевому анализу поздним вюрмом, осташковским/кудашевским временем (MIS 2), а по костям мелких грызунов была получена некалиброванная дата 13560 ± 250 л.н. (ГИН - 10853) и по кости лошади >38100 лет (ГИН - 10855) [Данукалова и др., 2002, с. 42-43; Excursion guide…, 2002, p. 25; Yakovlev et al., 2006, tabl. 1][23]. Последняя дата, очевидно, не соответствует истинному возрасту данных отложений и, скорее всего, кость лошади была вынесена из более древних отложений из глубины пещеры или принесена человеком в пещеру. Абсолютный возраст на основе калибровки первой даты соответствует интервалу 15666-17082 л.н. (95.4%).

Костей крупных животных на удивление мало: присутствуют несколько сколов и пять десятков фрагментов костей крупных млекопитающих. Археозоологом П.А. Косинцевым (ИЭРЖ УрО РАН) были определены фрагмент 2-й фаланги бизона, фрагмент таза бизона со следами рубки, да из пластинок бивня мамонта сделаны заготовки для украшений и обнаружено несколько мелких фрагментов бивня мамонта.

Всего в коллекции из палеолитического слоя присутствуют 1384 предмета из камня и кости (табл. 5). Большая часть - это чешуйки 541 экз. (39%) и отщепы - всего 509 экз. (36,9%).

Нуклевидные изделия - 12 экз. Преимущественно это обломки черного галечного кремня, у которых несколькими разнонаправленными сколами производилось опробывание сырья. Как показали эксперименты, галечный кремень, находимый в русле р. Белой, отличается трещиноватостью, и поэтому мало использовался древним населением.

---

[23] Древний возраст кости лошади показал, что она была ископаемой для обитателей стоянки, поэтому было принято решение о датировке отложений по костям мелких млекопитающих, которых было обнаружено в этом слое десятки тысяч экземпляров.

Нуклеусы - 19 экз. Скалывание, в основном, призматическое, направленное на получение крупных пластин и пластинчатых отщепов (рис. 4.78, *2-8*). Форма нуклеусов чаще плоско-выпуклая (рис. 4.78, 4.57, *8*) и конусовидная (рис. 4.78, *1, 7*), причем имеется два плоских нуклеуса (рис. 4.78, *9*). Ударная площадка подправлялась краевыми плоскими крупными и мелкими сколами (рис. 4.78, *2, 3*). Выпуклый фронт скалывания формировался боковыми сколами (рис. 4.78, *3*) и снятиями от основания (рис. 4.78, *2*; 4.81, *38*). В коллекции есть шесть сколов удаления ребра (рис. 4.80, *1, 2, 8*; 4.82, *21*) и один скол подправки ударной площадки (рис. 4.78, *5*). Удаление участка нуклеуса с глубокими заломами осуществлялось боковыми и торцовыми снятиями массивных сколов (рис. 4.78, *7*). Остаточные нуклеусы (8 экз.) из качественного кремня и яшмы показывают крайнюю степень сработанности (рис. 4.81, *34-37*). Ныряющий скол с конусовидного нуклеуса демонстрирует промежуточную степень утилизации нуклеуса из яшмы (рис. 4.81, *38*).

Пластин и изделий из них 130 экз. - это 9% от всего количества находок. Большая часть пластин (80%) обладает шириной более 1 см. Всего целых пластин 26 экз. (20%). Ударная площадка подготавливалась плоскими краевыми сколами (рис. 4.81, *5, 27*; 4.82, *8, 9, 11*), в отдельных случаях применялась техника изолирования ударной площадки (рис. 4.80, *6*), мелкими снятиями или абразивом редуцировался карниз (рис. 4.80, *5*; 4.81, *30*; 4.82, *7, 9, 14, 15, 20;* 4.83, *1*). Пластин, которые имеют правильную огранку 10 экз. (рис. 4.81, *21-25, 27, 32*; 4.82, *19*). Регулярная огранка более характерна для пластинок и микропластин (рис. 4.81, *1-7, 10, 12, 16-20*).

Отбойники - 8 экз. К мягким отбойникам относятся две сланцевых гальки округлой формы, равномерно оббитые по краям (рис. 4.79, *1*). Твердые отбойники - это шесть кварцитовых галек, которые имеют на выступах участки характерной звездчатой выщербленности. Размеры галек от 9×5×3 см до 6,5×5×2,5 см (рис. 4.79, *2*). Ретушеры - 16 экз. Кроме двух галек из черного

кремня, в работе использовались кварцитовые гальки небольших размеров, все они имеют характерную забитость на концах (рис. 4.79, *3, 4*).

Наковальня - это крупная кварцитовая галька уплощенной формы размером 21×20,5×8,5 см. На плоских поверхностях с обеих сторон видны многочисленные глубокие звездчатые углубления, образующие скопления. В качестве наковальни использовалось и крупное рубящее орудие на гальке (см. описание ниже) (рис. 4.79, *5*).

Абсолютно преобладает среди орудий на стоянке категория резцов - 61 экз. (20% от всех орудий). В коллекции представлены все типы резцов, выделяемых на основе классификации орудий костенковско-авдеевской культуры [Лев, 2002].

В основном, резцы изготовлены на отщепах или массивных пластинчатых отщепах, изделия на пластинах встречаются редко. Единственным является резец с протяженной кромкой на гальке черного кремня (рис. 4.84, *17*). У другого резца создан участок многофасеточной закругленной кромки (рис. 4.83, *11*). Самые многочисленные - это угловые резцы с прямой площадкой на углу излома заготовки (33 экз.) (рис. 4.83, *1, 3, 4, 6, 8, 10-12*; 4.84, *5, 11*; 4.87, *13*). Два орудия имеют развернутые к брюшку резцовые кромки (рис. 4.80, *7*). У восьми изделий резцовый скол был снят от продольного края - латеральные резцы (рис. 4.84, *4, 12, 16*; 4.86, *1*). Ретушных резцов также 8 экз., из них 3 орудия имеют прямую перпендикулярную краю площадку (рис. 4.84, *9, 13, 15*). У четырех орудий ретушированная площадка скошенная (рис. 4.84, 6, *7, 14*). Два орудия обладают вогнутой ретушированной площадкой (рис. 4.84, *8, 10*). Двухгранные резцы представлены небольшой серией - 5 экз. (рис. 4.83, *5, 9*; 4.84, *2, 16*). Единственным экземпляром представлен резец с поперечным резцовым сколом (рис. 4.84, *3*).

Скребки - 26 экз. (9% от всех орудий). Они были разделены по форме рабочего края на орудия с полукруглым лезвием, скребки с шипом, со скошенным лезвием, с прямым лезвием и двойные.

Скребков с полукруглым лезвием - 7 экз. (рис. 4.85, *1, 12, 17*). К ним типологически близки скребки с полукруглуглым лезвием, переходящим в боковой шип (рис. 4.85, *18, 19, 20*). Часть скребков обладает прямым лезвием с закругленными углами - 7 экз. (рис. 4.85, *3, 14, 15, 16*). Орудий со скошенным скребковым лезвием (скребки скошенные) - 4 экз. (рис. 4.85, *2, 5, 11, 13*). Два орудия имеют обработанные скребковой ретушью углы - угловые скребки (рис. 4.85, *8, 9*). Два изделия являются микроскребками, одно на пластинке (рис. 4.85, *6*), а другое на мелком отщепе (рис. 4.85, *4*). Три орудия - это двойные скребки (рис. 4.85, *7*, *10*).

Преимущественно скребки изготовлялись на массивных трехгранных пластинах или пластинчатых сколах. Срединная грань совпадала с осью орудия. Примерно четверть скребков следует относить к массивным. Показательно в этом отношении орудие - *рабо* из расколотой пополам кремневой гальке, у которого вертикальной нуклевидной ступенчатой ретушью образован участок относительно прямого скребкового лезвия (рис. 4.85, *21*).

Скребла - 12 экз. Восемь изделий являются простыми, поперечными, прямыми и они были изготовлены из черного кремня (рис. 4.86, *2, 3, 5, 6, 8, 9*). Скребло поперечное выпуклое из серовато-зеленого яшмоида отличается массивностью (рис. 4.86, *11*). Другое изделие является комбинированным орудием - скребло продольное прямое - резец (рис. 4.86, *1*). Единственным в своем роде на стоянке является скребок на обработанном сталагмите - у него полукруглый край оформлен мелкой ретушью, кромка лезвия заглажена, заполирована, а при 10-кратном увеличении видны борозды и царапины, идущие перпендикулярно краю (рис. 4.86, *4*).

Достаточно представительную серию образуют острия с выделенным обработкой концом или шипом - 17 экз. (6% от всех орудий). Часть орудий - это острия клювовидной формы на аморфных отщепах, у которых на конце имеется мелкая ретушь - 10 экз. (рис. 4.82, *10*; 4.83, *11*; 4.87, *18, 19*). Другая группа - это резчики (6 экз.), у которых на дистальном крае орудия крутой ретушью

образована прямая скошенная грань, создающая с естественным продольным лезвием острие (рис. 4.81, *28*; 4.82, *11*; 4.87, *9, 12*).

У шести орудий с шипом ретушированная грань вогнутая или имеет такую выемку, которая придают рабочему участку форму шипа (рис. 4.87, *11, 14, 20, 21*). Другие шесть орудий имеют шип, оформленный двумя выемками по обеим его сторонам (рис. 4.86, 7; 4.87, *5, 10, 15, 22*). Одно орудие с острым шипом является, скорее всего, проколкой (рис. 4.87, *8*). Орудие на усеченной ретушью пластине имеет шип, выделенный крутой ретушью в дистальной части левого края. Оно, возможно, является комбинированным орудием - прямым скребком с шипом (рис. 4.87, *17*).

Долотовидные орудия - 8 экз. (2,8 % от всех орудий). У этих изделий уплощающими продольными сколами с двух сторон были оформлены прямые или вогнутые лезвия, все они изготовлены из отщепов (рис. 4.83, *2*; 4.87, *1-3, 6*).

Два предмета, изготовленные на пластинчатых отщепах, имеют двустороннюю утончающую обработку основания - судя по всему для насада. Одно имеет повреждения в виде последовательных негативов язычковых сломов продольной направленности (рис. 4.87, *4*). У другого орудия присутствует негатив торцового скола от середины бокового края (рис. 4.87, *7*). Вполне вероятно, что эти повреждения возникли от использования этих изделий как наконечников стрел. Микролиты геометрические - 8 экз. Они подразделяются по форме на трапецевидные - 5 экз. (рис. 4.81, *2, 4, 6, 7*) и треугольные - 3 экз. (рис. 4.81, *3, 8, 11*). Специализированные выемчатые формы в коллекции единичны - 3 экз. (рис. 4.80, 7; 4.86, 7, 10). Выемки есть на отдельных сколах и орудиях (рис. 4.80, *11, 12*; 4.81, *23, 27*; 4.82, *10, 17, 21*; 4.84, *16*; 4.85, *1, 2, 17, 18*; 4.87, *5, 21*). Являются они рабочими участками или это естественными повреждениями должна показать трасология.

Галечное рубящее орудие на расколотой плоской кварцитовой гальке треугольной формы, имеет следы мелкой забитости и заглаженности на краях и выступах. Вершина изделия на одной стороне приострена несколькими

крупными сколами, противоположная обушковая грань естественная, прямая. На обеих плоских сторонах присутствуют участки забитости и звездчатой выкрошенности, переходящие в глубокие выемки, появившиеся в результате использования изделия в качестве наковальни (рис. 4.79, *5*).

Орудия из кости. Большое количество орудий для обработки кости и дерева подразумевает наличие изделий из кости. Вместе с тем, костей крупных млекопитающих немного - всего пять десятков. Все они являются фрагментами расколотых человеком трубчатых костей бизона и лошади[24]. В коллекции есть два костяных отщепа (рис. 4.88, *8*). На фрагменте таза бизона присутствуют следы поперечной рубки в месте надлома. У проколки-провертки на осколке трубчатой кости скоблением каменным инструментом был заострен конец, причем на дорсальной поверхности дистальной части орудия видны крупные продольные бороздки (рис. 4.88, *12*). Также с помощью скобления был изготовлен костяной стержень диаметром 3 мм, являющийся, очевидно, медиальной частью костяной иглы (рис. 4.88, *13*). У двух крупных костяных скола острые края имеют заглаженность и заполировку лезвия, что может указывать на использование этих предметов для резания мягковолокнистого материала (рис. 4.88, *11*). Два скобеля по дереву из фрагментов кости обладают характерной сработанностью лезвия, у одного из них при небольшом увеличении видны параллельные царапины, идущие под углом к кромке лезвия (рис. 4.88, *6*).

Семь предметов из кости являются скребками для обработки шкур, причем два из них со следами сработанности в виде заглаженных и заполированных участков (рис. 4.88, *7*). У четырех орудий ретушью были обработаны рабочие участки, края которых были заглажены и заполированы (рис. 4.88, *5, 10, 14*). Продолговатый осколок трубчатой кости на уплощенном острие имеет хорошо видимые поперечные царапины, поверхность острия

[24] Определение костей крупных млекопитающих сделано к.б.н. П. А.Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

заглажена и заполирована. Данные следы характерны для провертки или развертки по шкурам (рис. 4.88, *9*).

Костяные украшения представлены двумя квадратными заготовками нашивок с отверстием в центре 1 мм диаметром из пластин бивня мамонта размером от 0,5×0,5 см до 1,0×1,0 см и 0,5 мм толщиной (рис. 4.88, *2*). Здесь же обнаружена еще одна заготовка подобных нашивок - это продолговатая пластинка, которая на обеих сторонах была разделена двумя вертикальными бороздками на три квадрата с отверстием в центре (рис. 4.88, *3*). Очевидно, потом заготовка обламывалась по срезу, как это видно по предыдущим изделиям. Далее, как нам представляется, края стачивались таким образом, что получалась круглая нашивка с центральным отверстием. Такая круглая нашивка из тонкой (0,3 мм) пластинки мамонтового бивня (?) была обнаружена в раскопе, она имеет диаметр 3 мм с отверстием в центре диаметром 1 мм (рис. 4.88, *4*).

К амулетам, очевидно, можно отнести галечку из кварцито-песчаника с естественным отверстием («куриный бог»). Она была аккуратно снизу расколота и подработана нескольким сколами так, что стала похожа на голову хищной птицы с клювом, где естественное отверстие воспринималось как глаз (рис. 4.88, *1*). Размер 2×1,5×1,7 см. Данное изделие следует относить к «галечным скульптурам» [Котов, Румянцев, 2018, с. 146; Котов, 2018, с. 24; 2020, с. 15].

Среди находок присутствуют расколотые речные гальки из кварцита, кварцито-песчаника и других пород - 19 экз. Было замечено, что раскалывание производилось в зависимости от исходных размеров и породы камня: мелкие яшмовые галечки раскалывались пополам или дробились для получения остроугольных осколков - 7 экз., кварцитовые гальки раскалывались пополам - 3 экз., галечки из кварцито-песчаника раскалывались дольками - 5 экз., кремневые гальки расщеплялись по естественным трещинам на угловатые куски - 3 экз.

Один кусок сталагмита в форме дольки был обколот с четырех сторон и его поверхность имеет заглаженность и заполировку.

В итоге индустрия стоянки в пещере Байсланташ характеризуется как развитая пластинчатая, для первичной обработки характерны торцевые, конусовидные, плосковыпуклые или уплощенные, одноплощадочные нуклеусы; присутствуют крупные пластины и микропластинки; среди орудий преобладают разнообразные резцы - на углу сломанной пластины, ретушные, латеральные, двугранные; большой серией представлены скребки, среди которых укороченные с полукруглым лезвием, прямые, скошенные, угловатые, с шипом и двойные; много различных орудий с остриями, в том числе орудия с шипом; присутствуют долотовидные орудия; есть фрагменты пластин с ретушью, микропластины с ретушью, геометрические микролиты; треугольные наконечники стрел на сегментах пластин с двусторонним утончением основания; орудия из кости; украшения из бивня мамонта и амулет из галечки с естественным отверстием. Наряду с этим на памятнике присутствуют черты более характерные для среднего палеолита: две и более ударные площадки на нуклеусах; плоские радиальные нуклеусы; скребла; галечное рубящее орудие; вентральная ретушь, расколотые гальки и нуклеусы на гальках кварцито-песчаника.

Большое количество орудий, нуклевидных изделий, отходов производства и малое количество костей крупных млекопитающих позволяет предполагать, что в данном случае мы имеем дело с охотничьей стоянкой, которая неоднократно посещалась древними людьми.

Верхнепалеолитическая индустрия пещеры Байсланташ по ряду признаков находит аналогии среди памятников так называемого «среднеуральского варианта» верхнего палеолита Урала и, особенно, второй хронологической группы, выделяемых П.Ю. Павловым [Павлов, 1988]. Наибольшее сходство обнаруживается с ближайшими памятниками: стоянкой Сергеевкой-1, пещерной стоянкой Кульюрт-Тамак-1, пещерой Шульган-Таш

(Каповой), гротом Бобылек и палеолитическим слоем в пещере Игнатьевской [Котов, 2004, с. 52-53].

Второе крупное святилище с наскальными изображениями верхнего палеолита, пещера Игнатиевская, было выявлено спустя два десятилетия после открытия рисунков в пещере Шульган-Таш (Каповая).

Пещера Игнатиевская (Ямазы-Таш) находится в Катав-Ивановском районе Челябинской обл., в 8 км ниже по течению р. Сим от д. Серпиевка (рис. 4.1). Вход в пещеру округлой формы, диаметром 12 м, располагается на высоте 12 м над уровнем воды р. Сим и ориентирован на юго-восток (рис. 4.89). Пещера горизонтальная, коридорного типа, общая ее протяженность 626 м. Средняя высота составляет 2,42 м, средняя ширина 3,13 м. Общая площадь пещеры 1652 м^2. Впервые она была обследована и описана в 1760 г. П.С. Палласом [Паллас, 2007].

Первые комплексные исследования, в том числе археологические, были проведены в 1913 г. С.И. Руденко, который заложил во входном гроте разведочный шурф около 10 м^2, сделал сборы с поверхности и снял подробный план пещеры (рис. 4.90, *Б*). В 1938 г. ее посетил С.Н. Бибиков [Бибиков, 1950, с. 102]. В 1951 г. в привходовой части М.А. Бадер были заложены 3 метровых шурфа. В 1960-1961 гг. О.Н. Бадером были исследованы привходовые отложения на площади 57 м^2 [Бадер, 1964б] (рис. 4.90, *В*). Рисунки в пещере были открыты В.Т. Петриным, С.Е. Чаиркиным, В.Н. Широковым в марте 1980 г. и с этого года по 1986 г. продолжались под руководством В.Т. Петрина комплексные исследования памятника, в ходе которых были заложены в различных частях пещеры 5 небольших раскопов (рис. 4.90, *А*). В последующие годы исследования были продолжены В.Н. Широковым, в 2003 г. им были заложены в различных частях пещеры 4 шурфа и раскоп 1 на склоне перед входом в пещеру. В 2004 г. им были исследованы отложения 3 раскопами: в Основном коридоре, на привходовой площадке и на склоне перед входом [Широков, Петрин, 2013, рис. 26].

Настенные изображения. Всего внутри пещеры было обнаружено 50 групп и одиночных наскальных изображений. Рисунки выполнены красным и черным пигментом, они расположены в залах Дальнем и Большом на расстоянии более 120 м от входа [Петрин, 1992; Широков, Петрин, 2013] (рис. 4.89).

Подобно пещере Шульган-Таш присутствует разделение рисунков по двум большим зонам: большая часть красных изображение размещено в Большом зале, в то время как основное собрание черных рисунков находится в Дальнем зале. Все животные в Большом зале силуэтные, в то время как в Дальнем - пять изображений контурные и только одно животное выполнено в силуэтной манере.

Среди фигуративных изображений, как и в пещере Шульган-Таш, преобладают мамонты - 6 или 7, а также лошади - 4 рисунка. Кроме того, есть изображения быка, носорога и змей. Все животные характеризуются обобщенностью образов, есть рисунки с двумя, есть с четырьмя ногами, но только одно черное изображение мамонта в Дальнем зале показано в движении. Из трех черных изображений лошадей в Дальнем зале одна незакончена, а вторая не имеет головы. Наряду с реалистичными рисунками достаточно много символических или фантастических изображений: в Дальнем зале есть композитное существо, составленное из тела двугорбого верблюда в профиль и головы мамонта или какого-то хищного животного в фас; фантом сердцевидной формы с тремя пятнами внутри; линейный черный рисунок антропоморфа с лучами на голове; фантастическое существо, напоминающее мамонта с многочисленными ногами.

Важнейшей характеристикой собрания наскальных изображений является наличие композиционной связи между некоторыми рисунками. В Дальнем зале на потолке красной охрой изображен гигантский носорог, от живота которого тянется цепочка красных пятен по направлению к огромной женской фигуре, от которой также тянется навстречу первой цепочке пятен такая же длинная

цепочка пятен. Здесь же на нижней поверхности уступа нанесена черным пигментом сцена, включающая линейное изображение солнцеголового человека, ряд параллельных линий, зигзаг и две столкнувшиеся стрелы. В Большом зале есть изображение лошади в композиционной связи с вертикальными параллельными линиями и волнистой чертой. Это важное сходство с пещерой Шульган-Таш (Каповой).

Знаки многочисленны и они представлены отдельными линиями, группами параллельных вертикальных линий, различными пятнами, меандрами, крестообразными и стреловидными формами, трезубцем, треугольником, символической фигурой в виде якоря, следа носорога и др. Один знак в форме четырехугольника с заполнением в виде горизонтальных линий нарисован рядом с изображением лошади - это еще одна параллель с пещерой Шульган-Таш.

В Большом зале Игнатиевской пещеры в непосредственной близости от рисунков зафиксированы многочисленные группы негативов крупных сколов на краях и выступах на стенах пещеры. Подобные негативы сколов, а также многочисленные сколы со стен и камней из известняка и кальцита обнаружены также в пещере Шульган-Таш (см. описание выше).

Данные характеристики позволяют говорить о принадлежности двух пещерных святилищ Шульган-Таш и Игнатиевская к одной и той же культурной, изобразительной и духовной традиции. В целом, стилистические различия фигуративных изображений этих памятников могут свидетельствовать о разном возрасте рисунков [Котов, 2019б].

Археологические исследования. Раскопами I и II в Большом зале пещеры вблизи рисунков были выявлены непотревоженные перекопами неоплейстоценовые отложения [Петрин, 1992, с. 88] (рис. 4.92). В верхней части слоя красной глины Большого зала, в нескольких сантиметрах от поверхности, присутствуют многочисленные угольки, образующие горизонтальные одну или две прослойки (рис. 4.92). Местами прослоек одна

или три [Дублянский и др., 2021, с. 9]. Вместе с угольками были обнаружены кусочки охры, кости животных, каменные и костяные изделия (рис. 4.91). В.Т. Петрин полагал, что это следы неоднократных кратковременных посещений пещеры, одновременных настенным рисункам [Петрин, 1992, с. 95].

В слое красной глины с культурными остатками до глубины 0,5 м встречены кости таких животных, как донской заяц, сурок, волк, песец, лисица, пещерный медведь, пещерная гиена, сайга, дикая лошадь, бизон и бык, северный олень, горностай, ласка, пещерный лев, мамонт, благородный олень, шерстистый носорог, корсак и некоторые другие [Косинцев, 1992, с. 184-186].

Анализируя фауну мелких млекопитающих из раскопов в Игнатиевской пещере, Н.Г. Смирнов пришел к выводу, что «…облик игнатиевской фауны определяется обилием родов грызунов, ныне обитающих в степях и полупустынях, в сочетании с родами, современные представители которых типичны для тундровой зоны. В небольшом количестве присутствуют в ней и лесные полевки - обитатели лесной зоны. Такое смешение элементов разных современных зональных фаун характерно для так называемых смешанных, или дисгармоничных, фаун верхнепалеолитического, или мамонтового, комплекса, которые обитали в перигляциональной зоне» [Смирнов, 1992, с. 172].

Спорово-пыльцевой спектр из раскопа II свидетельствует о преобладании осоково-злаково-разнотравья степных сообществ над лесными видами (береза, сосна, ель, ива), что соответствует холодным и сухим климатическим условиям позднего неоплейстоцена [Панова, Быкова, 1992, с. 193].

Из раскопов внутри Игнатиевской пещеры были получены некалиброванные радиоуглеродные даты: из раскопа II с глубины до 20 см из красной глины - 14240 ± 150 л.н. (СОАН-2209) (уголь) (калиброванный интервал - 16985-17854 л.н. (95%))[25], 10400 ± 465 л.н. (СОАН-2468) (уголь) (11061-13188 л.н. (92.5%)), 13500 ± 1660 л.н. (ИЭРЖ-41) (кости) (12694-21915 кал. л.н. (95%)), 14038 ± 490 л.н. (ИЭМЭЖ-366) (кости) (15706-18288 кал. л.н.

[25] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

(95%)), из раскопа III из слоя красной глины - 13335 ± 192 л.н. (ИЭМЭЖ-365) (уголь) (15480-16650 кал. л.н. (95%)), из раскопа IV, 2-го культурного слоя - 14200 ± 660 л.н. (ИЭРЖ - 54) (кости животных) (15530-18914 кал. л.н. (95.4%)) (табл. 7). В раскопе II из слоя темно-коричневой супеси с глубины 0,9-1 м по костям была получена некалиброванная радиоуглеродная дата более 27500 л.н. (ИЭРЖ-21) [Петрин, 1992, с. 163].

Новые образцы для датирования были взяты из раскопа I, в основном, из двух прослоек с угольками, кусочками охры и другими находками, а также были датированы образцы угля и кости под верхними прослойками [Дублянский и др., 2021, с. 11]. Выше темноокрашенных прослоек была получена некалиброванная дата 13892 ± 39 л.н. (OxA-39967) - калиброванная дата 16697-17035 л.н. По угольками из «верхней» темноокрашенной прослойки была получена некалиброванная дата 13605 ± 37 л.н. (OxA-39968) - калиброванная дата 16289-16580 л.н. Некалиброванная дата по угольками из прослойки между темноокрашенными прослойками 13936 ± 38 л.н. (OxA-39969) - калиброванная дата 16773-17071 л.н. Из «нижней» темноокрашенной прослойки по угольками получена некалиброванная дата 14232 ± 39 л.н. (OxA-39970) - калиброванная дата 17105-17413 л.н. Под «нижней» темноокрашенной прослойкой по угольками была получена дата 23878 ± 93 л.н. (OxA-39971) - калиброванная дата 27760-28296 л.н. Из «верхней» темноокрашенной прослойки были получены 2 даты по костям 21052 ± 91 л.н. (UBA-42155) - калиброванная дата 25175-25660 л.н. и 20542 ± 84 л.н. (UBA-42156) - калиброванная дата 24357-25024 л.н. Кости животных, скорее всего, попали в верхние отложения из нижних в результате естественных процессов разрушения геологических отложений [Дублянский и др., 2021, с. 11].

Таким образом, новые даты из верхней части культурных отложений времени создания рисунков в пещере укладываются в интервал 16,3 - 17,4 тыс. л.н., что соответствует калиброванным значениям старых дат, а нижний

культурный слой датируется в интервале 27,8 - 28,3 тыс. л.н. Верхний культурный горизонт приурочен к периоду дегляциации, последовавший за максимумом последнего оледенения, в то время как предшествующий период связан с теплым интерстадиалом вюрма (MIS 3) [Дублянский и др., 2021, с. 15].

Всего было обнаружено в четырех раскопах на уровне 1 и 2 условных горизонтов 1350 экз. изделий из камня[26].

Первичное расщепление представлено различными нуклеусами параллельного скалывания. Большая часть их уплощенной формы на гальках, некоторые двусторонние и двухплощадочные (рис. 4.93, *25, 27, 28, 32*). Один нуклеус из раскопа V является односторонним подперекрестным на плоской гальке (рис. 4.93, *32*). Другой остаточный нуклеус относится к ортогональным для получения отщепов (рис. 4.93, *34*). Третий монофронтальный нуклеус радиального скалывания был изготовлен на плитке (рис. 4.93, *30*). Четвертый уплощенный ортогональный нуклеус на плитке является остаточным (рис. 4.93, *41*). В 3 горизонте раскопа V был обнаружен нуклеус уплощенной формы с тремя фронтами скалывания: на одной плоской стороне присутствует негатив одного скола от основания и ряд мелких сколов от верхней ударной площадки, другая сторона несет на себе негативы приблизительно радиальной направленности, на боковой стороне присутствуют негативы узких продольных сколов (рис. 4.93, *27*).

Скребки являются самой многочисленной категорией - 30 экз. Наиболее крупными являются три концевых скребка с полукруглыми лезвиями на широких пластинах, боковые края у них обработаны ретушью (рис. 4.93, *18, 22, 23*). У одного массивного отщепа дистальный полукруглый край обработан мелкой крутой ретушью, превратившей его в концевой скребок (рис. 4.93, *24*).

Орудия зубчатые - 8 экз., среди них есть два орудия с шипом, изготовленные на проксимальном фрагменте пластины (рис. 4.93, *16, 17*).

---

[26] Принимая во внимание небольшую глубину залегания культурного слоя с угольками и охрой (до 20 см), а также одинаковые радиоуглеродные даты, мы рассматриваем все находки как гомогенный комплекс.

Всего было обнаружено 17 резцов. В раскопе IV был найден срединный резец, который был изготовлен из укороченного отщепа, одна рабочая грань у него ретушированная, на вентральной стороне рабочий участок подправлен плоским продольным сколом (рис. 4.93, *36*). В Дальнем зале на поверхности была найдена крупная пластина из известняка со следами охры на поверхности, проксимальный сегмент на вентральной стороне уплощен продольными снятиями, оба конца изделия обработаны многочисленными плоскими резцовыми снятиями, края на дистальной половине с обеих сторон имеют негативы нерегулярной полулунной ретуши (рис. 4.93, *40*).

Долотовидных орудий - 13 экз., все они отличаются разнообразием форм. Одно орудие было изготовлено из плитки: боковые грани образованы продольными сколами, рабочий вогнутый край обработан ступенчатой ретушью с двух сторон, боковые поверхности уплощены продольными и боковыми сколами (рис. 4.93, *38*). Второе орудие было изготовлено из массивной пластины с удаленным основанием, оно имеет два рабочих лезвия, приостренных с двух сторон крупной плоской ретушью, с вентральной стороны на дистальном участке присутствуют следы утоньшения поверхности крупными продольными сколами (рис. 4.93, *31*). Третье долотовидное орудие было изготовлено из хрустальной гальки, на ее поверхности присутствуют негативы продольных и поперечных снятий, рабочая кромка подправлена струйчатой ретушью (рис. 4.93, 39). Четвертое изделие представляет собой массивный отщеп, который был уплощен с обеих сторон продольными сколами, кромка лезвия частично подправлена мелкой ретушью (рис. 4.93, *26*).

Пластинки с притупленным краем - 5 экз. (рис. 4.93, *1-3, 8, 9*). У одной усеченной ретушью пластины имеется притупленный край (рис. 4.93, *4*). Ряд пластин обладает притупленным ретушью краем (рис. 4.93, *10-13*). Две массивные пластины усечены вертикальной ретушью (рис. 4.93, *19, 20*).

Пластин - 154 экз., из них только меньшая часть - целые. Фрагментов пластин с нерегулярной ретушью - 8 экз. (рис. 4.93, *21, 29, 33, 37, 44*).

Отщепы - 62 экз., изготовлены по большей части из яшмовых пород, все они небольшого размера.

В итоге, также как и на многих других памятниках Уральского региона, в качестве сырья использовалось разнообразное сырье из галек и плиток яшмы разных цветов, кремня, халцедона, песчаника, хрусталя, известняка. Для коллекции каменных изделий характерны, в основном, одноплощадочные призматические, реже ортогональные, торцевые, многоплощадочные нуклеусы. Основными заготовками являлись пластины и во вторую очередь - отщепы. Орудия представлены разнообразными концевыми скребками на пластинах и отщепах, в том числе, в коллекции присутсвуют скребки высокой формы, круглые скребочки, двойные скребки, ретушированные пластины и пластинки, усеченные пластины, боковые и срединные резцы на пластинах и отщепах, разнообразные долотовидные орудия, различные клювовидные формы и орудия с шипом, проколки и «резчики». Кроме того, в культурном слое раскопов II и IV внутри Игнатиевской пещеры найдены подвески из зубов песца и быка, две плоско-выпуклые круглые бусины из бивня мамонта. Подобные находки украшений известны из раскопок в пещере Шульган-Таш (Каповой) [Щелинский, 2016; Котов, 2016а, рис. 7; 2014, с. 128, рис. 12, *1*], в гроте Бобылек [Волокитин, Широков, 1997, с. 14] и в пещере Байсланташ [Котов, 2004]. Таким образом, верхнепалеолитическая индустрия в Игнатиевской пещере имеет большое сходство с материалами стоянки Талицкого, пещер Шульган-Таш (Каповой), Байсланташ, Кульюрт-Тамак-1, Сергеевка-1, Бобылек и др. На сходство изделий из верхнепалеолитических отложений Игнатиевской пещеры с индустрией стоянки Талицкого указывал в своей монографии В.Т. Петрин [Петрин, 1992, с. 138].

Грот Бобылек находится на границе Среднего и Южного Урала в бассейне р. Уфы на юго-западе Свердловской обл., в 15 км от р. Уфы при слиянии ручьев Бобылек и Безымянного (рис. 4.1; 4.94). Грот представляет собой просторную карстовую полость площадью около 250 м^2. Основной вход

в виде арки высотой 3 м и шириной 10 м, ориентирован на восток, высота его над уровнем ручья 7 м. Второй вход - это провальная воронка на другом конце грота. Палеолитическая стоянка была изучена в 1990-1991 гг. на площади 21 м^2 (рис. 4.95). Раскоп 1 был доведен до глубины 3,5 м и верхнепалеолитический культурный слой был выявлен на глубине 1,8 м в слое суглинка темно-рыжего со щебнем мощностью до 0,5 м [Волокитин, Широков, 1997; Широков и др., 2005] (рис. 4.96).

Кости животных из верхнепалеолитического слоя принадлежали в основном северному оленю и зайцу, лошади уральской, встречались кости быка или бизона, песца, сайги, куньих, пещерного медведя, мамонта, шерстистого носорога, овцебыка и др. Палеоэкологические и палеотерриологические анализы указывают на поздневалдайский возраст культурных отложений верхнего палеолита. По кости шерстистого носорога была получена некалиброванная радиоуглеродная дата - 14200 ± 400 л.н. (ИЭРЖ-164) [Волокитин, Широков, 1997, с. 9-10]. Калиброванный интервал - 16181-18276 л.н. (95%) (табл. 7).

В ходе раскопок была получена коллекция из 450 предметов из камня. Сырьем служил окремненный известняк, а также яшма, черный кремень, халцедон.

Первичная обработка представлена нуклеусом и фрагментом нуклеуса. Нуклеус из плоской овальной гальки известняка имеет с обеих сторон негативы крупных укороченных сколов, снятых по периметру изделия. А.В. Волокитин и В.Н. Широков считают, что это заготовка нуклеуса для получения пластин [Волокитин, Широков, 1997, с. 11]. Характер сколов и небольшая толщина гальки говорят о том, что это нуклеус радиального скалывания для отщепов (рис. 4.98, *10*). О наличии радиальных нуклеусов свидетельствуте то, что в коллекции есть отщепы с радиальной и бессистемной огранкой дорсальной стороны (рис. 4.97, *1, 2, 26*).

Основной заготовкой служили пластины и пластинки. Ряд орудий сделаны на пластинах шириной от 2 до 3 см (рис. 4.97, *3, 6, 8-14, 22, 23, 27*; 4.98, *1, 7, 8*). Большая часть пластин были преднамеренно фрагментированы.

Орудия (29 экз.) представлены следующими типами: выемчатые изделия, орудия с шипом, изделия с усеченным концом, резцы, ножи, концевой скребок, провертка, пластинка и микропластинки с притупленным краем (рис. 4.97; 4.98). Комбинированное орудие - скребок-долотовидное орудие изготовлен на массивном отщепе с бессистемной огранкой (рис. 4.97, *26*). Крутой ретушью образован полукруглый скребковый край, основание было фрагментировано и подправлено на вентральной стороне пологой ретушью. Две пластины являются косоусеченными крутой ретушью: одна на дистальном конце (рис. 4.97, *15*), а другая на проксимальном участке (рис. 4.97, *13*).

Резцы представлены тройным многофасеточным резцом на массивной пластине с продольной огранкой (рис. 4.98, *7*) и двойным боковым резцом на обломе медиального фрагмента массивного реберчатого скола (рис. 4.97, *27*). Ножи с естественным обушком представляют собой две пластины с удаленными дистальными сегментами, у которых присутствует двусторонняя нерегулярная ретушь острого края (рис. 4.97, *3, 14*). Выемчатых орудий 16 экз. (рис. 4.97, *1, 2, 4, 6, 9-12, 19, 22-25*; 4.98, *8*). Орудие с шипом было оформлено на медиальном сегменте пластинчатого отщепа, у которого крутой ретушью были обработаны края и двумя выемками выделен острый шип (рис. 4.97, *5*). Острие на дистальном остроугольном фрагменте пластины с разнокалиберной бифасиальной ретушью по правому краю авторы статьи считают проверткой [Волокитин, Широков, 1997, с. 14] (рис. 4.97, *20*). Пластинок и микропластинок с притупленным краем - 4 экз. (рис. 4.97, *16, 17, 18, 21*). Пластин с ретушью - 4 экз. (рис. 4.97, *8*).

Большой интерес представляют костяные изделия, среди которых два вкладышевых изделия с выгравированными линиями, фрагмент кости северного оленя с гравированной изогнутой линией (рис. 4.98, *3, 6, 9*). В

культурном слое были найдены заготовки нашивок - прямоугольные пластинки из бивня мамонта с отверстиями и без них, разделенные гравированными вертикальными линиями и квадратные пластинки (рис. 4.98, *2, 4, 5*), которые имеют прямую аналогию на стоянке Байсланташ [Котов, 2004, рис. 13, *2, 3*].

А.В. Волокитин и В.Н. Широков пришли к выводу, что грот Бобылек в конце верхнего палеолита использовался в качестве временного стойбища охотников на северного оленя и пушного зверя. Они обратили внимание на большое количество изделий из известняка, а также фрагментированных пластин. Они считали, что индустрия стоянки наиболее близка коллекции из пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Волокитин, Широков, 1997, с. 14]. Несмотря на малочисленность коллекции, в ней присутствуют все основные признаки уральской верхнепалеолитической традиции: нуклеусы параллельного и радиального скалывания, аморфность пластинчатых сколов, широкое распространение приема фрагментации пластин, наличие пластин и пластинок с притупленным краем, усеченных ретушью пластин, скребки высокой формы, орудия с шипом, выемчатые орудия, разнообразные резцы, характерные украшения из кости. Обращает на себя внимание наличие вкладышевых орудий из кости, украшенных орнаментом, которые внешне ничем не отличаются от орудий мезолита и неолита Уральского региона [Матюшин, 1976, 1982].

Стоянка Троицкая I была обнаружена в Южном Зауралье на уровне второй надпойменной террасы р. Уй, на территории совхоза «Плодопитомник» недалеко от г. Троицка Челябинской обл. (рис. 4.1; 4.99). В ходе строительных работ и раскопок 1984 и 1990 гг. было вскрыто около 70 м^2. Здесь было найдено 126 костей мамонта от трех-четырех особей и 38 костей лошади [Широков и др., 1996, с. 16].

Культурный слой с костями неоплейстоценовых животных и каменными изделиями залегал на глубине 0,8-1 м от поверхности на контакте слоев суглинка желтовато-коричневого и суглинка серовато-желтого. Радиоуглеродная некалиброванная дата была получена по обработанной кости

мамонта - 16300 ± 300 л.н. (ИЭРЖ - 165) [Широков и др., 1996, с. 16]. Калиброванная дата - 18995-20431 л.н. (95%) (табл. 7).

Каменные изделия - 188 экз. были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины - из хрусталя.

Нуклеусы представлены торцевыми на плоских гальках - 2 экз. (рис. 4.100, *13, 14*). Третий нуклеус двусторонний параллельно-радиального скалывания (рис. 4.100, *1*). Они находят аналогии на ст. Сергеевка-1 (рис. 4.39, *1, 9, 12*).

Орудий 9 экз. - 6 скребков и 3 резца. Два скребка относятся к типу стрельчатых (рис. 4.100, *2, 5*). Есть скребок площадочный с шипом на отщепе (рис. 4.100, *8*) и скребок двойной овальный высокой формы с, выделенными с помощью выемок, боковым выступом на отщепе хрусталя (рис. 4.100, *6*). Скребок полукруглый на отщепе хрусталя был фрагментирован резцовым сколом (рис. 4.100, *7*). Еще один скребок боковой был изготовлен на отщепе из раухтопаза (рис. 4.100, *4*). Все разновидности скребков (округлые, боковые, стрельчатые) находят соответствие с формами на стоянке Сергеевка-1 (рис. 4.42) и в пещере Байсланташ (рис. 4.61).

Все три резца относятся к типу боковых многофасеточных на медиальных сегментах пластин или пластинчатых отщепов, причем, одна пластина была косо усечена на обоих концах (рис. 4.100, *9, 10, 12*).

Уникально костяное изделие из пястной кости лошади с цилиндрическим отверстием в дистальной части и удаленным эпифизом на противоложном конце (рис. 4.100, *17*). Данный предмет имеет явно символическое значение. Причем сочетание отверстия с особенностями рельефа и общей формы вызывают ассоциацию с антропоморфным изображением [Котов, 2018, с. 17-18; 2020, с. 8].

В.Н. Широков находит аналогии коллекции стоянки Троицкая 1 в индустрии памятников «среднеуральского варианта» верхнепалеолитической культуры [Широков и др., 1996, с. 14]. По его мнению, данный памятник

является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных [Широков и др., 1996, с. 16; Широков и др. 2005, с. 21]. Мы согласны с этим мнением, тем более, что все типы нуклеусов и орудий имеют аналогии на стоянке Сергеевка-1 и на других Южно-Уральских стоянках.

Пещерные памятники р. Юрюзань и р. Ай были исследованы С.И. Бибиковым в 30-х гг. двадцатого столетия одними из первых на Южном Урале - это пещеры Бурановская, Ключевая, Гребневая, Идрисовская-1 в долине р. Юрюзани [Бибиков, 1950] (рис. 4.101). В ***пещере Ключевая***, расположенной в Салаватском районе Башкортостана на левом берегу р. Юрюзань напротив пос. Лимоновка (рис. 4.1; 4.101). На глубине 1,3 м в отложениях светло-коричневой глины С.И. Бибиковым был обнаружен культурный слой мощностью 0,4 м с раздробленными костями, угольками и единичными каменными изделиями, который был доисследован В.С. Житеневым в 2006 г. Всего было найдено 9 предметов, в том числе: подконический нуклеус, две ножевидные пластины, острие на пластине, пластинчатый отщеп с ретушью и ретушированная пластинка. Фауна представлена костями носорога, бизона, гигантского оленя, северным оленем, косулей, пещерным медведем, песцом и др. [Бибиков, 1950, с. 78-85; Житенев, 2007а].

Пещера Бурановская расположена в том же районе, но только в 2 км выше от пещеры Ключевой по течению р. Юрюзань (Рис. 4.1; 4.101). Стратиграфия пещерных отложений сходная с пещерой Ключевой. Здесь на глубине 1,8 м в слое желтой глины было расчищен очаг, обложенный камнями, заполненный угольками и пережженными косточками. Фауна идентична с пещерой Ключевой. Каменных изделий не было обнаружено [Бибиков, 1950, с. 85-89].

Пещера Идрисовская (Эй Таш, Киссяташ, 2-я Юлаевская, Дворцовая, Краснопольская) находится на левом берегу р. Юрюзань в 1,5 км к востоку от д. Идрисово (Краснополье) Салаватского района (рис. 4.1; 4.101). Идрисовская

пещера карстовая, образована в известняках нижнего и среднего карбона. Представляет собой коридор северного и западного простирания. Длина 93 м, ширина 3,8 м, высота 2,6 м, амплитуда 10, площадь 215 м^2 (рис. 4.102; 4.104). Вход шириной 2,4 м, высотой 3,8 м, расположен на высоте 45 м над уровнем р. Юрюзань (рис. 4.103). Справа от входа расположены три отверстия, ведущие в грот (грот длина 6 м, ширина 3 м, высота 2,6 м), который соединяется с коридором длиной 5 м, переходящий в наклонный ход западного простирания [Соколов, 2007, с. 134] (рис. 4.104).

В 30-е годы краеведом М.И. Касьяновым в привходовой части пещеры были найдены 6 автопоморфных изображений, сделанных красной охрой на стене. В результате обследования пещеры В.Т. Петриным, был обнаружен здесь же еще один антропоморфный рисунок и еще 9 групп красочных изображений на скалах рядом с пещерой, которые получили название Идрисовская 2 писаница [Петрин, 1984] (рис. 4.102). В пещере Идрисовской неоднократно производились раскопки (рис. 4.104). В 1937-1939 гг. при входе во вторую камеру С.Н.Бибиковым был заложен шурф размером 1×1 м. Под слоем овечьего помета залегал бурый слой с углями и лепной керамикой до глубины 0,2 м. Ниже, до глубины 0,6-0,8 м залегает «красная четвертичная глина, загроможденная крупными обломками известняка и щебня», в которой встречены кости ископаемых животных [Бибиков, 1950, с. 99-100]. В 1951 г. Идрисовская пещера была обследована М.А. Бадер, обнаружившая в ней расколотые кости ископаемых животных и осколки кремня - стоянку эпохи верхнего палеолита [Бадер, 1953, с. 38; Береговая, 1960, с. 72]. Пещера шурфовалась в 1981 г. А.Р. Губайдуллиной: вблизи входа во второй зал был заложен шурф размером 2×2 м и доведен до скального дна на глубине 2,47 м (рис. 4.104). На глубине 1,3-1,4 м от поверхности в слое светло-коричневого суглинка были зафиксированы 2 зольные прослойки и обнаружены целые и фрагментированные кости (250 экз.) неоплейстоценовых животных (носорога, бизона, пещерного медведя, пещерной гиены, лошади, северного оленя и др.).

Среди находок два изделия из черного кремня: один нуклеус двусторонний с дисковидной и продольно-уплощенной поверхностями скалывания, отщеп с мелкой ретушью (рис. 4.106, *7, 9*). Оба изделия черного мелового кремня хорошего качества были обнаружены на одном уровне - на глубине - 140 см. По описанию Р.А. Губайдуллиной нуклеус имеет размеры 4×3 см, он одноплощадочный, остаточный, ударная площадка скошенная, фасетированная (рис. 4.106, *9*) [Губайдуллина, 1981-А, с. 14-15]. По нашему мнению, нуклеус двусторонний, ударная площадка ретушированная, прямая, на плоской стороне осуществлялось снятие в продольном направлении пластин и отщепов, а на другой - производилось снятие отщепов радиальным способом. Также о присутствии на стоянке приема радиального снятия заготовок с нуклеусов свидетельствует радиальный характер огранки отщепов, обнаруженных в шурфах А.Р. Губайдуллиной, В.Н. Широкова и С.В. Ульянова (рис. 4.106, *3, 5, 7*). К орудиям был отнесен удлиненный скол кости с подправленным острым концом, являвшийся проколкой, его размеры - 4 см (рис. 4.106, *8*). На ряде расколотых костей были зафиксированы нарезки или зарубки - следы разделки туши древними охотниками [Губайдуллина, 1981-А, с. 12]. А.Р. Губайдуллина определила памятник как кратковременную стоянку охотников конца верхнего палеолита [Губайдуллина, 1981-А, с. 15].

В 1987 г. в 15 м от входа В.Н. Широковым было заложен шурф размером 1×1,5 м, в котором были найдены отщеп с радиальной огранкой спинки, сечение пластины и осколок из кремня вместе с позднеплейстоценовой фауной [Широков, 2009, с. 41] (рис. 4.106, *1-3*). В 1998 г. С.В. Ульяновым в привходовой части у западной стенки был заложен шурф размером 1×3 м. Он был доведен до скального основания на глубине 1,2 м (рис. 4.104). Были обнаружены в отложениях эпохи неоплейстоцена сегмент отщепа с ретушью из серого кремня, 2 отщепа с ретушью из известняка (рис. 4.106, *4-6*), а также кости неоплейстоценовых животных (северный олень, пещерный медведь, носорог, бизон, гигантский олень, благородный олень, лошадь, сурок, песец -

определение П.А. Косинцева). Состав видов животных и сочетание холоднолюбивых и теплолюбивых животных на данном памятнике указывает на близкое сходство с соседними верхнепалеолитическими памятниками на р. Юрюзани, изученными С.Н. Бибиковым [Бибиков, 1950].

В числе первых палеолит на территории Башкортостана был выявлен в ***пещере Мурадымовская I*** (Голубиный грот). Пещера расположена в 3 км выше д. Юлдыбаево 3-е (Мурадымово) в Кугарчинском районе на юге Башкортостана на правом берегу р. Большой Ик на высоте 102 м над уровнем реки (Рис. 4.1). Пещера коридорного типа, общая длина 69,3 м. Она обращена на юго-юго-восток широким (18 м) и высоким (3 м) входом. Впервые иссследовалась шурфом в 1942 г. геологом Н.А. Преображенским. В 1948 г. по поручению О.Н. Бадера ее обследовал студент ПГУ И.С. Захоржевский. В 1960 и 1976 гг. в пещере вел раскопки О.Н. Бадер на площади 55,5 м² [Бадер, 1960-А, 1962а, 1977]. В раскопе на глубине 1,6 и 2 м были зафиксированы очажные линзы. Из 17 каменных изделий, обнаруженных в ходе раскопок, имеются две пластины с нерегулярной огранкой из серого кремня, одна пластина с ретушью из черного кремня, три отщепа с ретушью, боковой резец на первичном сколе с кремневой гальки, нуклевидное изделие - все из черного кремня [Котов и др., 2010, с. 222-223]. Все изделия характерны для верхнего палеолита и, в частности, такие же орудия с обработанными выступами и остриями из расколотых мелких галек присутствуют в материалах пещерных стоянок Балатукай, Заповедная, Шульган-Таш (Каповая). О.Н. Бадер не имел данных для датировки отложений, которые могли относиться, судя по фауне, как к голоцену, так и неоплейстоцену.

В 2012 г. была сделана автором зачистка стенки траншеи 1976 г. О.Н. Бадера на глубину 4 м. Спорово-пыльцевой анализ показал, что первый культурный слой является голоценовым, остальные два датируются разными периодами верхнего неоплейстоцена [Котов, 2015-А, с. 25-26].

Пещера **Мурадымовская 2** (Старомурадымовская) расположена на высоте около 90 м над уровнем реки Большой Ик в 30 м к востоку от пещеры Мурадымовская 1 (рис. 4.1). Внутри пещеры на расстоянии около 60 м от входа в 1984 г. были открыты рисунки - 11 антропоморфных изображений [Кузеев, Пшеничнюк, 1984, с. 144-147], которые были датированы по углю из слоя с охрой концом мезолита-началом неолита [Котов и др., 2010, с. 226, 227]. В шурфе 2 перед входом в пещеру были зафиксированы отложения верхнего палеолита, в которых были обнаружены кости неоплейстоценовых животных (шерстистого носорога, пещерного медведя, бизона, большерогого оленя, сурка) и изделия из кости, известняка, кремня, сланца и кварцито-песчаника [Котов и др., 2010; Котов, 2015-А].

Пещера Заповедная. Этот памятник дал уникальные материалы по истокам культа медведя на Урале, относящиеся к концу верхнего палеолита. Пещера находится в Белорецком районе Башкортостана на правом берегу р. Лемезы (приток р. Сим) (рис. 4.1; 4.107). В этом месте река прокладывает свое русло в глубокой долине между хребтами более 100 м высотой. Пещера расположена на высоте 90 м от уровня реки у самой вершины. Она имеет горизонтальное строение и общая длина ходов 180 м при средней высоте 1,2 м. Полость была открыта в 1980 г. уфимскими туристами-спелеологами. В 1981 г. ее осмотрел археолог Ю.А. Морозов (ИИЯЛ УНЦ РАН) и зафиксировал в ней следы древнего человека. В 1990 г. она была исследована археологом В.К. Федоровым, который определил ее как культовый памятник со следами почитания пещерного медведя. С 1993 г. ее изучением занимается автор.

В пещере Заповедной выявлено пять культовых комплексов, связанные с почитанием черепов пещерного медведя [Котов, 1997а; 2001; 2010в; 2010г; 2012]. Из них комплекс “В” в зале V обладает наиболее сложной структурой и семантикой (рис. 4.108). Он приурочен к нише, и кладка отгораживает внутри нее еще одну нишу. Внутри этого отгороженного пространства кости были спрятаны под навес свода. Череп пещерного медведя в кладке несет на себе

следы ритуального (?) повреждения и еще к тому же он тщательно заклинен камнями кладки (рис. 4.110). Другой череп медведя, также поврежденный в древности, был старательно установлен вместе со своими деталями в расщелине стены. Особенности установки черепа однозначно указывают на экспозиционность всей конструкции. Еще один демонстрационный комплекс («Ж») в зале VII - череп медведя на камне, вокруг которого лежало около десятка межвежьих черепов (рис. 4.108), свидетельствует о достаточно сложных обрядах, совершаемых древними людьми в пещере Заповедная [Котов, 2012].

В ходе шурфовки внутри пещеры были обнаружены под кальцитовой коркой пола в верхнем горизонте светло-бурого суглинка отдельные угольки и на привходовых площадках остатки кострищ. По радиоуглеродной некалиброванной датировке угли из кострища около входа 1 имеют возраст 12800 ± 260 л.н. (ЛУ-3861), калиброванный возраст - 14220-16015 л.н. (95%) (рис. 4.109; 4.111). Здесь же были обнаружены кремневая пластинка с правильной огранкой, орудие на небольшом осколке кремня и кусочек охры [Котов, 2001б-А] (рис. 4.113, *5, 6*). В 2005 г. на границе залов IV и VII вблизи культовых объектов из черепов пещерных медведей под кальцитовой коркой было обнаружено кострище (№ 4) (рис. 4.108). Радиоуглеродные датировки, полученные по углю: 10970 ± 100 л.н. (ЛЕ - 8257) или 12752-13085 кал. л.н. (95%) и 11880 ± 100 л.н. (СОАН - 7735) или 13580-13894 кал. л.н. (75.4%) [Котов, 2001б; 2012][27] (табл. 7).

В 2008 г. В.Г. Котовым были проведены раскопки в глубине пещеры в раскопе 3 рядом с кострищем (№ 4) были найдены следы многослойной стоянки с многочисленными изделиями из известняка и кальцита (130 экз.) (рис. 4.108; 4.112). Грубые нуклеусы и куски известняка с негативами отдельных сколов указывают на подпризматический характер скалывания (рис.

[27] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

4.113, *8*). Вместе с тем, пластинчатых сколов единицы (рис. 4.113, *5, 7, 12*), а основной заготовкой для орудий являлись обколотые до нужной формы куски кальцита или известняка. Преобладают среди орудий угловатые формы: резчики на осколках, угловатых обломках или отщепах (рис. 4.113, *1, 3*), а также резцы (рис. 4.113, *10, 11, 15, 16*). Единичными экземплярами представлены острия (рис. 4.113, *2*), долотовидные орудия (?), скребки (рис. 4.113, *4, 9, 12, 13, 14*). Находка отбойника из гальки кварцито-песчаника, а также пластины и орудия из кремня в раскопе 1 на привходовой площадке (рис. 4.113, *5, 6*), свидетельствует о том, что посетители пещеры имели доступ к хорошему кремневому сырью, которое в изобилии имеется в пойме реки и на водоразделах. Поэтому использование для изготовления орудий некачественного материала, можно объяснить или ритуальной изоляцией или предпочтением символического характера. Нарочитая небрежность, с которой сделаны орудия, отсутствие хороших призматических нуклеусов также указывает на отсутствие профессиональных навыков обработки камня у посетителей пещеры [Котов, 2012, с. 23]. То, что в регионе имеется ряд пещерных памятников с индустрией из известняка, причем четыре из них - это святилища (пещеры Шульган-Таш (Каповая), Игнатиевская, Байсланташ, Мурадымовская 2), позволяет говорить о существовании символической традиции использования этого специфического сырья в рамках уральской верхнепалеолитической традиции.

В последние годы развернулись исследования на р. Ай в Сикияз-Тамакском пещерном комплексе на границе Челябинской области и Башкортостана (рис. 4.1). Работы велись А.И. Юриным (Челябинский Областной краеведческий музей) и В.С. Житеневым (МГУ). В ***пещере Сикияз-Тамак I*** в одном из залов был обнаружен культурный слой финала верхнего палеолита с костями неоплейстоценовых животных, единичными каменными орудиями и костяным изделием. Возраст определен по углю 11690 ± 70 л.н.

(GrA - 18661) (калиброванная дата - 13418-13753 л.н. (95.4%))[28]. Возможно, к этому слою относится случайная находка черепа пещерного медведя, поверхность которого была окрашена охрой и имела искусственные нарезки. В другом раскопе этой пещеры была найдена плитка известняка, окрашенная охрой, которая, по мнению В.С. Житенева, отвалилась от стены вблизи входа [Житенев, 2007б].

Стоянка Ильмурзино расположена на окраине с. Ильмурзино в Кушнаренковском районе Башкортостана, на второй надпойменной террасе р. Белая (рис. 4.1; 4.114). Памятник изучался Г.Н. Матюшиным в 1961-1969 гг. [Матюшин, 1976, с. 75]. Верхние 3-5 горизонты относятся к началу голоцена. Они содержат материалы эпохи мезолита. В нижних 6-7 горизонтах были найдены более архаичные изделия, и по спорово-пыльцевому анализу эти отложения были датированы поздним неоплейстоценом (рис. 4.114, *Б*). Палеолитические слои были обнаружены на глубине около 2 м в более светлом суглинке.

Г.Н.Матюшин подробного анализа материала в своей монографии «Мезолит Южного Урала» [Матюшин, 1976, с. 75] не привел, отметив что, «…по составу находок горизонты 6-7… были несколько более архаичными, нежели находки 3-5 горизонтов» [Матюшин, 1976, с. 75, 313]. В его монографии «Мезолит Южного Урала» в таблице были приведены 15 каменных изделий [Матюшин, 1976, с. 313], среди которых были следующие изделия: 2 дисковидных нуклеуса, скребок прямой, скошенный на полупервичном отщепе, резец боковой на отщепе с выемкой в основании, ребристая пластина, ребристая пластина с ретушью, 8 пластин и изделий из них, в том числе: 2 пластины с ретушью, пластины с выемкой и вентральной ретушью края, 2 пластины с выемкой, острие (рис. 4. 115, *1-4, 7, 9, 10*). Имеется только 1 пластина с правильной огранкой и 1 пластинка (рис. 4.115,

[28] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

12, 13). Остальные пластины имеют неправильную огранку и аморфные очертания. Большая часть пластин обладают шириной около 2 см. Массивный скол с ретушью, возможно, является фрагментом призматического нуклеуса или же ребристого скола (рис. 4.115, *14*). В коллекции есть еще один ребристый скол (рис. 4.115, *11*). Наличие широких пластин и ребристых сколов указывает на преимущественное получение крупных пластинчатых заготовок с призматических или конусовидных нуклеусов. Микропластинчатая техника только обозначена на данном памятнике, поэтому эти находки нельзя воспринимать как ранний (плейстоценовый) этап романовско-ильмурзинской культуры [Матюшин, 1976, с. 75, 313]. Наличие же дисковидных нуклеусов позволяет предположить, что данные горизонты относятся к кругу памятников уральского верхнего палеолита, сочетающих верхнепалеолитические и среднепалеолитические формы.

Некоторые памятники исследователями были отнесены к верхнему палеолиту на основе стратиграфических данных и технико-типологических характеристик немногочисленного инвентаря. К ним относится местонахождение ***Малый Липовый XIV*** на одном из островов в юго-восточной части Аургазинского водохранилища [Петрин и др., 1983, с. 17-20]. Вблизи пещеры Игнатиевской была изучена небольшая стоянка ***Игнатиевская 2,*** расположенная на 1 надпойменной террасе на контакте гумуса и галечника, обнаруженные здесь косоусеченные пластины аналогичны тем, что были найдены в Игнатиевской пещере и на финальнопалеолитической стоянке Горная Талица в Среднем Приуралье [Широков, Петрин, 2013, с. 85-86]. Точно также, в основном, на основе технико-морфологических данных каменного инвентаря, была датирована верхним палеолитом стоянка Пещерный Лог вблизи г. Магнитогорска [Куприянов, 2016].

Стоянка Пещерный Лог располагалась в 7 км к югу от г. Магнитогорска, на возвышенности правого борта пересохшего лога «Пещерный», расположенного на правом берегу р. Янгелька (правый приток р. Урал) (рис

4.116, *I*). Лог простирается вдоль русла р. Урал в 4 км к западу на протяжении 25 км. Борта лога покатые, глубина от 1 до 2,5 м. (рис. 4.116, *II*).

Стоянка была обнаружена и полностью исследована в 2006 г. В.А. Куприяновым [Куприянов, 2016]. Площадь раскопа составила 320 м^2. В ходе раскопок культурные остатки были выявлены под гумусированной супесью в слое желто-красного слабогумусированного суглинка с карбонатными включениями на глубине 0,5-0,75 м от поверхности, слой с культурными остатками имеет мощность от 8 до 22 см (рис. 4.116, *III*). В ходе раскопок не было выявлено каких-либо жилых сооружений, ям, очагов и пр. Количество находок увеличивалось к центру раскопа и сокращалось к его краям (рис. 4.116, *III*).

Коллекция находок из камня состоит из 350 экз. Сырьем служили гальки из кремнистой породы - фтанита и фтанитоида серого или черного цветов, а также красной яшмы. Эти породы в виде галек в изобилии встречаются в этом районе.

Орудия для обработки орудий представлены отбойниками из кварцитовых галек с характерными следами забитости на концах - 6 экз. (рис. 4.117, *1-5*). Одно орудие было изготовлено на плитке фтанита прямоугольной формы, у него крутой ретушью была оформлена рукоятка. На торцевой и боковых гранях присутствуют следы забитости. Данное изделие, очевидно, является молотком-отбойником (рис. 4.117, *6*). Подобные молотки-отбойники серийно присутствуют на стоянке Сергеевка-1 [Гимранов и др., 2012, с. 26].

Нуклеусы и нуклевидные изделия представлены различными формами от галек и кусков кремня с единичными сколами опробывания сырья до нуклеусов конечной стадии сработанности - 54 экз. Нуклеусы и нуклевидные изделия представлены гальками и слегка окатанным кусками кремня с одной или двумя сколами - 34 экз. (рис. 4.118, *6, 7, 9*). Одно изделие на плоской гальке из кремня представляет собой или заготовку нуклеуса на стадии формирования выпуклого фронта скалывания или нуклеус радиального скалывания в начальной стадии

(рис. 4.118, *10*). Нуклеусы представлены призматическими одноплощадочными - 5 экз. (рис. 4.118, *2*) и ортогональным (рис. 4.118, *4*). Имеются также два нуклеуса с двумя ударными площадками параллельно-встречного скалывания (рис. 4.118, *1*). Три нуклеуса относятся к типу торцевых одноплощадочных, с наклонными ударными площадками (рис. 4.118, *3*). Нуклеусов многоплощадочных с бессистемным скалыванием отщепов неожиданно много - 7 экз. Два нуклеуса являются радиальными (рис. 4.118, *8*).

Отщепы и обломки - 228 экз. Среди сколов серийно представлены пластинчатые отщепы - 21 экз., 46 ощепов были заготовками орудий, причем 17 из них имеют радиальную огранку.

Пластин с нерегулярной огранкой, шириной 1-2 см - 29 экз. (рис. 4.119, *2, 4-7*, *11-12, 14, 19, 22, 26*). Ударные площадки точечные или гладкие, созданные одним сколом, встречаются изолированные. У одной пластины присутствуют следы абразивного редуцирования карниза (рис. 4.119, *1*).

Пластин с ретушью - 7 экз. (рис. 4.119, *9-10, 17*). Одна пластина с ретушированными продольными краями была усечена в базальной части двумя встречными резцовыми снятиями (рис. 4.119, *13*).

У двух пластин присутствуют ретушированные выемки, поэтому их можно отнести к выемчатым орудиям (рис. 4.119, *15, 18*). Еще четыре отщепа с ретушированными выемками также являются выемчатыми орудиями (рис. 4.120*, 1, 3, 4, 13*). По мнению В.А. Куприянова один отщеп с зубчатой ретушью являлся пилкой [Куприянов, 2016, с. 74] (рис. 4.120, *11*).

Резцы - 7 экз. представлены следующими типами: боковые многофасеточные - 2 экз. (рис. 4.119, *23, 24*), двойной на углу сломанной пластины (рис. 4.119, *3*), многофасеточный ретушный (рис. 4.119, *29*), латеральный (рис. 4.119, *28*), срединный ретушный с шиповидным рабочим участком (рис. 4.120, *12*), боковой комбинированный со скошенным скребковым лезвием (рис. 4.119, *21*).

Скребки - 7 экз., среди которых к концевым на пластинах относятся 2 экз. (рис. 4.119, *8, 16*) и 2 концевых скребка с полукруглыми лезвиями на отщепах (рис. 4.120, *5, 6*). Один скребок является площадочным на укороченном отщепе (рис. 4.120, *7*). Большая часть данных изделий - это скребки высокой формы (рис. 4.119, *16*; 4.120, *5-7*).

Скребла - 3 экз. Одно орудие является конвергентным скреблом на отщепе (рис. 4.119, *25*). Другое скребло поперечное прямое на укороченном отщепе с дорсальным утончением основания (рис. 4.120, *16*). Третье скребло выпуклое на плитке (рис. 4.120, *15*).

У одного изделия на пластине с продольным ребром полукрутой дорсальной ретушью оформлено симметричное острие, со стороны брюшка острие подправлено с боков пологой ретушью, на проксимальном участке спинка утончена нескольким продольными сколами (рис. 4.119, *20*). Очевидно, что данный предмет с оформленными острием и насадом является наконечником стрелы. Полностью идентичный наконечник обнаружен на мезолитическом памятнике Серый Камень в Среднем Зауралье [Сериков, 1997, с 23, рис. 4, *48*]. Не исключено, что эта находка является поздней примесью, наряду с пластинкой с регулярной огранкой, снятой с карандашевидного или торцевого нуклеуса (рис. 4.119, *19*).

В коллекции памятника имеются 2 орудия с шипом на аморфных отщепах, у которых шипы были обработаны двусторонней краевой ретушью (рис. 4.120, *2, 9*). Одно долотовидное орудие было создано двусторонней подтеской дистального края пластинчатого отщепа (рис. 4.120, *8*).

В.А. Куприянов считает памятник кратковременной стоянкой-мастерской по первичной обработке кремня на выходах сырья в виде галечника кремнистых пород. По технико-типологическим характеристикам инвентаря стоянку Пещерных Лог он относит к кругу памятников «уральской верхнепалеолитической культуры» [Куприянов, 2016, с. 26-27]. Мы поддерживаем этот вывод с одним уточнением: особенности первичной

обработки, типологический набор нуклеусов и орудий (концевые скребки, резцы, проколки, резцы, долотовидные орудия), набор приемов вторичной обработки полностью соответствует нашим представлениям о характере «уральской верхнепалеолитической традиции». Коллекция выделяется большей пластинчатостью инвентаря, больше пластин имеют правильную огранку. Во вторичной обработке ретушь более регулярная, скребки обработаны параллельной струйчатой ретушью. Вместе с тем, наряду с верхнепалеолитическими формами присутствуют орудия архаического типа, как например: скребла, резчики, орудия с вентральной обработкой, зубчатые орудия, орудия с площадочными рабочими участками. Возможно, присутствие в коллекции отдельных изделий «мезолитического» облика может говорить о достаточно позднем возрасте стоянки в рамках последнего этапа верхнего палеолита Южного Урала.

Кроме того, Г.Н. Матюшиным были изучены ряд верхнепалеолитических памятников с единичными находками: стоянки Сюнь I и Сюнь II, стоянки в пещерах Козырбаковская и Сабакай III [Матюшин, 1976, с. 75-76, 84-85, 90, 93]. Два памятника, стоянки Сюнь I (Холодный Ключ) и Сюнь II, являются во многом показательными для понимания истоков мезолитической культуры в Южном Приуралье.

Стоянка Сюнь I (Холодный Ключ) расположена на правом берегу р. Сюнь на высокой 10-метровой террасе, в 0,5 км южнее устья р. Шерашлонки в 5 км к северу от пос. Бакалы Бакалинского района Башкортостана (рис. 4.1). Стоянка была открыта А.В. Коноваловым, исследовалась в 1965, 1967 гг. Г.Н. Матюшиным, на которой было вскрыто 20 м^2 [Матюшин, 1967-А; Матюшин, 1976, с. 84-85].

Было установлено, что культурный слой залегает под 3 горизонтами погребенной почвы. Перекрывающий культурные отложения горизонт имеет возраст 9650 ± 50 (БашГИ-77) и 9620 ± 50 (БашГИ-76). Калибровка этих дат дало среднее значение 11 тыс. л.н., то есть - рубеж неоплейстоцена и голоцена

(табл. 7). Под этой погребенной почвой в верхней части суглинка зафиксирован культурный слой, из основания этого суглинка были получены две даты: 17000 ± 100 л.н. (БашГИ-78) (калиброванная дата 20313-20826 л.н. (95.4%)) и 17200 ± 170 л.н. (БашГИ-79) (калиброванная дата 20379-21267 л.н. (95.4%))[29]. По спорово-пыльцевому анализу культурный слой также датировался неоплейстоценом, Дриасом III.

В коллекции стоянки присутствуют конусовидные и карандашевидные нуклеусы (рис. 4.121, *14-16*). Орудия представлены остриями и проколками (рис. 4.121, *1-4*), пластинами с ретушью (рис. 4.121, *5-7*), пластинами с выемками, сделанными ретушью на спинке или брюшке (рис. 4.121, *9, 12, 13, 17*), трапецией ассиметричной (рис. 4.121, *10*). Среди изделий из кости обращает на себя внимание вкладышевое орудие с двумя пазами (рис. 4.122, *1*), а также гарпун односторонний с двумя зубцами (рис. 4.121, *3*).

Г.Н. Матюшин полагал, что инвентарь стоянки Сюнь I имеет полную аналогию с материалами романовско-ильмурзинской культуры [Матюшин, 1976, с. 85]. Вместе с тем, аналогичные вкладышевые орудия были обнаружены на стоянке в гроте Бобылек (рис. 4.98, *3, 9*). Кроме того, геометрические микролиты зафиксированы на соседней территории в усть-камской культуре финального этапа верхнего палеолита [Галимова, 2001, с. 88].

Стоянка Сюнь II располагается в 1,5 км к югу от стоянки Сюнь I на высоком мысу левого берега р. Сюнь к северу от пос. Бакалы Бакалинского района Республики Башкортостан. Памятник однослойный, культурный слой находится на глубине 3-3,6 м в суглинке и перекрыт тремя горизонтами погребенной почвы, в чем эта стратиграфия аналогична соседней стоянке. Суглинки, слагающие вторую надпойменную террасу р. Сюнь по данным геологов, перигляциальные. По данным спорово-пыльцевого анализа В.К.Немкова относит стоянку к эпохе среднего и раннего Дриаса [Матюшин,

[29] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

1976, с. 85, 133]. В культурном слое были обнаружены многочисленные изделия из кремня и яшмы, а также изделия из кости. Индустрия последовательно пластинчатая, нуклеусы конусовидные и подпризматические (рис. 4.123, *34, 38, 39, 43, 44*). Орудийный набор состоит из: резцов боковых, двойных, двухгранных (рис 4.123, *1-21, 42*), скребков полукруглых, скошенных (рис. 4.123, *30-37, 40, 41*), острия на пластине (рис. 4.123, *25*), пластины с ретушью (рис. 4.123, *22, 28, 29*), зубчато-выемчатых орудий на пластинах (рис. 4.123, *26, 27*). Яркой находкой является игловидный двухпазовый наконечник стрелы, который Г.Н. Матюшин считает ножом (рис. 4.122, *2*) [Матюшин, 1976, с. 85]. Последний идентичен двухпазовому наконечнику стрелы из пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Котов, 2009, рис. 8, *23*] (рис. 4.65, *36*) и некоторым наконечникам из Камня Дыроватого [Калинина, 2007, рис. 7, *4*; 8, *3, 5*; Сериков, 2000, рис. 123, 5]. Изделия из камня находят аналогии на мезолитических памятниках романовско-ильмурзинской культуры [Матюшин, 1976, с. 84-85].

Материалы данных памятников показывают многие черты сходства палеолитической индустрии с мезолитическими памятниками Южного Приуралья и Зауралья. На этом основании можно с полным правом утверждать, что сложение мезолитических культур в нашем регионе происходило на основе местного верхнего палеолита. Об этом свидетельствует наличие общей основы: единая технология подготовки и расщепления нуклеусов для получения пластинчатых и микропластинчатых заготовок. В частности, мезолитические нуклеусы в начальной стадии имеют подпризматическую или конусовидную форму, поверхность скалывания подправляется боковыми сколами. Нуклеусы подпризматической формы для получения пластинок известны на стоянках Сергеевка-1 и в пещере Байсланташ зафиксированы нуклеусы карандашевидной формы.

Преемственность наблюдается и в типологическом наборе мезолитических памятников: продолжают широко использоваться концевые скребки, ретушированные пластины и пластинки, резцы, острия, проколки,

долотовидные орудия, клювовидные формы, косоусеченные пластины, пластины с притупленным краем, треугольные и трапециевидные микролиты, вкладышевые костяные оправы ножей, костяные гарпуны и вкладышевые наконечники стрел игловидной формы из кости [Петрин, Смирнов, 1977, с. 75-85; Матюшин, 1976, с. 194; Мосин, 2000, с. 52; Котов, 2009б, с. 55]. В Южном Зауралье распространилась янгельская культура, во многом сходная по структуре индустрии с романовско-ильмурзинской культурой, но отличительной чертой которой было заметное присутствие геометрических микролитов: трапеций и треугольников [Матюшин, 1976]. Наличие трапеций и треугольников на стоянках Сергеевка-1, Байсланташ, Сюнь I, Шикаевка II свидетельствует о присутствии этого компонента в индустрии верхнего палеолита Южного Урала с появления постоянного населения во время последнего оледенения.

Хотя на рубеже плейстоцена и голоцена вымерли многие животные «мамонтовой фауны» (мамонт, бизон, носорог), в лесной и лесо-степной зоне Южного Урала сохранились лось, медведь, северный олень, благородный олень и многие другие животные, на которых человек продолжал охотиться. В степной зоне остались стада диких лошадей и быков, поэтому здесь хозяйство охотников после отступления ледника не претерпело серьезных изменений [Котов, 2009б, с. 55]. Очевидно, высокая подвижность населения, индивидуализация охоты и проистекающая из этого необходимость массового перехода на вкладышевые орудия, как более экономные в смысле сырья, явилось стимулом к повсеместному переходу к мелкопластинчатой индустрии в эпоху раннего голоцена [Котов, 1996; Гиря, 1997, с. 149; Лисицын, 2000, с. 124].

Исходя из нашего анализа коллекций основных памятников последнего оледенения на территории Южного Урала, мы можем сделать следующие выводы. Расщепление базировалось на местном галечном сырье, в основном кремне и яшме. Также в качестве сырья могли использоваться другие породы

камня и минералы: лидид, кварцит, кварцито-песчаник, известняк, кальцит, хрусталь, окремненный сланец, тальк и пр.

Для большинства памятников 1-й и 2-й групп характерен сходный набор технических приемов обработки нуклеусов, в котором присутствуют монофронтальное одноплощадочное и многофронтальное и многоплощадочное скалывание (параллельно встречное, перекрестное, ортогональное, радиальное), можно встретить на ряде уральских памятников - стоянках Сергеевка-1, Байсланташ, Игнатиевская, Талицкого, Троицкая 1 и Пещерный Лог. Стратегия расщепления - пластинчато-отщеповая. Уже во второй половине 1-го периода на примере стоянки в пещере Байсланташ видно усиление пластинчатости и увеличение количества микропластинок и разнообразных вкладышевых изделий. Вкладышевые изделия и орудия (пластинки с притупленной спинкой, геометрические микролиты) были обнаружены на многих памятниках (Сергеевка-1, Байсланташ, Кульюрт-Тамак-1, Шульган-Таш (Каповая), Игнатиевская, Пещерный Лог). Между тем, самое раннее свидетельство наличия вкладышевых орудий зафиксировано на стоянке Лабазы-1.

Чрезвычайно широко на многих стоянках применялся прием фрагментации заготовок обломами или резцовым рассечением вдоль или поперек оси снятия. В этой связи следует рассматривать и серийно представленный в коллекциях прием усечения ретушью пластин.

Для памятников обеих периодов характерно сочетание сходных типов орудий. Например, скребковые орудия представлены следующими формами: концевые скребки высокой формы, скребки угловые, скребки с шипом, боковые скребки, округлые скребки, двойные скребки, скребки-резцы, и наряду с ними, скребла простые или двойные, есть овальное скребло (лимас). Широко использовалась техника резцового скола для изготовления резцов - чаще встречаются на углу сломанной пластины, серийно представлены ретушные, есть многофасеточные, срединные, клювовидные формы. Одной из особенностей вторичной обработки является выделение ретушью, подтеской и

выемками шиповидных и клювовидных выступов на пластинчатых и отщеповых заготовках. Часто шиповидные выступы оформлялись на углу заготовок. В связи с этим можно говорить о наличии зубчато-выемчатых орудий и зубчатых орудий (Сергеевка-1, Кульюрт-Тамак-1, Байсланташ, грот Бобылек, Игнатиевская, Заповедная, Ильмурзино, Пещерный Лог). На большинстве памятников встречается прием вентральной обработки, а также чередующейся ретуши. Подтеской обрабатывались рабочие лезвия долотовидных орудий, причем одним из маркеров этой традиции являлись орудия четырехугольной формы на сегментах пластин и отщепов (Сергеевка-1, Байсланташ, Кульюрт-Тамак-1, Игнатиевская).

Одной из важнейших отличительных черт Южно-Уральской индустрии является использование в качестве сырья известняка и кальцита. Это было свойственно в большинстве своем пещерным памятникам (Шульган-Таш, Игнатиевская, Байсланташ, Балатукай, Мурадымовская 2, Заповедная, Бобылек, Идрисовская и др.). Технико-типологический анализ огромной коллекции изделий из «пещерного» камня в Шульган-Таше показал, что в основе этой практики лежит культовая деятельность, основанная на сакрализации обкалывания стен пещеры, глыб и кусков камня, которая совершалась, в том числе, и в связи с настенными изображениями и окрашиванием охрой [Котов, 2016а, с. 49]. Навыки и привычка использования для изготовления орудий известняка и кальцита, которые могли получать местные жители еще в детстве в ходе обрядов посвящения в пещерах, в дальнейшем они использовали в условиях дифицита другого более качественного сырья для изготовления орудий.

Еще одной важной особенностью этой индустрии - широкое употребление для изготовления крупных скребловидных и рубящих орудий галек из кварцита и кварцито-песчаника. Наряду со скреблами, использовались рубящие орудия в виде грубо оббитых несколькими сколами галек - чопперы и чоппинги (Сергеевка-1, Усть-Акаваз, Байсланташ, Шульган-Таш (Каповая)).

Для первичной и вторичной обработки этих орудий стали изготавливаться специализированные орудия: отбойники на крупных гальках, молоты-отбойники с оформленными рукоятками на продолговатых гальках из кварцита и кварцито-песчаника, посредники из продолговатых галек из кварцито-песчаника или окремненного сланца (Сергеевка-1, Усть-Акаваз, Шульган-Таш, Пещерный Лог).

На ряде памятников, где присутствует хорошая сохранность костей животных, были зафиксированы разнообразные изделия из кости, рога и бивня. Приемы обработки кости во многом продолжают традиции, присутствующие у населения Южного Урала в конце среднего палеолита и на раннем этапе верхнего палеолита: раскалывание костей, расщепление ребер, скалывание костяных отщепов, ретушная обивка, скобление, абразивная обработка, резка, пиление. Наряду с архаическими формами костяных орудий типа острий, ретушированных отщепов, скребел и ножей, появились чисто верхнепалеолитические формы - костяные иголки со сквозным ушком, прорезанным или просверленным, острия-проколки, игловидные наконечники, в том числе с пазами, рукоятки для составных орудий, основы вкладышевых инструментов с пазами. Среди последних встречаются изделия, украшенные гравировкой (Шульган-Таш, Бобылек). Оригинальными являются нашивки из тонких пластинок кости и бивня мамонта с центральным отверстием (Игнатиевская, Байсланташ, Шульган-Таш, Бобылек).

Уникальным является кость с просверленным отверстием со стоянки Троицкая 1. Среди изделий экстраутилитарного назначения представлены подвески из просверленных зубов животных (Шульган-Таш, Игнатиевская). Такими же оригинальными украшениями являются подвески-нашивки из просверленных галек из мягкого камня (Сергеевка-1, Шульган-Таш). Они имеют прямую аналогию с памятником раннего этапа верхнего палеолита - стоянке в пещере Смеловская 2 (второй культурный слой). Уникальными находками являются бусины из серпентинита бочонковидной формы,

обнаруженные в пещере Шульган-Таш (Каповой). Также яркой особенностью Южно-Уральской духовной традиции следует считать использование в изобразительной практике естественных форм кости и камня, подвергнутых минимальной обработке (Сергеевка-1, Неолитовая, Байсланташ, Троицкая 1, Шульган-Таш (Каповая)). Она также имеет прямую аналогию на раннем этапе верхнего палеолита (Лабазы I).

Несомненно, то, что присутствует общность памятников последнего этапа верхнего палеолита между собой, а также по отдельным характеристикам с памятниками раннего этапа на территории Южного Урала. Для понимания общего и особенного в индустрии верхнего палеолита Южно-Уральского региона необходимо сравнить ее с памятниками на соседних территориях Уральского региона.

4.3. Памятники верхнего палеолита Южного Урала и их место в палеолите Урала

Всего на Южном Урале было выявлено более полусотни памятников, относящихся к эпохе верхнего палеолита. Ранний этап верхнего палеолита представлен 5 памятниками (рис. 4.1). Только одна стоянка является пещерной, остальные - это стоянки открытого типа. Большая часть из них являются пунктами кратковременных остановок с небольшими коллекциями каменных и костяных изделий. Кроме того, каждый памятник был своеобразен по своему функциональному назначению: кратковременная стоянка охотников и культовое место (?) - пещера Смеловская 2, места сбора костей мамонта и других животных - стоянки Табулдинская и Горново, кратковременный лагерь посетителей пещерного святилища Шульган-Таш (Каповая) - Шульганово-4, базовое поселение - стоянка Лабазы 1. В этот период широкое распространение получила обработка кости, причем в этой сфере сохраняются технологии среднего палеолита. Для каменной индустрии также характерно сочетание

форм изделий среднего палеолита и верхнепалеолитического облика. Вместе с тем, на стоянке Лабазы 1 преобладает пластинчатая индустрия, а также есть изделия из кости с пазами для составных орудий. Технико-типологические характеристики каменных и костяных изделий этой стоянки не противоречат нашим представлениям о памятниках уральской верхнепалеолитической традиции. Об этом же может свидетельствовать и наличие общей для уральского населения изобразительной практики на основе использования естественных форм камня и кости.

Памятники среднего этапа позднего палеолита в промежутке от 25 до 23 тыс. л.н. пока не выявлены. В то время, как, стоянки позднего этапа верхнего палеолита возрастом от 22 до 11 тыс. л.н. наиболее многочисленные - более 30 стоянок и местонахождений (рис. 4.1). Из них 17 объектов являются пещерными памятниками, причем 6 - это пещерные святилища (пещеры Шульган-Таш (Каповая), Жемчужная, Мурадымовская-2, Заповедная, Игнатиевская, грот Максютовский). Остальные пещерные памятники являются кратковременными охотничьими стоянками с небольшим количеством находок. Здесь мы не учитываем пещерные памятники, в которых были обнаружены лишь следы кратковременного посещения (угольки, расколотые кости животных, единичные изделия). Остальные объекты - это стоянки открытого типа. Некоторые памятники были обнаружены в Южном Приуралье (стоянки Сюнь 1 и 2, Ильмурзино), другие на западном склоне Южного Урала (стоянки Сергеевка-1, Усть-Акаваз, Шульганово-4), остальные в Южном Зауралье (стоянки Троицкая-1, Пещерный Лог, местонахождение Малый Липовый 14). Технико-морфологический анализ коллекций демонстрирует определенное единство этих памятников между собой. Для того, чтобы понять природу этого единства Южно-Уральских памятников следует обратиться к истории изучения куьтурных процессов на Урале в эпоху верхнего палеолита.

К 1980-м годам относятся первые попытки обобщения накопленного к тому времени еще немногочисленного материала верхнепалеолитических

памятников Уральского региона. Первое обобщение материалов верхнего палеолита Урала было предпринято в диссертационной работе Т.И. Щербаковой [Щербакова, 1986, с. 15-16]. В то время наиболее крупная коллекция эпохи верхнего палеолита была представлена материалами стоянки Островской им. М.В. Талицкого.

Стоянка Островская имени М.В. Талицкого расположена на уровне первой надпойменной террасы на правом берегу р. Чусовой, в ее нижнем течении (рис. 4.124). Исследовалась с 1938 по 1952 гг. М.В. Талицким, М.П. Грязновым, В.И. Громовым, А.А. Иессеном, О.Н. Бадером. Вскрыто раскопками около 500 м^2 площади. Изучение стратиграфии показало, что культурные отложения сформировались за один сезон и памятник является сезонной охотничьей стоянкой. Здесь были расчищены 7 округлых очагов, слегка углубленных в землю и обнаружено около 5 тысяч каменных изделий. Фаунистические остатки указывают на преобладание в охотничьей добыче северного оленя. Также обитатели стоянки охотились на мамонта, шерстистого носорога, лошадь, песца и зайца. Получена радиоуглеродная некалиброванная дата по углю 18700 ± 200 л.н. (ИГАН-1907) [Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 99]. Калиброванная дата - 22282-23005 л.н. (95.4%)[30].

Т.И. Щербакова считает, что первичное расщепление на стоянке основывалась на принципах параллельного снятия, основанного на применении призматического, торцевого и уплощающего способов раскалывания нуклеусов, направленные в основном на получение пластин средних размеров, причем микропластинчатая техника не имела широкого распространения [Щербакова, 1986, с. 7, 15]. К этому следует добавить, что в коллекции есть три нуклеуса радиального скалывания, один из которых Т.И. Щербакова ошибочно отнесла к долотовидным орудиям (рис. 4.125, *16*), а два других - к скреблам (рис. 4.126, *1, 2*) [Щербакова, 1986-А, рис. 26, *16*; 34, *1, 2*]. Также широко использовались нуклеусы параллельно-встречного и

[30] Калибровка дат осуществлялась автором в программе OxCal.

ортогонального характера снятий (рис. 4.125, *19, 20, 23, 25*) [Щербакова, 1986-А, рис. 13, *2*; 16, *1-2; 17, 5*; Григорьев Г.П., 2001, табл. 1, *1, 2*; Голдина, 1999, рис. 10, *1*]. Вызывает сомнения утверждение о незначительном характере производства микропластинок, что опровергается большим количеством небольших нуклеусов с негативами микропластинчатых снятий и самих микропластинок (рис. 4.125, *19*) [Щербакова, 1986-А, рис. 13, *2-5*; 16, *3-5*; 17, *1-3, 5-7*; 19, *1-3*]. Отщепы составляют 38% всех сколов [Щербакова, 1986-А, с. 7].

Т.И. Щербакова пишет, что для оформления орудий характерно использование чешуйчатой подтески концов и оформление выступов. В инвентаре представлены единичными экземплярами острия, распространены укороченные скребки на отщепах и скребки на пластинах, пластинки с притупленной спинкой, долотовидные орудия подчетырехугольных очертаний (рис. 4.125, *2, 3, 6-11, 13, 15*). Хотя Т.И. Щербакова не зафиксировала резцы в коллекции памятника, автором были обнаружены резцы ретушные и на углу сломанной пластины. Разноообразные резцы была выявлены в коллекции стоянки им. Талицкого М.Ш. Галимовой [Галимова, 2001, с. 85]. Архаичные изделия представлены простыми скреблами на отщепах, чоппингами и крупными унифасами, а точнее крупными скреблами с радиальной огранкой дорсала, имеющие зубчатое лезвие (рис. 4.126) [Щербакова, 1986-А, с. 16; Голдина, 1999, рис. 10, *4*].

Между тем, типология скребков более разнообразна. В коллекции присутствуют скребки стрельчатые, концевые скошенные, с шипом, прямые, двойные (рис. 4.125, *4-7, 9, 10, 13*). Специфической формой является группа двойных скребков небольшого размера с двумя шипами (рис. 4.125, *6*). В коллекции представлена большая серия клювовидных форм, орудий с шипом (рис. 4.125, *11*), усеченных пластин, острий и проколок (рис. 4.125, *1, 8*). Имеются изделия из кости, в частности, кость с нарезками, игла и костяная основа с вкладышами из пластинок с притупленной спинкой (рис. 4.125, *17, 22,*

26) [Щербакова, 1986-А]. Весьма интересной особенностью памятника является наличие плиток с полосами охры [Синицын, 1997], которые находят аналогии в пещере Шульган-Таш (Каповой) [Пещерное святилище…, 2019, с. 179]. Еще один памятник все исследователи считают аналогом стоянки Талицкого - это грот Столбовой в Прикамье.

Грот Столбовой расположен на р. Усьва правом притоке р. Камы, в 4-5 км вниз по течению от пос. Усьва Пермского края, на высоте 120 м над уровнем реки (рис. 4.124). Вход имеет ширину 15 м, ориентирован на север. В 1965, 1967, 1968 гг. О.Н. Бадером было вскрыто 54 м^2, культурный слой залегал на глубине 1,45-1,7 м в желтой глине [Бадер, 1969-А]. Культурные отложения представлены 200 экз. каменных изделий и более 3 тыс. костей животных. По костям И.Е. Кузьминой определены следующие виды: заяц, северный олень, лемминг, лошадь, песец, сайга, носорог, бизон, птицы [Кузьмина, 1975]. Инвентарь характеризуется в основном нуклевидными формами и сколами. Нуклеусы конические, призматические уплощенные и торцевые – они самые многочисленные - 7 экз. (рис. 4.127, *1, 6, 8, 12, 13*). Один нуклеус - ортогональный (рис. 4.127, *14*). Ведущим типом скола являлись пластины и пластинки шириной 0,9-1,5 см (рис. 4.127, *4, 5, 7*).

По мнению Т.И. Щербаковой техника первичного расщепления находит аналогии на стоянке им. М.В. Талицкого. Сходство дополняется одинаковым характером сырья, а также в мелком размере большинства изделий в сочетании с отдельными крупными предметами, а также близостью видового состава фауны [Щербакова, 1986, с. 9; 2001, с. 159]. Стоянка была временной, но пребывание сопровождалось первичной обработкой камня, причем большая часть пластин и изделий, очевидно, была унесена из грота. Возраст памятника определен по кости - 22890 ± 200 л.н. (ЛЕ-2773) [Щербакова, 2001]. Калиброванная дата укладывается в интервал 26891-27671 л.н. (89.0%)[31]. Таким

[31] Калибровка даты осуществлялась автором в программе OxCal.

образом, возраст стоянки в гроте Столбовой на 5 тыс. лет древнее стоянки Талицкого и он относит стоянку к концу вюрмского потепления MIS 3.

В этой же работе Т.И.Щербакова подробно рассмотрела в сравнении со стоянкой Талицкого материалы из грота Близнецова.

Грот Близнецова находится на р. Косьве, левого притока р. Камы (рис. 4.124). Памятник выявлен Е.П. Близнецовым. Раскопки производились в 1967 г. О.Н.Бадером. Было получено 300 экз. каменных изделий и около 3 тыс. костей. Большая часть остатков фауны, по определению И.Е. Кузьминой, принадлежит мамонту, также в незначительном количестве представлены кости северного оленя, лошади, зайца, песца, носорога, сайги, овцебыка, лося, бизона. По кости была получена некалиброванная дата 28540 ± 300 л.н. (ЛЕ-2766)[32], что в совокупности с присутствием животных умеренного климата, лося и овцебыка, характеризует эти отложения как относящиеся к средневюрмскому времени (ленинградскому/табулдинскому горизонту - MIS 3) [Щербакова, 2001, с. 162]. Следовательно, по фауне и по возрасту, он должен быть значительно старше стоянки им. Талицкого. Различия дополняются использованием другого сырья - мелового кремня. Первичное расщепление представлено торцевыми, клиновидными, призматическими и радиальными нуклеусами (рис. 4.128, *6-11*). Среди нуклеусов имеются уплощенные формы (рис. 4.128, *7, 10*). Присутствуют пластины и отщепы. Много отщепов с радиальной огранкой (рис. 4.128, *2*), что дополнительно свидетельствует в пользу наличия нуклеусов радиального скалывания. Среди орудий выделяются орудие с шипом, вентральный скребок, скребки высокой формы на обломке и на массивном сколе (рис. 4.128, *2, 3, 5*). По этим признакам Т.И.Щербакова относит индустрию грота Близнецова к иной традиции и сближает ее с индустрией стоянок раннего этапа верхнего палеолита: Бызовой, Заозерье, Горново и Грота у Каменного Кольца [Щербакова, 2001, с. 164]. Этот вывод явно основан на

[32] Калиброванная дата - 31868-33714 л.н. (95.4%). Калибровка даты осуществлялась автором в программе OxCal.

абсолютизации выделения отдельных «специфических изделий», которые имели характер «диагностических форм», принадлежащих определенной эпохе или стадии палеолита [Щербакова, 2001, с. 164]. Согласно такому подходу нуклеусы радиального раскалывания и скребки высокой формы должны были относиться к раннему этапу верхнего палеолита. Между тем, весь набор нуклеусов имеет полную аналогию как на стоянке Талицкого, так и на стоянках Троицкая 1 и Сергеевка-1. Точно также не противоречат этому сближению и состав орудий. На стоянке Талицкого есть скребки высокой формы [Щербакова, 1986-А, рис. 21, *5, 7, 8, 10, 11*], а также с ретушью на вентрале [Григорьев Г.П., 2001, табл. 1, *4, 7*]. Орудия же с шипом являются, чуть ли не визитной карточкой памятников близких стоянке Талицкого. Кроме того, все эти формы присутствуют в коллекциях Южно-Уральских стоянок Сергеевка-1, Игнатиевская, Байсланташ и др. Поэтому на памятнике нет ничего в индустрии, что противоречило бы отнесению грота Близнецова к кругу памятников этой традиции. Остаются, правда, два момента, которые отличают грот Близнецова от стоянки Талицкого - это охотничье предпочтение мамонта остальным животным и памятник древнее на 10 тыс. лет.

В русле нашего рассмотрения большое значение имеют материалы стоянки Ширкованово II.

Стоянка Ширкованово II расположена в устье р. Иньва на правом берегу Камского водохранилища вблизи д. Ширкованово (Ильинский район Пермского края) (рис. 4.124). Памятник был открыт и обследовался с 1990 по 2000 гг. Э.Ю. Макаровым, в 2006 г. изучался П.Ю. Павловым [Макаров, Павлов, 2007]. Стратиграфическое положение культурных отложений стоянки Ширкованово II имеет сходство со стоянками Талицкого и Ганичата II, что предположительно указывает на их сходный возраст [Макаров, Павлов, 2007, с. 8-9]. На стоянке Ширкованово II были собраны кости неоплейстоценовых животных: лошади (абсолютно преобладает), мамонта, носорога, северного оленя. Коллекция каменных изделий составила около 5 тыс. экз., среди них

около 700 орудий. Каменное сырье представлено разнообразными породами аллювиального галечника местного происхождения. Интересно, что для этой стоянки характерно подавляющее использование уплощенных форм нуклеусов с одной или двумя сильно скошенными площадками. Об этом свидетельствуют многочисленные заготовки с негативами параллельно-встречных снятий [Макаров, Павлов, 2007, рис. 3, *4, 5*; 4, *3, 4, 9, 25, 26, 28; 6, 19, 21, 27; 7, 4, 18*]. Чрезвычайно важно, что, по мнению П.Ю. Павлова, «характерными для данной индустрии являются также нуклеусы с двумя поверхностями расщепления, расположенными перпендикулярно», то есть *ортогональные* нуклеусы, и только в небольшом количестве встречены торцовые и плоские ядрища [Макаров, Павлов, 2007, с. 9]. Вместе с тем, по рисункам видно, что большой процент отщепов имеет радиальную или бессистемную огранку [Макаров, Павлов, 2007, рис. 3, *2, 3, 5, 8, 9, 10, 11, 16*; 4, *14*; 5, *2, 3, 5, 6, 8, 11, 12, 16*; 6, *4; 7, 1, 3, 12, 16; 8, 9*]. Это говорит о том, что на памятнике были широко представлены нуклеусы радиального снятия заготовок.

Среди орудий преобладают скребки высокой формы, укороченные, с ретушированными краями, а также округлой формы с ретушью по всему периметру. Большой серией представлены разнообразные резцы. П.Ю. Павлов особо выделяет «орудия с носиком верхнекамского типа». Долотовидные орудия типологически однородны и сопоставимы с подобными изделиями со стоянки им. Талицкого. Другие орудия отнесены к остриям и проколкам, ножам. Перечисленные выше характеристики, а также наличие поперечных и продольных скребел, зубчато-выемчатых орудий и скребел, чопперов и чоппингов подтверждает вывод П.Ю. Павлова о том, что «стоянка Ширококово II по технико-морфологическим и типологическим характеристикам каменного инвентаря является полной аналогией стоянки Талицкого» [Макаров, Павлов, 2007, с. 12]. Единственным отличием является наличие большого количества резцов в материалах стоянки Ширококово II [Макаров, Павлов, 2007, с. 13]. Следует также отметить и такую немаловажную деталь, как присутствие

приема вентральной обработки орудий [Макаров, Павлов, 2007, рис. 3, *19*; 4, *18, 19*; 5, *2, 6, 5, 6, 22, 26, 27; 7, 12, 18*; 8, *1, 7, 8*], что можно считать архаическим признаком для индустрии конца верхнего палеолита.

На стоянке было найдено изделие, которое занимает промежуточное положение между «фигурными кремнями» и «галечными скульптурами» [Сериков, 2014. Фото 7, *1*]. Оно представляет собой объемную двустороннюю скульптуру мамонта, изготовленную из плоского куска кремня. У нее обивкой и ретушью были сформированы на обеих сторонах тело с выпуклой в виде арки спиной, ноги выделены продольными желобками, шишковидная голова с хоботом отделена от спины глубокой выемкой [Котов, 2020, с. 15].

Нельзя пройти мимо еще одного интересного памятника, который находится за пределами Южного Урала, но материалы которого имеют большое значение для понимания культурных процессов в регионе – это стоянка Шикаевка II.

Стоянка Шикаевка II расположена на правобережье р. Тобол в 100 м восточнее оз. Слободчиково на территории д. Шикаевка на севере Курганской области (рис. 4.1). Памятник был зафиксирован Т.М. Потемкиной в 1970 г. и исследовался с 1971 по 1973 гг. В.Т. Петриным. Было установлено, что кости концентрируются двумя местонахождениями в 100 м друг от друга, причем удалось исследовать на площади 741 м^2 местонахождение 2, которое и получило название Шикаевка II [Петрин, Смирнов, 1975; Петрин, Цейтлин, 1976]. Кости двух мамонтов (224 экз.) в скоплении 2 залегали компактно на площади 30 м^2, причем они не были расколоты, многие лежали в анатомическом порядке. Кости других животных немногочисленны (29 экз.) и принадлежали волку, сайге, зайцу, желтой пеструшке и степной пеструшке [Петрин, Цейтлин, 1976, с. 106].

Костеносный горизонт приурочен к слою палево-серой супеси с прослойками серого песка толщиной 1-2 см мощностью 0,5 м на глубине 2 м от поверхности. Культурный слой, по мнению исследователя, залегает в

покровных отложениях второй надпойменной (?) террасы р. Тобол, под двумя горизонтами почвообразования, выше которых в слое песчанистого суглинка присутствуют морозобойные трещины. Данная ситуация характерна для сартанского времени, для которого свойственно присутствие двух интерстадиалов перед усилением похолодания от 13 до 11 тыс. л.н. Отсюда В.Т. Петрин и С.М. Цейтлин пришли к выводу о том, что возраст культурного слоя близок к 13 тыс. л.н. [Петрин, Цейтлин, 1976, с. 108]. Между тем была получена по кости некалиброванная дата 18050 ± 95 л.н. (СОАН - 2211) [Троицкая, Новиков, 2004, с. 13]. Калиброванный возраст составляет 21700-22264 л.н. (93.6%)[33].

Было обнаружено 311 костей животных и 35 изделий из Южно-Уральской красно-зеленой ямшы. За исключением трех обломков и одного резцового скола, все остальные изделия - это пластины с регулярной огранкой средней шириной 1,5 см. Большая часть из них, судя по крупной пластине с ретушированной выемкой, имели изогнутый профиль (рис. 4.129, *11*), возможно, поэтому все они были фрагментированы. Среди них базальных частей - 7 экз., медиальных - 12 экз., дистальных - 7 экз. Базальные фрагменты с сохранившимися точечными ударными площадками имеют следы удаления карниза мелкими сколами (рис. 4.129, *2, 10, 14, 16-19*). Предположительно, пластины были сняты с помощью посредника из рога или кости.

Все изделия были найдены среди костей, и они имеют характерную залощенность от использования в работе. Выделены следующие типы изделий: пластины с выемками - 3 экз. (рис. 4.129, *11, 12, 26*); две косоусеченных ретушью пластины (рис. 4.129, *2, 23*), резец (?) боковой на углу сломанной пластины (рис. 4.129, 27), фрагмент пластины с противолежащей ретушью (рис. 4.129, 10), фрагмент пластинки с ретушью (рис. 4.129, *9*), резчик (?) ретушный на углу сломанной пластины (рис. 4.129, *13*). Особый интерес представляют 8

[33] Калибровка даты осуществлялась автором в программе OxCal

геометрических микролитов, из них два треугольника (рис. 4.129, *3, 4*) и пять ассиметричных трапеций на сегментах пластин, у которых один край с режущей кромкой остался неретушированным (рис. 4.129, *1, 3-8*).

Местонахождение интерпретируется В.Т. Петриным как место разделки туш мамонтов убитых или погибших от естественных причин на берегу озера [Петрин, Цейтлин, 1976, с. 106]. Значительная перемешанность костей мамонта, а также присутствие костей других животных, свидетельствуют в пользу предположения о том, что это могла быть кратковременная охотничья стоянка [Абрамова, 1984, с. 310].

По поводу культурной принадлежности памятника многое может сказать материал - красно-зеленая яшма, месторождения которой известны в Южном Зауралье. Находит аналогии на ряде памятников Южного Урала и геометрические изделия, как например: были найдены ассиметричные трапеции и треугольники на стоянке Сергеевка-1 (рис. 4.43, *2-5*; 4.44, *9-13*), а также на стоянке Байсланташ (Акбутинская) (рис. 4.57, *2-8, 11, 28*) и Сюнь I [Матюшин, 1976, с. 84-85]. Микролиты треугольной формы и ассиметричные трапеции присутствуют в усть-камской культуре [Галимова, 2001, с. 88]

Большинство исследователей поддерживает мнение Г.Н. Матюшина, что само наличие геометрических изделий в коллекции стоянки Шикаевка II, с одной стороны, может указывать на генетическую связь этой индустрии с материалами Южного Прикаспия, а с другой - данная традиция является исходной для мезолита Южного Зауралья [Матюшин, 1976, с. 161, 283; Абрамова, 1984, с. 310].

4.4. Верхний палеолит Урала в коцепциях российских ученых

Долгое время суждение археологов о палеолите Урала основывались на оценке материалов единственного памятника верхнего палеолита - стоянке Островская им. М.В. Талицкого. Исследователи памятника, М.В. Талицкий и

О.Н. Бадер, указывая на наличие крупных орудий и грубость их обработки, считали индустрию стоянки, принадлежащей сибирскому палеолиту [Ефименко, 1953, с. 563; Бадер, 1960, с. 92]. Вместе с тем, П.П. Ефименко отмечал сходство двойных укороченных скребков трапециевидных и округлых форм с такими же орудиями на стоянках Гонцы и Боршево II [Ефименко, 1953, с. 563]. В обобщающей коллективной монографии «Палеолит СССР» А.Н. Рогачев и М.В. Аникович считали, что культура стоянки Талицкого сложилась и развивалась на основе традиции костенковско-городцовской культуры, о чем, по их мнению, свидетельствует характер орнаментации ребра мамонта со стоянки Талицкого [Рогачев, Аникович, 1984, с. 186].

К середине 1980-х годов относятся первые обобщения накопленного к тому времени данных по палеолиту Уральского региона в диссертационных работах Т.И. Щербаковой (1986) и П.Ю. Павлова (1988) [Щербакова, 1986; Павлов, 1988].

В верхнем палеолите Урала Т.И. Щербакова выделила две группы памятников, относящихся к разным типам индустрий. К первой, более древней и, существовавшей во время молого-шекснинского интерстадиала (MIS 3), она отнесла стоянку Бызовая (верхний культурный слой), Заозерье, грот Близнецова, стоянку Горново, Гроты у Каменного Кольца. Индустрии памятников этой группы имеют ряд архаических черт, имеющие определенное сходство по некоторым характеристикам среди индустрии памятников среднего палеолита: стоянками Мысовая (Урта-Тубе), Богдановка и Пещерный Лог. В частности, были выделены следующие общие черты: сходное сырье, более крупные и размеры изделий, наличие радиальных нуклеусов, бифасиальных изделий, орудий с шипом и скребков высокой формы [Щербакова, 1997, с. 19; 2001, с. 165]. По технико-типологическим характеристикам эта группа «…может быть соотнесена с более ранними палеолитическими памятниками Урала - Богдановкой и Урта-Тубе» [Щербакова, 2001, с. 167].

Вторая линия характеризуется памятниками близкими по индустрии стоянке им. М.В. Талицкого, куда входят грот Столбовой, Медвежья пещера, Ганичата III, Драчево [Щербакова, 1997, с. 19; 2001, с. 167]. Т.И. Щербакова допускает соотнесение этих двух групп между собой на основании сходства определенных категорий изделий: «В частности, трудно объяснимо сейчас удивительное сходство единичных изделий, происходящих со стоянки Талицкого и Заозерья: это фрагменты скребловидных орудий с уплощенным подтеской концом, выполненные на пластинчатых заготовках…» [Щербакова, 2001, с. 167]. Таким образом, Т.И. Щербакова выдвинула осторожное предположение о взаимной связи двух временных групп памятников верхнего палеолита и о формировании ранней группы на основе индустрий среднего палеолита, то есть, ее была высказана мысль об автохтонности верхнего палеолита Урала.

Несколько отличаются от концепции Т.И. Щербаковой взгляды П.Ю. Павлова. Он, первоначально постулировал принципиальное сходство памятников верхнего палеолита, разделив их на две хронологические группы. К первой группе были отнесены памятники, среднего и начала позднего валдая возрастом 30-20 тыс. лет. Во вторую группу вошли стоянки, относящиеся к позднеледниковью, датирующиеся 12-10 тыс. лет.

П.Ю. Павлов памятники первой хронологической группы разделял на два варианта. К первому варианту, который был назван «среднеуральским», отнесены памятники с индустриями, близкими по характеристикам материалам стоянки Талицкого: стоянка Талицкого, V слой грота Большой Глухой, грот Столбовой, местонахождения Ганичата III и Драчево в Прикамье, Медвежья пещера в верховьях р. Печора на Северном Урале. Во второй вариант были включены стоянки Заозерье и Бызовая. При этом грот Близнецова не был присоединен ни к одному из вариантов, и он был выделен в отдельную группу.

Характеризуя «среднеуральский вариант» П.Ю. Павлов выделял следующие черты: призматические, торцовые и, реже, плоские нуклеусы,

использование галечного сырья, наличие крупных орудий типа скребел и чопперов. Орудийный набор представлен следующими типами: скребки концевые на фрагментах пластин и округлые на отщепах, изделия с выемками и шипами, долотовидные орудия, усеченные пластины, скребла, проколки с плечиками, пластинки с притупленным краем, пластины и микропластины, орудия с «носиком верхнекамского типа». Автор концепции тогда только предполагал их связь с памятниками позднеледникового времени [Павлов, 1988, с. 16-17; 1996, с. 124-125]. В первой монографии П.Ю. Павлов к памятникам «среднеуральского варианта» добавил стоянку Гари в Среднем Зауралье [Павлов, 1996, с. 124-126]. Уже через год в следующей обобщающей работе памятники «среднеуральского варианта» им были объединены в «среднеуральскую культуру», существовавшую в период от 17 до 13 тыс. л.н. [Павлов, 1997, с. 72]. В последующем П.Ю. Павлов предложил уже другие временные рамки «среднеуральской верхнепалеолитической культуры» (или группы родственных культур) - от 19 до 12 тыс. л.н., предположив, что она генетически родственна «культурам мальтинского круга верхнего палеолита Северной Азии» [Павлов, 2001, с. 56].

С течением времени Т.И. Щербакова поддержала мнение П.Ю. Павлова и включила в группу типа стоянки Талицкого местонахождения Драчево и Ганичата III [Щербакова, 2001, с. 167]. Так, она считала, что индустрия местонахождения Ганичата III близка по выбору сырья, по технике первичной обработки, а также по наличию некоторых форм скребков, шиповидных изделий, микропластинок с притупленной спинкой [Щербакова, 2001, с. 161]. Мы полностью поддерживаем это мнение.

В последующем П.Ю. Павлов конкретизировал свои представления о верхнем палеолите Урала [Павлов, 2007, 2008, 2012]. Он считал, что памятники начального и раннего этапа верхнего палеолита существенно отличаются от ряда памятников позднего валдая. Последние он объединяет в единую «уральскую культуру», существовавшую от 19 до 9,5 тыс. л.н. «Уральскую

культуру» он разделяет на два периода: позднего верхнего палеолита и финала верхнего палеолита. Первый период, в свою очередь, подразделяется на два этапа: ранний (19 - 16 тыс. лет), куда относятся стоянка Талицкого, Медвежья пещера, Ганичата II, Ширококово II, возможно, Троицкая I; средний (15 - 13 тыс. лет), к которому были отнесены сначала V слой грота Большой Глухой, грот Бобылек, пещеры Кульюрт-Тамак, Байсланташ, Шульган-Таш (Каповая), Игнатиевская [Павлов, 2008, 2015]. Затем из этого списка исчез V слой грота Большой Глухой, и были добавлены стоянки Кумышанская, Гари, Усть-Койвинская пещера, пещеры Котел и ранний комплекс Игнатиевской пещеры, причем верхняя граница периода достигла 12,5 тыс. л.н. [Павлов, 2012, с. 12; 2015, с. 56].

Ранний период, по мнению П.Ю. Павлова, характеризуется следующими чертами: использование галечного сырья, первичная обработка основана на параллельном способе объемного и плоскостного расщепления: нуклеусы призматические, уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием, коническими и торцевыми формами. В качестве заготовок в равной степени присутствуют отщепы и пластины. Во вторичной обработке широко использовались приемы чешуйчатой подтески, резцового скола, оформление шипов и выступов. Орудия характеризуются следующими типами: концевыми скребками, сребками высокой формы, округлыми, укороченными скребками, пластинами с притупленной спинкой, усеченными пластинами, пластинами с ретушью, остриями на пластинах, шиповидными и зубчатыми формами, боковыми, поперечными, угловыми резцами; проколками с плечиками; чопперами и чоппингами; крупными скреблами; двусторонними и односторонними костяными наконечниками [Павлов, 2007, с. 74; 2015, с. 56].

В финальный этап (11-9,5 тыс. лет) им были включены стоянка Горная Талица, Усть-Пожва II-VI, грот Столбовой, Горка, III культурный слой грота Большой Глухой. П.Ю. Павлов указывает на значительное сходство материалов памятников этого этапа с коллекциями памятников предшествующего этапа.

Некоторые отличия заключены в следующем: на финальном этапе больше правильно ограненных пластин и они более длинные, появляются пластинки с притупленной спинкой и обработанными концами, скошенные острия, бесчерешковые наконечники стрел, высокие трапеции, топоры с перехватом [Павлов, 2007, с. 74]. В одной из последних публикаций автор устраняет разрыв в 2 тысячелетия между средним и финальными периодами «уральской культуры»: финальный этап начинается от 12,5 тыс. лет [Павлов, 2012, с. 12]. В число памятников этого этапа им были включены новые памятники: стоянка Пымва Шор I, Рязановский Лог, «поздний комплекс» Игнатиевской пещеры, состоящий из смешанной коллекции подъемного материала [Павлов, 2012, с. 12; 2015, с. 56; Петрин, 1992, с. 117-138].

В эти выводы согласно новым данным следуют внести ряд корректив. Полученные в последние годы новые радиоуглеродные датировки из *верхнего* культурного слоя времени создания и существования святилища с настенными изображениями в пещере Игнатиевской имеют калиброванные даты 16,3 - 17,4 тыс. л.н., а дата в 10 тыс. лет является некорректной [Дублянский и др., 2021, с. 15]. Исходя из этого, верхний культурный слой с культурными горизонтами посещения в пещере Иганитиевская должен относиться к раннему этапу «уральской культуры». В пещере Шульган-Таш (Каповая) культурные слои времени существования святилища с наскальными рисунками в калиброванных значениях датируются в интервале от 19,6 до 16,5 тыс. л.н. [Dublyansky et al., 2018]. Эти новые данные дают основание относить время появления *декорированных* святилищ на Южном Урале к раннему этапу «уральской культуры».

Следует обратить внимание на то, что П.Ю. Павлов указывает на сходство памятников «уральской культуры» со стоянкой Постников овраг в г. Самаре, со стоянкой Черноозерье II на Иртыше, с местонахождением Луговское в Притоболье [Павлов, 2007, с. 77]. Между тем, он не включил их в

«уральскую культуру», хотя территориальный разброс памятников на Урале допускает такую возможность. Такая выборочность не совсем понятна.

Также П.Ю. Павлов отмечает сходство «уральской культуры» с памятниками *ангаро-чулымской общности средней стадии* верхнего палеолита Сибири, которая не исключает характер генетического родства. Это дает основание ему предполагать, что «уральская культура» принадлежит к сибирскому верхнему палеолиту. При этом автор концепции считал, что нет никакой связи с памятниками раннего этапа верхнего палеолита Урала и Сибири, поскольку в уральской традиции нет значительного мустьерского компонента [Павлов, 2007, с. 77, 78].

В последних публикациях П.Ю. Павлов конкретизировал описание характеристик «уральской позднепалеолитической культуры» [Павлов, 2015]. В частности, было отмечено для первичной обработки наличие уплощенно-призматических, ортогональных, торцовых и плоских нуклеусов [Павлов, 2015, с. 56]. Происхождение «уральской культуры» верхнего палеолита П.Ю. Павлов связывает с *мелкопластинчатыми индустриями средней поры* верхнего палеолита Сибири [Павлов, 2015, с. 56]. Указывалось на увеличение количества памятников и, соответственно, плотности населения в конце верхнего палеолита. Возникновение внутрирегиональных культурных взаимодействий и появление 15 тыс. лет назад пещерных святилищ (Шульган-Таш (Каповая) и Игнатиевская), свидетельствует, по его мнению, о появлении постоянного населения [Павлов, 2015, с. 56]. Вместе с тем, наиболее ранние следы культового использования этих пещер и других географических объектов появляются гораздо раньше - во время последнего потепления вюрма (ленинградский/табулдинский горизонт) (MIS 3) [Dublyansky et al., 2018; Румянцев, 2014; Дублянский и др., 2021, с. 15; Петрин, 1992, с. 82]. В соответствии с этой логикой и появление постоянного населения на Урале следует отодвигать в начало верхнего палеолита.

Дискуссионность гипотезы П.Ю. Павлова о принадлежности памятников конца верхнего палеолита к одной культуре заключается в следующих положениях. Памятники распределены на огромной территории - от Северного Урала до южного окончания Южного Урала, и от устья Камы на Западе до Сибирских Увалов на Востоке. Они имеют временной интервал более чем в 20 тысяч лет, что противоречит нашим представлениям о характере существования археологических культур. Кроме того, к числу памятников «уральской культуры» был отнесен грот Столбовой в Прикамье, материалы которого имеют калиброванную дату более 27 тыс. лет, а калиброванные значения сразу относят этот памятник к концу вюрмского потепления. Также стоянки Гари и Медвежья пещера по технико-типологическим характеристикам существенно отличаются от инвентаря стоянки Талицкого, и они не могут на этом основании принадлежать к одной археологической культуре [Сериков, 2007, с. 84-85; Галимова, 2001, с. 85]. Противоречит восприятию стоянки Талицкого как реперного памятника «уральской культуры» то, что в ее коллекции единичными экземплярами представлены резцы, в то время как на других памятниках они являются ведущей после скребков орудийной формой. Немаловажным является тот факт, что П.Ю. Павлов не увидел в материалах стоянок Талицкого, Ширококово II, Сергеевка-1 и Троицкой I приемов радиального раскалывания нуклеусов, что вместе с приемом ортогонального расщепления нуклеусов свидетельствует о неустойчивости ударной площадки. Все это, наряду с наличием плоских форм нуклеусов, являются реминисценциями «среднепалеолитической» технологии, наряду с другими архаическими проявлениями, такими как: вентральная и бифасиальная обработка, подтеска углов заготовок, чопперами, крупными скреблами, резчиками, зубчатыми орудиями и пр.) [Щербакова. 2001, с. 167; Котов, 2014б, с. 380].

В данную картину новые штрихи вносят выводы, полученные на основе анализа материалов стоянки Сергеевка-1 в Южном Приуралье.

Среднепалеолитические черты в орудийном наборе стоянки Сереевка-1 находят аналогии не только на памятниках верхнего палеолита «типа стоянки Талицкого», но и на памятниках, которые были исключены из этой традиции, поскольку их относили, из-за наличия признаков радиального расщепления нуклеусов, к раннему этапу верхнего палеолита: грот Близнецова в Прикамье и грот у Каменного Кольца на р. Сим в Челябинской области. В добавлении к этому, становится понятным соединение пластинчатой индустрии и среднепалеолитических изделий на стоянке Горново, которая имеет даты от 27 до 30 тыс. лет [Котов, 2011а, с. 33] и на стоянке Ильмурзино, на которой присутствуют изделия на пластинах и дисковидные нуклеусы [Матюшин, 1976, с. 75, 313, табл. 15, *8, 15*].

Вместе с тем, памятники с пластинчатой индустрией появляются на Южном Урале более 31 тыс. лет назад - это пещерная стоянка Смеловская II, второй культурный слой, в Южном Зауралье, датировки - 31000 ± 1500 л.н. (ГИН-8401) и 41000 ± 1800 л. н. (ГИН-8402) [Бадер, 1971; Кузьмина, 1997] и стоянка Лабазы-1 в Оренбургской области (датировка: 40310 ± 3830 л.н. (ИГАН 3442)) [Богданов, Котов, 2008, с. 30, 36]. Происхождение пластинчатых индустрий пока остается под вопросом. Все эти памятники имеют много параллелей в индустрии позднего этапа верхнего палеолита на территории уральского региона.

Наряду с этим, к этому периоду относятся памятники с отщеповой индустрией, некоторые продолжают кусимовскую традицию среднего палеолита, например, такие, как пещерная стоянка Иманай-1, возраст верхнего культурного горизонта от 26 до 42 тыс. л.н. [Gimranov, Kosintsev, 2020, p. 3]. Сопоставимыми по возрасту являются памятники с костяной индустрией среднепалеолитического облика: стоянка Новобелокатайская, возраст около 41 тыс. л.н. [Данукалова и др., 2000], местонахождение Табулдинское, возраст около 35 тыс. л.н. [Итоги изучения…, 1985, с. 41, 43], стоянка Горново, возраст которого от 21 до 33 тыс. л.н. [Данукалова и др., 2000, с. 70]. Памятники

среднего этапа верхнего палеолита возрастом от 26 до 23 тыс. л.н. на территории Южного Урала надежно не установлены. Не исключено, что это связано с уходом части населения с территории Южного Урала в период максимума последнего похолодания.

Вместе с тем, появление на Среднем и Южном Урале в конце среднего этапа верхнего палеолита 23-22 тыс. л.н. многочисленных памятников с индустрией пластинчатого облика требует своего объяснения. Например, П.Ю. Павлов считает, что «уральская культура» верхнего палеолита имеет генетическую связь в период максимума последнего похолодания с населением юга Западной Сибири [Павлов, 2015, с. 58]. К ним были отнесены памятники, такие, как Шестаково (уровни 24-17), Ачинская, Томская, Евалга. В коллекциях этих памятников представлены «…плоскостные, призматические и торцовые нуклеусы небольших размеров. Основной заготовкой являются пластины длиной 2-5 см. Среди изделий со следами вторичной обработки представлены: пластины с краевой ретушью, в том числе образующей выемки; усеченные пластины; скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, в том числе высокой формы и округлые на отщепах; долотовидные изделия; галечные орудия» [Павлов, 2015, с. 58].

Важно, что эти памятники Н.Ф. Лисицыным были отнесены к разным линиям развития: одна линия предполагает последовательное использование микропластинчатой техники (Ачинская), а другая основана на преимущественном использовании отщеповых заготовок при подчиненном значении микропластинок (Шестаково) [Лисицин, 2000, с. 124]. Распространение своеобразных мелких торцовых ядрищ, и сам процесс микролитизации пластинчатых индустрий на территории Северной Азии Н.Ф. Лисицын увязывает с широким использованием вкладышевой техники [Лисицын, 2000, с. 124].

Для того, чтобы осуществлять сравнение индустрий столь отдаленных регионов необходимо нам представлять что мы имеем на Южном Урале.

Поздний этап верхнего палеолита на Южном Урале отмечен повсеместным присутствием сходной по своему облику индустрии. В целом, эта уральская верхнепалеолитическая традиция характеризуется сочетанием развитой отщепово-пластинчатой индустрии с использованием галечных форм и мустьерских технологий. Первичное расщепление представлено разнообразными нуклеусами объемного и плоскостного параллельного скалывания - призматическими, конусовидными и торцевыми. Также были представлены серийно ортогональные, дисковидные и радиальные нуклеусы. Важной особенностью первичного раскалывания является неустойчивость расположения ударных площадок. Изделия со вторичной обработкой разнообразны. Самыми многочисленными являлись резцы различных типов: на углу сломанной пластины, ретушные, многофасеточные, латеральные, двойные, тройные, шиповидные и пр. Следующей по численности являются скребки: стрельчатые, с шипом, вентральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы. Представлены достаточно часто комбинированные орудия: скребок-резец, скребок-острие и др. Не менее многочисленны различные изделия с обработанными ретушью углами или образующие шиповидные выступы и острия: резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия, проколки. Присутствуют орудия с выемками. Долотовидные орудия, в основном, имеют четырехугольную форму. Встречаются усеченные ретушью пластины и пластинки прямо или косоусеченные с притупленным краем. Небольшой серией представлены треугольные наконечники стрел с прямым основанием на сегментах широких пластин, с бифасиальной утончающей ретушью основания, а также ассиметричные трапеции и треугольники. Макроорудия представлены крупными скреблами на массивных кварцитовых отщепах и галечные орудия - чопперы, молоты и рубящие орудия типа «цалди». Изделия из кости характеризуются костяными вкладышевыми игловидными наконечниками с двумя пазами, проколками, иглами, ножами и кинжалами с одним или двумя пазами. Предметы символической деятельности характеризуются

использованием скульптур из слегка обработанных естественных фигурных форм камня и кости, просверленными зубами животных, круглыми нашивками из кости, подвесками из мягкого камня, орнаментированными гальками, фигурным кремнем.

По технико-типологическим характеристикам индустрия верхнепалеолитических памятников Южного Урала находит много общих черт с памятниками конца верхнего палеолита в устье р. Камы. Например, на стоянке Лобач среди нуклеусов торцевого и плоско-параллельного типов есть ортогональное ядрище. Кроме того, в коллекции присутствуют скребки концевые высокой формы, усеченные ретушью пластины, разнообразные острия [Галимова, 2001, с. 34-37, рис. 14; 15]. В коллекции нижнего слоя стоянки Камского Устья 2, которая является самой представительной среди других памтников в устье р. Камы, присутствует весь набор типов изделий, характерных для памятников последней стадии верхнего палеолита Южного Урала. Нуклеусы представлены торцевыми, одноплощадочными и двухплощадочными, ортогональными, уплощенно-призматическими и плоскими типами. Есть по нашему мнению, один нуклеус двухсторонний радиального снятия, который М.Ш. Галимова описывает как двухплощадочный двухфронтальный, сработанный [Галимова, 2001, с. 40-41, рис. 16, *3*]. Правда, в другом месте он описан как уплощенный поддисковидных нуклеус [Галимова, 2001, с. 49]. Особенностью первичной обработки является преобладание торцевых нуклеусов. Сходен набор типов резцов (боковые, ретушные, срединные, двугранные и пр.) и скребков, причем по всем типам - концевые выпуклые, прямые, скошенные, боковые, угловые, двойные, округлые и пр. Есть параллели в наличии выемчатых орудий, усеченных ретушью пластин, в том числе, и косоусеченных, разнообразных острий, клювовидных изделий, долотовидных орудий, скребловидных изделий, орудий с шипом [Галимова, 2001, с. 41-43]. На стоянке Долгая Поляна 2, в нижнем слое, в коллекции каменных изделий присутствуют аналогичные сергеевским формы: торцовый

нуклеус, уплощенно-конусовидные нуклеусы, резцы ретушные, на сломе пластины, комбинированные, острия, зубчато-выемчатое орудие. Показательно наличие приема удаления ретушью ударного бугорка и проксимальной части пластин [Галимова, 2001, с. 46-48].

М.Ш. Галимова отмечает наличие специфических черт у каждого памятника верхнего палеолита в районе устья р. Камы, особенно много оригинальных изделий есть среди резцов стоянки Камское Устье 2. Вместе с тем, она указывает на некоторые сходные формы на стоянке Талицкого, такие как: микронуклеусы, миниатюрные скребки, долотовидные и орудия с шипом [Галимова, 2001, с. 49-50]. Аналогичные формы присутствуют и на стоянке Сергеевка-1 на западном склоне Южного Урала. Многочисленные черты сходства с Южно-Уральскими обнаруживают и переходные памятники конца верхнего палеолита с устья р. Кама: Сюкеевский Взвоз и средний слой Камского Устья 2. Индустрия этих стоянок обладает специфическими формами, которые также находят аналогии в коллекции стоянки Сергеевка-1: торцовые и призматические нуклеусы для крупных пластин и микропластинок, а также поддисковидные пренуклеусы, представительная серия резцов ретушных и на сломе пластины, скребки концевые и укороченные на отщепах высокой формы, скребки с рыльцем, угловые, прямые, скребки с шипом, скошенные, вентральные, усеченные и косоусеченные пластины, резчики, орудия с шипом, разнообразные острия, зубчатые орудия, выемчатые формы, ножи с бифасиальной обработкой, комбинированные орудия - скребки-резцы, долотовидные орудия, скребла на массивных отщепах [Галимова, 2001, с. 51 и сл.][34]. Очень показательно присутствие на стоянках в устье Камы геометрических микролитов треугольной формы и ассиметричных трапеций, которые являются признаком усть-камской культуры [Галимова, 2001, с. 88].

[34] На стоянке Сюкеевский Взвоз присутствует уникальное, но во многих отношениях показательное орудие – остроконечник удлиненной формы на массивном сколе окремненного известняка, который М.Ш. Галимова описывает как рубящее орудие [Шакирова, 2001, с. 61, рис. 26, *10*]. Это еще одно свидетельтсво связей верхнепалеолитического населения устья р. Камы и населения ангаро-чулымской общности.

Аморфные трапеции были найдены на стоянке Сергеевка-1 [Пещерное святилище…, 2019, с. 205, рис. 3.243] и на стоянке Сюнь I (Холодный Ключ) [Матюшин, 1976, с. 84-85, табл. 13, *1*], а также треугольные вкладыши и аморфные трапеции были обнаружены в пещере Байсланташ [Котов, 2004, с. 51, рис. 6, *3, 6, 11, 28, 29*]. Вместе с тем, нельзя говорить о полном тождестве памятников усть-камской культуры с Южно-Уральскими памятниками. В индустрии усть-камских памятников среди нуклеусов преобладают торцевые, радиальные ядрища единичны, рубящие орудия представлены кельтовидными формами, сюда же следует добавить редкость скребловидных орудий, кроме того чопперы и чоппинги, за одним сомнительным исключением, отсутствуют, также не представлены в усть-камской культуре пластинки с притупленной спинкой. К тому же, стоянка Сергеевка-1 старше по возрасту (21,5 тыс. л.н.). Поэтому, данные аналогии можно объяснить, например, их заимствованием усть-камским населением в процессе контактов с населением Южного Урала в конце верхнего палеолита.

В данном случае первостепенный интерес для нас представляет сам факт такого единства уральских памятников позднего этапа верхнего палеолита во всем регионе от Волги до Тобола, от южных отрогов Урала до Полярного круга. Это не значит, что все эти памятники похожи как две капли воды друг на друга. Скорее можно говорить о том, что каждый из них имеет своеобразный набор общих элементов при наличии некоторых неповторимых характеристик. Несомненно, что со временем усиливается индекс пластинчатости и увеличивается разнообразие орудийного набора при их явной стандартизации. Между тем, столь резкие и всеобщие изменения в технологии и морфологии каменной и костяной индустрии в Уральском регионе на рубеже среднего и позднего этапов верхнего палеолита могли произойти под влиянием контактов и активного смешения с инородным населением. Вместе с тем, в индустрии верхнепалеолитических стоянок Южного Урала сохраняются многие «среднепалеолитические» характеристики, как например, сочетание

мелкоразмерного и крупноразмерного сырья, неустойчивость ударных площадок на нуклеусах, уплощенные формы нуклеусов, двусторонние, радиальные, ортогональные, параллельно-встречные, бессистемные ядрища, леваллуазские нуклеусы из кварцита. Кроме того, отщепы или пластины часто сегментировались в ходе подготовки к использованию, ударные бугорки или дорсальные поверхности уплощались. Среди орудий значительными сериями представлены резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, скребла, острия, чопперы и крупные рубящие орудия из галек. Во вторичной обработке часто использовалась двусторонняя, вентральная и площадочная обработка рабочих участков.

Эти особенности находят прямые аналогии на памятниках раннего этапа верхнего палеолита Урала, а также среднего палеолита кусимовской традиции Южного Зауралья, таких как: стоянки Иманай-1 и Кусимово-6 [Котов и др., 2020а, 2020б]. На этом основании мы можем предполагать, что «уральская верхнепалеолитическая традиция» формировалась в конце среднего периода верхнего палеолита *на местной основе* в результате смешения и постоянного *смешивания* уральского населения с пришлыми группами населения - носителями мелкопластинчатых индустрий. О том, что эти процессы на Южном Урале начались достаточно рано, свидетельствуют памятники с пластинчатой индустрией раннего этапа верхнего палеолита - стоянки Смеловская 2 и Лабазы-1.

В итоге на раннем этапе верхнего палеолита выявлен факт сосуществования памятников с индустрией среднего палеолита (стоянка Новобелокатайская, пещерная стоянка Иманай-1) и верхнепалеолитического облика с пластинчатой индустрией (пещерная стоянка Смеловская 2 и стоянка Лабазы-1). В этот период широкое распространение получила обработки кости, причем в этой сфере хозяйства сохраняются технологии среднего палеолита. Кроме того, ряд памятников имеет симбиотическую «смешанную» отщепово-пластинчатую индустрию с мустьерскими изделиями и изделиями из пластин

(стоянка Горново). Было установлено, что переходный период между средним и верхним палеолитом на Южном Урале занял достаточно продолжительное время - весь ранний этап верхнего палеолита.

Надо иметь в виду, что природа нелеваллуазской («аморфной») среднепалеолитической технологии не предполагает быстрое эволюционное изменение в сторону большей пластинчатости технологии обработки камня, поскольку она основывается на других принципах, исключающих стандартизацию нуклеусов и заготовок [Анисюткин, 2019, с. 123]. Отсюда, следует ожидать, что появление развитой пластинчатой индустрии в регионе было связано с приходом на Урал многочисленного инородного населения - носителей новой и более прогрессивной индустрии.

Очевидно, свидетельством этого являются стоянки Лабазы I и в пещере Смеловская 2, второй культурный слой с пластинчатой индустрией возрастом от 30 до 45 тыс. л.н. [Котов, Богданов, 2008; Бадер, 1971; Кузьмина, 1997]. Хотя коллекции немногочисленные, среди находок есть изделия экстраутилитарного назначения, которые могут выступать в качестве культурных маркеров. На стоянке Лабазы I – это женская статуэтка на основе подправленной различными способами естественной формы кости [Котов, Богданов, 2008, с. 35, рис. 11, *1*]. Находки двух личин на гальках из нижнего слоя стоянки Шульганово-4, который относится к раннему этапу верхнего палеолита говорит о распространенности подобной изобразительной деятельности на Южном Урале в этот период [Румянцев, 2014, с. 126; Котов, 2020, с. 14]. Во втором культурном слое стоянки в пещере Смеловская 2 были найдены вместе с пластинчатой индустрией 31 подвеска из плоских галечек из мягкотого камня со сверлинами в центре [Сальников, 1962, с. 32; Бадер, 1971, с. 207]. Подвеска из плоской сланцевой галечки с проверченным отверстием была найдена в нижнем слое стоянки Шульганово-4 [Румянцев, 2014, с. 126].

Скульптуры на основе природных форм приблизительно сопоставимые по возрасту известны в Южной Сибири: в Забайкалье на поселении Толбага

возрастом около 35 тыс. лет М.В. Константиновым была обнаружена голова медведя [Константинов, 2011, с. 53-54]. В этой связи примечательна находка «галечной» скульптуры мамонта на поселении Малая Сыя в Хакассии возрастом 33-34,5 тыс. лет [Ларичев, 1979, с. 167, рис. 2, *3*]. На стоянках раннего и среднего этапов верхнего палеолита на Енисее встречены украшения из кости и камня в виде дисков с отверстием в центре [Лисицын, 2000], которые получат распространение в последующее время в верхнем палеолите Южной Сибири [Астахов, с. 90-91, табл. XIV, 1-11, 17, 18, 24; Абрамова, 1979а, табл. XXIV, 1, 7; Абрамова, 1979б, рис. 50, *5*; 52, *3*; 55]. Это дает основание предполагать заселение территории Южного Урала на *раннем этапе* верхнего палеолита населением-носителями отщепово-пластинчатых индустрий из Южной Сибири.

На ряде стоянок Уральского региона были обнаружены предметы изобразительной деятельности, выполненные на основе естественных форм камня: в Прикамье (стоянки Ширкованово II и Горная Талица), в Южном Приуралье (стоянки Сергеевка-1, пещера Неолитовая) и горной части Южного Урала (пещеры Шульган-Таш (Каповая) и Байсланташ, стоянка Шульганово-4) [Котов, 2018, 2020]. Присутствие этой изобразительной традиции на уральских памятниках раннего и позднего этапов верхнего палеолита говорит о существовании духовной преемтсвенности уральского населения в верхнем палеолите.

Исходя из того, что индустрии раннего и позднего этапов верхнего палеолита Уральского региона имеют сходные технико-типологические характеристики, мы должны исходить из представлений о единой *культурной традиции*, существовавшей на протяжении около 30 тыс. л.н., поэтому относить эти памятники к единой «уральской археологической культуре» нет никаких оснований. Также М.Ш. Галимова не поддержала точку зрения П.Ю. Павлова об отнесении к одной культуре камские памятники конца верхнего палеолита и стоянку Постников Овраг под Самарой [Галимова, 2001, с. 86].

Она придерживается мнения о существовании некоей общности памятников Прикамья, Среднего Зауралья и Южного Урала, которая может соответсвовать понятию «историко-культурная область» [Галимова, 2001, с. 86]. Мы также придерживаемся этой точки зрения.

Соответственно, можно осторожно предполагать преемственность культурных характеристик, к каковым относятся каменная и костяная индустрии, уральского населения в эпоху верхнего палеолита в промежутке от 40 до 11 тыс. л.н. [Котов, 2014б, с. 384][35]. Подобными особенностями, по мнению Г.П. Григорьева, обладает верхний палеолит Сибири, для которого были свойственны типологическая однородность и временная неделимость памятников на протяжении длительного времени [Григорьев Г.П., 2001, с. 142-144]. Это указывает на принадлежность большей части верхнепалеолитических памятников уральского региона к *сибирскому* верхнему палеолиту в целом, при этом данная территория выступает контактной зоной на западе сибирского мира [Григорьев, 2001, с. 145-146].

На Южном Урале не выявлена ни одна стоянка среднего этапа верхнего палеолита в период от 26 до 23 тыс. л.н. Поэтому логично предположить, что во время максимума последнего оледенения, по крайней мере, *большая часть* населения ушла не только с Северного и Среднего Урала, но и с территории Южного Урала [Павлов, 2015, с. 55]. В конце максимума оледенения 23-22 тыс. лет назад произошло заселение территории Южного Урала носителями мелкопластинчатой индустрии.

Есть ли у нас основания искать истоки уральской верхнепалеолитической традиции где-либо в Сибири? Очевидное сходство в структуре индустрии и в технико-типологических характеристиках инвентаря уральских памятников есть со стоянками верхнего палеолита Сибири. Для многих сибирских стоянок характерно сочетание пластинчатой технологии с технологией и формами

[35] Для убедительного обоснования этого тезиса еще предстоит обнаружить на территории Южного Урала многослойные памятники, демонстрирующие этот процесс трансформации палеолитических индустрий.

среднего палеолита: радиальными и дисковидными нуклеусами, бифасиальной обработкой, остроконечниками, скреблами и чопперами.

На генетическую связь «уральской культуры» верхнего палеолита в период максимума верхнего вюрма с населением *ангаро-чулымской общности средней стадии* верхнего палеолита юга Западной Сибири указывал П.Ю. Павлов [Павлов, 2015, с. 56, 58].

В Южной Сибири в Чулымо-Енисейском междуречье рубеж между финалом среднего палеолита и началом верхнего палеолита определяется приблизительно в рамках 30-27 тыс. л.н. Выявлены две линии развития каменных индустрий: одна линия развития основана на получении преимущественно пластинчатых заготовок, другая линия развития представлена памятниками верхнего палеолита, коллекции которых содержат, наряду с орудиями на пластинах, изделия «мустьерского» облика: нуклеусы уплощенные параллельного, радиального и ортогонального снятия, остроконечники, скребла, чопперы, зубчатые орудия, острия. Важно, что «мустьероидная» линия формировалась в Южной Сибири на основе местной традиции среднего палеолита [Лисицын, 2000, с. 124-125]. В то время как, «пластинчатая» линия (стоянки Малая Сыя, Сабаниха, Куртак 5, Двуглазка (слой 4)) появляется в полностью сформированном виде около 34-26 тыс. л.н., она имеет «европеоидный» облик и находит аналогии среди «ориньякоидных» индустрий Русской равнины [Лисицын, 2000, с. 124; Васильев, 2023, с. 35]. Различие памятников по линиям развития на, преимущественно, *отщеповые* или, с преобладанием *мелкопластинчатой* техники, сохраняется и в средней поре позднего палеолита в Приенисейском крае [Лисицын, 2000, с. 124]. Южно-Уральские памятники *конца верхнего палеолита* имеют больше сходных черт с «*пластинчатой*» линией развития, в чем мы солидаризируемся с П.Ю. Павловым [Павлов, 2015, с. 56].

Об этом свидетельствует близкое сходство индустрии памятников «пластинчатой» линии развития *раннего этапа* юга Средней Сибири с обликом

индустрии стоянки Сергеевка-1 (рис. 4.130). Прежде всего, обращает на себя внимание аналогичное сочетание в первичной обработке нуклеусов параллельного снятия подпризматических, уплощенных, подконусовидных, двухплощадочных одно- и двухфронтальных, а также ортогональных и радиальных (Малая Сыя, Куртак 4, Куртак 5, Сабаниха) для скалывания крупных и широких пластин и удлиненных сколов [Лисицын, 2000, рис. 8; 9; 11; 14; 15; 21] (рис. 4.131, *13-16*; 4.132, *16-21*).

На этих памятниках, также как и на Южно-Уральских стоянках 1-й группы, края орудий оформлены крупной зубчатой ретушью, орудийные формы представлены концевыми скребками на пластинах и с зауженными основаниями, остриями, орудиями с шипом-проколками, зубчато-выемчатыми орудиями, резцами, долотовидными орудиями подчетырехугольной формы на пластинах или сработанных нуклеусах, скреблами на массивных отщепах с радиальной огранкой дорсальной поверхности, овальными скреблами [Лисицын, 2000, рис. 16-23] (рис. 4.131, *1, 2, 4-12*; 4.132, *3-15*; 4.133). Единственное отличие - это наличие на сибирских стоянках остроконечников. Среди изделий из кости и рога выделяются наконечники игловидной формы, сходные по форме с уральскими наконечниками, а также иглы [Лисицын, 2000, рис. 20, *1, 12-4*; 23, *1, 2*] (рис. 4.132, *1, 2*). Также весьма важной общей особенностью этих памятников в сравнении с уральскими, являются сходные формы украшений из кости и камня в виде дисков с отверстием в центре, перфорированные зубы хищников [Лисицын, 2000, рис. 10] (рис. 4.131, *3*). Еще одна немаловажная деталь, характеризующая глубинное родство духовной культуры населения обеих регионов, - это наличие специфической изобразительной практики на основе естественных форм камня и кости, о чем свидетельствует находка «галечной» скульптуры на поселении Малая Сыя [Ларичев, 1979, с. 167, рис. 2, *3*; Котов, 2020, с. 20].

На памятниках Центральной Сибири последующего *среднего этапа*, продолжающей эту же линию развития, также можно найти много аналогий, но

эта индустрия отличается присутствием более мелких пластин и большого количества пластин с ретушированным краем и усеченным ретушью концом, остроконечниками, а также *торцевыми нуклеусами клиновидной формы* [Лисицын, 2000; Акимова, 2011; Васильев, 2023]. Поэтому мы может говорить об общем технико-типологическом сходстве только с памятниками Сибири *раннего этапа* верхнего палеолита. В этом отличие нашей концепции от предложенной П.Ю. Павловым, который видел сходство с индустриями Ангаро-Чулымской общности *среднего этапа* [Павлов, 2015, с. 56]. Н.Ф. Лисицын предполагал, что «пластинчатая» линия развития юга Центральной Сибири имеет истоком более южные «карабомовские» памятники верхнего палеолита [Лисицын, 2000, с. 124]. Оставляя в стороне обоснованность этого предположения, хотим обратить внимание на южный вектор связей «пластинчатой» линии развития верхнего палеолита Сибири, которая находит наибольшие черты сходства с уральскими памятниками. Между тем, если не учитывать такие категории изделий, как скребки, резцы, острия, которые являются общими для многих индустрий, отличительной чертой Южно-Уральских памятников являются крупные рубящие орудия на гальках и геометрические микролиты, в число которых следует относить и наконечники стрел на треугольных сегментах пластин со стоянки Сергеевка-1. Если чопперы и чоппинги на гальках могут быть проявлениями среднепалеолитической технологии, то есть наследием предшествующего раннего этапа верхнего палеолита, то наличие геометрических микролитов есть свидетельство явно «южных» связей на уровне контактов или другого взаимодействия населения Южного Урала с носителями традиции изготовления геометрических микролитов. Традиционно считается после Г.Н. Матюшина, что геометрические микролиты распространились вместе с населением из Южного и Восточного Прикаспия, [Матюшин, 1976, с. 283]. Если это так, то со всей очевидностью, следует искать население, оказавшее существенное влияние на

формирование культурной традиции *конца верхнего палеолита* Южно-Уральского региона где-то на границе Южной Сибири и Средней Азии.

Для сибирских памятников среднего и позднего этапа верхнего палеолита было характерно сосуществование разнообразных индустрий, основанных на различных технологических традициях, в том числе, и смешанного облика [Акимова, 2011, с. 116; Васильев, 2023, с. 35]. В долине Среднего Енисея на рубеже 22-21 тыс. л.н., точно также как и на Южном Урале, произошла смена индустрий в сторону мелокопластинчатости, увеличения доли резцов, вкладышей и изделий из бивня мамонта [Акимова, 2011, с. 114].

По аналогии с сибирским верхним палеолитом, можно предположить, что, выявленная в конце среднего этапа верхнего палеолита (22 тыс. л.н.) Южно-Уральского региона относительная унификация индустрии в сторону увеличения «пластинчатости», также была вызвана смешением автохтонного уральского населения, которое сохраняло технологию «сибирского» облика со среднепалеолитическими чертами, с какими-то пришлыми с юга Сибири или из Средней Азии группами - носителями традиций мелкопластинчатой технологии. Очевидно, эти процессы происходили во время среднего этапа верхнего палеолита между 24 и 22 тыс. л.н. По крайней мере, в конце среднего этапа верхнего палеолита на рубеже 23-22 тыс. л.н. на территории Южного и Среднего Урала появляется население, оставившее стоянки с уже сложившейся пластинчато-отщеповой индустрией «уральской» традиции.

Следует обратить внимание, что появление настенной живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой), предположительно, было связано с приходом на рубеже среднего и позднего этапов верхнего палеолита какой-то группы из Франко-Кантабрийской области [Котов, 2019а]. Мигранты с запада здесь встретились с носителями иной технологии и уже сложившейся материальной и духовной культурой. Об этом свидетельствует тот факт, что ни одна ведущая орудийная форма или изделие экстраутилитарного назначения из Западной и

Центральной Европы не были заимствованы уральским населением в эпоху верхнего палеолита[36].

Из этого следует, что смешение разнородного населения происходило во всех случаях при сохранении доминирования местного субстрата. На это указывают многие элементы материальной и духовной культуры уральских памятников, которые присутствовали на протяжении всего верхнего палеолита, например, такие как: нуклеусы параллельного скалывания подпризматические, конусовидные, уплощенные, ортогональные, радиальные; скребла на галечных отщепах, рубящие орудия на гальках, резчики на отщепах и пластинах, скребки высокой формы, долотовидные орудия, острия, скребки-резцы, просверленные гальки - амулеты, скульптуры из галек и естественных форм кости, украшения из зубов животных и пр. В духовной культуре это присутствие почитания гор и пещер, культ камня, изобразительной практике на основе естественных форм, своеобразие наскальной живописи в пещерных святилищах [Котов, 2022а].

Надо отметить определенные отличия в духовной и материальной культуре Южно-Уральских памятников от стоянок Среднего и Северного Урала. Это, прежде всего, наличие на Южном Урале двух крупных и ряда небольших пещерных святилищ с наскальной живописью, присутствие «медвежьего» святилища с культом костей пещерного медведя, многочисленные находки скульптур из естественных форм кости и камня («галечная скульптура»). Определенное своеобразие индустрии Южно-Уральских памятников придает широкое использование Южно-Уральской яшмы и кремня, а также известняка и кальцита. Кроме того, есть и типологические отличия, такие как: геометрические микролиты, наконечники стрел на сегментах пластин, овальные скребла, вкладышевые наконечники стрел, костяные иглы, вкладышевые основы с орнаментом. Оригинальны и украшения в виде круглых нашивок из кости, бивня и камня, бусины

[36] Наличие двух граветтийских острий в пещере Шульган-Таш (Каповой) свидетельствует о посещении пещеры с настенной живописью какими-то группами с Русской Равнины в ходе функционирования его как межрегионального святилища.

боченковидной формы. Все это позволяет выдвинуть предположение о том, что Южно-Уральские памятники следует объединить в одну группу, которую можно назвать *«Южно-Уральским вариантом» уральской общности верхнего палеолита*.

В результате этих сложных процессов взаимодействия различных культурных традиций на рубеже среднего и позднего этапов верхнего палеолита сложилась на Урале оригинальная верхнепалеолитическая индустрия. Опираясь на сходство памятников конца верхнего палеолита Южного и Среднего Урала, можно полагать, что Южно-Уральское население продвинулось в Прикамье и далее на север в период после максимума оледенения. К концу неоплейстоцена мы наблюдаем увеличение индекса пластинчатости, появление устоявшихся форм геометрических микролитов и торцевых нуклеусов для микропластинок (Байсланташ, Пещерный Лог под г. Магнитогорском). На территории Южного Урала и в устье Камы складываются самобытные локальные культурные образования, которые стали основой для формирования мезолитических культур в эпоху голоцена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение единого методологического подхода к изучению коллекций палеолитических памятников Южного Урала дало возможность выделить общие и особенные признаки для каждого из периодов заселения Южного Урала. Впервые были введены в научный оборот многие палеолитические памятники, которые были сопоставлены на основе единой методики с уже известными объектами на территории Южного Урала и сопредельных регионов.

Территория Южного Урала в различные эпохи четвертичного периода обладала достаточно благоприятными условиями для жизнедеятельности охотничьих коллективов каменного века. Этому способствовали разнообразные природные условия, включающие горно-лесную, лесо-степную и степную зоны, обилие водных источников, богатый животный мир и неисчерпаемые источники кремневого сырья. Немаловажным фактором являлось и то, что эта территория не покрывалась сплошь ледником в эпохи похолоданий. Кроме того, колебания климата не приводили к кардинальному изменению природной обстановки, а только к смещению растительных зон. Все это было причиной достаточно раннего проникновения людей в Южно-Уральский регион. Южный Урал имеет свои особенности формирования геологических отложений: к западу и востоку от уральской горной системы существовали геологические прогибы земной поверхности, которые повлияли на формирование речных террас этих территорий в эпоху неоплейстоцена. Южное Зауралье на всем протяжении антропогена являлась зоной денудационных процессов. Лессовые отложения формировались только в конце позднего неоплейстоцена и только в Приуралье.

В истории изучения палеолита на Южном Урале можно выделить три этапа. Первый - это период деятельности краеведов и археологов иной специализации с конца XIX в. до начала 30-х гг. XX в. Второй этап - это период спорадического изучения региона отдельными палеолитическими экспедициями или специалистами-палеолитчиками из других научных центров, который продолжался с 30-х гг. по конец 80-х гг. XX в. Третий этап (с начала 90-х гг. по настоящее время) связан с деятельностью уфимских палеолитчиков и сложения Южно-Уральского центра изучения древнекаменного века.

На территории Южного Урала выявлены памятники, предположительно, нижнего палеолита, которые указывают на достаточно раннее *проникновение* в регион разнородных групп древнего населения [Котов, Савельев, 2001; Котов, 2006а, 2012б, 2013а, 2013б; Котов, Румянцев, 2021; Котов и др., 2020б; Котов и др. , 2024].

Заселение территории региона, судя по количеству разновременных памятников в Южном Зауралье, очевидно, произошло в среднем палеолите в конце среднего неоплейстоцена около 130-120 тыс. л.н. (MIS 6-5). В это время ведущей традицией являлся кусимовский тип индустрии, который представлен крупной коллекцией стоянки Кусимово-6 в Южном Зауралье. Она характеризуется следующими чертами. В качестве сырья выступали гальки, слабо или средне окатанные куски фтанита и фтанитоидов. Нуклеусы представлены подпризматическими, подчетырехугольными плоскостными с продольным скалыванием, ортогональными, радиальными и бессистемными типами. Треть сколов имели естественные ударные площадки и спинку. Обработка бифасиальных орудий в основных чертах повторяет характер обработки радиальных нуклеусов: радиально направленными крупными пологими сколами формировалась двояковыпуклая поверхность изделия, затем края выравнивались ретушью. Среди них представлены рубила, остроконечники листовидной формы, острия, обушковые ножи. Двусторонней обработкой оформлялись рабочие участки резчиков, проколок, острий, орудий

с шипом, клювовидных, выемчатых орудий, скребков. Среди скребел преобладают простые, с выпуклыми лезвиями, реже встречаются с прямыми продольными и поперечными лезвиями, конвергентные и двойные. Имеются скребловидные инструменты на нуклеусах или скребла с нуклевидной обработкой рабочей поверхности. В коллекции присутствуют орудия с выделенным черенком, а также зубчатые и выемчатые орудия.

Таким образом, эта индустрия характеризуется как среднепалеолитическая нелеваллуазская. Сходные типы орудий и нуклеусов выявлены на других памятниках в Южном Зауралье (Сабакты-6а, Долина-1, Долина-11, Утюльган-8, Сибай-5б, Маячная гора, Богдановка, Иманай-1). Это дает основание выделить их в отдельный тип индустрии эпохи среднего палеолита, который по реперному памятнику получил название «кусимовский». Аналогии ведущим типам изделий имеются на ряде нелеваллуазскиз памятников в Средней Азии, Кавказе, Поднестровье.

Этот тип индустрии существовал достаточно долго, около 100 тыс. лет. Самый поздний памятник этой традиции, первый культурный слой пещеры Иманай-1 датируется ленинградским временем - 30-45 тыс. л.н. (MIS 3). В пещере Иманай-1 в верхнем культурном слое было обнаружено большое количество резчиков на осколках и отщепах кремня, единичные скребки, бифасиальные ножи с обушком, конвергентные скребла и бифасиальные остроконечники. Бифасиальные орудия (остроконечники, обушковые ножи, конвергентные скребла) имеют плоско-выпуклую форму, что дает основание считать их микокским компонентом в индустрии данного памятника.

Основываясь на том, что даты Богдановки (MIS 5-4) [Широков и др., 2011, с. 137] и нижнего слоя стоянки Гарчи I [Павлов, 2008, с. 35] соответствуют возрасту стоянки Сухая Мечетка 110-97 тыс. л.н. [Колобова и др., 2023, с. 33], а микокскому комплексу 1-го культурного слоя пещеры Иманай-1, который датируется в диапазоне 30-45 тыс. л.н. (MIS 3) [Гимранов и др., 2021, с. 1279], близки по возарсту комплексы Чагырской пещеры –59-48

тыс. л.н. и пещеры Окладникова >44 тыс. л.н. [Междисциплинарные исследования…, 2018; Колобова и др., 2023, с. 33], можно предположить, что это может соответствовать двум этапам проникновения носителей микокских традиций на территории к востоку от Центральной Европы.

К этому же средневюрмскому периоду относится стоянка Новобелокатайская и местонахождение Муллино-2. На стоянке Новобелокатайская зафиксировано широкое использование костей животных для изготовления орудий, каменная индустрия представлена сочетанием леваллуазской техники и рубящих орудий на гальках. На местонахождении Муллино-2 обнаружены нуклеусы леваллуазского типа и изделия на леваллуазских сколах, а также чопперы. Фактически в финале своего эволюционного развития в период 45-30 тыс. лет назад две среднепалеолитические индустрии, кусимовская и леваллузская, сосуществовали с памятниками верхнего палеолита. На территории Южного Урала не было обнаружено ни многослойных стоянок, которые бы показали переход от среднего к верхнему палеолиту. Поэтому мы не имеем возможности надежно связать памятники с пластинчатой индустрией с индустриями среднепалеолитического облика.

Пластинчатая индустрия появилась в регионе в уже сформированном виде достаточно рано – около 40 тыс. л.н. (стоянка Лабазы-1, пещера Смеловская 2, второй культурный слой). По ряду признаков мы можем осторожно предположить, что заселение Южного Урала носителями пластинчатых индустрий происходило с территории Южной Сибири. Ранний этап верхнего палеолита Южного и Среднего Урала (41-30 тыс. л.н.) отмечен наличием ряда памятников с отщепово-пластинчатой индустрией, имеющие в коллекциях явно «среднепалеолитические» изделия (стоянка Горново, в гротах Столбовой, Близнецова и в Гроте у Каменного Кольца) [Щербакова, 2001]. Памятники начального периода верхнего палеолита со сходной «симбиотической» индустрией известны на Северо-Востоке Европы (стоянка

Заозерье, Гарчи I, верхний слой, Бызовая [Павлов, 2008]. Стоянки раннего этапа немногочисленные, ряд из них приурочены к погребенному торфянику, что способствовало хорошей сохранности костей и изделий из них. Возможно влажный климат и заболачивание водоемов способствовали тому, что население компенсировало дефицит каменного сырья широким использованием кости.

Памятники среднего этапа верхнего палеолита в промежутке 26-23 тыс. л.н. на территории Южного Урала не выявлены. Между тем, ряд местонахождений последнего этапа после калибровки радиоглеродных дат передвинулись по временной шкале в конец среднего этапа - 22 тыс. л.н. Поздний этап верхнего палеолита Урала отмечен повсеместным присутствием отщепово-пластинчатой по своему облику индустрии (стоянки Талицкого, Драчево, Ширококово, Сергеевка-1, пещеры Кульюрт-Тамак, Игнатиевская, Шульган-Таш (Каповая), Байсланташ, грот Бобылек и др.). В целом, уральская верхнепалеолитическая традиция характеризуется сочетанием развитой отщепово-пластинчатой индустрии с использованием галечных форм и «среднепалеолитических» изделий и технологий. Первичное расщепление представлено разнообразными нуклеусами - призматическими, конусовидными, ортогональными, торцевыми, дисковидными и радиальными. Орудия характеризуются следующими формами: резцы различных типов, скребки стрельчатые, с шипом, вентральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы. Много комбинированных орудий: скребок-резец, скребок-острие и др. Широко представлены резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия, клювовидные орудия, проколки, орудия с выемками, долотовидные орудия. Встречаются усеченные ретушью пластины и пластинки с притупленным краем, а также ассиметричные трапеции и треугольники. Небольшой серией представлены треугольные наконечники стрел с прямым основанием на сегментах широких пластин. Широко используется фрагментация пластин обломом или ретушью с целью удаления ударного

бугорка. Макроорудия характеризуются крупными скреблами на массивных кварцитовых отщепах и галечными орудиями – чопперами, молотами и рубящим орудием типа «цалди». Изделия из кости представлены круглыми нашивками с центральным отверстием, игловидными вкладышевыми наконечниками, проколками, иглами. Предметы символической деятельности основываются на использовании в качестве подвесок просверленных ископаемых раковин, зубов животных, плоских галек из мягкого камня и костей с искусственными отверстиями, а также скульптур из обработанных естественных фигурных форм камня и кости.

Анализ индустрий показал, что памятники раннего и позднего этапов верхнего палеолита уральского региона обнаруживают близкое сходство: в индустрии стоянок сочетаются технология и изделия «среднего» и верхнего палеолита, процентное соотношение которых изменяется со временем. Соответственно, мы должны исходить из представлений о единой *культурной традиции*, существовавшей на протяжении более чем 30 тыс. лет. Это один из важнейших признаков сибирского верхнего палеолита [Григорьев, 2001]. Другой важной характеристикой сходства является сочетание развитой пластинчатой технологии (призматические, конусовидные, торцевые нуклеусы) со сходным набором инвентаря (скребки высокой формы, разнообразные резцы, острия, проколки, усеченные ретушью пластины, острия из кости, костяные иглы, украшения-нашивки из кости и камня и пр.) и «среднепалеолитической» технологии (ортогональные, радиальные, многоплощадочные, уполощенные нуклеусы) и орудий (простые скребла, бифасиальные орудия, орудия с вентральной обработкой, зубчатые орудия, резчики, чопперы, чоппинги и пр.). Аналогичная ситуация характерна для памятников верхнего палеолита Сибири и Средней Азии (Самаркандская стоянка, Ачинская, Красный Яр, Афонтова Гора II и др.). Особенно много совпадений с индустрией памятников раннего (Малая Сыя) и среднего этапов верхнего палеолита юга Центральной Сибири (Куртак 5, Сабаниха и др.),

причем важно, что эта индустрия появляется там уже в сложившемся виде [Лисицын, 2000, с. 124].

То же самое, очевидно, можно предполагать и для памятников позднего этапа верхнего палеолита Южно-Уральского региона: относительная унификация индустрии в сторону увеличения «пластинчатости», была вызвана активным смешением уральского населения, сохранявшими индустрии «смешанного» облика, с какими-то пришлыми группами – носителями традиций мелкопластинчатой технологии. Маркерами этого пришлого населения в коллекциях верхнего палеолита Урала является следующий набор «инородных» черт: чопперы, скребла на крупных отщепах, овальные скребла, предположительно, дисковидные и радиальные нуклеусы, наряду с этим, призматические нуклеусы, скребки высокой формы, разнообразные резцы, проколки, долотовидные орудия подчетырехугольной формы, пластинки с притупленной спинкой, игловидные наконечники с пазами, костяные иглы, нашивки дисковидной формы с центральным отверстием из кости. Все они находят полное соответствие на памятниках *раннего и среднего* этапов верхнего палеолита Ангаро-Чулымского междуречья Южной Сибири. Наличие же на стоянках Южного и Среднего Урала аморфных трапеций и геометрических микролитов указывает на «южный» вектор этих связей: предположительно, некая группа людей на среднем этапе верхнего палеолита в период около 23-22 тыс. л.н. пришла на Южный Урал из Южной Сибири и/или из Средней Азии и вошла в контакт с местным населением. Считается, что причиной для продвижения населения из Прикаспия на территорию Южной Сибири во время максимума последнего оледенения послужила аридизация климата в более южных районах (Средней Азии и Южного Прикаспия), вызвавшая миграцию копытных животных, за которыми последовали человеческие коллективы [Абрамова, 1984, с. 304]. Очевидно, одним из мест, куда мигрировало южное население, была территория и Южного Урала.

К концу эпохи верхнего палеолита пластинчатая технология стала преобладать, распространились пластины и пластинки с притупленной спинкой, тронкированные пластины, микропластинки и геометрические микролиты, а также вкладышевые игловидные наконечники стрел. Фактически, в конце верхнего палеолита в индустрии фиксируются многие черты последующей эпохи, характерные для Прикамской и Приуральской мезолитической традиции [Матюшин, 1976, с. 84-85; Котов, 2009б, с. 53].

В данной работе мы подводим итог первого этапа систематических исследований палеолита на Южном Урале. Важно, что имеющийся материал позволяет очертить контуры культурно-исторических процессов в палеолите в Южно-Уральском регионе. В последующем мы планируем продолжить разведочное обследование территории Южного Урала на предмет поиска стоянок палеолита. Также в планах продолжить исследования крупных стратифицированных памятников, особенно важно получить новые данные и датировки по памятникам раннего этапа верхнего палеолита (стоянки Лабазы 1 и пещерная стоянка Иманай-1). Еще предстоит монографически оформить результаты изучения ряда памятников, например, стоянки Сергеевка-1, пещерных стоянок Иманай-1, Байсланташ, Заповедная.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акбулатов И.М., Обыденнов М.Ф. Научный отчет о разведочных археологических работах, проведенных летом 1983 года в среднем течении реки Белой и в окрестностях города Уфы. - Уфа, 1983-А // НА ИА РАН.

2. Астахов С.Н. Отчет об археологических разведках правого берега р. Сим по маршруту устье р. Сим - д. Кальтовка, д. Тикеево - д. Казаяк - ст. Аша (Вавилово). - Л., 1956-А // НА ИА РАН. Р-1. №1370.

3. Бадер О.Н. Отчет об археологических раскопках Уральской палеолитической экспедиции ИА АН СССР, произведенных в окрестностях с. Серпиевки Катав-Ивановского района Челябинской области 1961 г. - М., 1962а-А // НА ИА РАН. Ф. Р-1, №2370, 2370А.

4. Бадер О.Н. Отчет о поисках палеолита в пещерах в верховьях рек Уфы и Ая в пределах Челябинской обл., выполненных под общим руководством О.Н.Бадера в 1966 году. - М., 1966-А / НА ИА РАН. Ф. Р-1. №3562.

5. Бадер О.Н. Отчет о работах Уральского отряда Северной Палеолитической экспедиции в 1978 г. - М. 1978 / НА ИА РАН. Ф. Р-1. №7022.

6. Бадер О.Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции 1962 г. - М., 1962б-А // НА ИА РАН. Ф. Р-1. №2515.

7. Бадер О.Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1960 г. - М., 1960-А / НА ИА РАН. Ф. Р-1. №2207.

8. Бадер О.Н. Отчет о работах Уральского отряда Северной палеолитической экспедиции Института археологии АН СССР в 1968 г. - М., 1968 // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3756.

9. Бадер О.Н. Отчет о работах Северной палеолитической экспедиции ИА АН СССР в 1971 г. - М., 1973-А // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4689. 103 л. Альбомы иллюстраций к отчету: №4689а, 4689б.

10. Богданов С.В. Отчет о полевых исследованиях на западе Оренбургской области в 2006 году по открытому листу №698. - Оренбург, 2007-А /Архив Ин-та степи УрО РАН.

11. Григорьев С.А. Отчет об археологической разведке на озере Тургояк в административной зоне г. Миасса Челябинской области в 2007 г. - Челябинск, 2008-А. // НА ИА РАН.

12. Губайдуллина А.Р. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральского палеолитического отряда за 1981 год. - Л., 1981-А // НА ИА РАН. Р-1. №8605.

13. Данукалова Г.А. Отчет по теме: «Реконструкция палеоэкологических условий осадконакопления в позднем плейстоцене и голоцене Башкортостана. - Уфа: ИГ УНЦ РАН, 1998-А // НА ИГ УФИЦ РАН.

14. Котов В.Г. Археологические исследования пещерных памятников в Бурзянском, Кугарчинском, Мелеузовском районах Республики Башкортостан в 2000 г. - Уфа, 2001-А // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №25178.

15. Котов В.Г. Научный отчет о разведочном обследовании в Баймакском, Бурзянском, Мелеузовском и Кугарчинском районах Республики Башкортостан в 2003 году. - Уфа, 2004-А // НА ИА РАН.

16. Котов В.Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Баймакском и Бурзянском районах Республики Башкортостан в 2004 году. - Уфа, 2005-А // НА ИА РАН.

17. Котов В.Г. Научный отчет о разведочных исследованиях в горной части Бурзянского, Кугарчинского и Мелеузовского районов Республики Башкортостан в 2011 - 2012 гг. - Уфа, 2015-А. 227 с. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р-1.

18. Котов В.Г. Научный отчет об археологических исследованиях в Белорецком и Белокатайском района Республики Башкортостан в 1995 году. - Уфа, 1995-А // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №18035.

19. Котов В.Г. Научный отчет об археологических работах в Белокатайском и Белорецком районах Республики Башкортостан в 1996 г. - Уфа, 1997-А // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №21910, 23147.

20. Котов В.Г. Научный отчет об археологических раскопках в пещере Иманай 1 (Барсучья Нора) Мелеузовского района Республики Башкортостан в 2015 г. - Уфа, 2016-А // НА ИА РАН.

21. Котов В.Г. Научный отчет об археологической разведке в Абзелиловском районе Республики Башкортостан в 2005 г. - Уфа, 2008-А // НА ИА РАН.

22. Котов В.Г. Научный отчет об исследованиях в Архангельском районе Республики Башкортостан пещеры Заповедная в 1999 г. - Уфа, 1999-А // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №22622.

23. Котов В.Г. Научный отчет о разведочных исследованиях в горной части Кугарчинского и Мелеузовского районов Республики Башкортостан в 2009 г. - Уфа, 2010-А // НА ИА РАН.

24. Котов В.Г. Научный отчет о разведочных исследованиях в горной части Бурзянского, Кугарчинского и Мелеузовского районов Республики Башкортостан в 2011-2012 гг. - Уфа, 2015-А // НА ИА РАН.

25. Котов В.Г. Научный отчет об исследованиях пещеры Шульган-Таш (Каповая) в Бурзянском районе Республики Башкортостан в 2015 г. - Уфа, 2017-А // НА ИА РАН.

26. Котов В.Г. Научный отчет об исследованиях пещеры Шульган-Таш (Каповая) в Бурзянском районе Республики Башкортостан по Открытому листу №1361 от 31.07.2017 г. в 2017 г. - Уфа, 2019-А // НА ИА РАН.

27. Котов В.Г. Научный отчёт о проведении археологических полевых работ на территории кургана №1 в составе выявленного объекта археологического наследия «Кусимово-3, курганный могильник», выявленного объекта археологического наследия «Кусимово-6, стоянка» в Абзелиловском

районе Республики Башкортостан по Открытому листу №1115-2020 от 16.07.2020 г. - Уфа, 2022а-А. // НА ИА РАН.

28. Котов В.Г. Научный отчет о разведочных исследованиях на территории Гафурийского, Бурзянского и Абзелиловского районов Республики Башкортостан по Открытому листу №1025-2020 от 16.07. 2020 г. в 2020 г. В 4-х томах. - Уфа, 2022б-А // НА ИА РАН.

29. Матюшин Г.Н. Отчет о работе Нугушского отряда ИА АН СССР. - М., 1962-А // Архив ИА РАН. Р-1. №2470.

30. Матюшин Г.Н. Отчет о работе Южно-Уральского отряда ИА АН СССР в 1967 г. - М., 1967-А // НА ИА РАН.

31. Румянцев М.М. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Бурзянском, Абзелиловском и Салаватском районах Республики Башкортостан в 2013 году по Открытому листу 3 482 от 13.06.2013. - Уфа, 2016-А // НА ИА РАН.

32. Савельев Н.С. Научный отчет об археологической разведке в Баймакском районе Республики Башкортостан в 1996 г. (Баишевский микрорайон). - Уфа, 1997-А // НА ИА РАН.

33. Сальников А.П. Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции УрГУ 1951 г. - Челябинск, 1951-А // НА ИА РАН. Р-1. №562. С. 18.

34. Сальников К.В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. - Уфа, 1964-А // НА УНЦ РАН. Ф-1. Р-1. N 2892. 39 л., 36 ил.

35. Сальников К.В. Отчет о полевых исследованиях Первого отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1952 года. - Челябинск, 1952-А / НА ИА РАН. Р-1. №698.

36. Сальников К.В. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции 1950 года. - Челябинск, 1950-А / НА ИА РАН. Р-1. №439.

37. Федоров В.К. Отчет об археологической разведке в среднем течении рек Инзера и Лемезы в пределах Белорецкого района БАССР в 1990 г. - Уфа, 1990-А // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №15418.

38. Шокуров А.П. Научный отчет об археологической экспедиции в Белорецком, Бурзянском и Бакалинском районах БАССР. 1961 г. - Уфа, 1961-А // Архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. №545.

39. Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1959 года третьего разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. - Уфа, 1959-А / Архив ИА РАН. Р-1. №1875.

40. Щелинский В.Е. Отчет об археологических раскопках Каповой пещеры в Башкирской АССР Южно-Уральской комплексной палеолитической экспедицией и палеолитической стоянки Ильская 2 в пос. Ильском Краснодарского края Предкавказским палеолитическим отрядом ЛО ИА АН СССР. 1984 г. - Л., 1984-А // НА ИА РАН. Р-1. №10565.

41. Щербакова Т.И. Отчет о работе палеолитического отряда ИИЯЛ БФ АН СССР в Бурзянском районе БАССР 1981 г. - Уфа, 1981-А // НА ИА РАН.

42. Щербакова Т.И. Отчет о работе Горновского палеолитического отряда Южно-Уральской экспедиции ЛОИА АН СССР у д. Горнова в Уфимском районе БАССР 1985 г. - Л., 1985-А // НА ИА РАН. Ф. Р-1. №13809.

43. Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала: к вопросу о характере и связях уральского палеолита: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.06. - Л., 1986. - 172 с.

44. Щербакова Т.И. Научный отчет об исследованиях в Каповой пещере в 2005 г. - Санкт-Петербург, 2006-А // Архив ИА РАН. Р-1. №26676.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

45. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. - Новосибирск: Наука СО, 1979а. – 158 с.

46. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука СО, 1979б. – 200 с.

47. Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР. Глава 3 // Палеолит СССР / отв. ред. П.И. Борисковский. - М.: Наука, 1984. - С. 302-346.

48. Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ. Серия: История, филология. - 2011. - Том 10, вып. 7: Археология и этнография. - С. 111-118.

49. Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). - Алта-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1979. - 208 с.

50. Аминев З.Г. Роль башкирского фольклора и языка при изучении древних дорог Южного Урала // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра». Мат-лы Межд. научн. симпозиума. - Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. - С. 26-33. (на рус. и англ. языках).

51. Амирханов Х.А. К проблеме становления ашеля на Северном Кавказе // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко / отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. - С. 15-23.

52. Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. - М.: Наука, 2006. - 692 с.

53. Андреев А.И. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» Ивана Башкурова // Советская этнография. - 1947. - № 1. - С 84–103.

54. Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты / отв.

ред. А.П. Деревянко. Сб. науч. Тр. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - С. 79-93

55. Аникович М.В. А.Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // Российская археология. - 2007. - № 4. - С. 64-71.

56. Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. - СПб: Изд-во «Нестор-История», 2007. - 335 с.

57. Анисюткин Н.К. К вопросу о принципах подразделения мустье // Палеолит и неолит СССР. Т. 6. (МИА. № 173). - Л.: Наука ЛО, 1971. - С. 167-172.

58. Анисюткин Н.К. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // Советская археология. - 1973. - №1. - С. 228-234.

59. Анисюткин Н.К. К проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты / отв. ред. А.П. Деревянко. Сб. науч. тр. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - С. 94-97.

60. Анисюткин Н.К. Об особенностях зубчатого мустье Европы // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 15. - Санкт-Петербург, 2017. - С. 7-28.

61. Анисюткин Н.К. Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы // Revista Arheologică, serie nouă, vol. XV, nr. 2, 2019, p. 115-128.

62. Анисюткин Н.К., Кетрару Н.А., Коваленко С.И. Многослойная стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место ее каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы. - СПб.: Нестор-История, 2017. - 200 с.

63. Анисюткин Н.К., Филиппов А.К. К характеристике раннепалеолитических комплексов // Палеолит и неолит. - Л.: Наука, 1986. - С. 58-64.

64. Археологическая карта Башкирии. - М.: Наука, 1976. - 263 с.

65. Археологическая экспедиция Якты-Куль - Кусимово «Северные амуры»: научные исследования и Школьный лекторий / Отв. ред. и сост. А.В.Псянчин и Н.С.Савельев. - Уфа, Информреклама, 2020. - 44 с. Авторский коллектив: Савельев Н.С., Котов В.., Ахметова Е.А., Коршунова У.О., Лясович В.И., Николаев С.Ю., Овсянников В.В., Романов А.А., Румянцев М.М., Савельева А.Г., Савинов Л.Н., Хурмаев А.А.

66. Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / отв. ред. М.Ш. Галимова. - Казань: Изд-во АН РТ, 2021. - 444 с.

67. Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 1999. – 207 с.

68. Атлас литолого-палеогеографических карт Русской платформы и ее геосинклинального обрамления. Часть II. Мезозой и кайнозой / гл. ред. А.П. Виноградов. - М.-Л.: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1961.

69. Бадер О.Н. Палеолитические и неолитические пещеры Урала // Доклады Общества естествоиспытателей при Пермском университете. - Пермь, 1951. - Вып. 1. - С. 19-25.

70. Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947-1952) // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. - 1953. - Т. 9 - Вып. 3. - С. 3-88.

71. Бадер О.Н. Археологическое обследование пещер, гротов и древних убежищ под скалами // На Западном Урале. - Пермь, 1956. - Вып. 2. - С. 231-241.

72. Бадер О.Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении // ТКИЧП. - 1957. - № XIII. - С. 307-314.

73. Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // МИА - № 79. - 1960. - С. 89-103.

74. Бадер О.Н. Палеолитические рисунки Каповой пещеры (Шульган-Таш) на Урале // Советская археология. - 1963. - №1. - С. 125-134.

75. Бадер О.Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. - М.: Наука, 1965а. - 47 с.

76. Бадер О.Н. Следы палеолита на Южном Урале // Археология и этнография Башкирии. - Уфа: БФАН СССР, 1962. - Т. 1. - С. 9-15.

77. Бадер О.Н. Памятники палеолита на Южном Урале и их стратиграфическое значение // Антропоген Южного Урала / отв. ред. В.Л. Яхимович. - М.: Наука, 1965б. - С. 239-245.

78. Бадер О.Н. Палеолит Урала и заселение севера / Доклады / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. (Москва. Авг. 1964 г.) - М.: Наука, 1964а. - 9 с.

79. Бадер О.Н. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала // Археология и этнография Башкирии. - Уфа, 1964б. - Т. 2. - С. 24-31.

80. Бадер О.Н. Смеловская II - палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // Палеолит и неолит СССР. - Т.6. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1971 - С. 200-208. - (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР; № 137).

81. Бадер О.Н. Новые памятники позднего и древнего палеолита в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. - Уфа, 1973. - Т. V. - С. 151-158.

82. Бадер О.Н. Северная палеолитическая и Окская экспедиция // Археологические открытия 1976 года. - М.: Наука, 1977. - С. 130.

83. Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // Советская археология. - 1973. - № 4. - С. 135-142.

84. Беляева Е.В. О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита старого света. К 80-летию Василия Прокофьевича Любина / отв. ред. В.М. Массон. - Санкт-Петербург, 1998. - С. 41-52. (Археологические изыскания. Вып. 57).

85. Беляева Е.В. Сравнительный анализ раннепалеолитических индустрий: проблемы и подходы // Методы изучения каменных артефактов. Материалы межд. Конф. (г. Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2015 г.) / отв. ред. С.А Васильев, В.Е. Щелинский. - Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. - С. 18-24.

86. Беляева Е.В., Любин В.П. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко / отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. - С. 37-52.

87. Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. - 218 с. - (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР; № 81).

88. Бибиков С.И. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала (Экспедиционные исследования ИИМК АН СССР и Областного Челябинского музея) // Советская археология. - 1950. - Т. XII. - С. 66-104.

89. Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические стоянки р. Юрюзани (Южный Урал) // КСИИМК. - М.-Л., 1940. - Вып. III. - С. 35-38.

90. Богачев В.В. Об одной утраченной палеоантропологической находке // Природа. - 1940. - № 9. - С. 94.

91. Богданов С.В. Бузулукская группа местонахождений мегафауны позднего плейстоцена на западе Оренбургской области в контексте естественной истории степей Северной Евразии // Бюл. Оренб. науч. центра УрО РАН: (электрон. журн.). - 2015. - № 4. - С. 1-13. URL: http://elmag.uran.ru:9673/magazine/Numbers/2015-4/Articles/BSV-2015-4.pdf)

92. Богданов С.В., Котов В.Г. Новая находка произведения монументального искусства на Южном Урале // Проблемы первобытной

культуры / отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. - Уфа: Гилем, 2001. - С. 113-117.

93. Богданов С.В., Котов В.Г. Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская область) // Уфимский археологический вестник. - 2008. - Вып. 8. - С. 27-38.

94. Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. - Вып. 1. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. - 226 с.

95. Варсонофьева В.А. Происхождение Урала и его горных богатств. - М.: Советская Азия, 1934. - 295 с.

96. Васильев С.А. Верхний палеолит Енесея: новые открытия, старые споры // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2023. - Том 51. - № 1. - С. 33-41.

97. Вахрушев Г.В. Четвертичные отложения Башкирии / Ученые записки Саратовского госуниверситета, геологическо-почвенная серия. - Вып. 2. - Т. 1 (XIV). - Саратов, 1938. - 53 с.

98. Вербицкая Н.П. Геоморфология Южного Урала и Мугоджар. - М., «Недра», 1974. - 84 с. (Всесоюз. науч.-исслед. геол. ин-т. Труды. Новая сер. Т. 217).

99. Вишняцкий Л.Б. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // Stratum plus. - 2000. - №1. - С. 245-271.

100. Волков Р.Б. Многоликий камень // Культовые памятники горно-лесного Урала / Коллектив авторов / отв. ред. В.Д. Викторова, Н.В. Федорова, В.Н. Широков. - Екатеринбург: УрО РАН, 2004. - С. 210-223.

101. Волокитин А.В., Широков В.Н. Верхнепалеолитическая стоянка в гроте Бобылек (Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сб. статей. - Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1997. - Вып. 1. - С. 8-15.

102. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. - М.-Казань: «Янус-К», 2001. - 272 с.

103. Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Открытие новых образцов пещерной живописи на территории Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 10 (39). – С. 6-10 .

104. Гарутт В.Е. Остатки скелета трогонтериевого слона – Archidiskodon trogontherii (Pohlig.) из Минзитяровского разреза // Итоги изучения разрезов плейстоцена с остатками элефантид / В.Л. Якимович, В.К. Немкова, Л.И. Алимбекова и др./ Отв. ред. М.А. Камалетдинов, В.Л. Якимович. – Уфа: БФАН СССР, 1985. – С. 11–15.

105. Гегель В. Сочинения / под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. – Т. VIII. – М.-Л.: Соцэгиз, 1935. – 468 с.

106. Гимранов Д. О., Котов В.Г., Румянцев М.М., Силаев В., Яковлев А.Г., Яковлева Т.И., Зеленков Н., Сотникова М., Девяшин М., Пластеева Н.А., Зарецкая Н., Нумухаметов И., Смирнов Н.Г., Косинцев П.А. Крупнейшее в Евразии захоронение ископаемых львов (Carnivora, Felidae, Pantera (leo) ex gr. fossilis-spelaea) // Доклады Академии наук. – 2018. – Т. 482. – № 2. – С. 231-234.

107. Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Бачура О.П., Жилин М.Г., Котов В.Г., Румянцев М.М. Малый пещерный медведь (Ursus ex gr. Savini-rossicus) как объект охоты древнего человека // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 2 (53). – С. 5-14. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-53-2-1.

108. Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка-1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 24-37.

109. Гимранов Д.О., Котов В.Г., Румянцев М.М. Результаты комплексных исследований многослойной стоянки в пещере Иманай-1 на Южном Урале // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Бареаул, 02-07 октября 2017 г./ ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 251-252.

110. Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 2. - Санкт-Петербург: «Академ Принт», 1997. - 198 с.

111. Гиря Е.Ю. Анализ каменных индустрий: морфология, морфография, контекст // Методы изучения каменных артефактов. Материалы межд. конф. (г. Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2015 г.) / отв. ред. С.А Васильев, В.Е. Щелинский. - Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. - С. 24-28.

112. Гиря Е.Ю., Павлов П.Ю. Особенности технологии изготовления каменного инвентаря стоянки костенковско-стрелецкой культуры Гарчи I (Северный Урал) // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / отв. ред. К.Н. Гаврилов. - М.: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. - С. 159-168.

113. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. - Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. - 464 с.

114. Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры / В.Е. Щелинский, В.Г. Котов. - Уфа: Гилем, 2001. - С. 136-155.

115. Григорьев С.А., Васина Ю.В., Ивасько Л.В., Котов В.Г. Создание музея мегалитов на острове Веры // Достояние поколений. - № 1 (4). - 2008. - С. 18-23.

116. Григорьев С.А., Ивасько Л.В., Котов В.Г. Работы на острове Веры на озере Тургояк // Археологические открытия 2007 года / ред. Н.В. Лопатин. - М.: Языки славянской культуры, 2010. - С. 349-351.

117. Громов В.И. Геологический возраст палеолита на территории СССР // Материалы по четвертичному периоду СССР. - Вып. 2-3. - К докладам Советской делегации на III конференции Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода / гл. ред. А. А. Блохин; СССР. - 2 т. - М.-Л., 1950. - С. 90-106.

118. Данукалова Г.А. Стратиграфия квартера Предуралья // Материалы Всерос. научного совещания «Геологические события неогена и квартера России: современное состояние стратиграфических схем и палеогеографические реконструкции». - М.: ГЕОС, 2007. - С. 40-43.

119. Данукалова Г.А. Уточненная региональная стратиграфическая схема квартера Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского регионоа // Стратиграфия. Геологическая корреляция. - 2010. - Т. 18. - №3. - С. 107-124.

120. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Косинцев П.А., Морозова Е.М., Еремеев А.А. Биостратиграфия четвертичных отложений пещер и речных террас широтного течения реки Белой // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. - Уфа: Гилем, 2002. - С. 32-57.

121. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова Е.М. Стратотип климовского горизонта в Южном Приуралье и новые местонахождения в стратотипической местности (Климовка I, II, III) // Геологический сборник. - № 5. Информационные материалы. - Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2006. - С. 53-65.

122. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Котов В.Г. Возраст, биостратиграфия и археология озерных отложений вторых надпойменных террас рек Южного Предуралья // Геологический сборник. № 1 / отв. ред. В.Н. Пучков. - Уфа, 2000. - С. 69-72.

123. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Сатаев Р.М. К вопросу о возрасте костеносных отложений палеолитического памятника Горново (Башкирское Предуралье) // Ежегодник-1995. Информационные материалы. / УНЦ РАН. – Уфа, 1996. - С. 96-98.

124. Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты / отв. ред. А.П. Деревянко. Сб. науч. тр.

- Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - С. 5-19.

125. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. - Новосибирск: ВО «Наука», 1994. - 288 с.

126. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северно-Западная Азия) / ред. Ю.П.Холюшкин. - Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. - 136 с.

127. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. - Новосибирск: ВО Наука, 1994. - 288 с.

128. Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Технология галечного расщепления камня в палеолите (по материалам микроиндустрии памятника Шоктас I). - Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. - 213 с.

129. Древности Башкирского Урала / Н.С. Савельев, В.Г. Котов, В.В. Овсянников, М.М. Румянцев, Е.В. Русланов, Е.А. Ахметова / Сост. и научн. ред. Н.С. Савельев. - Уфа: Информреклама, 2018. - 216 с.

130. Древняя история Южного Зауралья / сер. Этногениз уральских народов / отв. ред. Н.О. Иванова. - Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. - Т. 1. - 534 с.

131. Дублянский Ю.В., Косинцев П.А., Широков В.Н., Шпётль К. Посещения Игнатиевской пещеры людьми в позднем палеолите: уточнение и расширение радиоуглеродной хронологии // Российская археология. - 2021. - №3. - С. 7-19.

132. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. - Прага: Артия, 1985. - 560 с.

133. Ефименко П.П. Первобытное общество. - Киев: Изд-во Акад. наук Укр. ССР, 1953. - 664 с.

134. Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озерного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного стороя. (Информационные материалы). - Свердловск, 1989. - С. 46-48.

135. Житенев В.С. Череп пещерного медведя (Ursus speleus) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всерос. арх. Съезда / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. - Новосибирск, 2006. - Т. I.- С. 201-203.

136. Житенев В.С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследования // XVII Уральское археологическое совещание. Мат-лы науч. конф. - Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. - С. 92-93.

137. Житенев В.С. Пещера Ключевая (р. Юрюзань, Южный Урал): новые материалы позднепалеолитического времени // XVII Уральское археологическое совещание. Мат-лы науч. конф. - Екатеринбург-Сургут: Изд-во «Магеллан», 2007а. - С. 93-95.

138. Житенев В.С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследования // XVII Уральское археологическое совещание. Мат-лы науч. конф. - Екатеринбург-Сургут: Изд-во «Магеллан», 2007б. - С. 92-93.

139. Житенев В.С. Антропологические материалы из Южно-Уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы / отв. ред К.Н. Гаврилов. - М.: Таус, 2011а. - С. 462-476.

140. Житенев В.С. Новые исследования в Каповой и Игнатьевской пещерах на Южном Урале // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I / отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. - Санкт-Петербург - Москва - Великий Новгород, 2011б. - С. 144-145.

141. Житенёв В.С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 227. - М.: Языки славянской культуры, 2012. - С. 306-314.

142. Житенев В.С. Археологический контекст открытия палеоантропологических материалов в пачке голоценовых напластований Каповой пещеры // Вестник Московского университета. - Серия XXIII. - № 2. 2014. - С. 114-121.

143. Житенев В.С. Капова пещера - верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями. Автореферерат диссертации … доктора исторических наук. – М., 2017. - 66 с.

144. Житенев В.С. Капова пещера - палеолитическое подземное святилище / отв. ред. Н.Б. Леонова. - М.: Индрик, 218. - 296 с. - (Труды исторического факультета МГУ, вып. 127. Сер. II. Исторические исследования, 73).

145. Житенев В.С., Пахунов А.С. Маргарян А, Солдатова Т.Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // Российская археология. - 2015. - № 4. - С. 5-15.

146. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. - М.: Наука, 1961. - 285 с.

147. История башкирского народа / отв. ред. М.М. Кульшарипов. - Т. 1. - М.: Наука, 2009. - 400 с.

148. Итоги биостратиграфических, литологических и фаунистических исследований плиоцена и плейстоцена Волго-Уральской области / отв. ред. В.Л. Яхимович. - Уфа: БФАН СССР, 1977. - 152 с.

149. Итоги изучения разрезов плейстоцена Башкирии с остатками элефантид / отв. ред. М.А. Камалетдинов, В.Л. Яхимович. - Уфа: БФАН СССР, 1985. - 76 с.

150. Кадильников И.П. Природный облик Башкирии // Путеводитель по Башкирии. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1965. - С. 7-19.

151. Казаков П.В. К перспективам изучения озерной котловины озера Сагылкуль в Южном Зауралье // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана. Мат-лы XII Межрегиональной научно-

практической конф. Уфа, 21-23 мая 2018 г. / отв. ред. В.Н. Пучков. - Спб: Свое издательство, 2018. - С. 339-341.

152. Казаков П.В. Остаточные озера N-Q палеогидросети, озерные комплексы и сопутствующие им полезные ископаемые (восточный склон Южного Урала и Зауралье) // Геология. Известия Отделения наук о Земле и природных ресурсов АН РБ. - 2017. - № 23. - С. 63-68.

153. Калинина И.В. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности / гл. ред. С.А. Арутюнов, отв. ред. А.Я. Труфанов. - Екатеринбург-Сургут: изд-во «Магеллан», 2007. - С. 106-124.

154. Карачаровский В.В. Позднечетвертичная фауна бассейна р. Юрюзани // Материалы и исследования по Уралу и Приуралью. - М.: Наука, 1951. - Т. II. - С. 244-269. (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР; № 21).

155. Колобова К.А., Харевич А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Тюгашев И.Е., Маркин С.В., Олсен Дж.У. На востоке неандертальской ойкумены: сравнительное исследование Сухой Мечетки и микокских комплексов Алтая // Camera praehistorica. - 2023. - № 2 (11). - С. 20–39. DOI: 10.31250/2658-3828-2023-2-20-39.

156. Колосов Ю.Г. Мустьерские стоянки района Белогорска. - Киев: Навукова думка, 1983. - 208 с.

157. Константинов М.В. Забайкалье: земля, проникнутая небом // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. - СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. - С. 53-55.

158. Корда И.И. Следы каменного века в г. Магнитогорске // Советская археология. - 1971. - № 1. - С. 200-201.

159. Коробков И.И. Нуклеусы Яштуха // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. - М.-Л.: Наука, 1965. - С. 76-110. (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР).

160. Коробков И.И. К вопросу о методике исследования нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. Т. 6. - Л.: Наука, 1971. - С. 61-99. (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР. № 173).

161. Коробков И.И., Мансуров М.М. К вопросу о типологии тейкско-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождения Чахмаклы в Западном Азербайджане) // Палеолит и неолит СССР. Т. 7. - Л.: Наука, 1972. - С. 55-67. (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР. № 173).

162. Косарев М.Н., Червяцова О.Я. Предисловие составителей // Рюмин Александр Владимирович: история открытия палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) в рукописях и документах. (Документальное издание). - Уфа: Информреклама, 2009. - С. 5-8.

163. Косинцев П.А. Остатки крупных млекопитающих из пещер в верховьях р. Сим // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. - Новосибирск: Наука, 1992. - С. 178-188.

164. Косинцев П.А., Котов В.Г., Пантелеев А.В., Яковлев А.Г. Использование известнякового сырья в верхнем палеолите Урала (по материалам стоянки в пещере Балатукай) // Вестник Пермского университета. - 2018. - Вып. 1 (40). - С. 5-19. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-1-5-19.

165. Котов В.Г. Обследование пещерных памятников на Южном Урале // Археологические открытия 1994 года. - М.: Наука, 1995. - С. 214-215.

166. Котов В.Г. Возникновение пластинчатых индустрий в связи с развитием вкладышевых орудий // Тез. докл. XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апреля 1996 г.). Ч. 1. / отв. ред. В.А. Иванов. - Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1996. - С. 48-50.

167. Котов В.Г. Палеолит // Археологические памятники Башкортостана. - Уфа: Гилем, 1996а. - С. 8-10.

168. Котов В.Г. Изучение следов палеолита на территории Башкортостана // Археологические открытия 1995 года. - М.: Наука, 1996б. - С. 267-268.

169. Котов В.Г. Следы культа медведя по данным пещеры Заповедная на Южном Урале // Тез. докл. Межд. науч. конф. «Пещерный палеолит Урала», 9-15 сентября 1997 г. - Уфа: Принт, 1997а. - С. 42-45.

170. Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш и мифология Южного Урала // Тез. докл. Межд. науч. конф. «Пещерный палеолит Урала», 9-15 сентября 1997 г - Уфа: Принт, 1997б. - С. 74-79.

171. Котов В.Г. Тайны пещеры Шульган-Таш // Ватандаш. - 1997в. - №12. - С. 185-191.

172. Котов В.Г. Мифология Южного Урала. (К вопросу о реконструкции хтонических культов) / ИИЯЛ УНЦ РАН. - Уфа: Принт, 1997г. - 63 с.

173. Котов В.Г. Новобелокатайское палеолитическое местонахождение на северо-востоке Башкортостана // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.): Тез. докл. - Челябинск: Рифей, 1999а. - С. 29-30.

174. Котов В.Г. Методологические принципы анализа каменных орудий // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. Тез. докл. - СПб, 1999б. - С. 7-9.

175. Котов В.Г. Палеолитическое святилище со следами культа пещерного медведя на Южном Урале // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Тез. докл. / отв. ред. Д.Г. Савинов. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. - С. 37-40.

176. Котов В.Г. Почитание пещерного медведя по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры /отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. - Уфа: Гилем, 2001а. - С. 86-105.

177. Котов В.Г. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры /отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. - Уфа: Гилем, 2001б. - С. 54-79.

178. Котов В.Г. Пещера Байсланташ - уникальный памятник на Южном Урале // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Международ. науч. конф., 17-21 апр. 2001 г. - Оренбург: Оренбург. губерния, 2001в - С. 47-48.

179. Котов В.Г. Истоки культа медведя у башкир // Тюркские народы. Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2002 г., г. Тобольск) / отв. ред. А.В. Нескоров и др. - Омск-Тобольск: Тоб. Гос. ист.-архитектур. Музей-заповедник, 2002. - С. 450-452.

180. Котов В.Г. Пещерная стоянка Байсланташ - новый палеолитический памятник на Южном Урале // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / отв. ред. А.Ф. Мельничук и др. - Пермь. 2003. - С. 51-53.

181. Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // Уфимский археологический вестник. - 2004. - Вып. 5. - С. 36-55.

182. Котов В.Г. Изучение палеолитических памятников в верховьях р. Белой // Археологические открытия 2003 года. - М.: Наука, 2004а. - С. 320.

183. Котов В.Г. Костяная рукоятка - уникальное изделие эпохи камня // Уфимский археологический вестник. - 2004б. - Вып. 5. - С. 280.

184. Котов В.Г. Древнейшие следы почитания медведя на территории Евразии: к семантике ритуала // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. - Луганск: ЧП «Вега», 2005. - С. 114-125.

185. Котов В.Г. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр-2 в Южном Зауралье // Производственные центры: источники, «дороги», ареал

распространения. Мат-лы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 18-21 декабря 2006 г. - СПб: ООО «Элексис Принт», 2006а. - С. 14-19.

186. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. - Уфа: Гилем, 2006б. - 408 с.

187. Котов В.Г. Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. - Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006в. - С. 17-21.

188. Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш (Каповая) // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции ЦЭИ УНЦ РАН. - Уфа, 2007а. - С. 34-35.

189. Котов В.Г. Заповедное святилище // Башкирская энциклопедия. Т. III. - Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2007б. - С. 26.

190. Котов В.Г. Игнатиевское святилище // Башкирская энциклопедия. Т. III. - Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2007в. - С. 128.

191. Котов В.Г. Эпоха палеолита // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции ЦЭИ УНЦ РАН. - Уфа, 2007г. - С. 30-33.

192. Котов В.Г. Истоки культа медведя на Урале по данным палеолитического святилища в пещере Заповедная на Южном Урале // Урал-Алтай: через века в будущее. Мат-лы III всерос. тюркологич. конф., посв. 110-летию Н.К. Дмитриева (Уфа, 27-28 июня 2008 года). - Уфа, 2008а. - Т. II. - С. 115-121.

193. Котов В.Г. Костяная индустрия мустьерской стоянки Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана // Уфимский археологический вестник. - 2008б. - Вып. 8. - С. 8-23.

194. Котов В.Г. Муллино // Башкирская энциклопедия. - Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2008г. - Т. IV. - С. 285.

195. Котов В.Г. Палеолит // История башкирского народа / отв. ред. М.М. Кульшарипов. - М.: Наука, 2009. - Т.1. - С. 23-53.

196. Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая). Мифологическая структура и семантика изображений // Уфимский археологический вестник. – 2009а. – Вып. 9. – С. 5-21.

197. Котов В.Г. Мезолит // История башкирского народа. В 7 т. / отв. ред. М.М. Кульшарипов. – М.: Наука, 2009б. – Т.1. – С. 54-63.

198. Котов В.Г. К вопросу о первоначальном заселении Южного Урала // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Мат-лы Всерос. научно-практич. конф. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009в. – С. 56-57.

199. Котов В.Г. Открытие палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой): коллизия А.В. Рюмина и О.Н. Бадера // Рюмин Александр Владимирович: история открытия палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) в рукописях и документах. (Документальное издание). – Уфа: Информреклама, 2009г. – С. 188-194.

200. Котов В.Г. Феномен пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010а. – С. 43-63.

201. Котов В.Г. Новые результаты археологического изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Мат-лы XVIII Уральского археол. совещания (11-16 октября 2010 г.). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010б. – С. 74-78.

202. Котов В.Г. Уникальное святилище в пещере Заповедная на Южном Урале: история исследования и гибели // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010в. – С. 194-220.

203. Котов В.Г. Результаты последних исследований палеолитического святилища в пещере Заповедная на Южном Урале // XVIII Уральское археологическое совещание культурные области, археологические культуры, хронология. Мат-лы XVIII Уральского археол. совещания (11-16 октября 2010 г.). - Уфа: Изд-во БГПУ, 2010г. - С. 81-83.

204. Котов В.Г. Пещера Бастун в горах Барадоста, Южный Курдистан // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. - СПб: Петербургское Востоковедение, 2010д. - С. 127-135.

205. Котов В.Г. Феномен пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». - Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010е. - С. 43-63.

206. Котов В.Г. Лошадь, мамонт и человек. Живопись пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Родина. Спец. вып. - 2010ж. - С. 3-7.

207. Котов В.Г. Исследования А.П. Шокуровым палеолитических памятников на Южном Урале // «Наследие веков». Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / отв. ред. В.Г. Котов и др. - Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011а. - Вып. 2. - С. 30-41.

208. Котов В.Г. Некоторые итоги изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. - СПб-М.-Великий Новгород, 2011б. - Т. I. - С. 159-161.

209. Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш (Каповая) как историко-культурный феномен // Вестник ВЭГУ. - 2011в - № 4 (54) - С. 87-95.

210. Котов В.Г. Шульган-Таш // Башкирская энциклопедия. - Т. 7. - Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2011г. - С. 337.

211. Котов В.Г. Охранные раскопки палеолитического святилища в пещере Заповедная // Археологические открытия 2008 года. - М.: Институт археологии РАН, 2011д. - С. 360-361.

212. Котов В.Г. Возобновление исследований в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 2008 года. - М.: Институт археологии РАН, 2011е. - С. 361-363.

213. Котов В.Г. Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале // Российская археология. - 2012. - № 2. - С. 15-23.

214. Котов В.Г. Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. - СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012а. - С. 179-185.

215. Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) и мифология // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. - Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012в. - С. 85-90.

216. Котов В.Г. Стоянки-мастерские нижнего палеолита Кызыл-Яр-2 и Кызыл-Яр-4 в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. - 2012б. - Вып. 12. - С. 4-19.

217. Котов В.Г. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр 2 в Южном Зауралье // Вестник Пермского университета. - 2013а. - Вып. 1 (31). - С. 7-21.

218. Котов В.Г. Нижнепалеолитические стоянки-мастерские Кызыл-Яр 2 и Кызыл-Яр 4 в Южном Зауралье // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / ред. С.А. Васильев, А.В. Ларионова. - СПб: ИИМК РАН, 2013б. - С. 104-125.

219. Котов В.Г. Проблемная ситуация в уральском палеолитоведении // Переходные эпохи в археологии: Мат-лы Всероссийской археол. Конференции

с межд. участием «XIX Уральское археологическое совещание». - Сыктывкар, 2013в. - С. 23-24.

220. Котов В.Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой: Сборник научных статей. - Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. Гос. ун-та, 2014а. - 344 с. (Труды исторического факультета С.-Пебетерб. Гос. ун-та. Т. 18). - С. 120-141.

221. Котов В.Г. Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П.Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики. - СПб: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014б. (Замятнинский сборник. Вып. 3). - С. 366-385.

222. Котов В.Г. Мифологическая структура пещерного святилища Шульган-Таш (Каповая) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том IV / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. - Казань: Отечество, 2014. - С. 54-59.

223. Котов В.Г. Стоянка-мастерская Карышкино-11 - новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. - 2015а. - №1. - С. 7-20.

224. Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш (Капова) - центр природно-культурного комплекса «Земля Урал-батыра» // Круглый стол по теме: Башкирский Урал - Земля Урал-батыра. - Уфа: Скиф, 2015б. - С. 45-50.

225. Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. Мат-лы Международного научного симпозиума / ред. Ф.Г. Хисамитдинова, В.Г. Котов, Ш.В. Нафиков. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016а. - С. 41-63. (на рус. и англ. языках).

226. Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш (Каповая) в мифологии башкир // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. Мат-лы Международного научного симпозиума / ред. Ф.Г. Хисамитдинова, В.Г. Котов, Ш.В. Нафиков. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016б. - С. 179-198. (на рус. и англ. языках).

227. Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) как объект Всемирного наследия // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / ред. В.В. Бобров. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016в. - С. 230-238.

228. Котов В.Г. История взятия под охрану пещеры Шульган-Таш (Каповой) (The history of protection of the Shulgan-Tash (Kapova) cave) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра». Мат-лы Межд. научн. симпозиума. - Уфа: НПЦ МК РБ, 2016г. - С. 76-84. (на рус. и англ. языках).

229. Котов В.Г. Итоги изучения многослойной стоянки в Купольном зале пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика. Материалы III Международного научного симпозиума / ред. Д.А.Гайнуллин, Г.В.Булякова, И.И.Буляков, Ш.В.Нафиков. - Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2018а. - С. 82-124. (на рус. и англ. языках).

230. Котов В.Г. О начальных этапах заселения территории Южного Урала в нижнем палеолите // Вестник академии наук Республики Башкортостан. - 2018б. - Т. 27. - № 2 (90). - С. 41-51.

231. Котов В.Г. Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018в. - № 1 (40). - С. 16-27. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-016-027.

232. Котов В.Г. Символы и знаки пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Знаки и образы в искусстве каменного века. Межд. конф. Тезисы докладов [Электронный ресурс]. - М.: ИА РАН, 2019а. - С. 65-66. Режим доступа: DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-308-4.65-66.

233. Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш как первооснова изобразительной практики Урала // «Музеефикация историко-культурного наследия: теория и

практика». Материалы IV и V Международных научных симпозиумов. - Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2019б. - С. 112-127.

234. Котов В.Г. Изобразительная практика, основанная на использовании естественных форм камня и кости в каменном веке Евразии // Уфимский археологический вестник. 2020. Вып. 20. - С. 6-35. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2020.20.001

235. Котов В.Г. Каменная индустрия верхнего палеолита пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Записки Института истории материальной культуры РАН. - СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 24 (1). - С. 82-91. DOI: 10.31600/2310-6557-2021-24-82-91.

236. Котов В.Г. Верования и культы в эпоху камня // Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала. Археология и этнография Башкортостана. Т. VI: колл. монография /отв. ред. В.В. Овсянников и др. - Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022а. - С. 13-223.

237. Котов В.Г. Предметы экстраутилитарной деятельности из коллекции каменных изделий верхнепалеолитической стоянки Сергеевка-1 в Южном Приуралье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. - 2022б. - № 1. - С. 50-65. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-50-65.

238. Котов В.Г. Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал (Engraved images of the Shulgan-Tash (Kapova) cave, Bashkortostan, South Ural) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2023. - № 2 (61). - С. 5-15. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-61-2-1.

239. Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш как первооснова наскальной изобразительной практики Урала (Shulgan-Tash cave as an origin of the Ural rock art practice) // Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика. Материалы IV и V Международных симпозиумов: Бурзянский район Республики Башкортостан (22-23 июня 2018 года, 7-9 июня 2019 года). Уфа, 2024. С. 112-137 (на рус. и англ.).

240. Котов В.Г., Курманов Р.Г. Палеолитическая стоянка Мысовая и ее место в палеолите Урала // XVI Бадеровские чтения: сб. научн. статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера (ПГНИУ, 27 ноября - 1 декабря 2023 г.) / отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. - Пермь: ПГНИУ, 2023. - С. 132-138.

241. Котов В.Г., Курманов Р.Г., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Хурмаев А.А. Новые естественно-научные исследования палеолитических памятников в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 1. С. 6–27. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.001

242. Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. - 2004. - Вып. 5. - С. 65-71.

243. Котов В.Г., Резников Е.Д., Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Комплексные исследования пещер на территории Природного парка «Мурадымовское ущелье» в 2009 г. // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс» /отв. ред. В.Г. Котов . - Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. - С. 221-235.

244. Котов В.Г., Румянцев М.М. Комплексные исследования пещеры Мурадымовской 2 (Старомурадымовской) в 2009 г.: предварительное сообщение // XVIII Уральское археологическое совещание культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археол. совещания (11-16 октября 2010 г.). - Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. - С. 78-80.

245. Котов В.Г., Румянцев М.М. К вопросу о культурной ситуации в уральском регионе в эпоху верхнего палеолита // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. - Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. - С. 189-192.

246. Котов В.Г., Румянцев М.М. Феномен использования природных форм в палеолите Евразии: «галечные скульптуры» // Проблемы истории, филологии, культуры. - 2018. - Т. 2. - № 60. - С. 136-151.

247. Котов В.Г., Румянцев М.М. Палеолитическая стоянка-мастерская Акбулатово-3 в горной части р. Белой (Башкортостан) // Вестник Пермского университета. История. - 2021. - № 1 (52). - С. 15-34. DOI: 10.17072|2219-3111-2021-1-15-34.

248. Котов В.Г., Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале // Oriental study. - 2020а. - Т. 13. - Вып. № 5. - С. 1271-1291. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1271-1291.

249. Котов В.Г., Савельев Н.С. Укрепленное посление Селек эпохи бронзы в Башкирском Зауралье (итоги исследований 2003 года) // Археология Евразийских степей. - 2021а. - № 2. - С. 17-28. DOI: 10.24411|2587-6112-2021-10010.

250. Котов В.Г., Савельев Н.С. Святилище с человеческими останками в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. - 2021б. - Т. 21. - № 2. - С. 239-263. DOI: https: //doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.005.

251. Котов В.Г., Савельев Н.С. Новый палеолитический памятник в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. - 2001. - Вып. 3. - С. 88-93.

252. Котов В.Г., Савельев Н.С. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кусимово-8 (Южное Зауралье) // Oriental Studies. - 2022. - Т. 15 (4). - С. 834-848. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-4-834-848.

253. Котов В.Г., Савельев Н.С., Румянцев М.М. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Научно-популярный альманах. - 2014. - Вып. 1(1). - С. 16-17.

254. Котов В.Г., Савельев Н.С., Русланова Р.Р. Стоянка-мастерская Кусимово-6 – памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // Oriental study. – 2020б. – Т. 13. – Вып. № 6. – С. 1594-1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612.

255. Кузеев Р.Г., Пшеничнюк А.Х. Новое открытие пещерной живописи на Южном Урале (предварительные итоги) // Исследования по исторической этнографии Башкирии / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. – Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 144-147.

256. Кузьмина И.Е. Некоторые данные о млекопитающих Среднего Урала в позднемнеоплейстоцене // БКИЧП. – 1975. – № 43. – С. 63-77.

257. Кузьмина С.А. Позднепалеолитическая стоянка Смеловская 2 на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала. Мат-лы Межд. конф. – Уфа: Китап, 1997. – С. 136-137.

258. Куприянов В.А. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. – 2016. – Вып. 16. – С. 19-27.

259. Ларичев В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сыя и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении вселенной // Звери в камне (Первобытное искусство) / отв. ред. Р.С. Васильевский. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 159-198.

260. Лев С.Ю. О классификации резцов Зарайской стоянки в контексте костенковско-авдеевской культуры // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / ред. А.А. Синицин, В.Я. Сергин, Дж.Ф. Хоффекер. – Санкт-Петербург: ООО «Академ Принт», 2002. – С. 144-150.

261. Лепехин И.И Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году (отрывки) // Исследователи-путешественники о Башкортостане. XVIII век / сост. В.В. Сидоров. – Уфа: Китап, 2007. – С. 145-240.

262. Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. - СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2000. - 232 с. (Archaeologica Petropolitana, IX).

263. Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. - Т. 5. - М.-Л.: Наука, 1965. - С. 7-75. (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР; № 131).

264. Любин В.П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР / отв. ред. А.А. Формозов. - М.: Наука, 1970. - С. 19-42.

265. Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. - М.: Наука ЛО, 1977. - 223 с.

266. Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР / отв. ред. П. И. Борисковский. - М.: Наука, 1984. - С. 45-93. (Археология СССР).

267. Любин В.П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. - 1998. - № 5. - С. 15-41.

268. Ляхницкий Ю.С. Многолетние исследования пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИи РГО, как основа спасения ее палеолитической живописи // Изучение заповедной природы Южного Урала. Сб. науч. тр. / отв. ред. Б.И. Миркин, ред. Н. М. Сайфуллина. - Уфа: Издательский дом ООО «Вили Окслер», 2006. - С. 331-382.

269. Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Ширококово II - новый памятник позднего палеолита в бассейне верхней Камы // Каменный век Европейского Севера / отв. ред. А.В. Волокитин. - Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. - С. 7-21.

270. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857-1859 гг. Соч. 2-е изд. - Т. 46. - Ч. 1. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 244 с.

271. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. - М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. - 689 с.

272. Матюхин А.Е. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита / ред. А. Н. Рогачев. - Л.: Наука ЛО, 1983. - С.134-187.

273. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. - М.: Наука, 1976. - 368 с.

274. Матюшин Г.Н. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала // КСИА. - 1985. - Вып. 181. - С. 87-91.

275. Матюшин Г.Н. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. - Уфа, 1978. - С. 86-122.

276. Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. - М., 1996. - 301 с.

277. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. - 328 с.

278. Медведев Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников: Сб. науч. тр. / отв. ред. Г.И. Медведев. - Иркутск: ИГУ, 1981. - С. 16-33.

279. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

280. Мельничук А.Ф. Культурная взаимосвязь памятников поздрей поры верхнего палеолита Чусовского Прикамья и бассейна р. Белая // Наследие веков. Вып. 2. Мат-лы Регион. начно-практич. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность» / отв. ред. В.Г. Котов. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. - С. 71-79.

281. Мельничук А.Ф. Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. - Ижевск: Ижевский университет, 1987. - С. 5-18.

282. Минцлов С.Р. Очерки Приуралья // Адрес-календарь Уфимской губернии и адресная книга на 1911 г. - Уфа, 1911. - С. 9-32.

283. Морозов Ю.А., Котов В.Г. Археологические исследования в зоне строительства Юмагузинского водохранилища // Вестник АН РБ. - 2001. - Т. 6. - № 2. - С. 54 –58.

284. Морозов Ю.А., Котов В.Г. Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища / отв. ред. Э.З. Гареев и др. - Уфа: Гилем, 2002. - С. 173-183.

285. Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. - Екатеринбург: УрО РАН, 2008. - 196 с.

286. Мосин В.С. Раздел 1. Каменный век / Древняя история Южного Зауралья. Том I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2000. С.21-240.

287. Мосин В.С. Южный Урал в каменном веке / История Южного Урала: в 8 т. Т. 1. - Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. - 408 с.

288. Мосин В.С., Широков В.Н. Древнейшее орудие с Южного Урала // Российская археология. - 2007. - № 4. - С. 107-108.

289. Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Юный Урал) // Уфимский археологический вестник. - 2004. - Вып. 5. - С. 12-35.

290. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. - М.: «Прогресс», 1984. - 146 с.

291. Ниорадзе М.Г., Ниорадзе Г.Н. Ранний палеолит Грузии (по материалам стоянки ранних гоминидов в Дманиси) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы межд. конф. (Краснодар - Темрюк, 1-6 сентября 2008 г.). - Ростов-на-Дону, 2008. - С. 89-91.

292. Оленев А.М., Горчаковский П.Л. Природа / Советский союз. Геогр. Описание в 22-х томах. Урал. - М., 1969. - С. 19-70.

293. Отт М., Козловский Я.К. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Переход от среднего к позднему палеолиту в

Евразии: гипотезы и факты /отв. ред. А.П. Деревянко. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - С. 20-31.

294. Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока европейской части СССР. Автореф. … к.и.н. - Ленинград, 1988. - 19 с.

295. Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России. - Сыктывкар, 1996. - 212 с.

296. Павлов П.Ю. Палеолит // Археология Республики Коми / отв. ред. Э.А. Савельева. - М.: ДиК, 1997. - С. 44-90.

297. Павлов П.Ю. Заселение человеком Северо-Востока Европы в эпоху палеолита // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Международ. науч. конф., 17-21 апр. 2001 г. - Оренбург: Оренбург. губерния, 2001. - С. 55-56.

298. Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене - раннем голоцене / отв. ред. М.Г. Жилин. - М., 2007. - С. 73-85.

299. Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2008. - 1 (33). - С. 33-45.

300. Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы : автореферат дис. ... доктора исторических наук. - Санкт-Петербург, 2009а. - 41 с.

301. Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье - памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Российская археология. - 2009б. - №1. - С. 5-17.

302. Павлов П.Ю. Культурные связи населения уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. - 2012. - Вып. 1 (18). - С. 6-23.

303. Павлов П.Ю. О первоначальном заселении Севера Урала // Уральский исторический вестник. - 2015. - № 2 (47). - С. 50-60.

304. Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I - памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. - 1998. - Вып. 15. - С. 4-17.

305. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая (отрывки) // Исследователи-путешественники о Башкортостане. XVIII век /сост., предисл., коммент. В.В. Сидорова. - Уфа: Китап, 2007. - С. 78-82.

306. Панова Н.К., Быкова Г.В. Палинологическая характеристика отложений Игнатиевской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. - Новосибирск: Наука СО, 1992. - С. 191-197.

307. Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском Университете 20-25 апр. 1947 г.: авторефераты, тезисы докладов и общие постановления по вопросам археологических исследований на Урале / отв. ред. Р.В. Мерклин. - Молотов, 1948.

308. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. - Новосибирск: Наука СО, 1992. - 204 с.

309. Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // Советская археология. - 1984. - № 3. - С. 96-104.

310. Петрин В.Т., Нохрин Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск: Наука, 1983. - 208 с.

311. Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // Вопросы археологии Урала. - Свердловска, 1975. - С. 75-85.

312. Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири / В.Е. Стоянов (отв. ред.). - Свердловск: УрГУ, 1977. - С. 56-71.

313. Петрин В.Т., Цейтлин С.М. Геология и палеогеграфия палеолитического памятника Шикаевка // БКИЧП. - № 45. - С. 106-107.

314. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) / сост. и отв. ред. В.Г. Котов. - Уфа: Китап, 2019. - 360 с. Режим доступа: https://www.google.ru/intl/ru/about/products?tab=lh

315. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) / сост. и отв. ред. В.Г. Котов. Изд. 2-е, испр. и доп. - Уфа: Китап, 2023. - 360 с. URL: http://rihll.com/files/Knigi/2023/12/Shulgan-Tash-23.pdf

316. Подурец К.М., Калоян А.А., Котов В.Г., Грешников Э.А., Головкова Е.А., Велигжанин А.А., Шушунов М.Н. Исследование красителя палитры из пещеры Шульган-Таш и реконструкция технологии его изготовления // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. Мат-лы Межд. научного симпозиума / ред. Ф.Г. Хисамитдинова, В.Г. Котов, Ш.В. Нафиков. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. - С. 126-133. (на рус. и англ. языках).

317. Праслов Н.Д., Кузнецова Л.В. Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина) / Н. Д. Праслов, Л. В. Кузнецова. - СПб.: Невская Типография, 2020 - 144 с.

318. Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. - 164 с. (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР; № 45).

319. Рогачев А.Н. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. - Вып. 137. - М.: Наука, 1973. - С. 14-21.

320. Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолита Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / отв. ред. П.И. Борисковский. - М.: Наука, 1984. - С. 162-271.

321. Рождественский А.П. Новейшая тектоника и развитие рельефа Южного Приуралья. - М.: Наука, 1971. - 303 с.

322. Руденко С.И. Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала // Труды Общества землевладения при Петербургском университете. - Т. III. - СПб: тип. А.Э. Коллинс, 1914. - 15 с.

323. Румянцев М.М. Первые исследования палеолитической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. - Казань: Отечество, 2014. - С. 124–127.

324. Румянцев М.М. Становление изучения палеолита на территории Южного Урала (конец XIX в. - 1961 г.) // Уфимский археологический вестник. - 2019. - Вып. 19. - С. 6-16.

325. Рычков П.И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер в Башкирии находящихся за славную и наибольшую почитается // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. - СПб, 1760. Март. - С. 195-220.

326. Рюмин А.В. Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале // Archeologiecké rozhlady. - 1961. - Pač. XIII. - Seš. 5. - S. 712-733.

327. Сабуро Я. Философские размышления о развитии человека. К вопросу о теории отчуждения К.Маркса // Японские материалисты. Актуальные проблемы философской науки и история философской мысли в Японии. - М.: Наука, 1985. - С. 9-66.

328. Савельев Н.С. Глава 1. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала / Антропология Башкир / М.А. Бермишева, В.А. Иванов, Г.А. Киньябаева и др. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. - С. 11-24.

329. Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. - Уфа: Гилем, 2007. - 257 с.

330. Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. // Поволжская археология. - 2017. - № 1 (19). - С 114-129.

331. Савельев Н.С., Русланов Е.В., Котов В.Г., Русланова Р.Р., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Савельева А.Г., Хурмаев А.А. Предварительные итоги трехлетних работ по изучению кургана № 1 могильники Кусимово-3 и стоянки Кусимово-6 в Южном Зауралье // XVI Бадеровские чтения: сб. научн. статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера (ПГНИУ, 27 ноября-1 декабря 2023 г.) / отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина; Пермский государственный национальный исследовательский университет). Пермь: ПГНИУ, 2023.С. 221-225.

332. Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. - 1952. - Вып. 45. - С. 48-61.

333. Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. Вып. 1 / отв. ред. Р.Г. Кузеев. - Уфа: БФАН СССР, 1962. - С. 16-58.

334. Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Тез. докл. Межд. науч. конф. «Пещерный палеолит Урала». - Уфа: Китап, 1997. - С. 97-99.

335. Свиточ А.А. Палеогеография Большого Каспия // Вестник Московского университета. Серия 5. География. - 2015. - № 4. - С. 69-80.

336. Семенов С.А. Первобытная техника: (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). - М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. - 240 с. (МИА. № 54).

337. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. - Л.: Наука ЛО, 1968. - 362 с.

338. Семенов С.А. Введение // Технология производства в эпоху палеолита / ред. А. Н. Рогачев. - Л.: Наука ЛО, 1983. - С. 40-43.

339. Сериков Ю.Б. Серый Камень - древнейший памятник Горбуновского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. - Вып. 1. - Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1997. - С. 15-25.

340. Сериков Ю.Б. Горный хрусталь и его использование в каменном веке Урала // История и философия минералогии: Мат-лы II Междунар. Минералогического семинара. - Сыктывкар, 1999. - С. 101-102.

341. Сериков Ю.Б. Палеолит Среднего Зауралья: Учебное пособие для студентов исторического факультета. - Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный педагогический институт, 1999. - 193 с.

342. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. - Нижний Тагил: Полиграфист, 2000. - 431 с.

343. Сериков Ю.Б. Сакральные свойства хрусталя // Культовые памятники горно-лесного Урала. Коллектив авторов / отв. ред. В.Д. Викторова, Н.В. Федорова, В.Н. Широков. - Екатеринбург, 2004. - С. 224-232.

344. Сериков Ю.Б. Гальки и их использование древним населением Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2005. - № 6. - С. 42-57.

345. Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые вопросы уральского палеолитоведения. - Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. - 137 с.

346. Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. - Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. - 368 с.

347. Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. - Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. - 268 с.

348. Симон Ф. Каповая пещера // Известия Оренбургского отделения Российского географического общества. - 1897. - Вып. 10. - С. 80-85.

349. Синицин А.А. Раскрашенные плитки стоянки Талицкого // Пещерный палеолит Урала. Мат-лы Межд. конф. - Уфа: Китап, 1997. - С. 86-87.

350. Смирнов Н.Г. Структура и состав позднекайнозойских фаун грызунов гор Южного Урала // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. - Новосибирск: Наука СО. 1992. - С. 165-178.

351. Соколов Д., Заневский И., Симон Ф. Протокол об осмотре и измерении Каповой пещеры на р. Белой в Орском уезде Оренбургской губернии, близ д. Шульгановой (Адильгареевой) 3-й Бурзянской волости // Известия Оренбургского отделения Российского географического общества. - 1897. - Вып. 10. - С. 75-79.

352. Соколов Ю.В. Идрисовская пещера // Башкирская энциклопедия. - Уфа: Научное изд-во Башкирская энциклопедия, 2007. - Т. 3. - С. 134.

353. Степанчук В.Н. Соотношение типологического и технологического подходов в реконструктивных обобщениях // Методы изучения каменных артефактов. Материалы межд. Конф. (г. Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2015 г.) / отв. ред. С.А Васильев, В.Е. Щелинский. - Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. - С. 28-32.

354. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. - М.: Искусство, 1985. - 299 с.

355. Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на Чусовой // БКИЧП. - 1940. № 6/7. - С. 139-146.

356. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Учебное пособие. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2004. - 136 с.

357. Утмайер Т. Ориньяк, человек современного типа и проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Северной Азии: взгляд из Центральной Европы // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии:

гипотезы и факты / отв. ред. А.П. Деревянко. Сб. науч. Тр. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - С. 67-78

358. ФГРБ, 1964 - Физико-географическое районирование Башкирской АССР / ред. И. П. Кадильников и др. - Уфа, 1964. - 210 с.

359. Ферсман А.Е. Путешествие за камнем. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 392 с.

360. Филиппов А.К. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. - Л.: Наука ЛО, 1977а. - С. 167-181.

361. Филиппов А.К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите. Автореферат дис. … к.и.н. – Л., 1977б. - 18 с.

362. Филиппов А.К. проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита / ред. А.Н. Рогачев. - Л.: Наука, ЛО, 1983. - С. 9-71.

363. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. - М.: Наука, 1966. - 128 с.

364. Червяцова О.Я., Байзигитов Д.М. Карстовые озера Ыгышма и Йылкасыккан: предварительные результаты морфогенетической оценки // Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс / Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию открытия А.В. Рюминым палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой) Уфа, 26-28 октября 2009 г. / ред. Э.З. Гареев, Н.М. Сайфуллина. - Уфа: Информреклама, 2009. - С. 186-192.

365. Широков В.Н. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья / отв. ред. Э.А. Савельева. - Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. - С. 162-163.

366. Широков В.Н. Уральские писаницы. Южный Урал. - Екатеринбург: изд-во АМБ, 2009. - 128 с.

367. Широков В.Н., Волков Р.Б. Каменные орудия стоянки Богдановка (Южный Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале / отв. ред. С.Е. Чаиркин. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. - С. 13-18.

368. Широков В.Н., Волков Р.Б. Нестерова Г.М. Палеолит и мезолит Урала. Учебное пособие. - Екатеринбург: УрГПУ, 2005. - 160 с.

369. Широков В.Н., Волков Р.Б., Косинцев П.А., Лаптева Е.Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Российская археология. - 2011. - № 1. - С. 125-139.

370. Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. - Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. - С. 3-17.

371. Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. - Екатеринбург, 2013. - 190 с.

372. Шокуров А.П. Старо-Тукмаклинское местонахождение костей млекопитающих в Башкирии // Итоги биостратиграфических, литологических и фаунистических исследований плиоцена и плейстоцена Волго-Уральской области / отв. ред. В.Л. Яхимович. - Уфа: БФАН СССР, 1977. - С. 97-102.

373. Шокуров А.П., Бадер О.Н. Палеолитическое местонахождение на р. Белой // Вопросы геологии окраины Русской платформы и Южного Урала. - Уфа: УНЦ РАН, 1960. - С. 139-144.

374. Шокуров А.П., Киктенко С.Н. Стоянка Муллино-2 // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / отв. ред. В.Л. Яхимович. - Уфа: БФАН СССР, 1978. - С. 123-151.

375. Щелинский В.Е. Производство и функции мустьерских орудий (По данным экспериментального и трасологического изучения). Автореферат дис. … кандидата исторических наук. - Ленинград, 1974. - 18 с.

376. Щелинский В.Е. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // КСИА. - 1975. - Вып. 141. - С. 51-57.

377. Щелинский В.Е. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы / отв. ред. Н.Д. Праслов. - Л.: Наука ЛО, 1977. - С. 182-196.

378. Щелинский В.Е. Следы от работы на кремневых орудиях из местонахождения Хрящи и Михайловское (Северский Донец) // КСИА. - 1981а. - Вып. 165. - С. 63-67.

379. Щелинский В.Е. Виды использования каменных орудий из мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре / отв. ред. Н.Д. Праслов. – М.: Наука, 1981б. – С. 53-58.

380. Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита / ред. А.Н. Рогачев. - Л.: Наука ЛО, 1983. - С. 72-132

381. Щелинский В. Е. Трасологический метод изучения функций первобытных изделий: следы износа на орудиях, их интерпретация и информативные возможности // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 21 / гл. ред. Е.Н. Носов. - СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015а. - С. 31-51.

382. Щелинский В.Е. Что мы хотим узнать, изучая каменный инвентарь палеолитических стоянок? Основные методы изучения каменных изделий // Методы изучения каменных артефактов. Материалы межд. Конф. (г. Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2015 г.) / отв. ред. С.А Васильев, В.Е. Щелинский. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015б. - С. 32-42.

383. Щелинский В.Е. Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // Археологические открытия,

1991-2004 гг. Европейская Россия / ред. Н.А.Макаров. - М.: Ин-т археологии РАН, 2009. - С. 23-34.

384. Щелинский В.Е. Кермек - стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко / отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. - С. 153-171.

385. Щелинский В.Е. Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале: композиция «Лошади и Знаки» в зале Хаоса // Проблемы первобытной культуры / отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. - Уфа: Гилем, 2001. - С. 33-53.

386. Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). - Уфа, 1996. - 30 с.

387. Щелинский В.Е. Некоторые итоги новых исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / ред. А. Х. Пшеничнюк, В. А. Иванов. - Уфа: БФАН СССР, 1987. - С. 5-16.

388. Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы межд. конф., 9-15 сентября 1997 г. - Уфа, 1997. - С. 29-38.

389. Щелинский В.Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: археология, ритуал, мифология. Мат-лы Межд. научного симпозиума / ред. Ф.Г. Хисамитдинова, В.Г. Котов, Ш.В. Нафиков. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. - С. 4-40 (на рус. и англ. яз.).

390. Щелинский В.Е., Додонов А.Е. (†), Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний

палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы межд. конф. (Краснодар - Темрюк, 1-6 сентября 2008 г.) / ред. С.А. Васильев и др. - Ростов-на-Дону: Южный науч. центр РАН, 2008. - С. 21-28.

391. Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х - 1930-х годов). - СПб: Европейский Дом, 2005. - 96 с.

392. Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близнецова на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры / отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. - Уфа: Гилем, 2001. - С. 156-169

393. Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала. Автореф. Дис. … канд. ист. наук. Л., 1986. - 25 с.

394. Щербакова Т.И. Малоизвестные пещерные комплексы Урала и вопросы археологической систематики // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы межд. конф., 9-15 сентября 1997 г. – Уфа: Принт, 1997. - С.15-19.

395. Щербакова Т.И. Работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 2005 года / отв. ред. Н.В. Лопатин. - М.: Наука, 2007. - С. 403-404.

396. Щербакова Т.И. Работы на Горновском местонахождении // Археологические открытия 1984 года. - М.: Наука, 1986а. - С. 163.

397. Яковлев А.Г., Данукалова Г.А., Котов В.Г. Возраст, биостратиграфия и археология озерных отложений вторых надпойменных террас рек Южного Приуралья // Геологический сборник. - 2000. - № 1. - С. 69-71.

398. Янина Т.А. Дидакны Понто-Каспия. - Смоленск: Маджента, 2005. - 300 с.

399. Янина Т.А. Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. - М.: Географический фак. МГУ, 2012. - 264 с.

400. Яхимович В.Л. Антропогеновые отложения Южного Приуралья // Антропоген Южного Урала / ред. В.Л. Яхимович. - М.: Наука, 1965а. - С. 36-53.

401. Яхимович В.Л. Корреляция антропогеновых отложений Предуралья, западного и восточного склонов Южного Урала // Антропоген Южного Урала / отв. ред. В.Л. Яхимович. – М.: Наука, 1965б. – С. 140–142.

402. Яхимович В.Л., Немкова В.К. Средне- и верхнеплейстоценовые отложения Башкирского Предуралья // Плейстоценовые оледнения Восточно-Европейской равнины / отв. ред. А.А.Величко, М.А.Фаустова. – М.: Наука, 1981. – С. 184-196.

403. Яхимович В.Л., Немкова В.К., Алимбекова Л.И. и др. Итоги изучения разрезов плейстоцена с остатками элефантид / отв. ред. М.А. Камалетдинов, В. Л. Якимович. – Уфа: БФАН СССР, 1985. – 76 с.

404. Яхимович В.Л., Немкова В.К., Сиднев А.В. и др. Плейстоцен Предуралья. – М.: Наука, 1987. – 112 с.

405. Яхимович В.Л., Немкова В.К., Сулейманова Ф.И. и др. Плиоцен и плейстоцен Волго-Уральской области. – М.: Наука, 1981. – 175 с.

406. Яхимович В.Л., Немкова В.К., Сулейманова Ф.И. и др. Фауна и флора плиоцена и плейстоцена (опорный разрез Султанаево–Юлушево) / отв. ред. Б.М. Юсупов, В.Л. Яхимович. – М.: Наука, 1983. – 152 с.

407. Яхимович В.Л., Немкова В.К., Яковлев А.Г. Региональные подразделения новой стратиграфической схемы плейстоцена Предуралья и некоторые опорные разрезы. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1988. – 63 с.

408. Яхимович В.Л., Пшеничнюк В.С., Киекбаев И.Д., Шестопал Я.Л. Радиоуглеродные даты, полученные лабораторией института геологии Башкирского филиала АН СССР // БКИЧП. – 1974. – № 42. – С. 195-206.

409. Bordes F. (1988). Typologie du Paleolithique ancient et moyen, Vol. 1, Presses du CNRS, Paris, 102 p.

410. Danukalova G., Eremeev A. (2006). Quaternary loess like deposits of the Southern Urals, *Quaternary International,* Vol. 152-153, pp. 31–36.

411. Danukalova G., Yakovlev A. (2006). A review of biostratigraphical investigations of palaeolithic localities in the Southern Urals region, *Quaternary International*, Vol. 149, Iss. 1, pp. 37–43.

412. Danukalova G.A., Yakovlev A.G., Alimbekova L. et al. (2008). Biostratigraphy of the Upper Pleistocene (Upper Neopleistcene deposits of the Lemeza River valley of the Southern Urals region (Russia), *Quaternary International*, Vol. 190, pp. 38-57.

413. Danukalova G.A., Yakovlev A.G., Kosintcev P. et al. (2009). Quaternary fauna and flora of the Southerrn Urals region (Bashkortostan Republic), *Quaternary International*, Vol. 201, pp. 13-24.

414. Danukalova G.A., Yakovlev A.G., Puchkov V.N. et al. (2002). Excursion Guide of the INQUA SEQS–2002 Conference “The Upper Pliocene–Pleistocene of the Southern Urals region and its significance for correlation of eastern and western parts of Europe,” Ufa, Russia, Ufa, 2002.

415. Dennell R. (2014). Paleoanthropology in Pakistan and China’an IMOS perspective, *Human origin sites and the World Heritage Convention in Asia. World Heritage papers*, № 39, pp. 84-105.

416. Dublyansky Y., Moseley G. E., Lyakhnitsky Y., Cheng H., Edwards L. R., Scholz D., Koltai G., Spötl Ch. (2018) Late Palaeolithic cave art and permafrost in the Southern Ural, *Scientific reports*, 8:12080, pp. 1-7. DOI:10.1038/s41598-018-30049-w

417. Excursion guide of the INQUA SEQS - 2002 conference, 30 June - 7 July, 2002, Ufa (Russia) / G.A.Danukalova, A.G.Yakovlev, V.N.Puchkov, K.N.Danukalov, A.K.Agadjanian, Th. van Kolfschoten, A.A.Eremeev and E.M.Morozova, Ufa. 2002.

418. Gibbons A. (2024). Oldest human genome comes from a Denisovan, *Science,* vol. 385, issue 6706, pp. 240-241.

419. Gimranov D. O., Kotov V. G., Rumyantsev M. M., Silaev V. I., Yakovlev A. G., Yakovleva T. I., Zelenkov N. V., Sotnikova M. V., Devyashin

M. M., Plasteeva N. A., Zaretskaya N. E. , Nurmukhametov I. M., Smirnov N. G. , Kosintsev P. A. (2018). A Mass Burial of Fossil Lions (Carnivora, Felidae, *Panthera* (*Leo*) *ex gr. fossilis-spelaea*) from Eurasia, September 2018, Vol. 482, pp 191–193.

420. Gimranov D., Kosintsev P. (2020). Quaternary large mammals from the Imanay Cave, *Quaternary International,* vol. 546, 2020, pp. 125-134. DOI: 10.1016/j.quaint.2020.01.014

421. Kolpakov E.M., Vishnyatsky L.B. (1989). The Bordes Method? *Norwegian Archaeological Review, vol. 2, № 22,* pp. 107-118.

422. Kotov V. (2002). Novobelokataj Palelithic site in the north*east of Bashkortostan. In: Volume of the Abstracts of the INQUA SEQS – 2002 conference, 30 June – 7 July, 2002, Ufa (Russia), Ufa: Publishers "Dauriya", p. 41.*

423. *Kotov V.G. (2015) Natural and cultural complex "Bashkir Ural". In: World Heritage: HEADS 4: Human origin sites and the World Heritage Convention in Eurasia,* Paris, pp. 142-152.

424. La Prehistoire Française. T. I / H. Lumley. Paris: Éditions du centre national de la recherché scientifique, 1976, 1632 p.

425. Moncel M.-H., Pleurdeau D., Pinhasi R., Mgeladze A., Yeshurun R., Tushabramishvili N., Agapishvili T., Jennings R., Higham T., Lordkipanidze D. (2013). New insights into the Lower and Middle Palaeolithic in Georgia. In: Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Под ред. С.А. Васильева, А.В. Ларионовой. - СПб: ИИМК РАН, 2013, pp. 51-78.

426. Puchkov V., Danukalova G. (2009). The Late Pliocene and Pleistocene history of the Southern Urals Region in the light of neotectonic data, *Quaterary International,* Vol. 201, pp. 4-12.

427. Ščelinsij V.E., Širokov V.N. (1999). Höhlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. - Jan Thorbecke Verlag, 171 p.

428. Yakovlev A. Danukalova G. et al. (2006). Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of “Bajslan-Tash cave” (the Southern Urals), *Quaternary International*, Vol. 149, Iss. 1, pp. 115–121.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РБ - Академия наук Республики Башкортостан

АН СССР – Академия наук СССР

АЭБ - Археология и этнография Башкирии

БГОМ - Башкирский государственные объединенный музей Республики Башкортостан

БГПУ - Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа

БГУ - Башкирский государственный университет, г. Уфа

БКИЧП - Биллютень Комиссии по изучению четвертичного периода

БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук

БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР

ВО - Восточное отделение

ВСЕГЕИ - Всероссийский геологический институт, г. Ленинград-Санкт-Петербург

д.и.н. - доктор исторических наук

ИА АН СССР - Институт археологии Академии наук СССР

ИАЭ СО РАН - Институт археголоии и этнографии Российской академии наук

ИГ РАН - Институт геологии Российской академии наук

ИГ БФ АН СССР - Институт геологии Башкирского филиала Академии наук СССР

ИГ БНЦ АН СССР - Институт геологии Башкирского научного центра Академии наук СССР

ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

ИИЯЛ БФАН СССР - Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, г. Уфа

ИИЯЛ УФИЦ РАН - Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа

ИЭРЖ УрО РАН - Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛО – Ленинградское отделение

М. – Москва

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

мБС - высота в метрах в Балтийской системе

М.–Л. - Москва - Ленинград

МИА - Материалы и исследования по археологии, продолжающееся издание

МТФ - молочно-товарная ферма

НА ИА РАН - Научный архив Института археологии Российской академии наук

НА ИИЯЛ УФИЦ РАН - Научный архив Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

НПЦ - Научно-производственный центр

НТГСПА – Нижне-Тагильская Государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил

ПГУ – Пермский государственный университет

РГО – Русское географическое общество

СО – Сибирское отделение

СО РАН - Сибирское отделение Российской академии наук

СПб - Санкт-Петербург

ТКИЧП – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода

УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук

УрГУ - Уральский Государственный университет, г. Екатеринбург

УрГПУ – Уральский Государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

УрО РАН - Уральское отделение Российской академии наук

ФГРБ - Физико-географическое районирование Башкирской АССР / [Ред. коллегия: И. П. Кадильников и др.]. Уфа, 1964. 210 с.

ЦКП «Геохронология кайнозоя» - Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск,

ЭИ УФИЦ РАН - Этнологический институт Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

ЮУрГУ - Южно-Уральский государственный унивеситет

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение

УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Обособленное структурное подразделение

ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи

Котов Вячеслав Георгиевич

СРЕДНИЙ И ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

Специальность 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

в 2-х томах

Том 2

Уфа 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1. Таблицы……... 3

Приложение 2. Иллюстрации……. 32

Приложение 1

Таблица 1. Свод палеолитических памятников Южного Урала

№ п\п	Название памятника	Местонахождение	Автор	Год	Время, датировка	Источник, публикация
1	Шульган-Таш (Каповая), пещерное святилище	Бурзянский р-н РБ, д. Гадельгареево	Рычков П.И., Лепехин И.И. Рюмин А.В., Бадер О.Н., Щелинский В.Е., Котов В.Г., Житенев В.С.	1760, 1770, 1959 – н.в.	верхн. палеолит 19,5-10 и 3 тыс. л.н.	Рычков, 1761, Лепехин, 1772, Бадер, 1965; Щелинский, 1996; 1997; 2001; Schelinski, Shirokov, 1999
2	Игантиевская (Ямазы-Таш), пещерное святилище, стоянка	Катав-Ивановский р-н, д. Серпиевка	Паллас П.С., Руденко С.И. Бибиков С.Н, Петрин В.Т. Широков В.Н. Чаиркин С.Е.	1760, 1913, 1938, 1951 1980 – н.вр.	верхн. палеолит 28, 18-10 тыс.	Петрин, 1991; Schelinski, Shirokov, 1999; Широков, Петрин, 2013

3	Ключевая, пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ	Бибиков С.Н., Житенев В.С.	1938, 2005	Верхн. палеолит	Бибиков, 1940; 1950; Бадер, 1951; Житинев, 2007
4	Гребневая, пещерная стоянка	Катав-Ивановский р-н, д. Лимоновка	Бибиков В.Н.	1938	Верхн. палеолит ?	Бибиков, 1950а
5	Барановская, пещерная стоянка	Катав-Ивановский р-н, д. Лимоновка	Бибиков В.Н.	1938	Верхний палеолит	Бибиков, 1950а
6	Смирновская пещерная стоянка	Катав-Ивановский р-н, ст.Усть-Катав	Бибиков В.Н.	1938	Верхний палеолит ?	Бибиков, 1950а
7	Грот Кочкари I, пещерная стоянка	Катав-Ивановский р-н, р. Минка	Бибиков В.Н.	1938	Верхний палеолит ?	Бибиков, 1950а
8	Грот Кочкари II, пещерная стоянка	Катав-Ивановский р-н, р. Минка	Бибиков В.Н.	1938	Верхний палеолит ?	Бибиков, 1950а
9	Усть-Катавская II, пещерная стоянка	Катав-Ивановский р-н, ст. Усть-Катав	Бибиков В.Н.	1939	Верхний палеолит ?	Бибиков, 1950а
10	Орловский навес, стоянка	Катав-Ивановский р-н, п. Орловка	Бибиков В.Н.	1939	Верхний палеолит ?	Бибиков, 1950а

11	Никольский навес	Усть-Катавский р-н, п. Тирлян	Бибиков В.Н.	1939	Верхний палеолит ?	Бибиков, 1950а
12	Яумбаевская пещерная стоянка	Белорецкий р-н РБ, д.Яумбаево	Ищерико в П., Нехорошев П.Е.	1939 ? 1987	Верхний палеолит ?	Нехорошев, 1987-А
13	Усть-Тирлянский грот, стоянка	Белорецкий р-н РБ, п. Тирлян	Равский	1945	Палеолит ?	
14	Усть-Айская пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ, д.Алексеевка	Крижевская Л.Я.	1948	Верхний палеолит ?	Бадер, 1964
15	Уртазымский навес	Челябинская обл.	Формозов А.А.	1949	Верхний палеолит ?	Формозов, 1951
16	Бугодакское местонахождение	Челябинская обл., оз.Б.Бугодак	Сальников К.В.	1950	Палеолит ?	Сальников, 1950
17	Мысовая (Карабалыкты 7), стоянка	Абзелиловский р-н РБ, д. Ташбулатово	Бадер О.Н., Матюшин Г.Н.	1962, 1970	Нижний, средний палеолит, мезолит-РЖВ	Бадер, 1971-А; Бадер, Матюшин, 1973; Бадер, 1973; Матюшин, 1978, 1985
18	Байсланташ (Акбутинская, Любимая), пещерная стоянка	Мелеузовский р-н РБ	Шокуров А.Н., Матюшин Г.Н., Обыденнов М.Ф., Котов В.Г.	1960, 1961, 1999 - 2004	верхн. пал., мез., неолит, энеолит, бр. в., р.ж.в.	Шокуров, 1960; Котов В.Г., 2004

19	Кульюрт-Тамак 1 (Космонавтов), пещерная стоянка	Бурзянский р-н РБ, д. Гадельгареево	Шокуров А.П.; Бадер О.Н.; Нехорошев П.Е.	1961, 1965, 1968, 1971, 1973, 1987-1988	Верх. палеолит, 15-16 тыс.	Шокуров, 1960-А, 1966-А; Бадер, 1964, 1966, 1974; Нехорошев, 1984-А; Щербакова, 1986а; Нехорошев, Гиря, 2004
20	Кульюрт-Тамак 2 навес, стоянка	Бурзянский р-н РБ, д.Гадельгареево	Бадер О.Н.	1960	Верхний палеолит	Бадер, 1960-А
21	Жемчужная, пещерная стоянка	Бурзянский р-н РБ, д.Гадельгареево	Котов В.Г., Румянцев М.М.	2011, 2020	Верхний палеолит, РЖВ	Котов, 2012-А, 2022-А
22	Заповедная, пещерное святилище	Белорецкий р-н РБ	Морозов Ю.А., Котов В.Г.	1981, 1993-н.в.	верх. пал. 12 тыс.	Морозов, 1981; Котов, 1997, 2001, 2003, 2012
23	Балатукай (пещера № 9), пещерная стоянка	Бурзянский р-н РБ, д. Гадельгареево	Шокуров А.П., Котов В.Г.	1960, 2004	верх. пал. 13-12 тыс. , р.ж.в.	Шокуров, 1960; Котов, 2004.
24	Смеловская 2, пещерная стоянка, святилище?	Кизиловский р-н Чел. Обл., п. Смеловский	Сальников К.В., Бадер О.Н.	1950, 1969	верх. пал., мезол.?	Сальников, 1950а; Бадер, 1969; Сальников, 1962; Бадер, 1971.
25	Смеловская 1, пещерная стоянка	Кизиловский р-н Чел. Обл., п. Смеловский	Сальников К.В.	1950	верхн. пал.	Сальников, 1950а

26	Новобелокатайская, стоянка	Белокатайский р-н РБ, с. Н.Белокатай	Сальников К.В., Котов В.Г.	1964, 1994-1996	Средний палеолит, 41 ты.л.н.	Сальников, 1964-А; Котов, 1996, 2009
27	Козырбаковская, пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ, д. Козырбаково	Матюшин Г.Н.		верхн. пал.	Матюшин, 1976; Сухов, 1978
28	Идрисовская (Юлаевская 2), пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ, с. Идрисово	Бибиков С.Н., Бадер М.А., Губайдулина А.Р., Широков В.Н., Ульянов С.В.	1937-1939, 1951, 1981, 1987, 1998	верхний палеолит	Бибиков, 1950а; Бадер, 1953; Береговая, 1960; Губайдуллина, 1981-А; Широков, 2009
29	Горново, стоянка	Уфимский р-н РБ, д. Горново	Шокуров А.П.,	1959, 1960, 1961, 1983, 1984	Верхний палеолит, 21-30 тыс. л.н.	Шокуров, 1959-А; Шокуров, Бадер, 1960; Яхимович, 1965; Котов, 2011
30	Куаломат, пещерная стоянка	Бурзянский р-н, д. Гадельгареево	Бадер О.Н., Котов В.Г.	1961, 1964, 1965, 1971	Верхний палеолит	Бадер О.Н., 1961-А, 1964-А, 1965-А, 1971-А; Котов, 2005-А
31	Муйнак-Таш (Театральная), пещерная стоянка	Мелеузовский р-н РБ	Шокуров А.П., Матюшин Г.Н., Котов В.Г	1961, 1962, 1999	Верхний палеолит, бр. век, РЖВ	Шокуров, 1961-А; Матюшин, 1962-А; Котов, 2000-А

32	Мурадымовская-1 (Голубиная), пещерная стоянка	Кугарчинский р-н РБ, д. Юлдыбаево 3-е	Преображенский Н.А.; Бадер О.Н., Котов В.Г.	1942, 1948, 1960, 1976, 2009	Верхний палеолит	Бадер, 1960-А, 1962, 1971-А, 1977-А; Котов и др., 2010б
33	Мурадымовская-2	Кугарчинский р-н РБ, д. Юлдыбаево 3-е	Пшеничнюк А.Х., Котов В.Г.	1960, 1984, 2009, 2011	Верхний палеолит, мезолит	Кузеев, Пшеничнюк, 1984; Котов, Румянцев, 2010; Котов и др., 2010б; Котов, 2015
34	Старо-Тукмаклинское местонохождение	Кушнаренковский р-н РБ, д. Ст. Тукмаклы	Шокуров А.П., Бадер О.Н.,	1955, 1969	Нижний палеолит	Шокуров, 1977; Бадер, 1971-А; Гарутт, 1985; Итоги биостратиграфически…, 1977
35	Грот у Каменного Кольца, стоянка		Бадер О.Н.	1960-1963	Верхний палеолит	Бадер, 1973
36	Имендяшевская (Сизякуй), пещерная стоянка	Гафурийский р-н РБ, д. Имендяш	Бадер О.Н., Коновалов А.В., Овсянников В.В., Каюмов И., Котов В.Г.	1960, 1965, 2011, 2020	Нижний палеолит, верхний палеолит, РЖВ	Бадер, 1960-А; Коновалов, 1965-А; Овсянников, Каюмов, 2011-А; Котов, 2022б-А; Котов, 2009
37	Ильмурзино, стоянка	Кушнаренковский р-н РБ, с. Ильмурзино	Матюшин Г.Н.	1961-1969	Верхний палеолит, мезолит-энеолит	Матюшин, 1976
38	Новобелокатайская,	Белокатайский р-н РБ, с.	Сальников К.В.,	1964, 1994-	Средний палеолит, 41	Сальников, 1964-А; Котов, 1996-А; 1999,

	стоянка	Н.Белокатай	Котов В.Г.	1996	тыс. л.н.	2009; 2008б
39	Сюнь-1, стоянка	Бакалинский р-н РБ, п. Бакалы	Матюшин Г.Н.	1967	Верхний палеолит	Матюшин, 1976
40	Сюнь-2, стоянка	Бакалинский р-н РБ, п. Бакалы	Матюшин Г.Н.	1967	Верхний палеолит	Матюшин, 1976
41	Муллино-2, местонахождение	Туймазинский р-н РБ, г. Октябрьский	Шокуров А.П., Матюшин Г.Н.	1967-1970	Средний палеолит ?	Шокуров, Киктенко, 1978; Матюшин, 1982; 1996; Котов, 2008г, 2009, 2011а
42	Сабакай 3, пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ, п. Сарапуловка	Матюшин Г.Н.	1969, 1972	Палеолит ?	Матюшин, 1972
43	Козырбаковская пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ, с. Малояз	Матюшин Г.Н.	1972	Палеолит?	Матюшин, 1976
44	Малый Липовый XIV, местонахождение	Челяб. Обл., вдх Аргазинское	Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.	1980?	Палеолит ?	Петрин и др., 1983
45	Айская стоянка	Салаватский р-н РБ, д.Торналы	Губайдуллина А.Г.	1981	Средний палеолит ?	Губайдуллина, 1981
46	Лабазы-1, стоянка	Курманаевский р-н Оренб. Обл., с. Лабазы	Богданов С.В.	1983	Верхний палеолит, 40 тыс. л.н.	Богданов, Котов, 2008
47	Лабазы-2, стоянка	Курманаевский	Богданов С.В.	1983	Верхний	Богданов, Котов, 2008

		р-н Оренб. Обл., с. Лабазы			палеолит, 37 тыс. л.н.	
48	Чебаевского (Кисилевская) пещерное святилище	Челябинская обл., п.Аша	Гарустович Г.Н., Котов В.Г.	1983, 1996-2010	Верхний палеолит ?	Гарустович, Котов, 2010
49	Серпиевская пещерное святилище	Усть-Катавский р-н Чел. Обл., д.Серпиевка	Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е.	1986	Верхний палеолит	Петрин и др., 1990
50	Сикияз-Тамак 1, пещерная стоянка	Саткинский р-н, Челяб. Обл.	Юрин В.И. Житенев В.С.	1996	Верхний палеолит, 11,6 тыс.л.н.	Житенев, 2006, 2007
51	Сикияз-Тамак X, пещерная стоянка	Саткинский р-н, Челяб. Обл.	Житенев В.С.	2006	Верхний палеолит	Житенев, 2007а
52	Навес Эссюм 1	Катав-Ивановский р-н Челяб. Обл.	Котов В.Г.	2005	Верхний палеолит	Широков, 2006-А
53	Шульганово 4, стоянка	Бурзянский р-н РБ, д. Гадельгареево	Румянцев М.М.	2013	Верхний палеолит	Румянцев, 2014, 2016-А
54	Ташкелят (Молодых, Эй-Таш), пещерная стоянка	Бурзянский р-н РБ, д. Гадельгареево	Трусов А., Бадер О.Н., Щелинский В.Е., Котов В.Г.	1976, 1982,	Верхний палеолит ?	Бадер, 1976-А, Щелинский, 1982-А, Котов, 2015-А

				2013		
55	Пещера Кульюрт-Тамак 2	Бурзянский р-н РБ, д. Гадельгареево	Бадер О.Н., Котов В.Г.	1971, 2004	Верхний палеолит ?	Бадер, 1971-А, Котов, 2004-А
56	Максютовский грот, стоянка	Бурзянский р-н РБ, д. Максютово	Котов В.Г.	1999, 2002	Верхний палеолит	Котов, 1999-А, 2002-А
57	Штабная, пещерная стоянка	Кугарчинский р-н РБ, д. Сыртланово	Котов В.Г.	1999	Верхний палеолит ?	Котов, 1999-А
58	Табулдинское местонахождение	Стрелибашевский р-н РБ, д.Табулды	Яхимович В.Л., Щербакова Т.И., Обыденнов М.Ф.	1981, 1982, 1983	Верхний палеолит	Итоги изучения…, 1985, Данукалова, 2007, Акбулатов, Обыденнов, 1983-А
59	Грот Бобылек, пещерная стоянка	Свердловская обл.	Волокитин А.В., Широков В.Н.	1990, 1991	Верхний палеолит, 14 тыс. л.н.	Волокитин, Широков, 1997; Широков и др., 2005
60	Троицкая I, стоянка	Челябинская обл., г. Троицк	Широков В.Н.	1984, 1990	Верхний палеолит, 16 тыс. л.н.	Широков и др., 1996, Широков и др. 2005
61	Пещерный Лог, стоянка	Челябинская обл, г.Магнитогорск	Куприянов В.А.	2006	Верхний палеолит	Куприянов, 2016

62	Большие Аллаки II, стоянка	Каслинский р-н Челяб. Обл.	Жилина И.В., Петрин В.Т.	1988 ?	Верхний палеолит, 24 тыс. л.н.	Жилина, Петрин, 1989
63	Сарыташ-1в, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Карышкино	Савельев Н.С., Котов В.Г.	1996, 2004	Средний палеолит	Савельев, 1997-;, Котов, 2005-А
64	Кызыл-Яр 2, стоянка	Баймакский р-н РБ, д. Мансурово	Савельев Н.С., Котов В.Г.	1997, 2003, 2022	Нижний палеолит	Котов, 2003, 2006а, 2009, с. 25; 2009в, 2012б, 2013а, 2013б
65	Кызыл-Яр 4, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д. Мансурово	Котов В.Г.	2003	Нижний палеолит, мезолит	Котов, 2013а, 2013б
66	Улек-Хазы-6, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д. Баишево	Котов В.Г.	2004	Нижний палеолит	Котов, 2005-А
67	Юмаш-Тау-7, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д. Мансурово	Котов В.Г.	2003	Нижний палеолит	Котов, 2004-А
68	Юмаш-Тау-8, стоянка	Баймакский р-н РБ, д. Мансурово	Котов В.Г.	2003	Нижний палеолит	Котов, 2004-А
69	Карышкино-11, стоянка	Баймакский р-н РБ, д.Карышкино	Савельев Н.С., Котов В.Г.	1997, 2005	Нижний палеолит	Савельев, 1997-А; Котов, 2004-А, 2015а
70	Карышкино-12, стоянка	Баймакский р-н	Котов В.Г.	2003	Нижний	Котов, 2004-А

		РБ, д.Карышкино			палеолит-неолит	
71	Каменный Овраг-10, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Урал	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
72	Каменный Овраг-18, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Урал	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
73	Каменный Овраг-20, стоянка-мастерская	Баймакский р-н РБ, д.Урал	Котов В.Г.	2004	Верхний палеолит ?	Котов, 2005-А
74	Каменный Овраг-21, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Урал	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
75	Калинино-4, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Калинино	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
76	Калинино-5, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Калинино	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
77	Калинино-6, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Калинино	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
78	Сухое Озеро-5, стоянка	Баймакский р-н РБ, д.Яковлевка	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
79	Сухое Озеро-7, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Яковлевка	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
80	Узян-2, стоянка-мастерская	Баймакский р-н РБ, д.Яковлевка	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?, неолит-энеолит	Котов, 2005-А

81	Узян-3, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Яковлевка	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
82	Узян-6, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Яковлевка	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
83	Сагылузяк-14, стоянка	Баймакский р-н РБ, д.Карышкино	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
84	Сагылузяк-18, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Карышкино	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
85	Сагылузяк-22, стоянка	Баймакский р-н РБ, д.Карышкино	Котов В.Г.	2004	Верхний палеолит ?	Котов, 2005-А
86	Карамала-4, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Яковлевка	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
87	Сосновка-6, местонахождение	Баймакский р-н РБ, отд.Комсомольское	Котов В.Г.	2004	Палеолит ?	Котов, 2005-А
88	Сосновка-19, стоянка	Баймакский р-н РБ, отд.Комсомольское	Котов В.Г.	2004	Верхний палеолит ?	Котов, 2005-А
89	Сосновка-20, стоянка	Баймакский р-н РБ, отд.Комсомольс	Котов В.Г.	2004	Верхний палеолит ?	Котов, 2005-А

		кое				
90	Навес (Остров Веры-6), стоянка	Челябинская обл., оз. Тургояк	Савельев Н.С., Котов В.Г.	2006, 2007	Нижний, средний, верхний палеолит, мезолит-энеолит, РЖВ	Григорьев и др., 2008; Григорьев С.А., 2008-А, с. 42-51; Григорьев и др., 2010; Котов, 2009, с. 25, рис. 4
91	Кусимово-7, стоянка	Абзелиловский р-н РБ, д.Кусимово	Котов В.Г.	2020	Нижний, средний палеолит	Котов, Савельев, 2022; Археологическая экспедиция …, 2020
92	Кусимово-8, местонахождение	Абзелиловский р-н РБ, д.Кусимово	Котов В.Г.	2020	Нижний, средний палеолит	Котов, Савельев, 2022; Археологическая экспедиция …, 2020
93	Яманкая-1, стоянка-мастерская	Абзелиловский р-н РБ, д.Кусимово	Котов В.Г.	2020	Нижний, средний палеолит	Котов, Савельев, 2022; Археологическая экспедиция …, 2020
94	Акбулатово-3, стоянка	Бурзянский р-н РБ, д.Акбулатово	Котов В.Г., Румянцев М.М., Савельев Н.С.	2013	Нижний или средний (?) палеолит, энеолит, РЖВ	Котов, Румянцев, 2021
95	Кусимово-6, стоянка	Абзелиловский р-н РБ, д.Кусимово	Котов В.Г., Савельев Н.С.	2019-2021	Средний палеолит	Котов и др., 2020а; Археологическая экспедиция…, 2020

96	Сабакты-6а, местонахождение	Абзелиловский р-н РБ, п.Геологоразведка	Котов В.Г., Савельев Н.С.	2005	Средний палеолит ?	Котов, 2008-А
97	Долина-1, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Баишево	Савельев Н.С., Котов В.Г.	1997, 2003	Средний палеолит	Савельев, 1997-А; Котов, 2005-А
98	Долина-11, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Баишево	Котов В.Г.	2003	Средний палеолит	Котов, 2005-А
99	Утюльган-8, местонахождение	Баймакский р-н РБ, д.Янзигитово	Котов В.Г.	2004	Средний палеолит	Котов, 2005-А
100	Сибай-5б, местонахождение	Баймакский р-н РБ, р.Худолаз	Котов В.Г.	2004	Средний палеолит	Котов, 2005-А
101	Каялинская пещерная стоянка	Бурзянский р-н РБ, с.Иргизлы	Котов В.Г.	2000	Верхний палеолит ?	Котов, 2001-А
102	Маячная гора, местонахождение	Челябинская обл., г.Магнитогорск	Корда И.И.	1950-е	Средний палеолит ?	Корда, 1971
103	Богдановка, стоянка	Кизильский р-н Челяб. Обл., с.Богдановка	Широков В.Н. , Касимов Э.К., Варов А.И.	1988, 1989	Средний палеолит	Широков, 1989; Широков, Волков, 2001; Широков и др., 2011
104	Иманай-1, пещерная стоянка	Мелеузовский р-н РБ,	Котов В.Г.,	2009, 2015,	Средний палеолит	Котов, 2009; Гимранов и др., 2017; Котов и др., 2020а

		д.Сергеевка	Гимранов Д.О.	2016		
105	Тодора Бояджиева, пещерная стоянка	Салаватский р-н РБ, д.Идрисово	Котов В.Г., Румянцев	2013	Верхний палеолит	Румянцев, 2016-А
106	Зеленая Поляна-1, местонахождение	Абзелиловский р-н РБ, п.Зел.Поляна	Котов В.Г.	2020	Палеолит ?	Котов, 2022-А
107	Зеленая Поляна-2, стоянка	Абзелиловский р-н РБ, п.Зел.Поляна	Котов В.Г.	2020	Палеолит ?	Котов, 2022-А
108	Зеленая Поляна-5, стоянка	Абзелиловский р-н РБ, п.Зел.Поляна	Котов В.Г.	2020	Палеолит ?, неолит-энеолит	Котов, 2022-А
109	Зеленая Поляна-6, стоянка	Абзелиловский р-н РБ, п.Зел.Поляна	Котов В.Г.	2020	Палеолит ?, неолит-энеолит	Котов, 2022-А
110	Карабалыкты-18, отдельная находка	Абзелиловский р-н РБ, д.Биккулово	Котов В.Г.	2020	Палеолит ?	Котов, 2022-А
111	Кусимово-11, стоянка	Абзелиловский р-н РБ, д.Кусимово	Котов В.Г.	2020	Палеолит ?	Котов, 2022-А

Таблица 2. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Находки из раскопа 1 в 2019 г.

№	Название изделия	Итого	%
1	Отщеп	914	41
2	Отщеп с ретушью	505	22,7
3	Осколок	32	1,4
4	Осколок с ретушью	9	0,4
5	Пластина аморфная с ретушью	3	0,13
6	Плитка с ретушью	2	0,1
7	Пластина аморфная	3	0,13
8	отщеп пластинчатый	21	1
9	отщеп пластинчатый с ретушью	4	0,2
10	Отщеп пластинчатый усеченный ретушью	1	0,04
11	Отщеп леваллуа	2	0,09
12	Отщеп с острием	2	0,09
13	Отщеп с подтеской	1	0,04
14	Галька с ретушью	1	0,04
15	Отщеп с подтеской	5	0,25
16	Расколотая галька	10	0,45
17	Чешуйки	3	0,13
18	Пренуклеус	1	0,04
19	Нуклеус бессистемный	41	2
20	Нуклеус аморфный	43	2
21	Нуклеус продольный	5	0,25
22	Нуклеус двусторонний	1	0,04
23	Нуклевидное изделие	116	5,2
24	Нуклеус многоплощадочный	1	0,04
25	Нуклеус ортогональный	15	0,67
26	Нуклеус перекрестного скалывания	3	0,13
27	Нуклеус радиальный	10	0,45
28	Нуклеус уплощенный одноплощадочный	3	0,13
29	Нуклеус с ретушью	1	0,04
30	Скол нуклевидный	7	0,3
31	Нуклевидное изделие - скребло	9	0,4
32	Нуклевидное изделие с ретушью	4	0,18
33	Нуклевидное изделие-отбойник	2	0,09
34	Отбойник на гальке	73	3,3
35	Отбойник на плитке	6	0,27
36	Отбойник на куске кремня	9	0,4
37	Отбойник на сколе	1	0,04
38	Остроконечник бифациальный	1	0,04
39	Молоток-отбойник	4	0,18
40	Ретушер	21	1
41	Ретушер-отбойник	2	0,09
42	Ретушер-отжимник	1	0,04
43	Клювовидное орудие	4	0,18
44	Резчик	91	3,3

45	Резчик-острие	2	0,9
46	Резчик с черенком	1	0,04
47	Резец-резчик	4	0,18
48	Резец	46	2
49	Резец тройной	1	0,04
50	Резец-нож	1	0,04
51	Рубило	1	0,04
52	Микрорезчик	1	0,04
53	Орудие с шипом	53	2,4
54	Орудие с шипом-резец	1	0,04
55	Рубящее орудие двустороннее	3	0,13
56	Рубящее орудие-скребок на нуклеусе	1	0,04
57	Скребло	13	0,6
58	Скребло продольное	7	0,3
59	Скребло поперечное	2	0,09
60	Скребло конвергентное	5	0,25
61	Скребло скошенное	1	0,04
62	Скребло двойное	1	0,04
63	Скребок	2	0,09
64	Скребок боковой	1	0,04
65	Скребок прямой	1	0,04
66	Скребок двойной	1	0,04
67	Скребок-резчик	1	0,04
68	Скребок-острие	2	0,09
69	Микроскребок	1	0,04
70	Наконечник копья	1	0,04
71	Скребло на нуклеусе	1	0,04
72	Скребло-скобель	1	0,04
73	Скребло-резчик	1	0,04
74	Острие с частично бифациальной обработкой	1	0,04
75	Острие с противолежащей ретушью	1	0,04
76	Острие	21	1
77	Нож обушковый	13	0,6
78	Проколка	6	0,3
79	Орудие с шипом-резчик	1	0,04
80	Нуклевидное изделие-резчик	1	0,04
81	Выемчатое орудие	7	0,3
82	Орудие с двусторонней обработкой	2	0,09
83	Зубчатое орудие	2	0,09
84	Кливер	1	0,04
85	Комбинированное орудие	2	0,09
	Итого	2219	100

Таблица 3. Находки в пещере Иманай-1, раскоп 1

№	Тип изделия		
		Общее кол-во	%
1	Нуклевидные формы	8	2
2	Отщепы/сколы	60	15
3	Осколки	5	1
4	Отщеп с ретушью	6	1,2
5	Пластина/пластинчатый отщеп	3	1
6	Пластина с ретушью	2	0,5
7	Резчик	229	57
8	Острие	19	5
9	Резец	21	5
10	Острие-проколка	1	0,2
11	Резчик-резец	3	1
12	Скребло-резец		
13	Резчик-скребло	6	1,5
14	Резчик-скребок	3	1
15	Орудие с шипом	3	1
16	Резец-резчик-скребок	2	0,5
17	Отбойник	1	0,2
18	Острие-резчик	1	0,2
19	Остроконечник бифациальный	3	0,2

20	Нож обушковый	2	0,5
21	Скребло конвергентное	4	0,7
22	Скребло двойное	1	0,2
23	Скребло продольное	2	0,5
24	Скребло поперечное	3	0,7
25	Скребло зубчатое	1	0,2
26	Скребло угловатое	1	0,2
27	Скребок	8	2
28	Резец-скребок	1	0,2
	Всего	399	100

Таблица 4. Стоянка Сергеевка-1. Изделия из камня

№	Наименование	Количество		%	
1	Отщепы мелкие из кремня/яшмы	22	735	1,4	47,8
2	Отщепы средние и крупные из кремня/яшмы	440		28,6	
3	Отщеп хрустальный	2		0,1	
4	Отщепы кварцитовые	81		5,2	
5	Отщеп с ретушью кварцитовый	1			
6	Отщепы с ретушью из кремня/яшмы	74		4,8	
7	Отщеп с выемкой из кремня	1			
8	Отщеп с острием из кремня/яшмы	4		0,2	
9	Отщеп с шипом из кремня/яшмы	17		1,1	
10	Сколы нуклевидные из кремня/яшмы	93		6	
11	Нуклеус остаточный из кремня/яшмы	7		0,4	
12	Нуклеус плоский из кремня/яшмы	9		0,6	
13	Нуклеус одноплощадочный из кремня/яшмы	24		1,5	
14	Нуклеус призматич. 2-хплощадочный из кремня/яшмы	4		0,2	
15	Заготовка нуклеуса из кремня	1			
16	Нуклеус ортогональный из кремня/яшмы	19		1,26	
17	Нуклеус ортогональный остаточн. из	2		0,1	

	кремня/яшмы				
18	Нуклеус остаточный плоский из кремня/яшмы	19		1,26	
19	Нуклеус параллельно-встречный из кремня/яшмы	2		0,1	
20	Нуклеус остаточный параллельно-встречный из кремня/яшмы	2		0,1	
21	Нуклеус остаточный призматич. из кремня/яшмы	2		0,1	
22	Нуклеус призматич. двухплощ. остаточн. из кремня	1	241		15,7
23	Нуклеус радиальный из кремня/яшмы	2		0,1	
24	Нуклеус дисковидный из кремня/яшмы	3		0,2	
25	Нуклеус перекрестно-ортогональный из кремня/яшмы	3		0,2	
26	Нуклеус ортогонально-встречный, многопл. из кремня/яшмы	4		0,2	
27	Нуклеус на масс. отщ. с шипом из кремня/яшмы	2		0,1	
28	Нуклеус на масс. пласт. из кремня	1			
29	Нуклеус сфероидный из кремня/яшмы	2		0,1	
30	Нуклеус конусовидный из кремня/яшмы	7		0,4	
31	Нуклеус торцевой из кремня	1			
32	Нуклеус торцевой на масс. отщ. из кремня/яшмы	2		0,1	
33	Нуклеус-скребок-резец из кремня	1			
34	Нуклеус остаточный -скребок кремня	1			
35	Нуклевидные сколы прод и попер. из кремня/яшмы	25		1,6	
36	Обколотые куски кремня/яшмы	77		5	
37	Нуклеусы ортогональные из кварцита/кварцито-песчаника	9		0,6	
38	Нуклеусы одноплощ. из кварцита/кварцито-песчаника	35		2,3	
39	Нуклеусы двухплощад. из кварцита/кварцито-песчаника	12	66	0,8	4,3
40	Нуклеус двухплощ. и отбойник из кварцита/кварцито-песчаника	1			
41	Нуклеусы дисковидные из кварцита/кварцито-песчаника	4		0,2	
42	Расколотая галька из кварцита/кварцито-песчаника	5		0,3	
43	Отбойники из кварцита/кварцито-песчаника	17		1	

44	Посредник каменный из кварцита/кварцито-песчаника	2		0,1	
45	Ретушер из кварцита/кварцито-песчаника	6		0,4	
46	Чоппер из кварцита/кварцито-песчаника	6		0,4	
47	Топор из кварцита/кварцито-песчаника	2		0,1	
48	Скребло из кварцито-песчаника	1			
49	Пластинчатые отщепы из кремня/яшмы	15	266	1	17,3
50	Пластины из кремня/яшмы	134		8,7	
51	Пластины с ретушью из кремня/яшмы	70		4,6	
52	Пластина усеч. ретушью из кремня/яшмы	4		0,2	
53	Пластина усеч. С ретушир. краями из кремня/яшмы	8		0,5	
54	Пластина усеч. с ретушир. краем из кремня	2		0,1	
55	Пластина ретушир. с шипом из кремня/яшмы	9		0,6	
56	Пластина с шипом из кремня/яшмы	14		0,9	
57	Пластина с рет. утилизации	5		0,3	
58	Пластина косоусеченная резцовым сколом из кремня	1			
59	Пластина с противолежащей ретушью из кремня	1			
60	Пластина с притупленной спинкой из кремня/яшмы	3		0,2	
61	Скребки концевые на пластинах полукр. из кремня/яшмы	37	128	2,4	8,3
62	Скребки концевые высокой формы из кремня/яшмы	6		0,4	
63	Скребок концевой скош. на пласт. из кремня	1			
64	Скребки двойные на пласт. из кремня/яшмы	3		0,2	
65	Скребки двойные на отщ. из кремня/яшмы	5		0,3	
66	Скребки угловые из кремня/яшмы	3		0,2	
67	Скребки угловые с острием на отщ. из кремня/яшмы	3		0,2	
68	Скребок на основании нукл. Из кремня	1			
69	Скребок-срединный резец из кремня	1			
70	Скребки полукруглые на отщепах из кремня/яшмы	33		2,1	
71	Скребок с рыльцем из кремня/яшмы	5		0,3	
72	Скребок боковой с рыльцем и рет. краем из кремня	1			
73	Скребок с черенком из кремня/яшмы	4		0,2	
74	Скребок на остаточном нуклеусе из кремня	1			
75	Скребки скошенные из кремня/яшмы	3		0,2	

76	Скребки боковые на отщ. кремня/яшмы	8		0,5	
77	Скребок стрельчатый из кремня/яшмы	2		0,1	
78	Скребок прямой из кремня/яшмы	2		0,1	
79	Скребок концевой с ретуш. боковым краем из кремня/яшмы	3		0,2	
80	Скребок с шипом из кремня/яшмы	5		0,3	
81	Скребок нуклевидный из кремня	1			
82	Скребло из кремня/яшмы	7		0,45	
83	Скребло прямое на пластине из кремня	1			
84	Скребло конвергентное овальное из кремня	1			
85	Резец боковой из кремня/яшмы	33	48	2,1	3,1
86	Резец боковой многофасеточный из кремня/яшмы	6		0,4	
87	Резец поперечный из кремня/яшмы	6		0,4	
88	Резец двойной из кремня/яшмы	2			
89	Резец ретушный двойной из кремня кремня	1			
90	Резцовый скол из кремня	1			
91	Резчик из кремня/яшмы	5		0,3	
92	Острие на отщепе из кремня/яшмы	5		0,3	
93	Долотовидное орудие из кремня/яшмы	3		0,2	
94	Орудие зубчатое из кремня	1			
95	Орудие выемчатое из кремня	1			
96	Галька кремневая	1			
97	Фигурный кремень	1			
98	Фигурная галька из кварцито-песчаника	1			
	Итого:	1538		100	

Таблица 5. Пещерная стоянка Байсланташ. Изделия из камня и кости

№	Наименование	Количество	%
1	Чешуйки	541	28
2	Отщепы	509	26
3	Нуклевидные изделия	12	0,6
4	Нуклеусы	19	1
5	**“**Технические сколы**”**	4	0,2

6	Пластины	63	3,3
7	Отбойники	8	0,4
8	Ретушеры	16	0,8
9	Наковальня	1	0,05
10	Резцы	61	3,2
11	Скребки	26	1,3
12	Скребла	12	0,5
13	Клювовидные орудия	10	0,5
14	Орудия с шипом	11	0,5
15	Проколка	1	0,05
16	Долотовидные	8	0,4
17	Наконечники стрел	2	0,1
18	Микропластины с притупленным краем	5	0,2
19	Фрагменты пластин с притупленным краем	6	0,3
20	Геометрические вкладыши	8	0,4
21	Пластины с ретушью	6	0,3
22	Отщепы с ретушью	22	1,1
23	Галечное орудие	1	0,05
24	Орудия из кости	13	0,7
25	Украшения из кости	3	0,15
26	Амулет	1	0,05
27	Расколотые гальки и осколки	19	1
	Всего	1384	100

Таблица 6. Пещерная стоянка Кульюрт-Тамак-1, каменные изделия

№	Наименование	Кол-во		%
1	Резцы	7	38	10,8
2	Долотовидные	2		
3	Пластины с усеченным концом	4		
4	Проколка	1		
5	Орудие с «шипом»	1		
6	«Клювовидное» орудие	1		
7	Пластина с выемкой	1		
8	Пластина с ретушью	1		
9	Микропластинки с притупленным краем	7		
10	Микропластинки с ретушью	7		
11	Отщепы с ретушью	6		
12	Нуклеус	1	3	1
13	Нуклевидные изделия	2		
14	Пластины	11	50	14,5
15	Микропластинки	39		
16	«Технические отщепы»	3	248	71,9
17	Отщепы	20		
18	Осколки	5		
19	Чешуйки и мелкие отщепы	220		
20	Галечки	6	6	1,7
Всего			345	100

Таблица 7. Радиоуглеродные даты из культурных отложений палеолитических памятников Южного Урала

№ ПП	Место взятия образца	Тип образца	№ образца	Возраст ^{14}C	Калиброванная дата, лет назад (BP)	Источник
1	Ст. Старо-Тукмаклинская	кость	БашГИ – 61	> 50000	-	Итоги биостратиграфических…, 1977
2	Пещ. Иманай-1	кость	GIN-14244	26320 ± 1790	27369-35947	Гимранов и др., 2021, с. 1279
3	- « -	кость	IGAN-5652	34940 ± 140	39703-40516	- « -
4	- « -	кость	IGAN-5652	42410 ± 260	44566-45499	- « -
5	Ст. Новобелокатайская	почва	БашГИ-60	>50000	-	Яхимович и др., 1974. С. 202
6	- « -	уголь	ЛУ - 4149	41070 ± 1570	42341-47903	Данукалова и др., 2000; Котов, 2008б
7	Ст. Лабазы-1	кость	ИГАН-3442	40310 ± 3830	41112-52978 (88.0%)	Богданов, Котов, 2008, с. 30
8	м/н Табулдинское	кость	ЛЕ-2153	31360 ± 250	35271-36225	Итоги изучения…, 1985, с. 41, 43
9	- « -	кость	ЛЕ-2154	34910 ± 300	39448-40725	- « -
10	- « -	кость	ЛУ – 1377А	≥ 34900	39440-40715	- « -
11	Ст. Горново	дерево	РУЛ – 145	21280 ± 550	24264-26548	Свеженцев, Щербакова, 1997; Данукалова, 2010, с. 119
12	- « -	дерево	БашГИ-36	28800 ± 124	32808-33774 (91.7%)	- « -
13	- « -	дерево	Н – 1856/1287	29700 ± 1250	31273-37286	- « -
14	- « -	дерево	ЛУ-3711	26950 ± 560	30026-32248 (94.4%)	Данукалова и др., 2000, с. 70; 2010, с. 119
15	- « -	дерево	ЛУ – 3212	26990 ± 150	30930-31293	- « -

16	- « -	кость	ЛУ – 4153	≥ 33670	35700-41841	- « -
17	Пещ. Смеловская 2 2-й культ. слой	кость	ГИН-8401	31000 ± 1500	32734-39974 (94.2%)	Кузьмина, 1997, с. 136
18	- « -	кость	ГИН-8402	41000 ± 1800	42137-49223	- « -
19	Пещ. Смеловская 2 1-й культ. слой	кость	ЛЕ-2774	15590 ± 150	18633-19233 (93.7%)	- « -
20	- « -	кость	ГИН-8403	25000 ± 600	27881-30436 (94.9%)	- « -
21	Ст. Большие Аллаки	кость	СОАН-2213	24760 ± 1095	27141-31455	Жилина, Петрин, 1989
22	Пещ. Мурадымовская 2	Кость AMS	RGI – 59	24200 ± 700	27274-29982	Котов и др., 2010, с. 225-226
23	Ст. Сергеевка-1	кость	ЛЕ-9603	18000 ± 340	20899-22568	Гимранов и др., 2012, с. 25
24	Пещ. Байсланташ (Акбутинская), палеолитический слой	кость	ГИН – 10853	13560 ± 250	15666-17082	Данукалова и др., 2002, с. 42-43
25	- « -	кость	ГИН – 10855	>38100	40890-44464	- « -
26	Пещ. Балатукай, 4-й культ. слой	кость	СОАН – 7271	11900 ± 130	13570-14056 (89.6%)	Косинцев и др., 2018, с. 8
27	Пещ. Балатукай, 5-й культ. слой	кость	СОАН – 7272	13770 ± 220	16071-17326	- « -
28	- « -	кость	Ki – 14960	13450 ± 120	15829-16575	- « -
29	Пещ. Кульюрт-Тамак-1	уголь	ЛЕ-4350	14920 ± 660	16517-19849	Нехорошев, Гиря, 2004
30	- « -	уголь	ЛЕ-3350	15870 ± 390	18586-20185 (91.2%)	- « -
31	Пещ. Шульган-Таш, зал Знаков, раскоп 1, (Щелинский В.Е.)	уголь	ЛЕ - 3443	14680 ± 150	17465-18244	Щелинский, 1996. С. 13; 1997. С. 31.
32	- « -	уголь	ГИН - 4853	13930 ± 300	16061-17836	- « -
33	- « -	уголь	KN - 5022	15050 ± 100	18206-18647	Ščelinski, Širokov, 1999. P. 73
34	- « -	уголь	KN - 5023	16010 ± 100 BP	19078-19553	- « -
35	- « -	Уголь AMS	Poz-108010	14650 ± 80 BP	16091 BC	Пещерное святилище…,

					(95.4%)[1]	2019
36	Пещ. Шульган-Таш, зал Сталагмитовый, шурф 1, гор. 11 (Котов В.Г.)	Уголь AMS	NSKA – 01922	14400 ± 134	17110-17976	- « -
37	- « -	Уголь AMS	Poz-108009	15420 ± 80 BP	16906 BC (95.4%)	- « -
38	Пещ. Шульган-Таш, зал Рисунков, шурф 2 (Бадер О.Н. - Щербакова Т.И.)	Уголь AMS	RGI – 505	15100 ± 1300	15252-22325	Щербакова, 2005. С. 11
39	Пещ. Шульган-Таш, Балкон Каскадной галереи, шурф 1 гор. 5, (Котов В.Г.)	Уголь AMS	Ki – 15568	13900 ± 190	16323-17375	Котов, 2014
40	Пещ. Шульган-Таш, Балкон Каскадной галереи, шурф 1, гор. 3 (Котов В.Г.)	Уголь AMS	Ki – 15967	16710 ± 800	18643-22410	- « -
41	Пещ. Шульган-Таш, Зал Купольный, раскоп 2, 4 культ. Гор. Гл. 64-69 см. (Житенев В.С.)	Кость AMS	AAR-20983	28050 ± 250	31485-33025	Житенев и др., 2015. С. 6-7.
42	- « -	Кость AMS	AAR-20982	15235 ± 70	18282-18542 (65.5%)	- « -
43	Пещ. Шульган-Таш, Зал Купольный, раскоп 1, 9-й гор. (гл. 40-45 см - 6 культ. слой) (Котов В.Г.)	Уголь AMS	NSKA – 1920	16690 ± 176	19772-20549 (90.6%)	Пещерное святилище…, 2019
44	Пещ. Шульган-Таш, Зал Купольный, раскоп 1, 10-й гор. (гл. 40-45 см - 6 культ. слой) (Котов В.Г.)	Уголь AMS	NSKA – 01921	16518 ± 151	19561-20338	- « -
45	Пещ. Шульган-Таш, зал Купольный, раскоп 1, 3-й гор. (гл. 10-15 см – 1 культ. слой) (Котов В.Г.)	Уголь AMS	NSKA - 01923	3 140 ± 59	3209-3464	- « -
46	- « -	Уголь AMS	Poz-107851	3020 ± 30 BP	1299BC (61.2%)	- « -

[1] Откалибровано в лаборатории

					[2]	
47	Пещ. Шульган-Таш, зал Хаоса, кальцит под и перекрывающий рисунки охрой	Кальцит, UT-дата	Геохронологич. Лабор. Ун-та Миннесоты	36400-14500	-	Дублянский и др., 2016, с. 53
48	Пещ. Игнатиевская, раскоп II, верхний культурный слой	уголь	СОАН-2209	14240 ± 150	16985-17854	Петрин, 1992, с. 163
49	- « -	уголь	СОАН-2468	10400 ± 465	11061-13188 (92.5%)	- « -
50	- « -	кость	ИЭРЖ-41	13500 ± 1660	12694-21915	- « -
51	- « -	кость	ИЭМЭЖ-366	14038 ± 490	15706-18288	- « -
52	Пещ. Игнатиевская, раскоп III, верхний культурный слой	уголь	ИЭМЭЖ-365	13335 ± 192	15480-16650	- « -
53	Пещ. Игнатиевская, раскоп IV, второй культурный слой	кость	ИЭРЖ - 54	14200 ± 660	15530-18914 (95.4%)	- « -
54	Пещ. Игнатиевская, раскоп II, нижний культурный слой	кость	ИЭРЖ-21	>27500	28739-36648	- « -
55	Пещ. Игнатиевская, раскоп I, над верхним культурным слоем	уголь	OxA-39967	13892 ± 39	16697-17035	Дублянский и др., 2021, с. 11
56	Пещ. Игнатиевская, раскоп I, верхний культурный слой	уголь	OxA-39968	13605 ± 37	16289-16580	- « -
57	Пещ. Игнатиевская, раскоп I, между верхним и нижним культурными слоями	уголь	OxA-39969	13936 ± 38	16773-17071	- « -
58	Пещ. Игнатиевская, раскоп I, нижний культурный слой	уголь	OxA-39970	14232 ± 39	17105-17413	- « -
59	Пещ. Игнатиевская, раскоп I, под нижним культурным слоем	уголь	OxA-39971	23878 ± 93	27760-28296	- « -
60	Пещ. Игнатиевская, раскоп I, верхний культурный слой	кость	UBA-42155	21052 ± 91	25175-25660	- « -
61	- « -	кость	UBA-	20542 ± 84	24357-	- « -

[2] Откалибровано в лаборатории

			42156		25024	
62	Грот Бобылек	кость	ИЭРЖ-164	14200 ± 400	16181-18276	Волокитин, Широков, 1997, с. 9-10
63	Ст. Троицкая I	кость	ИЭРЖ – 165	16300 ± 300	18995-20431	Широков и др., 1996, с. 16
64	Пещ. Сикияз-Тамак I	уголь	GrA-18661	11690 ± 70	13418-13753 (95.4%)	Житенев, 2007б
65	Пещ. Заповедная, раскоп 1 у входа 1	уголь	ЛУ-3861	12800 ± 260	14220-16015	Котов, 2012
66	Пещ. Заповедная, раскоп 2, верхний культурный слой	уголь	ЛЕ – 8257	10970 ± 100	12752-13085	- « -
67	- « -		СОАН - 7735	11880 ± 100	13580-13894 (75.4%)	- « -
68	Ст. Талицкого, Прикамье	уголь	ИГАН-1907	18700 ± 200	22282-23005 (95.4%)	Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 99
69	Грот Столбовой, Прикамье	кость	ЛЕ-2773	22890 ± 200	26891-27671 (89.0%)	Щербакова, 2001
70	Грот Близнецова, Прикамье	кость	ЛЕ-2766	28540 ± 300	31868-33714	Щербакова, 2001, с. 162
71	Ст. Шикаевкаа II, р. Тобол	кость	СОАН - 2211	18050 ± 95	21700-22264 (93.6%)	Троицкая, Новиков, 2004, с. 13

Калибровка дат осуществлялась в программе OxCal: приводится интервал данных в значении более 95%, если данные другие, то они указывались в скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рис. 1.1. Географическая карта Среднего и Южного Урала

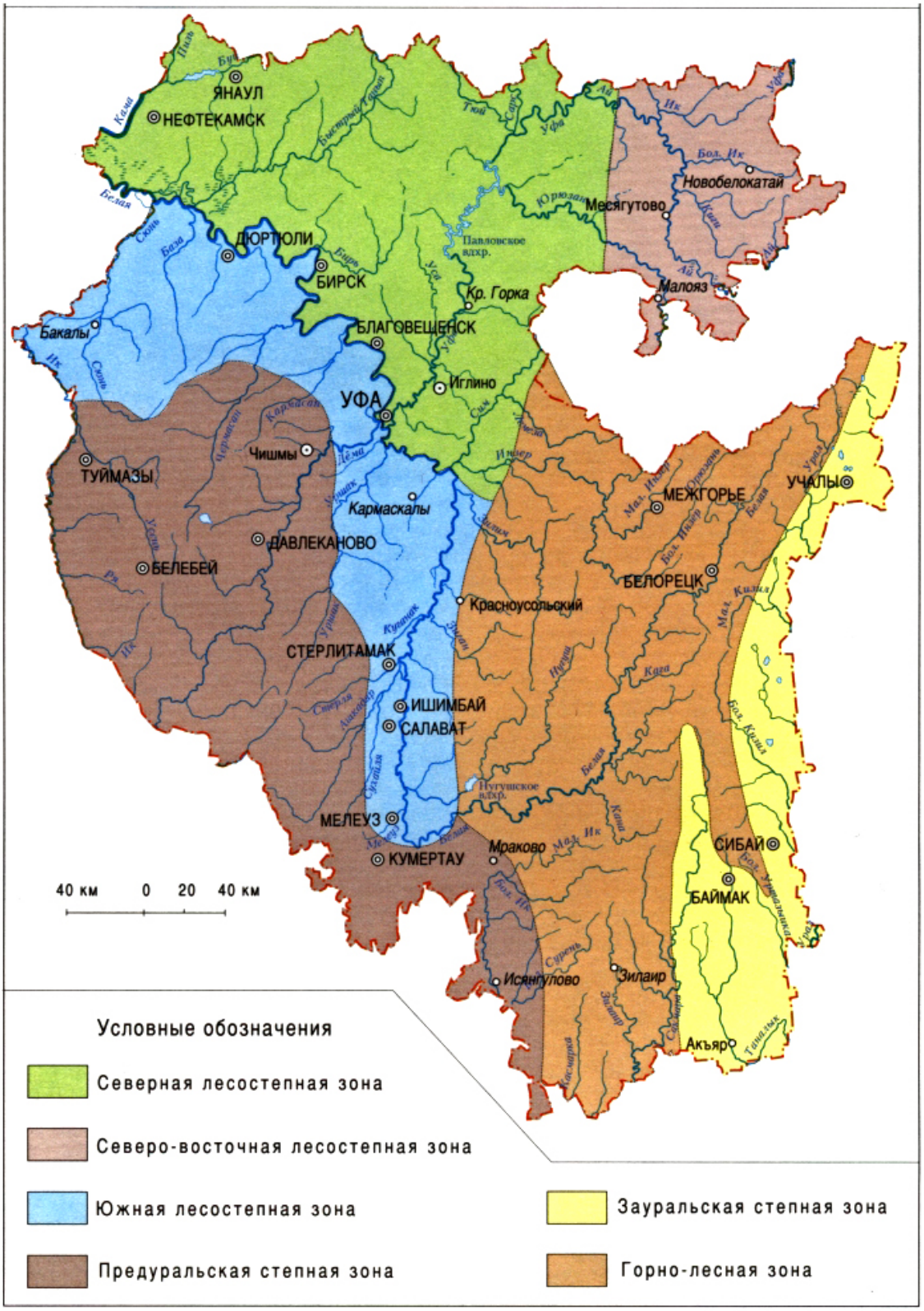

Рис. 1.2. Карта природных зон Южного Урала (Башкортостана)

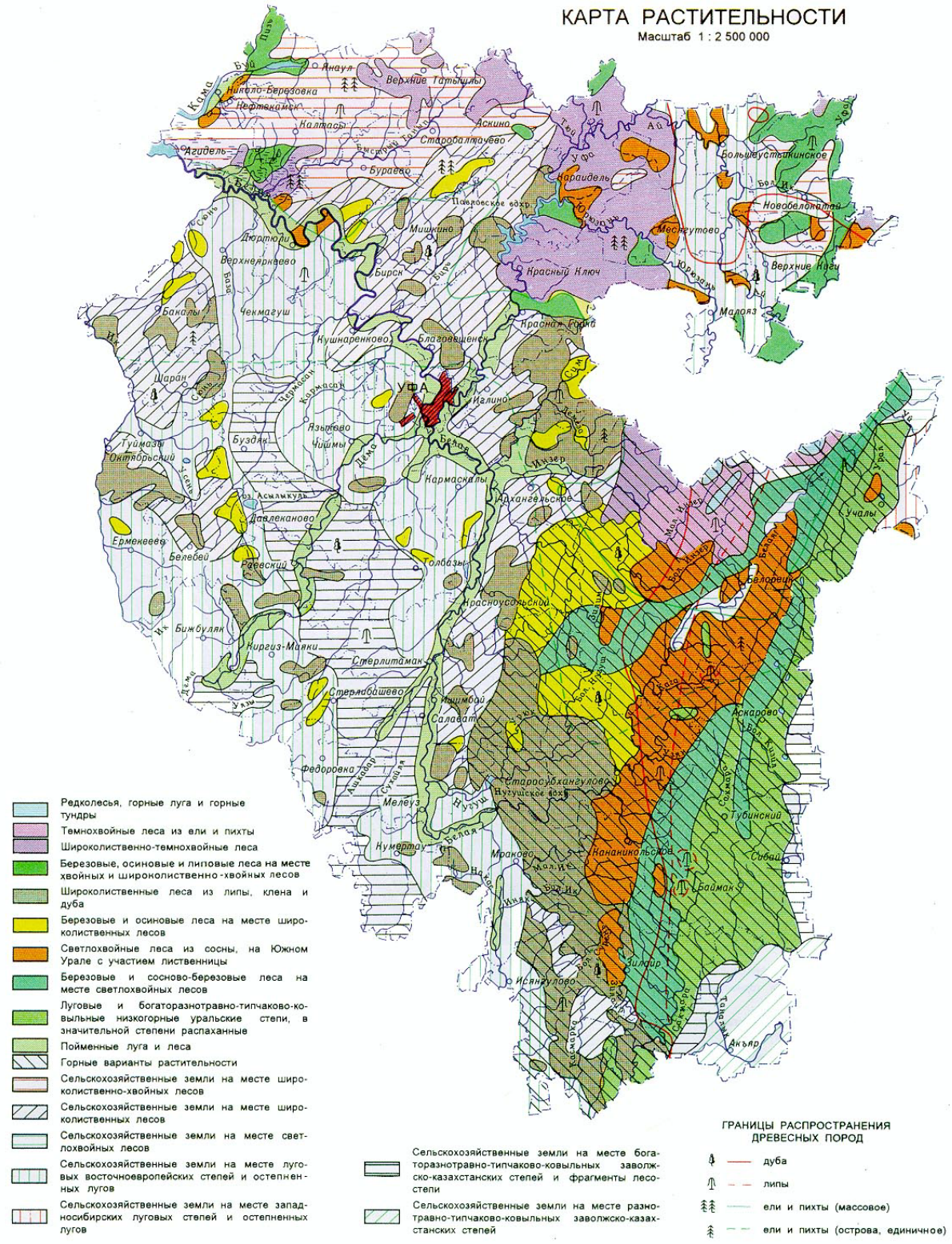

Рис. 1.3. Карта растительности Южного Урала (Башкортостана)

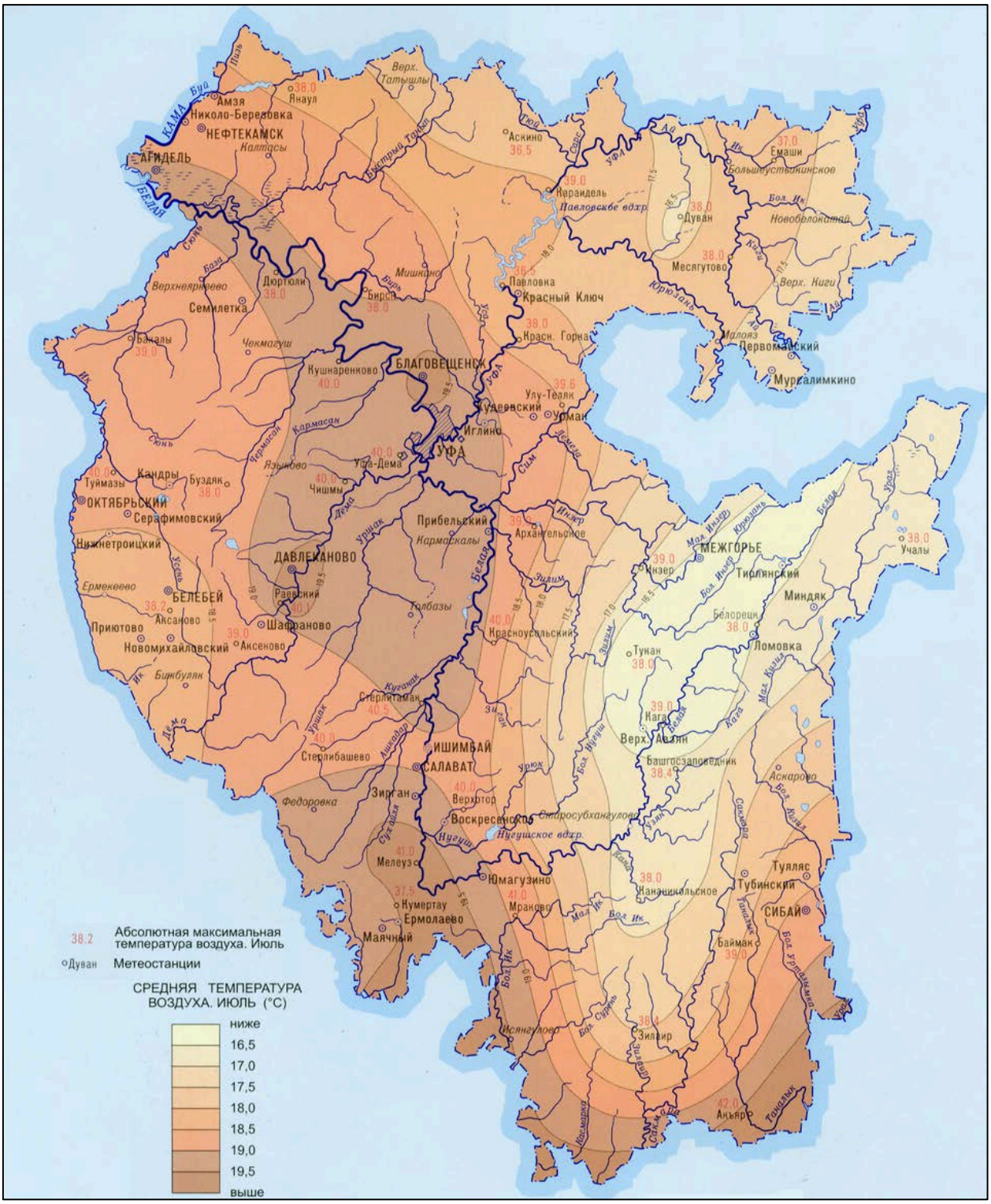

Рис. 1.4. Карта температур Южного Урала (Башкортостана)

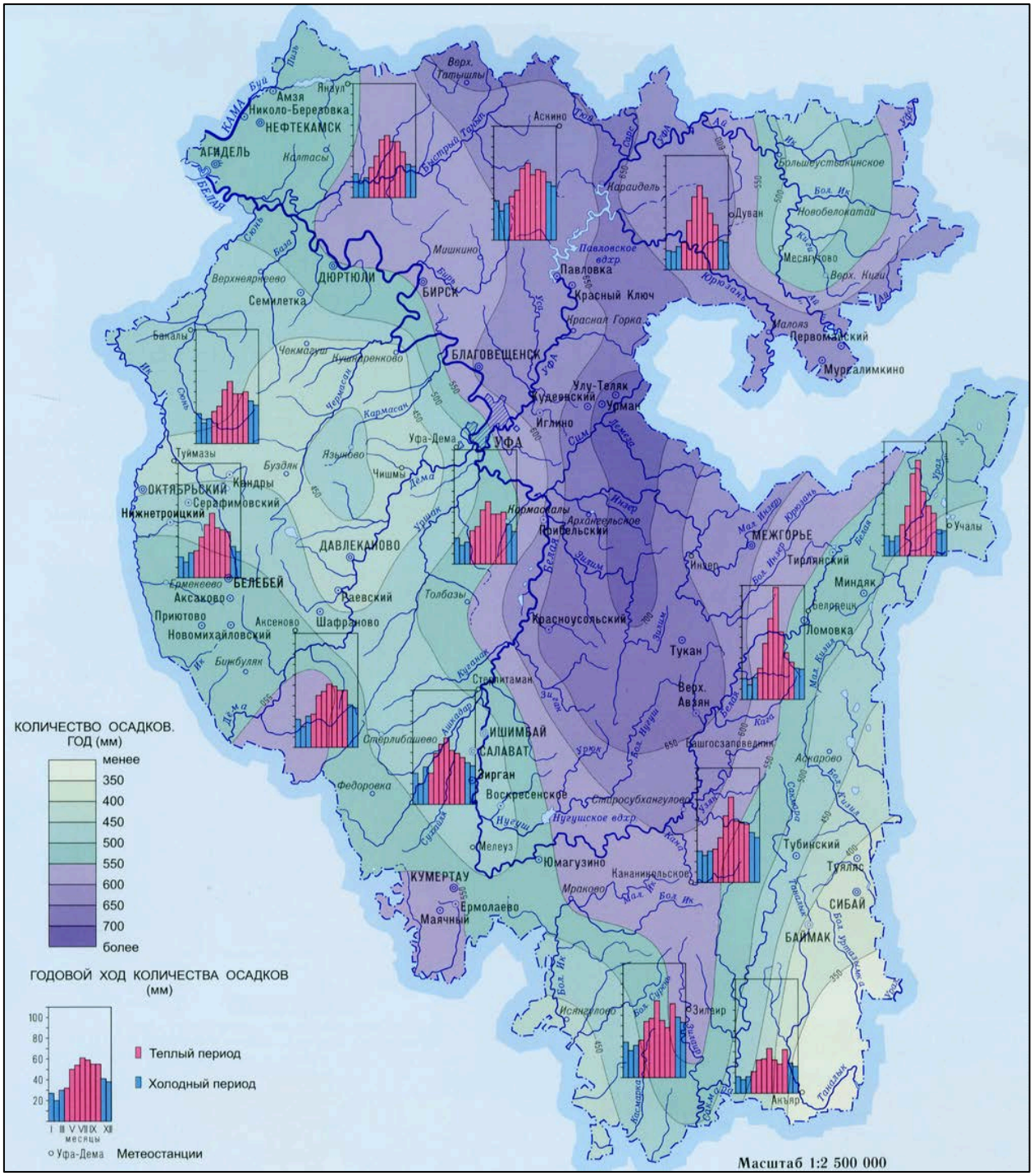

Рис. 1.5. Карта осадков Южного Урала (Башкортостана)

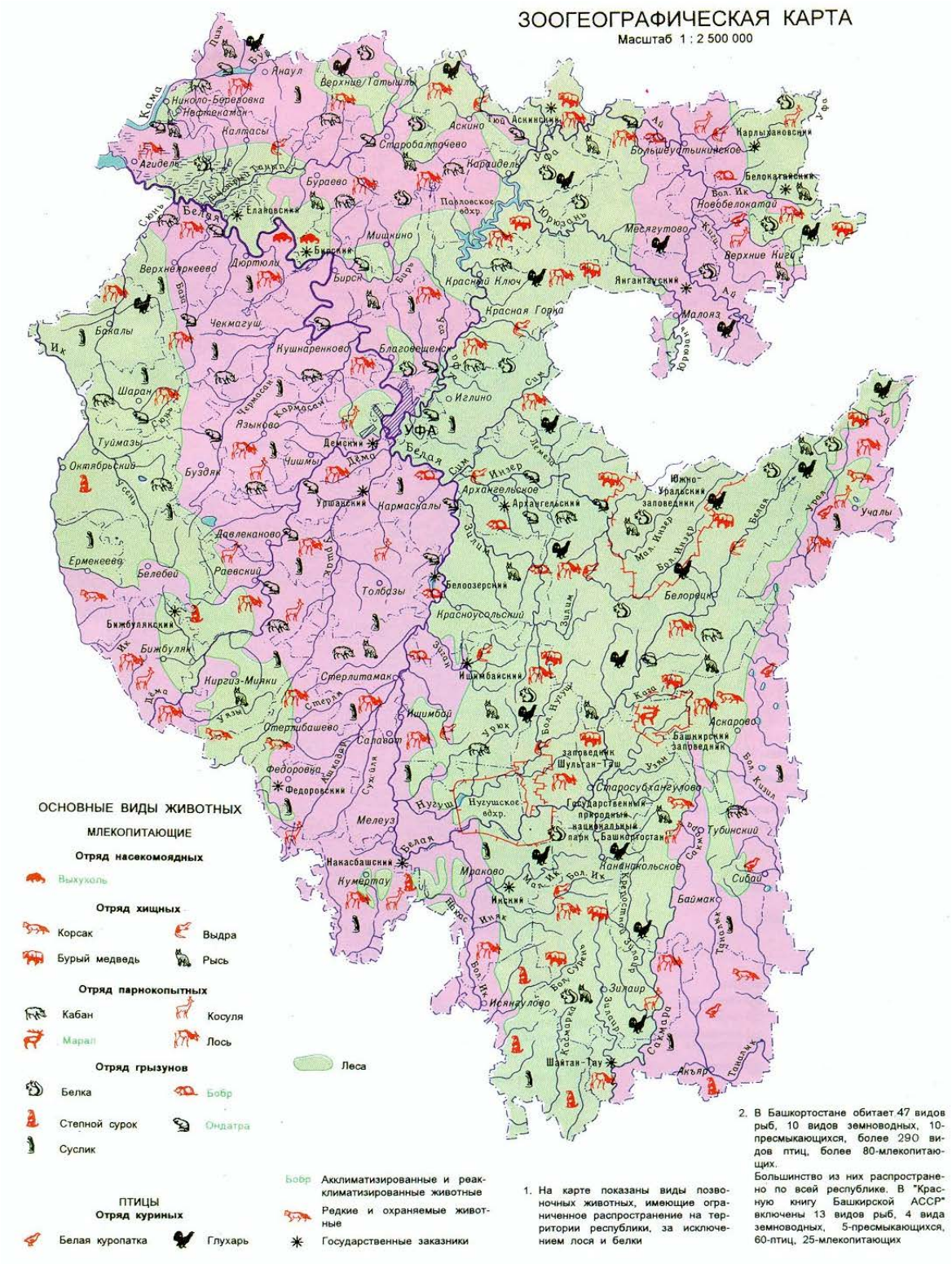

Рис. 1.6. Карта животных Южного Урала (Башкортостана)

Схема корреляции отложений квартера Предуральского региона, Урала, Нижней Волги и Европейской России

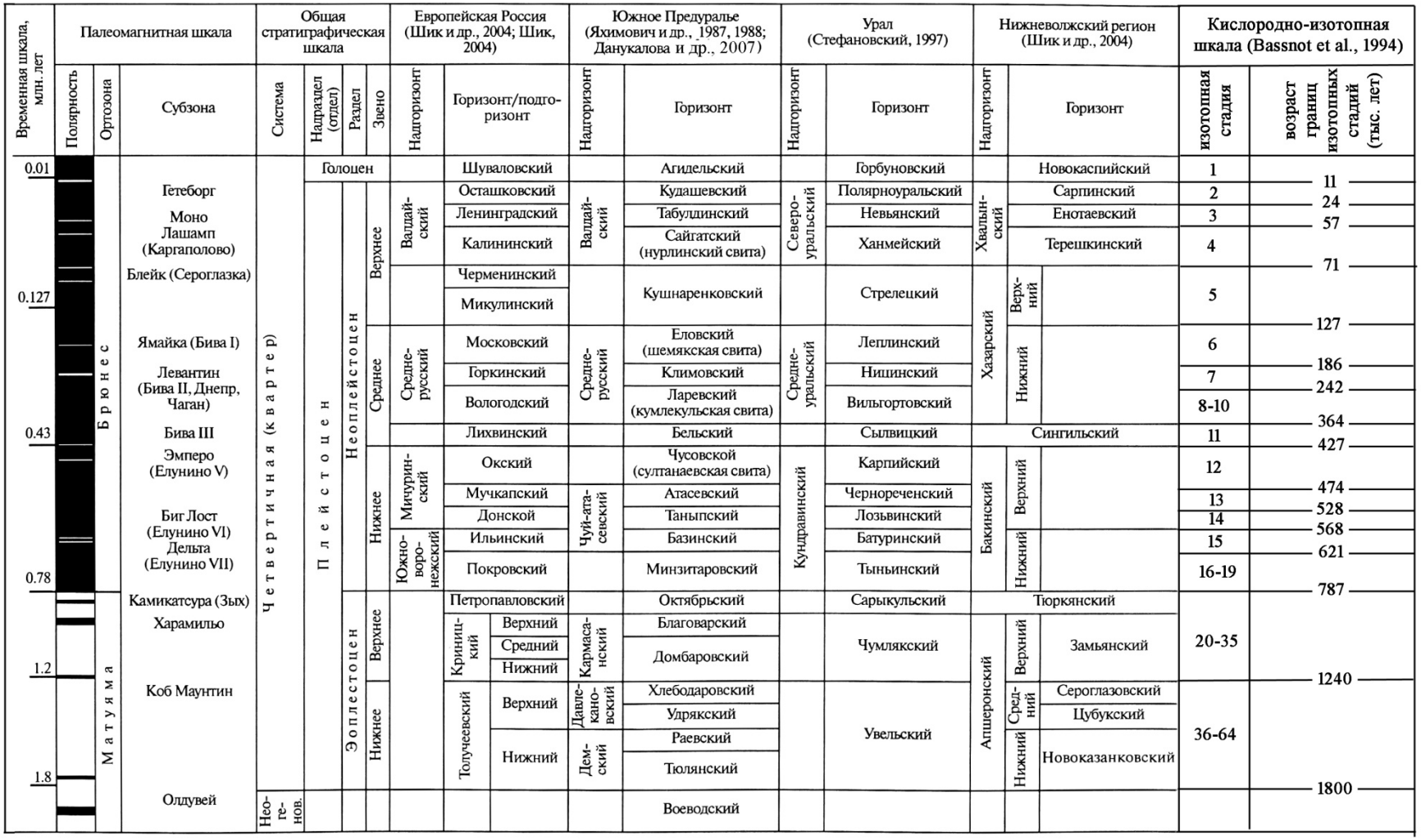

Рис. 1.7. Схема корреляции отложений квартера Приуралья, Урала, Нижней Волги и Европейской России (по Данукаловой, 2010 с добавлением автора)

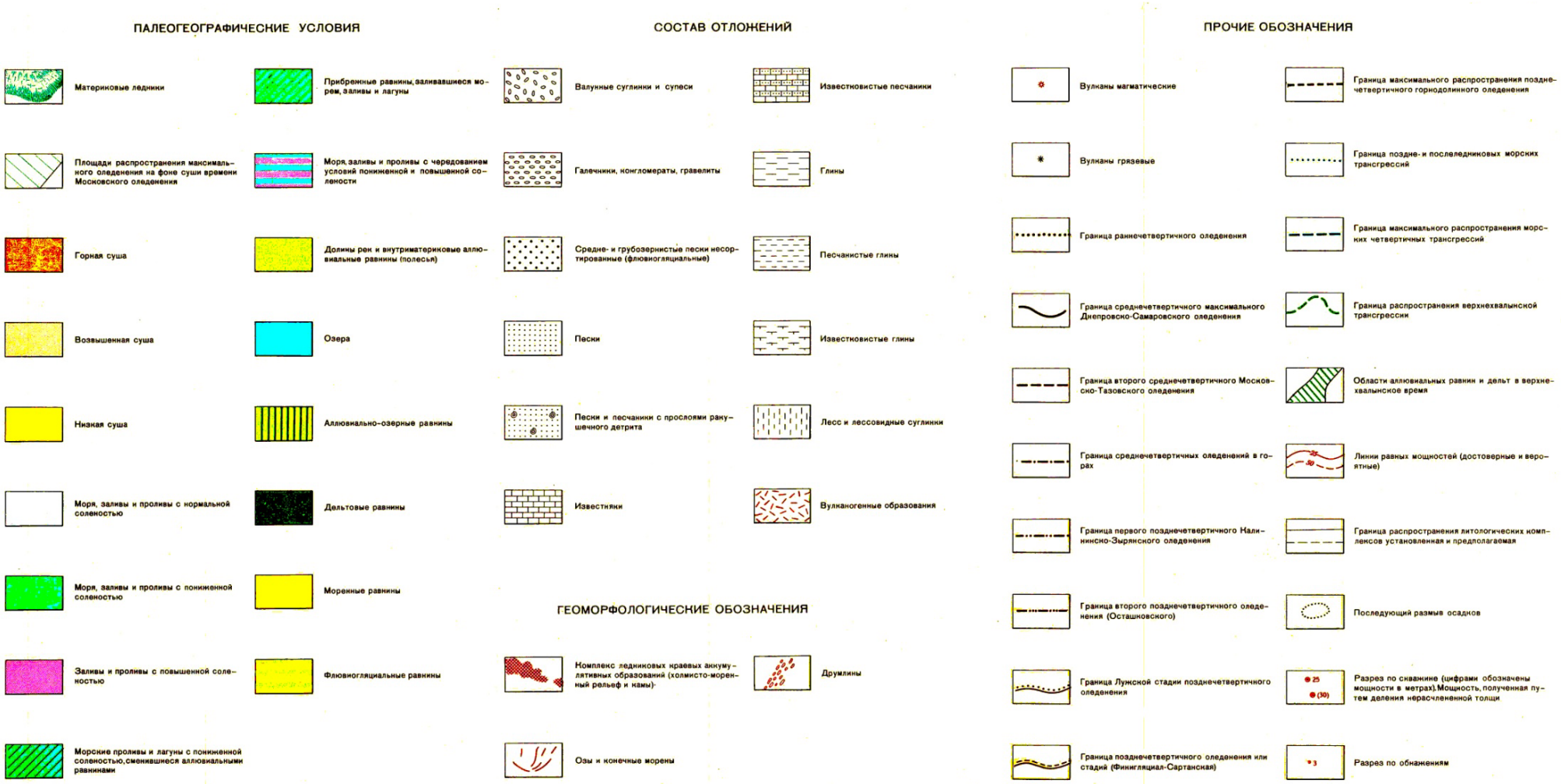

Рис. 1.8. Условные обозначения к картам четвертичного периода (по Атлас…, 1961)

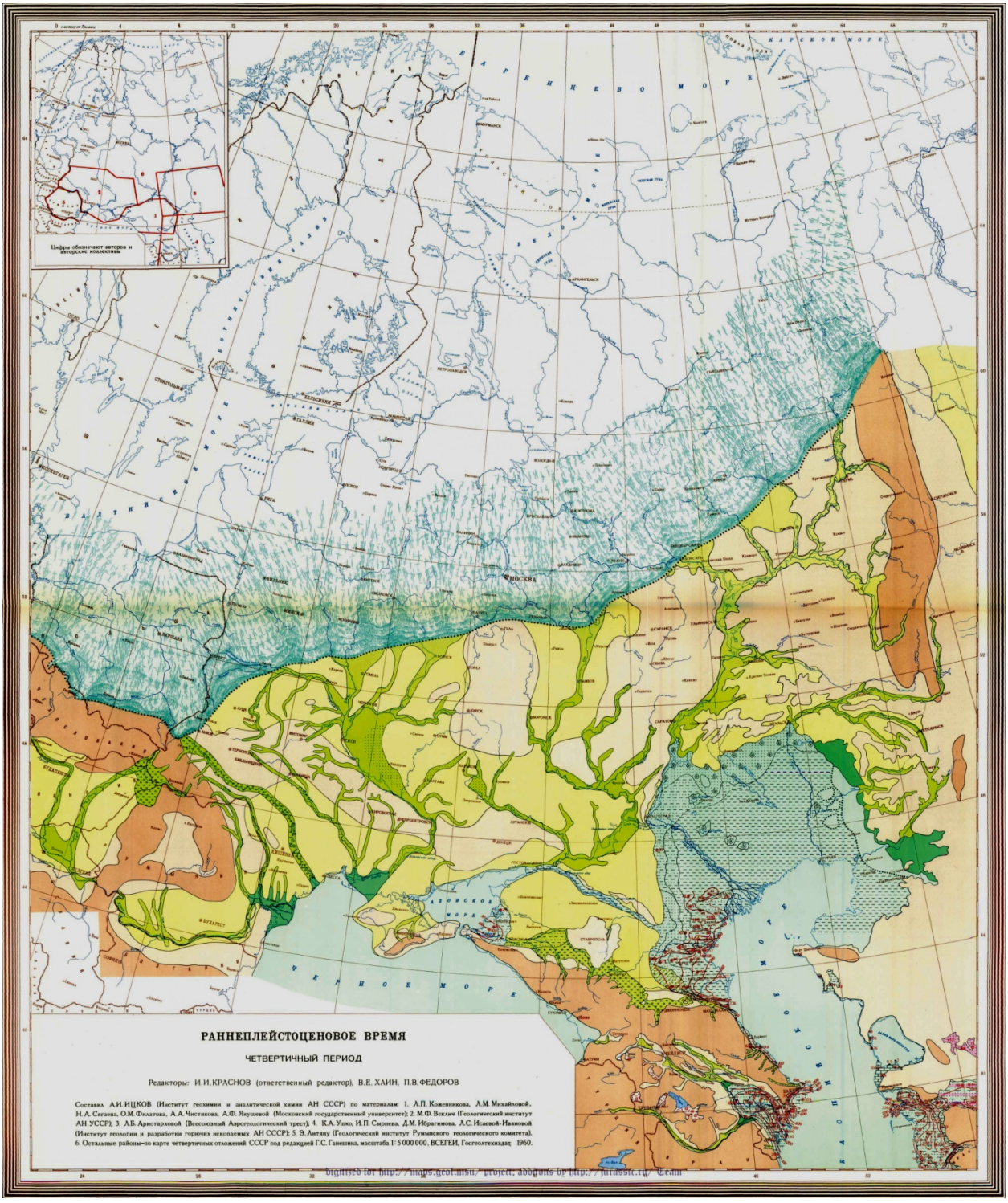

Рис. 1.9. Карта палеогеографической обстановки в раннем плейстоцене на территории Центральной, Восточной Европы и Урала (по Атлас…, 1961)

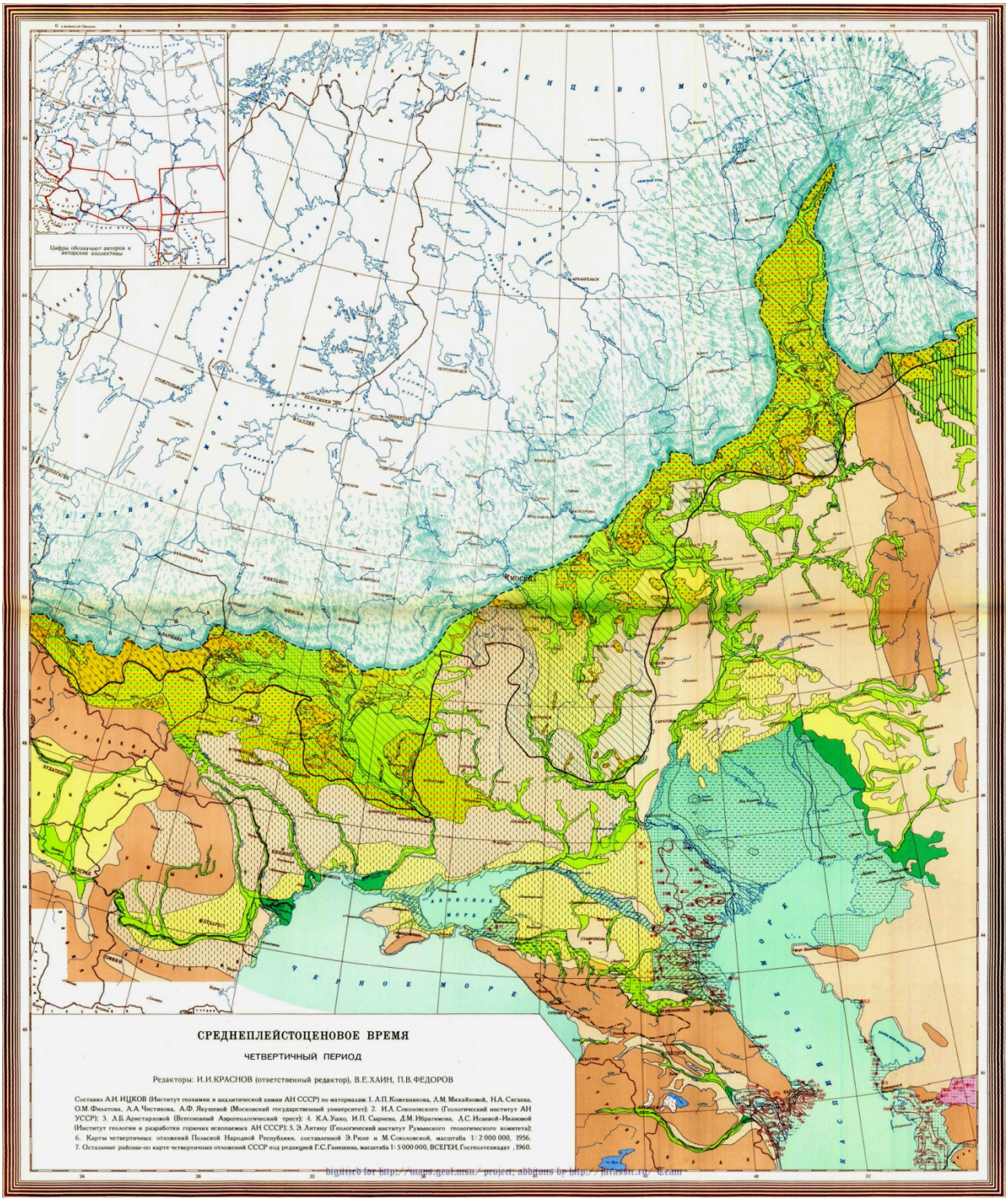

Рис. 1.10. Карта палеогеографической обстановки в среднем плейстоцене на территории Центральной, Восточной Европы и Урала (по Атлас…, 1961)

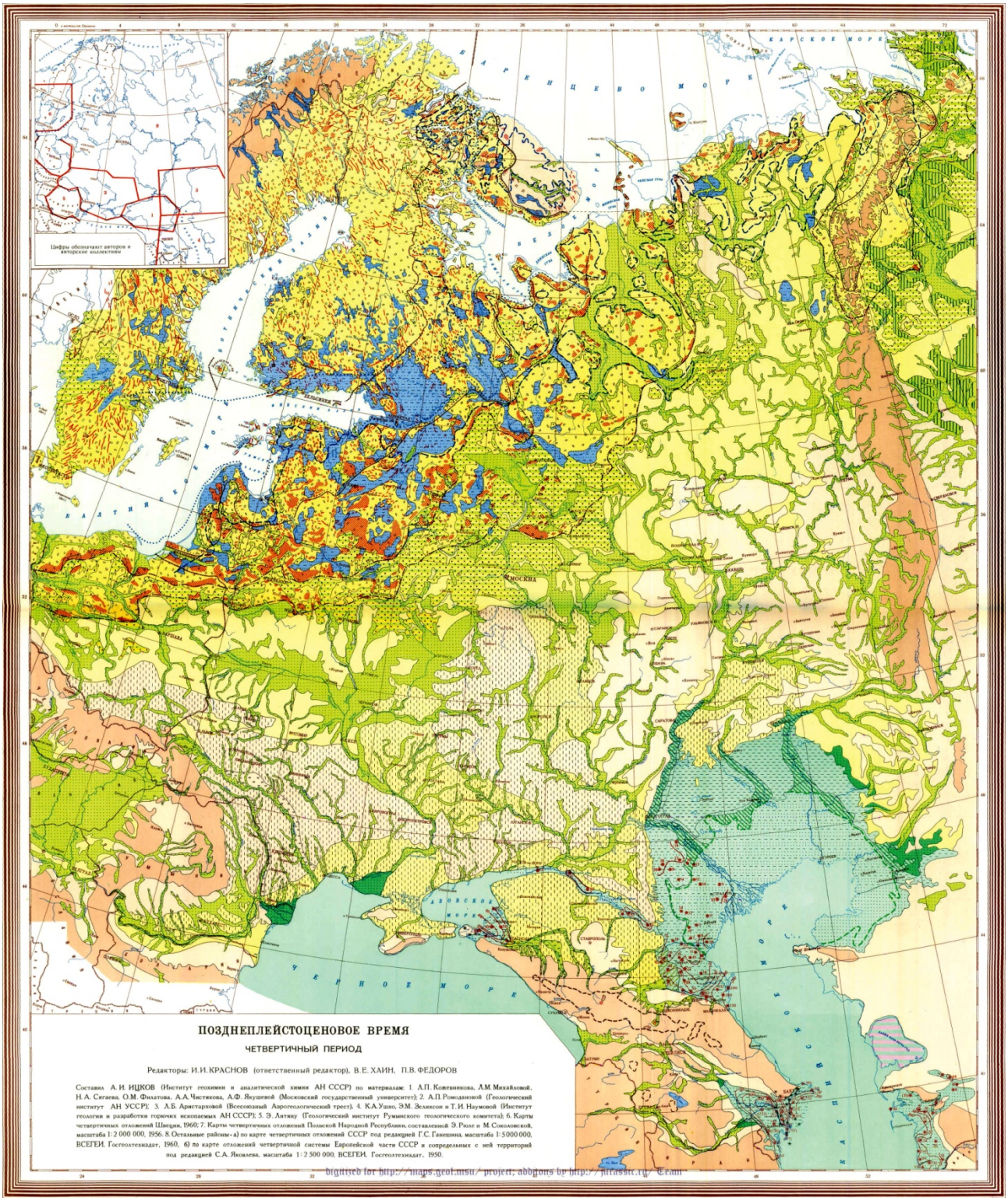

Рис. 1.11. Карта палеогеографической обстановки в позднем плейстоцене на территории Центральной, Восточной Европы и Урала (по Атлас…, 1961)

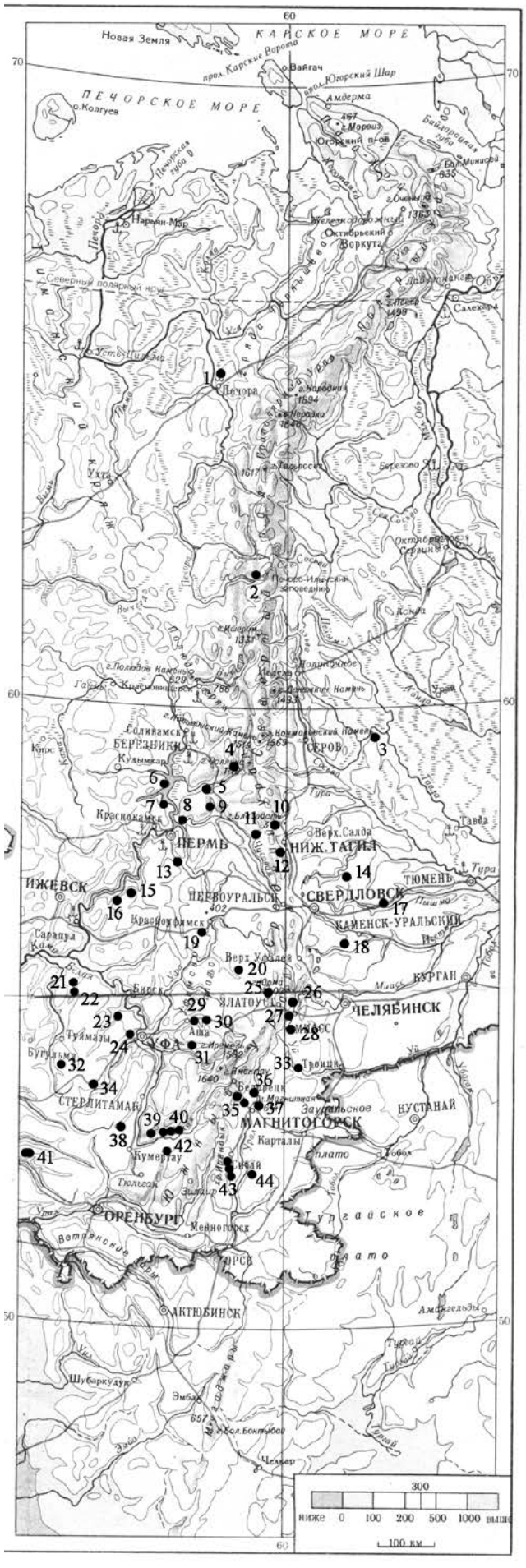

Рис. 2.1. Карта палеолитических памятников Урала.
1 – Бызовая стоянка, 2 - Медвежья пещера, 3 – Гаринская стоянка, 4 – Грот Близнецова, 5 – Грот Столбовой, 6 – Ширококово-2 стоянка, 7 – группа стоянок на Камском вдхр (Ганичата I, II, Слудка, Тупица, Борисово), 8 – группа стоянок в нижнем течении р. Чусовой (Пещерный Лог, Талицкого, Горная Талица, Заозерье), 9 – Грот Большой Глухой, 10 – группа местонахождений в верховьях р. Туры (Гаревая II, Уральские Зори-болото, Уральские Зори III, V), 11 – пещера в камне Дыроватые ребра (Усть-Койвинская), 12 – местонахождения Голого Камня, 13 – Ельники II стоянка, 14 – Амбарка I стоянка, 15 – Драчево стоянка, 16 – Сосновское II стоянка, 17 – грот Безымянный, 18 – грот Зотинский, 19 – грот Бобылек, 20 – Ново-Белокатайская стоянка, 21 – Сюнь-2 стоянка, 22 – Сюнь-1 стоянка, 23 – Старо-Тукмаклы стоянка, 24 – Горново стоянка, 25 – группа памятников на р. Юрюзань и р. Ай (пещеры Сабакай-3, Казырбак, Сикияз-Тамак-1, Гребневая, Ключевая, Бурановская, Идрисовская-1, Тодора Бояджиева, Заповедная, грот у Каменного Кольца), 26 – Малый Липовый стоянка, 27 – Навес стоянка, 28 – Краснокамское местонахождение, 29 – пещера Кисилевская, 30 – пещеры Игнатиевская, Серпиевская-2, 31 – пещера Имендяшевская (Сизякуй), 32 – Муллино-2 местонахождение, 33 – Троицкая-1 стоянка, 34 – Давлеканово стоянка, 35 – группа памятников в районе озер Банное-Сабакты-Кара-Балыкты (стоянки Мысовая, Кусимово-6, -7, -8, Кусимово-6, -7, -8, Яманкая-1 стоянка-мастерская; Сабакты-6а местонахождение), 36 – пещеры Смеловская-1, 2, Пещерный Лог стоянка, 37 – местонахождение на горе Маячной, 38 – Табулдинское местонахождение, 39 – Сергеевка-1 стоянка, Усть-Акаваз стоянка, пещера Иманай-1, 40 – группа памятников на р. Белой (пещеры Муйнак-Таш, Акбутинская, Максютовская, Бала-Тукай, Жемчужная, Кульюрт-Тамак-1, Шульган-Таш (Каповая), Мурат-Тугай местонахождение, Акбулатово-3 стоянка), 41 – Лабазы-1, 2 стоянки; 42 – Мурыдымовская-1, 2 пещеры, 43 – группа памятников хребта Ирендык (Карышкино-11 стоянка, Карышкино-12 местонахождение, Кызыл Яр-2 стоянка-мастерская, Кызыл Яр-4 местонахождение; 15 – Кызыл-Яр-5 местонахождение, Улек-Хазы местонахождение), 44 – Богдановка стоянка

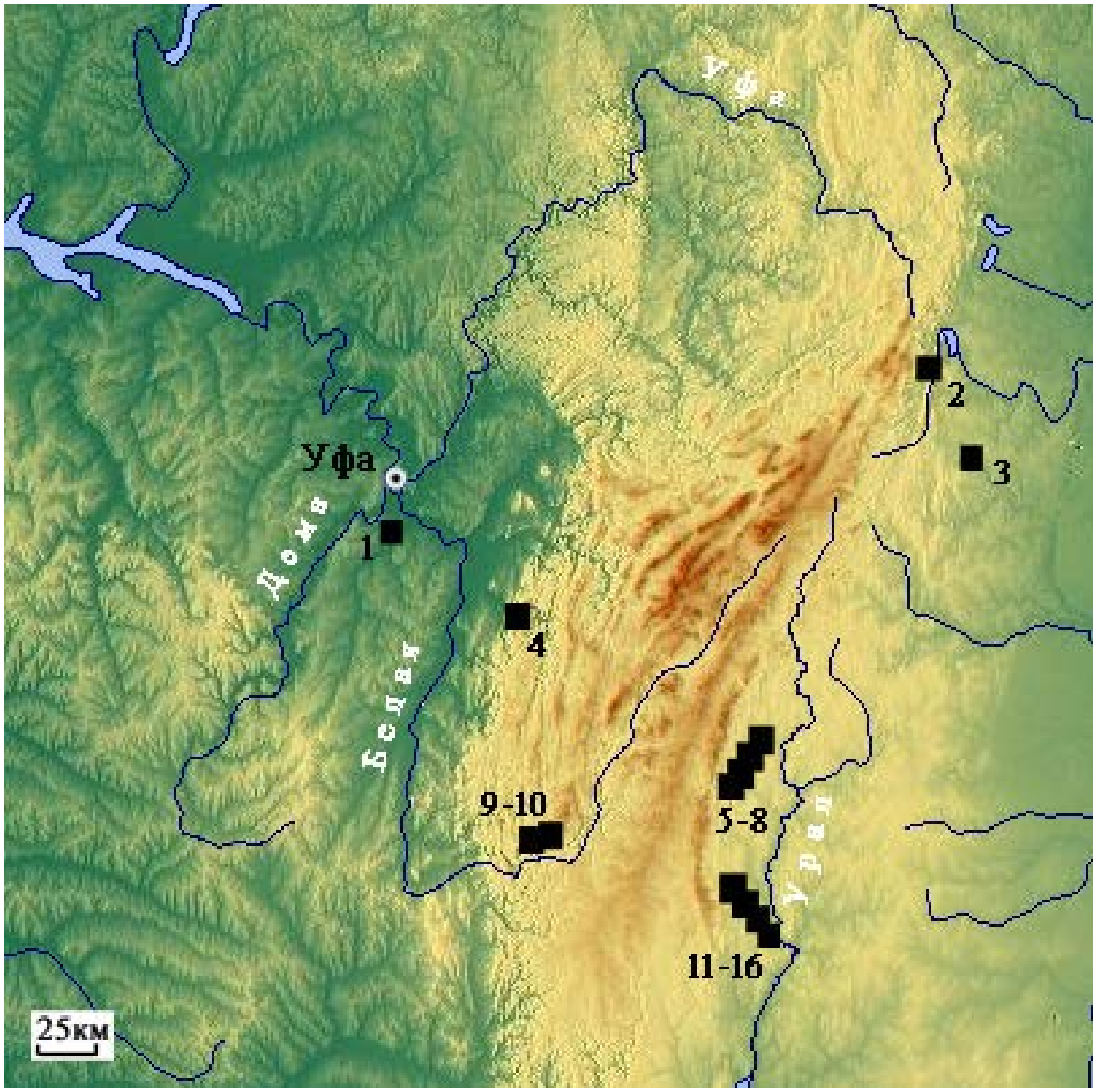

Рис. 2.2. Карта памятников нижнего палеолита Южного Урала. 1 – Старо-Тукмаклинская, стоянка; 2 – Навес, стоянка; 3 – Краснокаменское, местонахождение; 4 – Имендяшевская (Сизякуй), пещерная стоянка; 5 – Мысовая (Карабалыкты VII, Урта-Тубе); 6 – Кусимово-6, стоянка; 7 – Кусимово-7, стоянка; 8 – Кусимово-8; 9 – Мурат-Тугай, местонахождение; 10 – Акбулатово-3, стоянка; 11 – Карышкино-11, стоянка; 12 – Карышкино-12, местонахождение; 13 – Кызыл Яр 2, стоянка-мастерская; 14 – Кызыл Яр 4, местонахождение; 15 – Кызыл-Яр, местонахождение; 16 – Улек-Хазы, местонахождение

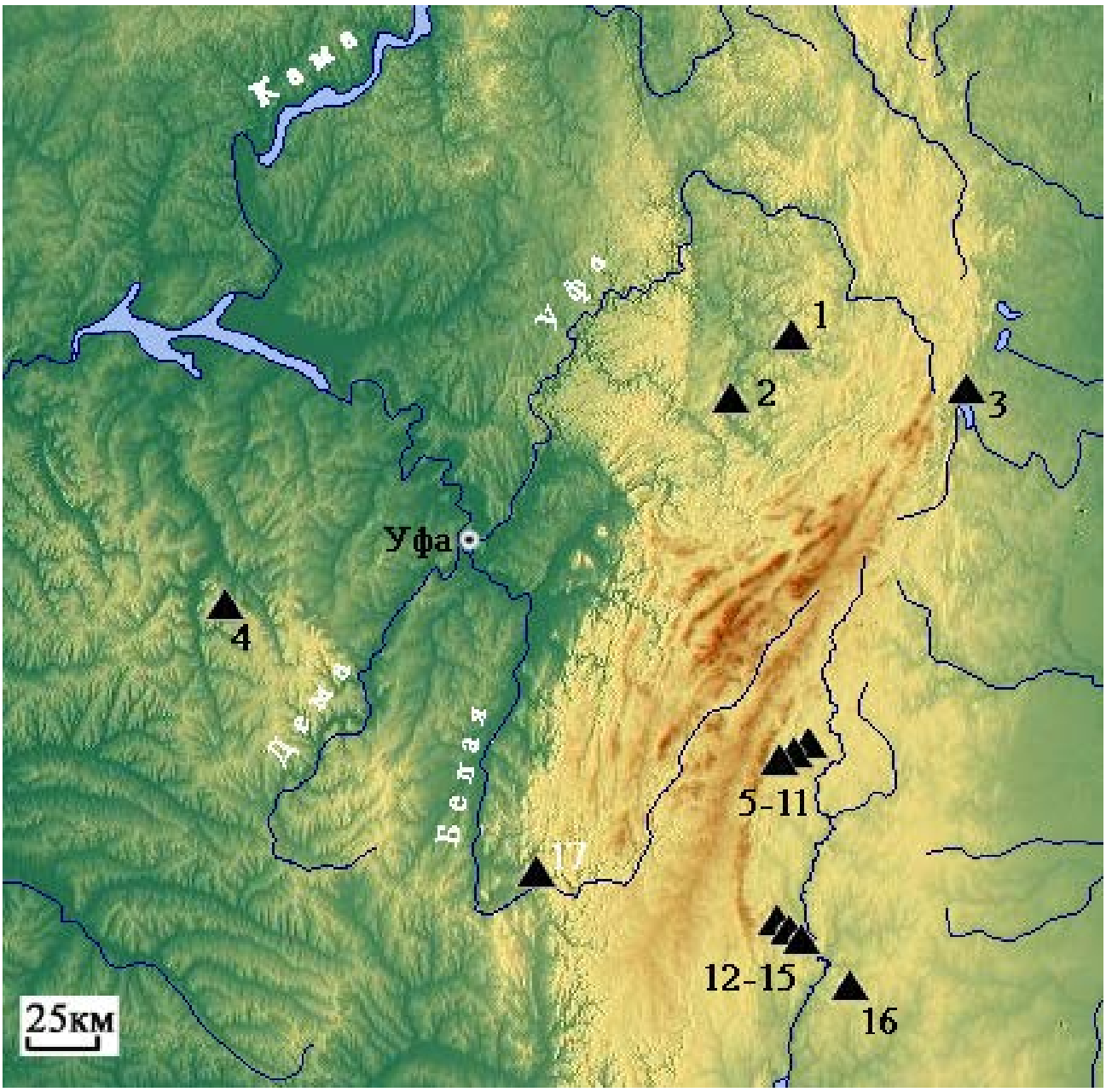

Рис. 3.1. Карта памятников среднего палеолита на территории Южного Урала: 1 – Новобелокатайская, стоянка; 2 – Турналы-2 (Айская), стоянка; 3 – Навес, стоянка; 4 – Муллино-2, стоянка; 5 – Мысовая, стоянка; 6 – Кусимово-6, стоянка; 7 – Кусимово-7, стоянка; 8 – Кусимово-8, местонахождение; 9 – Яманкая-1, стоянка-мастерская; 10 – Сабакты-6а, местонахождение; 11 – Маячная Гора, местонахождение; 12 – Долина-1, местонахождение; 13 – Долина-11, местонахождение; 14 – Утюльган-8, местонахождение; 15 – Сибай-5в, местонахождение; 16 – Богдановка, стоянка

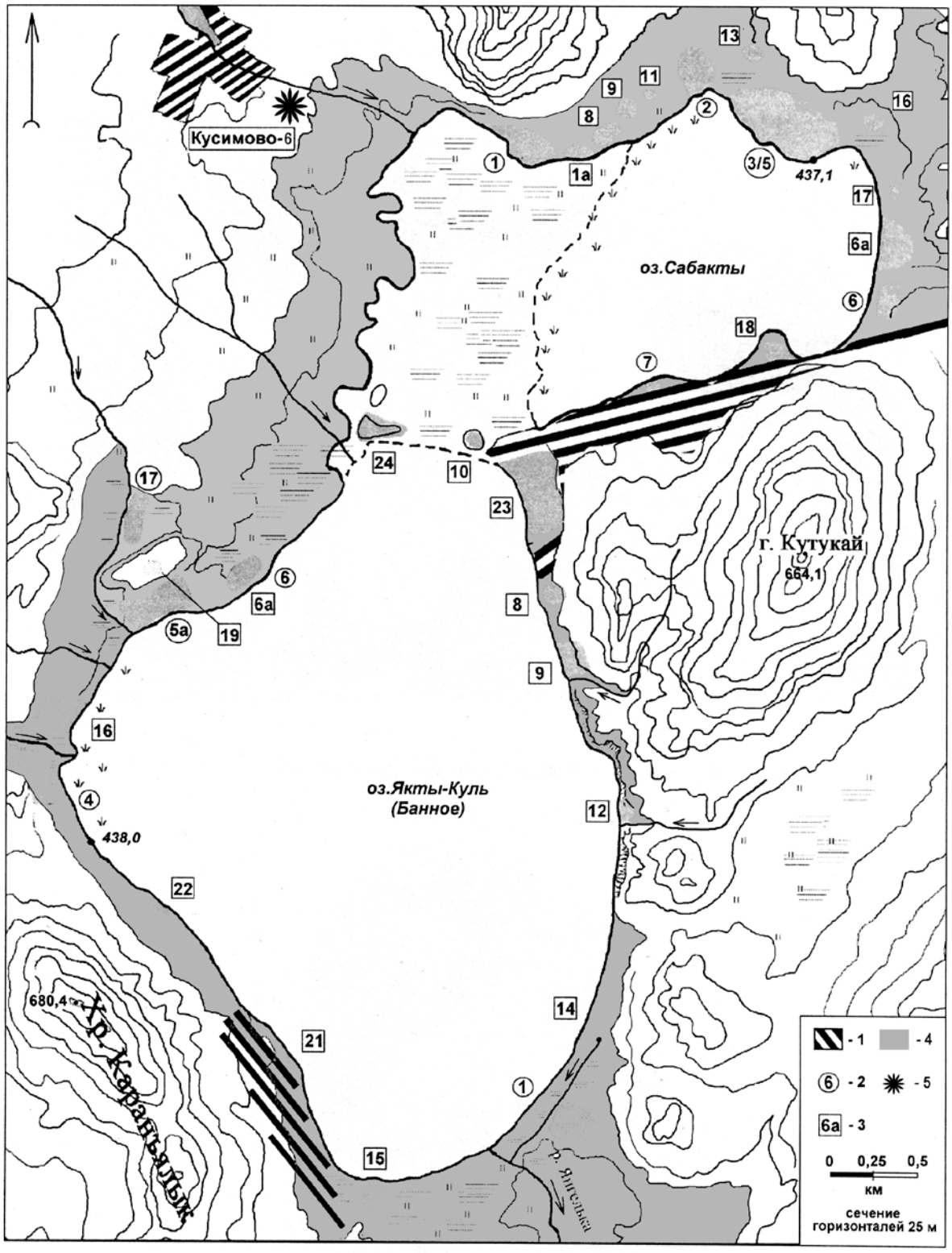

Рис. 3.2. Карта памятников на территории озер Банное и Сабакты. Условные обозначения: 1 – границы поселений, 2 – памятники, известные до 2004 г., 3 – памятники открытые в 2004 году, 4 – границы трансгрессии озера Яктыкуль-Сабакты в древности, 5 – стоянка-мастерская Кусимово-6

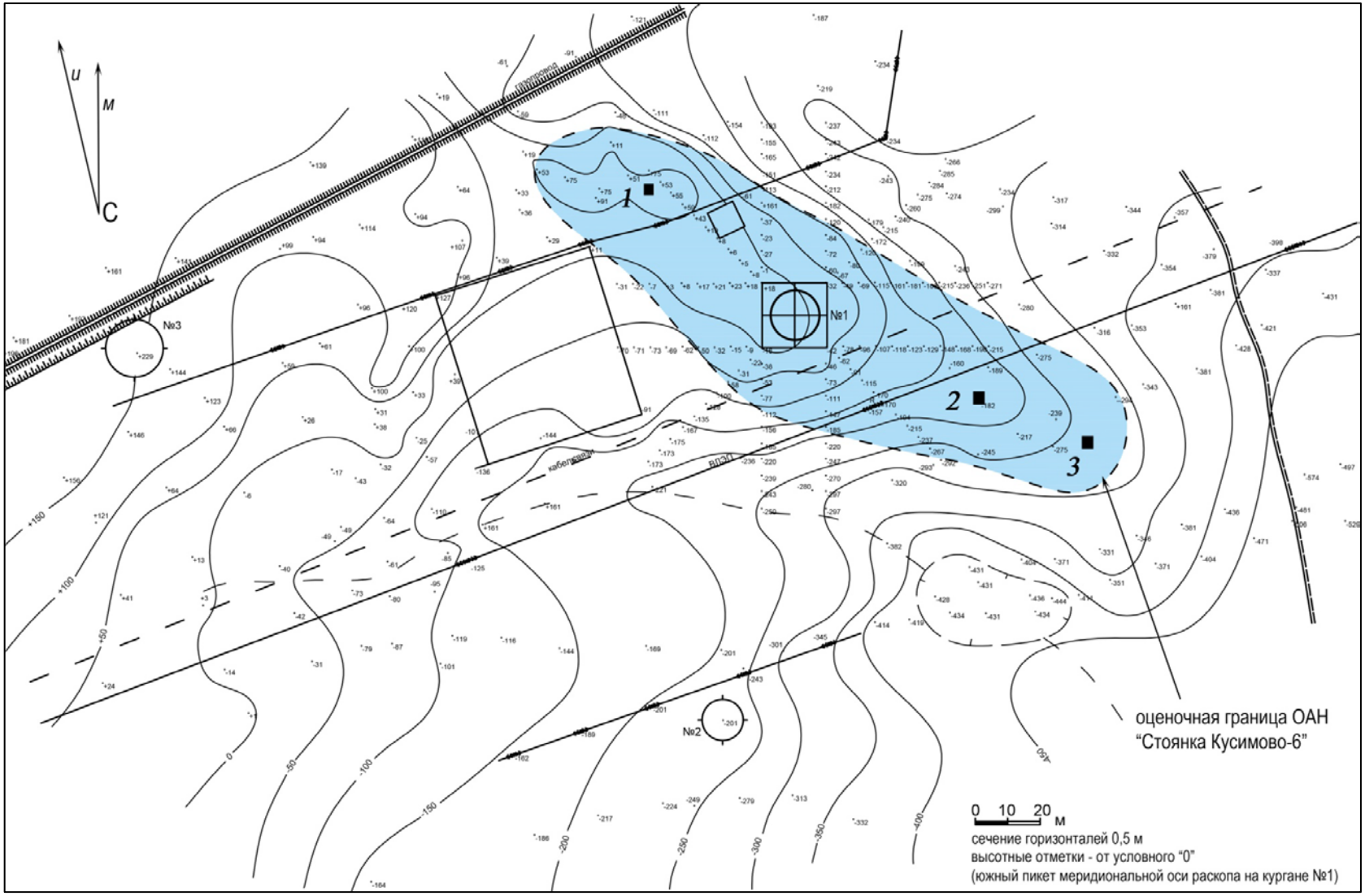

Рис. 3.3. Ситуационный план стоянки Кусимово-6. Квадратами обозначены раскоп № 1 и шурфы. Автор Н.С. Савельев, У.Коршунова

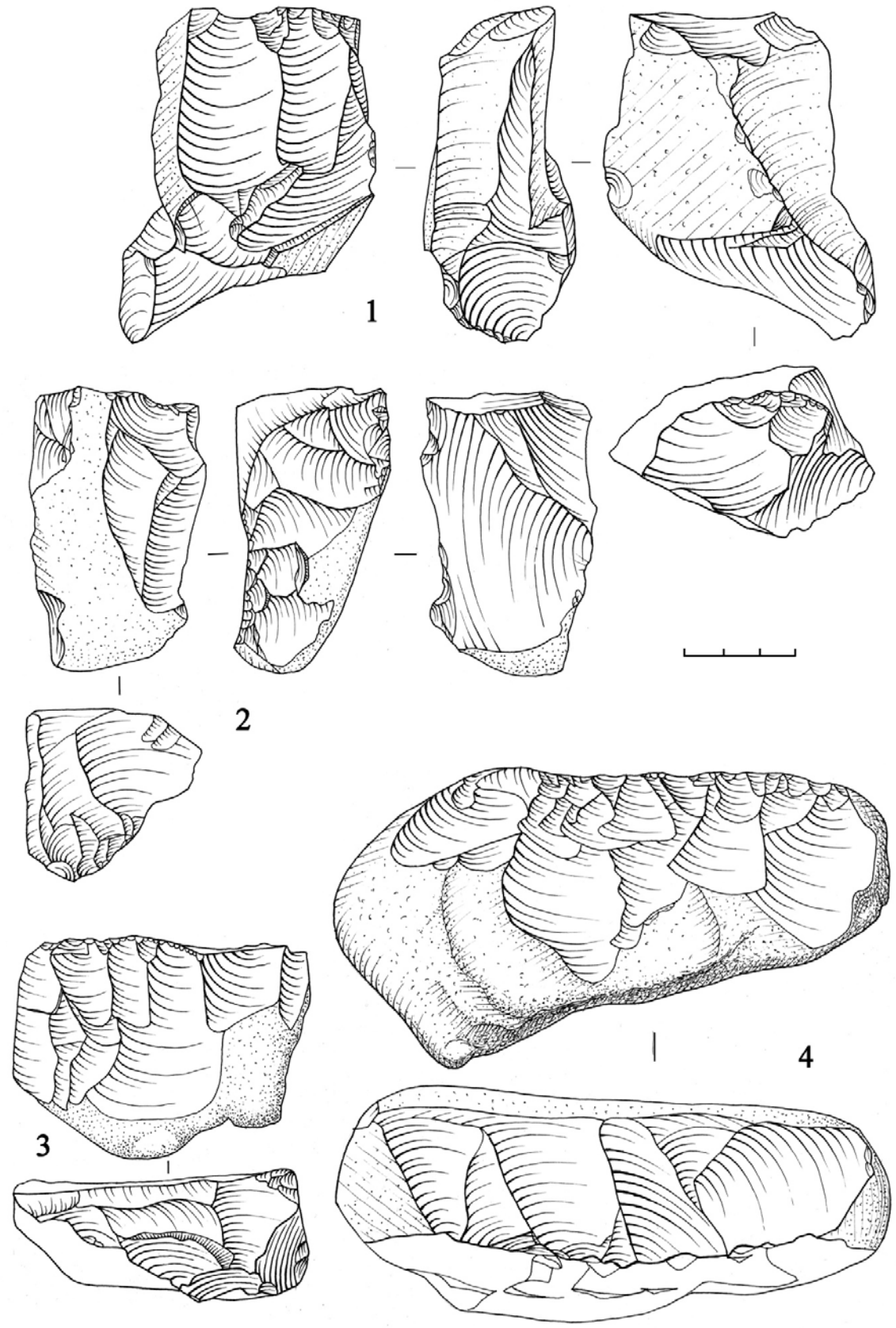

Рис. 3.4. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Нуклеусы: 1 – продольного снятия, 2 – ортогональный, многоплощадочный, 3, 4 – параллельного снятия, одноплощадочные. Кремень

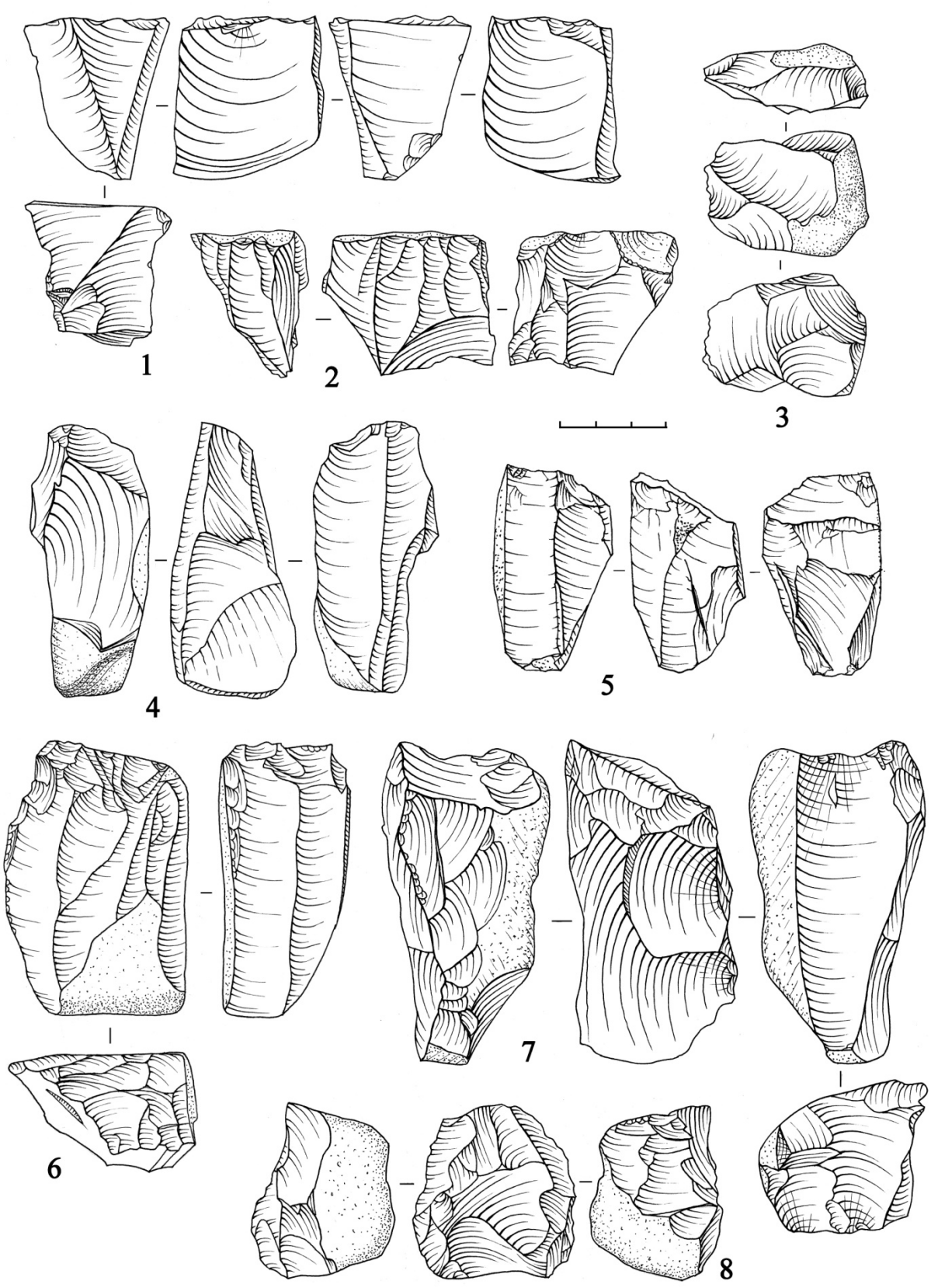

Рис. 3.5. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Нуклеусы: 1 – клиновидные, 2, 8 – двухсторонние, параллельно-радиальные, 3 – радиальный, 5 – конусовидный, 6 – подчетырехугольный параллельного скалывания, 4, 7 – ортогональные. Кремень

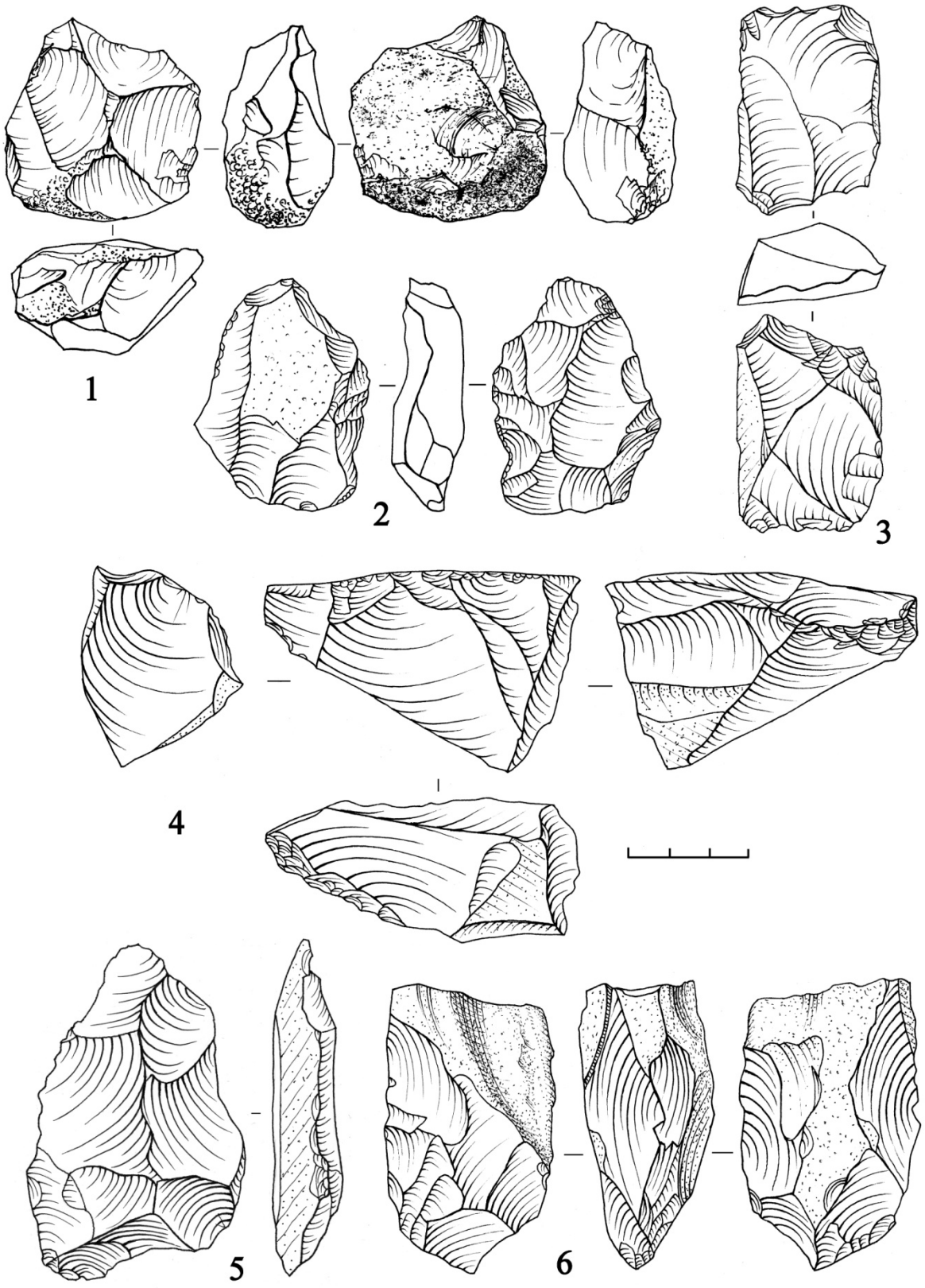

Рис. 3.6. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Нуклеусы: 1, 2, 3, 6 – двусторонние радиальные нуклеусы, 4 – ортогональный, 5 – радиальный односторонний. Кремень

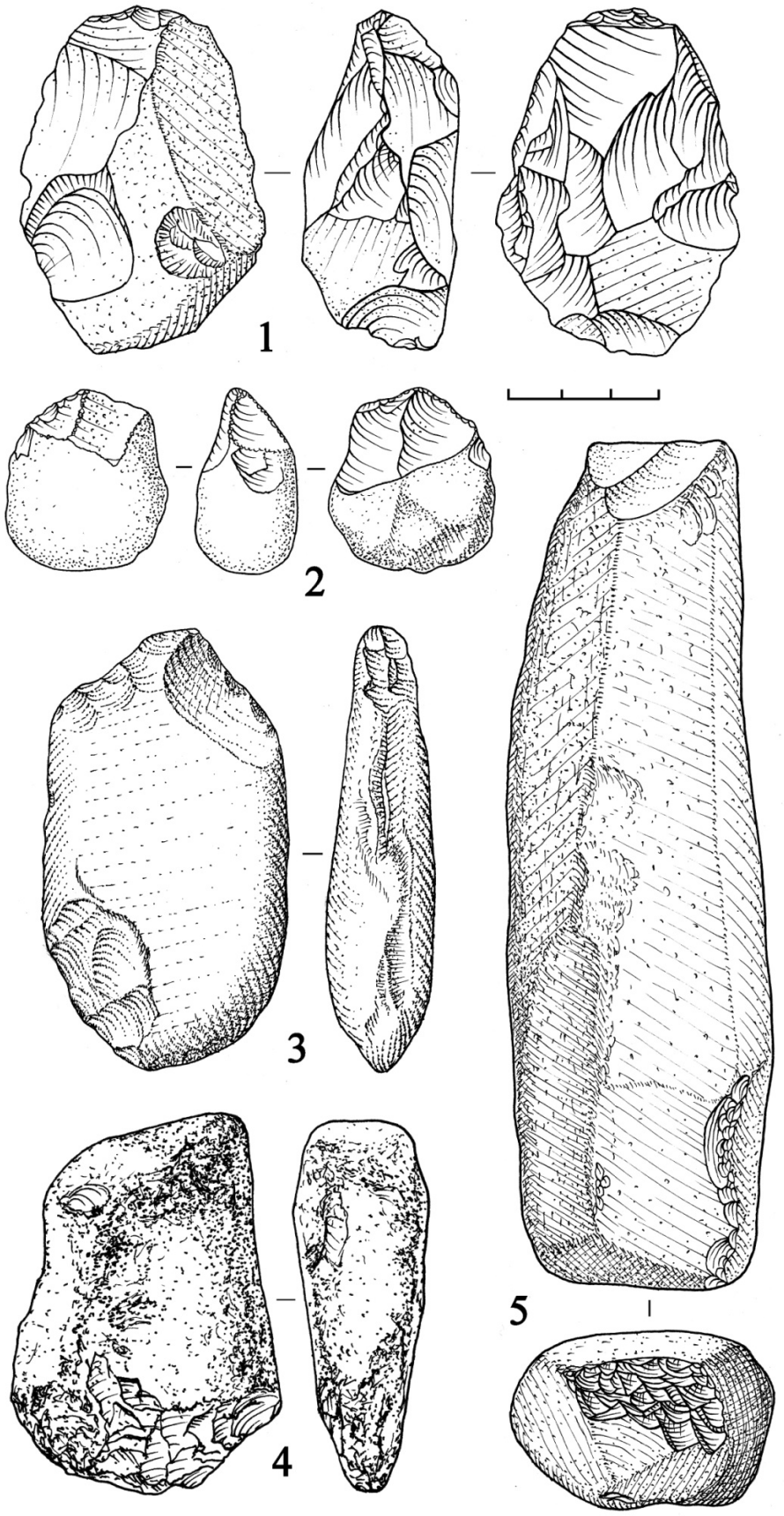

Рис. 3.7. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Изделия из кремня: 1, 3, 4 – отбойники на гальках, 2 – ретушер, 5 – молоток-отбойник. 3 – диабаз, остальное – кремень

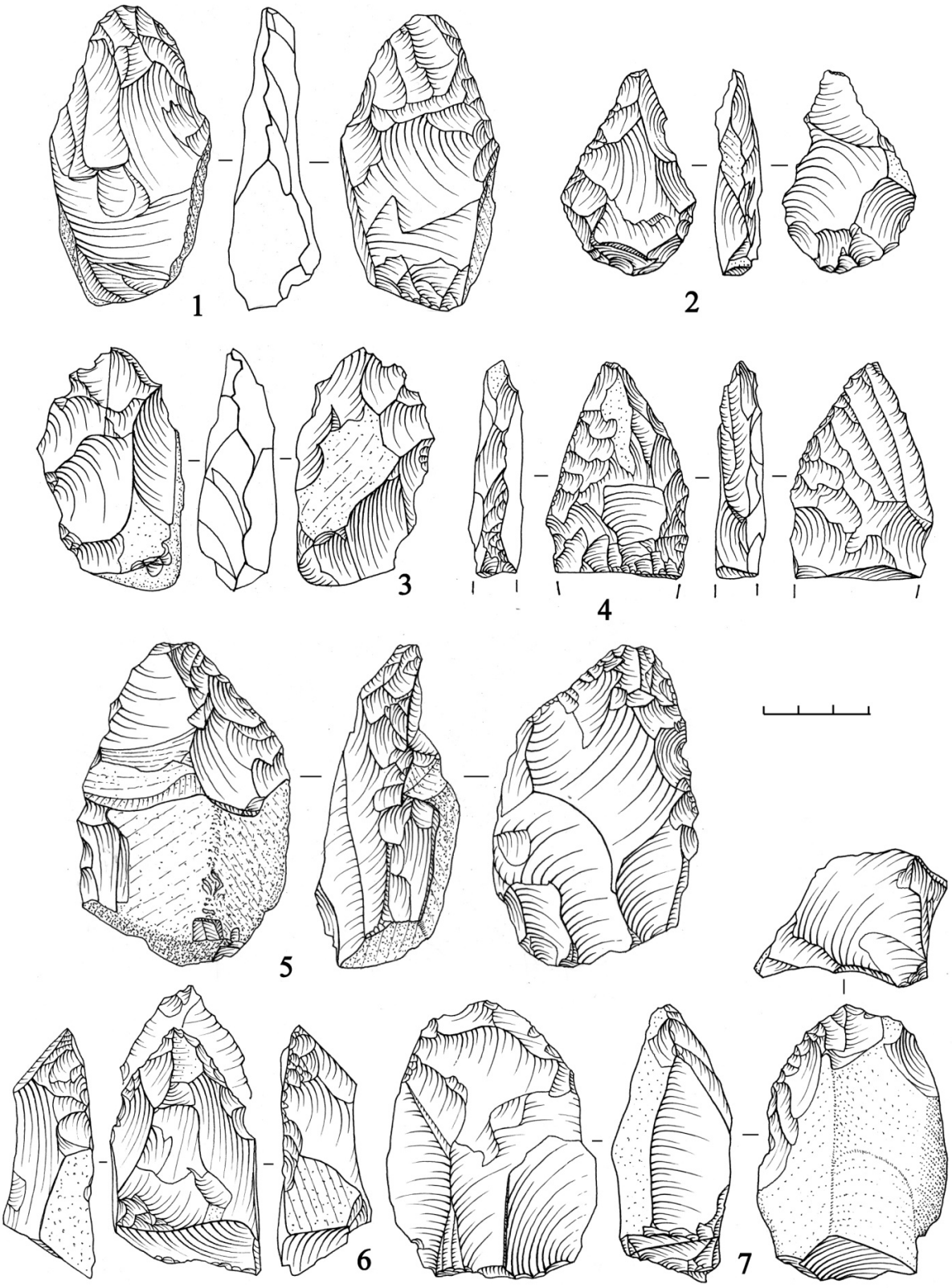

Рис. 3.8. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Изделия из кремня: 1, 2 , 5– бифасы, 3 – заготовка бифаса, 4 – наконечник копья, 6 – скребло конвергентное, 7 – полубифас

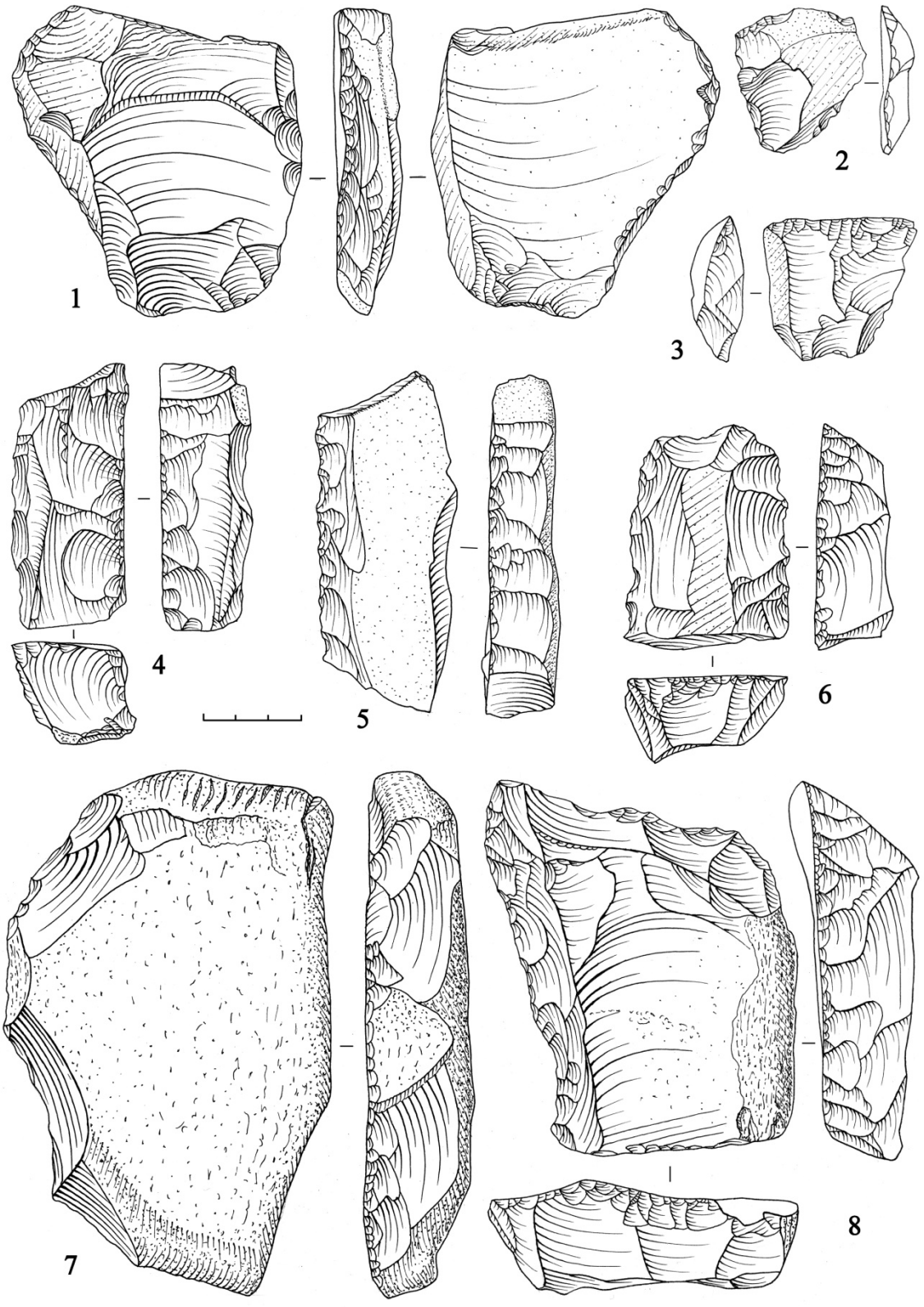

Рис. 3.9. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Скребла: 1 – продольное, выпуклое, 2 – конвергентное, 3 – поперечное прямое, 4, 5- прямое, 6 – двойное, прямое, 7 – выпуеклое, 8 – конвергентное прямое. Кремень

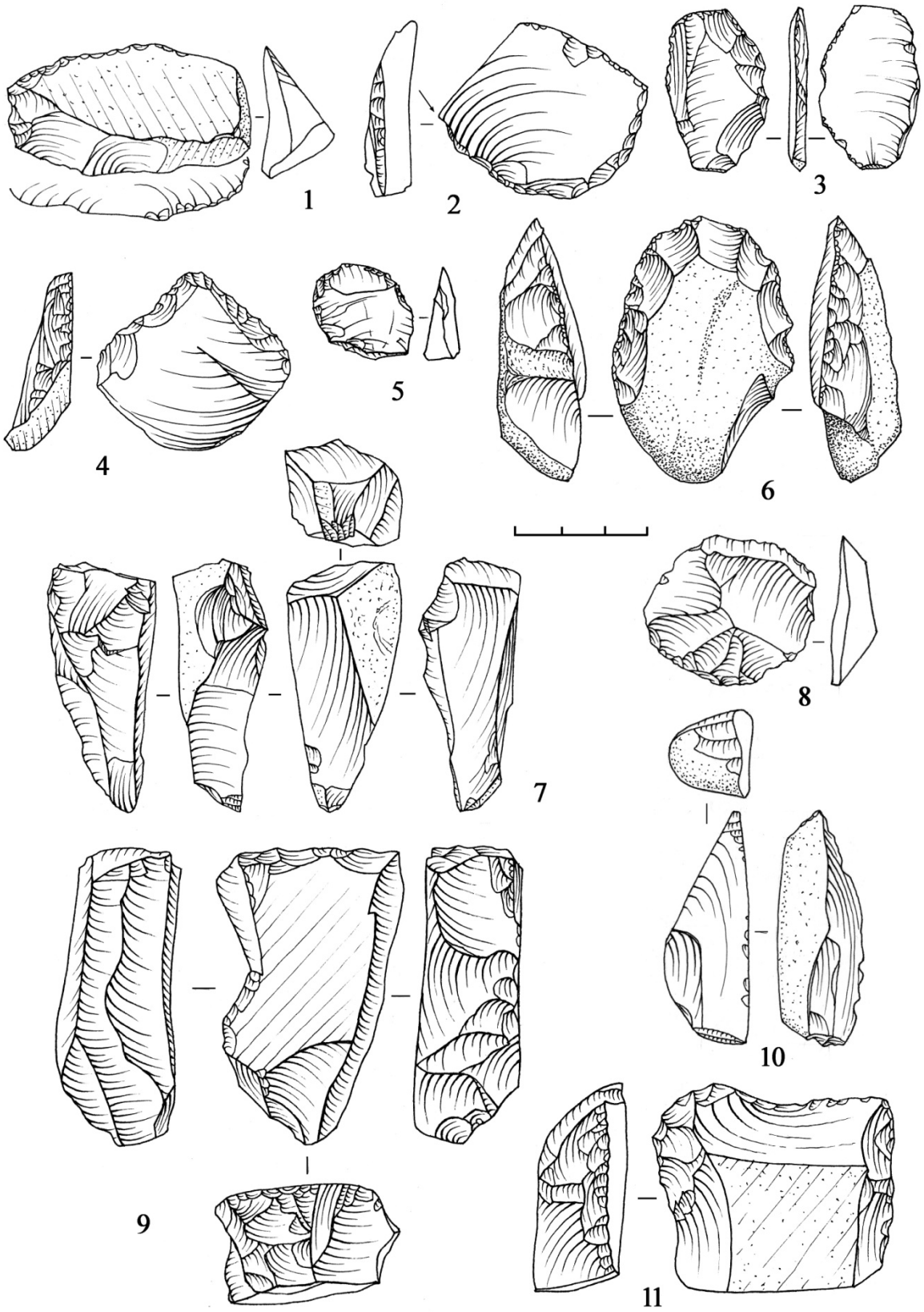

Рис. 3.10. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Скребки: 1 – боковой, 2,5 – вентральный, 3 – скребок-нож, 4 – стрельчатый, 6 – на первичном сколе, 7 – «с носиком», 8 – полукруглый площадной, 9 – прямой на нуклеусе, 10 – скребок-острие, 11 – двойной. Кремень

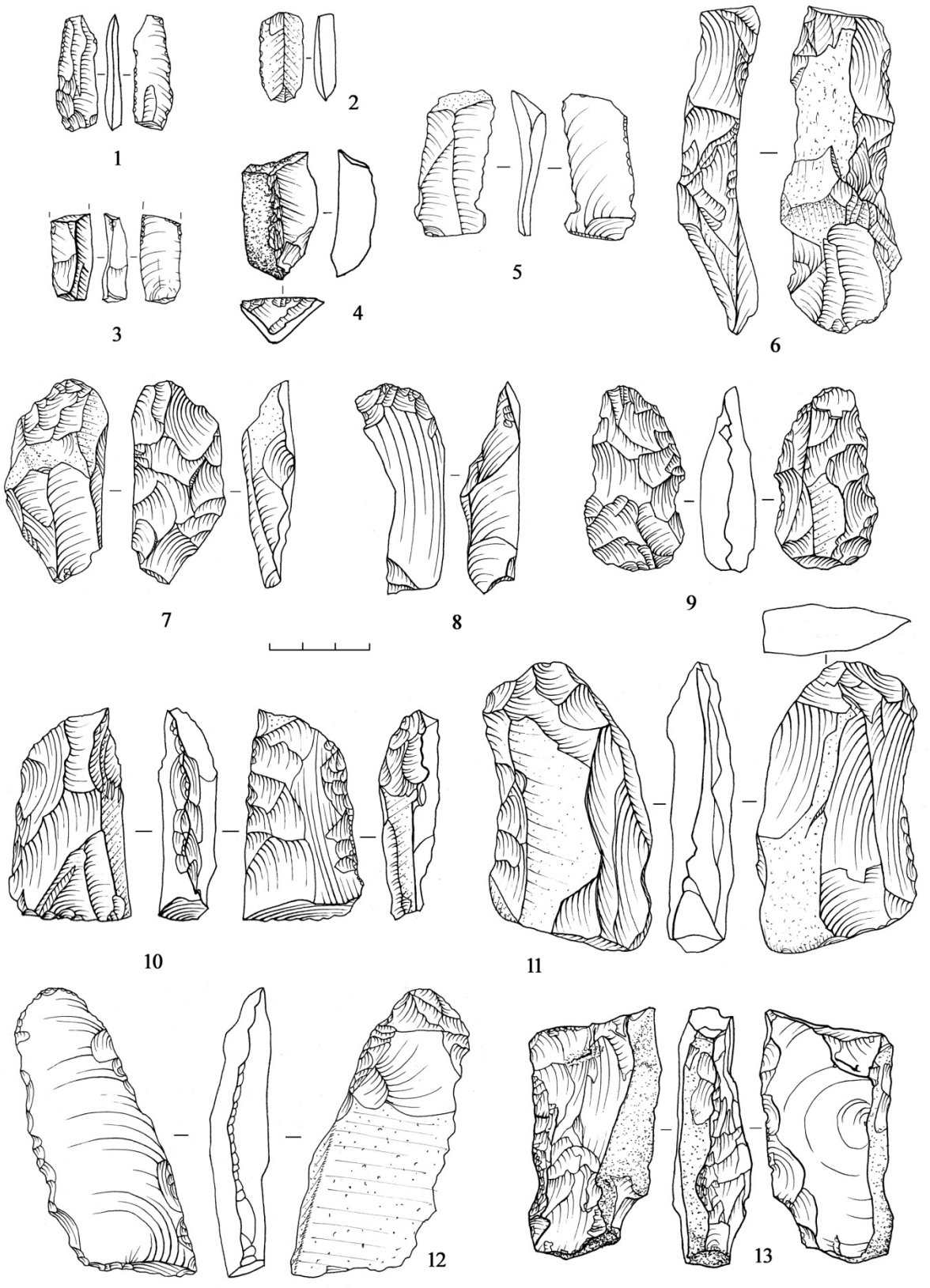

Рис. 3.11. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Изделия из кремня: 1 – пластина с ретушью, 2,3 – фрагенты пластин, 4 – пластина усеченная, 5 – фрагментированная пластина, 6 – реберчатый скол, 7, 10, 11 – нож обушковый бифациальный, 8, 11. 13 – нож обушковый, 9 – нож бифациальный, 12 – нож обушковый на пластине

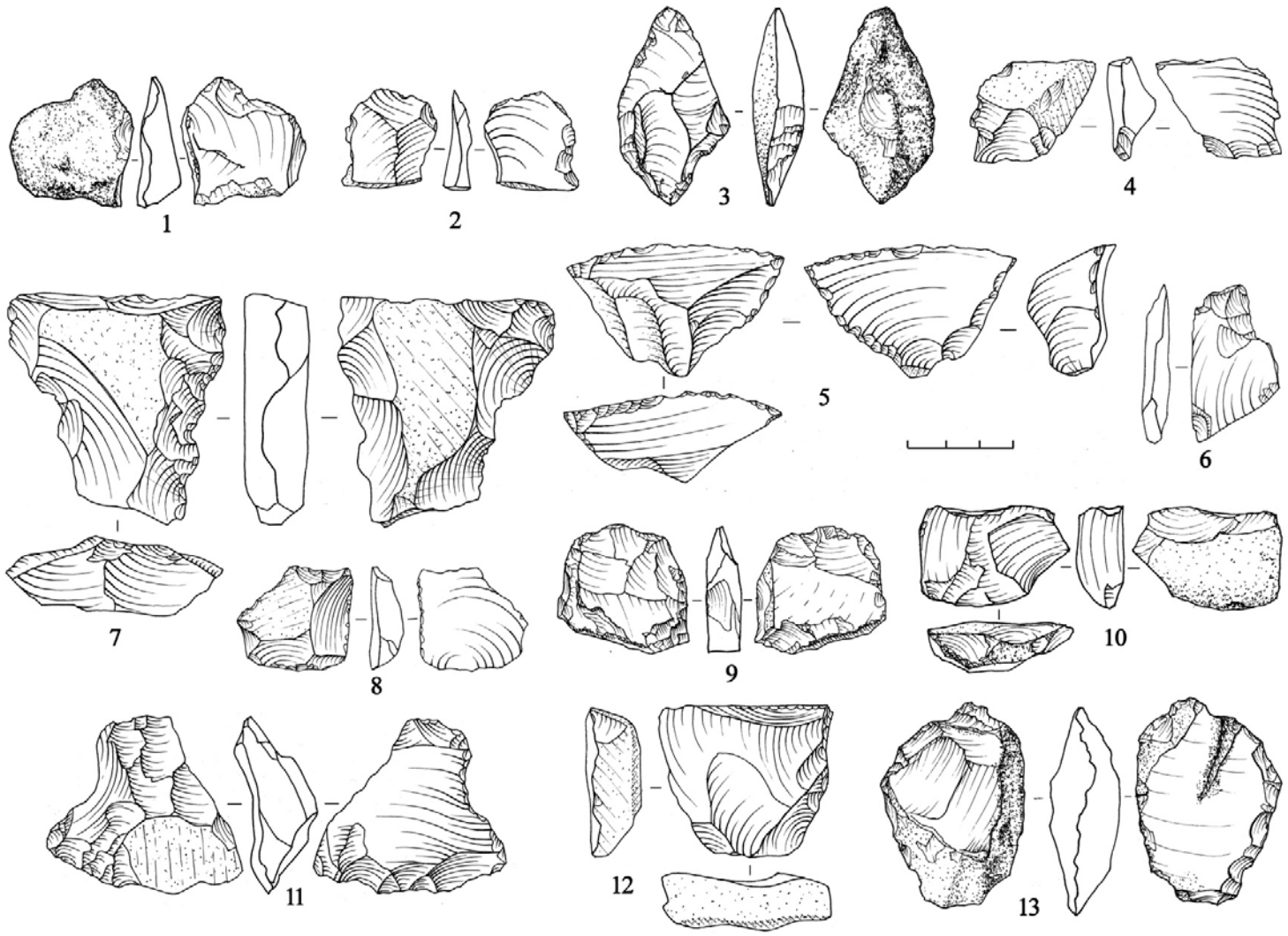

Рис. 3.12. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Резчики из кремня: 1,2, 4, 6, 8, 10, 13 – резчики клювовидные, 3, 5 – резчики двойные, 7, 11 – резчики бифациальные с черенком, 12 – резчик на углу скола

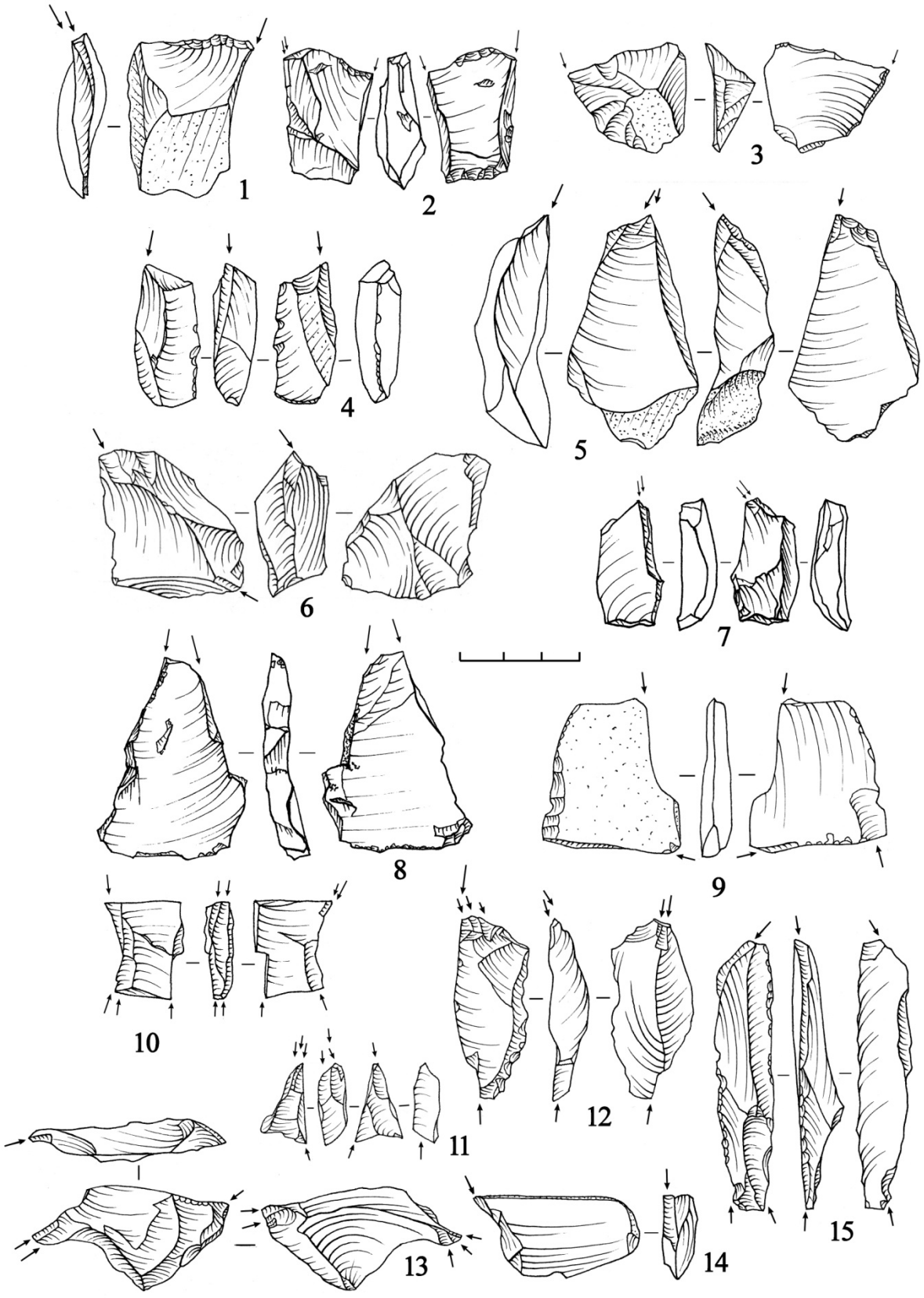

Рис. 3. 13. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Орудия с резцовыми сколами: 1, 2 – боковые ретушные; 3,4, 7, 14 – боковые; 5, 10, 11, 15 – многофасеточные; 6, 12 – латеральные; 8 – срединный; 9 – тройной; 13 – клювовидный. Кремень

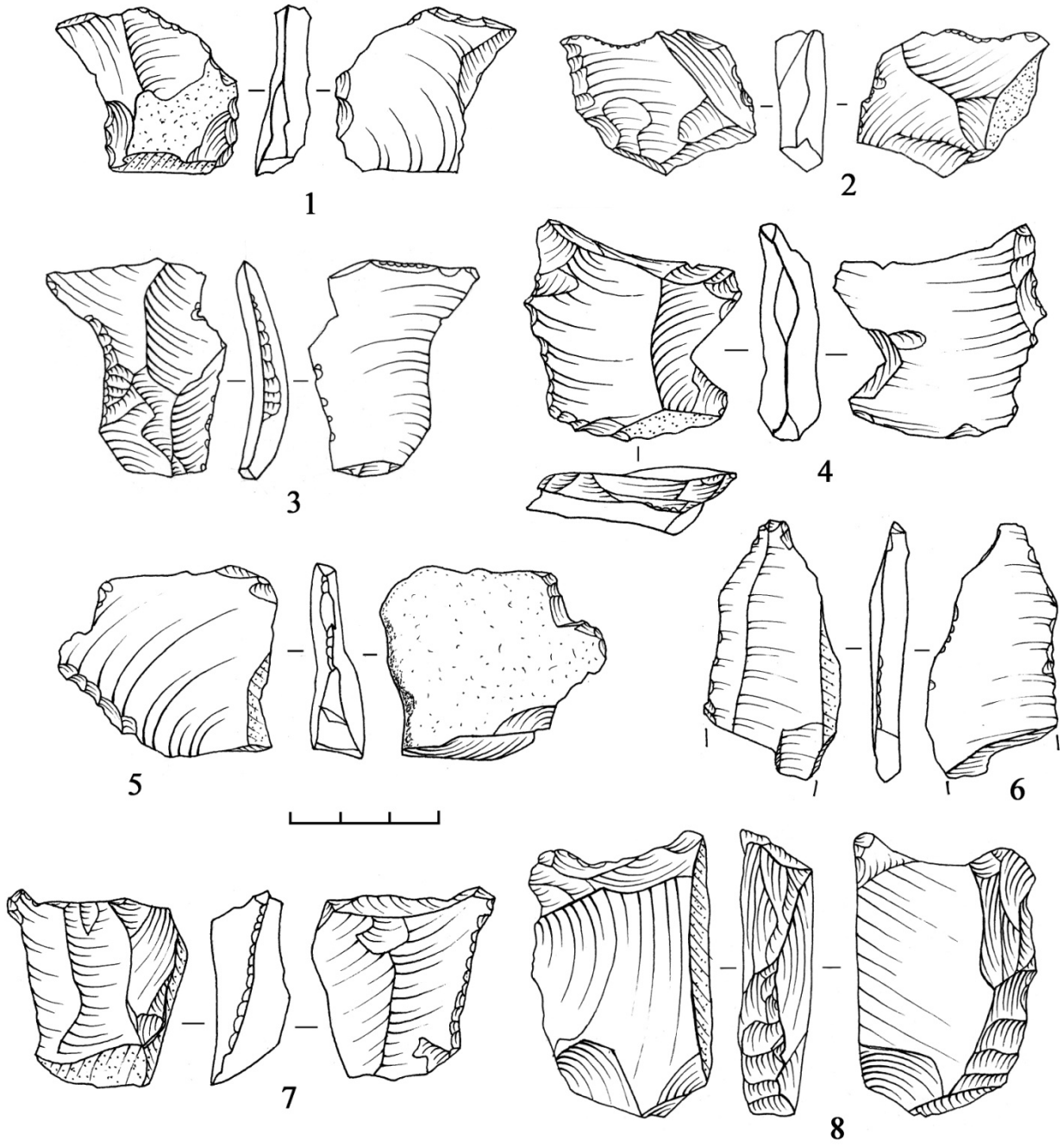

Рис. 3.14. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Изделия из кремня: 1-4 – клювовидные орудия; 5-8 – орудия с шипом

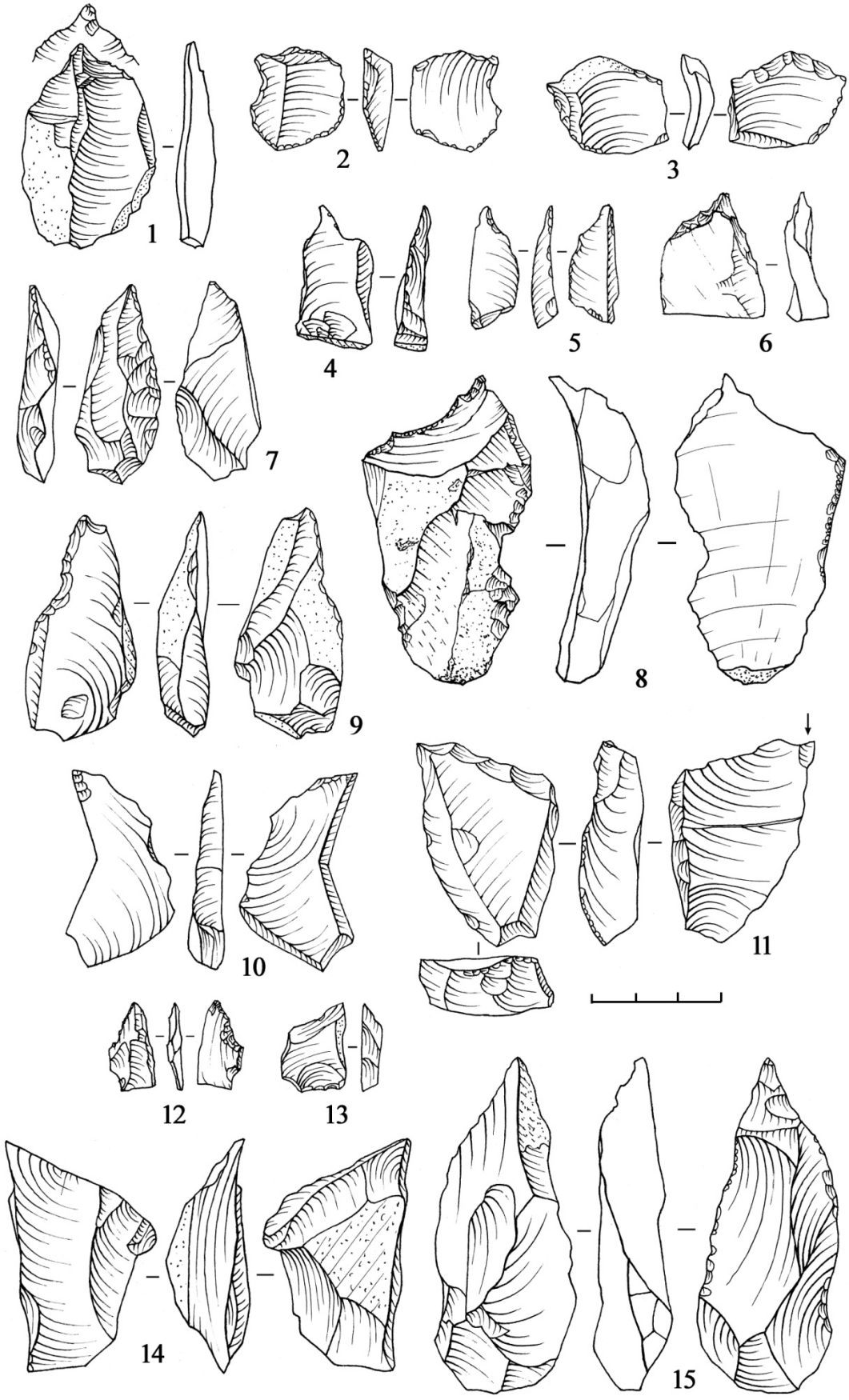

Рис. 3.15. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Кремневые изделия: 1-6 – проколки; 7-14 – острия; 15 – острие бифациальное

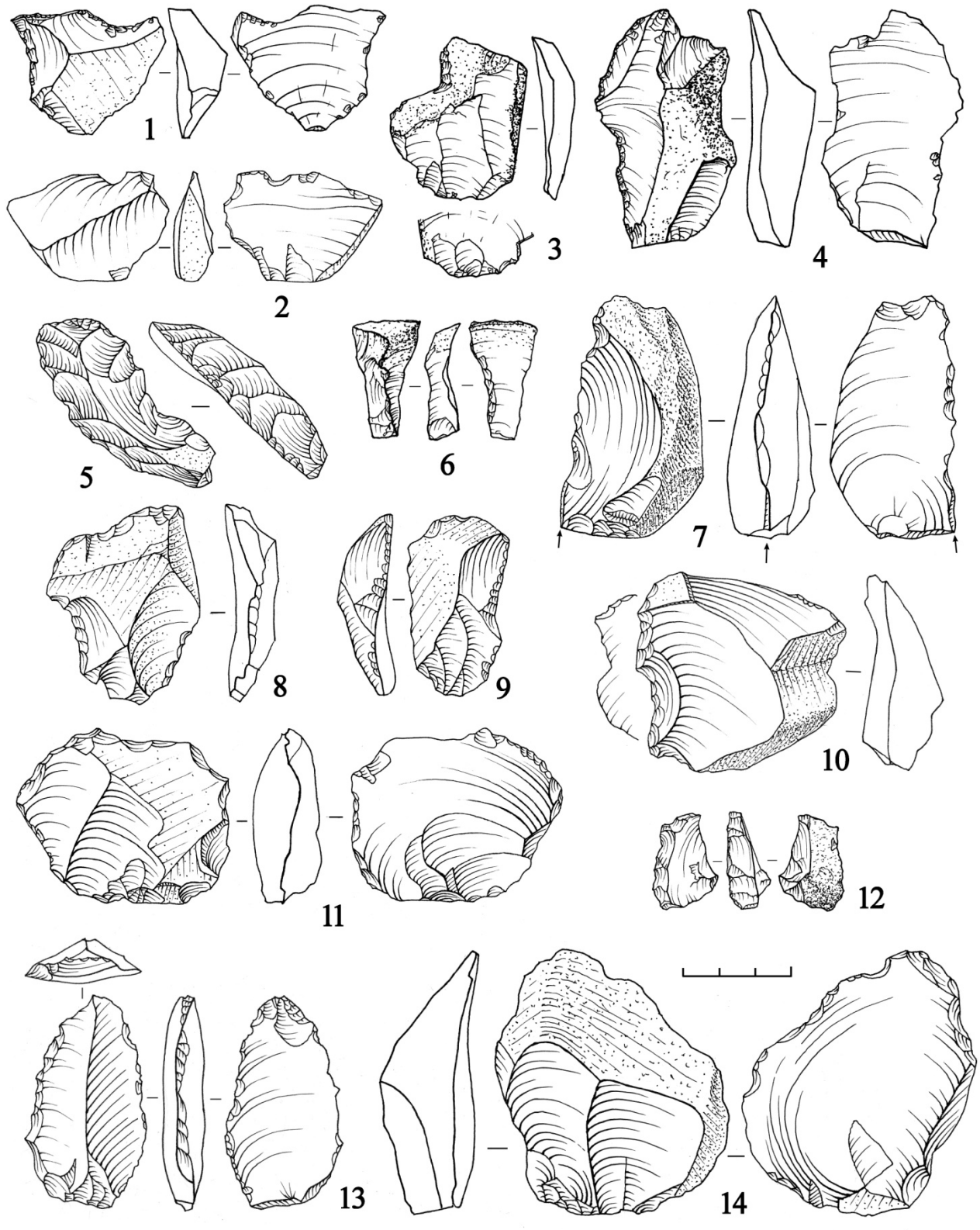

Рис. 3.16. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Кремневые изделия: 1-10 – выемчатые орудия; 11-14 – зубчатые орудия

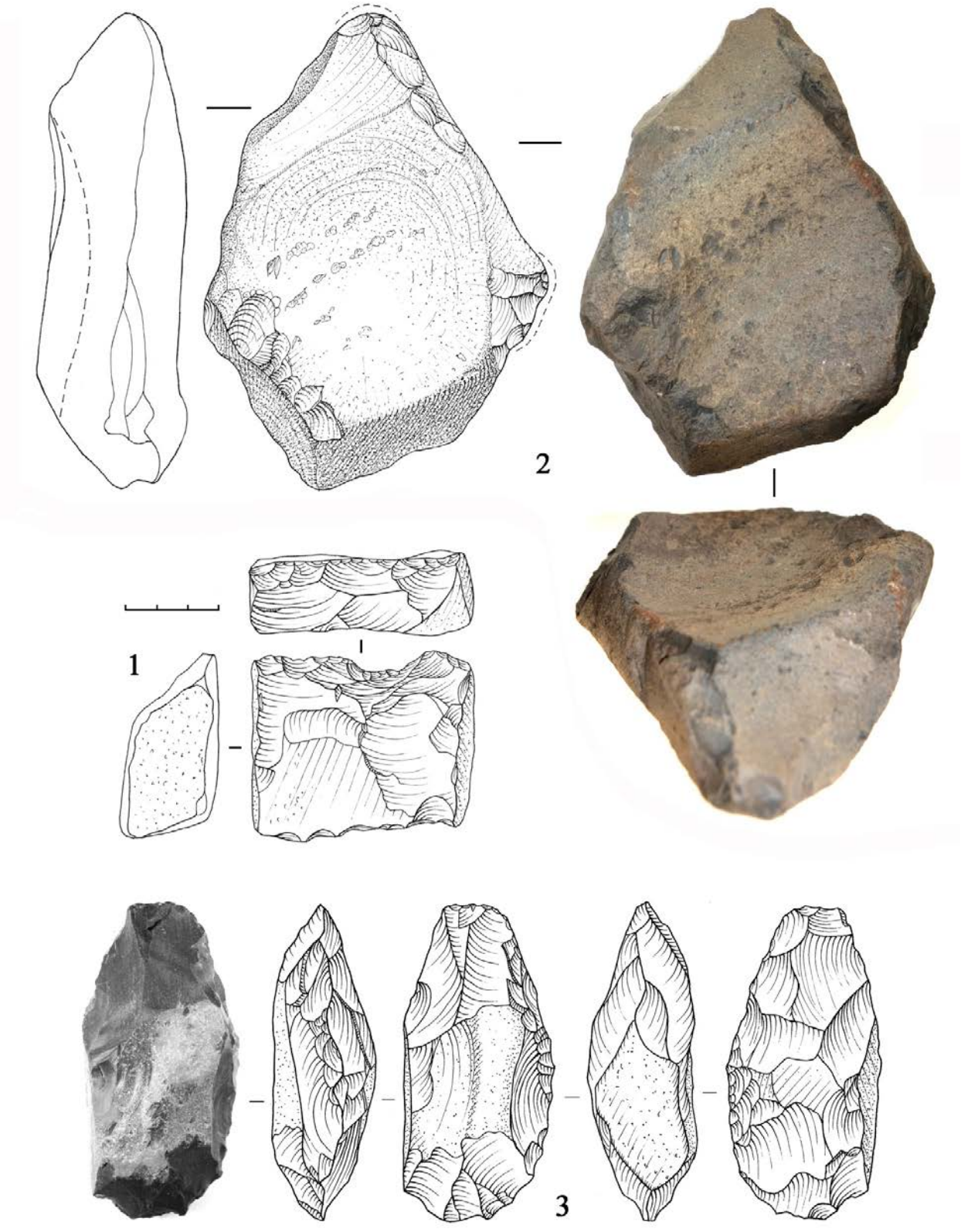

Рис. 3.17. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Каменные изделия: 1 – рубящее орудие (чоппер) на плитке серого кремня; 2 – ступка-наковальня-отбойник на гальке серого кремня; 3 – рубило на гальке серого кремня

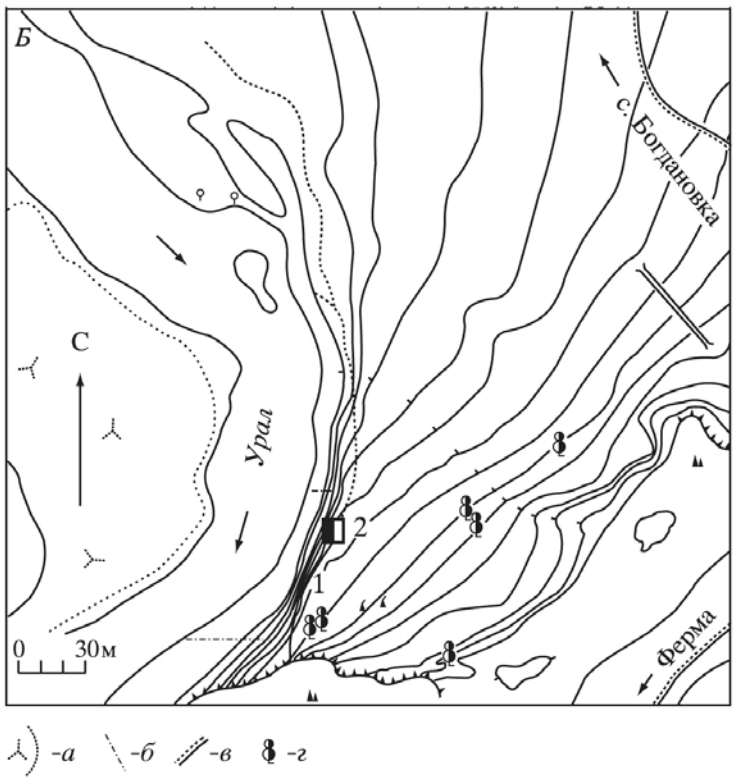

Рис. 3.35. Стоянка Богдановка. Топографический план (по Широкову и др., 2011). 1 – скальное обнажение (зачистка 1988 г.); 2 – раскоп 1989 г. (залита вскрытая часть). Условные обозначения: а – кустарник; б – граница распространения подъемного материала; в – грунтовая дорога; г- береза

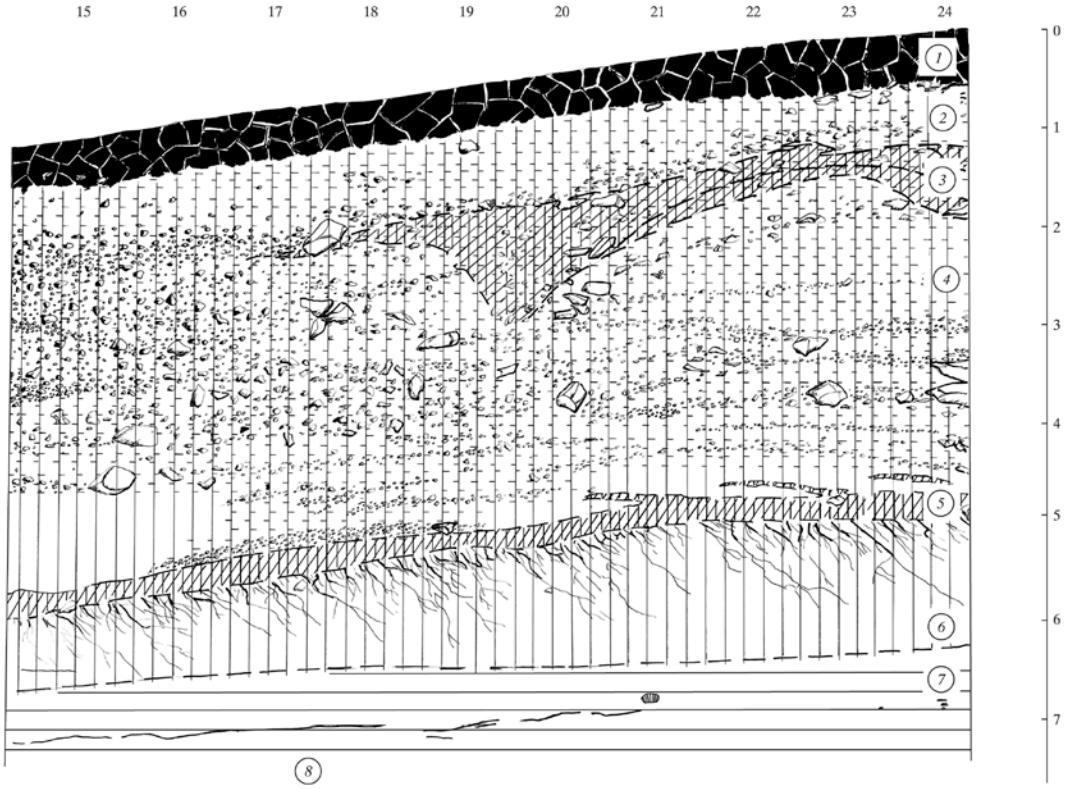

Рис. 3.36. Стоянка Богдановка. Стратиграфия восточной стенки раскопа . (по Широкову и др., 2011) Условные обозначения: *1*-современная почва; *2, 4, 6*-лёссовидный суглинок; 3– верхняя погребенная почва; 5–нижняя погребенная почва; 7–пойменный аллювий; 8– горизонт обитания

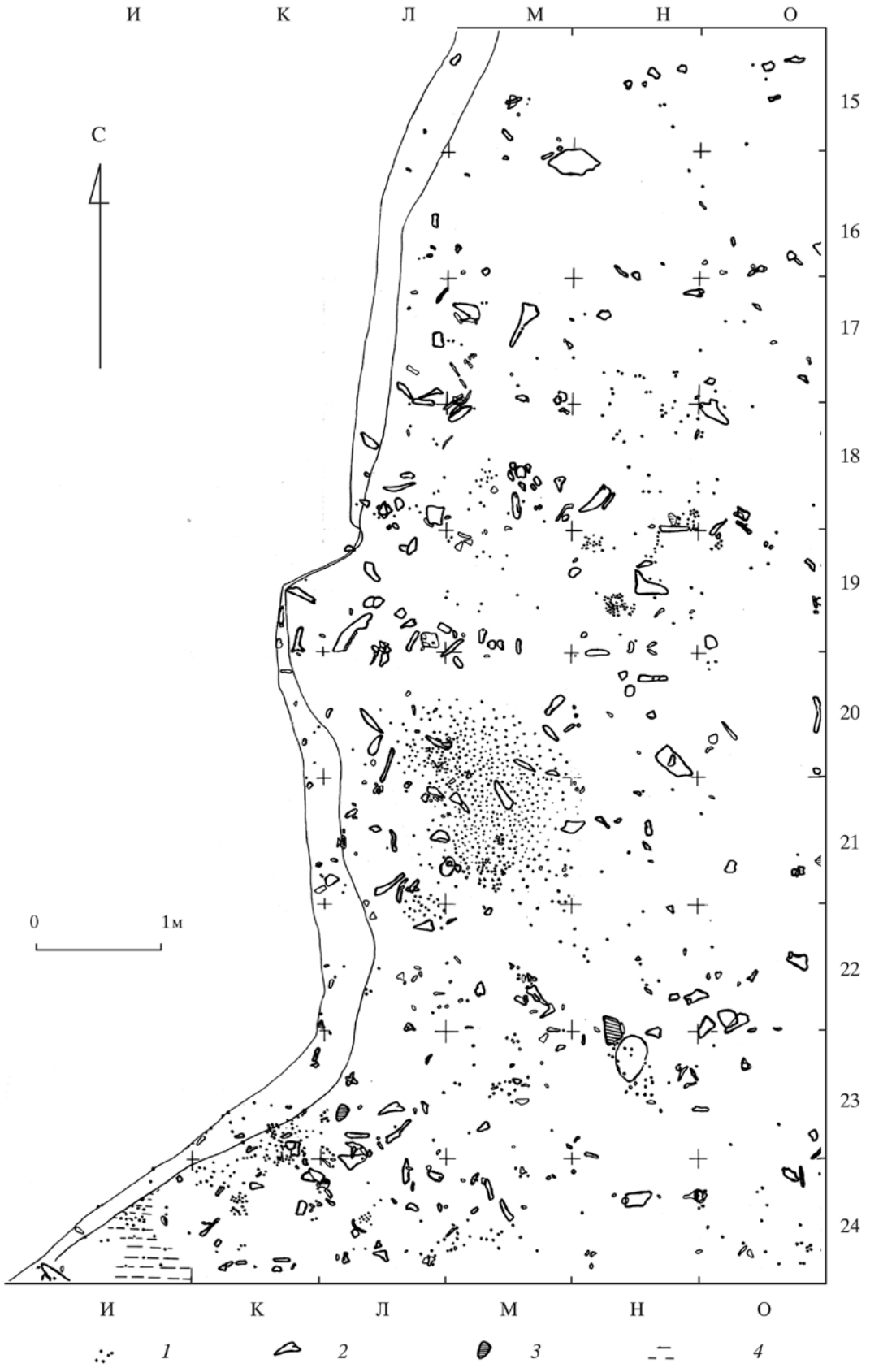

Рис. 3.37. Стоянка Богдановка. План раскопа 1989 г. (по Широкову и др., 2011). Условные обозначения: *1*-каменные изделия; *2*-фрагменты костей; *3*-зубы мамонта; *4*-область распространения эмали зуба мамонта

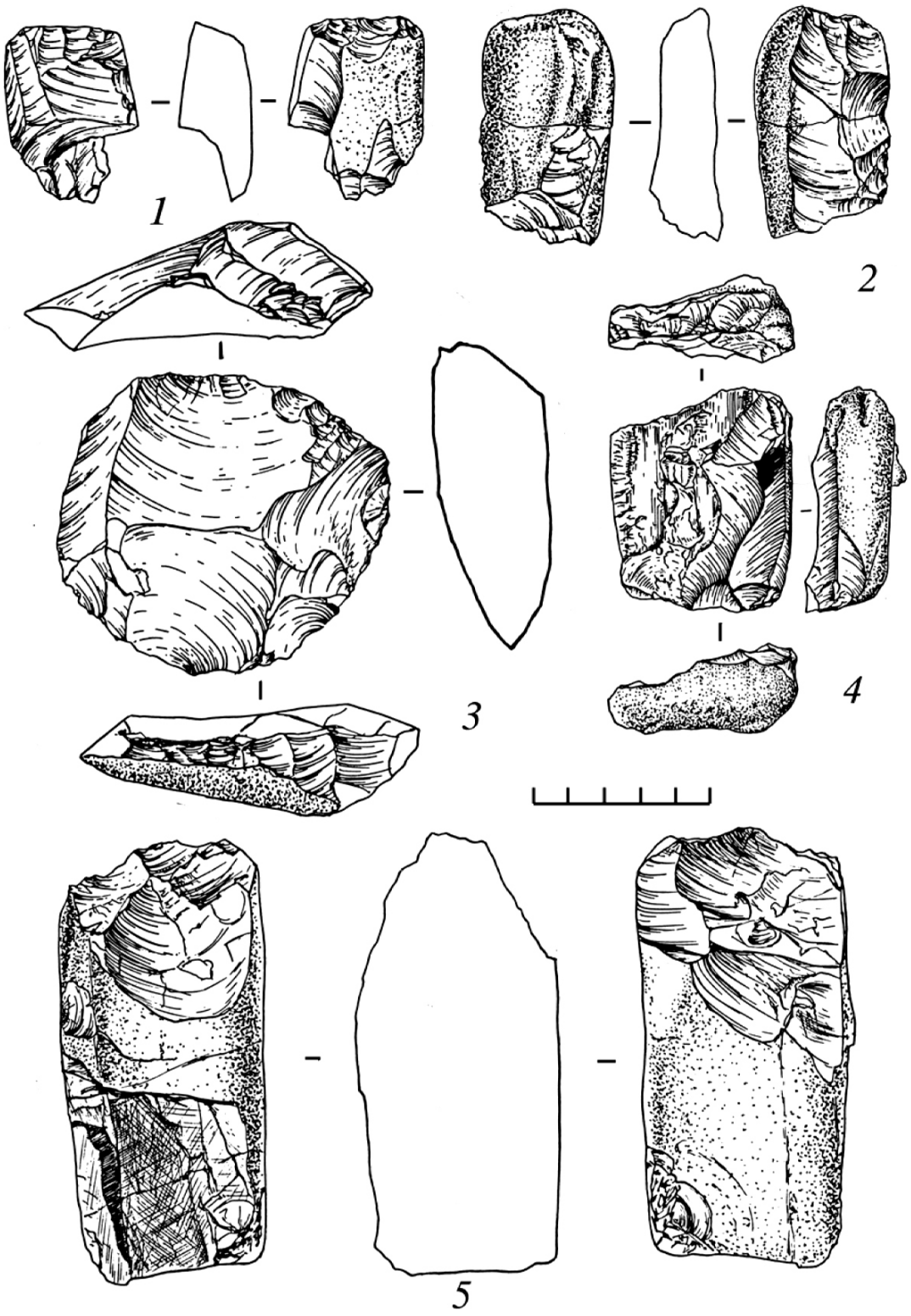

Рис. 3.38. Стоянка Богдановка. Каменные изделия (по Широкову и др., 2011): 1-нуклеус двухплощадочный параллельного скалывания-скребло; 2-нуклеус перекрестно-ортогональный; 3-нуклеус радиальный плоский; 4-нуклеус плоский параллельно встречного скалывания; 5-отбойник

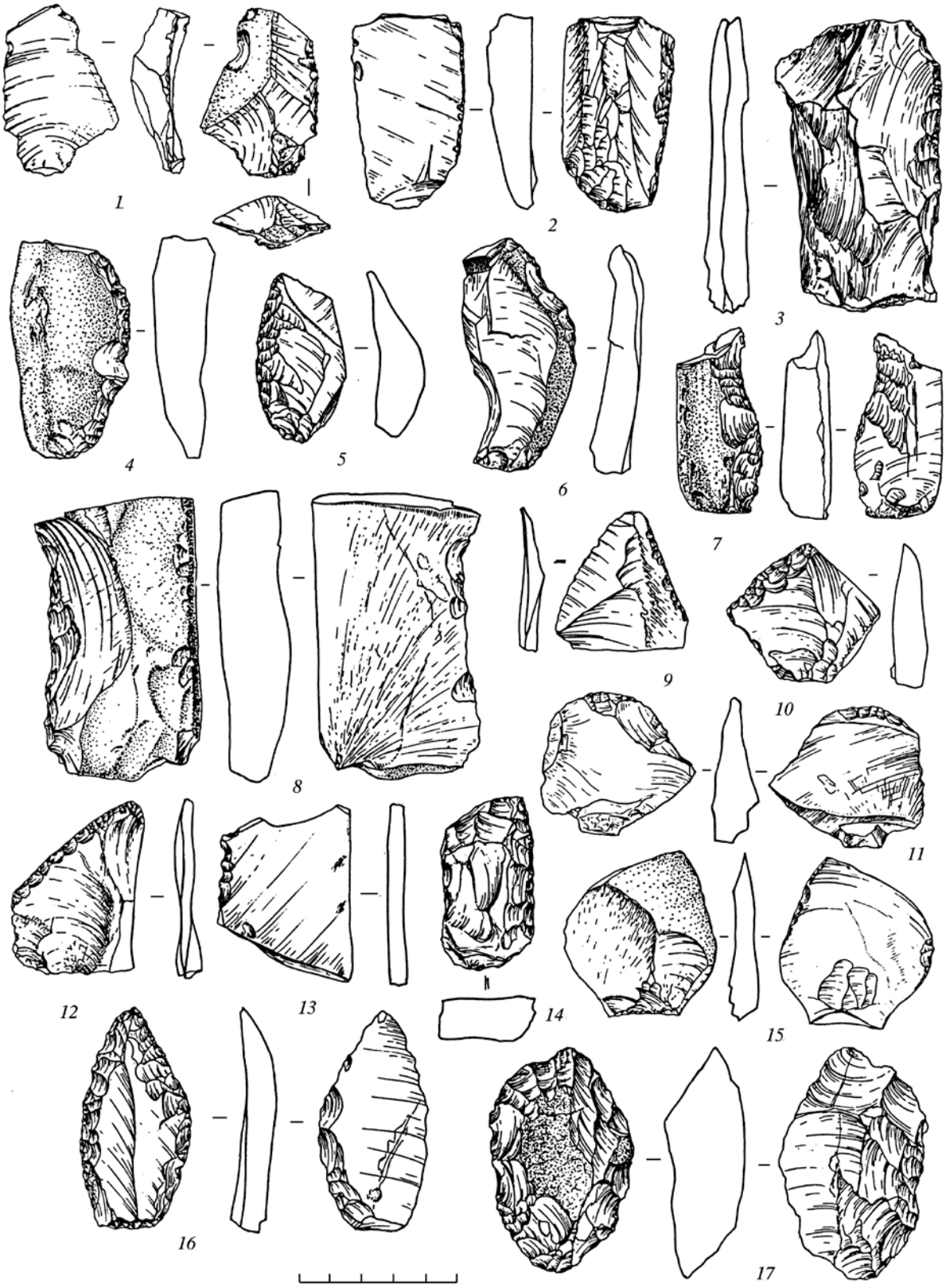

Рис. 3.39. Стоянка Богдановка. Каменные орудия (по Широкову и др., 2011): 1-3 – скребла продольные; 4, 5 – скребла выпуклые; 8 – скребло вогнутое; 7 – выпукло-вогнутое с клювовидным острием; 10, 12 – скребла диагональные; 11 – отщеп с ретушью; 13 – зубчатое орудие; 14 – скребло угловатое; 9, 15 – ножи; 16 – остроконечник мустьерский частично бифациальный; 17 – скребло овальное (лимас)

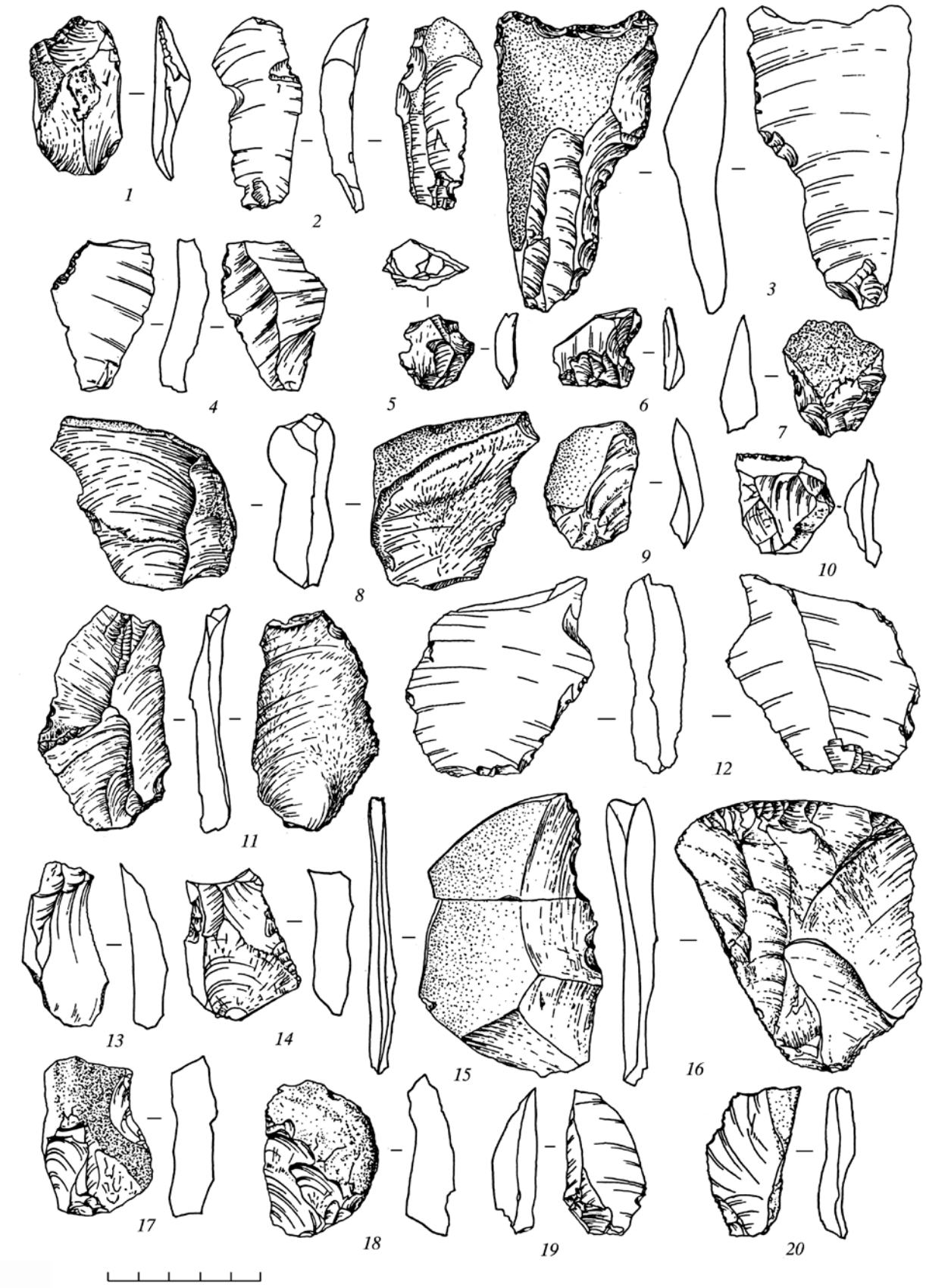

Рис. 3.40. Стоянка Богдановка. Каменные орудия (по Широкову и др., 2011): 1-7, 17 – выемчатые орудия; 8 – зубчато-выемчатое орудие; 9, 11, 12, 15, 16, 18, 19 – отщепы с ретушью; 13, 14, 20 – ножи

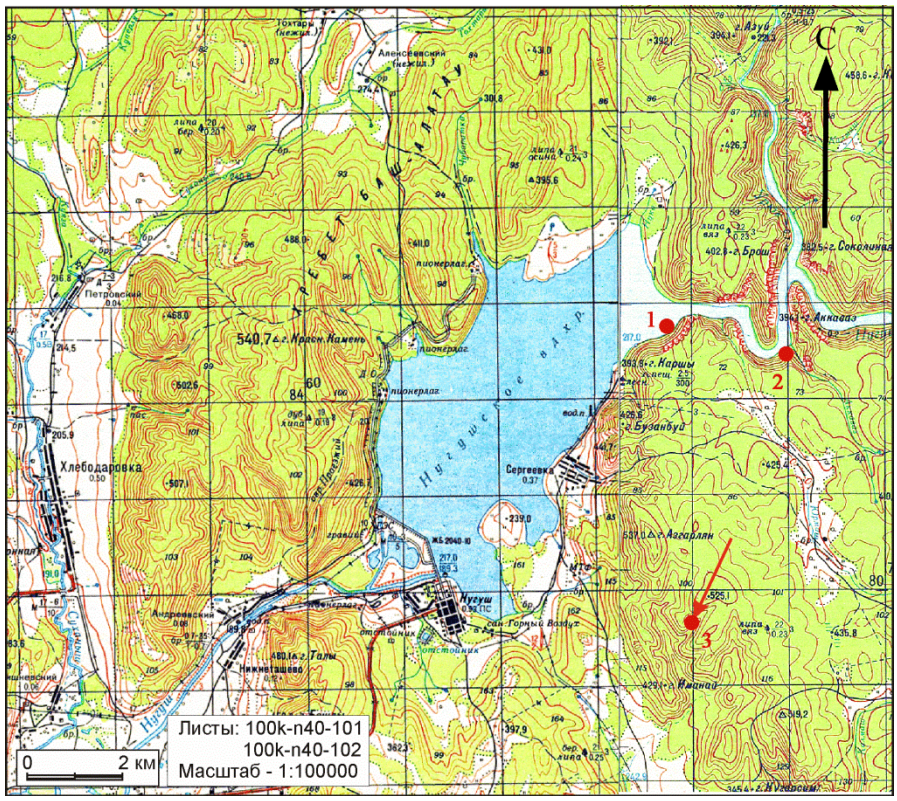

Рис. 3.41. Карта местности с местонахождением пещеры Иманай-1 (Барсучья Нора) (указана цифрой 3 и красной точкой и стрелкой), 1 – стоянка Сергеевка-1, 2 – стоянка Усть-Акаваз

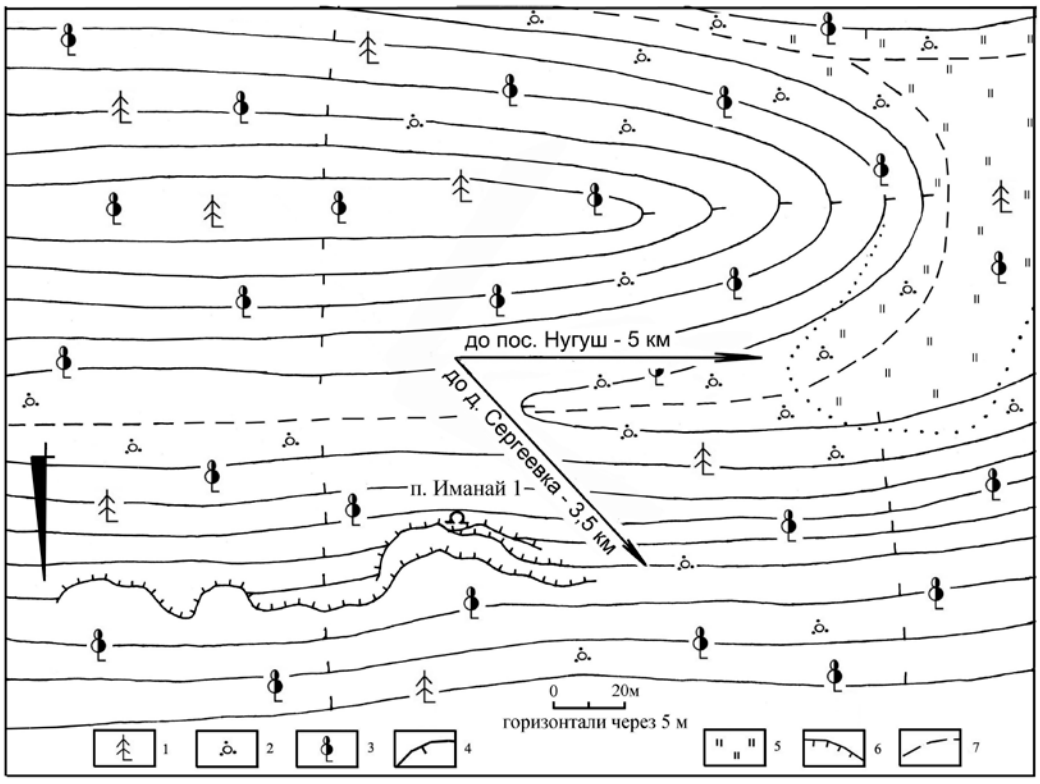

Рис. 3.42. Пещера Иманай-1. Ситуационный план. Инструментальная съемка В.Г.Котова. Условные обозначения: 1 – деревья; 2 – кустарник; 3 – скала;; 4 - горизонтали; 5 – луг; 6 – обрыв или границы ямы 7 - тропинка

Рис. 3.43. Пещера Иманай-1. Вход в пещеру, вид с юга. Фото В.Г. Котова

Рис. 3.44. Пещера Иманай-1. Вид на Дальний зал с севера. Фото В.Г. Котова

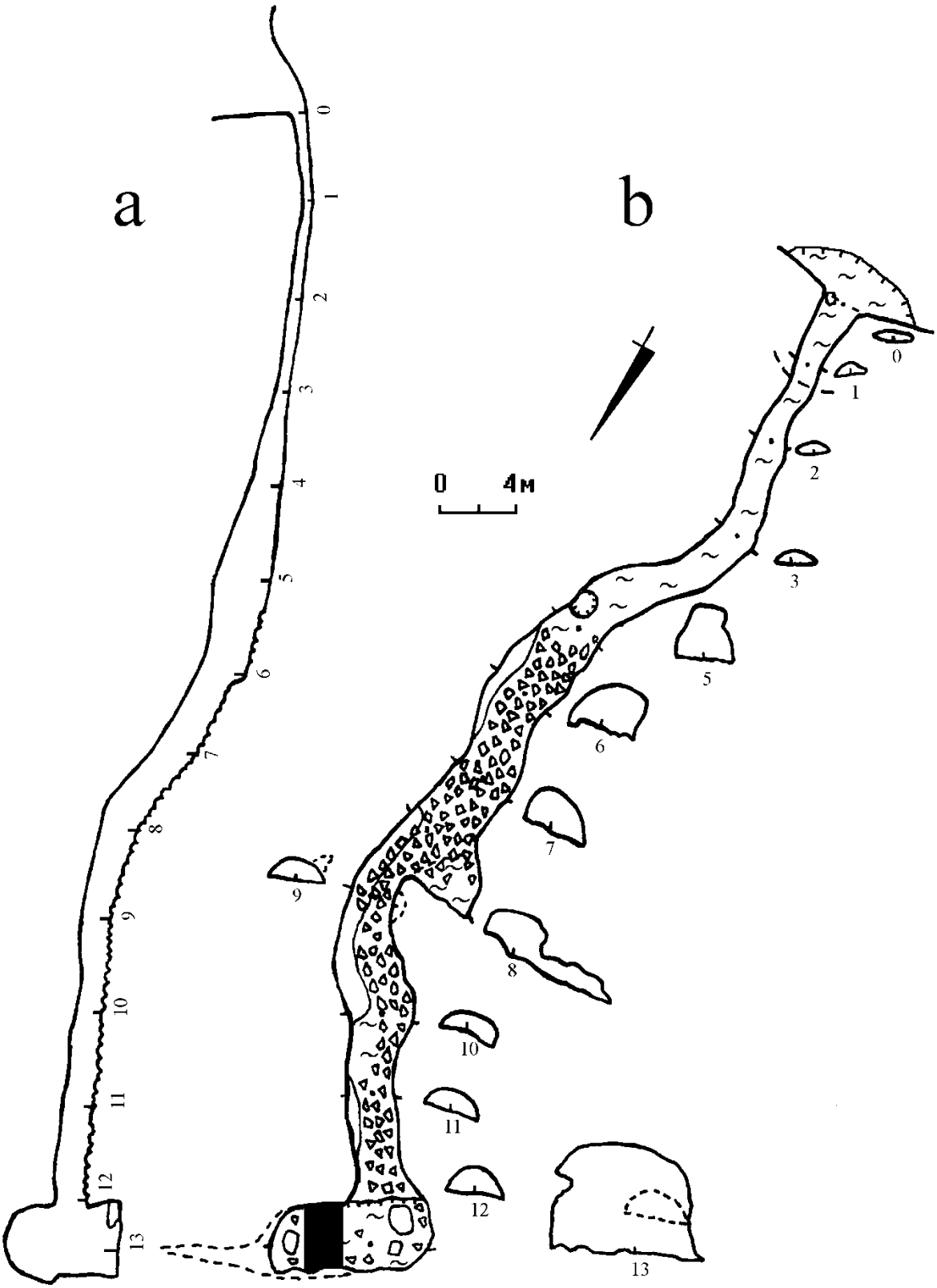

Рис. 3.45. Пещера Барсучья Нора. Профиль (a), план (b) и сечения. Инструментальная съемка В.Г. Котова

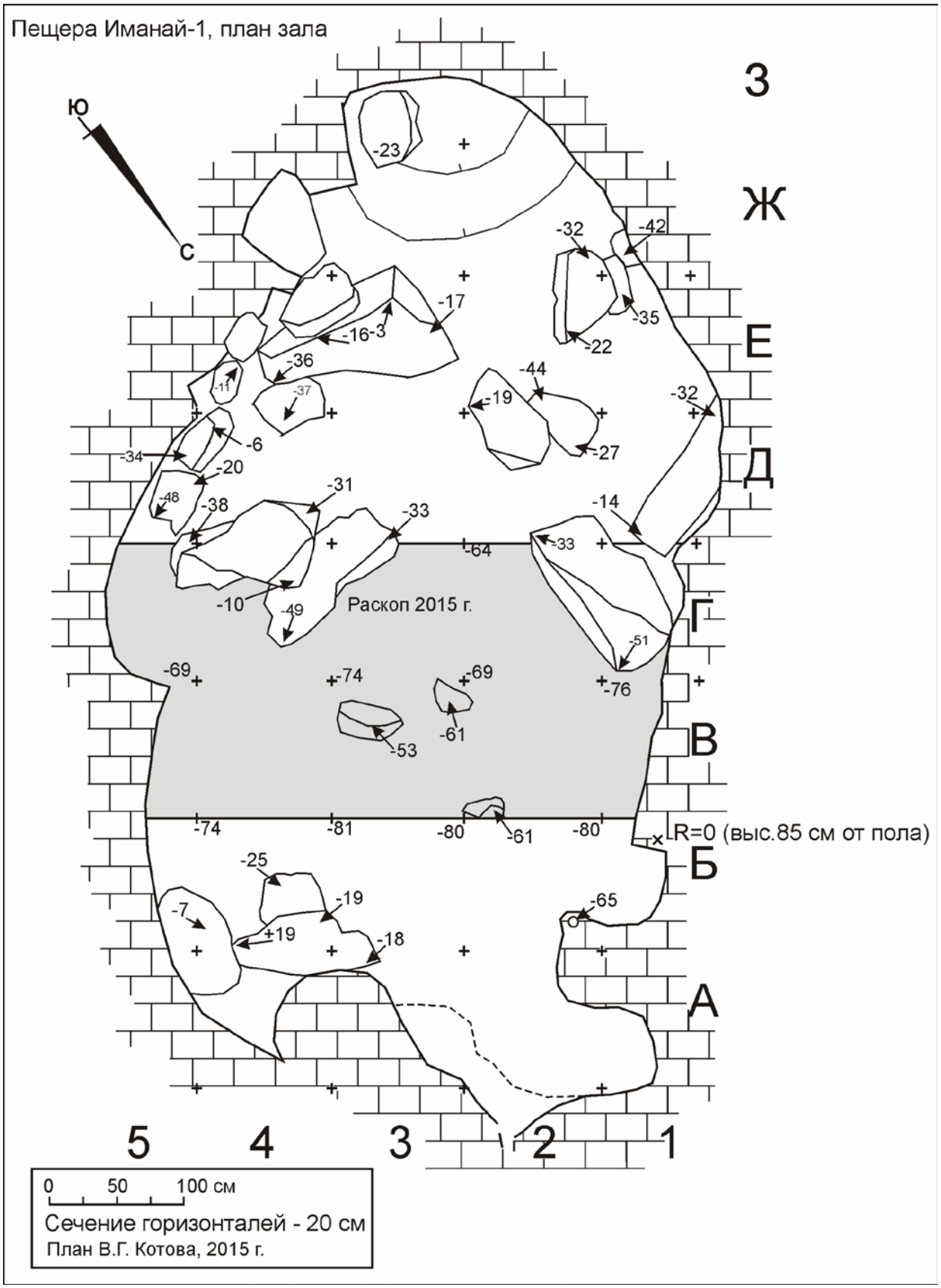

Рис. 3.46. Пещера Иманай-1. План Дальнего зала. Инструментальная съемка В.Г. Котова

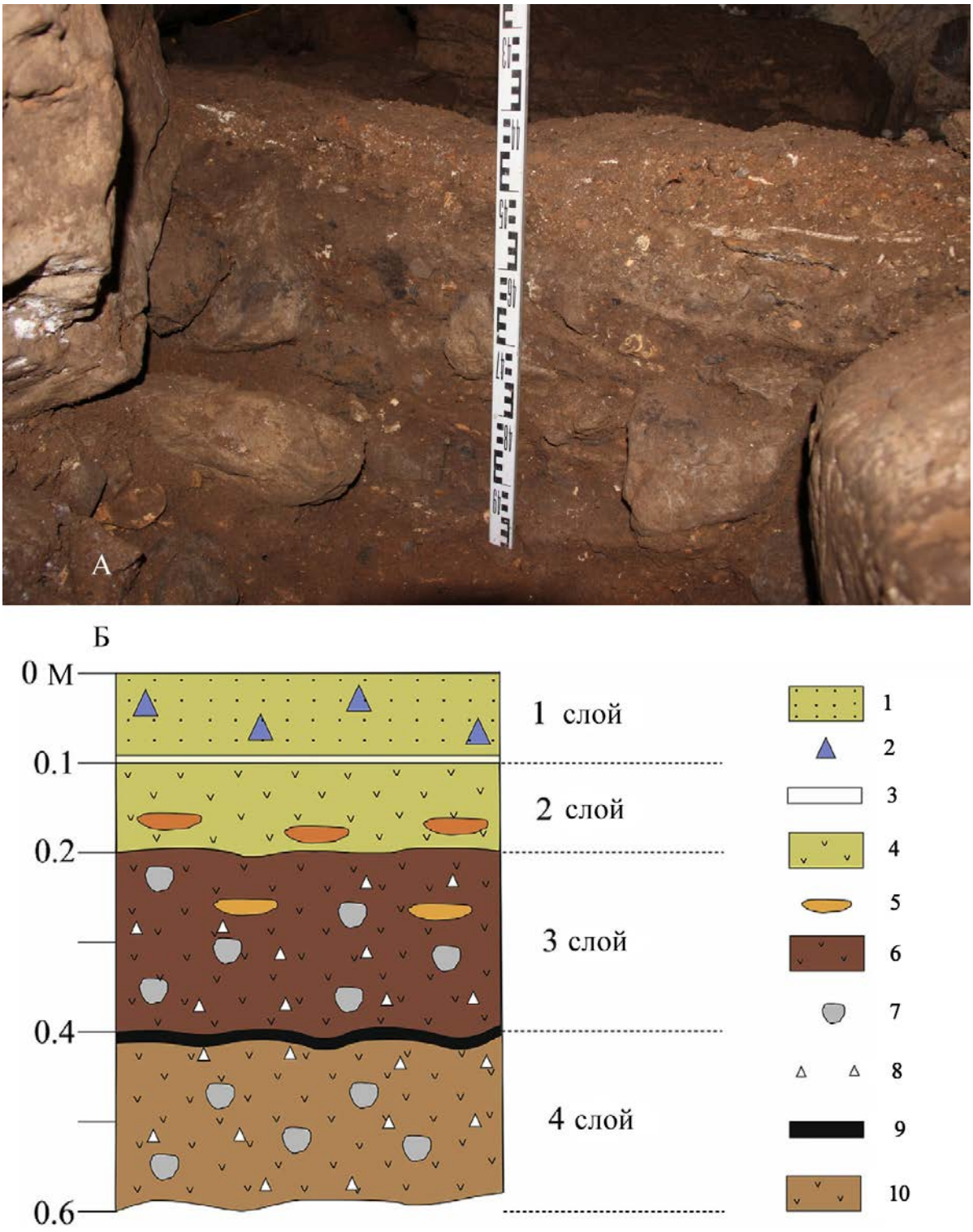

Рис. 3.47. Пещера Иманай-1. Разрез культурных отложений. А – фото южной стенки, Б – разрез отложений (по Gimranov, Kosintsev, 2020). Условные обозначения: 1 – супесь светло-коричневая с гравием; 2 – палеолитические каменные изделия; 3 – разломанная кальцитовая корка; 4 – супесь светло-коричневая с доломито-известняковой щебенкой; 5 – известняковый туф; 6 – супесь темно-коричневая с доломито-кальцитовым гравием; 7 – галька угловатая; 8 – известняковая щебенка; 9 – известняковая супесь, насыщенная гравием; 10 – супесь коричневая с доломито-кальцитовым гравием

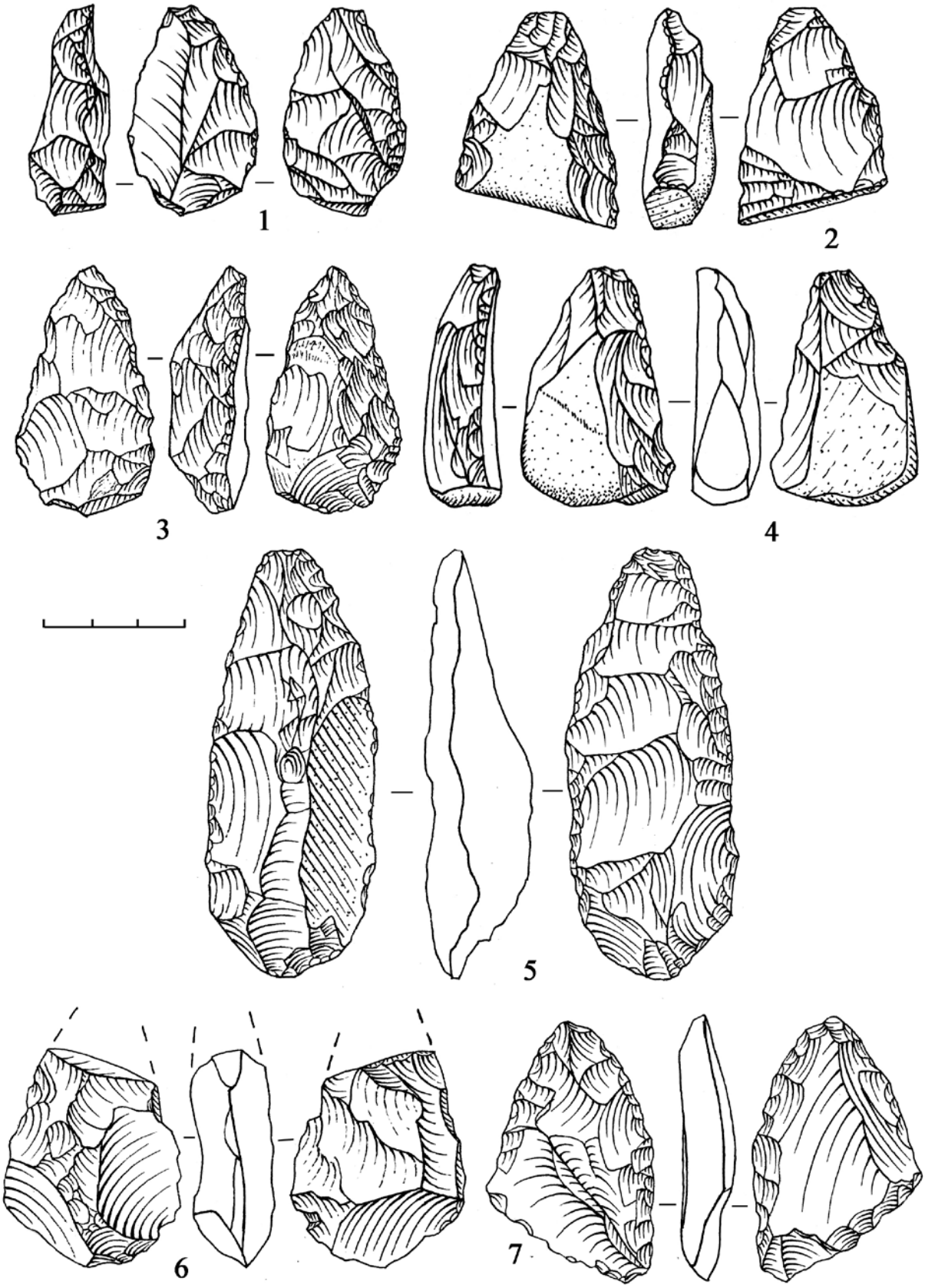

Рис. 3.48. Пещера Иманай-1. Бифасиальные орудия из кремня: 1-4 – скребла конвергентные; 5-7 – остроконечники

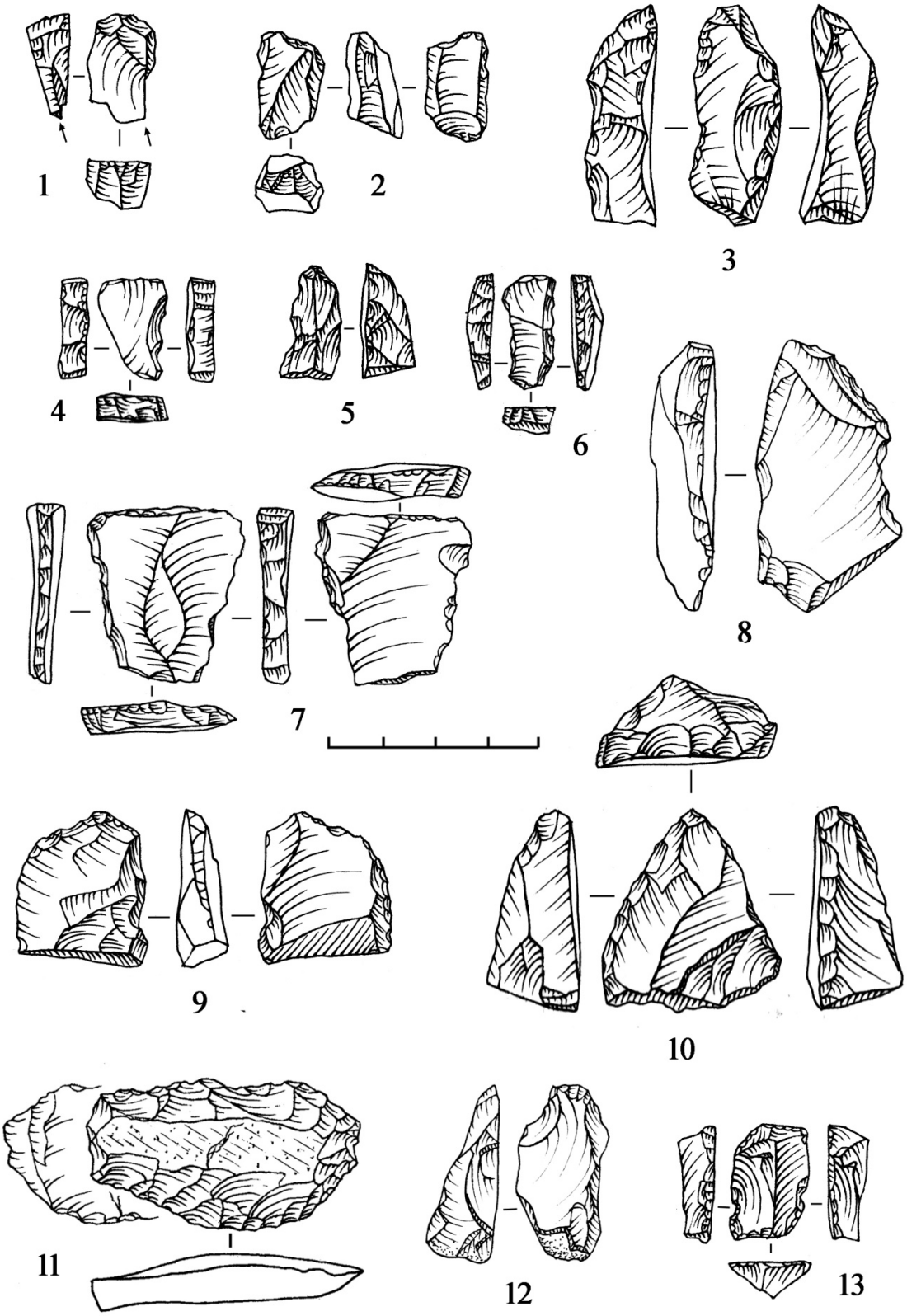

Рис. 3.49. Пещера Иманай-1. Кремневые изделия: 1 - скребок; 2 – скребок угловой; 3, 5, 12 – скребок с рыльцем; 4, 6, 7, 13 – скребок с ретушированными краями; 8 – скребло прямое, скошенное; 9 – скребло поперечное, выпуклое; 10 – скребло продольное, скошенное с ретушированным основанием; 11 – скребок боковой «с рыльцем»-скребло двойное

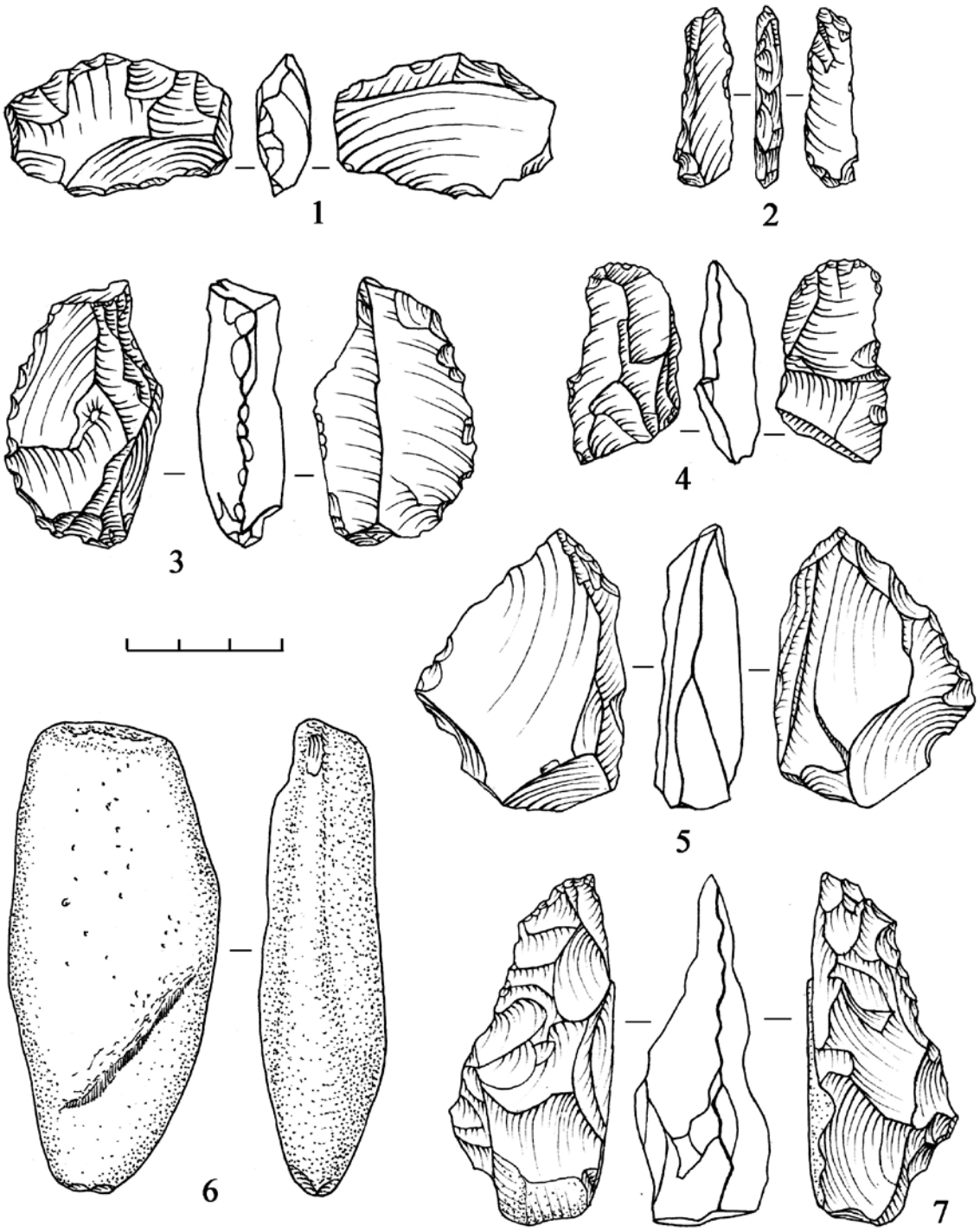

Рис. 3.50. Пещера Иманай-1. Каменные изделия. Ножи: 1 – с ретушированным обушком на укороченном отщепе; 2 – с ретушированным обушком и выделенным шиповидным острием на пластине; 3 – с обушком, созданным продольными сколами; 4 – с ретушированным закругленным обушком; 5 – с ретушированным прямым обушком; 7 – с естественным обушком и бифасиальной обработкой поверхности. 6 – отбойник на гальке из кальцита. 1-5, 7 – кремень, 6 - кальцит

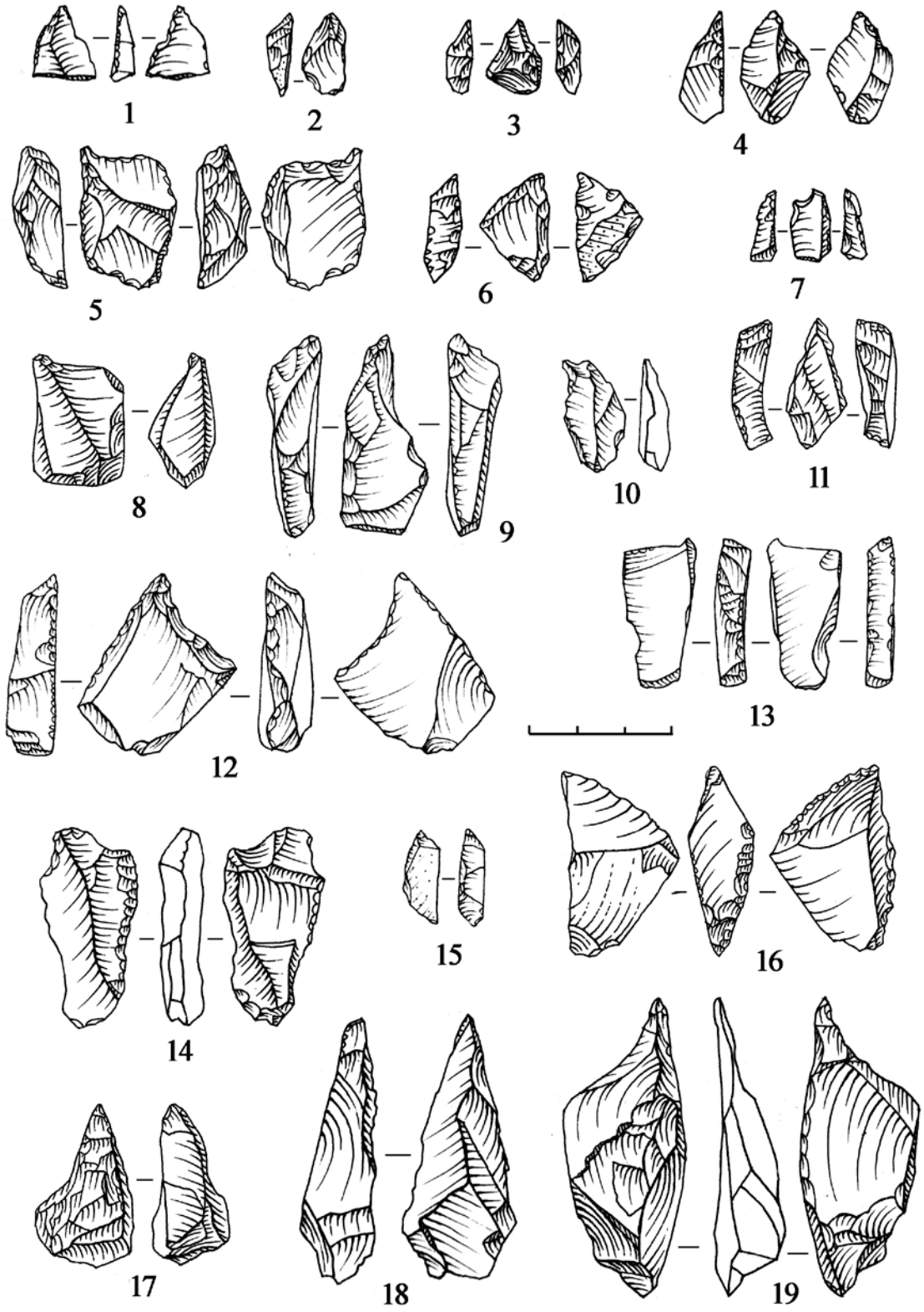

Рис. 3.51. Пещера Иманай-1. Острия из кремня: 1 – микроострие клювовидное с вентральной ретушью; 2, 3 – микроострие; 4 – острие бифасиальное; 5, 6, 8-10, 12, 19 – острие клювовидное; 7, 16, 17 – острие с анкошем; 13 – острие клювовидное ассиметричное; 14 – острие с плечиками; 11, 15, 18 – острие

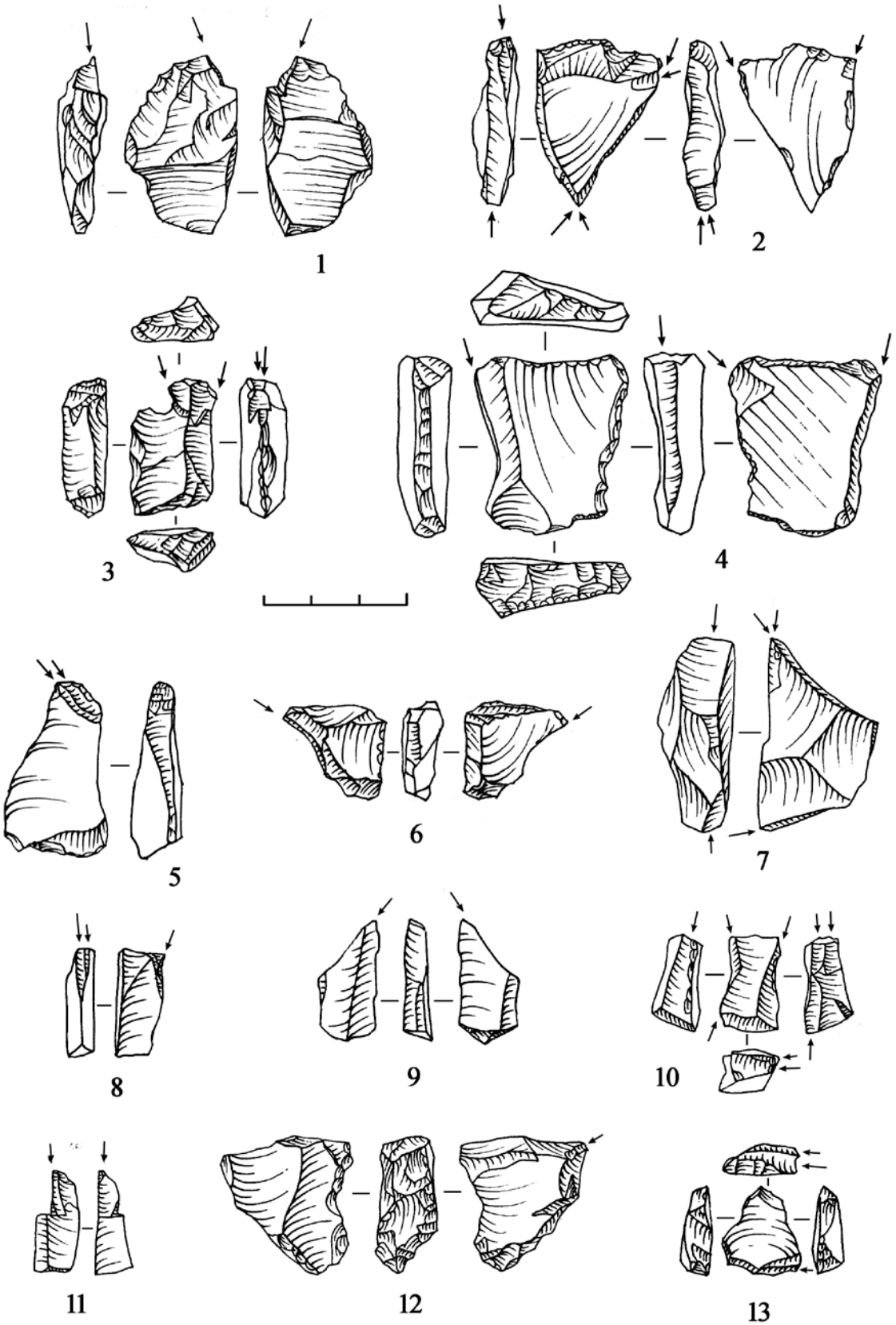

Рис. 3.52. Пещера Иманай-1. Резцы из кремня: 1 – резец-резчик; 2 – резец тройной; 3 – резец двойной; 4 –резец-скребок с ретушированными краями; 5, 12 – резец латеральный; 6 – резец клювовидный; 7 – резец двойной; 8, 11 – резец боковой; 9 – резец скошенный; 10 – резец четверной; 13 – резец площадочный

Рис. 3.53. Пещера Иманай-1. Раскоп 1. Череп малого пещерного медведя с искусственным отверстием. Фото В.Г. Котова

Рис. 3.54. Пещера Иманай-1. Раскоп 1. Искусственное отверстие в черепе малого пещерного медведя крупным планом. Фото В.Г. Котова

Рис. 3.55. Вид на стоянку Новобелокатайская с северо-запада. Фото В.Г. Котова

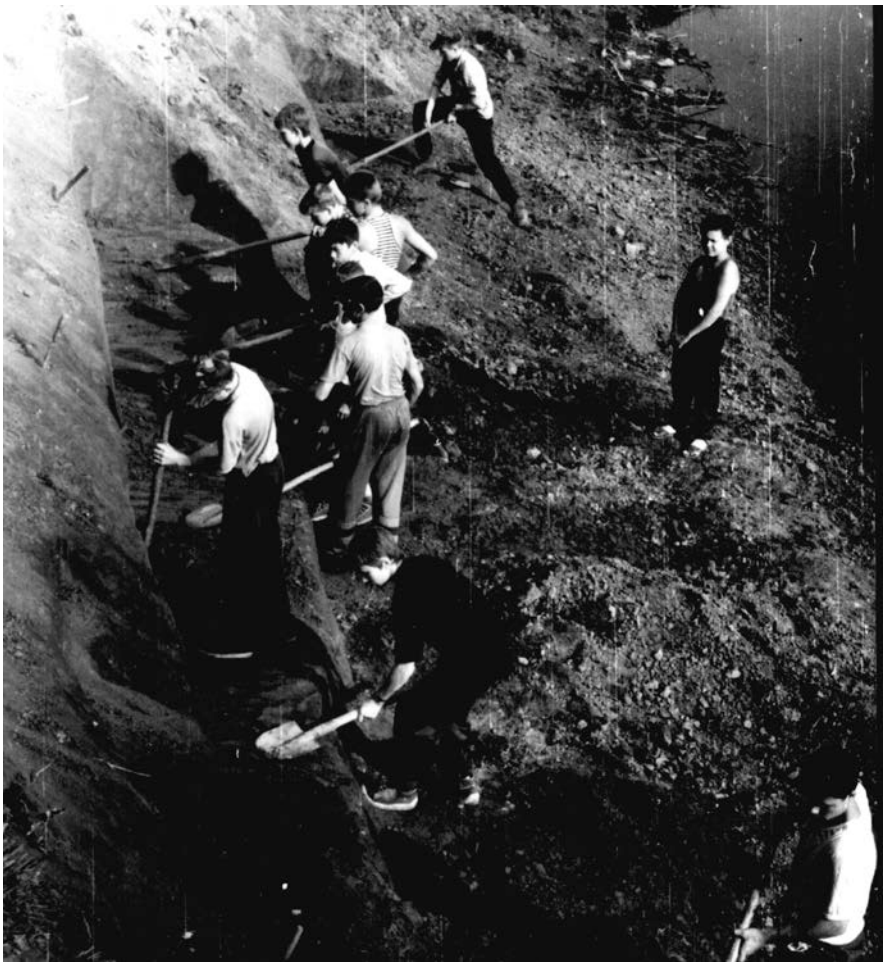

Рис. 3.56. Стоянка Новобелокатайская. Процесс раскопок в 1996 г. Вид с востока

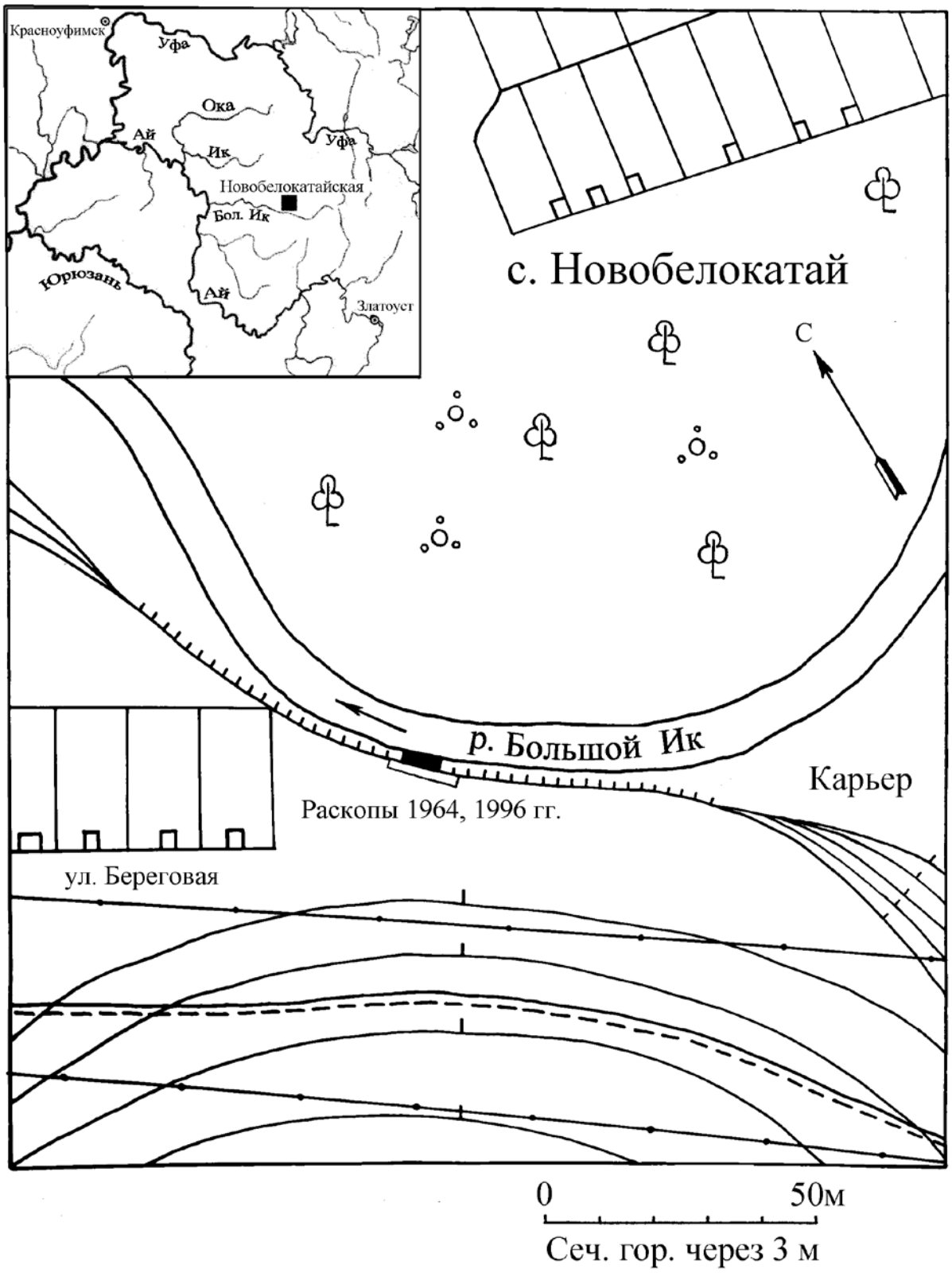

Рис. 3.57. Стоянка Новобелокатайская. Ситуационный план. Инструментальная съемка В.Г. Котова, 1996 г.

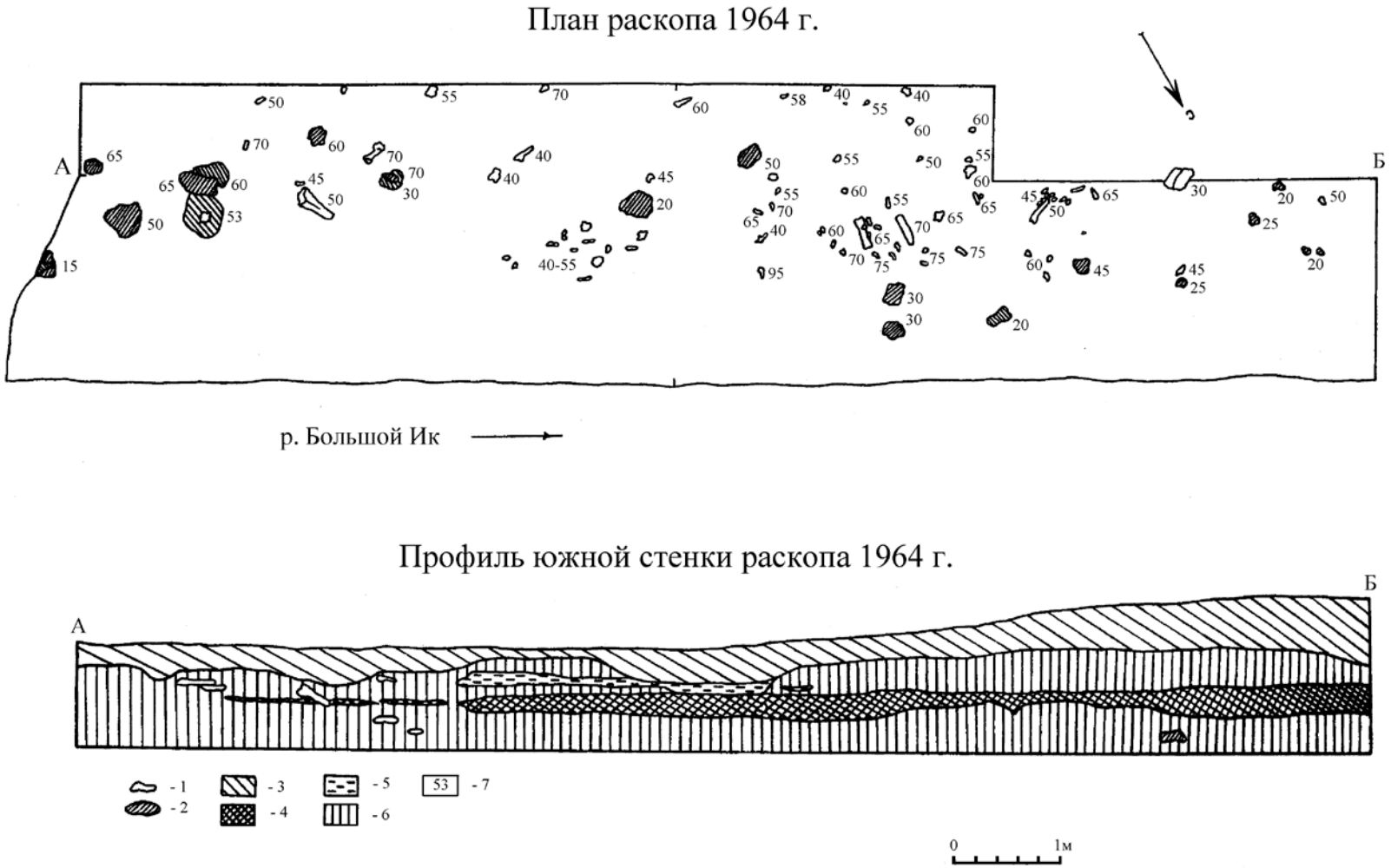

Рис. 3.58. Стоянка Новобелокатайская. План раскопа и профиль южной стенки. Раскопки К.В. Сальникова 1964 г. Условные обозначения: 1 – кости, 2 – камни, 3 – бурый суглинок, 4 – гумусированная прослойка, 5 – зеленая глина, 6 – серовато-голубая глина, 7 – обозначение высоты над уровнем реки

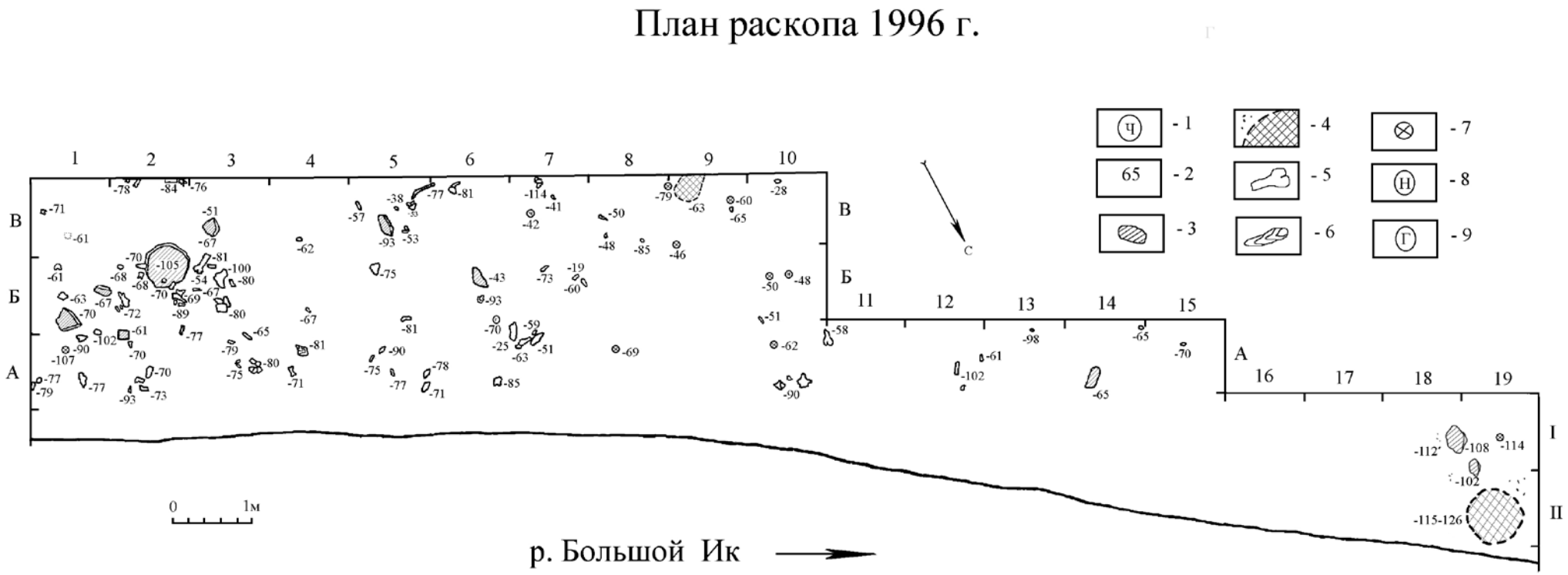

Рис. 3.59. Стоянка Новобелокатайская. План раскопа 1996 г. Условные обозначения: 1 – чоппер, 2 – обозначение глубины от условного «0», 3 – обомки песчаника, 4 – очажная прослойка, 5 – кость, 6 – дерево, 7 – отщеп, 8 – нуклеус, 9 – галька

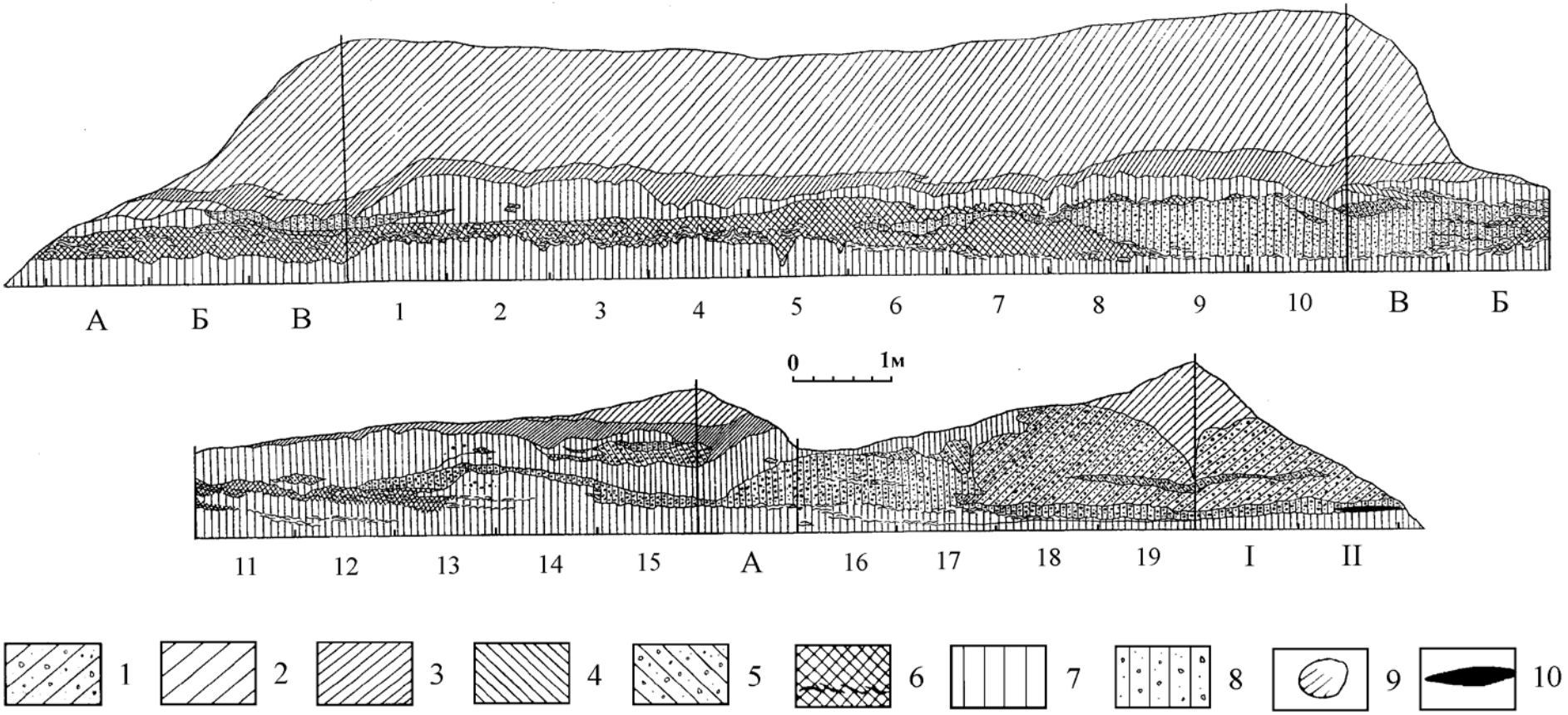

Рис. 3.60. Стоянка Новобелокатайская. Профиль южной и боковых стенок раскопа 1996 г. Условные обозначения: 1 – бурая супесь с доломитовой щебенкой, 2 – бурый легкий суглинок, 3 – серовато-зеленая легкая супесь, 4 – зеленовато-серый средний суглинок, 5 – зеленоватая супесь с доломитовой щебенкой, 6 – гумусированная супесь, 7 – серо-голубой тяжелый суглинок, 8 – серо-голубая супесь с доломитовой щебенкой, 9 – камень, 10 – углистая прослойка

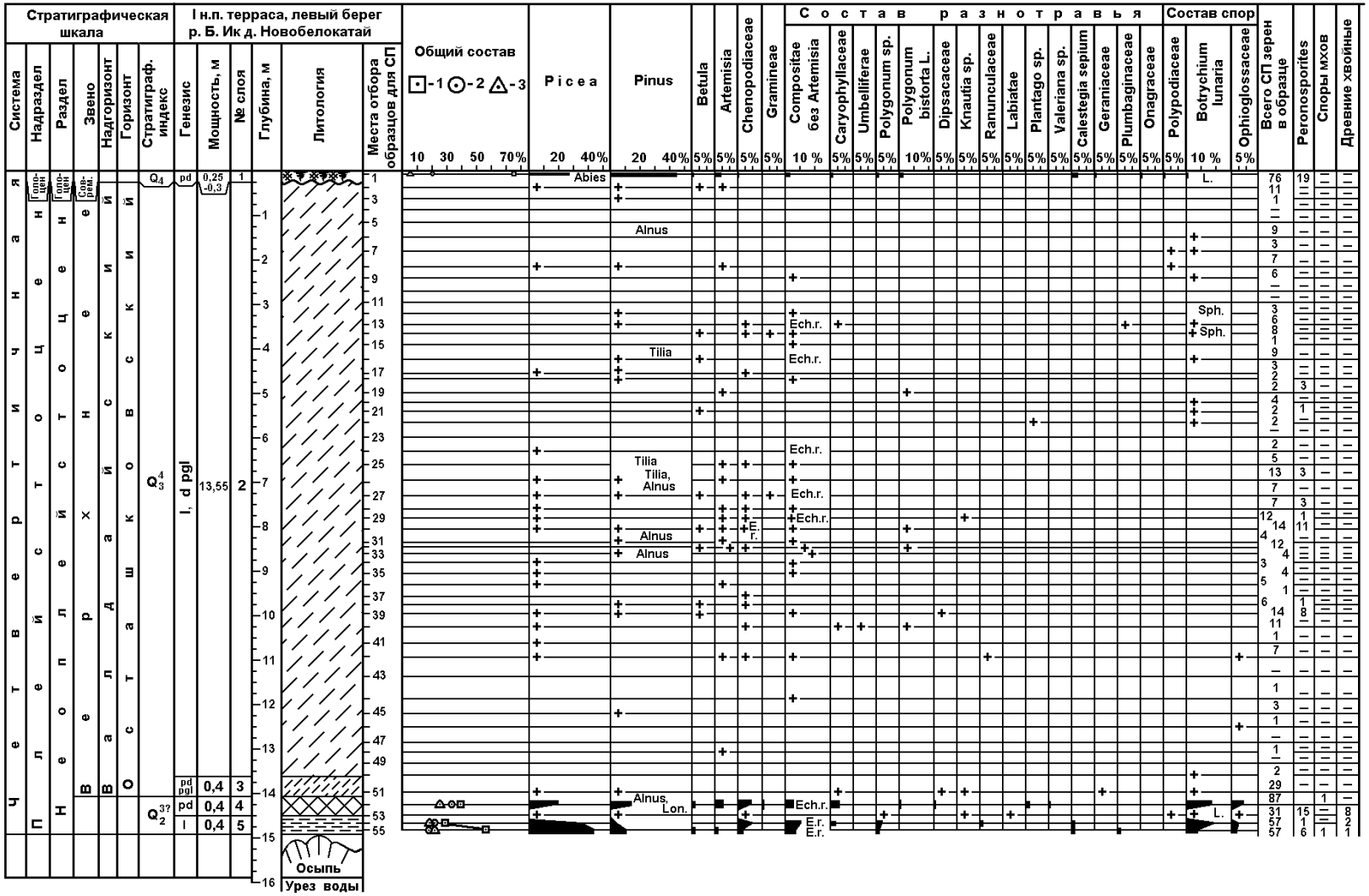

Рис. 3.61. Разрез плейстоцен-голоценовых отложений I надпойменной террасы р. Большой Ик у с. Новобелокатай и споро-пыльцевые диаграммы (по Г.А. Данукаловой и Л.И. Алимбековой)

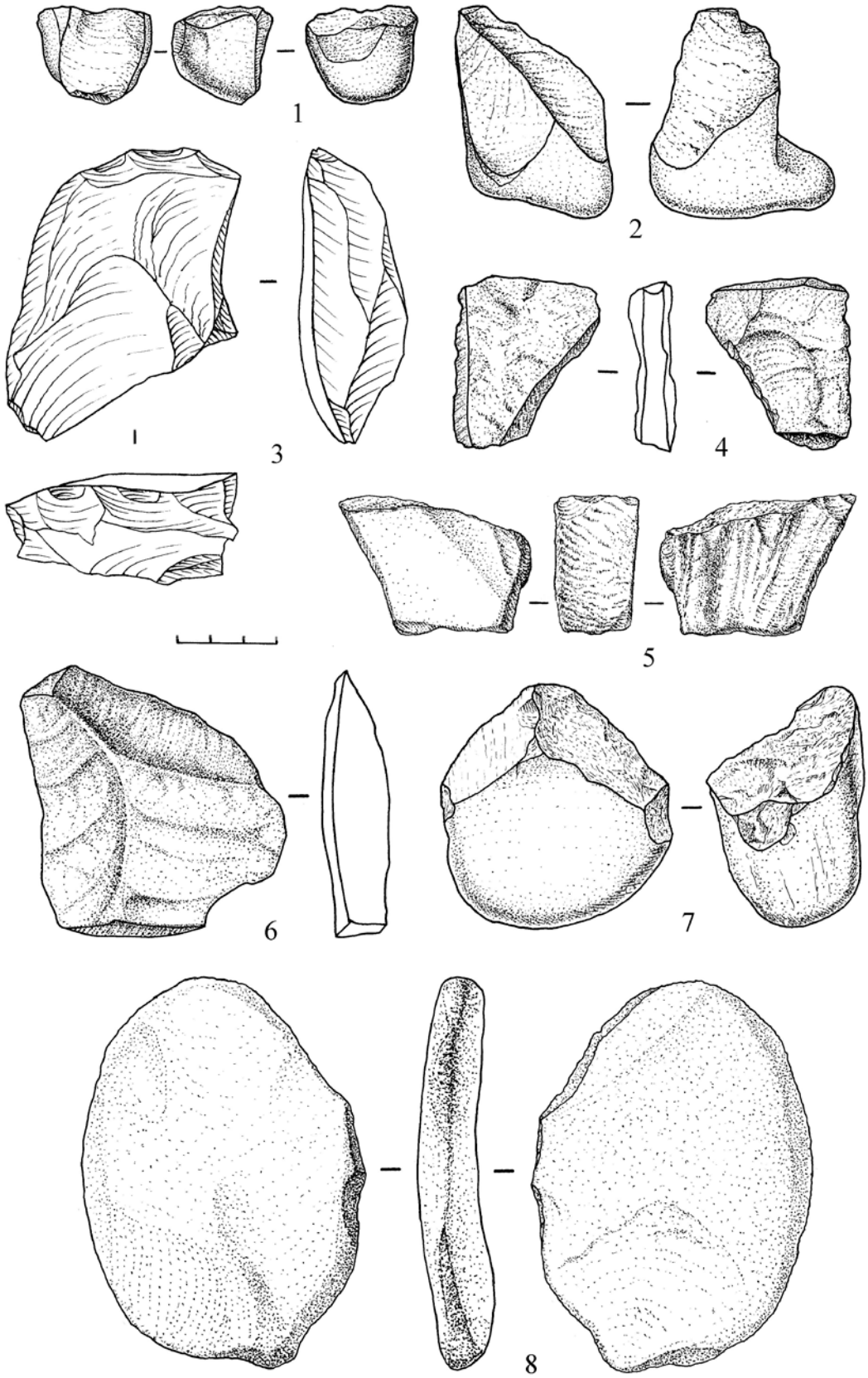

Рис. 3.62. Стоянка Новобелокатайская. Каменные изделия: 1 – нуклеус из гальки; 2, 7 – чопперы; 3 – скребло поперечное выпуклое; 4 – отщеп; 5 – абразив; 6 – псевдолеваллуазский скол; 8 – абразив. Материал: 1, 2, 6, 7 – кварцито-песчаник; 3 – доломит; 4 – кварцит, 5, 8 – песчаник. 1-7 – из раскопок 1996 г.; 8 – из раскопок 1964 г.

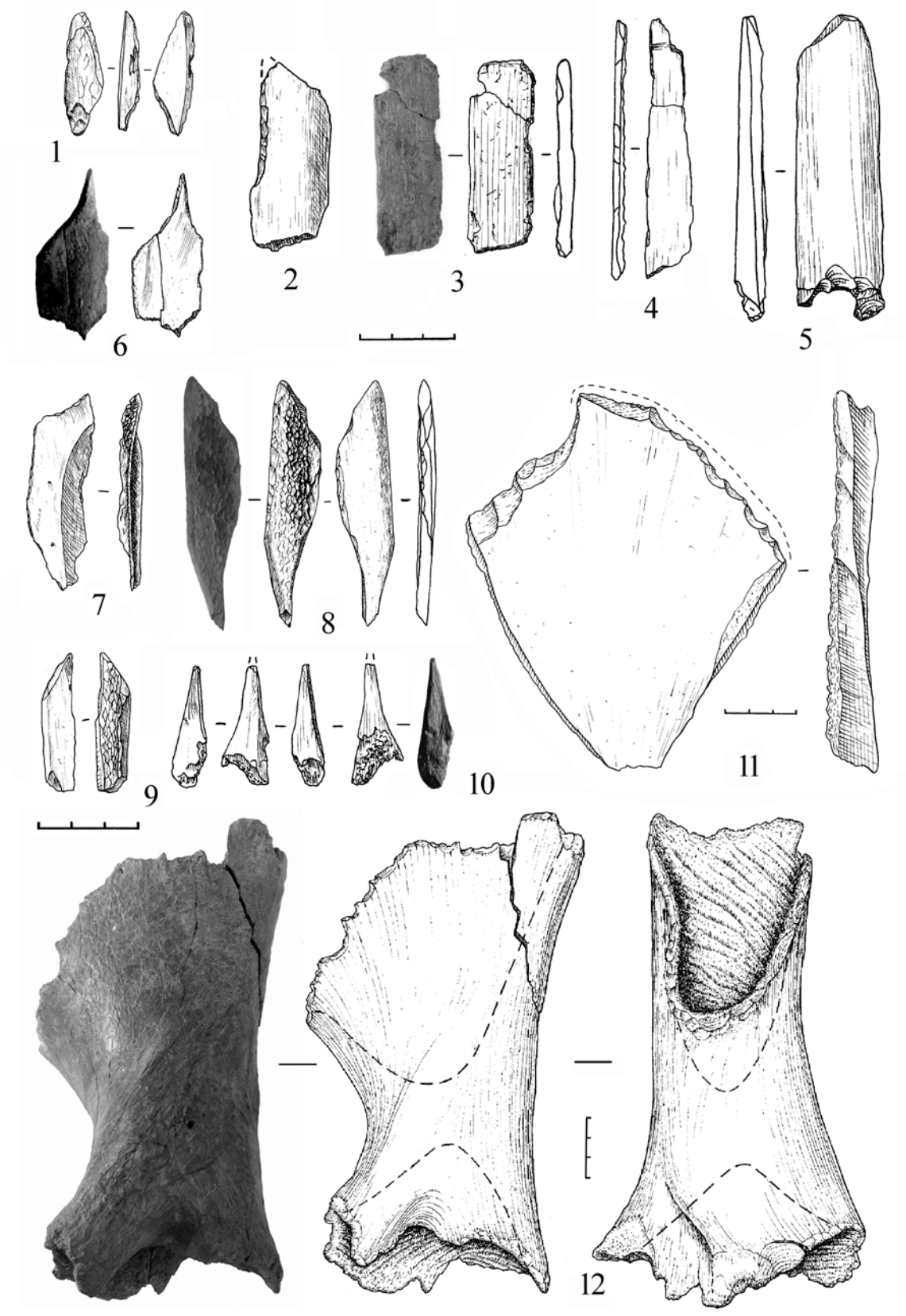

Рис. 3.63. Стоянка Новобелокатайская. Костяные изделия из раскопок 1964 г. (1-4, 7-10, 12) и 1996 г. (5, 11): 1, 9 – резчики; 2 – скребло-резчик; 3 – пластина из бивня мамонта; 4 – провертка-развертка; 5 – нож; 6 – проколка-провертка; 7 – скобель-проколка; 8, 10 – проколки;11 – скребло; 12 – нуклеус из кости носорога

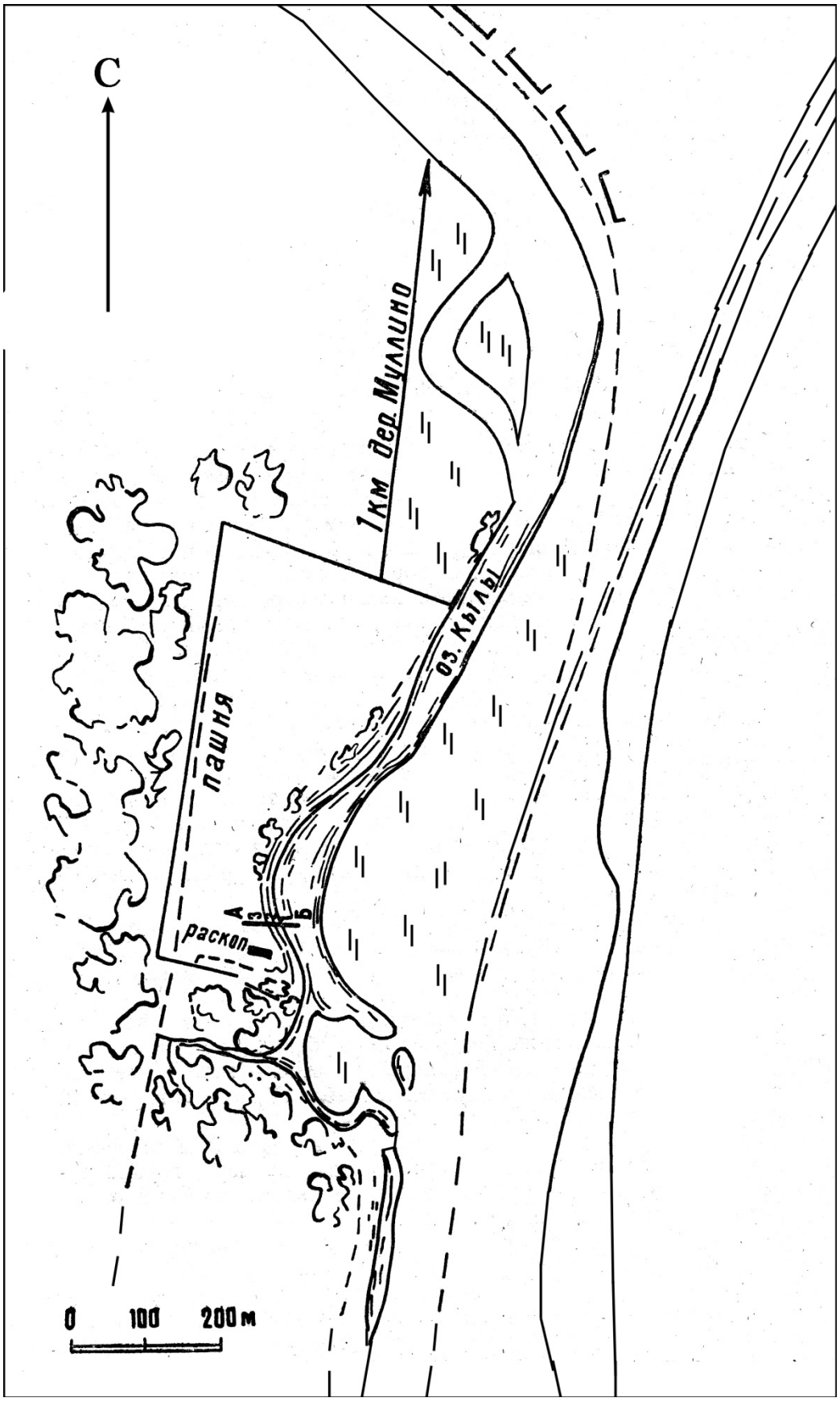

Рис. 3.64. Местонахождение Муллино-2. Ситуационный план (по Шокурову, Киктенко, 1978)

Рис. 3.65. Местонахождение Муллино-2. Разрез отложений террасы на месте расположения многослойного памятника Муллино-2 (по Шокурову, Киктенко, 1978). Условные обозначения (к рис. 3.65, 3.66): 1 – почвы, 2 – супесь алевритистая легкая, 3 – суглинок буровато-серый озерный, 4 – торф, 5 – погребенная почва, 6 – известковистый туф, 7 – песок темно-серый плывун, 8 – песок светло-серый, 9 – илистый суглинок, 10 – голубовато-серая алевритистая глина, 11 – гравий и галечник, 12 – раковины моллюсков, 13 – отвал, 14 – зола. Римские цифры – аллювиальные комплексы: I и II – голоценовые и позднеледниковые, III – поздневалдайский (осташковский), IV – одинцовский, V – лихвинский

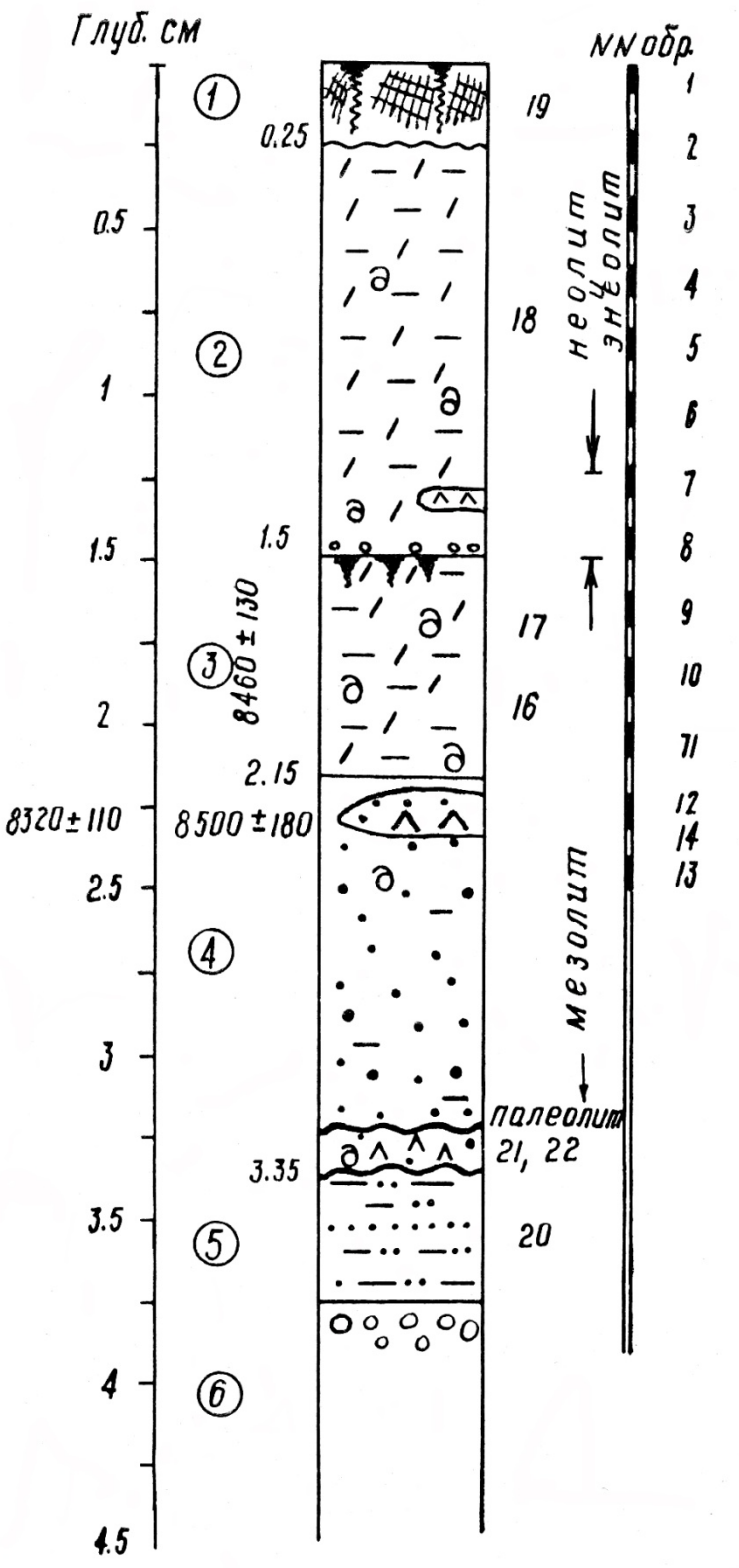

Рис. 3.66. Местонахождение Муллино-2. Сводная литолого-стратиграфическая колонка по раскопам 1 и 2 многослойного памятника Муллино-2 (по Шокурову, Киктенко, 1978)

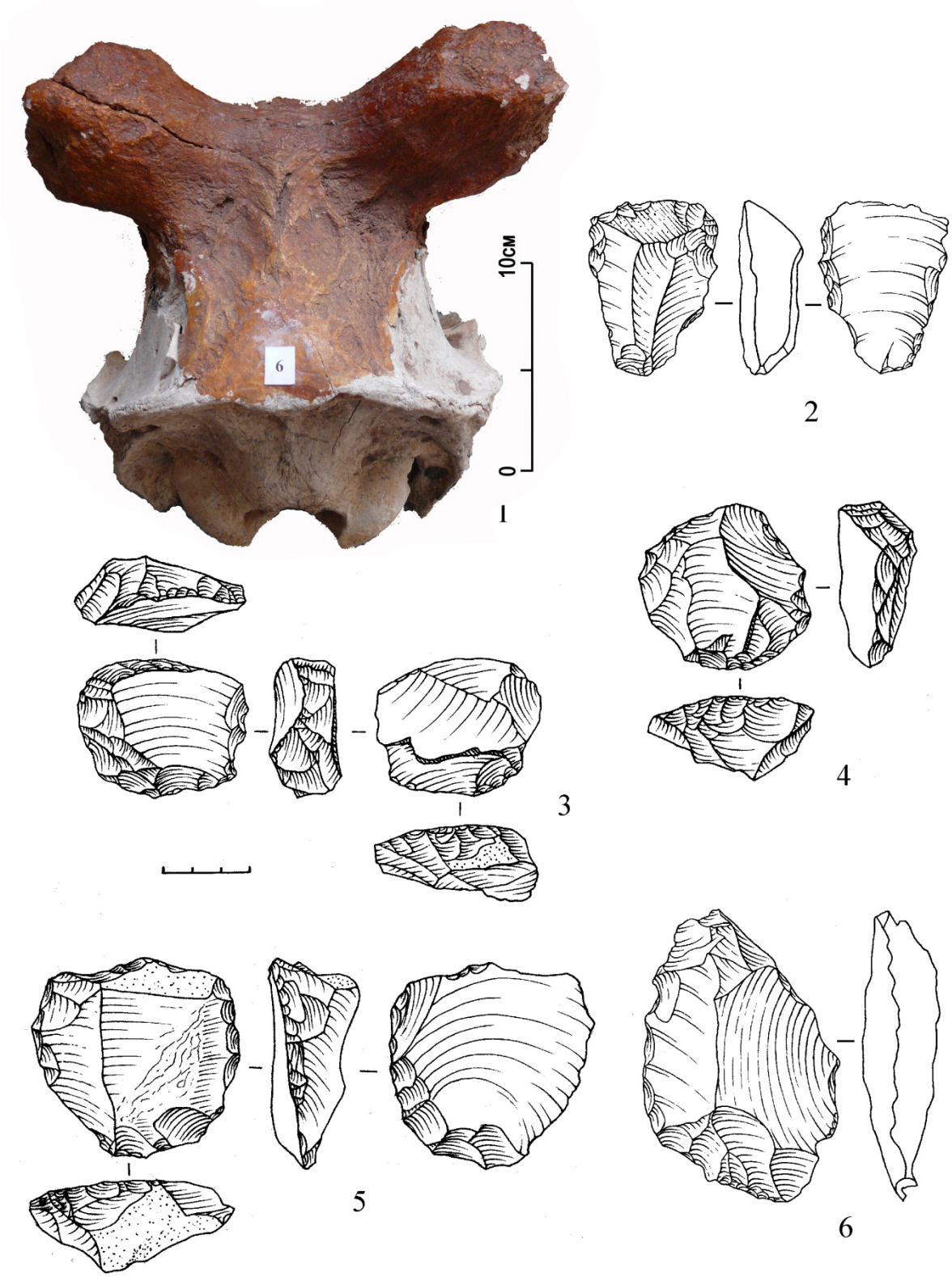

Рис. 3.67. Местонахождение Муллино-2. Каменные изделия (по Котову, 2011). 1- череп большерогого оленя с обрубленными ветвями рогов из Муллинского гравийного карьера; 2 – скребок концевой; 3 – скребло-нуклеус леваллуазский; 4, 5 – скребла поперечные выпуклые; 6 – скребло

Рис. 3.68. Основные памятники аморфных/нелеваллуазских индустрий среднего палеолита на карте Западной, Восточной Европы и Северной Азии: 1 – пещера Ля Микок;2 – пещера Ля Комбе; 3 – грот Бом Бон; 4 – грот Старые Дуруиторы; 5 – стоянка Стинка 1; 6 – стоянка Мерсына; 7 – грот Киик-Коба; 8 – местонахождение Чахмаклы; 9 – пещера Иманай-1; 10 – стоянка Кусимово-6; 11 – местонахождение Долина-1; 12 – местонахождение Долина-11; 13 – местонахождение Утюльган-8; 14 – местонахождение Сибай-5б; 15 – стоянка им. Валиханова

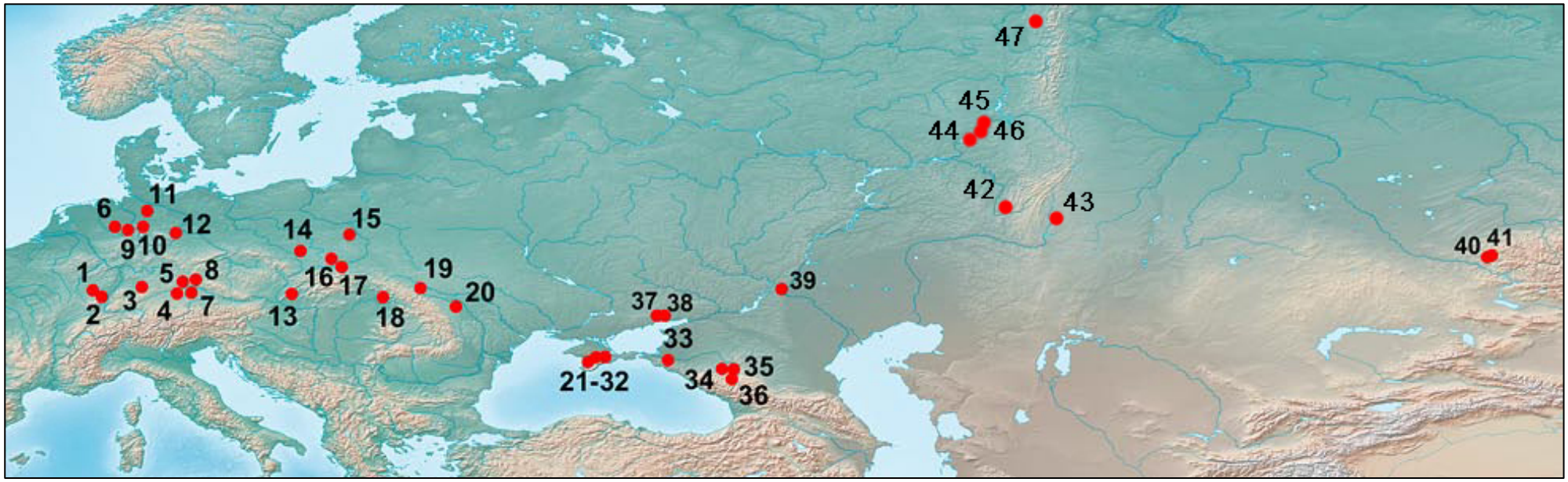

Рис. 3.69. Основные памятники микока/кайльмессер-группы на карте Западной, Центральной, Восточной Европы и Северной Азии: 1 — Грот-де-ла-Верпийер I и II; 2 — Ла-Бом-де-Жиньи; 3 — Бокштайн; 4 — Холер-Штайн (Шамбах); 5 — Шулерлох; 6 — Бальве; 7 — Зессельфельсгротте; 8 — Клаузеннише; 9 — Булен; 10 — Зальцгиттер-Лебенштедт; 11 — Лихтенберг; 12 — Кёнигзауэ; 13 — Кульна; 14 — Оконник; 15 — Зволень; 16 — Вылётне; 17 — Цемна; 18 — Королево; 19 — Езуполь; 20 — Рипичени-Извор; 21 — Староселье; 22 — Кабази II; 23 — Кабази V; 24 — Чокурча I; 25 — Киик-Коба; 26 — Буран-Кая III; 27 — Карабай I; 28 —Сары-Кая; 29 — Заскальная V; 30 — Заскальная VI; 31 — Пролом I; 32 — Пролом II; 33 — Ильская-1, -2; 34 — Мезмайская пещера; 35 — Баракаевская пещера; 36 — Монашеская пещера; 37 — Антоновка I; 38 — Антоновка II; 39 — Сухая Мечетка; 40 — Чагырская пещера; 41 — пещера Окладникова; 42 – пещера Иманай-1; 43 – Богдановка; 44 – Гарчи I; 45 – Пещерный Лог; 46 – Заозерье; 47 - Бызовая. По: [Колобова и др., 2023, рис. 1] с добавлениями автора

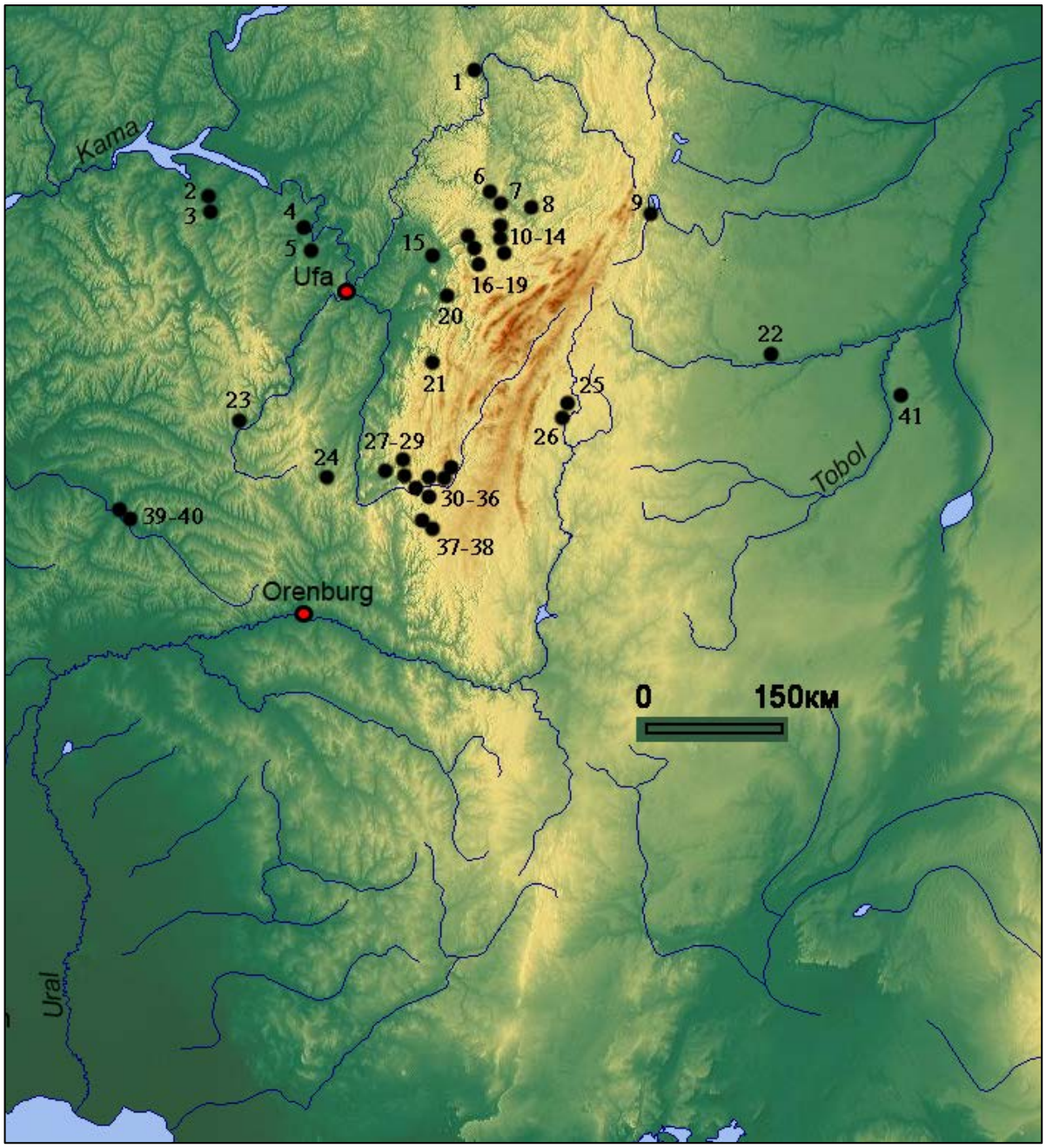

Рис. 4.1. Карта памятников эпохи верхнего палеолита Южного Урала: 1- Бобылек, пещерная стоянка; 2 – Сюнь-2, стоянка; 3 – Сюнь-1, стоянка; 4 – Ильмурзино, стоянка; 5 – Горново, стоянка; 6 – Сабакай-3, пещерная стоянка; 7 – Казырбак, пещерная стоянка; 8 – Сикияз-Тамак-1, пещерная стоянка; 9 – Малый Липовый-14, стоянка; 10 – Тодора Бояджиева, пещерная стоянка; 11 – Идрисово-1, пещерная стоянка; 12 – Гребневая, пещерная стоянка; 13 – Ключевая, пещерная стоянка; 14 – Бурановская, пещерная стоянка; 15 – Кисилевская, пещера; 16 – Игнатиевская-2, стоянка; 17 – Игнатиевская, пещера; 18 – Серпиевская-2, пещера; 19 – Грот у Каменного Кольца, пещерная стоянка; 20 – Заповедная, пещера; 21 – Имендяшевская (Сизякуй), пещерная стоянка; 22 – Троицкая-1, стоянка; 23 – Давлекановская, стоянка; 24 – Табулдинская, стоянка; 25 – Пещерный Лог, стоянка; 26 – Смеловская-2, пещерная стоянка; 27 – Сергеевка-1, стоянка; 28 – Усть-Акаваз, стоянка; 29 – Неолитовая, пещерная стоянка; 30 – Муйнак-Таш, пещерная стоянка; 31- Акбутинская, пещерная стоянка; 32 – Максютовская, пещерная стоянка; 33 – Бала-Тукай, пещерная стоянка; 34 – Жемчужная, пещера; 35 – Кульюрт-Тамак-1, пещерная стоянка; 36 – Шульган-Таш (Каповая), пещера; 37 – Мурадымовская-1, пещерная стоянка; 38 – Мурадымовская-2, пещерная стоянка; 39 – Лабазы-1, стоянка; 40 – Лабазы-2, стоянка; 41- Шикаевка II, стоянка

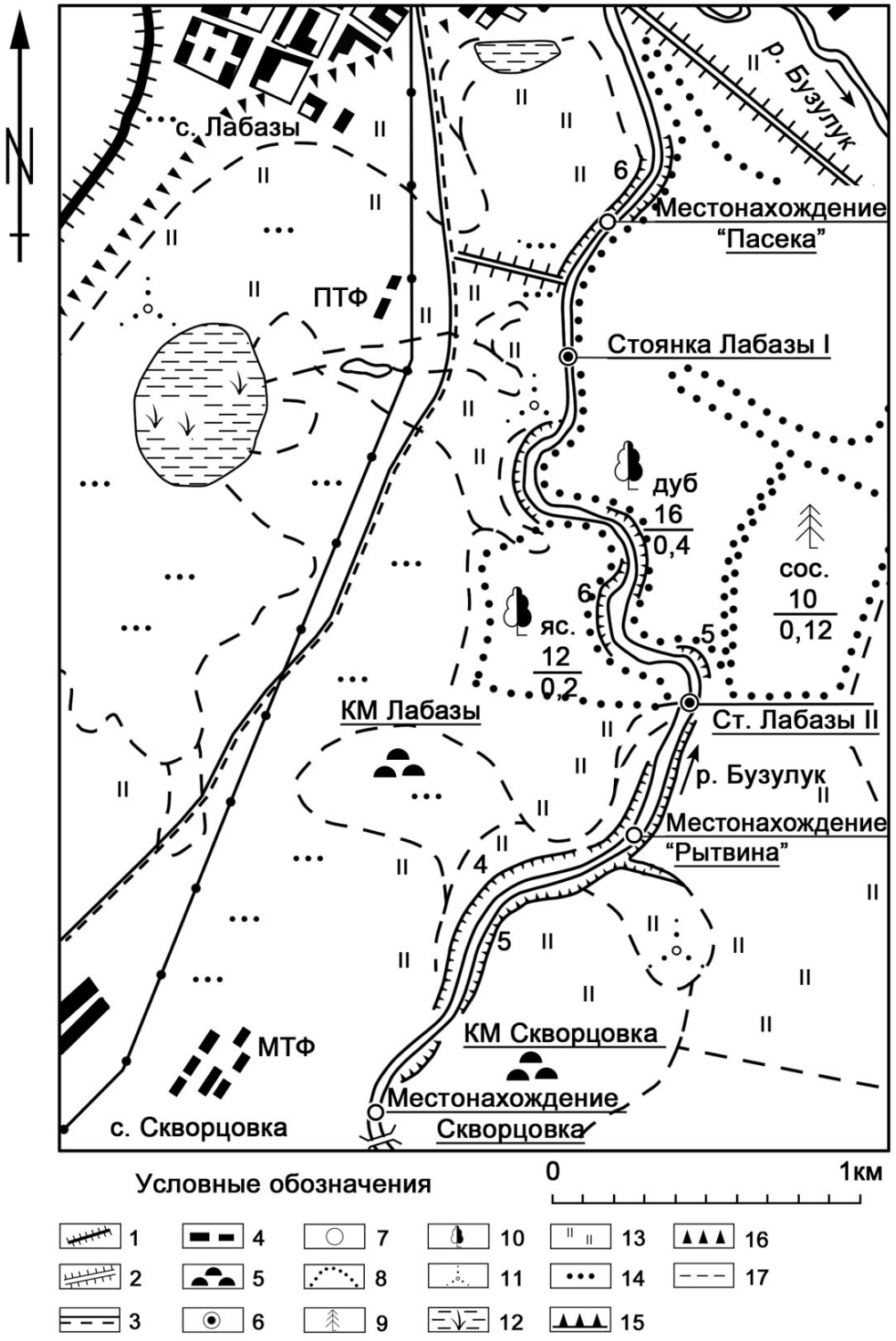

Рис. 4.2. Схема местоположения археологических памятников микрорайона Лабазы – Скворцовка (по Богданову, Котову, 2008). Условные обозначения: 1 – дороги с асфальтовым покрытием; 2 – полезащитная дамба; 3 – проселочная дорога; 4 – жилые и хоз. постройки; 5 – курганные могильники эпохи бронзы; 6 – палеолитические стоянки, зафиксированные в 2006 г.; 7 – разрушенные местонахождения эпохи палеолита; 8 – границы лесных массивов и лесопосадок; 9 – хвойные посадки; 10 – широколиственные лесные массивы; 11 – кустарник; 12 – озера, болота; 13 – низкая пойма; 14 – высокая пойма; 15 – обрыв; 16 – бровка 1-й надпойменной террасы; 17 – суходолы

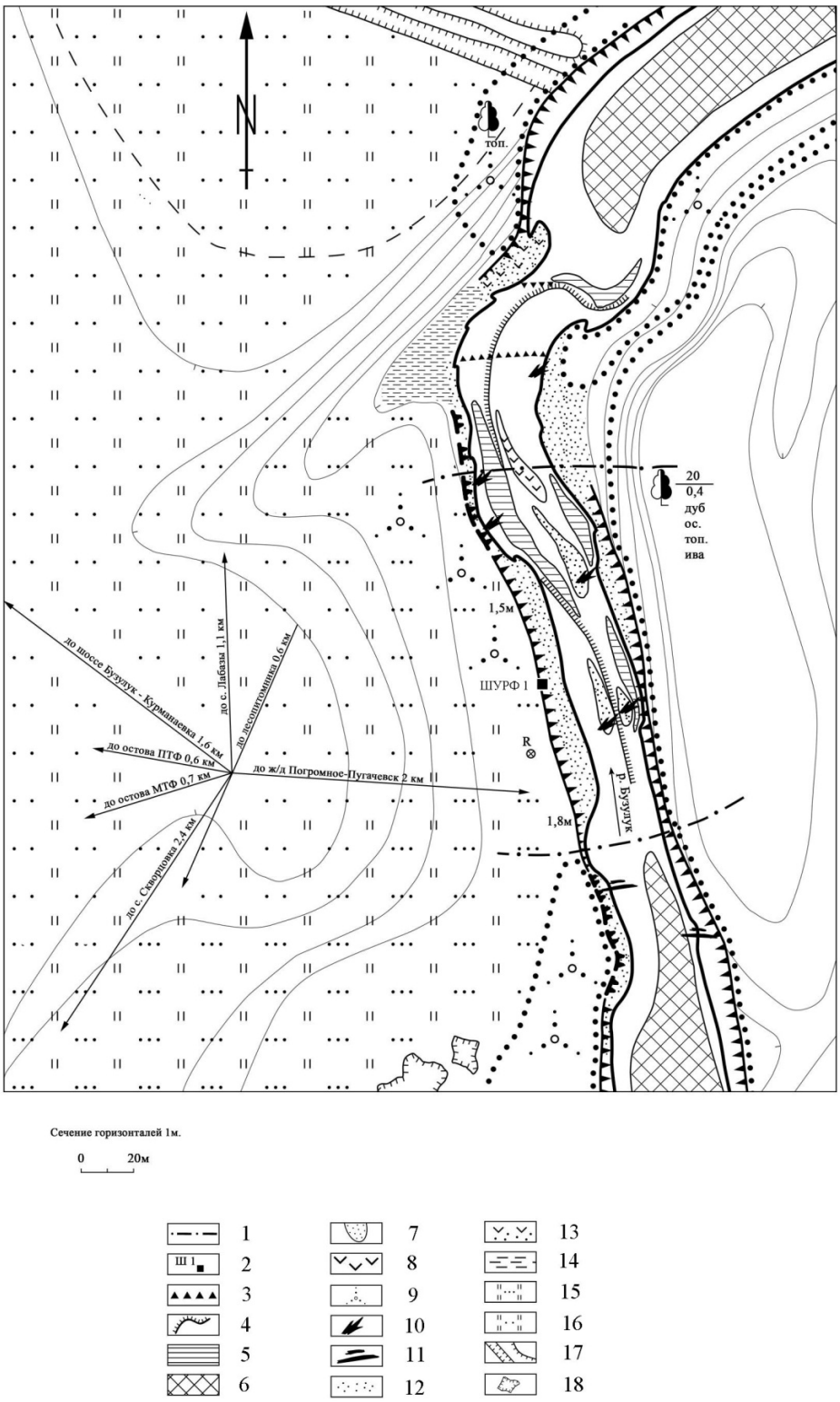

Рис. 4.3. Ситуационный план стоянки Лабазы I (по Богданову, Котову, 2008). Условные обозначения: 1 - границы культурного слоя; 2 - шурф; 3 - мергелевые бровки древнего русла р. Бузулук; 4 - побочень переката; 5 - подвалье переката; 6 - плёс; 7 - песчаный островок-осередок; 8 - глеевый островок-осередок; 9 - кустарник; 10 - пни ископаемых деревьев из древней почвы; 11 - завалы из современных топляков; 12 - песчаные косы и бичевник; 13 - глеево-песчаный бичевник; 14 - заболоченная низина; 15- псаммофитно-разнотравно-полынный луг; 16 - остепненный луг; 17- ров и вал полезащитной дамбы; 18 - песчаный карьер

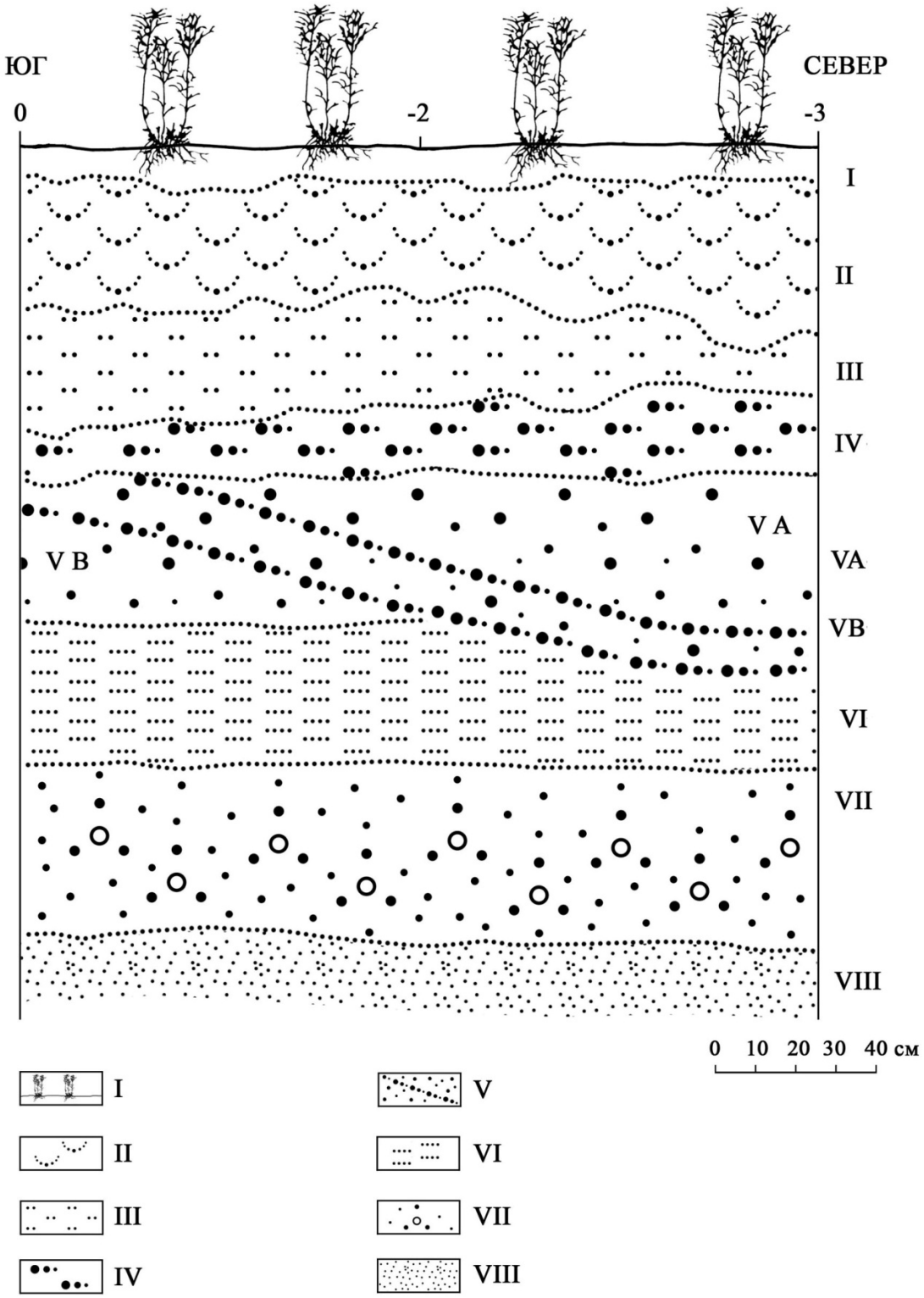

Рис. 4.4. Стоянка Лабазы I . Стратиграфия шурфа 1 по западной стенке (по Богданову, Котову, 2008): I - дерн; II - серовато-желтая слоистая супесь; III - желтоватый песок; IV- крупнозернистый песок; V- коричневато-серый крупнозернистый песок; VI - коричнево-серая иловатая супесь; VII - торфо-илистый горизонт черного цвета с культурными остатками; VIII - темно-серый крупнозернистый песок

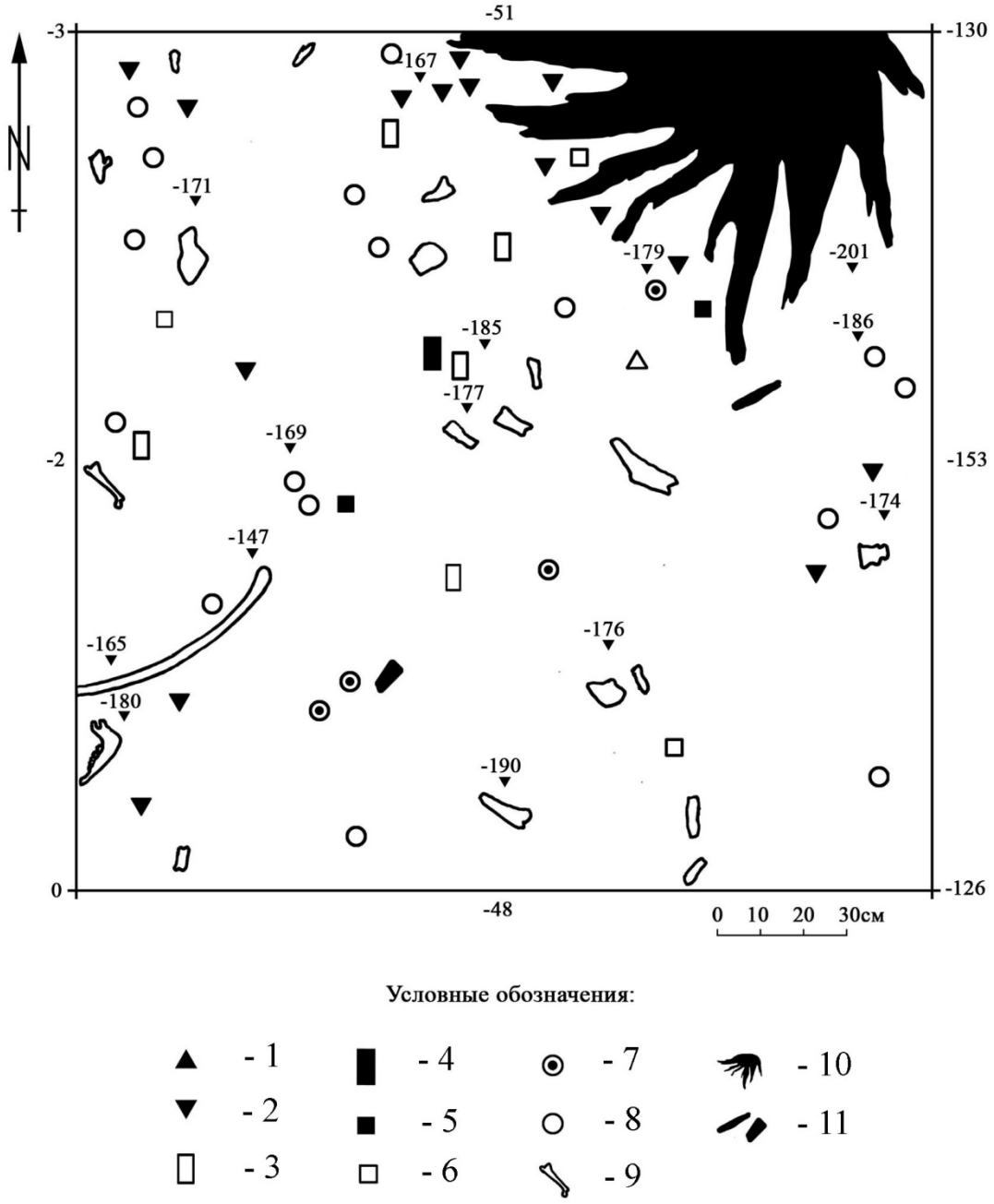

Рис. 4.5. Стоянка Лабазы I. План шурфа № 1 (по Богданову, Котову, 2008). Условные обозначения: 1 - кремневые орудия; 2 - речная галька; 3 - конкреции; 4 - белемниты; 5 - раковины Helix; 6 - раковины Unio; 7 - костяные изделия; 8 - кости животных, не выраженные в масштабе; 9- кости животных, выраженные в масштабе; 10 - ископаемая древесина; 11 - деревянные предметы

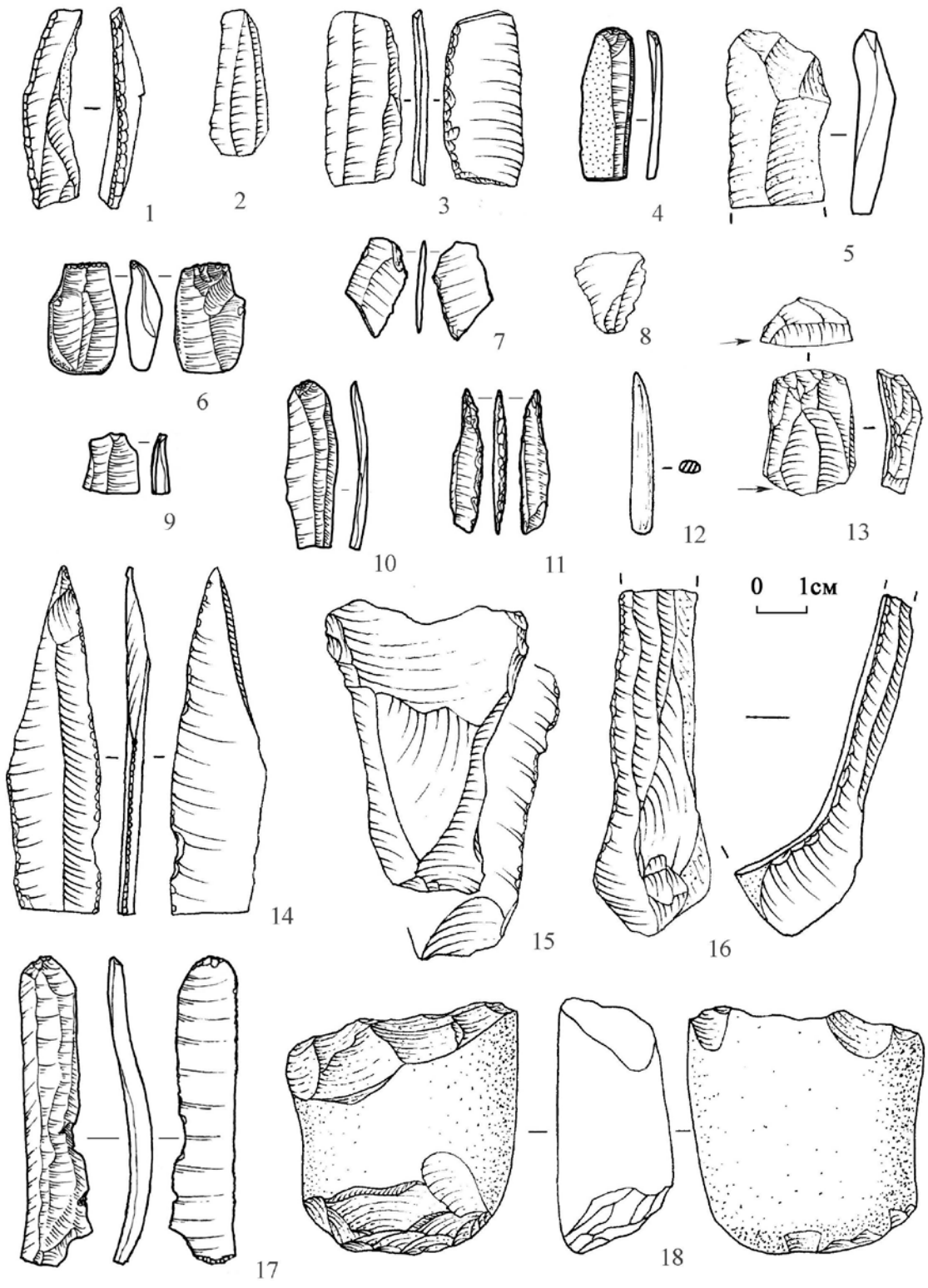

Рис. 4.6. Стоянка Лабазы I. Каменные и костяные изделия (по Богданову, Котову, 2008): 1, 4 – пластины с ретушью; 2, 10, 17 – пластины; 3 – пластины с вентральной ретушью; 5 – дистальный фрагмент пластины; 6, 18 – долотовидное орудие; 7, 15 – отщеп с ретушью; 8 – отщеп; 9 – проксимальный фрагмент пластины; 11, 12 – проколка; 13 – скребок концевой; 14 – острие; 16 – ныряющий скол с нуклеуса. 1-4, 6, 8-10, 13-17 - кремень; 5, 18 - кварцит; 7, 11 - бивень мамонта; 12 – кость

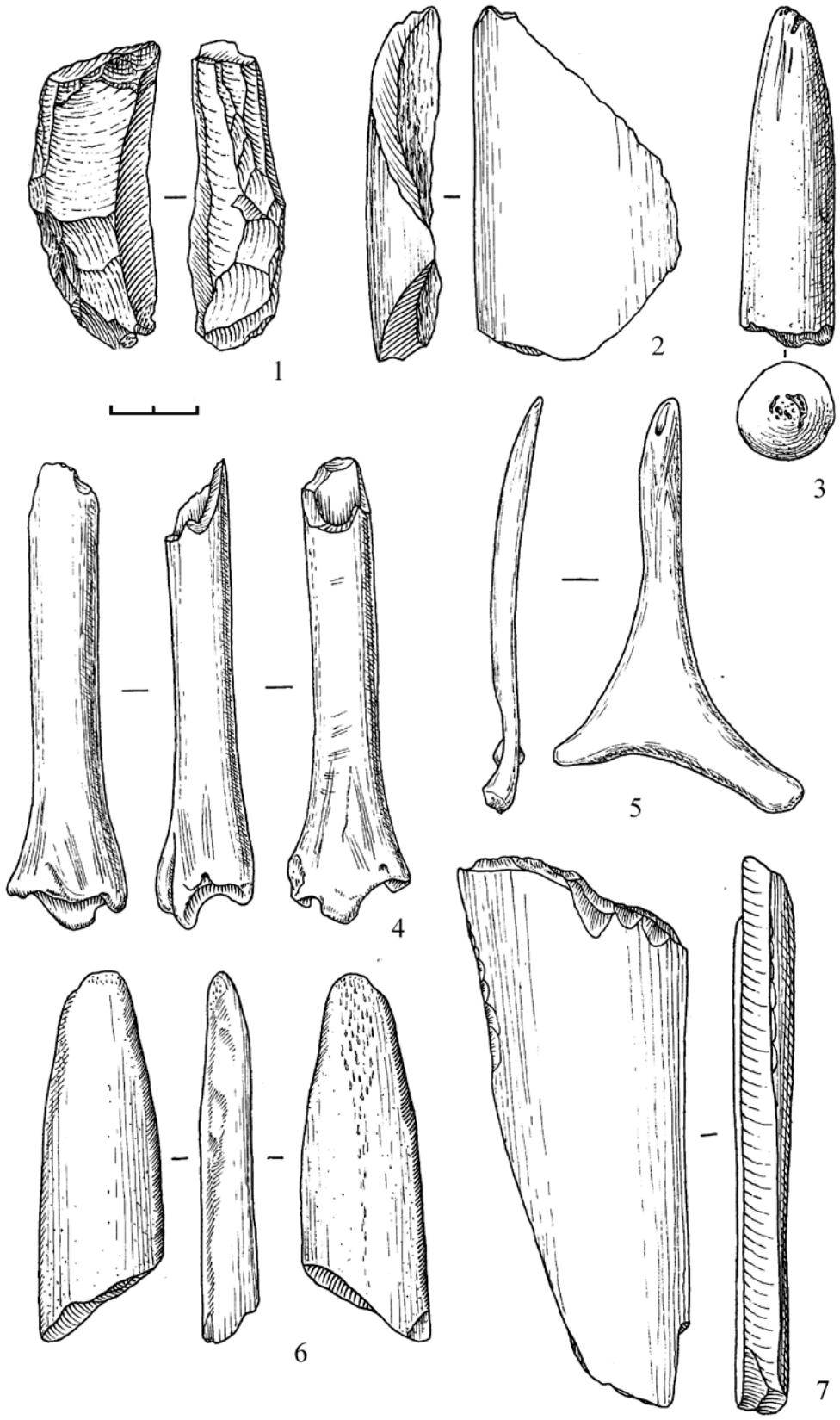

Рис. 4.7. Стоянка Лабазы I. Костяные изделия (по Богданову, Котову, 2008): 1 - нуклеус из трубчатой кости; 2 - скобель из скола крупной трубчатой кости; 3, 6 - посредники из рога; 4 - тесло из бецовой кости сайги; 5 - провертка из подъязычной кости гигантского оленя; 7 - скребло на сколе крупной трубчатой кости

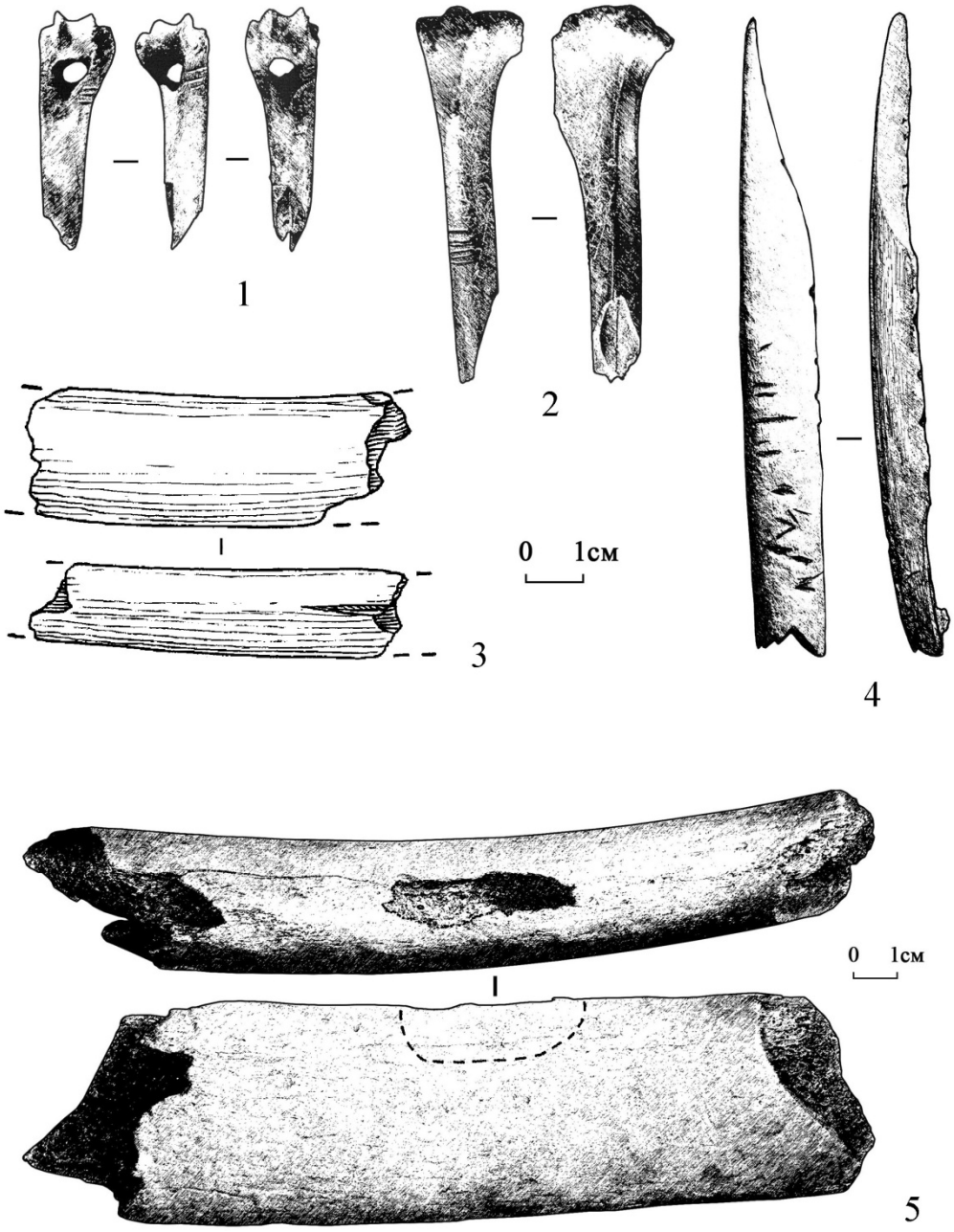

Рис. 4.8. Стоянка Лабазы I. Костяные изделия (по Богданову, Котову, 2008): 1,2- кости зайца с нарезками; 3 - фрагмент ребра с прорезью; 4 - острие из расколотого ребра лошади; 5 - рукоятка скобеля с пазом из фрагмента ребра носорога

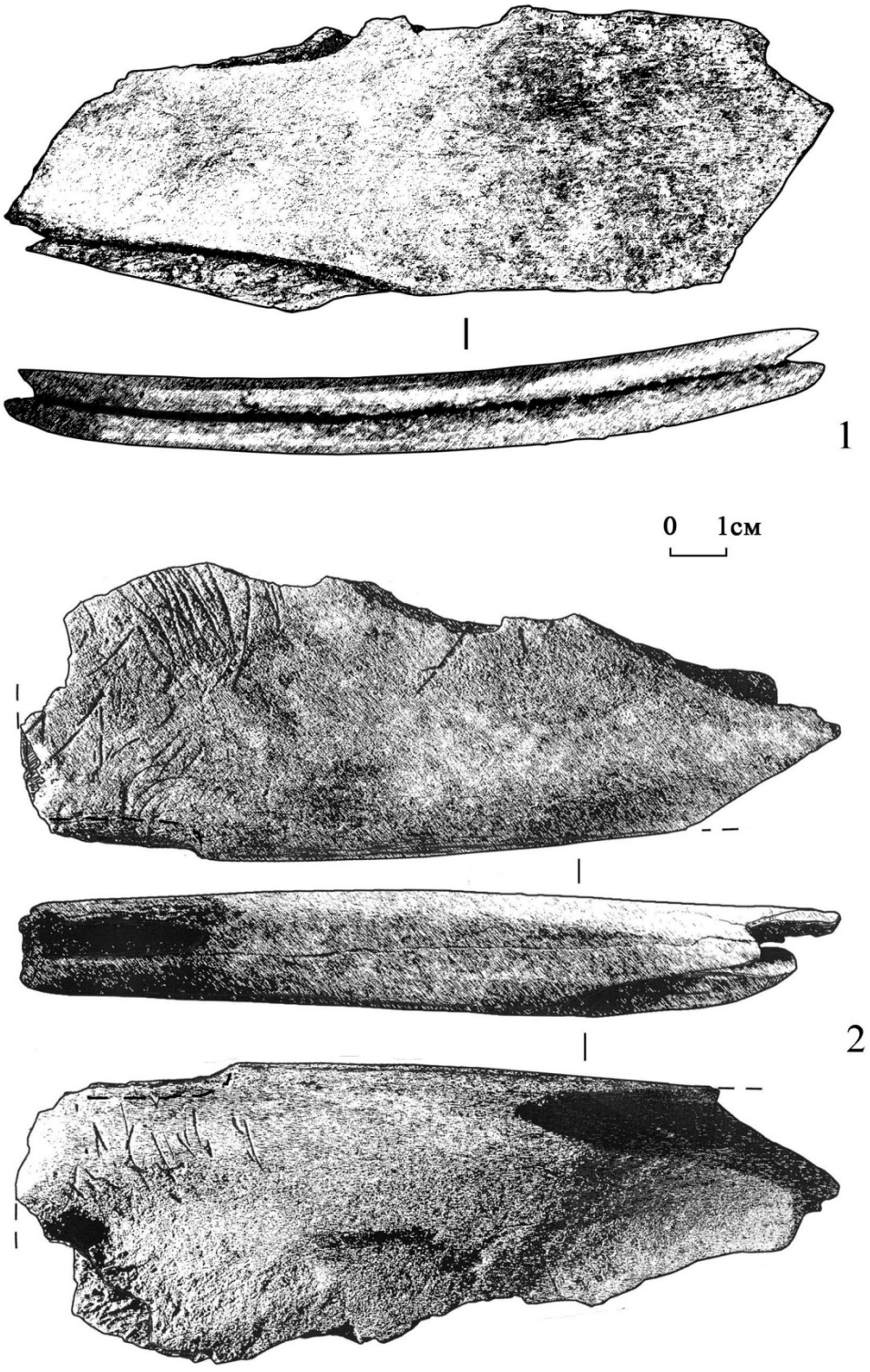

Рис. 4.9. Стоянка Лабазы I. Костяные изделия:
1 - аплицированные половинки ребра бизона со следами обработки; 2 - фрагмент лопатки парнокопытного с нарезками и пазом (?)

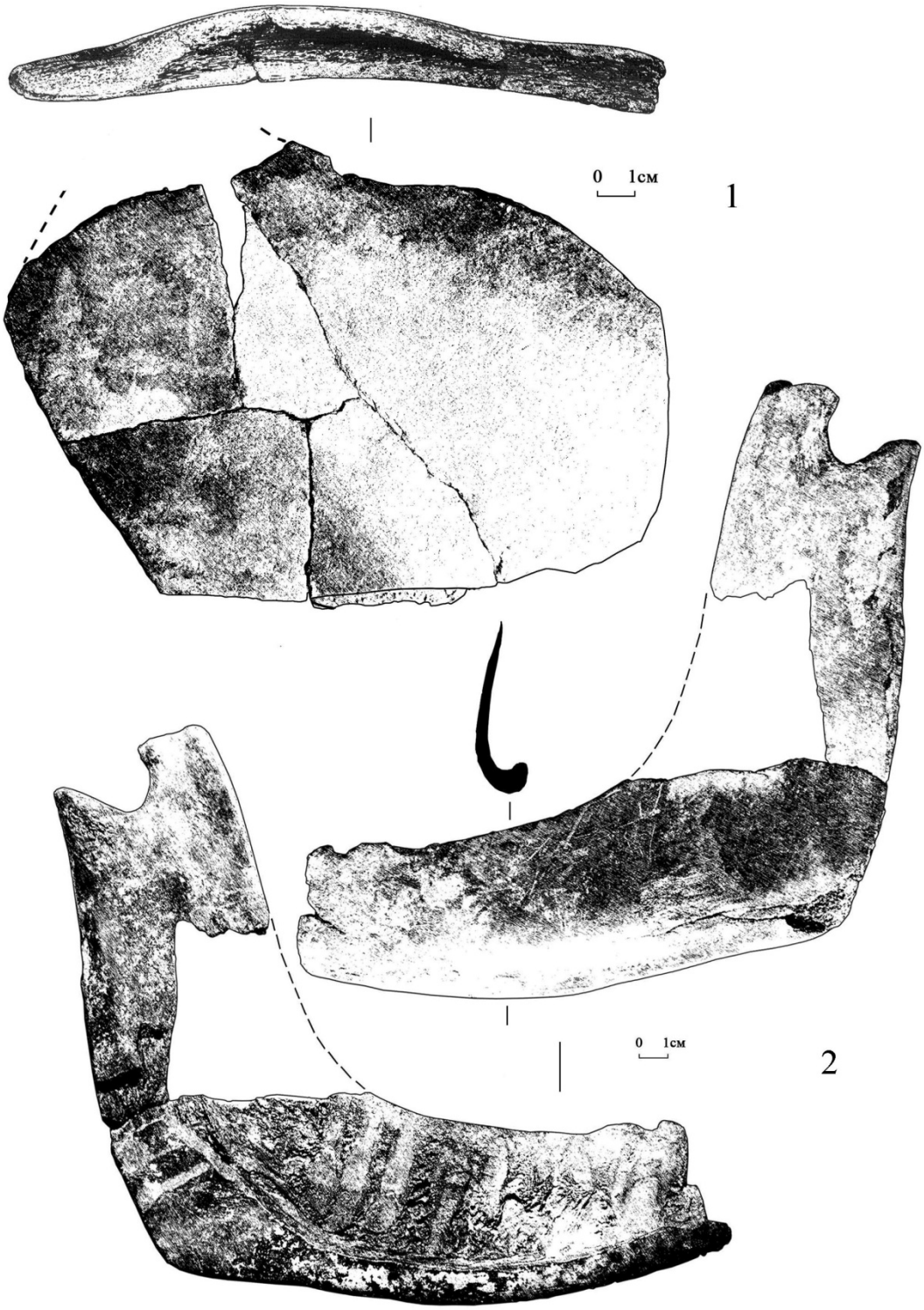
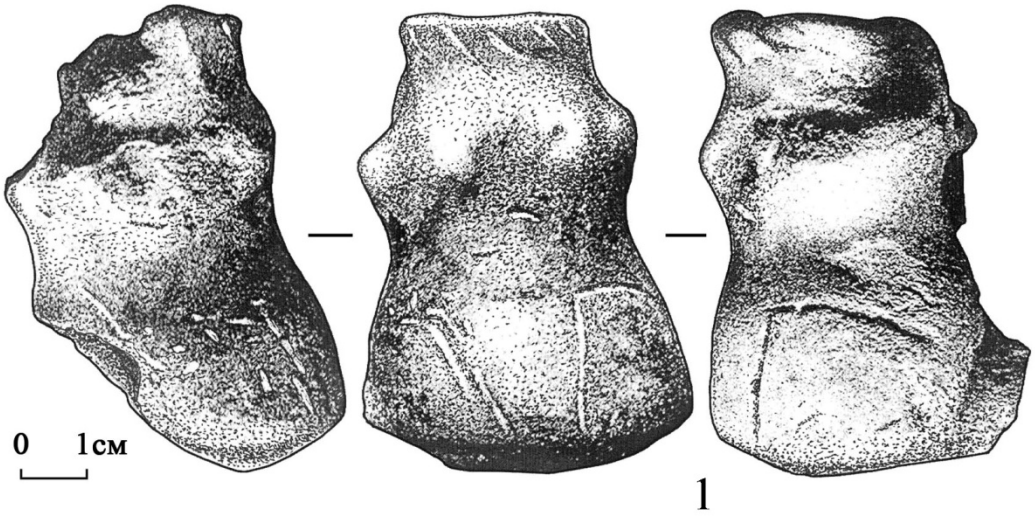

Рис. 4.10. Стоянка Лабазы I. Костяные изделия (по Богданову, Котову, 2008):
1 - наковаленка из тазовой кости крупного копытного; 2 - лощило из челюсти бизона

Рис. 4.11. Стоянка Лабазы I. Орудие для копания из кости носорога

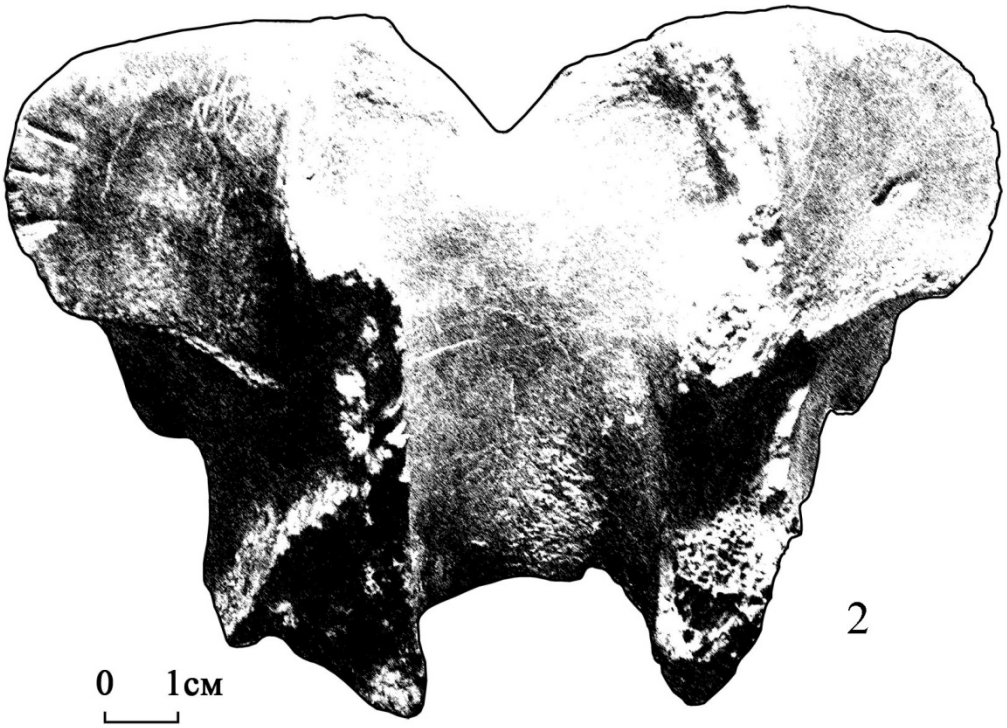

Рис. 4.12. Стоянка Лабазы I. Костяные изделия (по Богданову, Котову, 2008): 1 - антропоморфная статуэтка из эпифиза плечевой кости благородного оленя; 2 - абстрактная поделка из шейного позвонка гигантского оленя. Фото С.В. Богданова

Рис. 4.13. Местонахождение Табулдинское. Скопления костей мамонта. Вид с востока. Архив В.Л. Яхимович

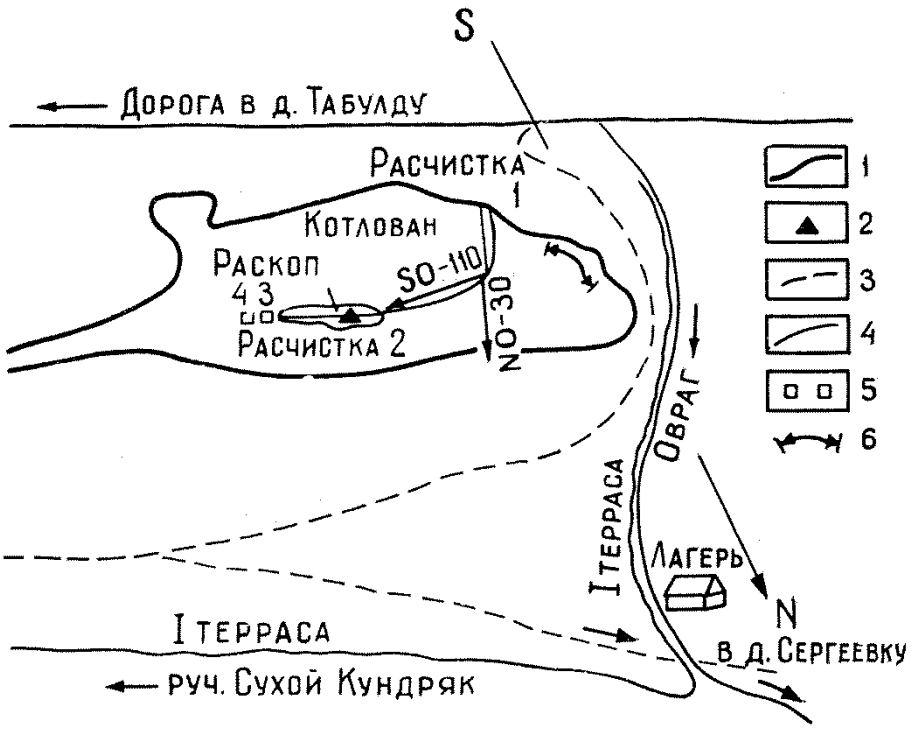

Рис. 4.14. Местонахождение Табулдинское. Схематический план (по: Итоги изучения…, 1985). Условные обозначения: 1 – контуры котолована водохранилища, 2 – место находки костей мамонта, 3- временные дороги, 4 – бровка террасы, 5 – закопушки и их номера, 6 – место зарисовки криогенных проявлений

Рис. 4.15. Местонахождение Табулдинское. Вид на скопление 1 костей мамонта с северо-северо-запада. Фото из архива В.Л. Яхимович

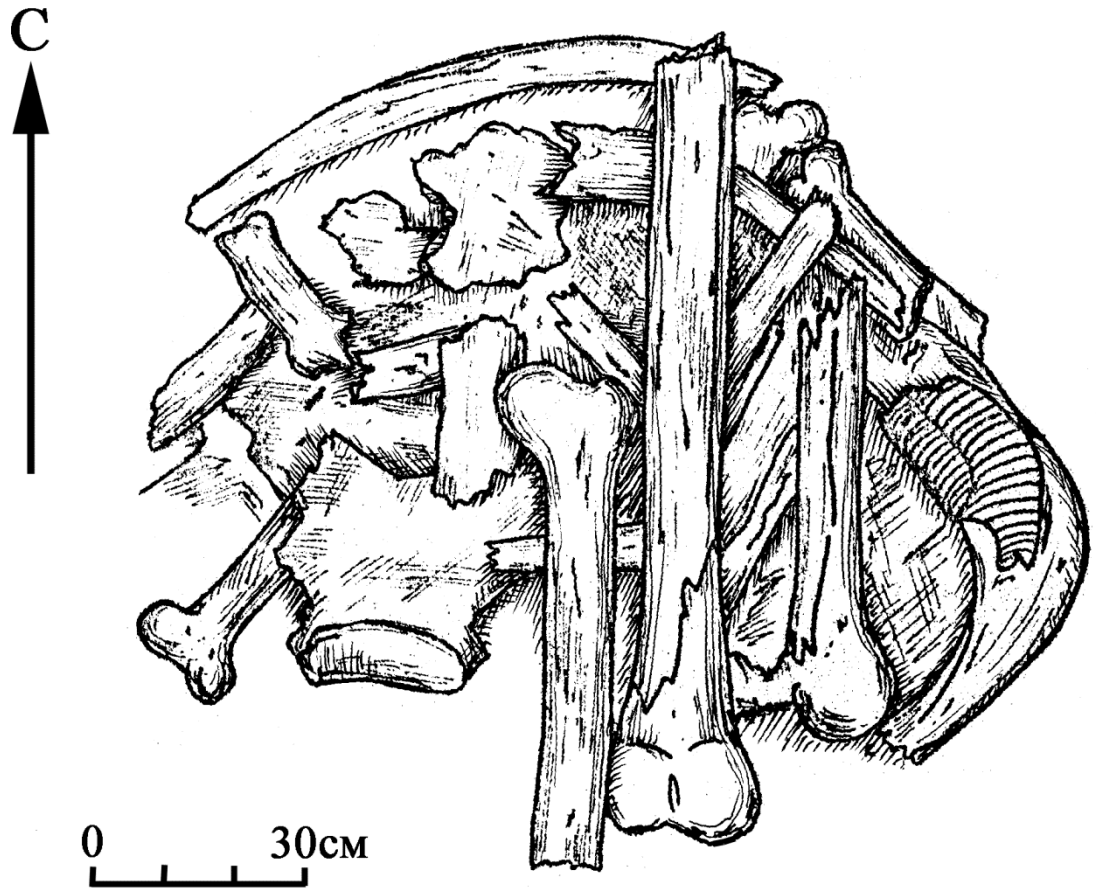

Рис. 4.16. Местонахождение Табулдинское. План скопления 1 костей мамонта. Архив В.Л. Яхимович

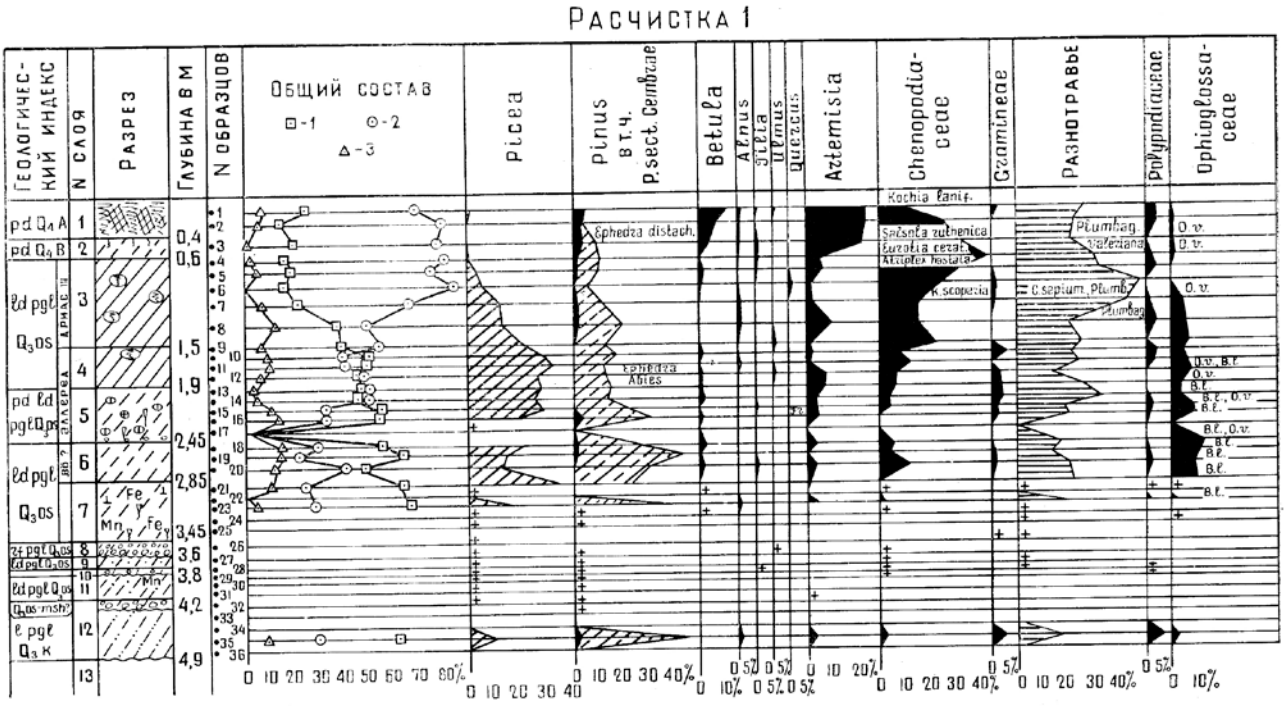

Рис. 4.17. Местонахождение Табулдинское. Споро-пыльцевые диаграммы отложений расчистки 1 (по Немковой, 1985)

Рис. 4.18. Местонахождение Табулдинское. Споро-пыльцевые диаграммы отложений расчистки 2 (по Немковой, 1985)

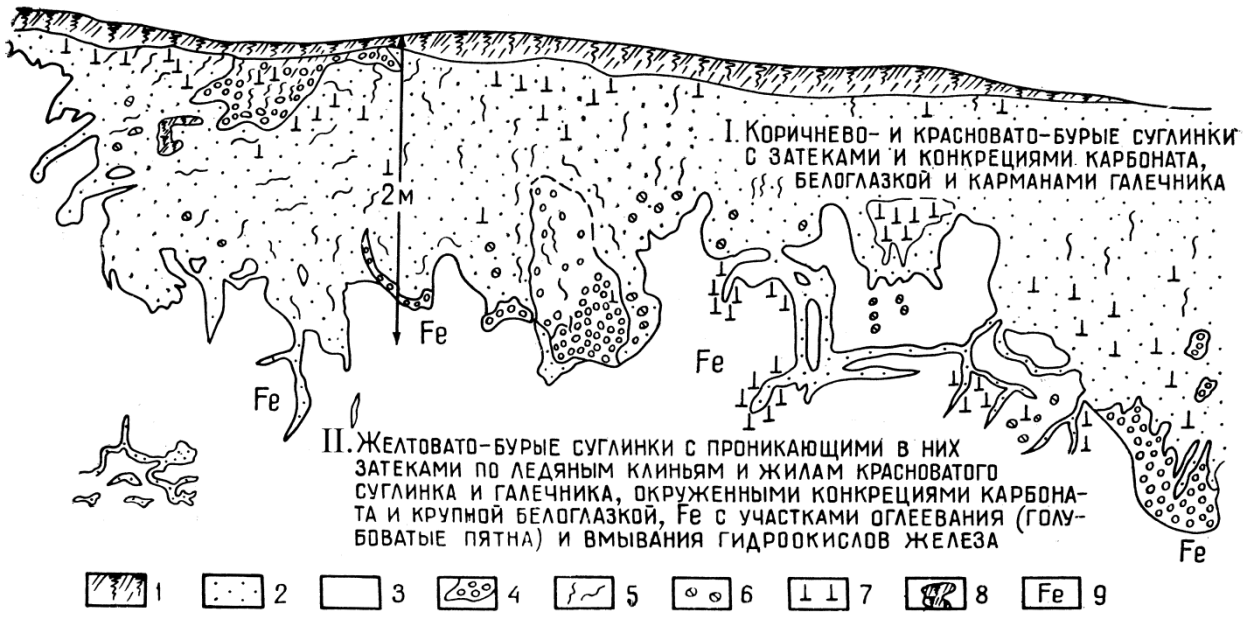

Рис. 4.19. Местонахождение Табулдинское. Криогенные проявления в верхней части поздневалдайского (осташковского) горизонта (по Яхимович, 1985). Условные обозначения: 1 – почва, 2 – коричнево- и красновато-бурый суглинок, 3 – желтовато-бурые суглинки калининского горизонта с проникающими в них затеками по ледяным клиньям и жилам красноватого суглинка и карманами галечника, 4 – карманы галечника, 5 – затеки карбоната, 6 – карбонатные конкреции, 7 – белоглазка, 8 – кротовины, 9 – ожелезнение

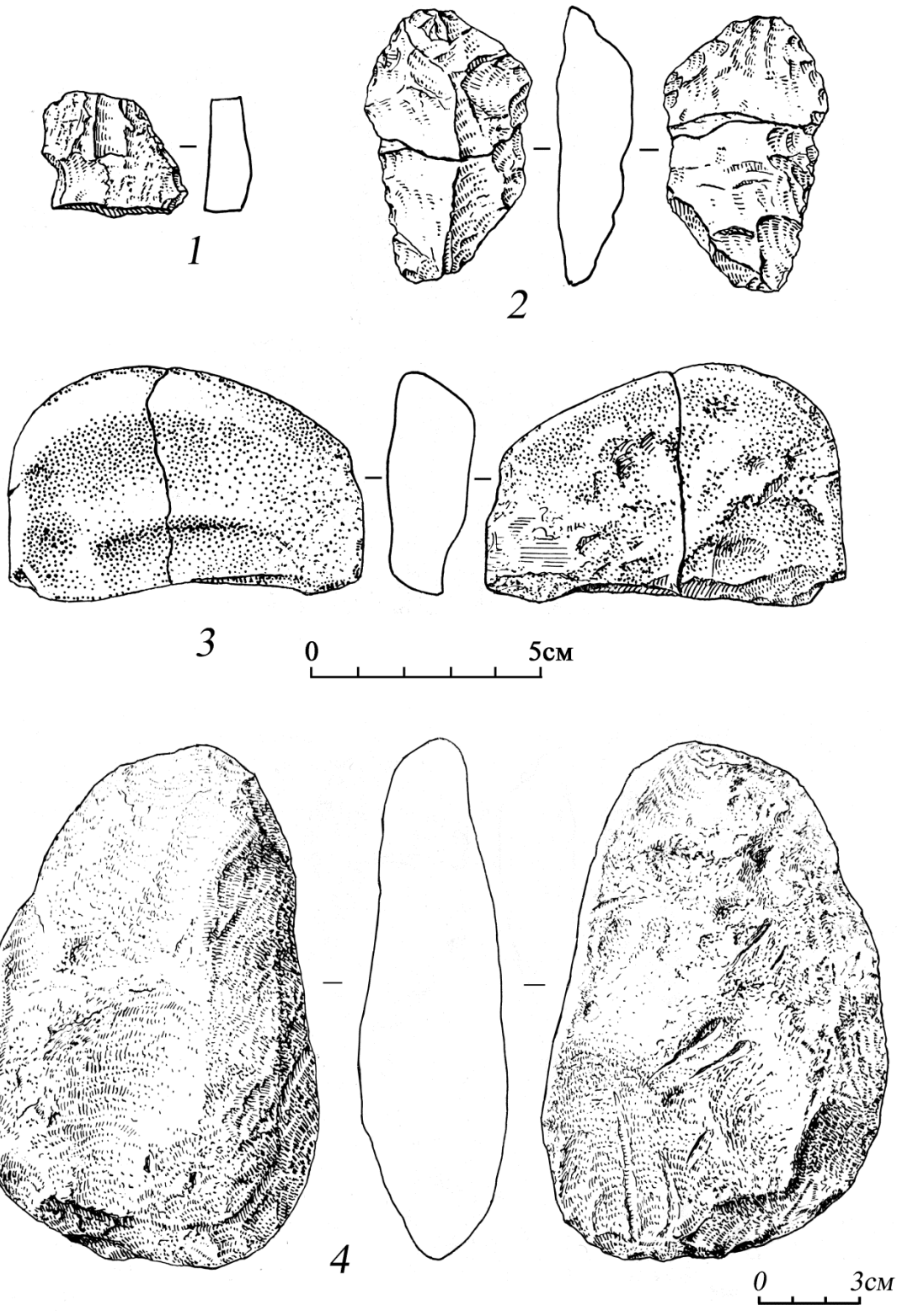

Рис. 4.20. Местонахождение Табулдинское. Находки каменных изделий вместе со скоплением костей мамонта (по Яхимович, 1985): 1, 2 – отщепы известняка, 3 – галька из песчаника с закругленным краем и со следами заглаженности, 4 – орудие из песчаника со следами обивки и стертости по краям. Рис. М.М. Ламберта

Рис. 4.21. Стоянка Горново. Карта местности. Красной точкой указано местонахождение памятника. Основа: карта Google

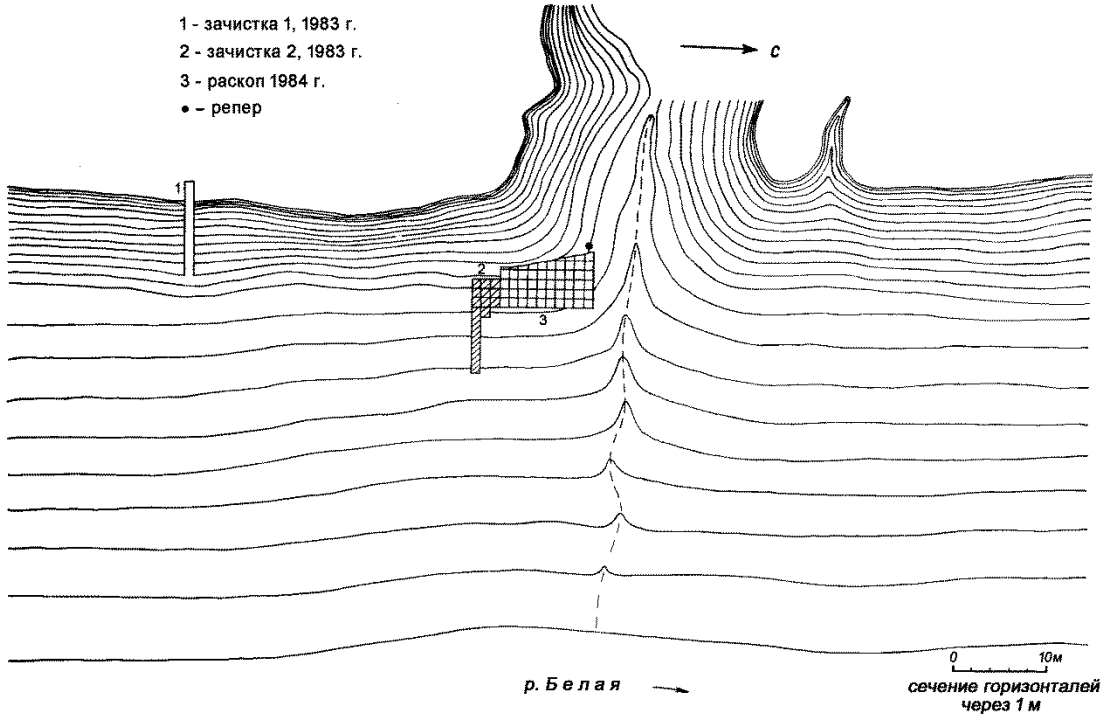

Рис. 4.22. Стоянка Горново. Ситуационный план (по Щербаковой, 1986)

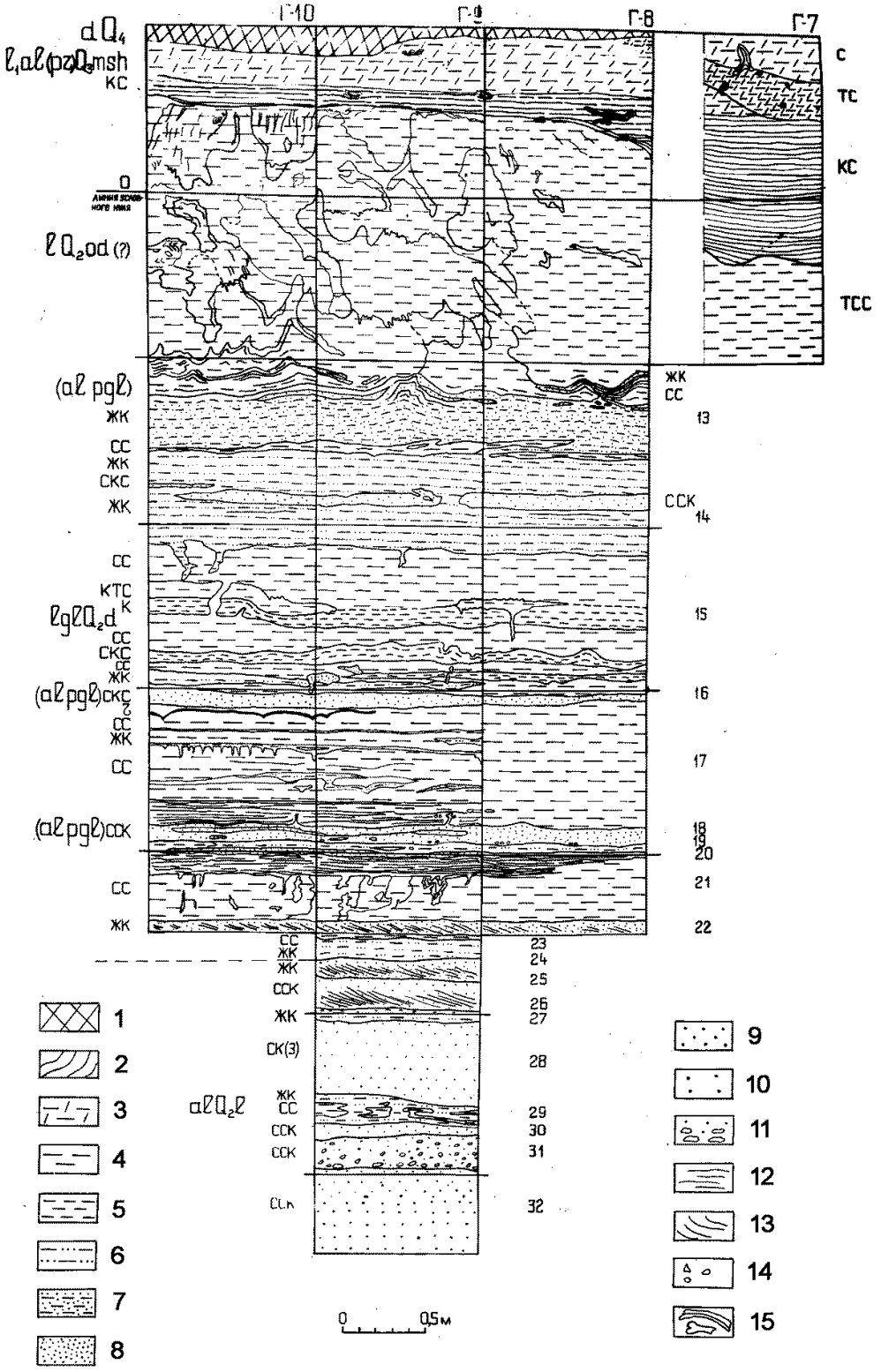

Рис. 4.23. Стоянка Горново. Разрез отложений (по В.Л. Яхимович). Условные обозначения: 1 – голоценовый делювий, 2 – коричневато-серые слоистые алевриты, 3 – серые и темно-серые озерно-пойменные суглинки, 4 – синевато-серые иловатые глины, 5 – коричневые тонко пластичные глины, 6 – желтовато-коричневые глинистые алевриты, 7 – желтовато-коричневые тонкозернистые глинистые пески, 8 – желтовато-коричневые тонкозернистые пески, 9 – светло-коричневато-серые и серовато-коричневые мелкозернистые пески, 10 – неотсортированные светло-серовато-коричневые полимиктовые пески, 11 – галечник в неотсортированном песке, 12 – тонкая слоистость, 13 – тонкая косая слоистость. 14 – растительный дендрит, 15 – фаунистические остатки

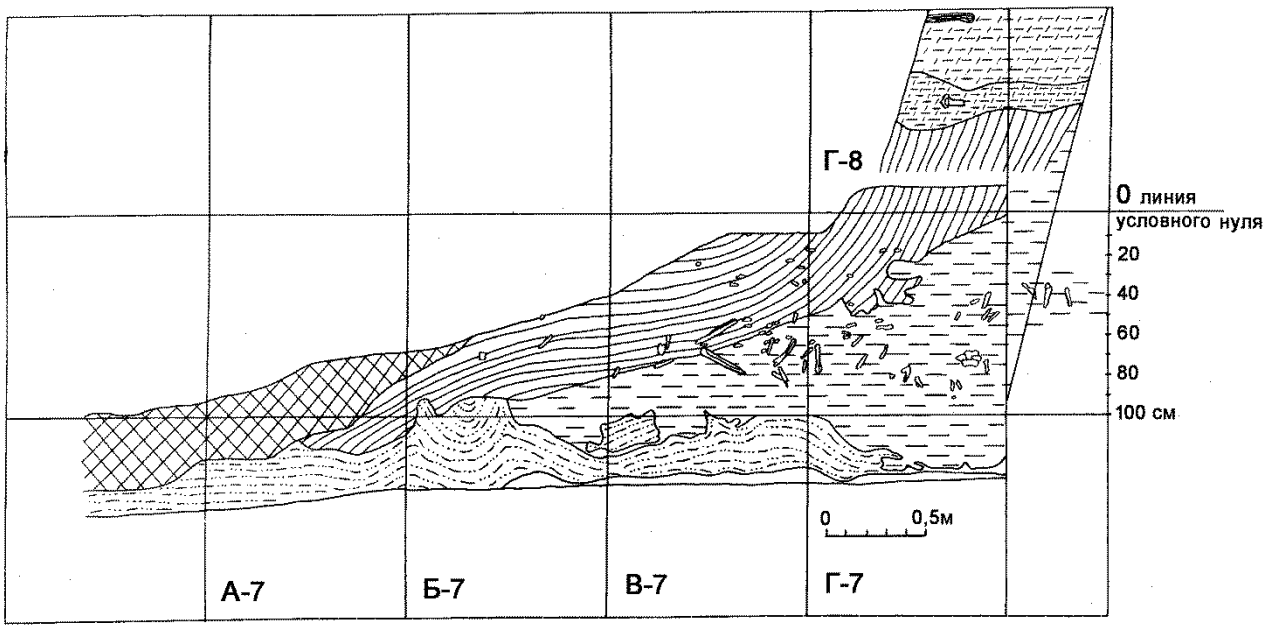

Рис. 4.24. Стоянка Горново. Поперечный разрез раскопа Т.И. Щербаковой по 7-му ряду квадратов (по Щербаковой, 1986). Условные обозначения на рис. 4.23

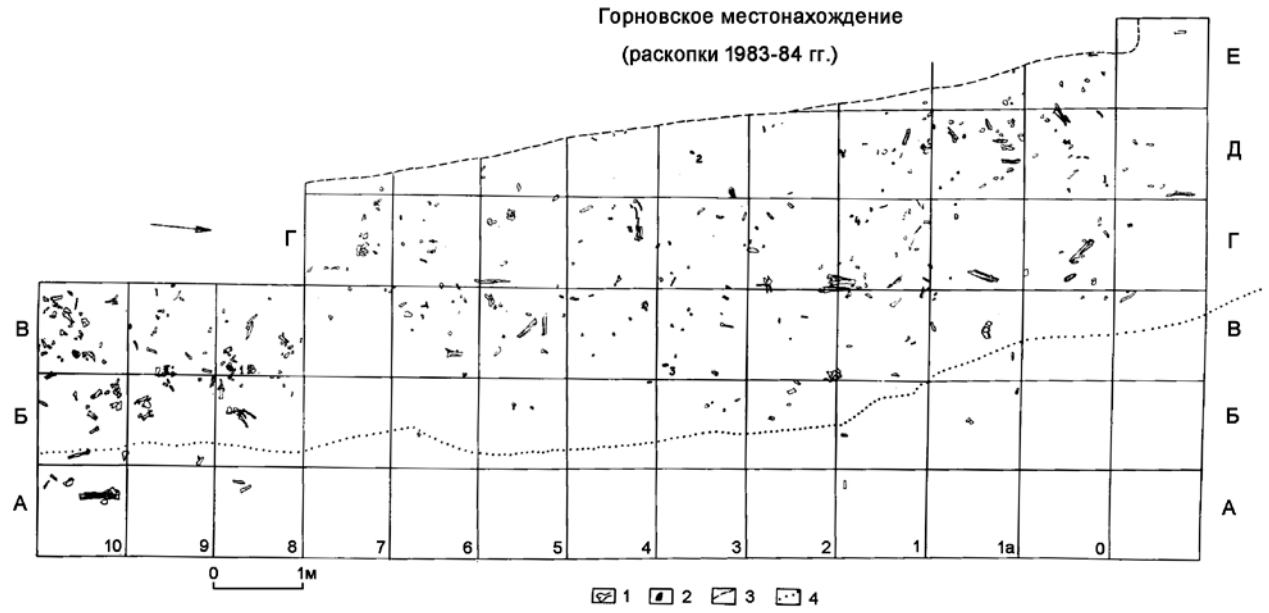

Рис. 4.25. Стоянка Горново. План раскопа Т.И. Щербаковой 1983-84 гг. (по Щербаковой, 1986). Условные обозначения: 1 – кость, 2 – кремневые изделия, 3 – граница обвала, 4 – граница распространения синевато-серых суглинков

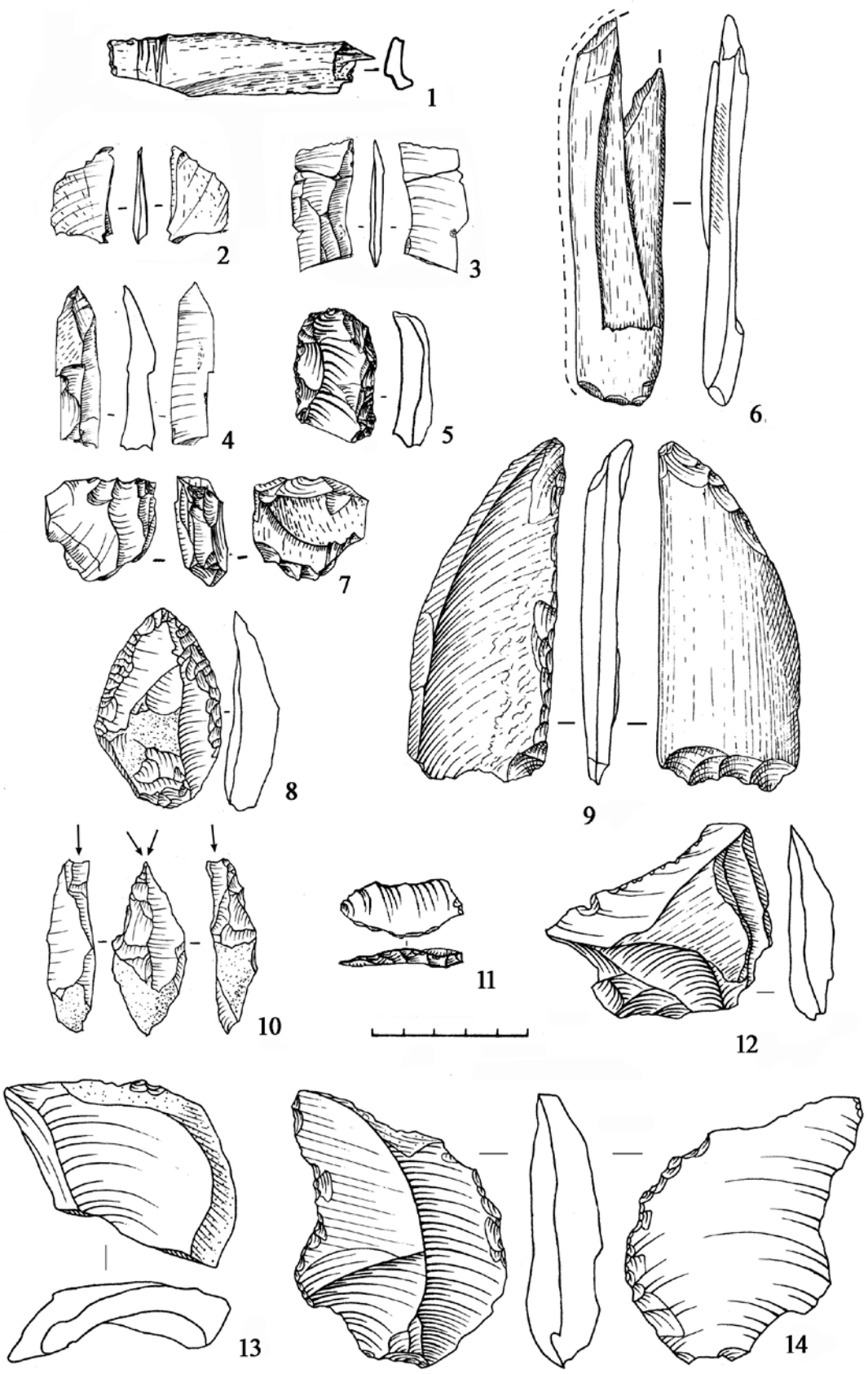

Рис. 4.26. Стоянка Горново. Находки: 1 – кость с нарезками, 2, 12, 13 – отщеп, 3,4 – пластины, 5 – скребок, 6 – костяное орудие, 7 – нуклеус, 8 – остроконечник мустьерский, 9 – острие из костьи,10 – резец, 11 – скол оживления нуклеуса, 14 – отщеп с ретушью. 1-5, 7 – по Щербаковой, 1986; 4 6, 8, 9, 10-14 – по Котову, 2011

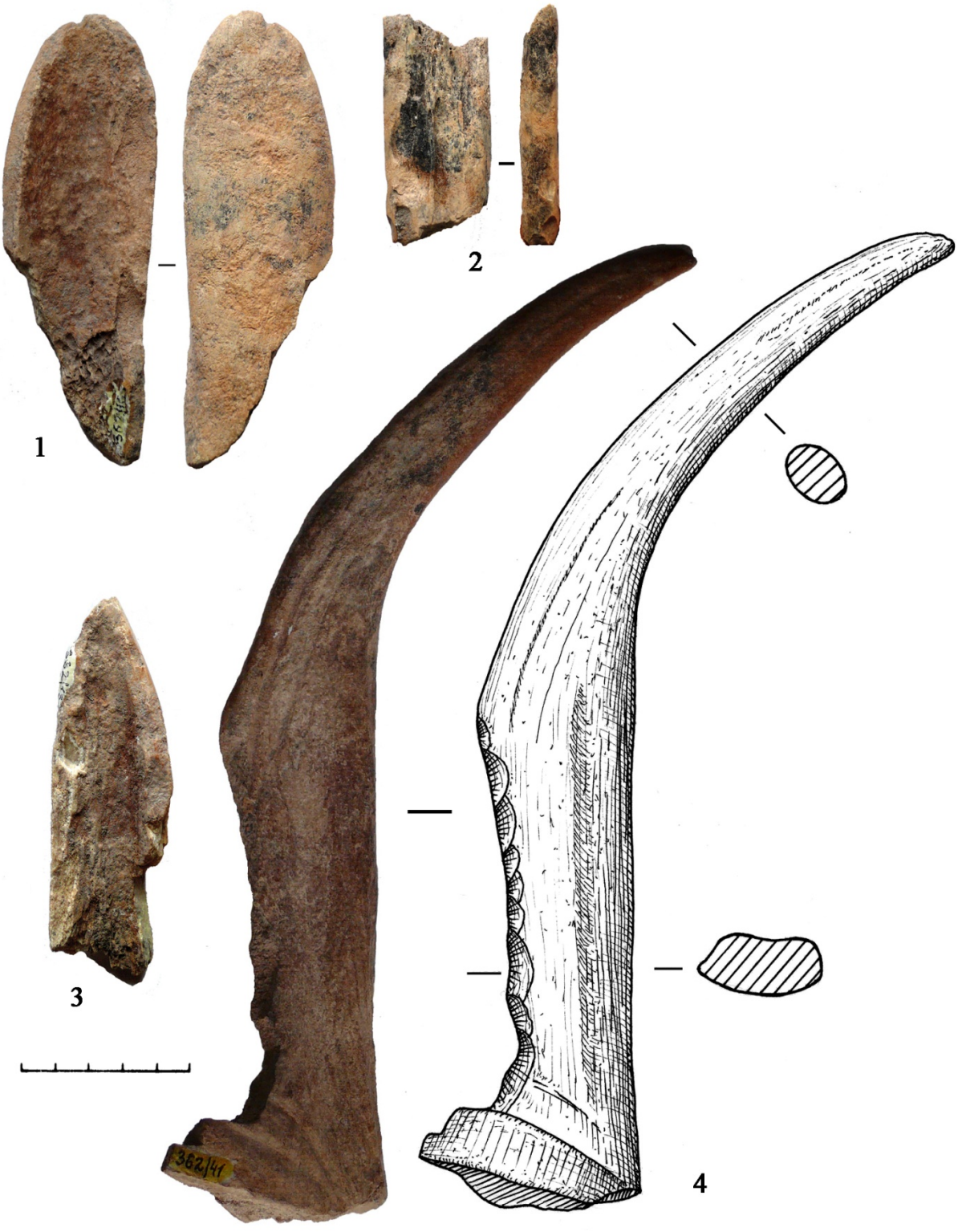

Рис. 4.27. Стоянка Горново. 1, 3 – фрагмент кости с ретушью; 2 – фрагмент кости с ретушью и обработанный абразивом; 4 - кинжал из рога большерогого оленя. Сборы А.П. Шокурова

Рис. 4.28. Карта расположения пещеры Смеловская 2 (указана красной стрелкой). Основа: карта Google

Рис. 4.29. Пещера Смеловская 2. Вид на вход с востока

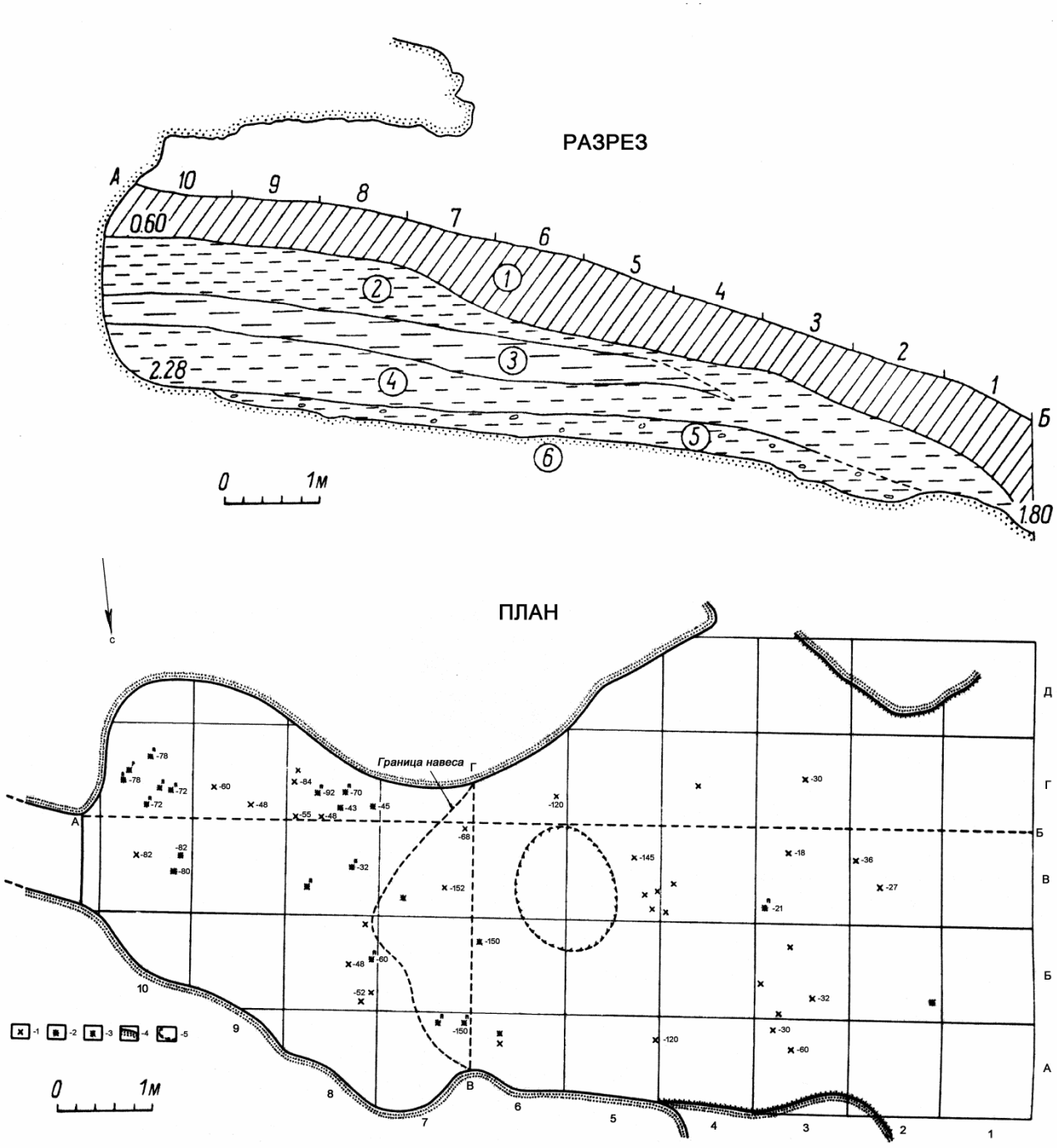

Рис. 4.30. Пещера Смеловская 2. Профиль и план (по Бадеру, 1962). Условные обозначения к профилю: 1 – супесь гумусированная, серо-черная, с известняковым щебнем; 2 – суглинок желтый, насыщенный известняковым щебнем; 3 – суглинок коричневатый, рыхлый с примесью золы и известнякового щебня; 4 – суглинок желтый с крупным известняковым щебнем; 5 – глина песчаная, внизу примесь крупного песка и мелкого галечника; 6 – скала. Условные обозначения к плану: 1- кремневые осколки; 2 – кремневые орудия; 3 – каменные сверленые подвески с обозначением глубины залегания; 4 – скала; 5 – границы шурфа 1 К.В. Сальникова, 1950, 1952 гг.

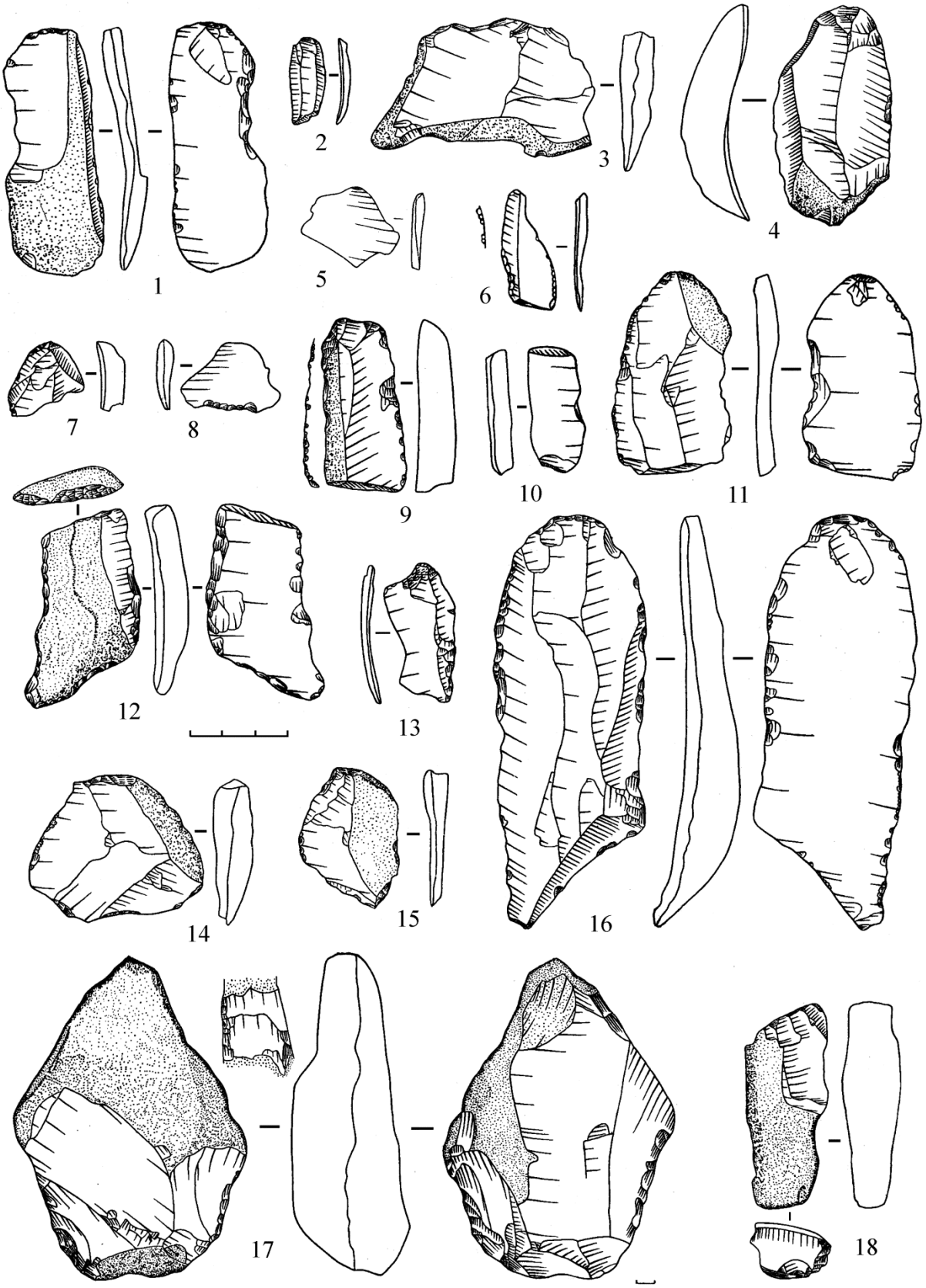

Рис. 4.31. Пещера Смеловская 2. Каменный инвентарь (по Бадеру, 1971): 1, 11 – пластины с выемками, 2, 10 – пластины, 3, 4, 5, 13 – отщепы, 6, 9, 16 – пластины с ретушью, 7, 14 – скребок, 8, 12, 15 – отщепы с ретушью, 17 – нуклеус-рубящее орудие, 18 – нуклеус

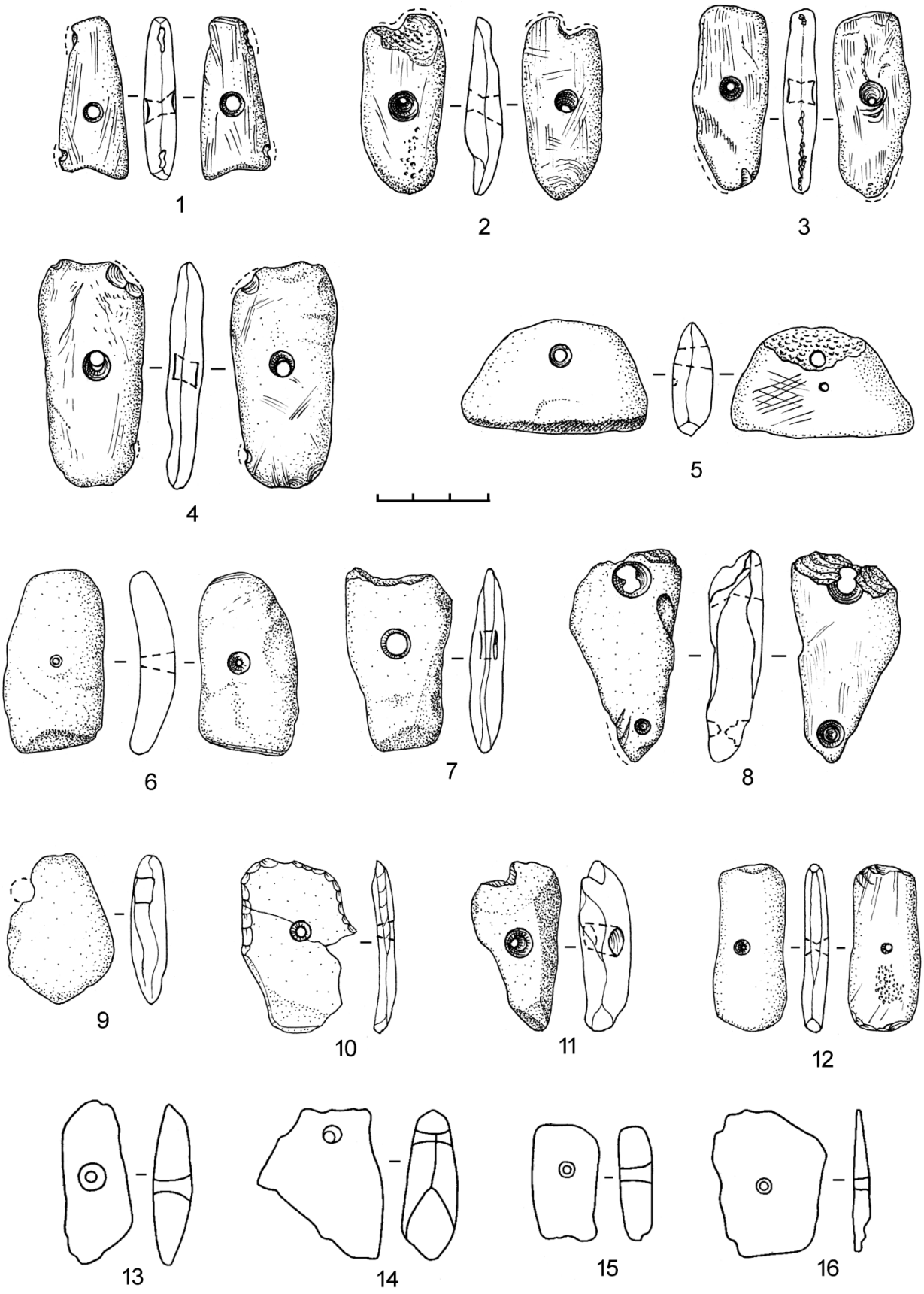

Рис. 4.32. Пещера Смеловская 2. Каменные подвески. 1-12 – рис. В.Г. Котова, 13-16 – по Бадеру, 1971

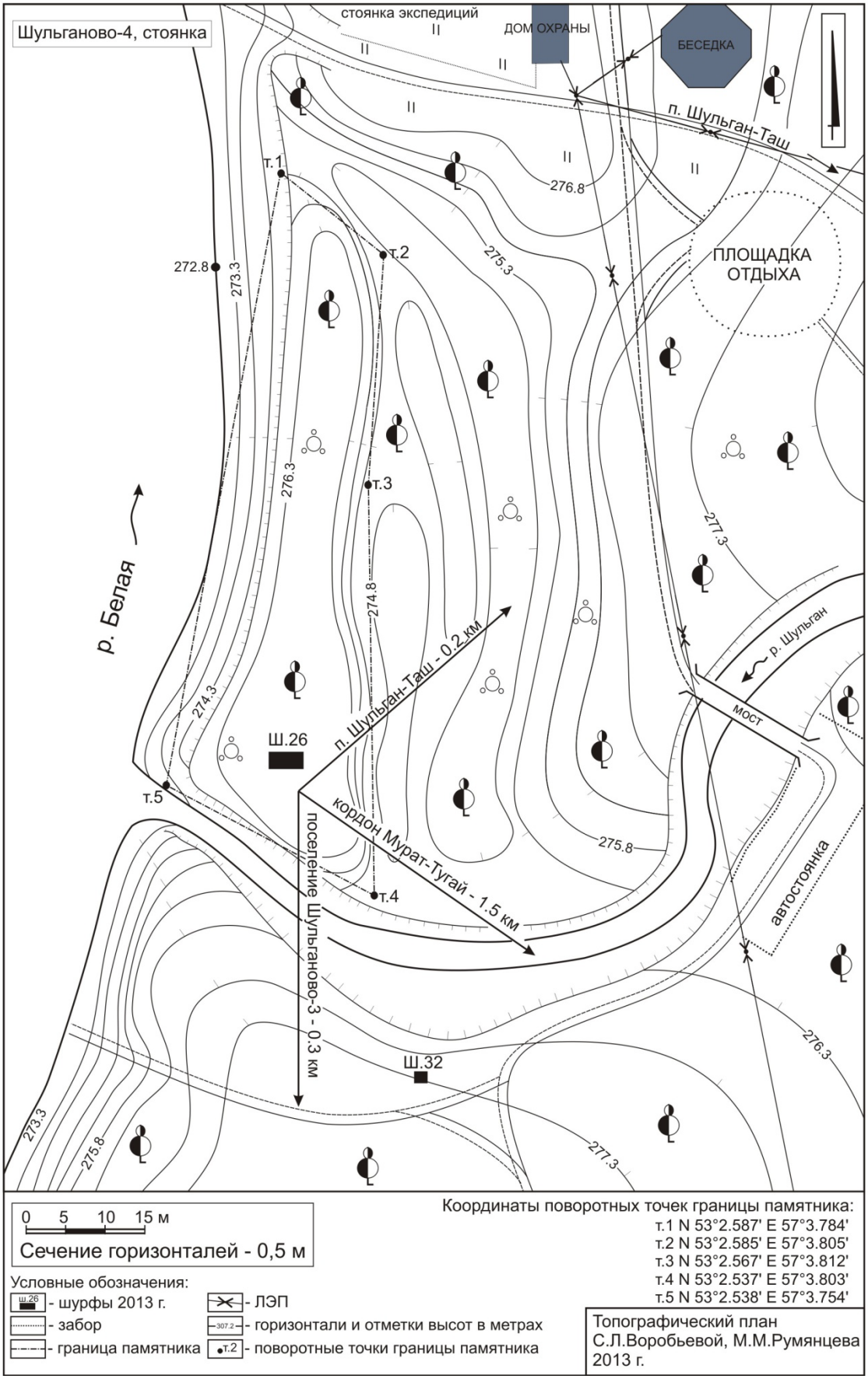

Рис. 4.33. Стоянка Шульганово-4. Ситуационный план (по Румянцеву, 2014)

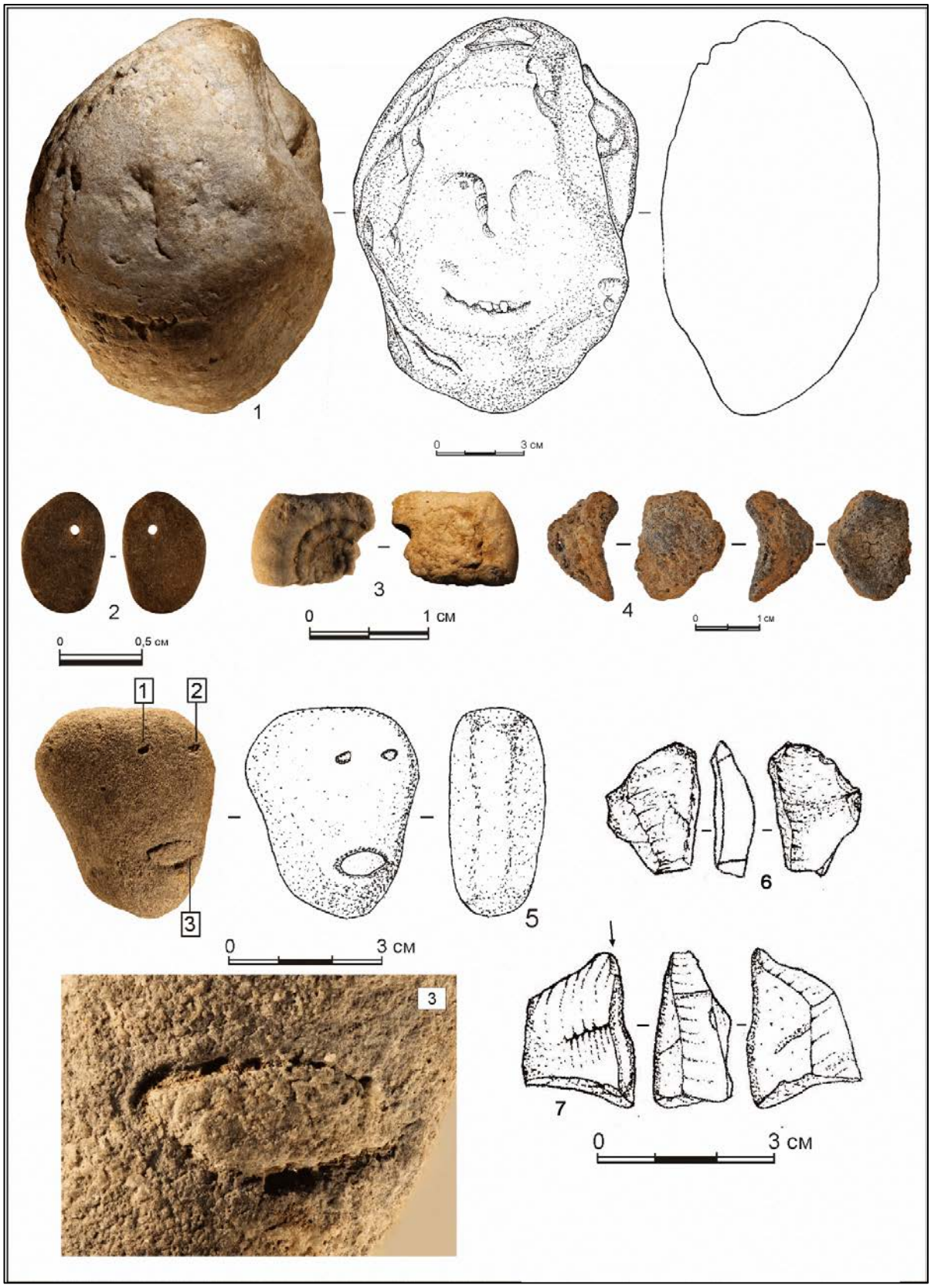

Рис. 4.34. Стоянка Шульганово-4. Находки (по Румянцеву, 2014): 1, 5 – галечные скульптуры; 2 – подвеска из гальки сланца; 3 – окаменелость; 4 – фрагмент обожженной глиняной обмазки плетеного сосуда (?); 6 – отщеп с ретушью из кварцито-песчаника; 7 – отщеп из кварцито-песчаника. 4, 6, 7 – 4-й культурный горизонт; 1-3, 5 – 5-й культурный горизонт

Рис. 4.35. Долина р. Нугуш до затопления. Фото А.Х. Пшеничнюка, 1961 г. Стрелкой указано место стоянки Сергеевка-1

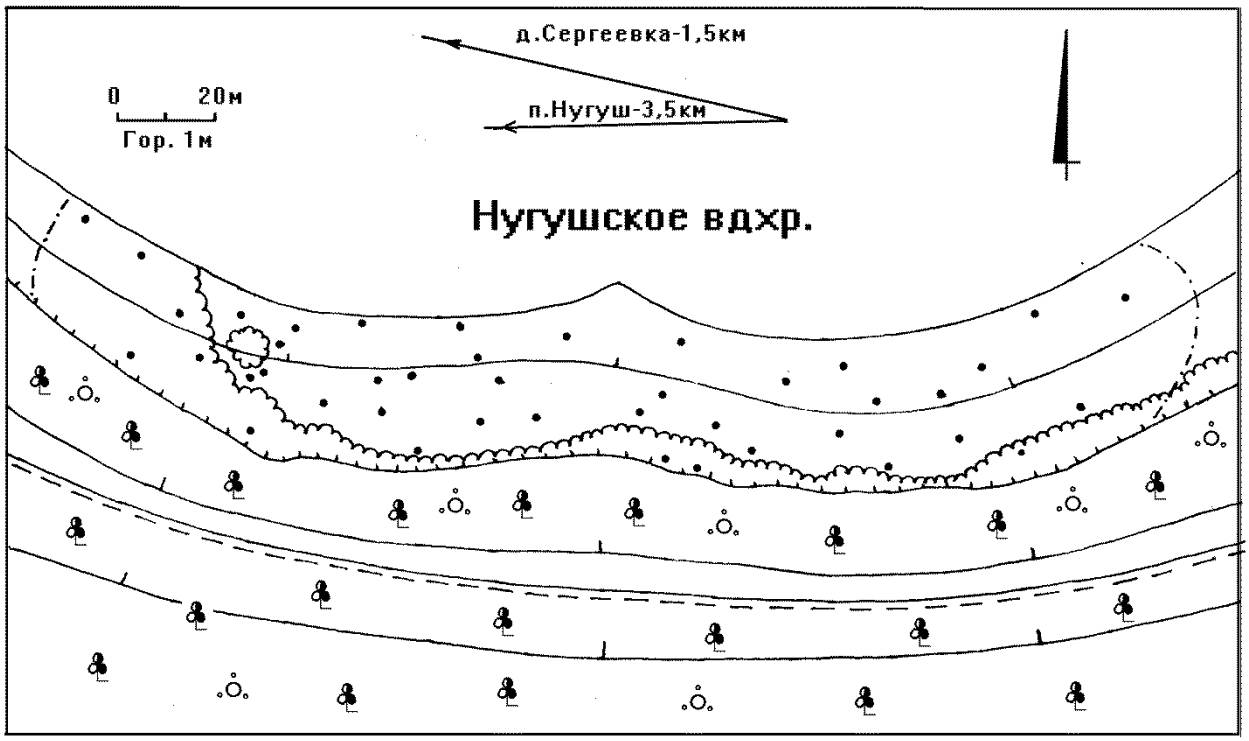

Рис. 4.36. Стоянка Сергеевка-1. Ситуационный план (по Котову, 2009)

Рис. 4.37. Стоянка Сергеевка-1. Вид на памятник с запада

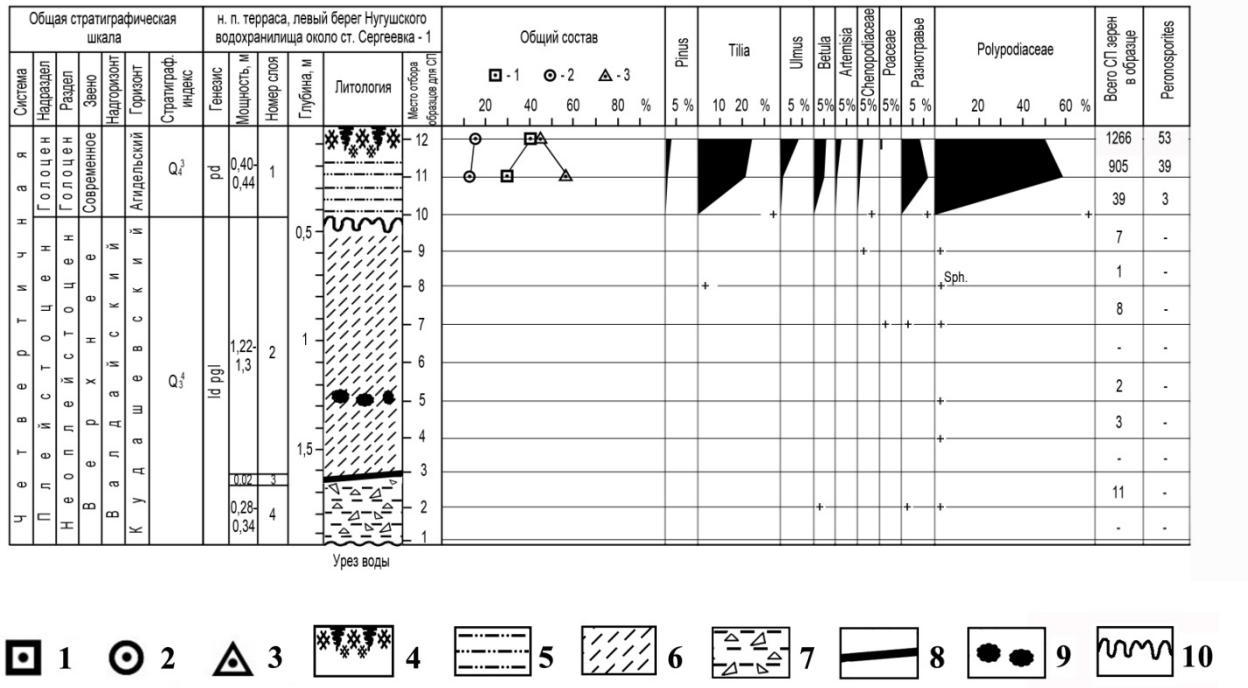

Рис. 4.38. Разрез отложений ст. Сергеевка-1 и спорово-пыльцевая диаграмма (по Гимранову и др., 2012). Условные обозначения к рис. 3: 1 – древесные, 2 – травянистые, 3 – споровые растения, 4 – почва, 5 – супесь, 6 – суглинок, 7 – глина с известковым щебнем, 8 – прослойка гумуса и дерна, 9 – кротовины, 10 – затеки в нижележащий слой

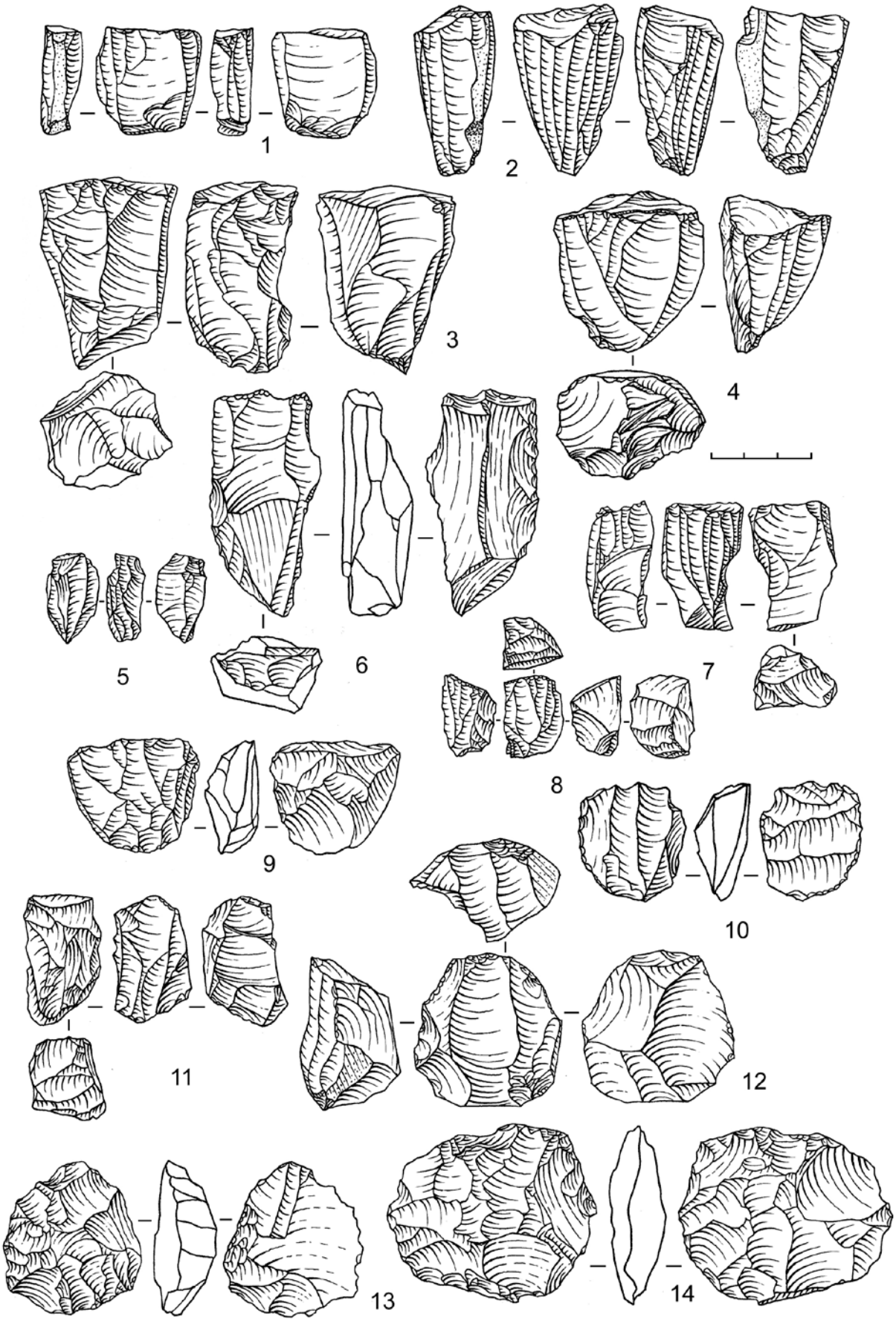

Рис. 4.39. Стоянка Сергеевка-1. Нуклеусы

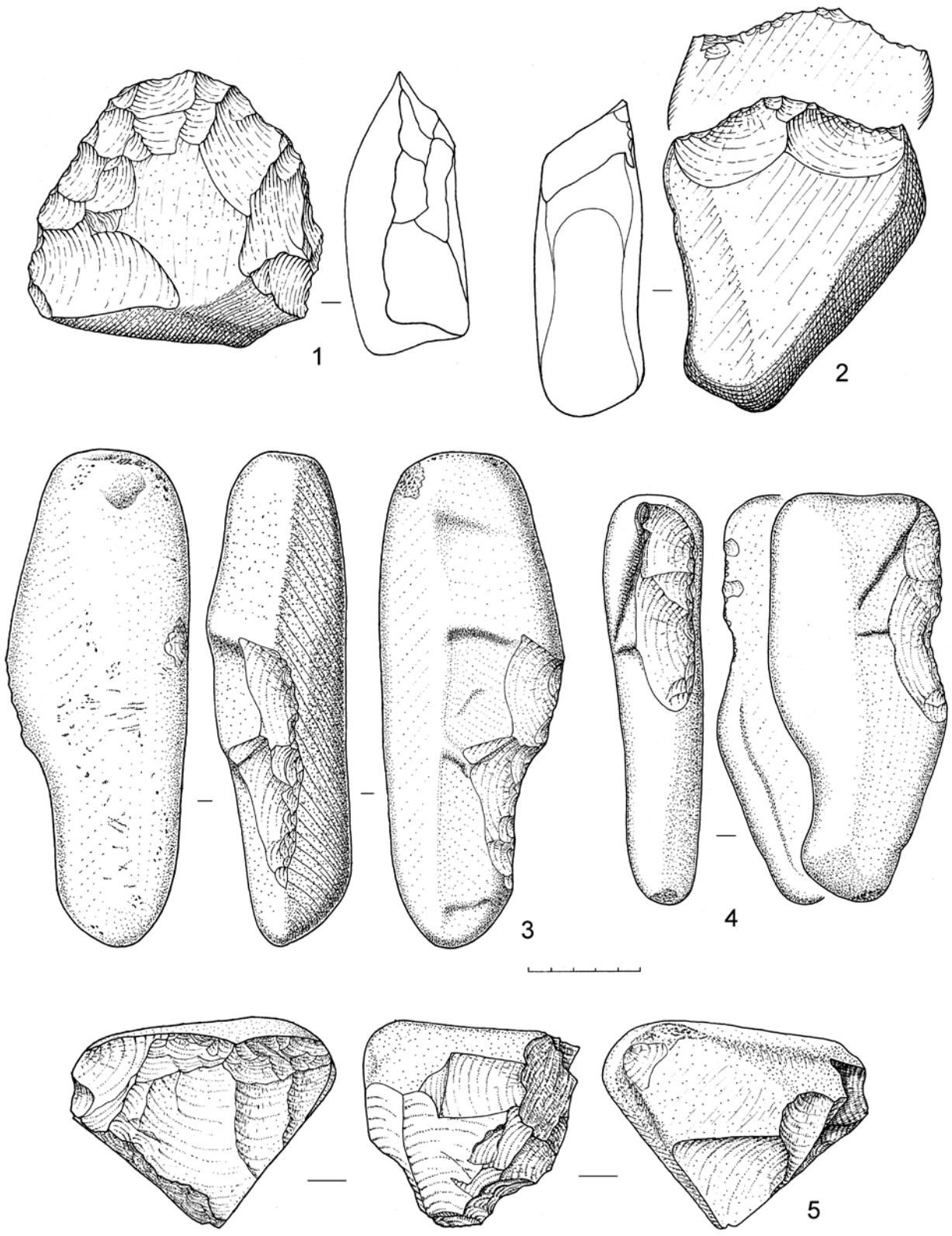

Рис. 4.40. Стоянка Сергеевка-1. Кварцитовые изделия. 1 - нуклеус радиальный, 2 - чоппер, 3 – молот-отбойник, 4 – рубящее орудие (цалди), 5 – нуклеус ортогональный

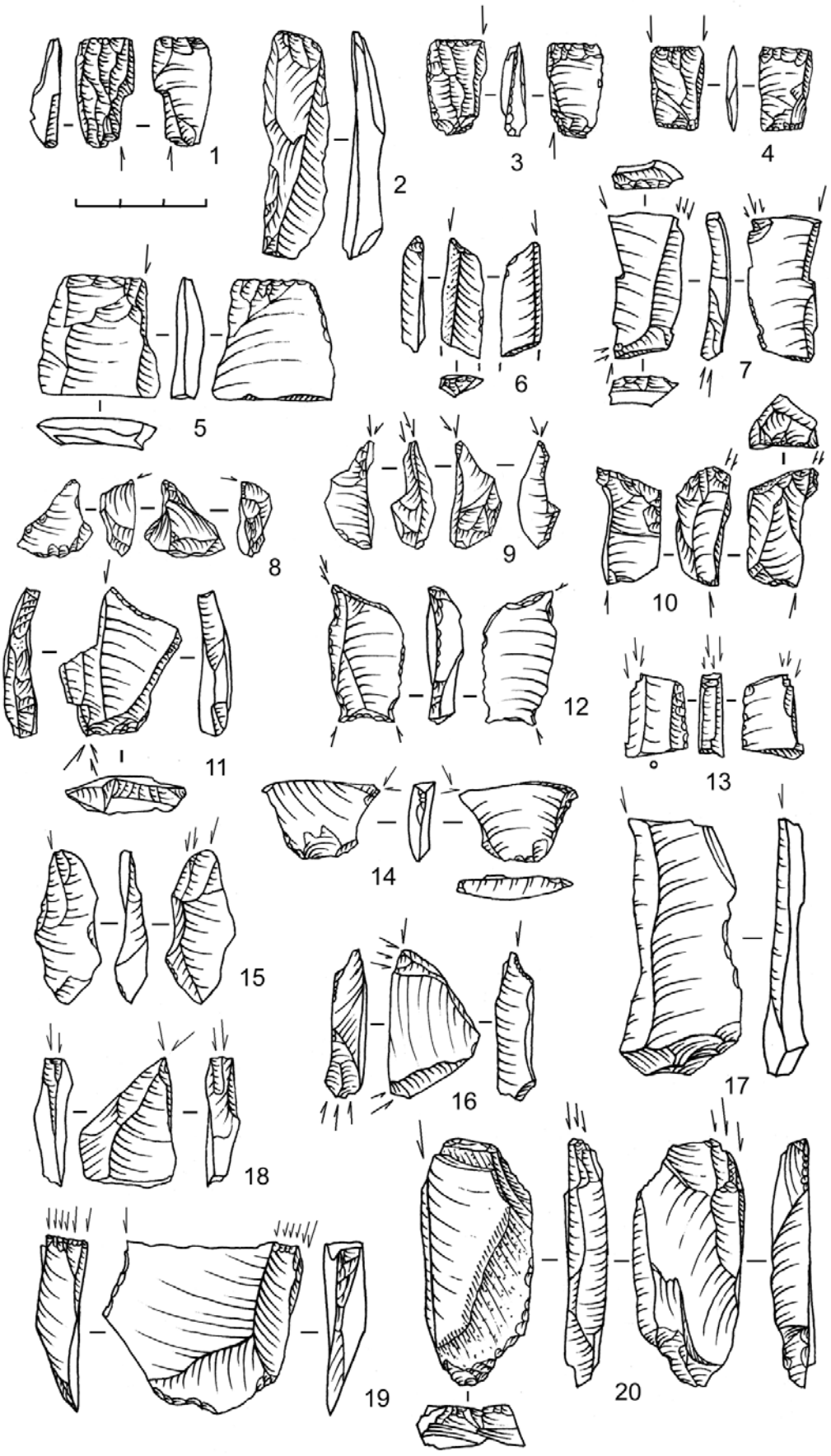

Рис. 4.41. Стоянка Сергеевка-1. Изделия. 1-5 – долотовидные орудия, 6-20 – резцы

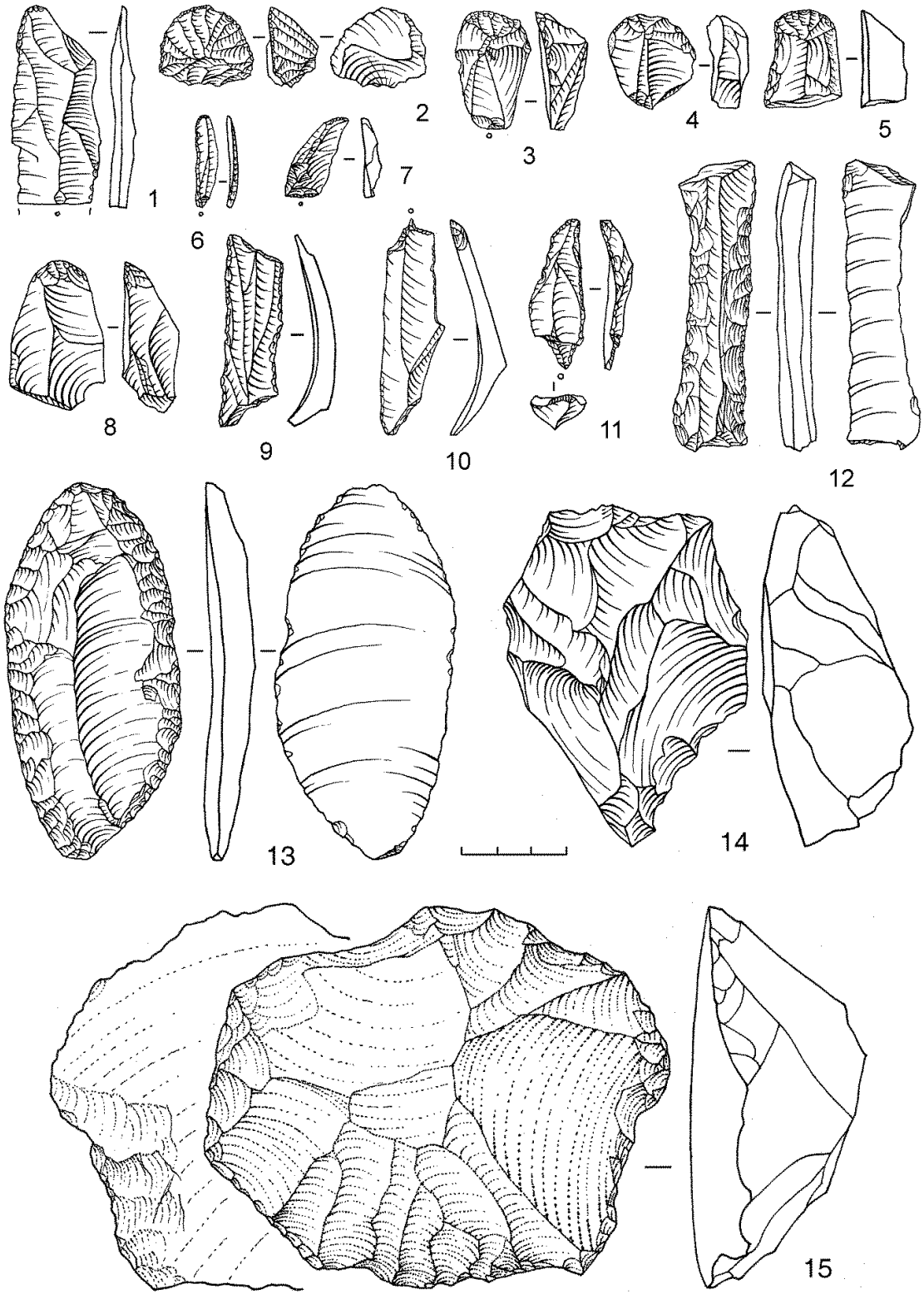

Рис. 4.42. Стоянка Сергеевка-1. Каменные изделия. 1 – орудие с шипом, 2 – нуклеус-скребок, 3-5, 8 – скребки высокой формы, 6 – микроскребок на пластинке с ретушью, 7 – острие на пластинке, 9, 11 – острие двойной на ретушированной пластине, 10 – проколка, 12 – орудие с выемчатыми лезвиями на массивной пластине, 13 – конвергентное скребло, 14 – скребло с зубчатым лезвием, 15 – скребло-рубящее орудие на леваллуазском отщепе

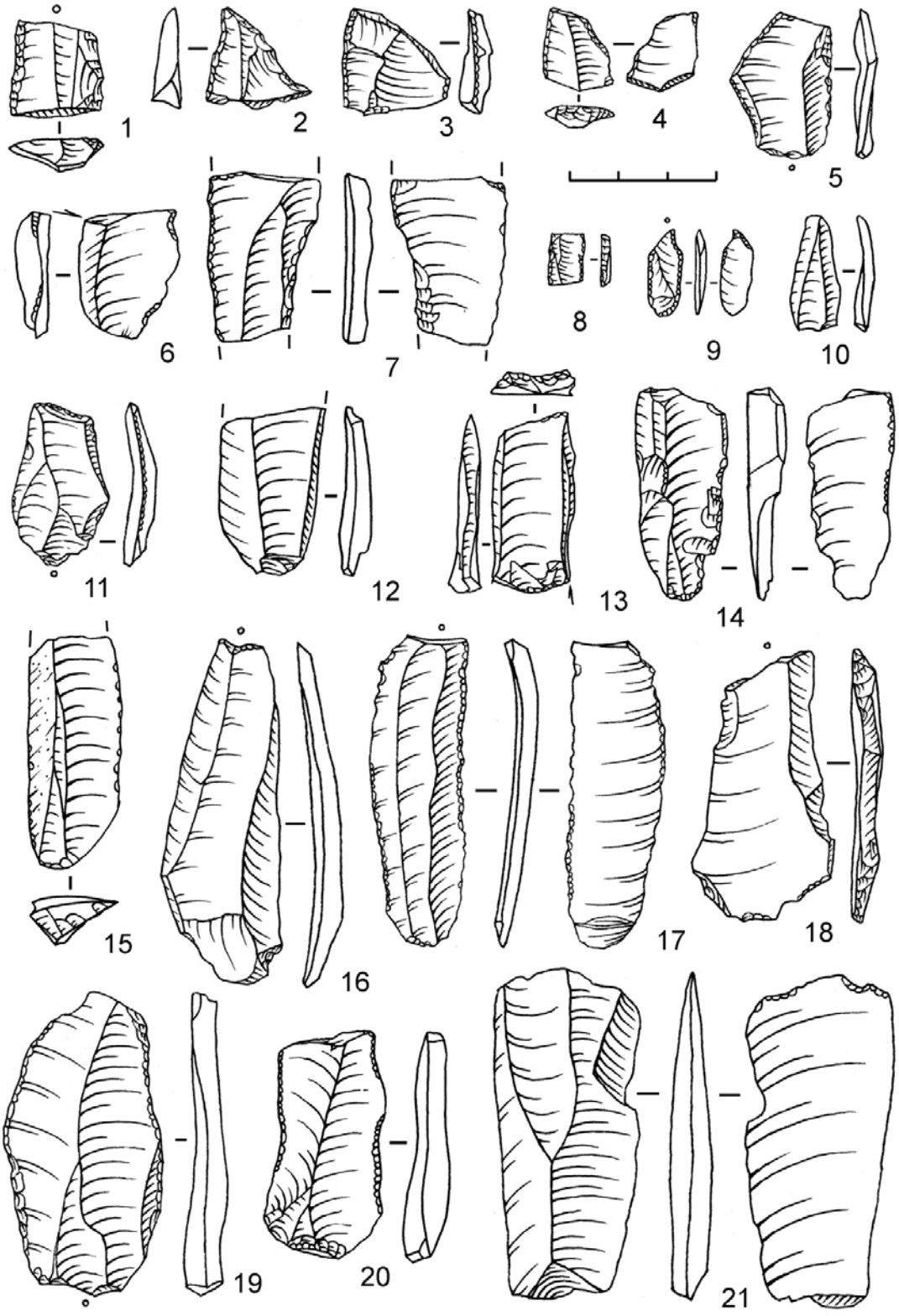

Рис. 4.43. Стоянка Сергеевка-1. Каменные изделия. 1 – сегмент пластины с притупленной спинкой, 2-5 – геометрические вкладыши, 6 – орудие с шипом, 7, 14 – ретушированная пластина с частично двусторонней обработкой вогнутого края, 8 – пластинка с притупленной спинкой, 9 – проколка, 10 – пластина, 11, 17, 19-21 – пластины с ретушью, 12 – фрагмент пластины, 13 – пластина с ретушированной ударной площадкой, 15, 16, 18 – усеченные ретушью пластины

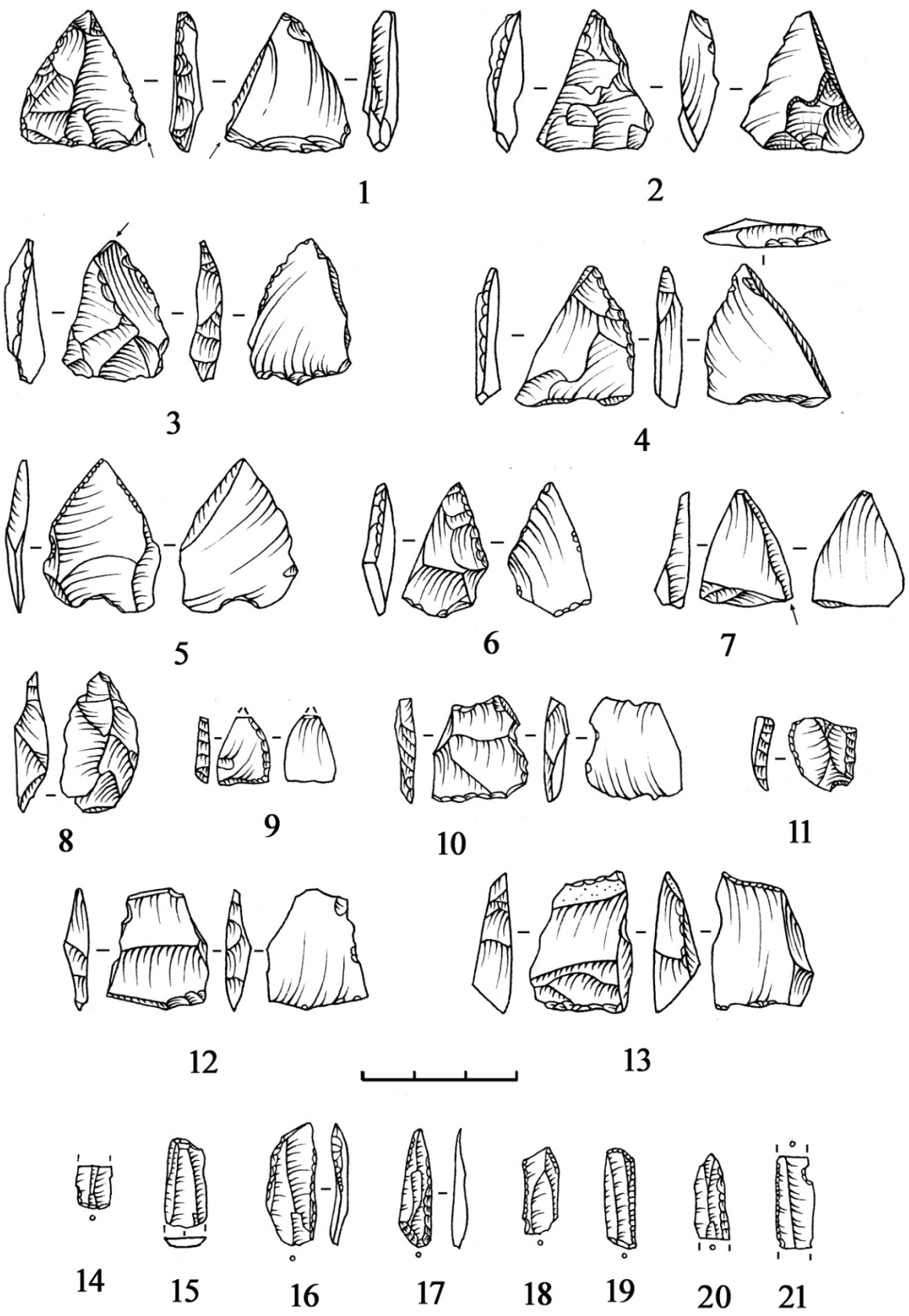

Рис. 4.44. Стоянка Сергеевка-1. Изделия из кремня и яшмы: 1-7, 9 – наконечники стрел треукгольной формы; 8 – наконечник стрелы листовидной формы; 10-13 – геометрические формы на сегментах пластин; 14-21 – пластинки с ретушью

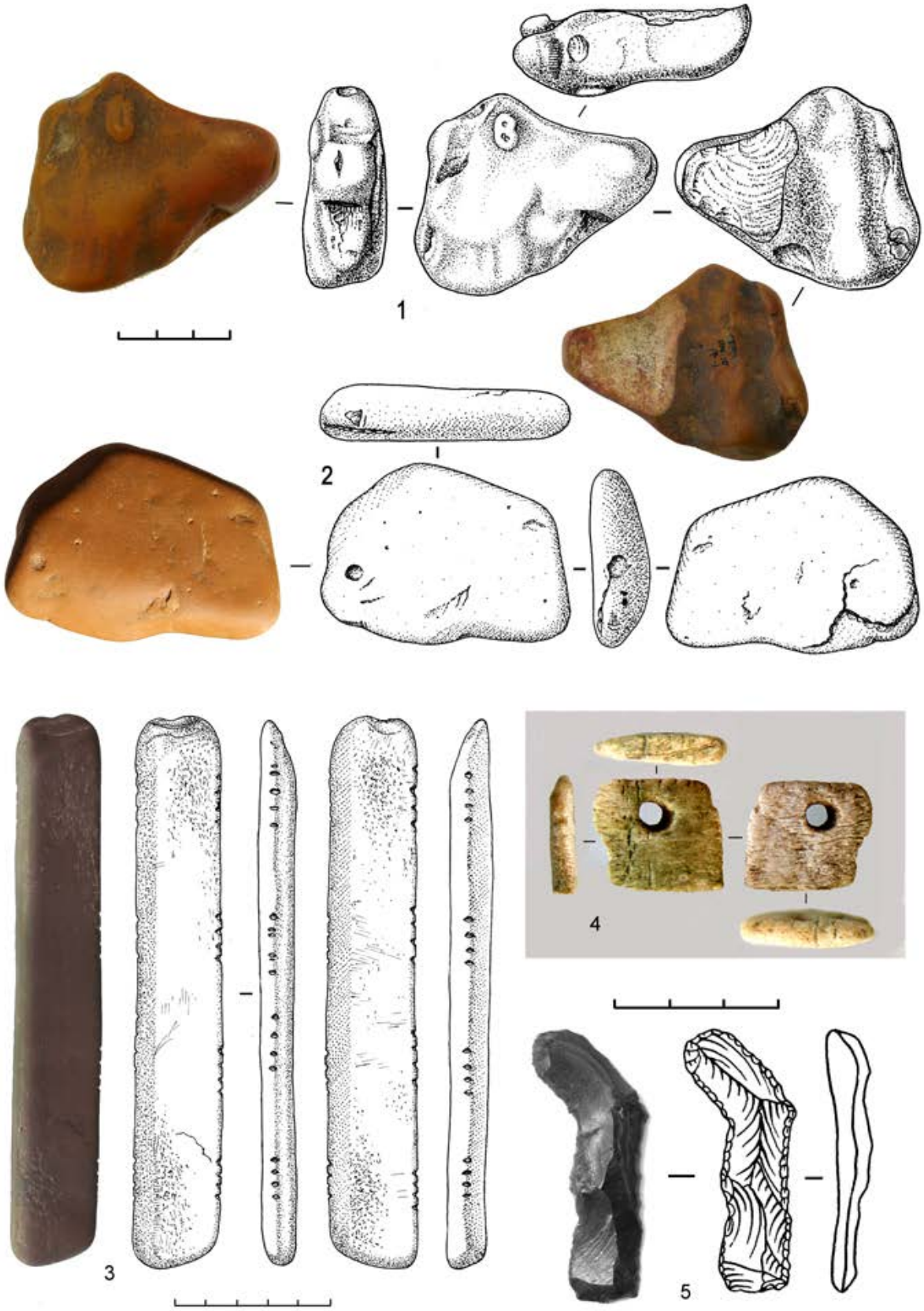

Рис. 4.45. Стоянка Сергеевка-1. Изделия: 1 – галечная скульптура № 1; 2– галечная скульптура № 2; 3 – молоток-отжимник на удлиненной гальке из сланца, орнаментрированной на боковых гранях рядами пропилов; 4 – подвеска из стеатита (?) с нарезками; 5 – фигурный кремень

Рис. 4.46. Стоянка Усть-Акаваз. Вид с реки с северо-запада

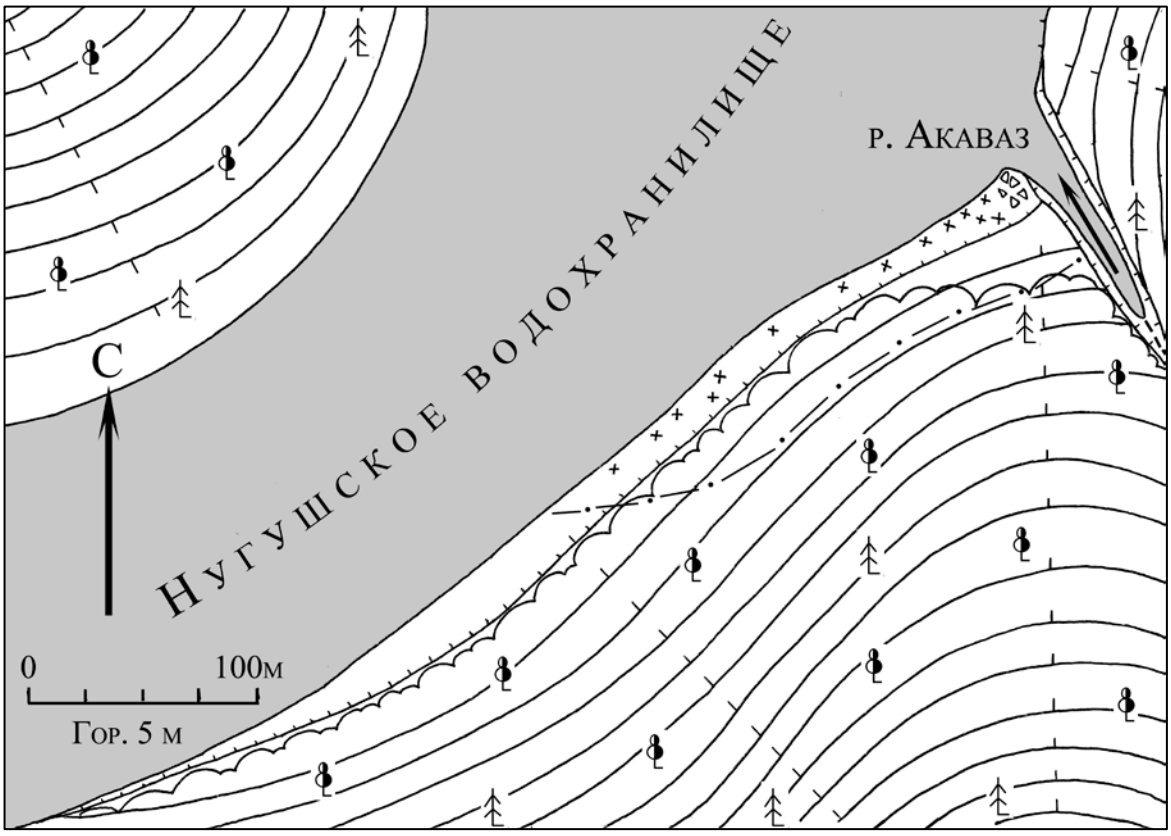

Рис. 4.47. Стоянка Усть-Акаваз. Топоплан. Инструментальная съемка В.Г.Котова

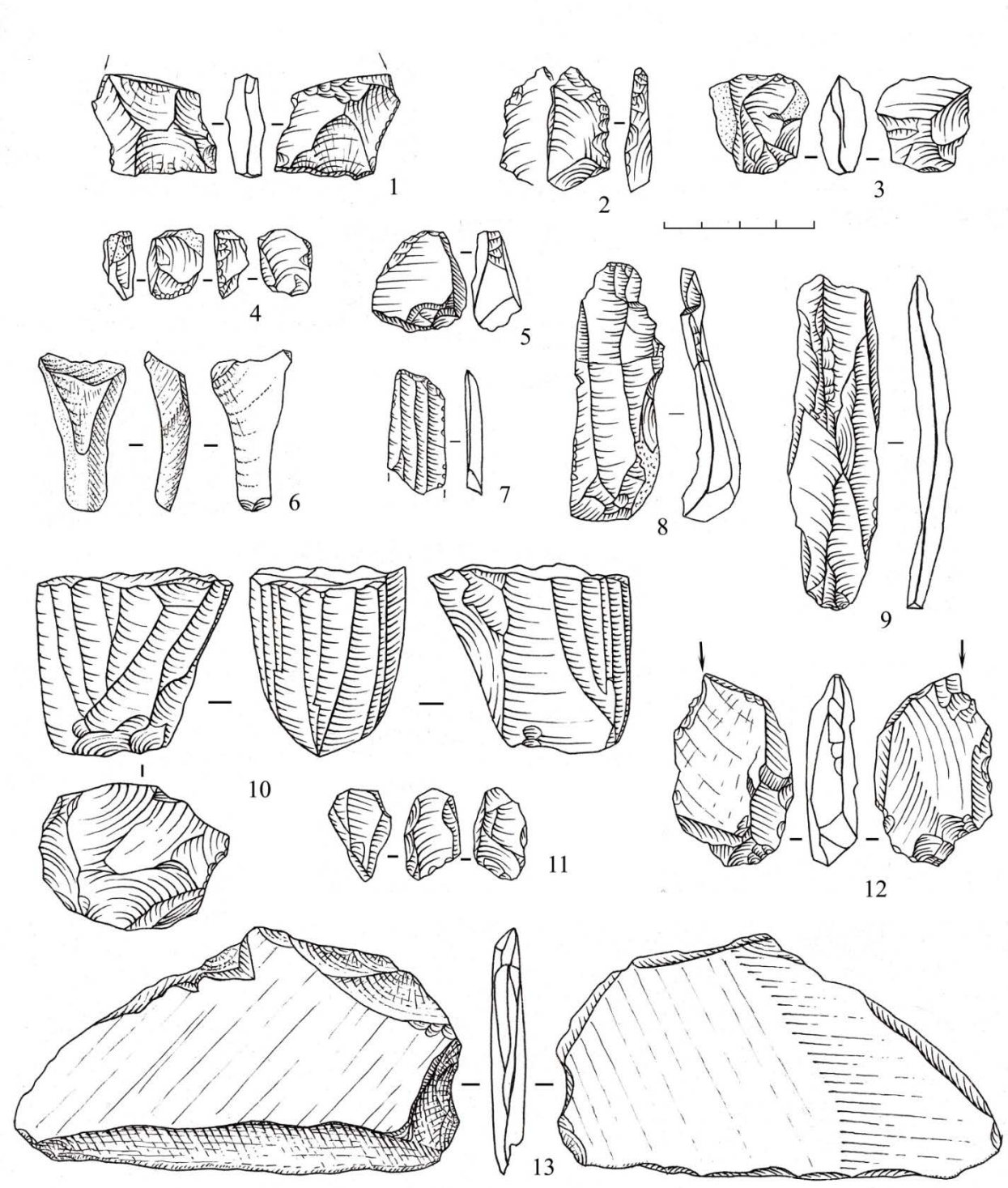

Рис. 4.48. Стоянка Усть-Акаваз. Каменные изделия: 1 - нуклеус радиального скалывания; 2-5 – отщепы с ретушью; 6 – отщеп из кварцито-песчаника; 7 – пластина косоусеченная; 8,9 – пластины; 10 – нуклеус конусовидный; 11 – нуклеус остаточный; 12 – резец боковой; 13 – нож сланцевый. 1-5, 8-12- кремень, 6 – кварцито-песчаник, 7 – яшма, 13 – сланец

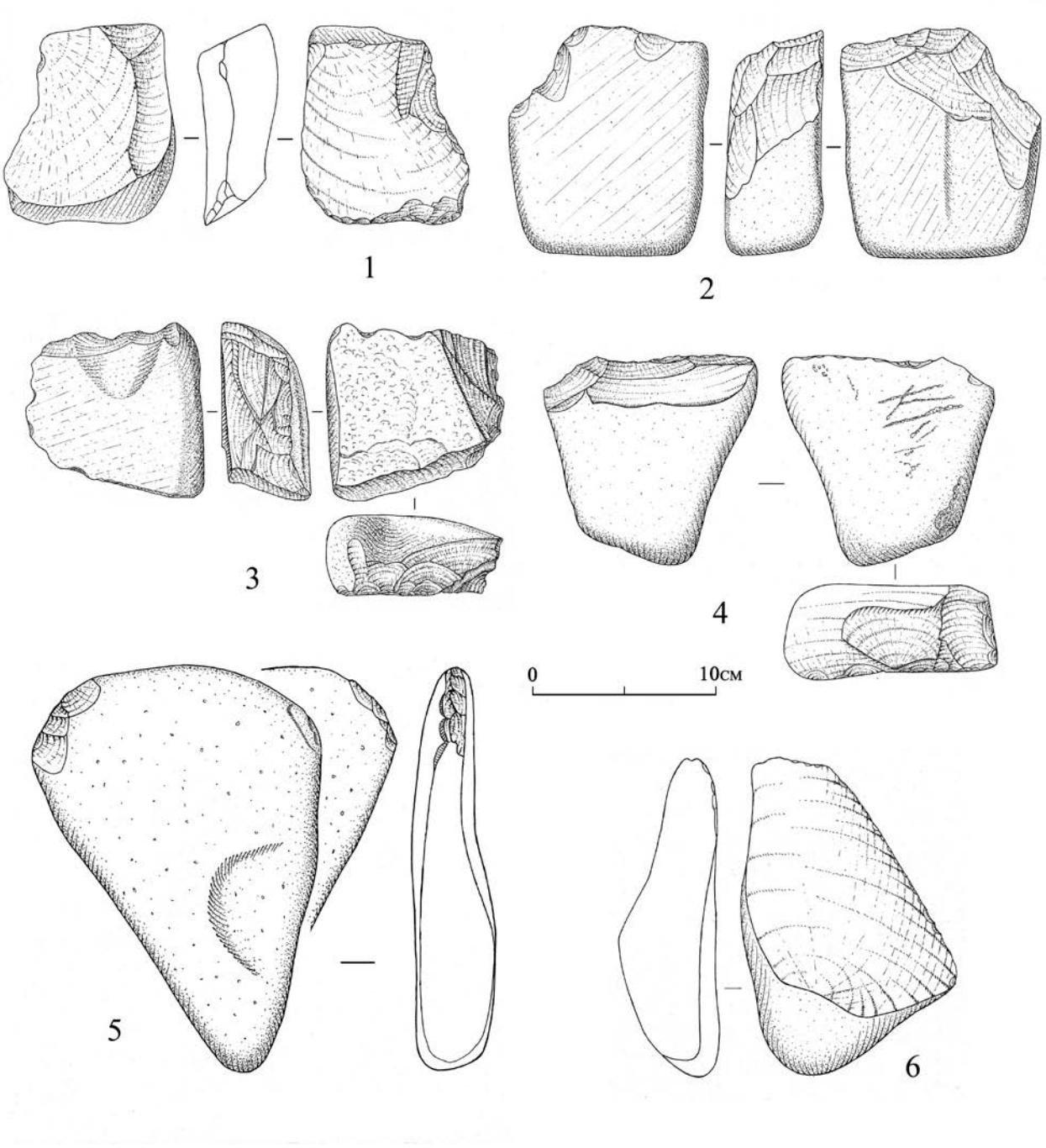

Рис. 4.49. Стоянка Усть-Акаваз. Изделия из кварцито-песчаника: 1 - рубящее орудие (?) на массивном отщепе; 2 – нуклеус-чоппер на гальке; 3 – нуклеус двухплощадочный на гальке; 4 – нуклеус-наковальня на массивной гальке; 5 – чоппер на плоской гальке треугольной формы; 6 – массивный галечный отщеп

Рис. 4.50. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Местонахождение указано стрелкой. Вид с реки с юго-востока. Фото В.Г. Котова, 2013 г.

Рис. 4.51. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Вид на вход в пещеру с юга. Фото А.Г. Соколова, 1973 г.

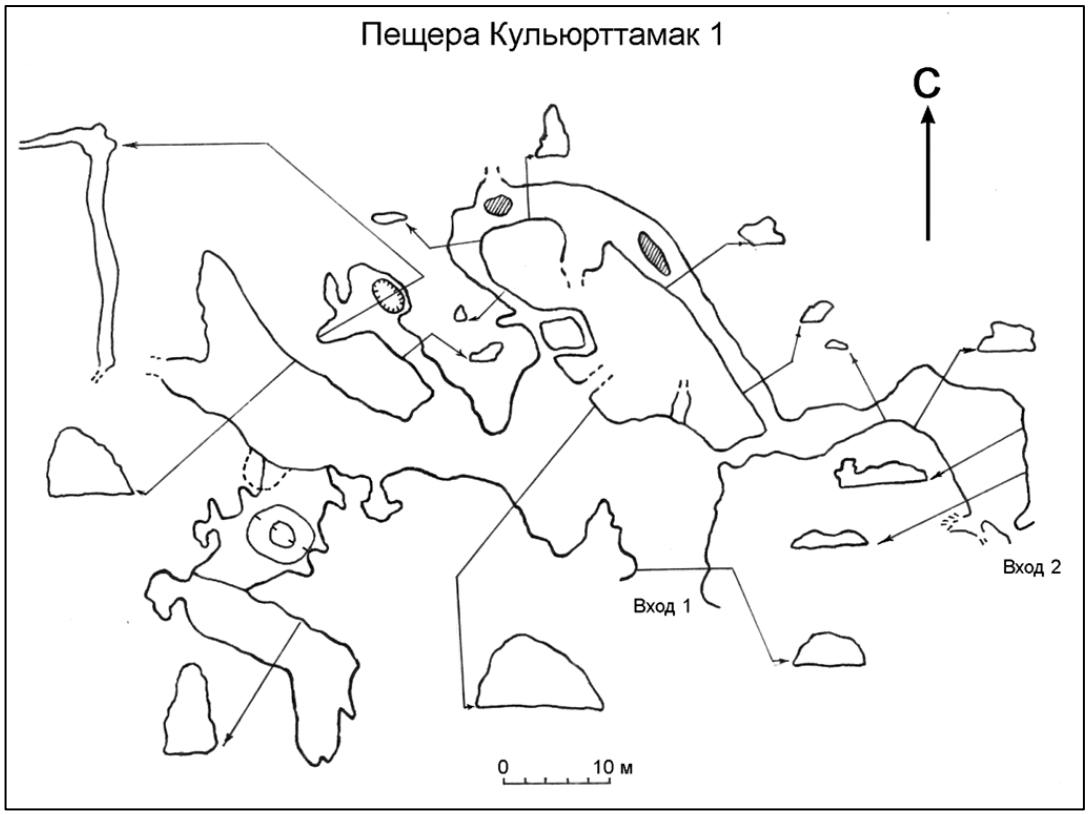

Рис. 4.52. Пещера Кульюрт-Тамак-1. План (по А.И. Смирнову)

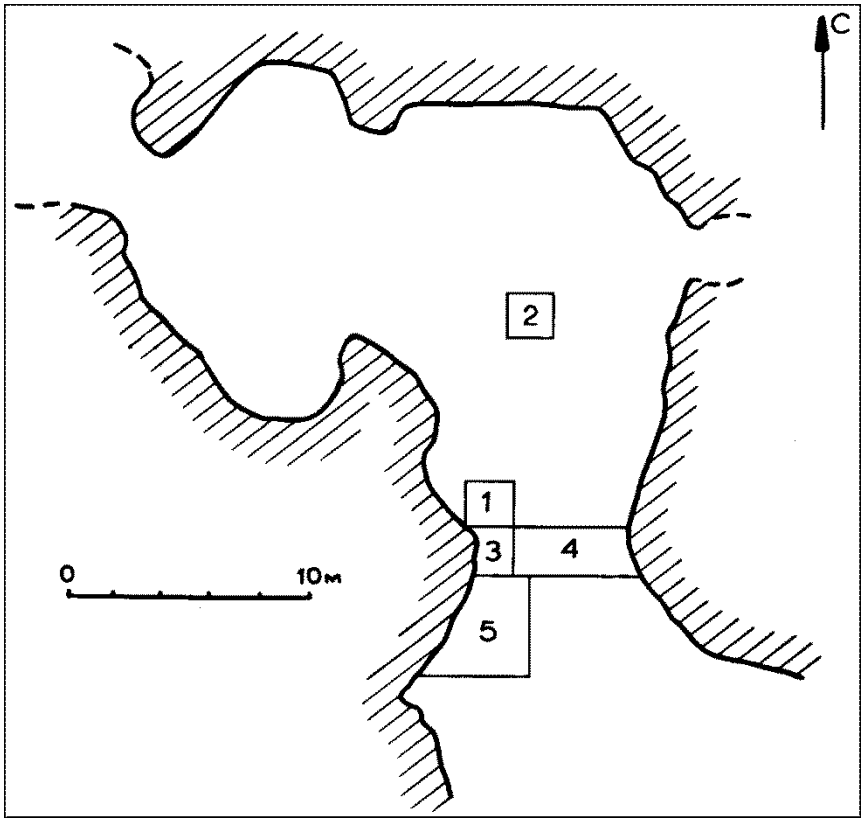

Рис. 4.53. Пещера Кульюрт-Тамак-1. План двух залов с шурфами и раскопами (по О.Н. Бадеру): 1, 2 – шурфы 1961 г., 3 – раскоп 1965 г., 4 – траншея 1968 г., 5 – раскоп 1971 г.

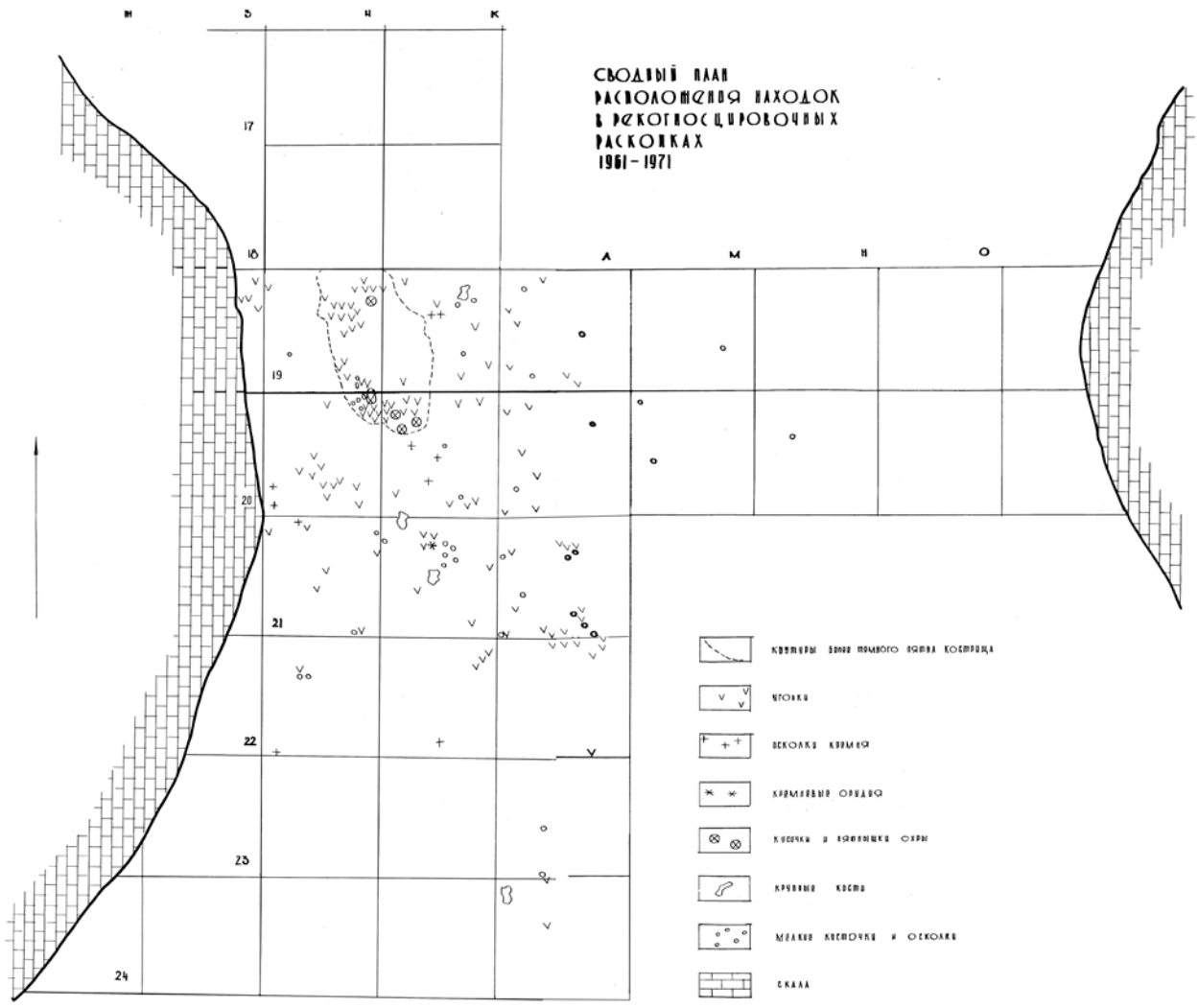

Рис. 4.54. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Сводный план расположения находок в раскопах 1961-1971 гг. (по Бадеру, 1971)

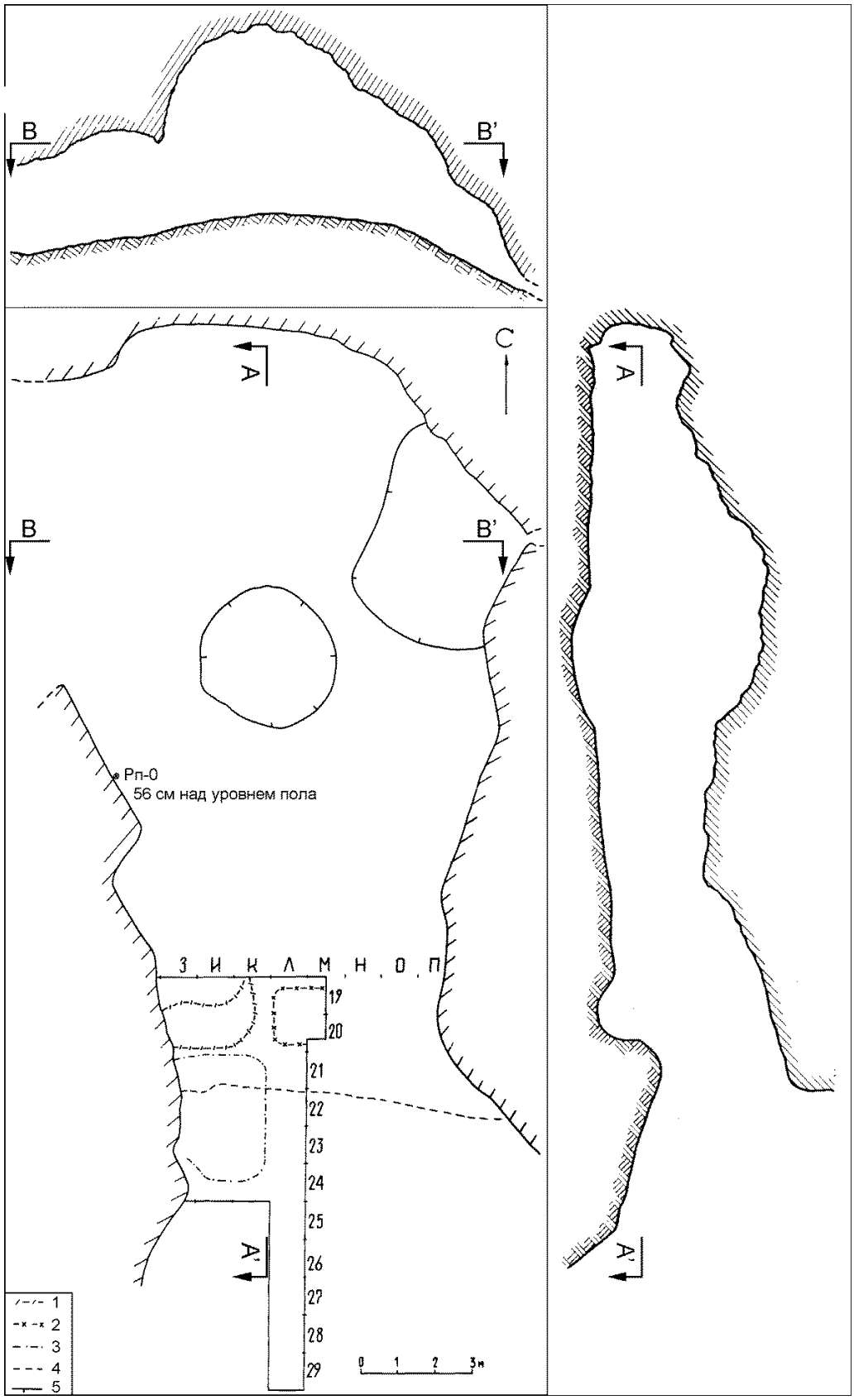

Рис. 4.55. Пещера Кульюрт-Тамак-1. План первого зала с раскопом 1987-88 гг. (по Нехорошеву, Гире, 2004): А-А’ – продольный профиль, В-В’ – поперечный профиль. Условные обозначения: 1 – нижняя граница раскопа 1965, 2 – нижняя граница траншеи 1968 г., 3 – нижняя граница раскопа 1971 г., 4 – капельная линия, 5 - горизонталь

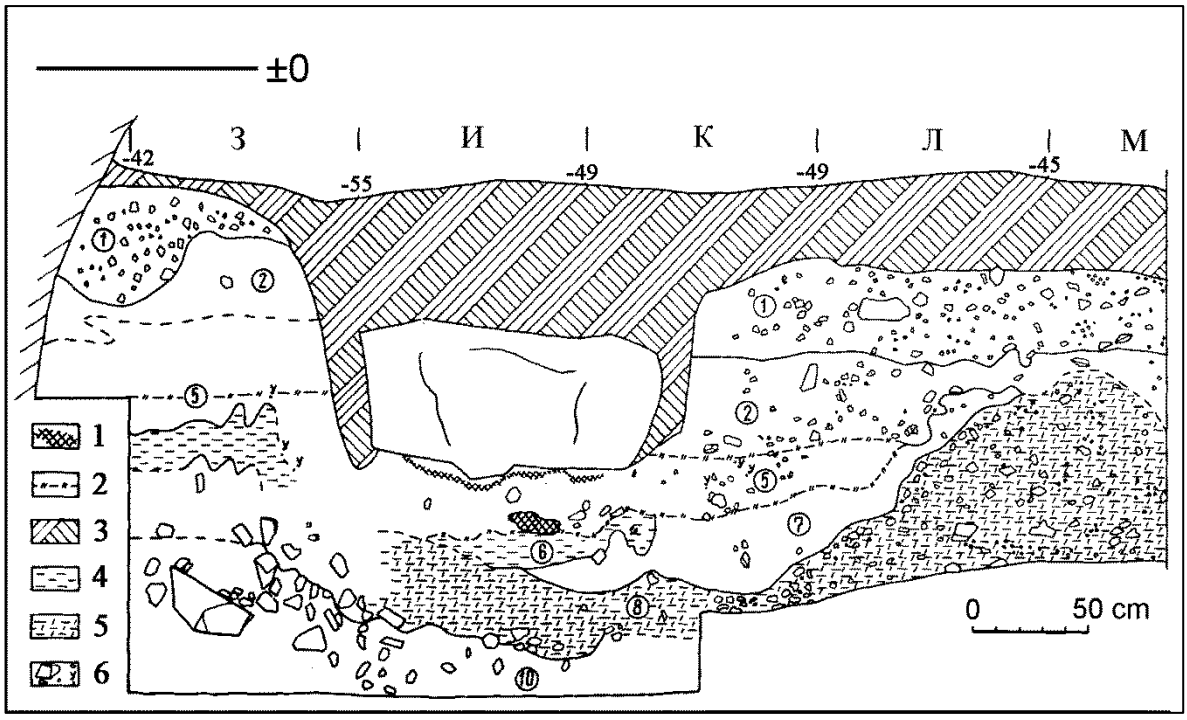

Рис. 4.56. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Разрез отложений по северной стенке раскопа 1965 г. и части траншеи 1968 г. (по Нехорошеву, Гире, 2004). Условные обозначения: 1 – зольные пятна, 2 – граница культурного слоя, 3 – насыпной грунт, 4 – известняковая дресва, 5 – известняковая дресва и крошка, 6 – камень, щебень, угольки

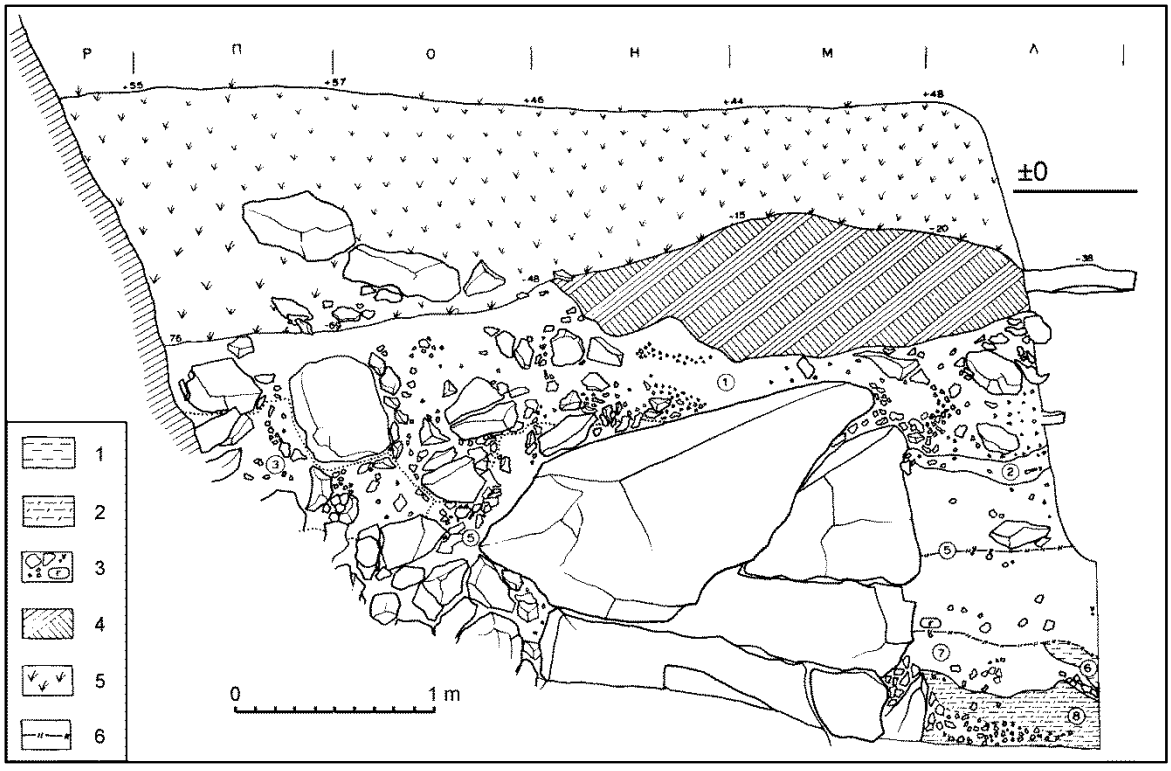

Рис. 4.57. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Разрез отложений по южной стенке траншеи 1968 г. (по Нехорошеву, Гире, 2004). Условные обозначения: 1 – известняковая дресва, 2 – дресва и крошка, 3 – камень, щебень, угольки, 4 – насыпной грунт, 5 – дневная поверхность, 6 – граница культурного слоя

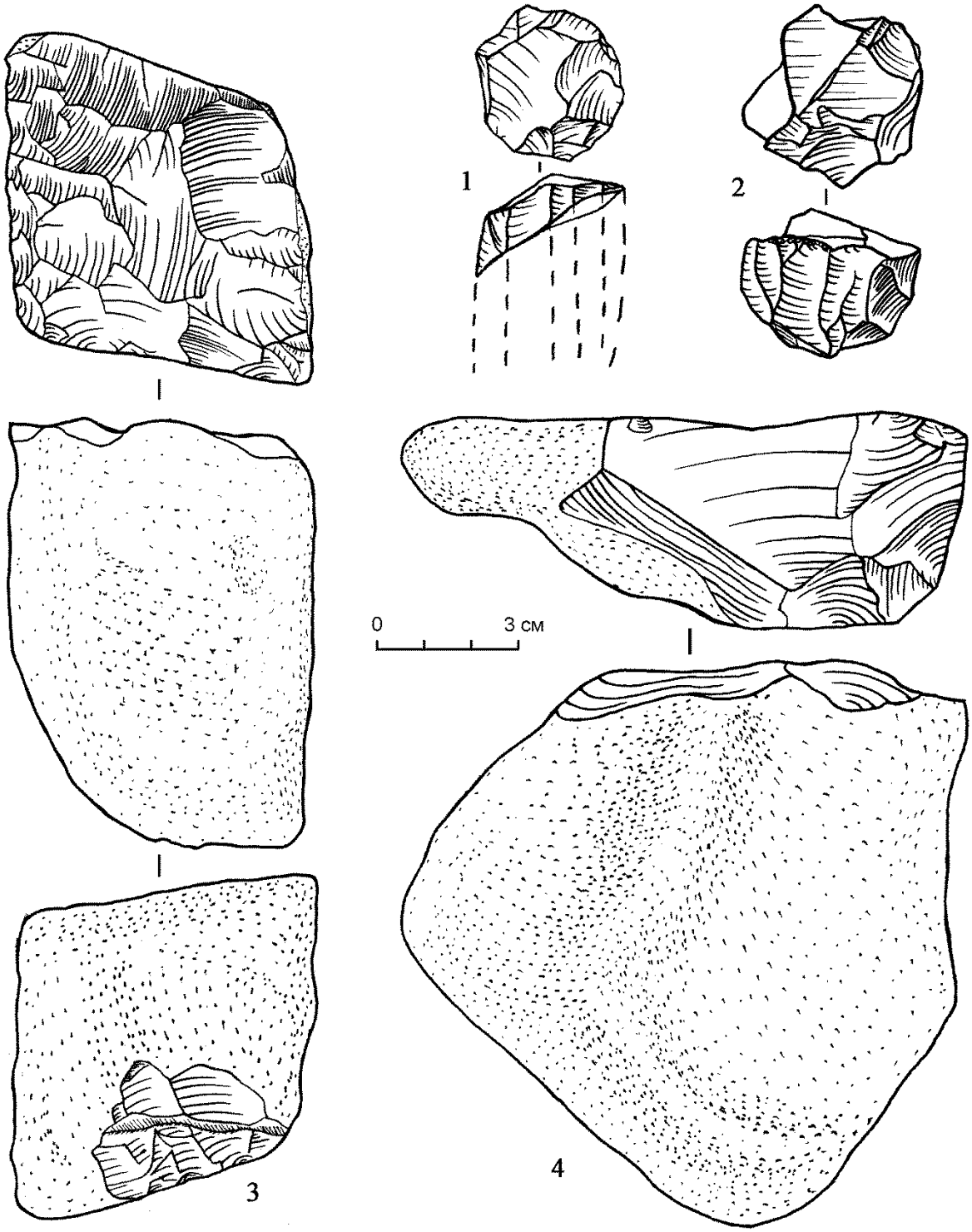

Рис. 4.58. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Каменные изделия (по Нехорошеву, Гире, 2004): 1 – скол подправки нуклеуса, 2 – нуклеус, 3, 4 - пренуклеусы. Материал: 1, 2 – кремень, 3, 4 – кварцит

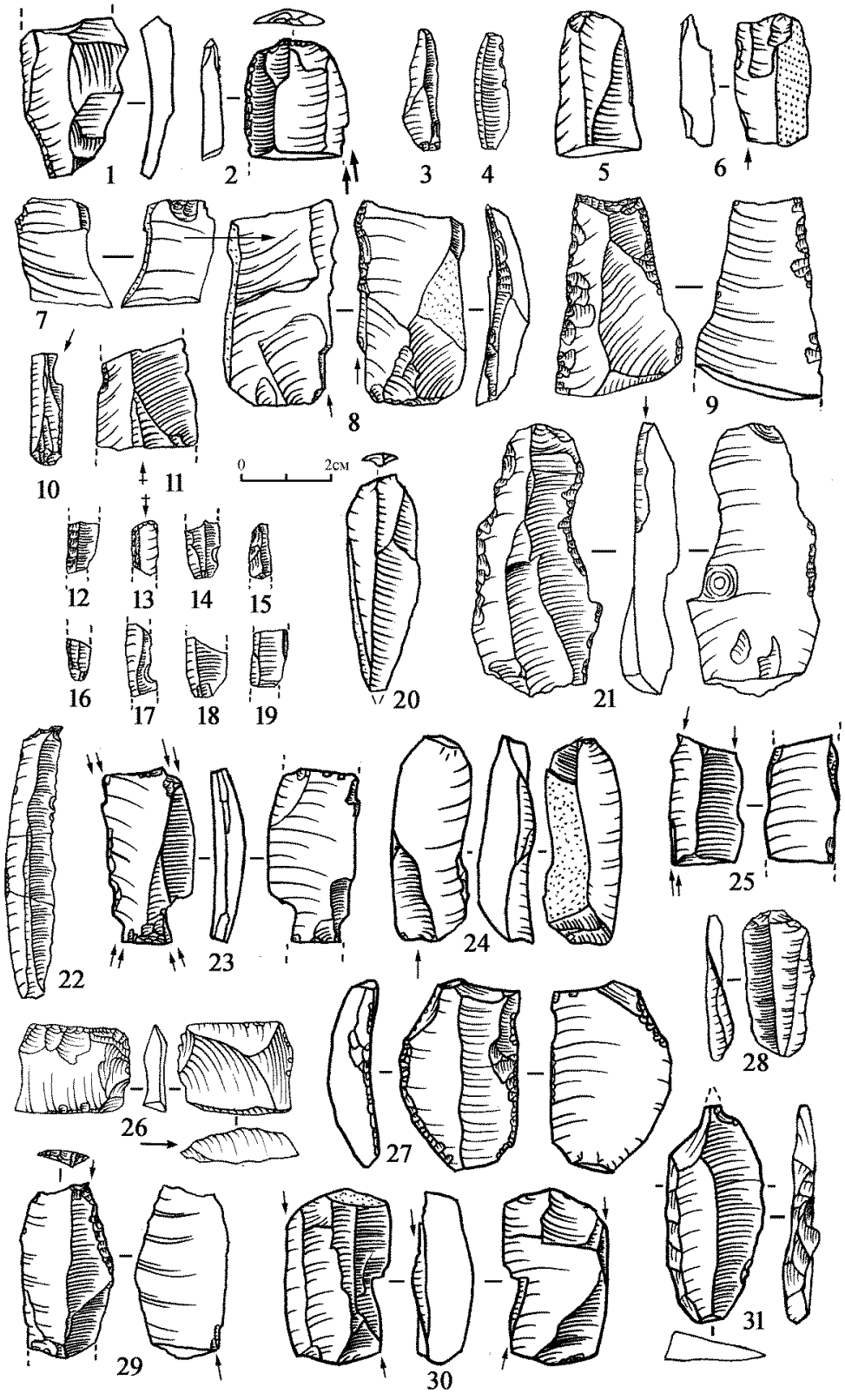

Рис. 4.59. Пещера Кульюрт-Тамак-1. Кремневые изделия (по Нехорошеву, Гире, 2004): 1, 5, 20 – пластины, 3, 4, 12-19 – пластинки, 2, 6, 10 , 23- 25 – резцы, 8, 26, 30 – долотовидные, 9, 21, 14 – пластины усеченные, 11 – фрагмент пластины с выемкой, 22 – орудие с шипом, 28 – пластина с чередующейся ретушью, 27 – клювовидное орудие, 31 - проколка

Рис. 4.60. Вход в пещеру Шульган-Таш (Каповую). Вид изнутри. Фото В.Г. Котова

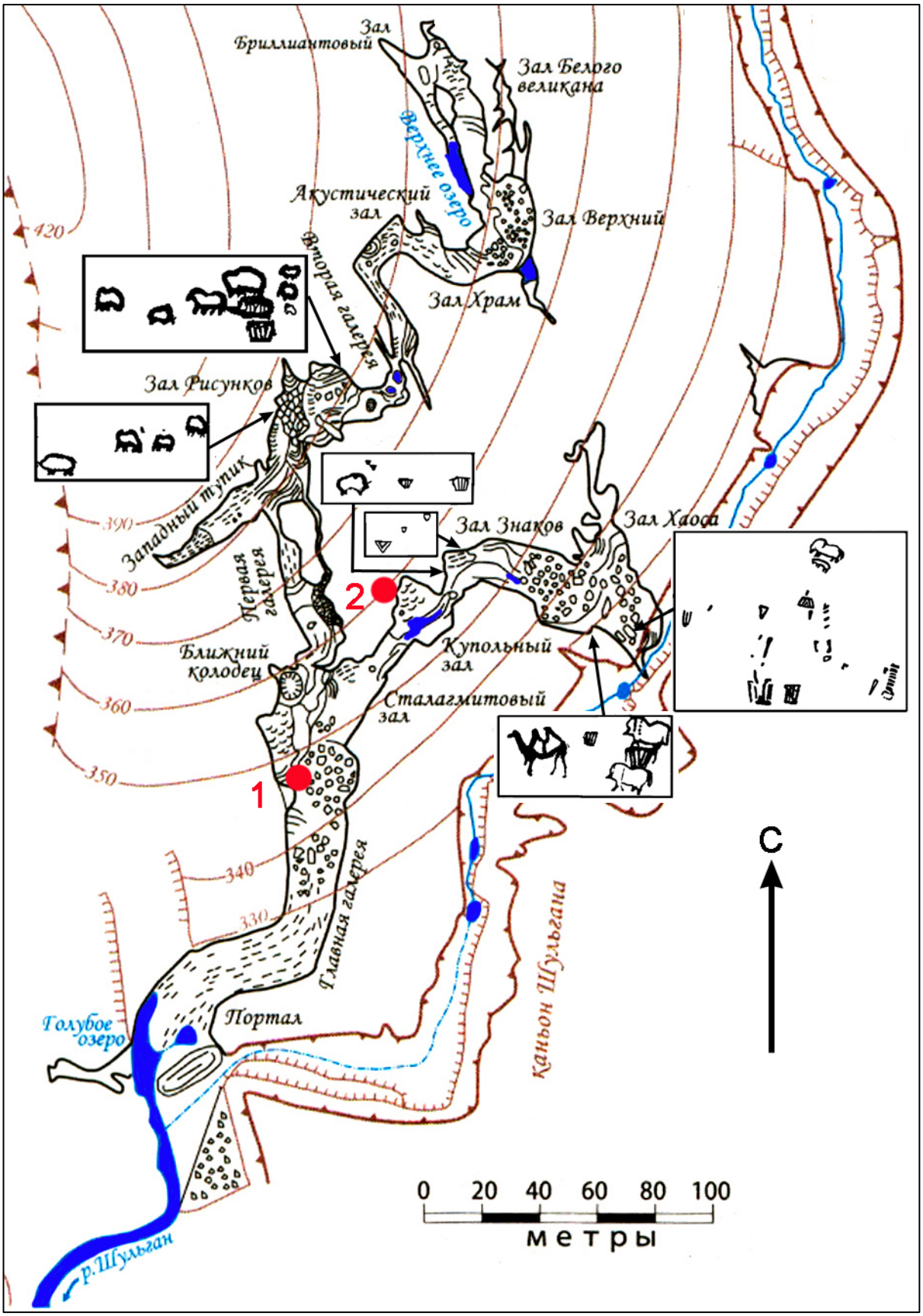

Рис. 4.61. Пещера Шульган-Таш (Каповая). План пещеры с рельефом местности и схемами размещения рисунков (основа по Ляхницкому, 2006 с добавлениями автора). Красными точками обозначены гравировки

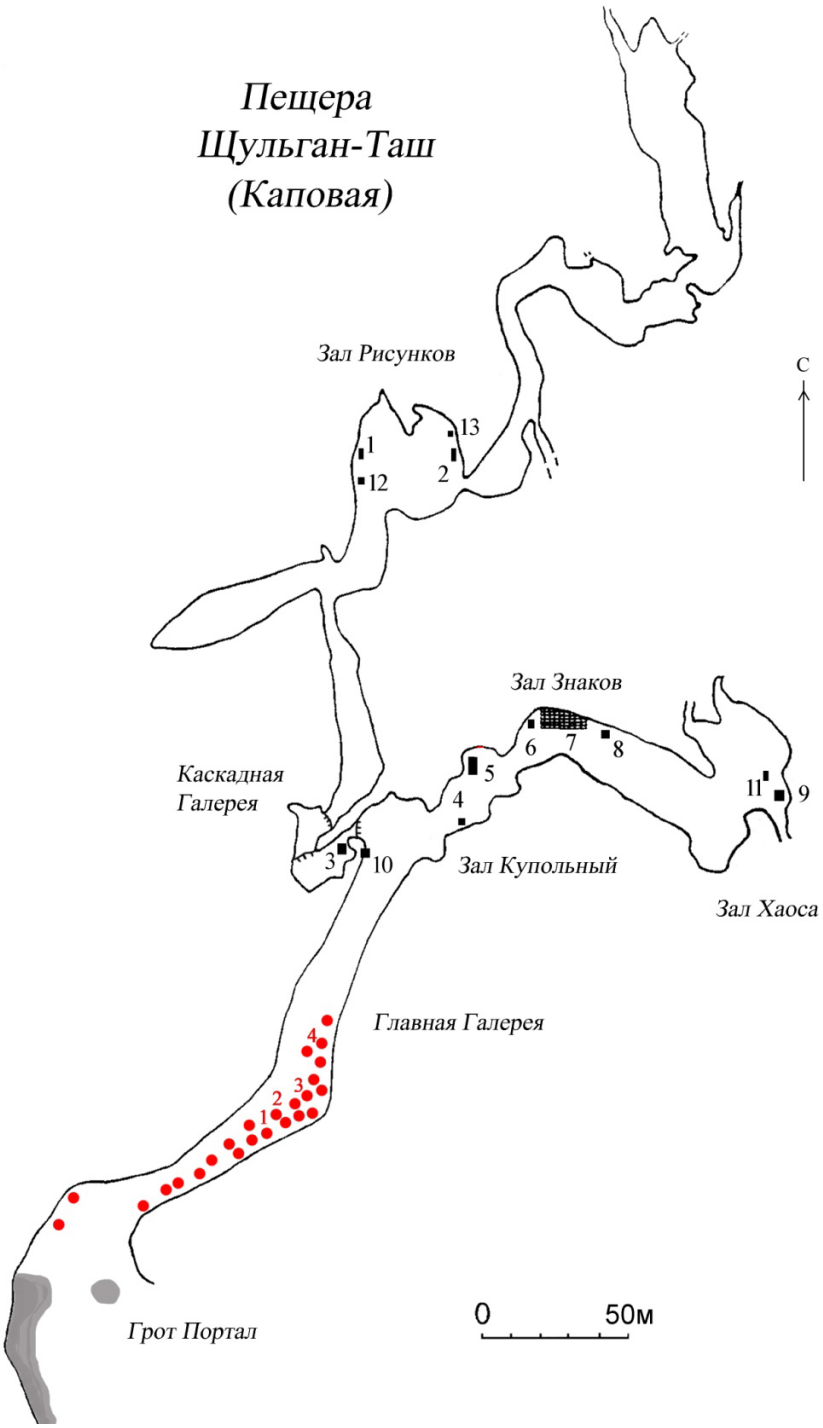
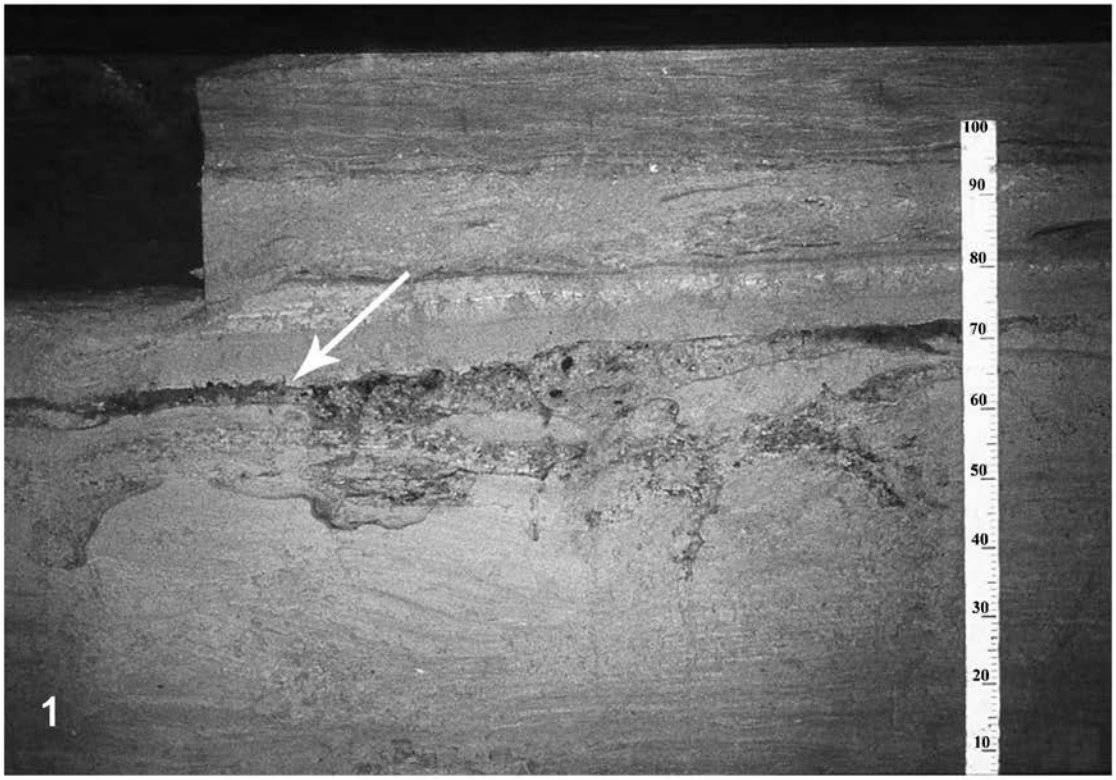

Рис. 4.62. Пещера Шульган-Таш (Каповая). Схематический план (по Щелинскому, 1996) с указанием цифрами мест шурфов и раскопов: 1, 2 – шурфы О.Н. Бадера (1961 и 1978 гг.) и Т.И. Щербаковой (2004 и 2005 гг.) в зале Рисунков, 3 – раскоп 1 на Балконе Каскадной галерее, раскопки В.Г. Котова (2008-2015 гг.), 4 – шурф В.С. Житенева в Купольном зале (2009), 5 – раскопы В.Г. Котова (2009-2011 гг.) и В.С. Житенева (2010-2018 гг.) в Купольном зале, 6, 8 – шурфы 1 и 2 О.Н. Бадера (1961 г.) в зале Знаков, 7 – раскоп В.Е. Щелинского (1982-1989 гг.) в зале Знаков, 9 – шурф 1 В.Г. Котова (2011 г.) в зале Хаоса. Красными точками обозначены места находок костей животных (в Главной Галерее и в зале Купольном) и человека (в зале Купольном), точки с цифрами – места находок кремневых орудий

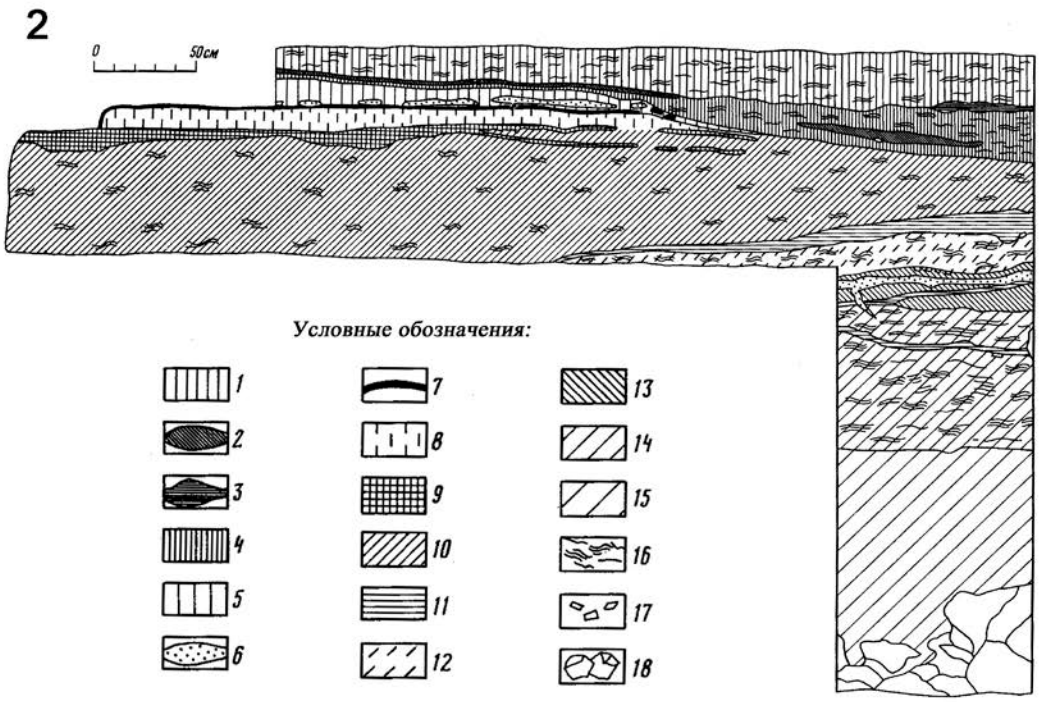

Рис. 4.63. Пещера Шульган-Таш (Каповая). Стратиграфия (по Щелинскому, 1990). Условные обозначения: 1 – суглинок коричневато-серый; 2 – прослойка буровато-коричневого суглинка; 3 – прослойка сизо-серой глины; 4 – суглинок серый; 5 – суглинок коричневый; 6 – прослойка песка; 7 – совмещенные прослойки черного сажистого и красновато-коричневого охристого вещества; 8 – суглинок кориченевато-серый; 9 – культурный слой верхнего палеолита; 10 – суглинок светло-коричневый; 11 – глина буровато-коричневая; 12 – суглинок желтовато-коричневый; 13 – суглинок коричневый; 14 – суглинок коричневый с буроватым оттенков; 15 – суглинок коричневый неслоистый; 16 – обозначение слоистости; 17 – кальцитовые натеки; 18 – глыбы известняка

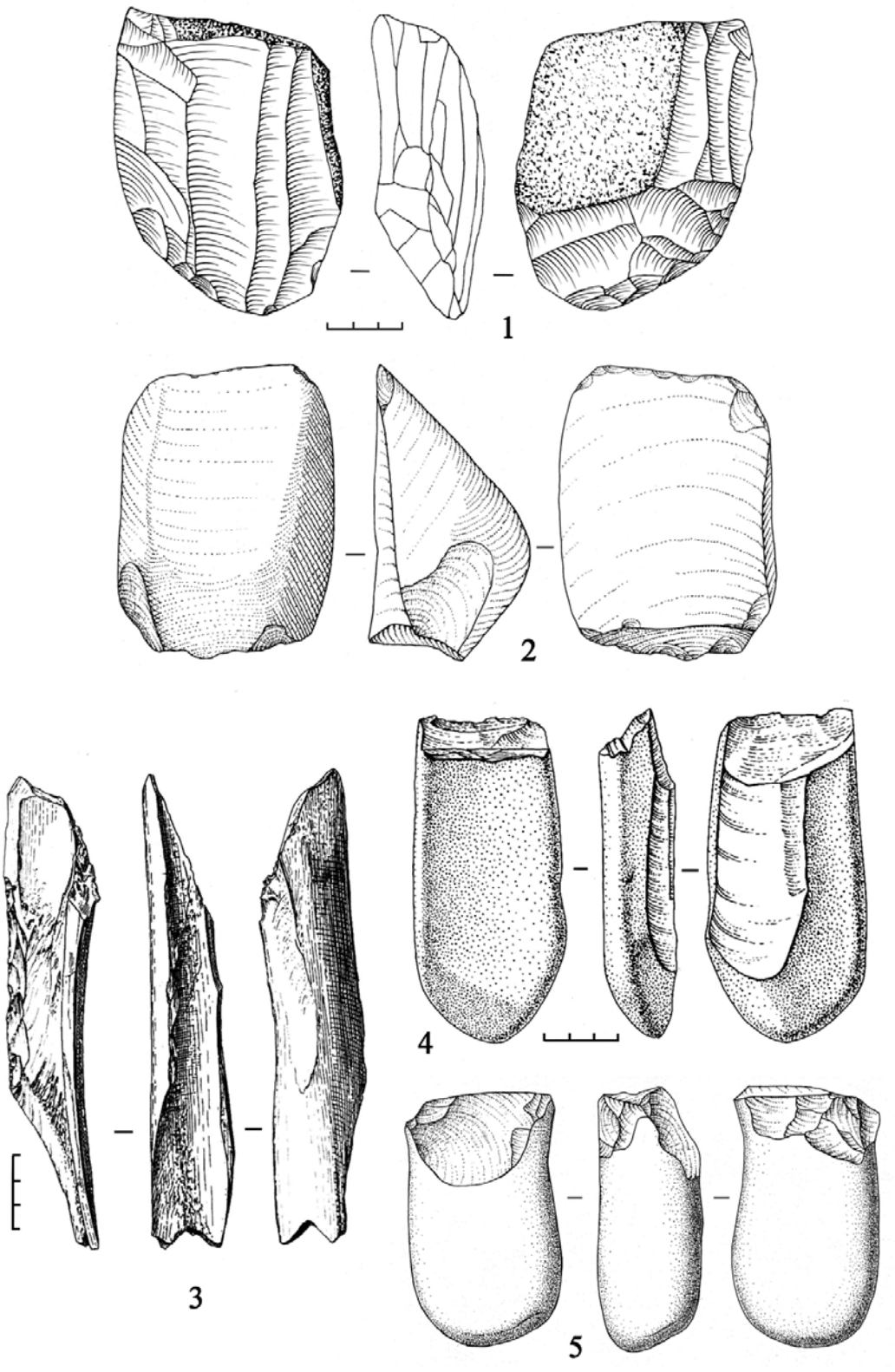

Рис. 4.64. Пещера Шульган-Таш (Каповая). Изделия из камня и кости. 1 - нуклеус из яшмы, обнаруженный в 1897 г. (по Матюшину, 1978); 2 - рубящее орудие с подправленной пяткой на расколотой гальке из кварцито-песчаника (Главная галерея, подъемный материал); 3 – нож из фрагмента трубчатой кости (по: Щелинскому, 2016); 4 – рубящее орудие на гальке из кварцито-песчаника; 5 – нуклевидное изделие на гальке из кварцито-песчаника (по Щелинскому, 1984)

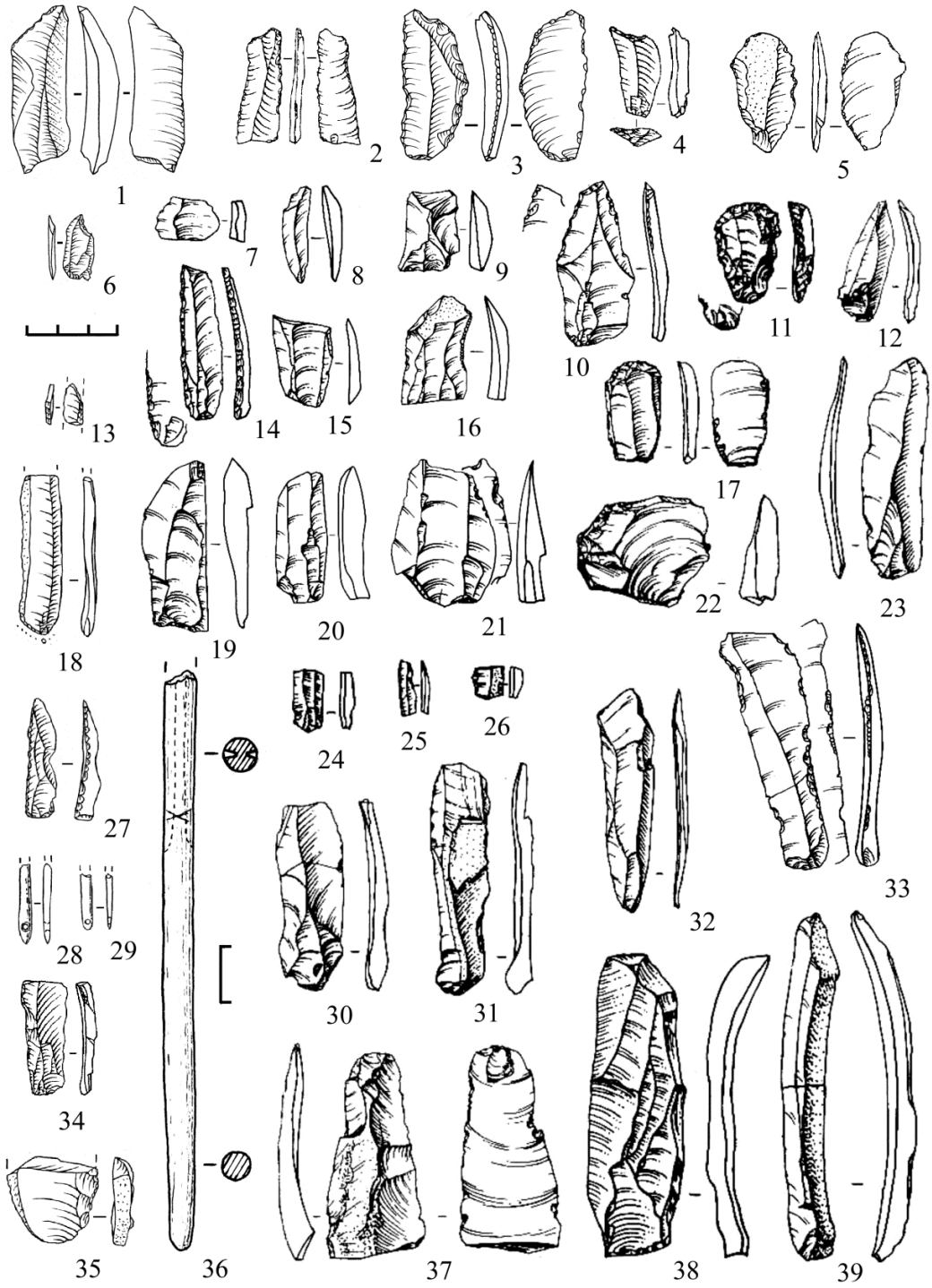

Рис. 4.65. Пещера Шульган-Таш (Каповая). Изделия из камня и кости: 1, 6 – пластины с ретушью; 2 – орудие с шипом на пластине, 3 – пластина с ретушью; 4 - острие на отщепе из серой яшмы; 5 - пластинчатый отщеп с ретушью; 7, 9 – отщепы; 8, 24 – пластинки; 10 – пластина с усеченным ретушью концом; 11, 17 – скребки концевые; 19 – пластина с обработанным ретушью концом; 12, 20, 23, 30-32, 37-39 – пластины; 14 – острие типа граветт (наконечник стрелы?); 13 – фрагмент пластинки с притупленной спинкой; 15 – фрагмент пластины с резцовым сколом; 16, 13 – выемчатые орудия на пластинах; 18 – пластина; 21 – зубчатое орудие на отщепе; 22 – отщеп с ретушью; 25, 26 – пластинки с притупленной спинкой; 27 – острие типа граветт; 28, 29 – фрагменты игл из кости; 34 – пластина с ретушью; 35 - фрагмент пластины с ретушью; 36 – наконечник стрелы игловидный с двумя пазами. Материал: 1, 4, 5, 13 – яшма серая, 2, 3, 6, 18 – кремень черный, 34 – кремень серый, 35 – яшма коричневая. 7-12, 14-17, 19-26, 30-33, 37-39 – зал Знаков, раскоп 1 (по Щелинскому, 2016)

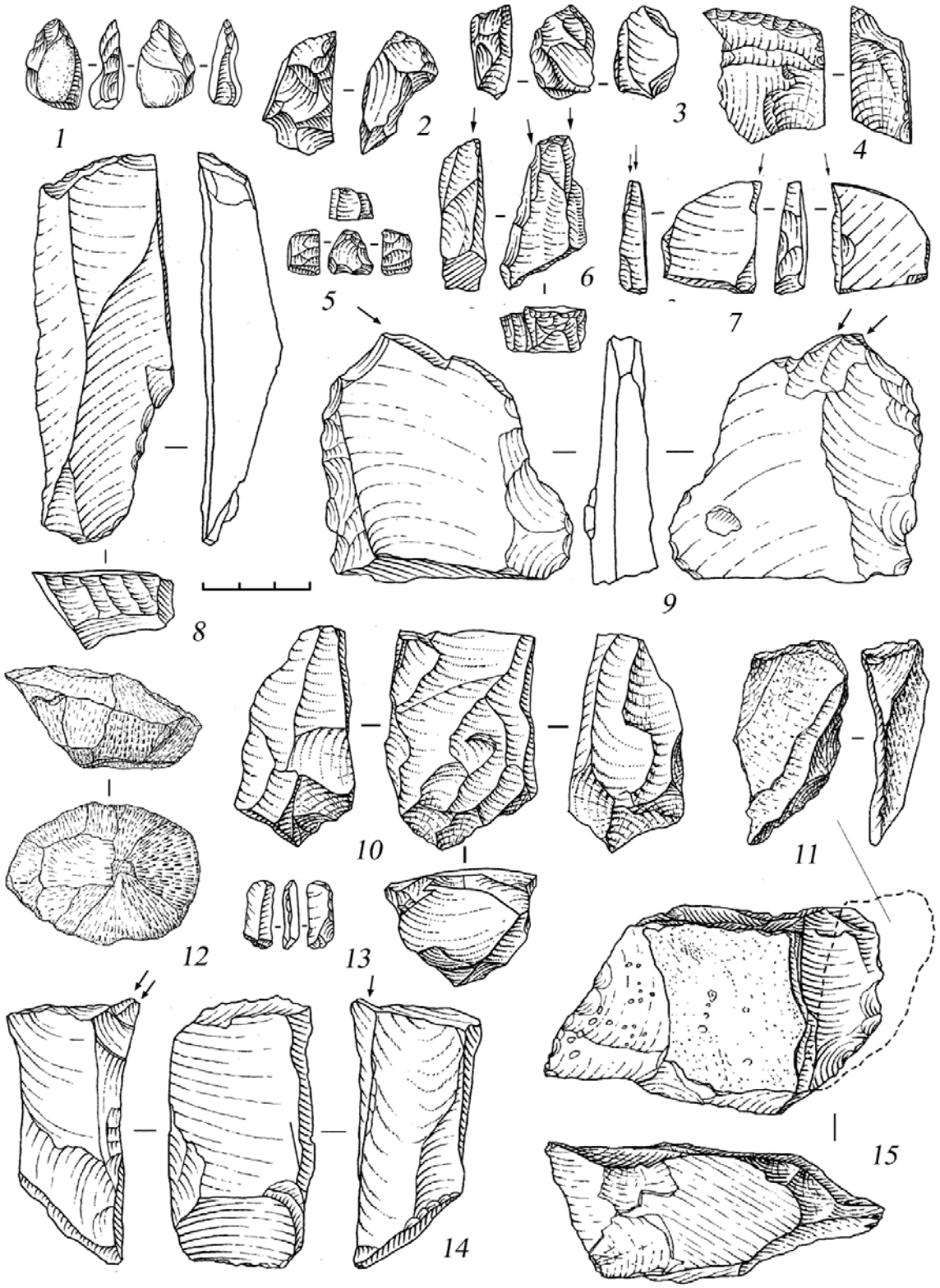

Рис. 4.66. Пещера Шульган-Таш (Каповая). Изделия из известняка и кальцита: 1 – резчик; 2 - скребок угловатый высокой формы; 3 – резчик; 4 – скребок с шипом; 5 – трансверсальный резец-резчик; 6 – скребок с рыльцем, выделенным с двух сторон резцовыми снятиями; 7 – резец боковой; 8 - двойной скребок концевой на массивной пластине; 9 - отщеп с ретушью по краю и резцовым сколом; 10 - нуклеус подпризматический; 12 – нуклевидное изделие из сталагмита; 13 – пластинка с боковой ретушью; 14 - нуклеус-скребок; 11, 15 - нуклевидное изделие из куска известняка и отщеп из известняка. Материал: 12 – кальцит, остальное – известняк

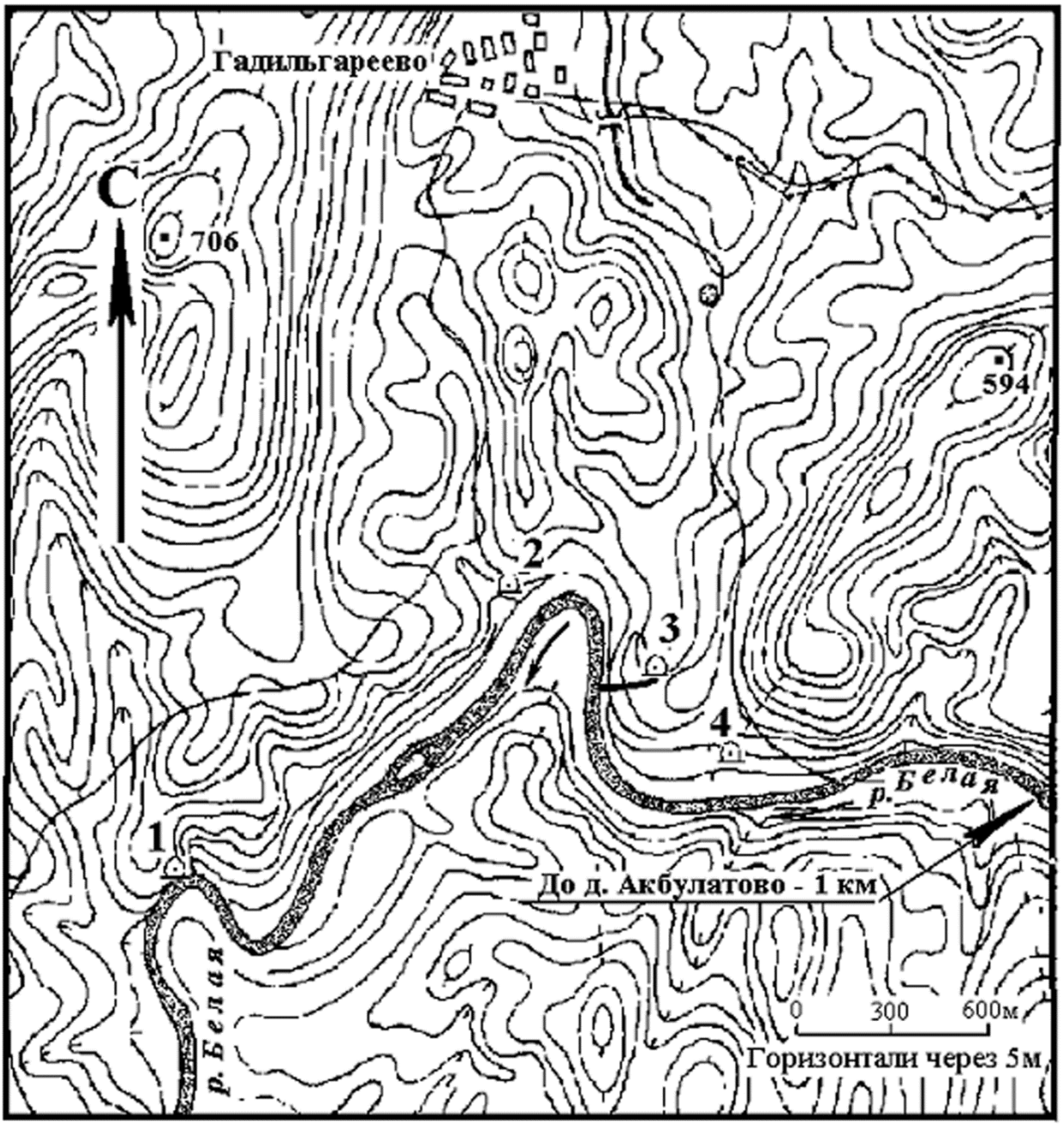

Рис. 4.67. Местонахождение пещер в Бурзянском районе в заповеднике “Шульган-Таш”. 1 – пещера Балатукай, 2 – пещера Кульюрт-Тамак (Космонавтов), 3 - пещера Шульган-Таш (Каповая), 4 - пещера Куалломат

Рис. 4.68. Пещера Балатукай. План и профиль (по Ю.В.Соколову)

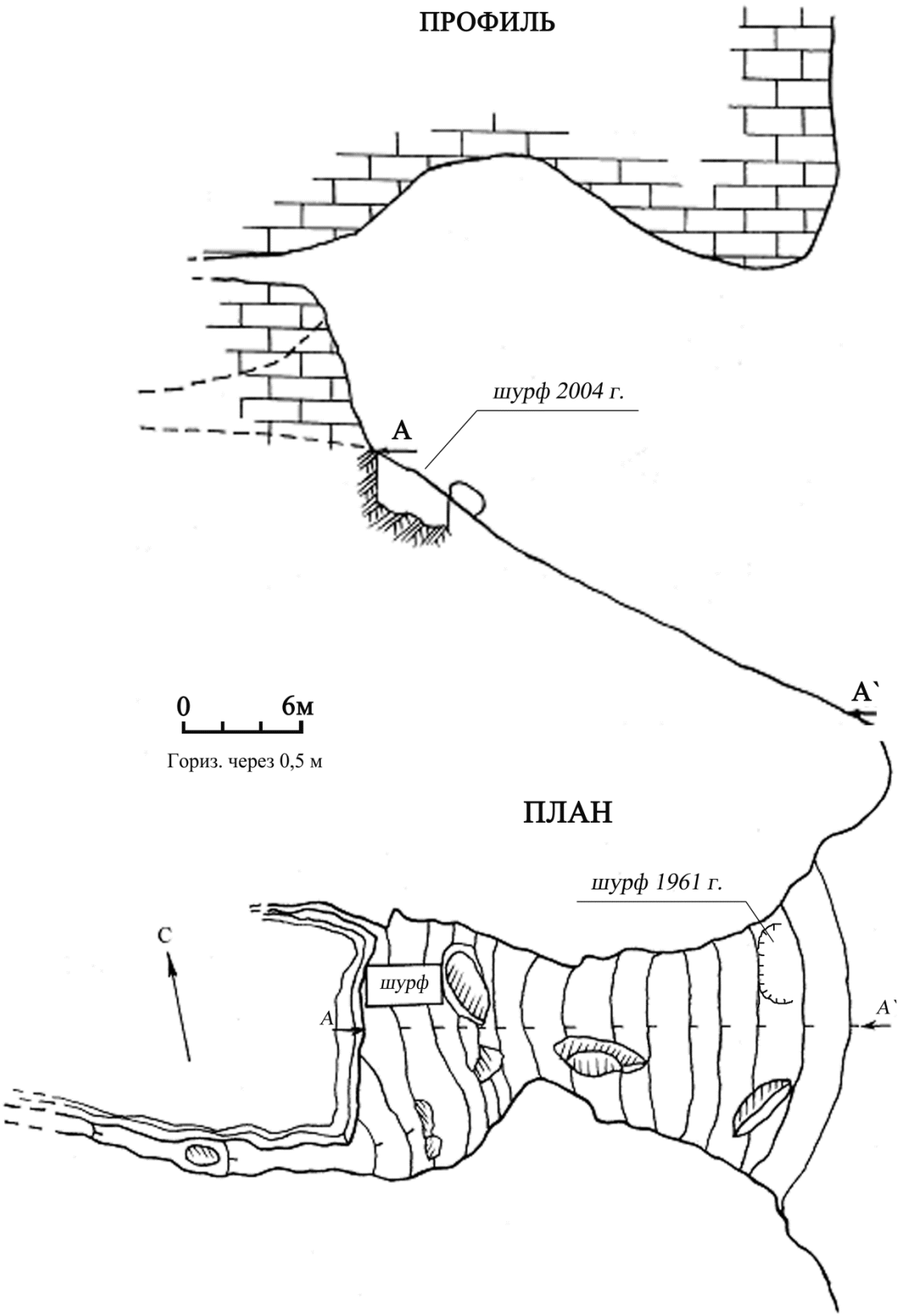

Рис. 4.69. Пещера Балатукай. Профиль и план входного грота (по Котову, 2004)

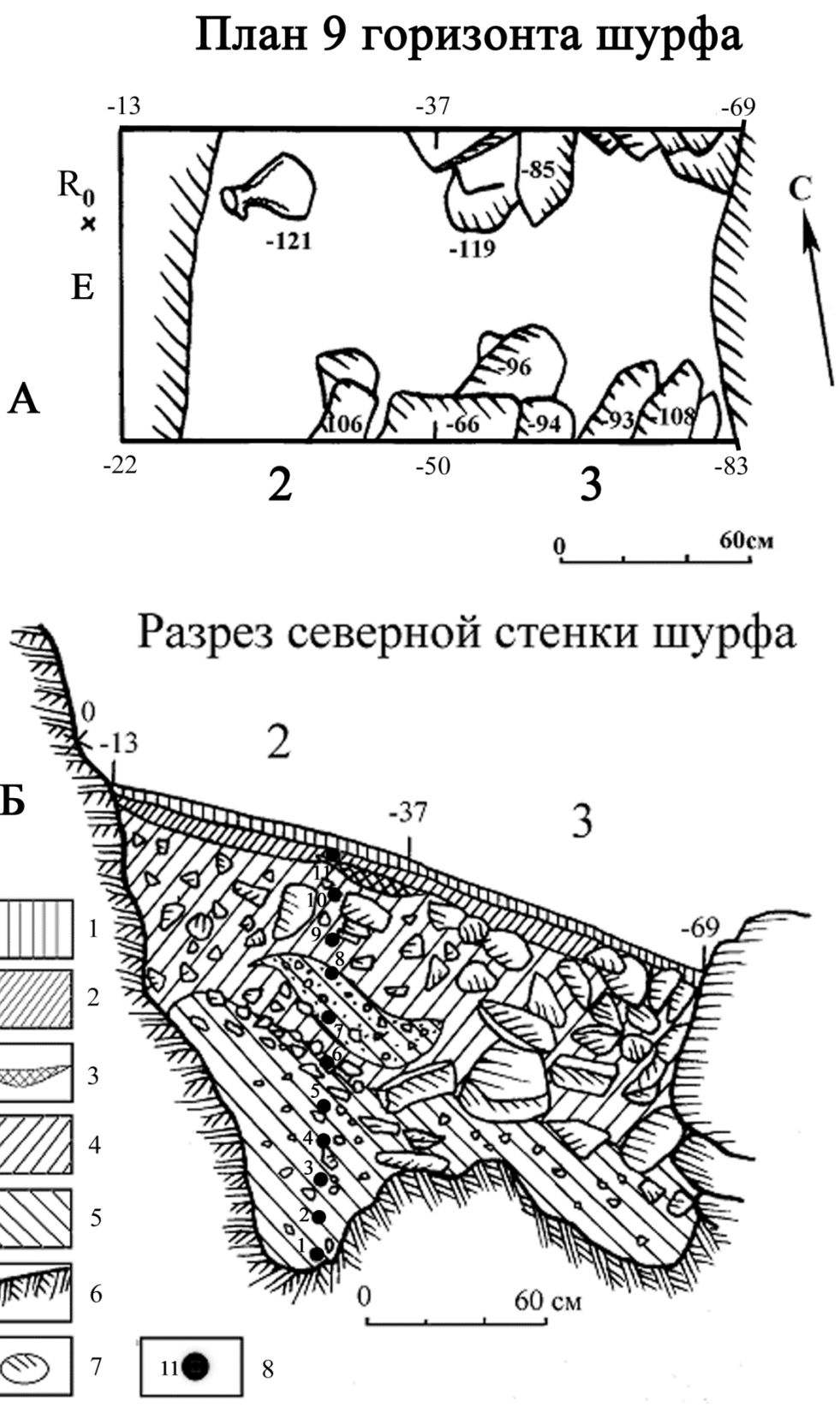

Рис. 4.70. Пещера Балатукай. План 9 горизонта шурфа 2004 г. и разрез северной стенки шурфа 1 (по Котову, 2004). Условные обозначения: 1 – серая пылеватая супесь, 2 – светло-серая пылеватая супесь, 3 – очажная прослойка, 4 – светло-серая пылеватая супесь со щебенкой, 5 – серовато-коричневая супесь с мелкой окатанной щебенкой, 6 – скала, 7 – камень, 8 – место взятия образцов для СП анализа

Рис. 4.71. Пещера Балатукай. Шурф 1. Нуклеусы из известняка

Рис. 4.72. Пещера Балатукай. Шурф 1. Орудия из камня и кости: 1 – резец боковой;. 2 – проколка; 3 – режущий инструмент; 4 – отщеп с ретушью. 1 – яшма, 2 – кость, 3 – бивень мамонта, 4 - известняк

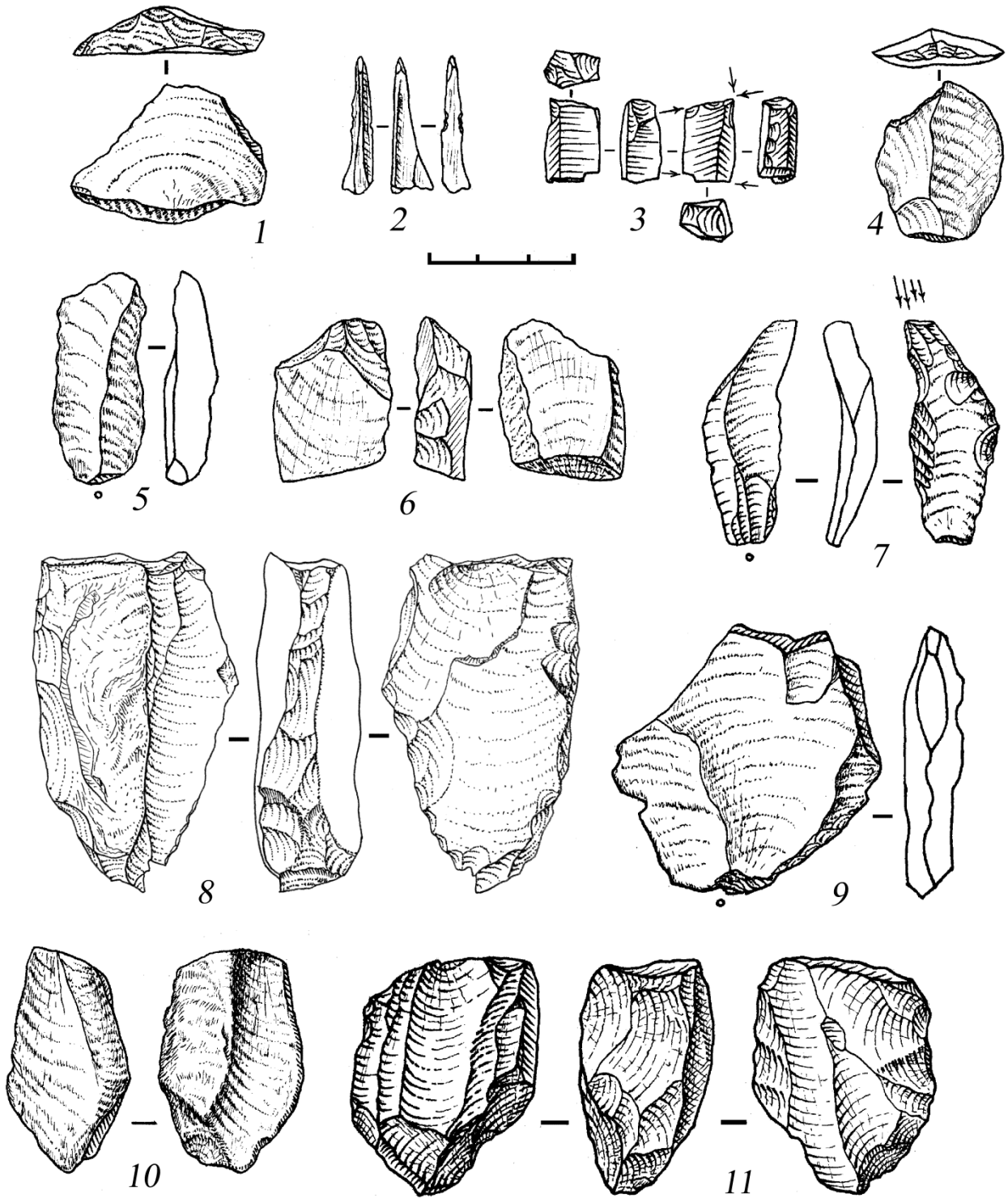

Рис. 4.73. Пещера Балатукай. Шурф 1. Орудия из камня и кости: 1 – отщеп; 2 – проколка; 3 – резец боковой; 4, 6, 8, 9 – отщепы с ретушью; 5 – пластина; 7 – резец многофасеточный; 10, 11 – нуклеусы. 1, 4-11 – известняк; 2 – кость; 3 - яшмы

Рис. 4.74. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Вид с востока

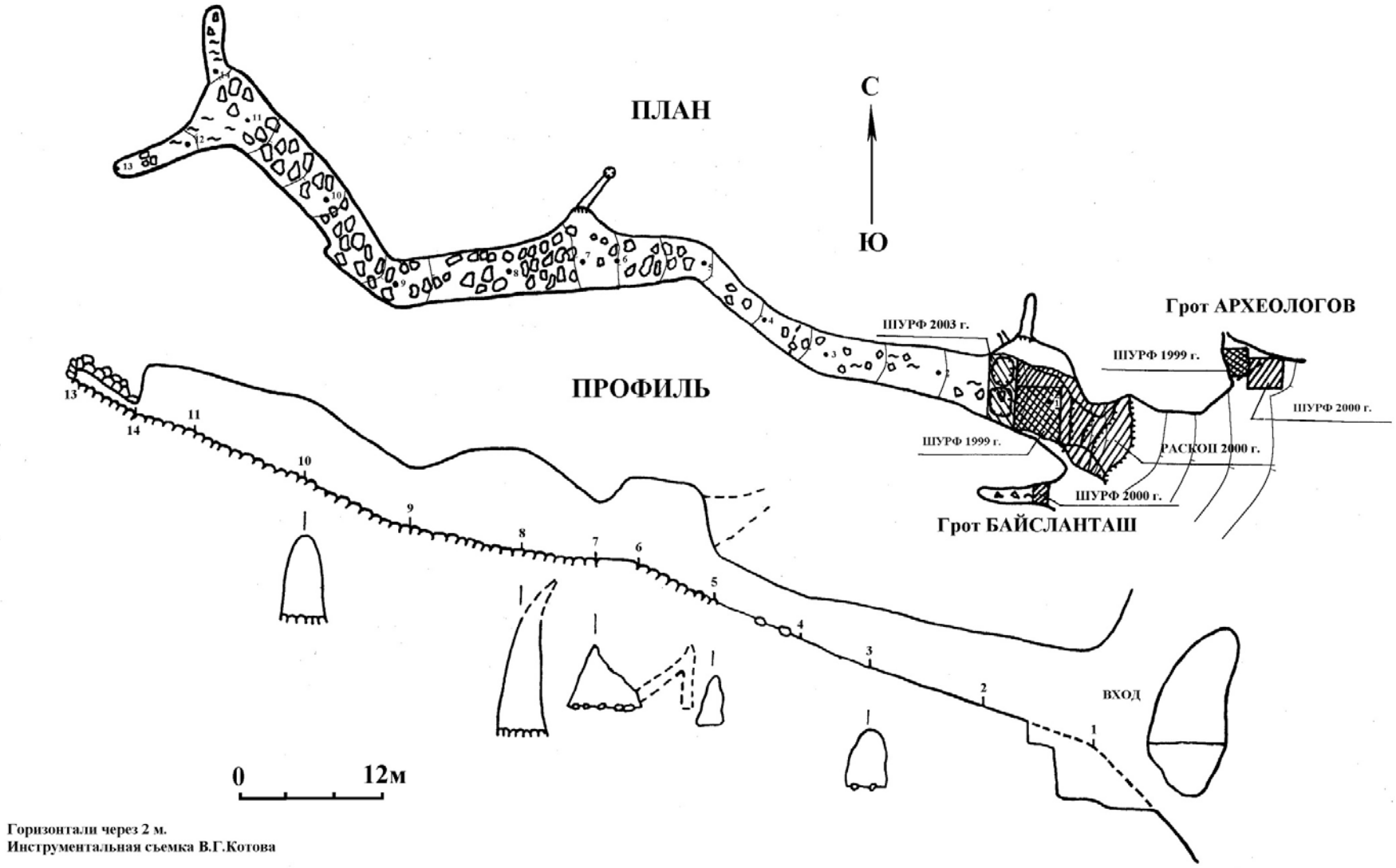

Рис. 4.75. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). План и профиль пещеры (по Котову, 2004)

Рис. 4.76. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Вид на западную стенку раскопа 2000 г. с востока

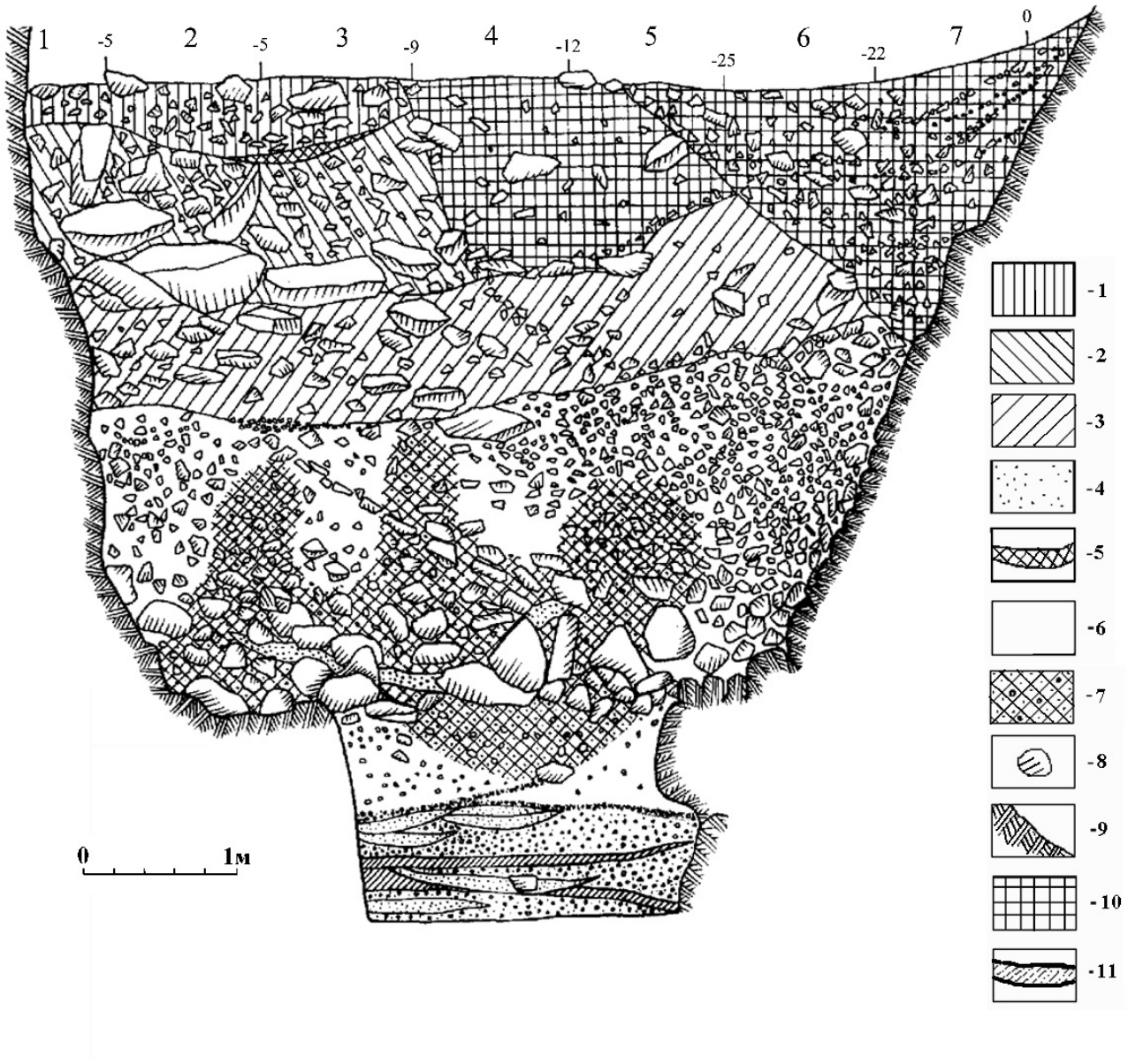

Рис. 4.77. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Разрез западной стенки раскопа 2000 г. (по Котову, 2004). Условные обозначения: 1 – гумус, 2 – серовато-бурый средний суглинок, 3 – светло-бурый средний суглинок, 4 – оранжевая супесь, 5 – углистая прослойка, 6 – бурый тяжелый суглинок, 7 – бурый тяжелый суглинок со щебенкой, 8 – камень, 9 – скала, 10 – зона перекопа, 11 – буровато-серый средний суглинок

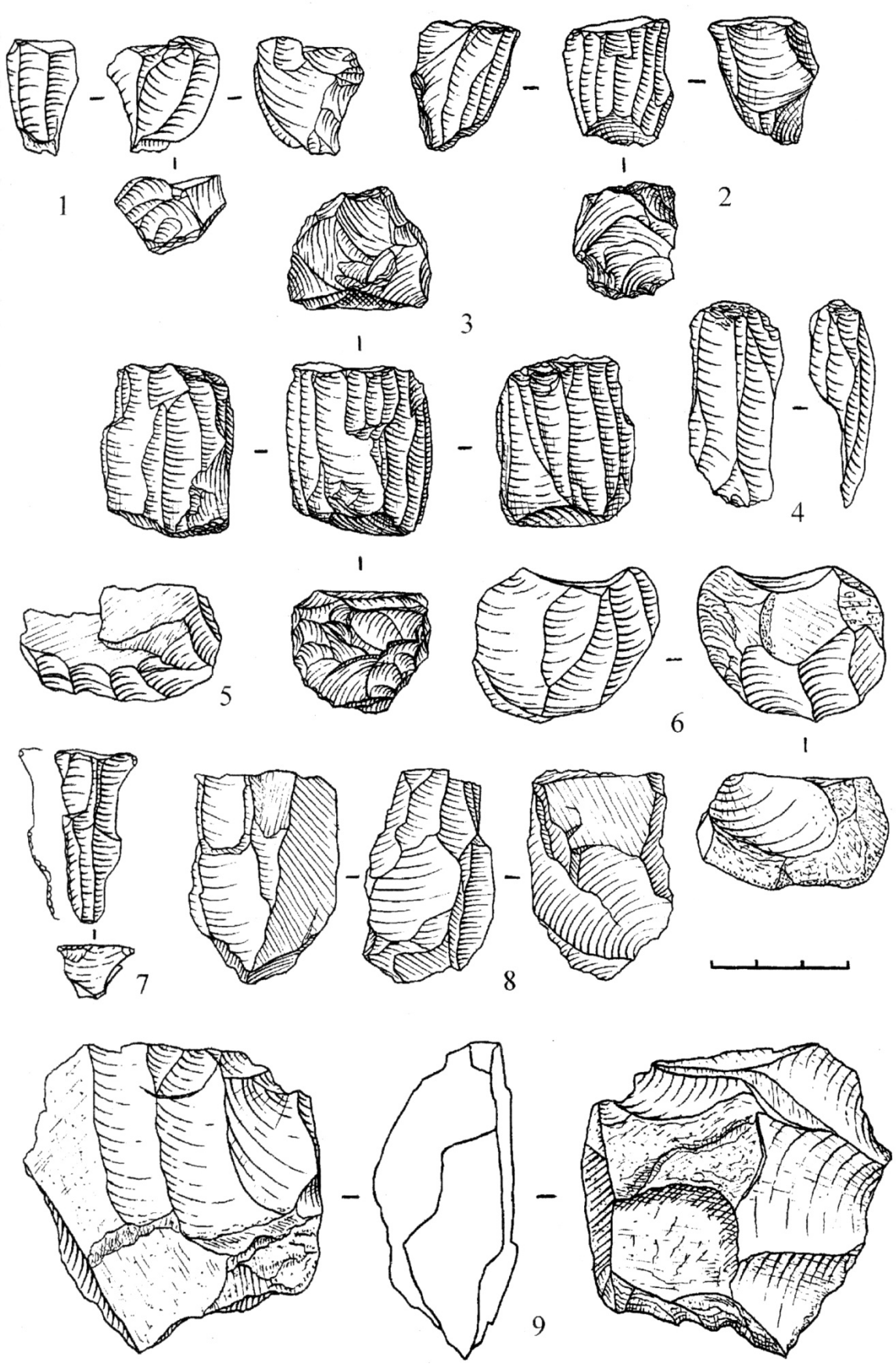

Рис. 4.78. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Нуклеусы

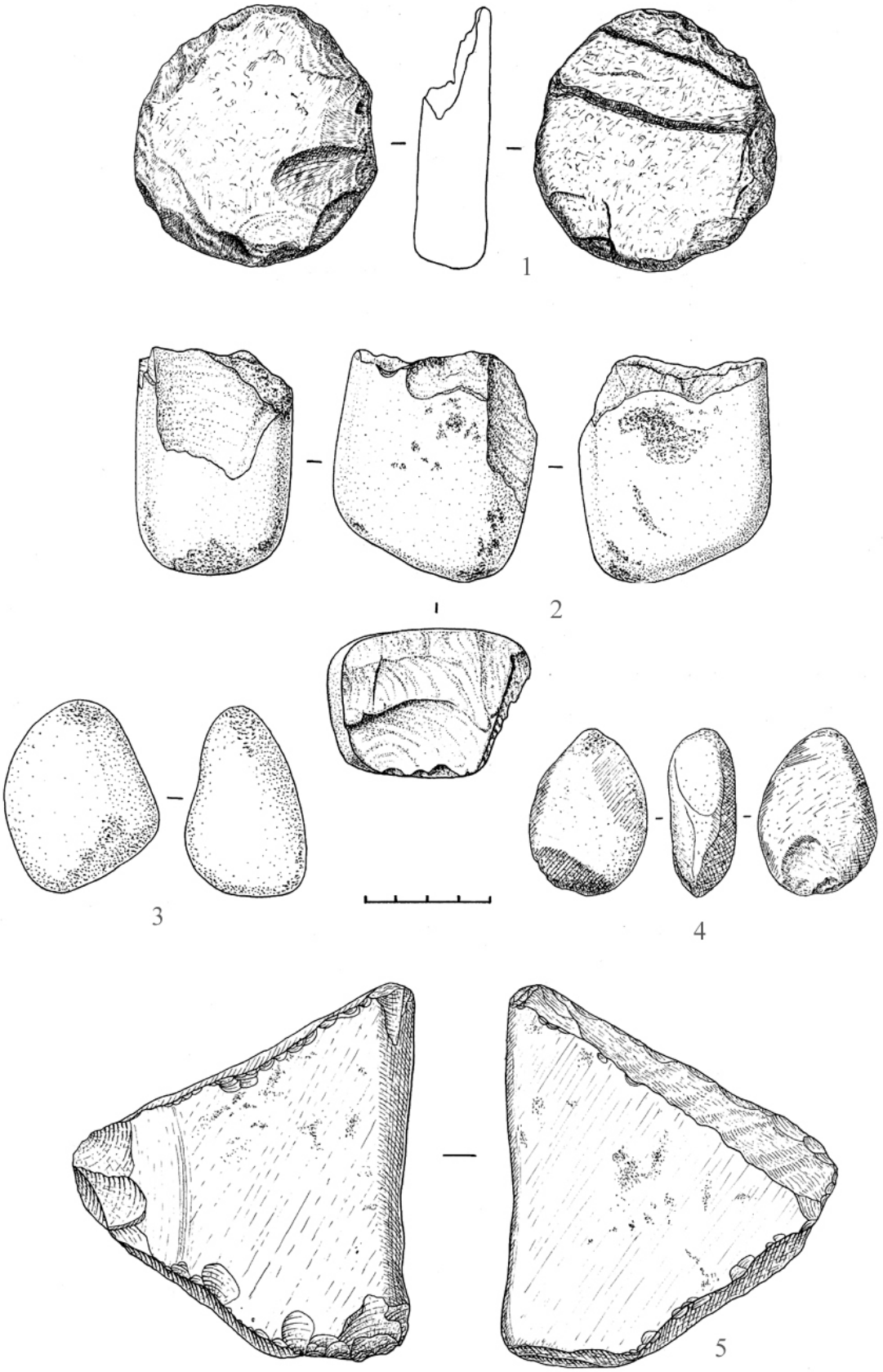

Рис. 4.79. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Каменные орудия: 1 – отбойник, 2 – нуклеус-отбойник, 3,4 – ретушеры, 5 – рубящее орудие-наковальня

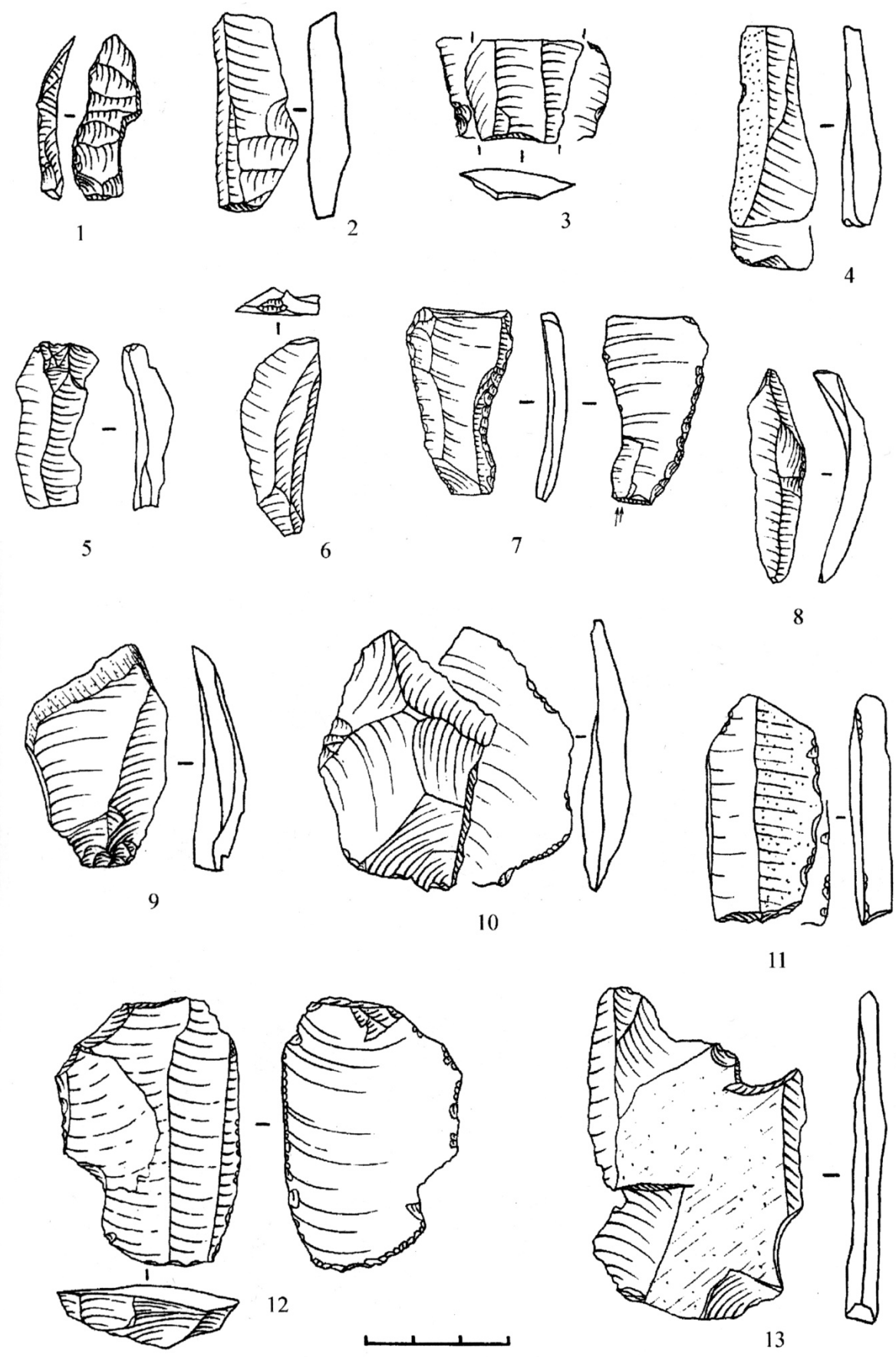

Рис. 4.80. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Каменные изделия: 1, 2, 8 - реберчатые сколы; 3-6, 11 – пластины; 7 – выемчатое орудие; 9, 10, 12, 13 - отщепы

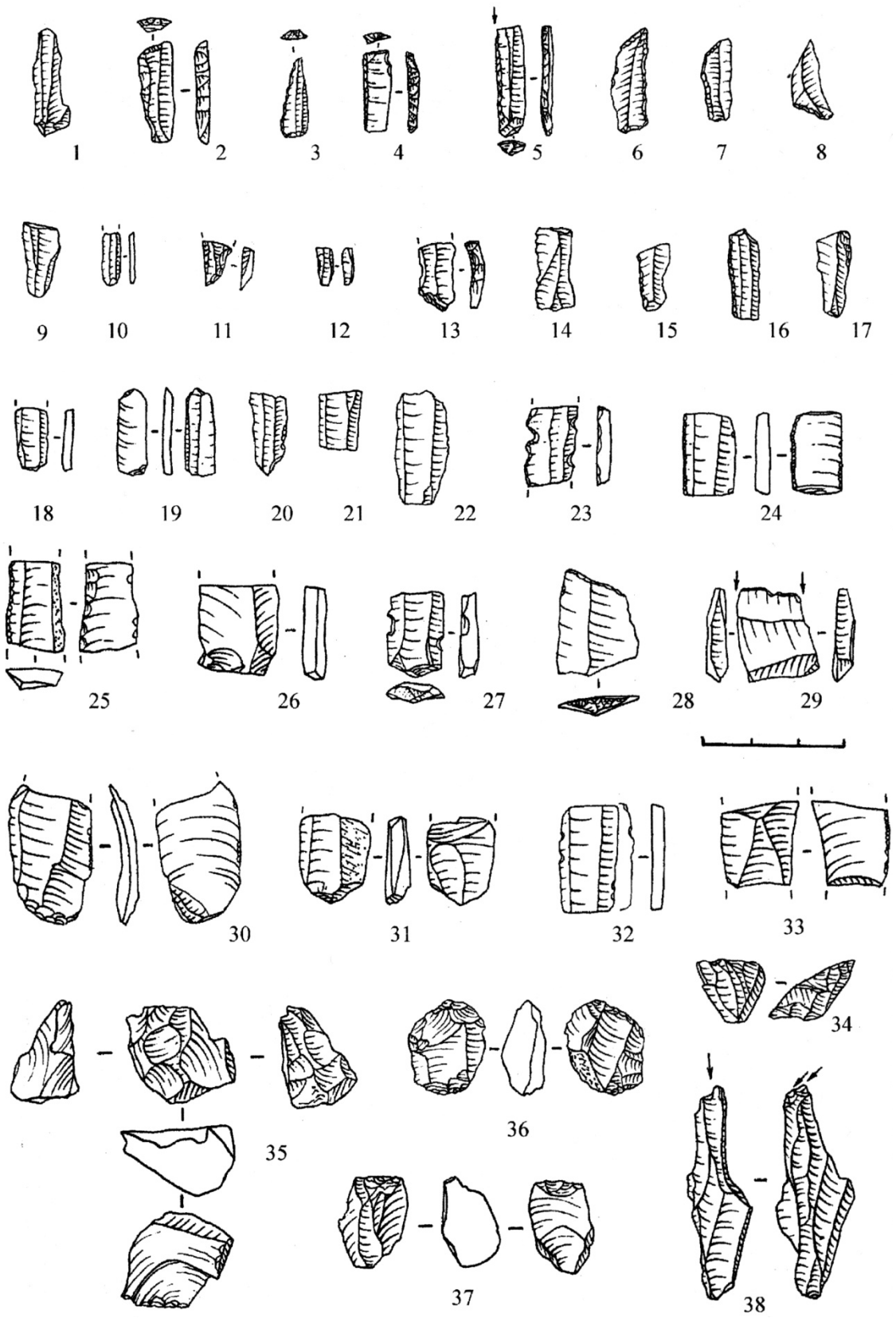

Рис. 4.81. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Каменные изделия: 1, 9, 10, 12, 14, 15, 17-19 – микропластины, 2 – 8, 11, 13 – микролиты, 20-22,27, 30-33 – фрагменты пластин, 16, 23–25 – пластины с ретушью, 28 - усеченная ретушью пластина, 34-38 – вторичные нуклеусы

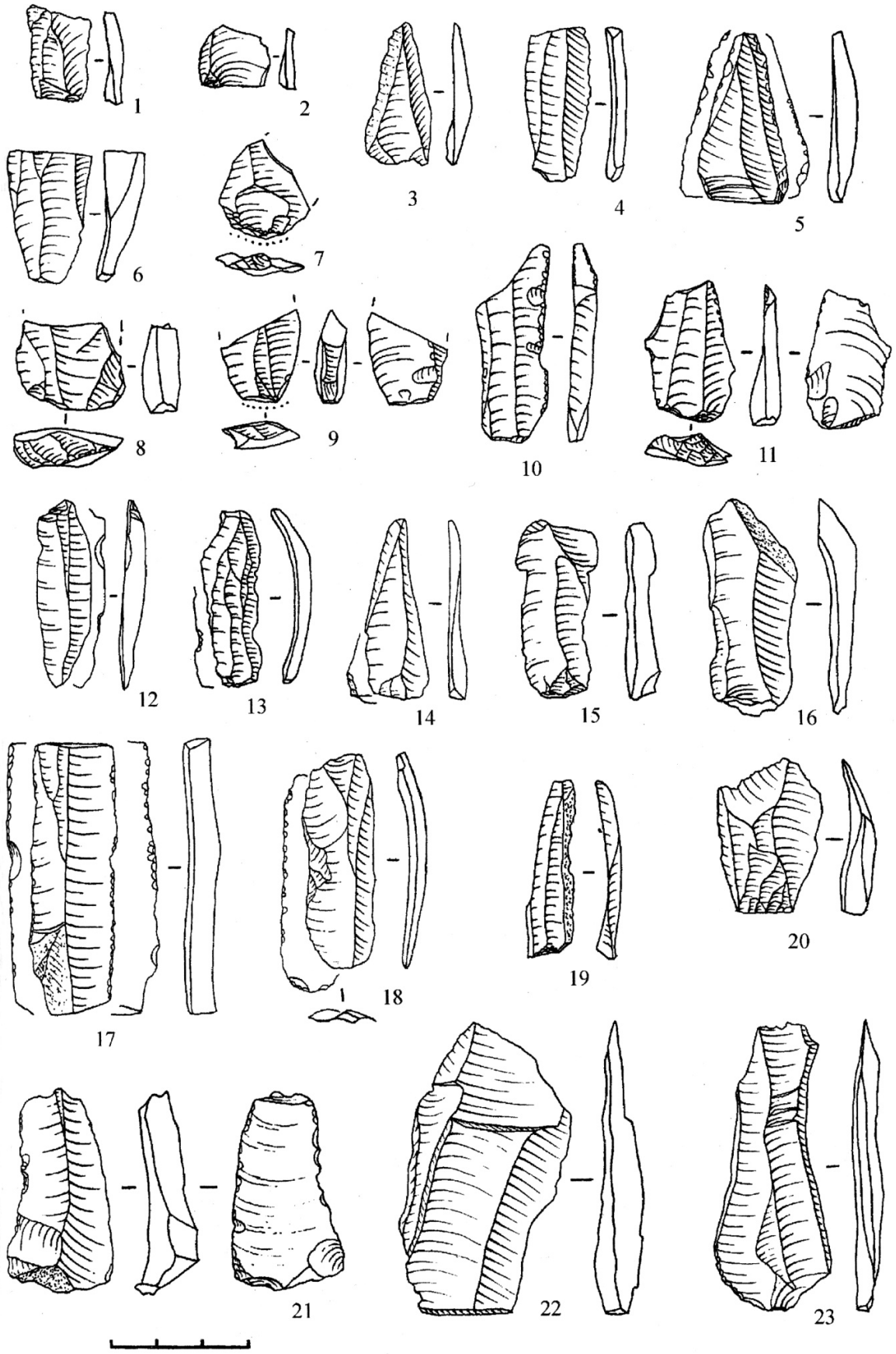

Рис. 4.82. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Каменные изделия: 1-9, 12-23 – пластины; 10 – острие

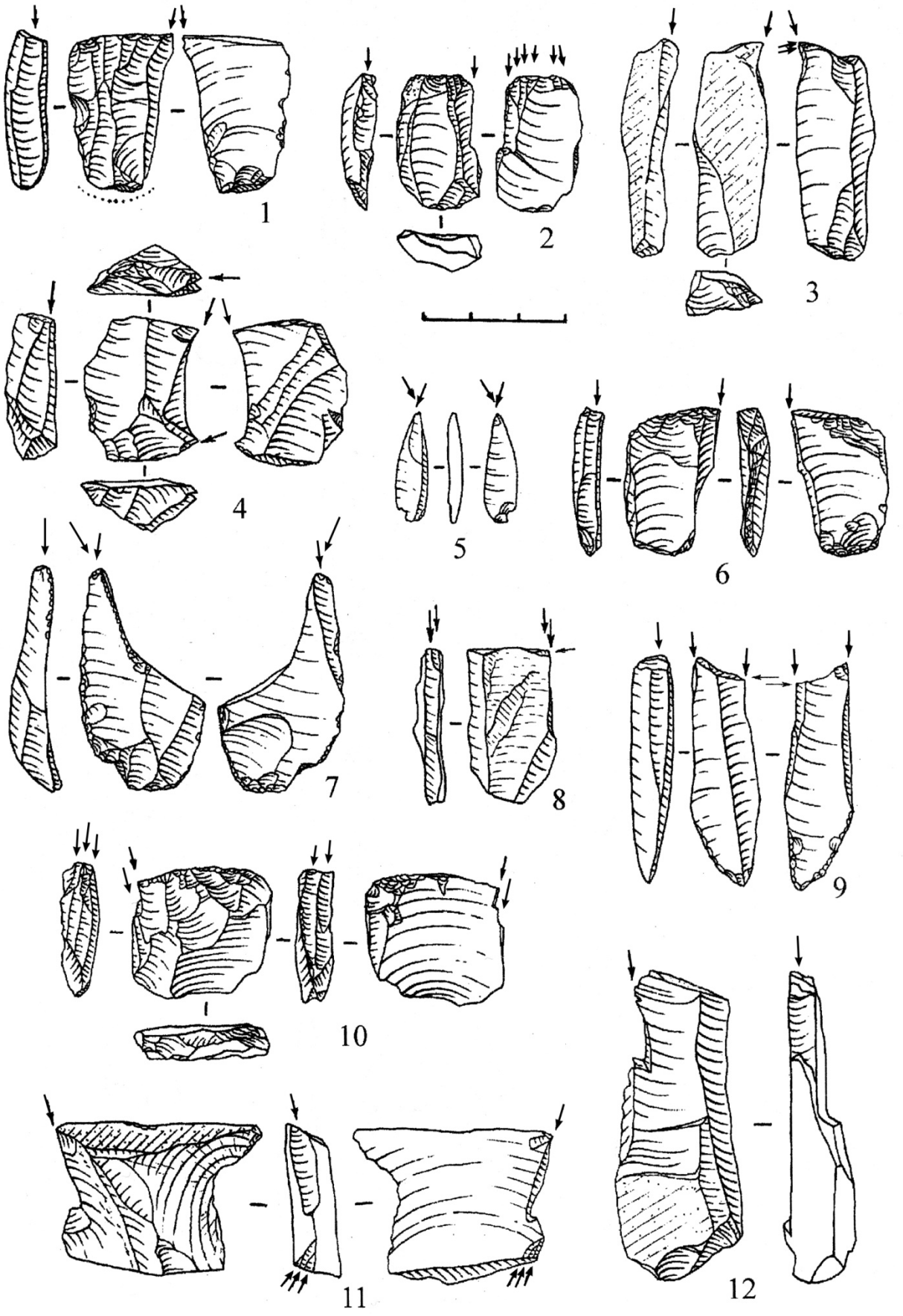

Рис. 4.83. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Резцы

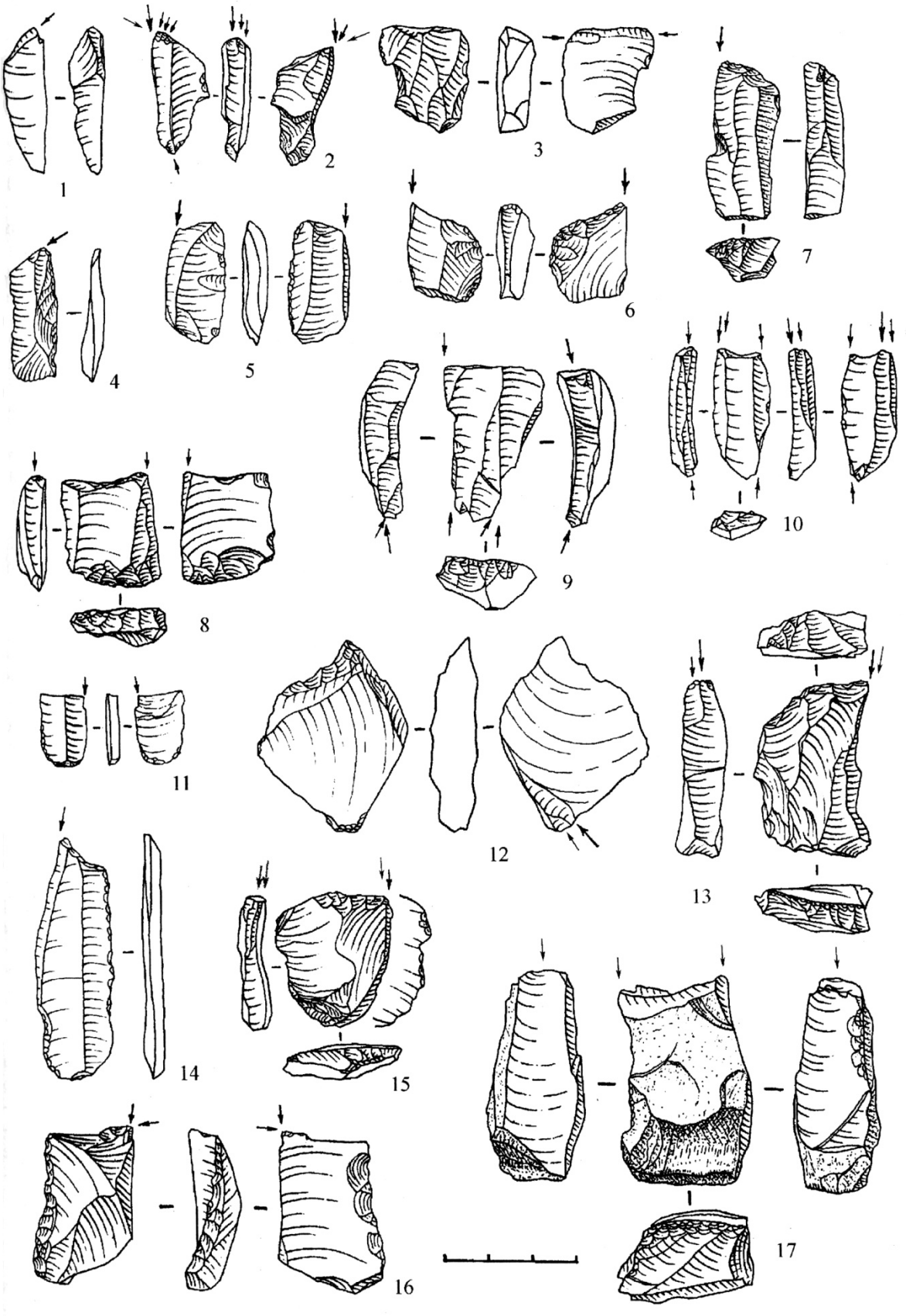

Рис. 4.84. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Резцы

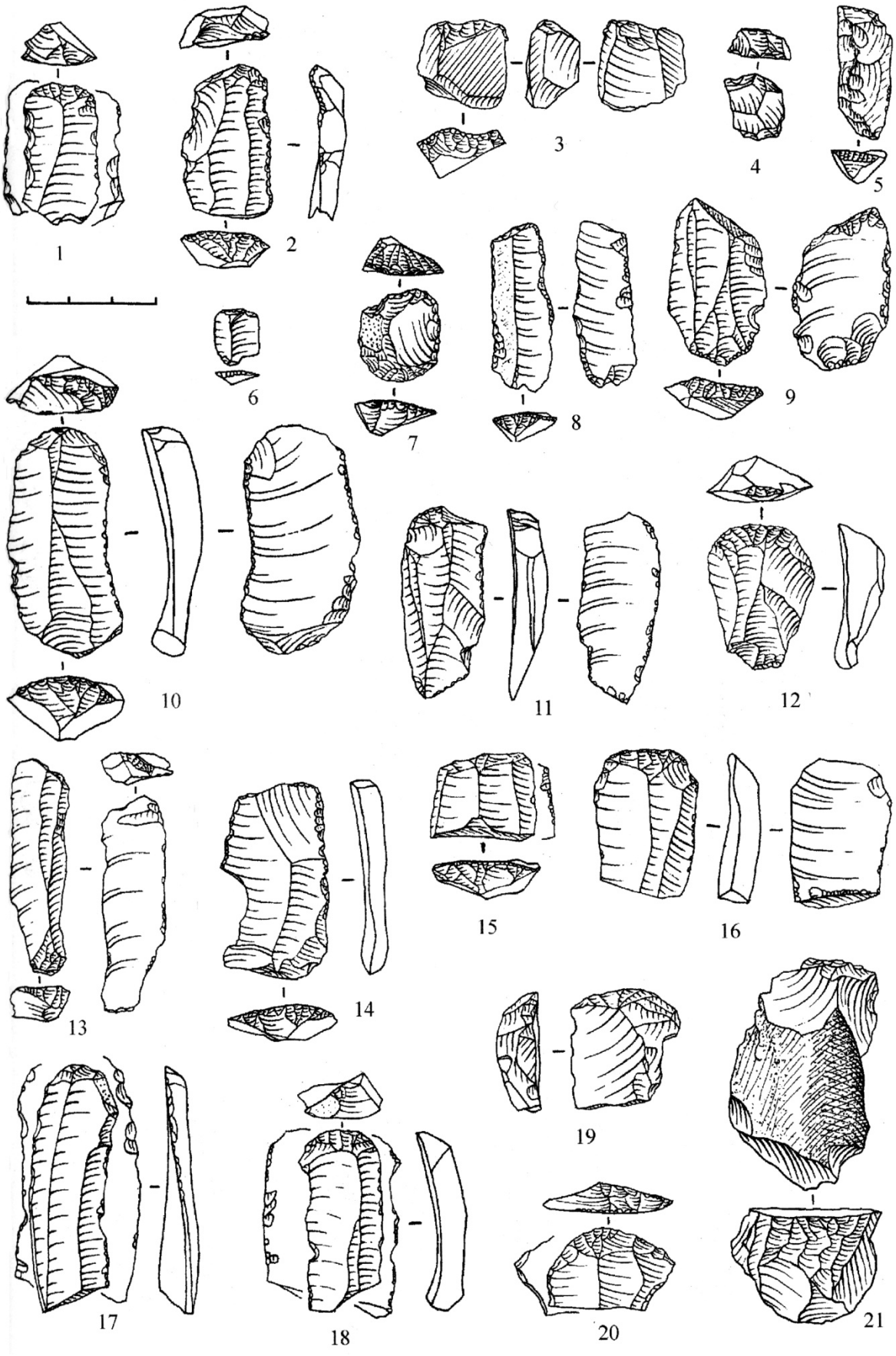

Рис. 4.85. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Скребки

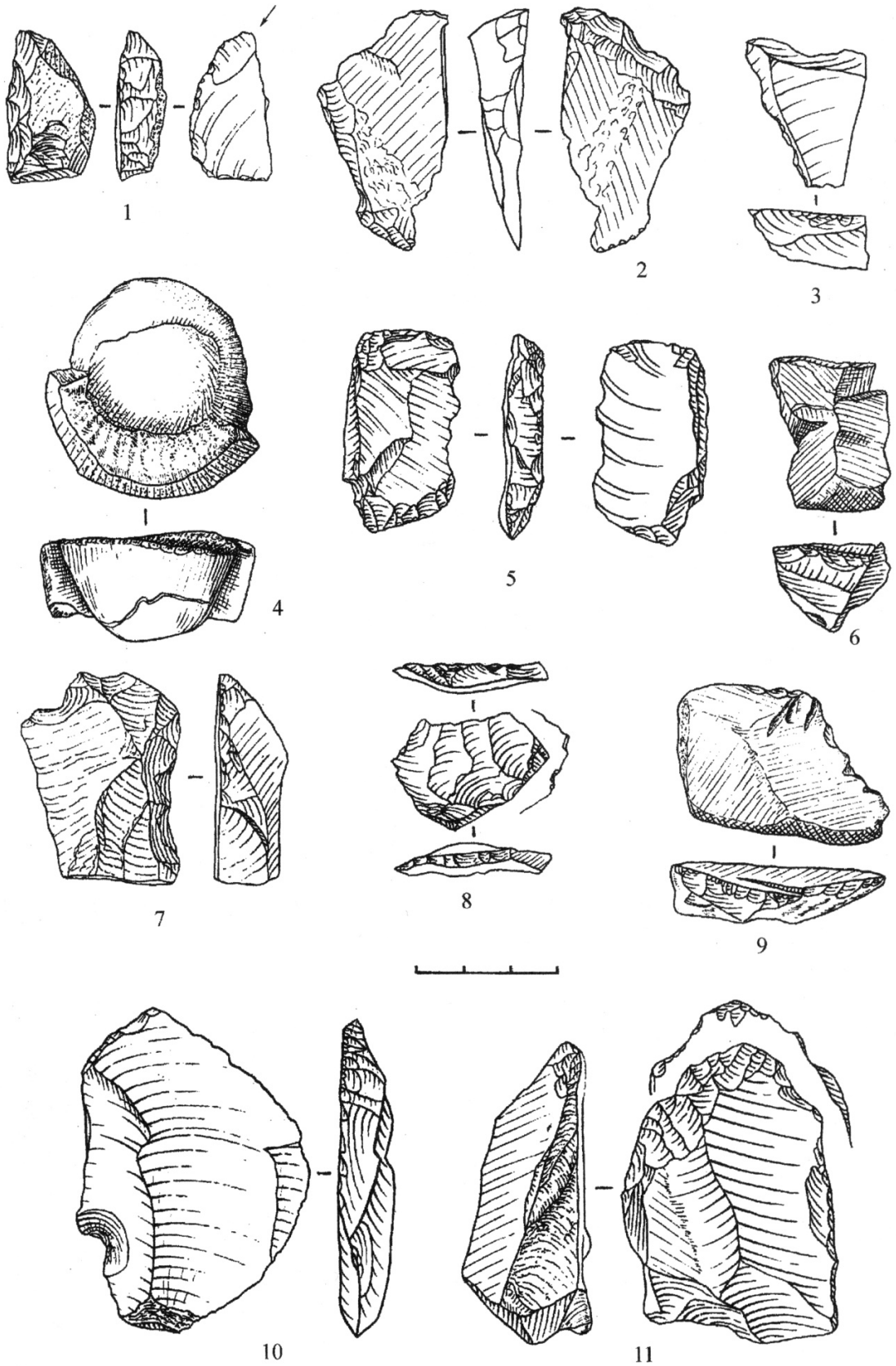

Рис. 4.86. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Каменные изделия: 1-скребло продольное прямое-резец; 2, 3, 5, 6, 8, 9 – скребла простые; 4 – скребло на сталагмите; 7 – скребло продольное вогнутое с шипом; 10 – скребло скошенное; 11 – скребло поперечное выпуклое

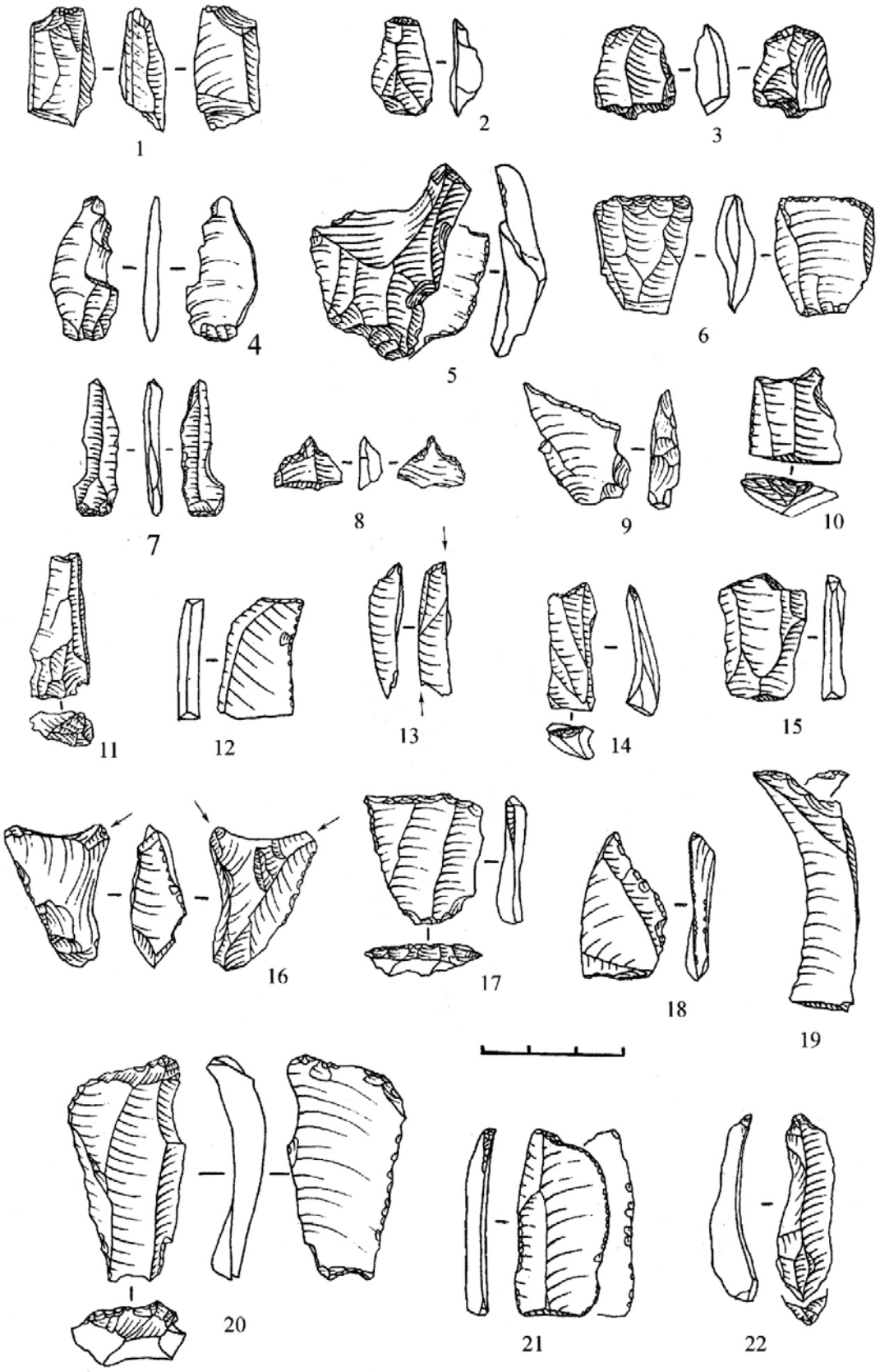

Рис. 4.87. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Камменные орудия: 1-3, 6 – долотовидные орудия; 4, 7 – наконечники стрел (?); 8 – проколка; 9, 12 – острия; 5, 10, 11, 14, 15, 21, 22 – орудия с шипом; 17 – скребок прямой с шипом; 18, 19 – острия клювовидные

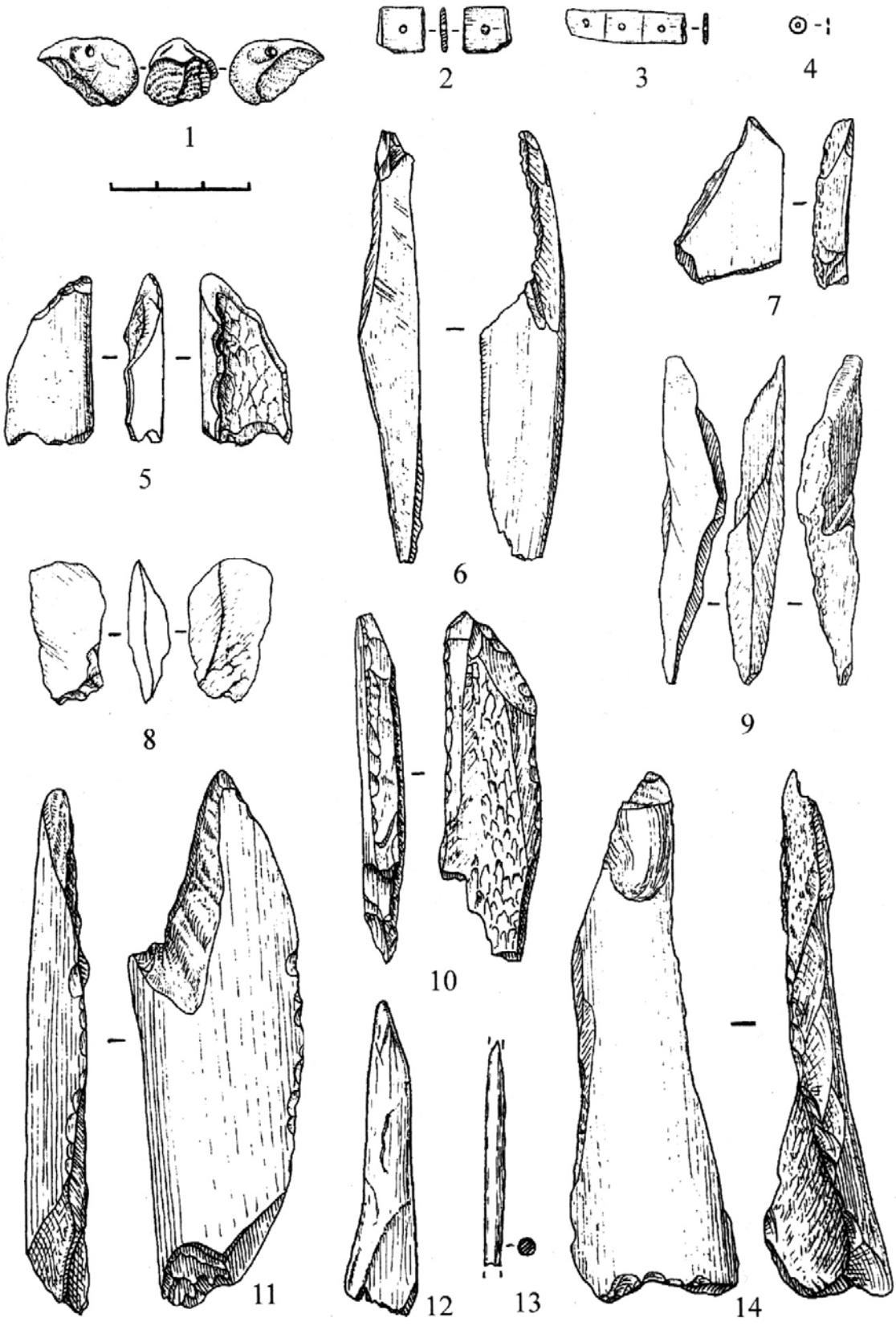

Рис. 4.88. Пещерная стоянка Байсланташ (Акбутинская). Изделия: 1 – галечная скульптура, 2-3 – заготовки украшений из бивня мамонта, 4 – украшение из бивня мамонта, 5-7, 8, 10, 14 – орудия из кости, 9 – провертка из кости, 11 – нож из кости, 12 – проколка из кости, 13 – фрагмент иглы из кости

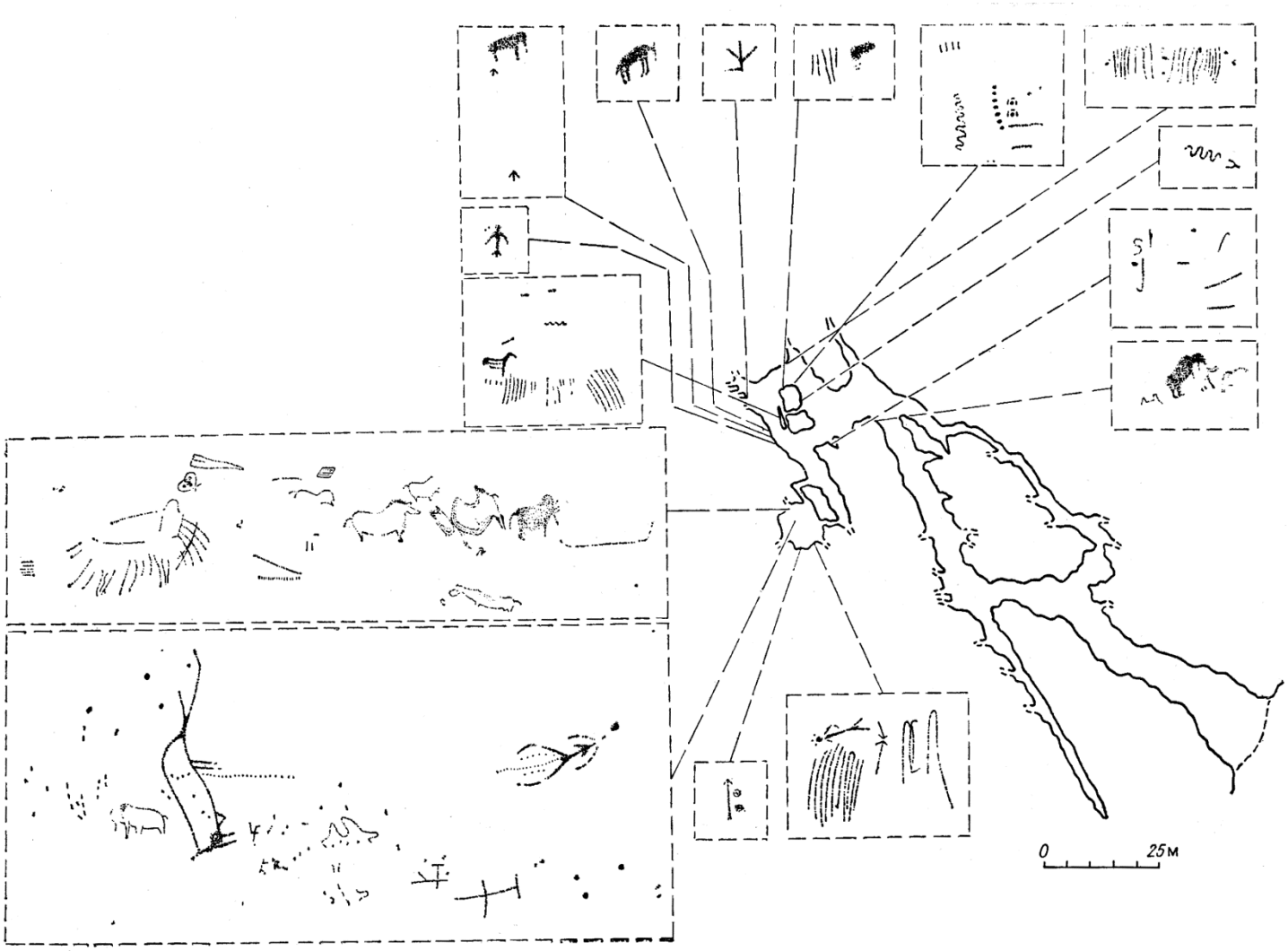

Рис. 4.89. Пещера Игнатиевская (Ямазы-Таш). Схема размещения рисунков на плане пещеры (по Петрину, 1992)

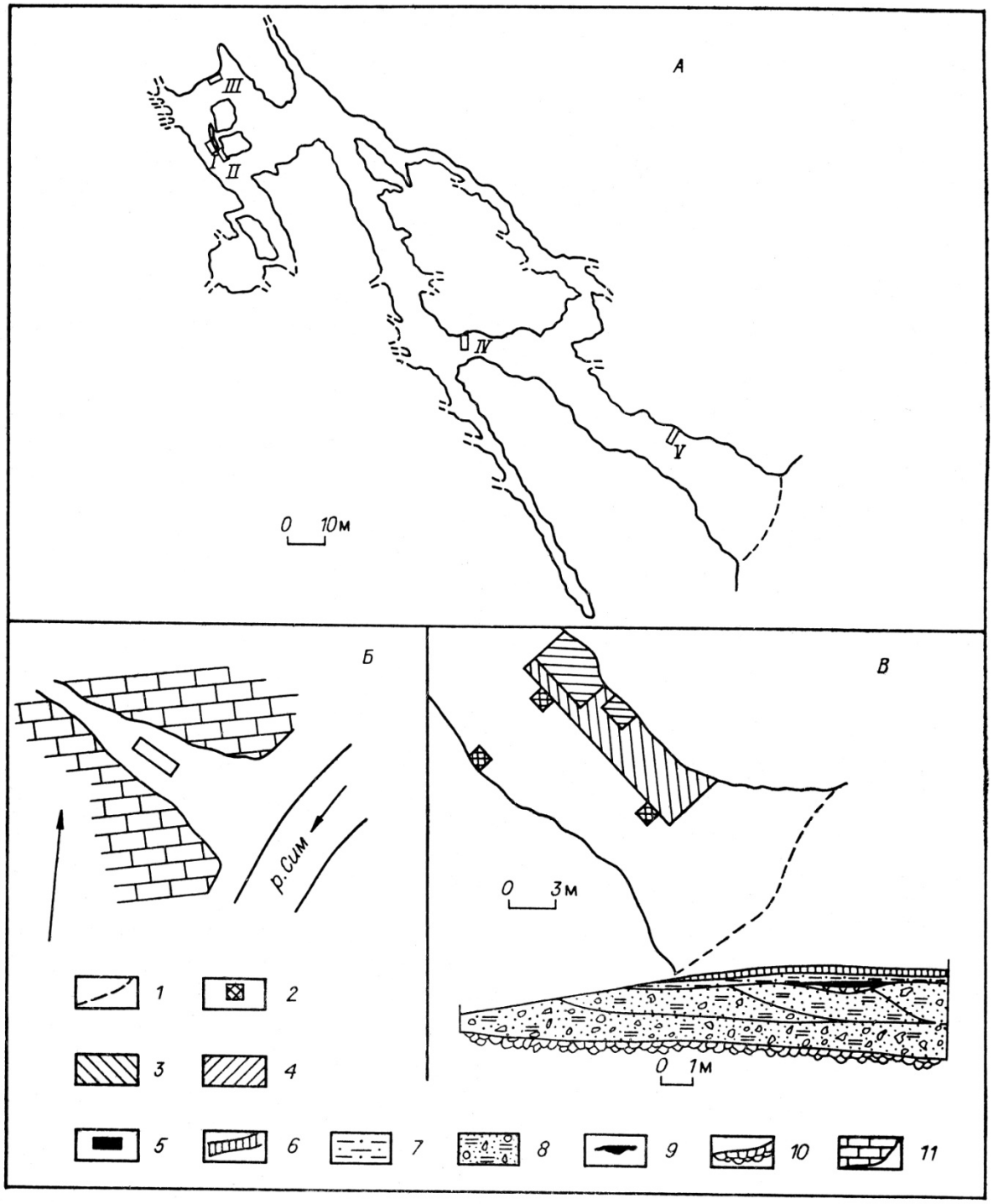

Рис. 4.90. Пещера Игнативеская (Ямазы-Таш). План с обозначением раскопов (по Петрину, 1992). *А* – план пещеры с раскопами I-V (1981-1985 гг.); *Б* – план Входного грота с раскопом С.И. Руденко (по С.И. Руденко); *В* – план входного грота с шурфами М.А. Бадер (1951 г.), раскопами О.Н. Бадера (1960-1961 гг.) и продольный разрез раскопа 1960 г. (по О.Н. Бадеру). Условные обозначения: 1 – линия навеса Входного грота; 2 – шрфы М.А. Бадер; 3 – раскоп 1961 г.; 4 – раскоп 1960 г.; 5 – раскоп С.И. Руденко 1913 г.; 6 – современный слой; 7 – верхний культурный слой; 8 – слой с древней фауной; 9 – кострище; 10 – слой известнякового щебня; 11 – известняк

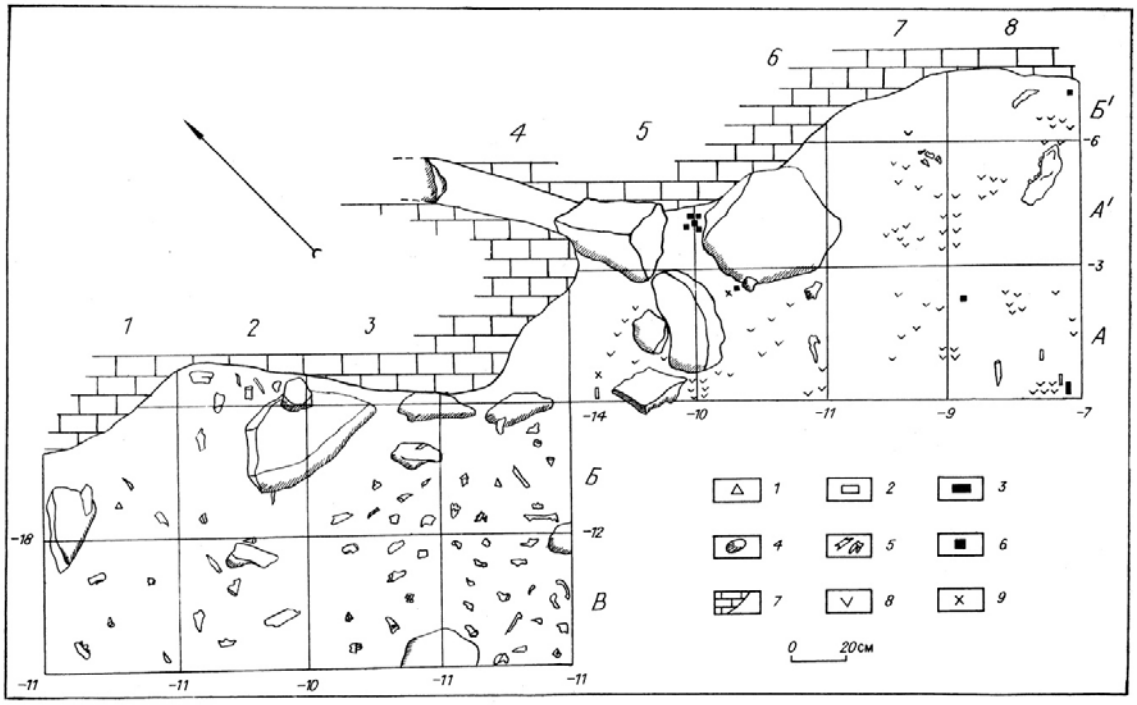

Рис. 4.91. Пещера Игнативеская (Ямазы-Таш). Раскопы I, II, 2-й и 3-й горизонты (по Петрину, 1992). Условные обозначения: 1 – отщеп; 2 – пластинка; 3 – пластинка с ретушью; 4 – щенка, глыбы; 5 – кости, зубы; 6 – отходы известняка; 7 – скала; 8 – угольки; 9 – кусочки охры

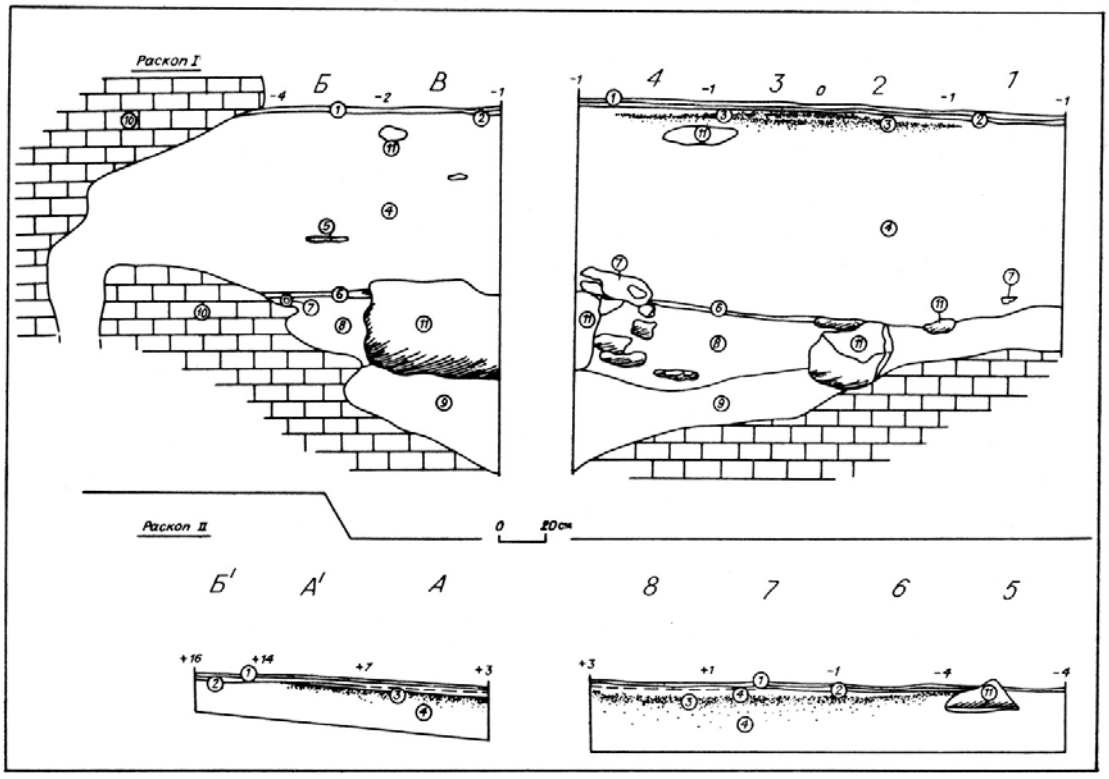

Рис. 4.92. Пещера Игнативеская (Ямазы-Таш). Профили раскопов I, II (по Петрину, 1992). Условные обозначения: *1* – темный сажистый слой; *2, 5, 6* – мондмильх; *3* – культурные слои; *4* – красная пещерная глина; *7* – кости животных; *8* – темно-коричневая супесь; *9* – светло-желтый песок; *10* – известняк; *11* – щебень, глыбы

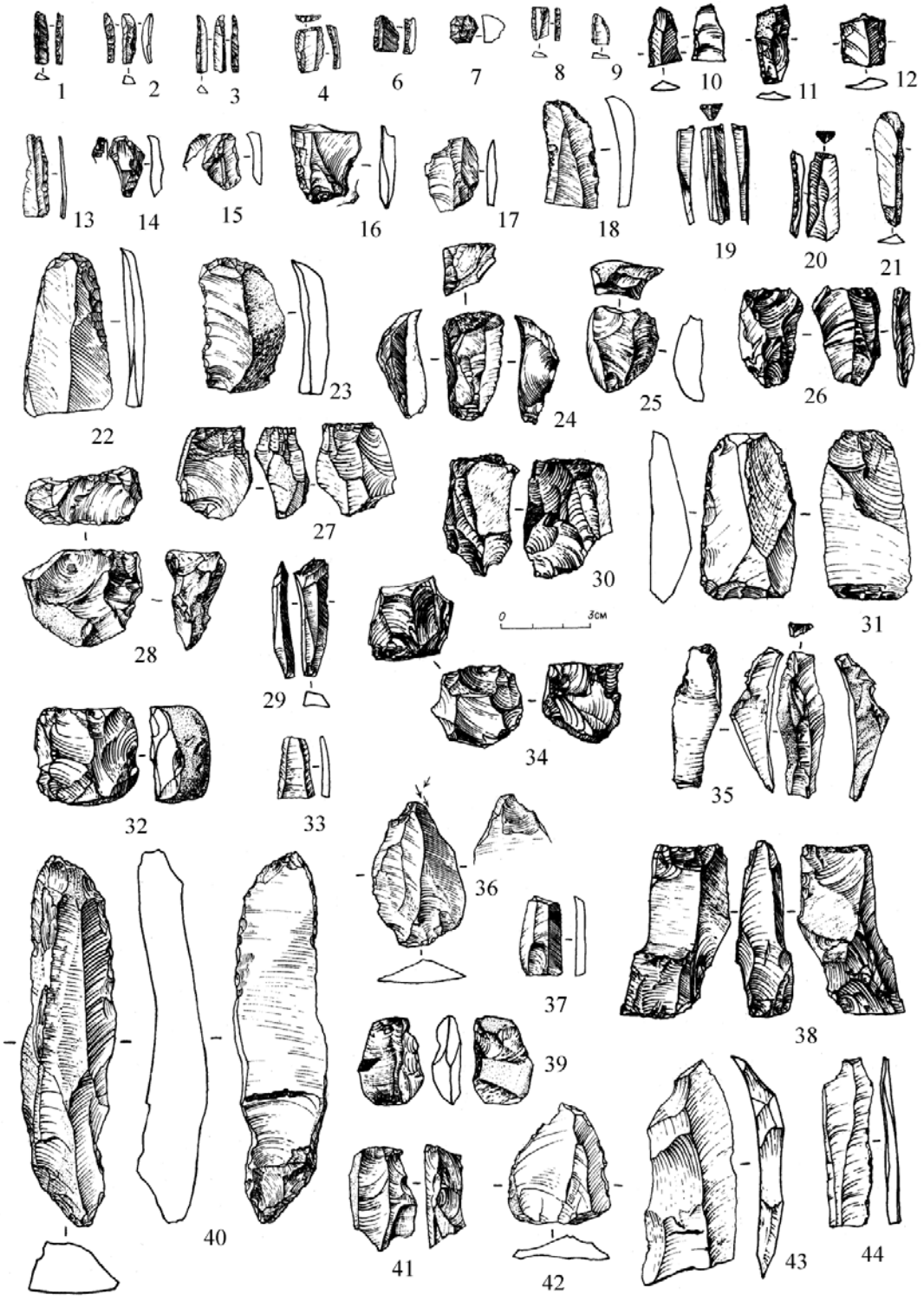

Рис. 4.93. Пещера Игнативеская (Ямазы-Таш). Каменные изделия (по Петрину, 1992): 1-3, 8, 9 – пластинки с притупленным краем, 4 – пластина усеченная с притупленным краем, 7, 14, 15 – микроскребки, 10-13 – пластины с притупленным краем, 16, 17 – зубчатые орудия, 18, 22, 23, 24 – скребки концевые, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 41 – нуклеусы, 19, 20 – усеченные ретушью пластины, 21, 29, 33, 44 – пластины с ретушью (утилизации?), 35 – боковой скол с ретушью, 36 – резец срединный, 26, 31, 38, 39 – долотовидные орудия, 42 – скол подправки ударной площадки, 43 – реберчатая пластина из песчаника. 1-8, 13, 16-18, 22-24, 25, 28, 36, 42 – раск. IV; 10-12, 21, 26, 30 - 35, 37-39, 41, 43, 44 – раск. V, 40 – подъемный материал из Дальнего зала

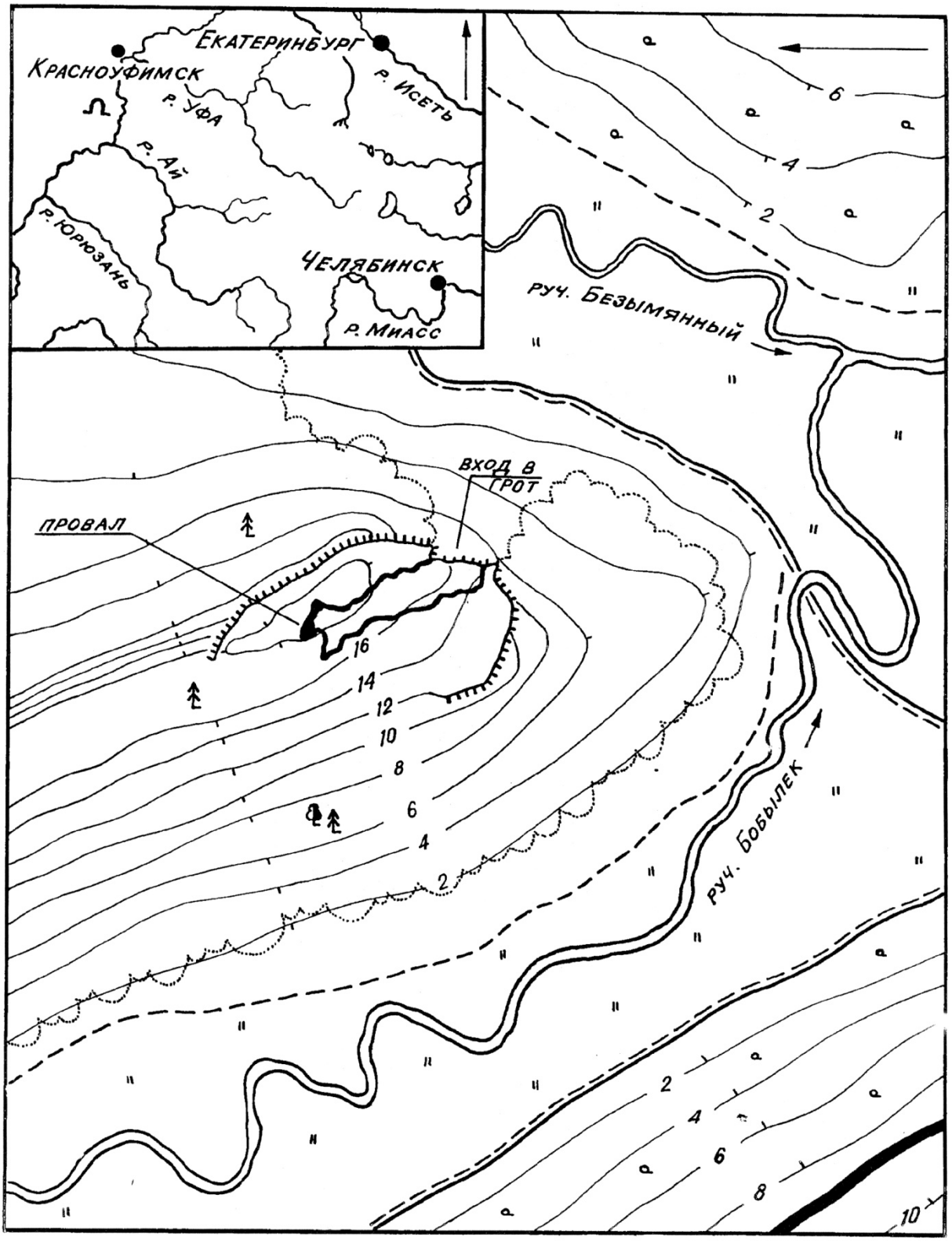

Рис. 4.94. Грот Бобылек. Карта-схема и ситуационный план (по Волокитину, Широкову, 1997)

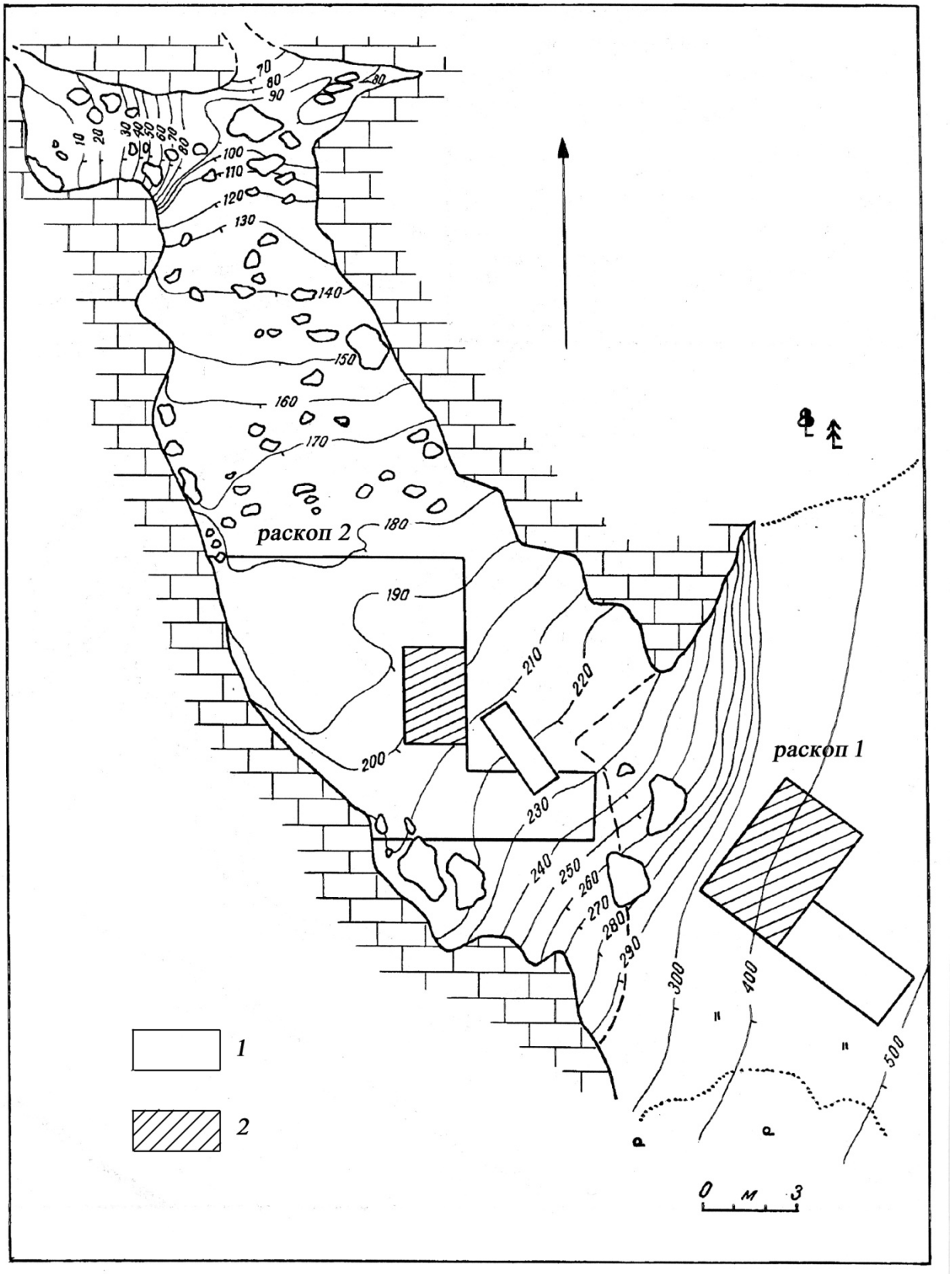

Рис. 4.95. Грот Бобылек. План (по Волокитину, Широкову, 1997). Условные обозначения: 1 – раскоп 1991 г.; 2 – раскоп 1990 г.

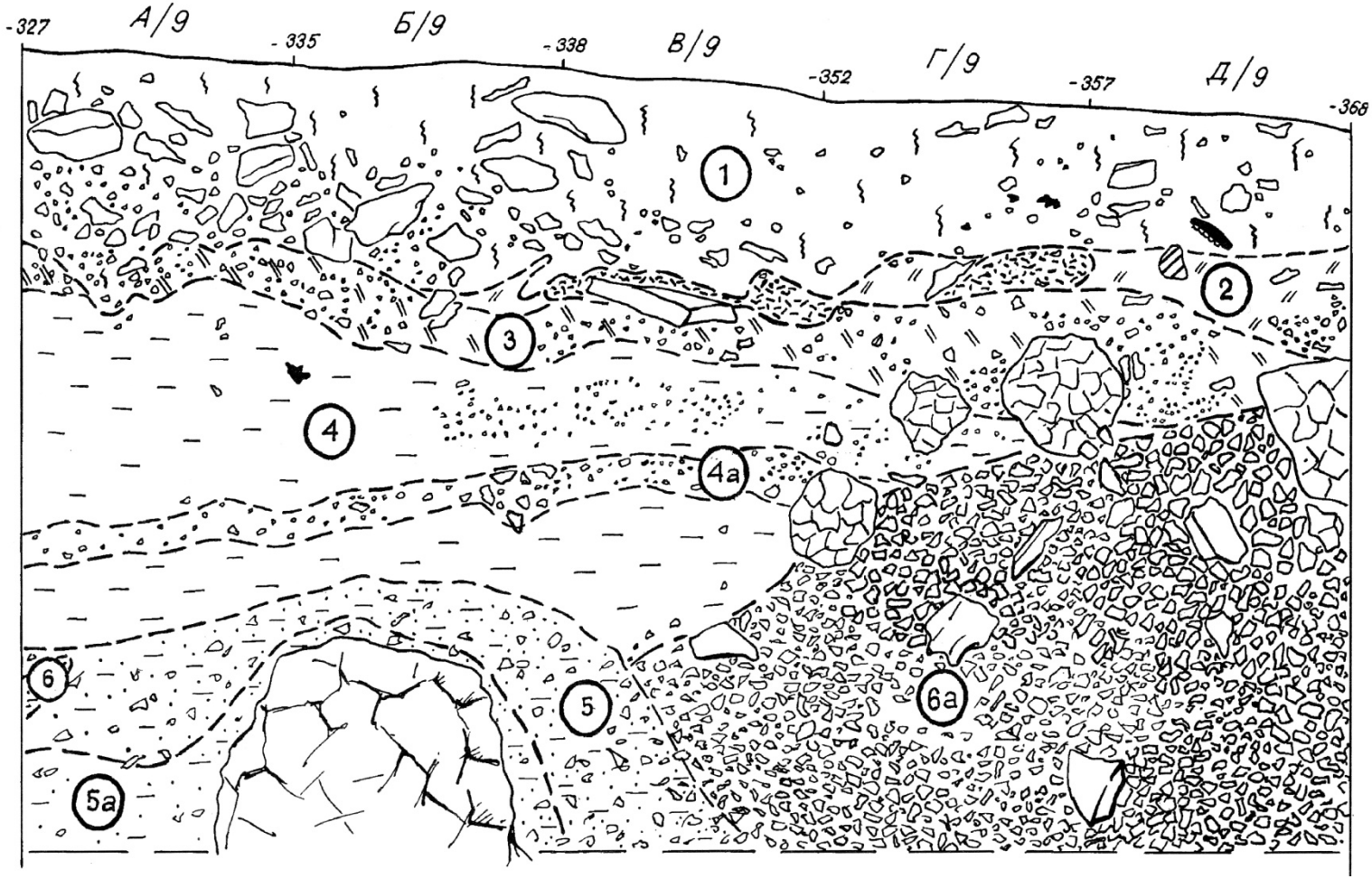

Рис. 4.96. Грот Бобылек. Профиль северо-западной стенки раскопа 1 (по Волокитину, Широкову, 1997). 1 – гумус; 2 – суглинок рыжий; 3 – суглинок темно-рыжий со щебнем; 4 – суглинок темно-рыжий со щебнистыми горизонтами (4а); 5 – супесь серая со щебнистым горизонтом (5а); 6 – супесь темно-бурая; 6а – супесь темно-бурая со щебнем

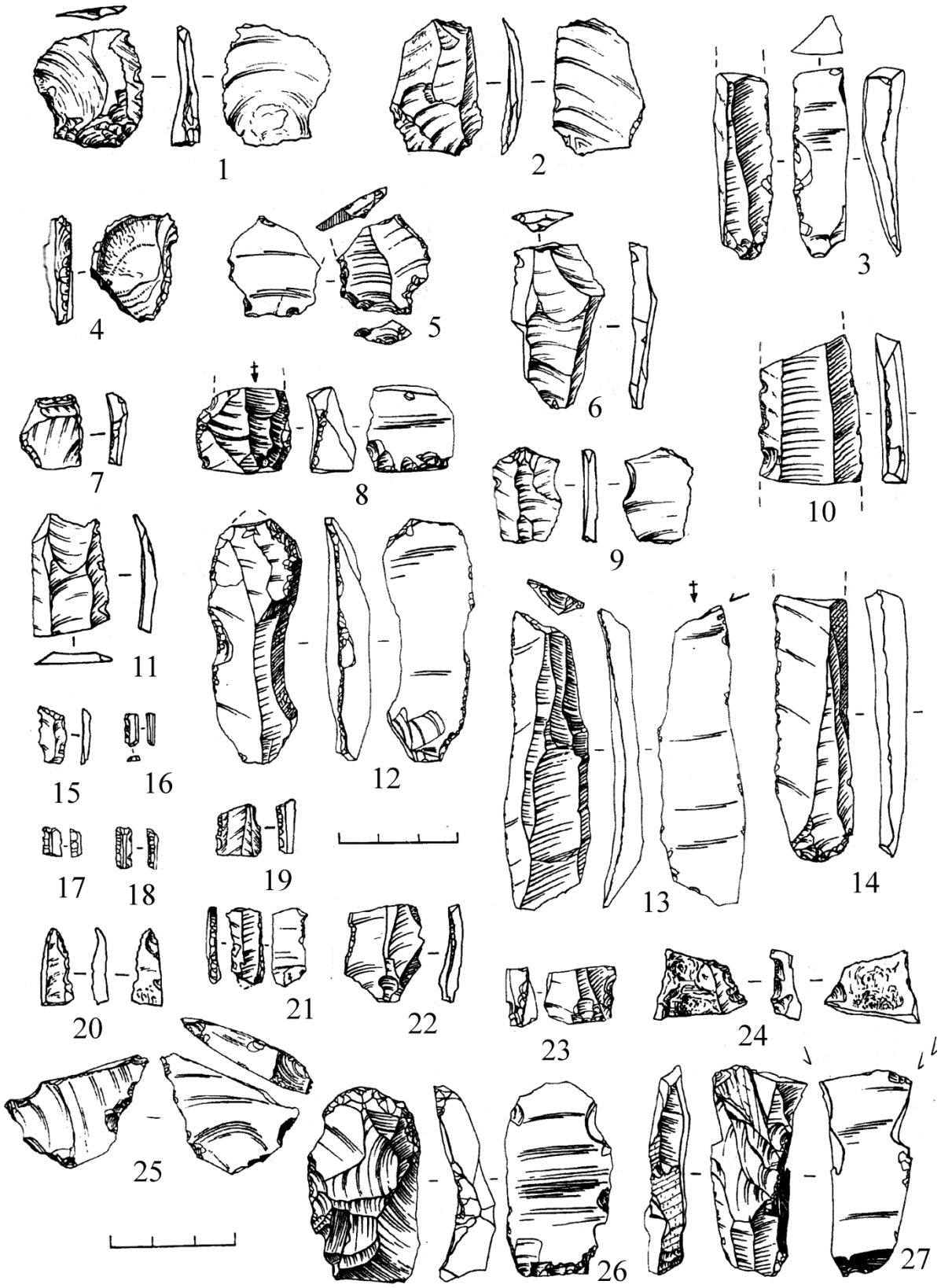

Рис. 4.97. Грот Бобылек. Каменные изделия (по Волокитину, Широкову, 1997): 1, 2, 4, 6, 9-12, 19, 22-25 – выемчатые орудия, 3, 14 – резцы, 5 – орудие с шипом, 7, 27 – резцы, 8 – пластина с ретушью, 13, 15 – усеченные пластины, 16, 17, 18, 21- пластинки с притупленной спинкой, 20 – провертка, 26 – скребок-долотовидное

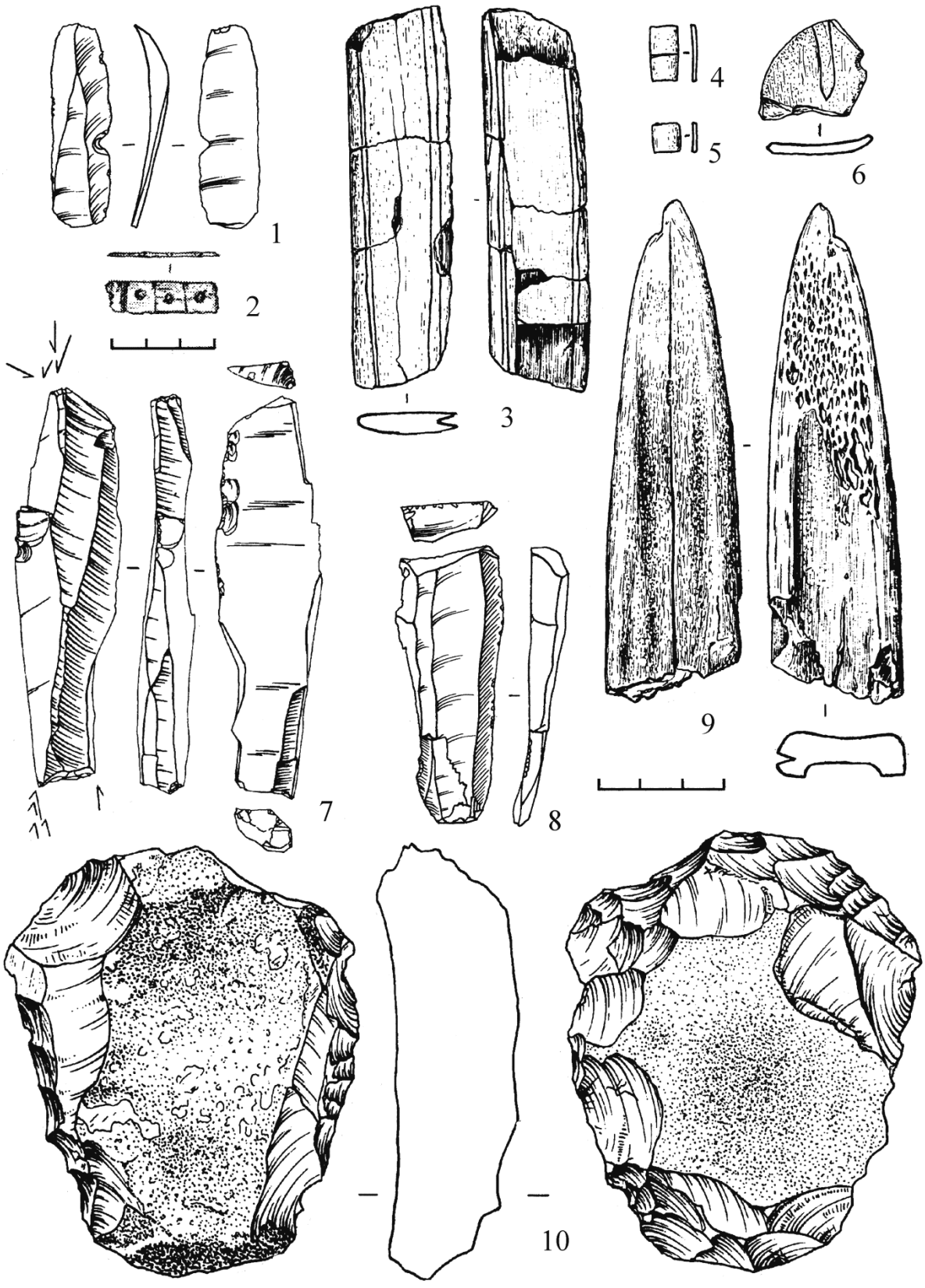

Рис. 4.98. Грот Бобылек. Каменные и костяные изделия (по Волокитину, Широкову, 1997): 1 – орудие с выемкой, 2, 4, 5 – заготовки нашивок из бивня мамонта, 3, 9 – изделия с пазами из кости, 6 – фрагмент кости с гравированными линиями, 7 – резец тройной, 8 – выемчатое орудие, 10 – нуклеус из известняка

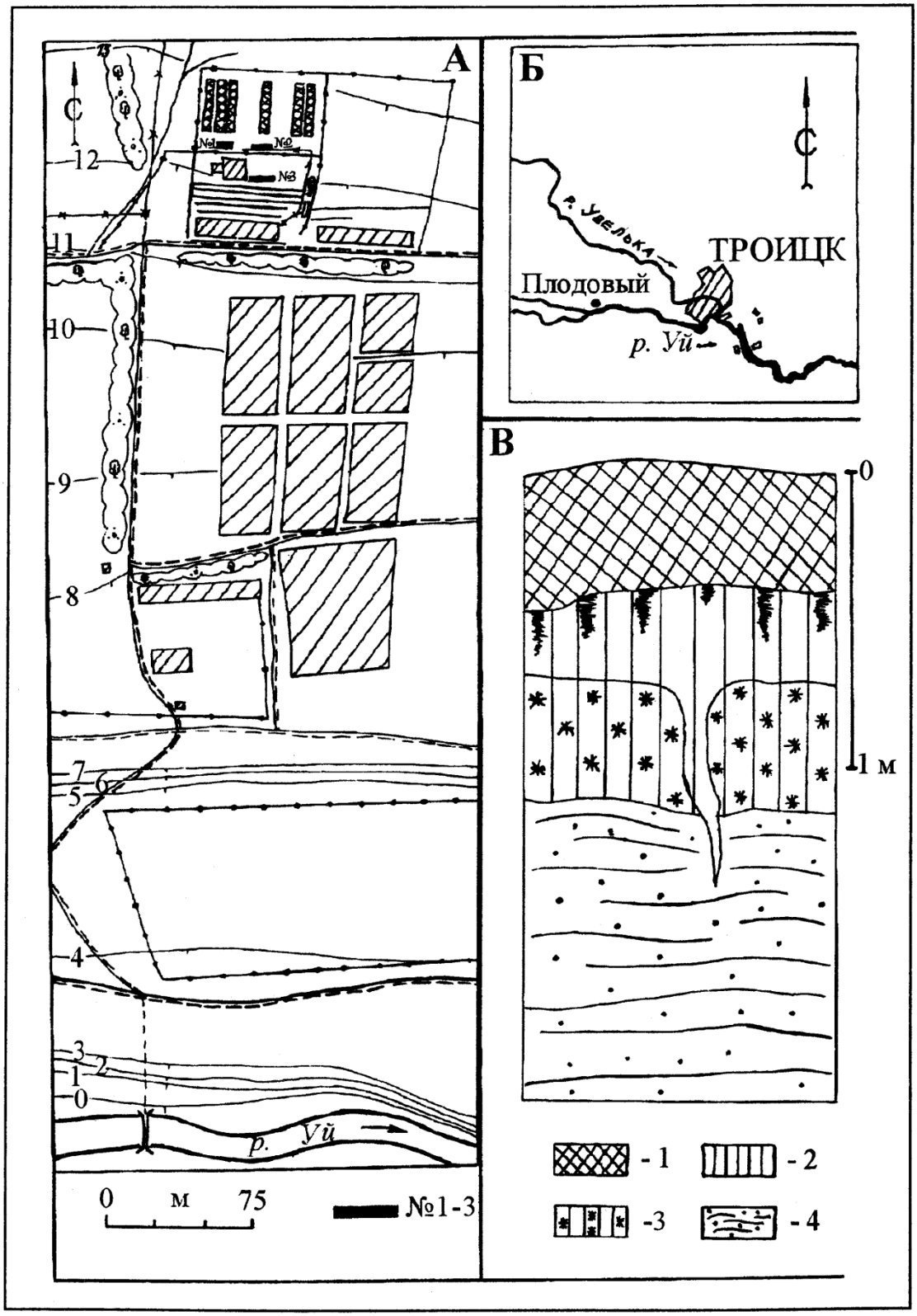

Рис. 4.99. Стоянка Троицкая 1. План и стратиграфия раскопов (по Широкову и др., 1996): А – топографический план стоянки: 1-3 – дислокация раскопов; Б – схематический ситуационный план расположения стоянки; В – сводная стратиграфическая колонка: 1 – современный почвенно-растительный слой; 2 – желтовато-коричневый лессовидный суглинок; 3 – серовато-желтый интенсивно карбонатизированный лессовидный суглинок; 4 – аллювиальные отложения

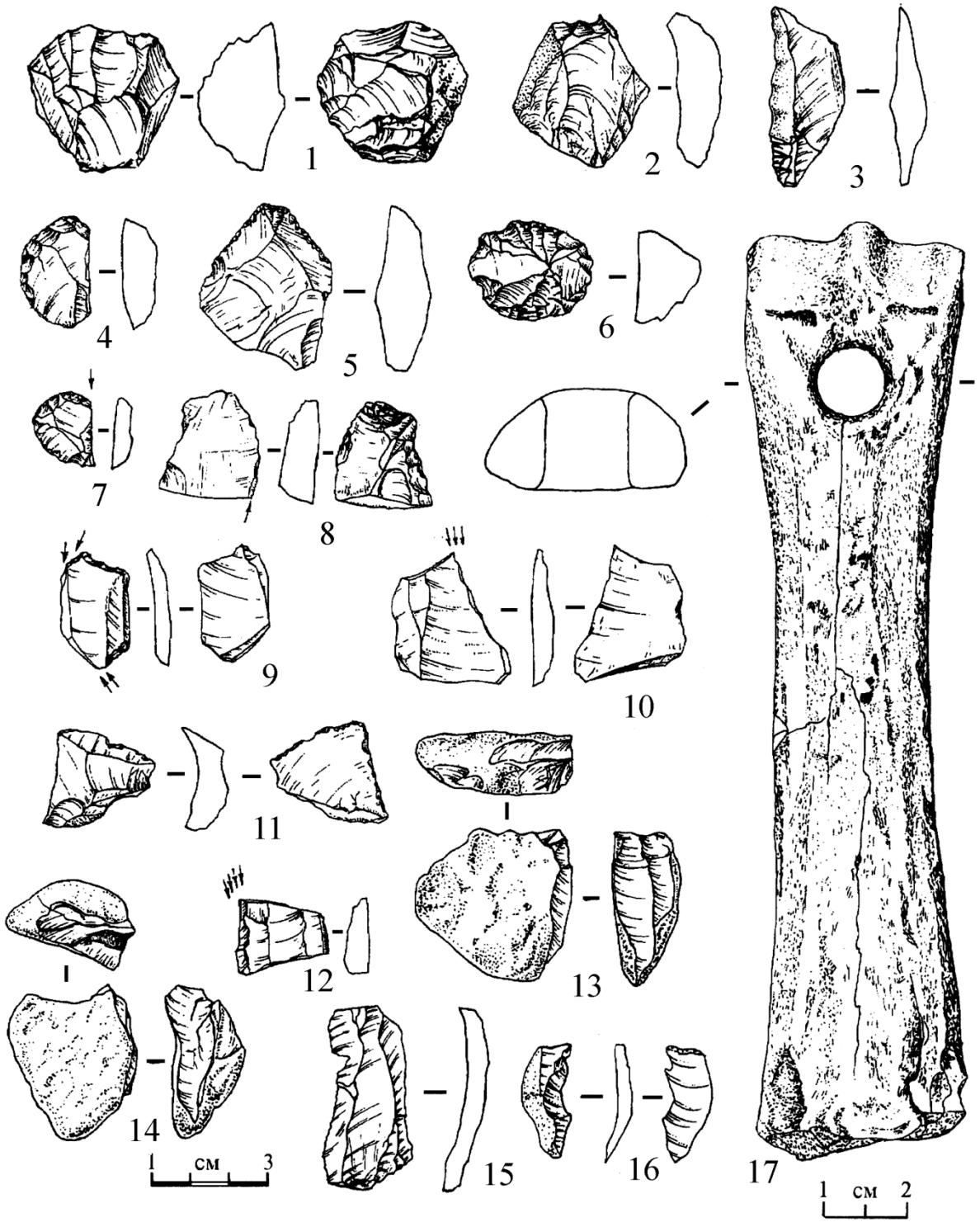

Рис. 4.100. Стоянка Троицкая 1. Каменные и костяные изделия (по Широкову и др., 1996): 1 – нуклеус двусторонний параллельно-радиальный, 2, 5 – скребок стрельчатый, 3 – пластина с ретушью, 4, 6, 7, 8 – скребок, 9, 10, 12 – резец многофасеточный, 11, 16 – отщеп, 13, 14 – нуклеус торцевой, 15 – пластина, 17 – пястная кость лошади с отверстием

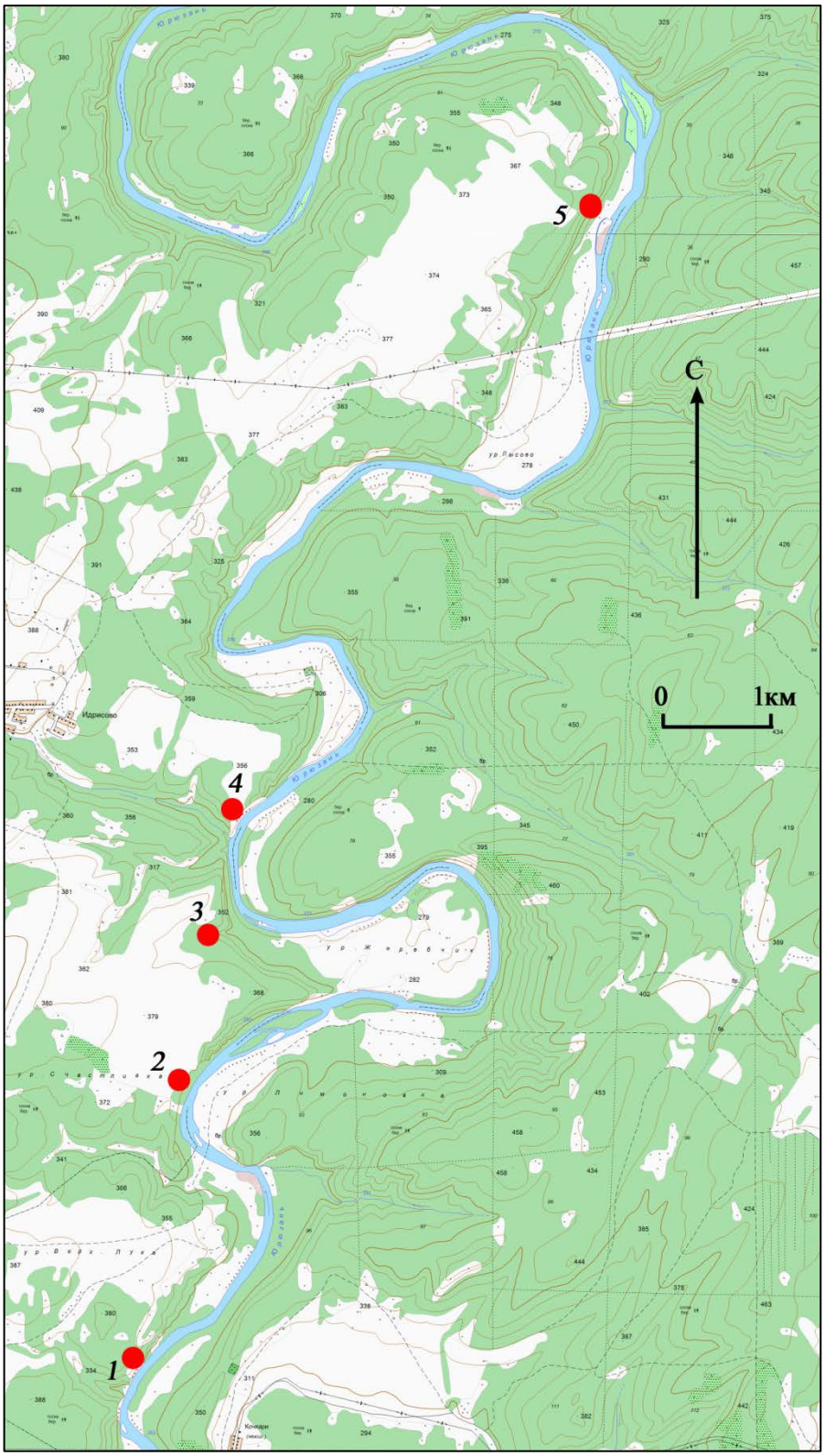

Рис. 4.101. Карта расположения объектов культурного наследия Идрисовского комлекса. 1 – писаница Бурановская-2; 2 – пещера Бурановская с писаницей Бурановская-1; 3 – писаница Навесной (Старичный) Гребень; 4- пещерная стоянка Ключевая; 5 – пещерная стоянка Гребневая; 6 - стоянка Идрисово I; 7 – стоянка Идрисово II; 8 – писаница Идрисовская-2; 9 – пещера Идрисовская с писаницей Идрисовская-1; 10 – место бывшей д. Ирисово; 11 – место хут. Лысово; 12 - писаница Идрисовская-3; 13 – Бояджиевский 1 петроглиф в пещере Тодора Бояджиева с палеолитической стоянкой

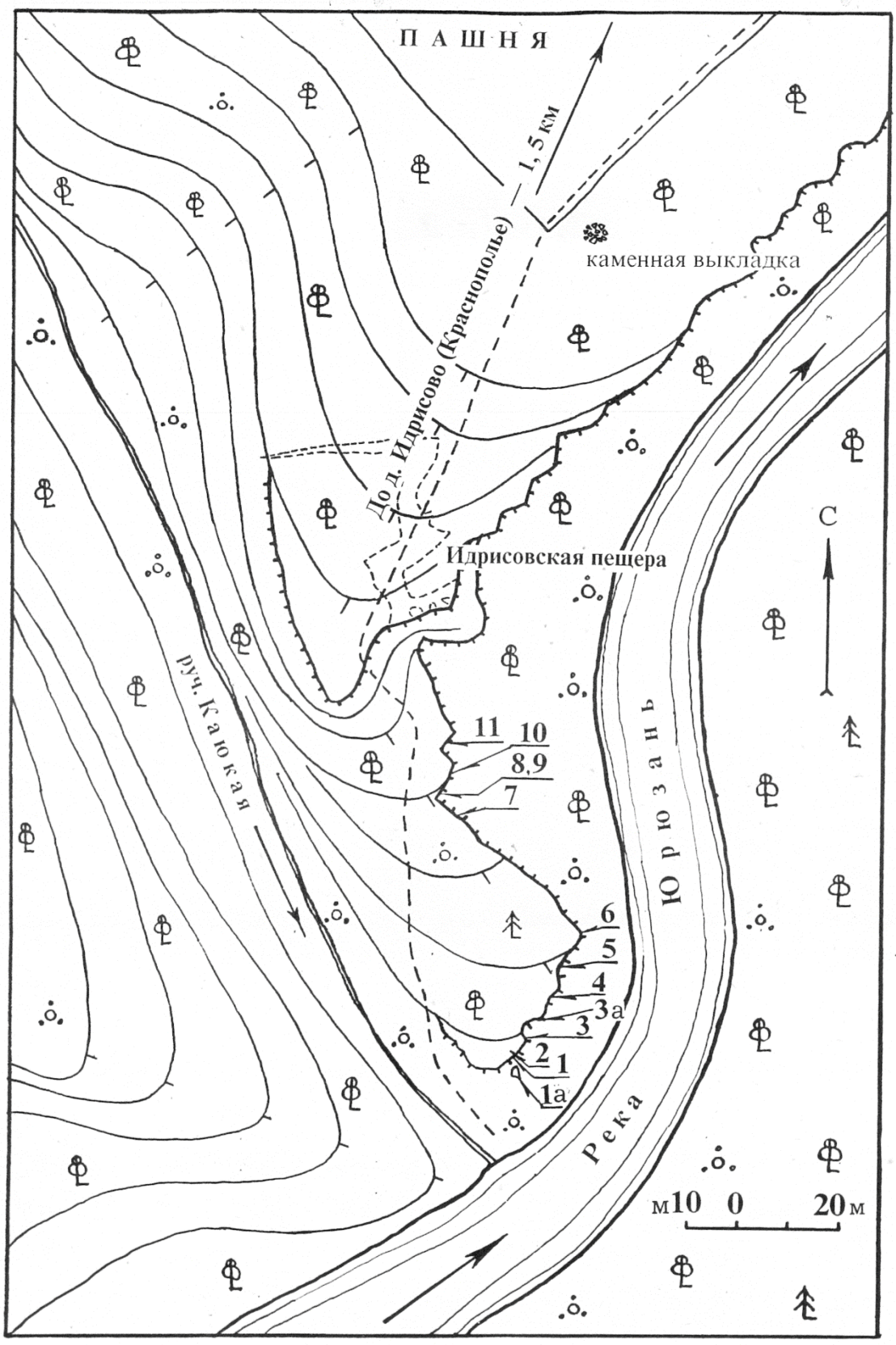

Рис. 4.102. Пещера Идрисовская 1. Ситуационный план (по Котову, 1996). Цифрами обозначены группы рисунков Идрисовской 2 писаницы

Рис. 4.103. Пещера Идрисовская 1. Вид с юго-запада. Фото В.Г. Котова

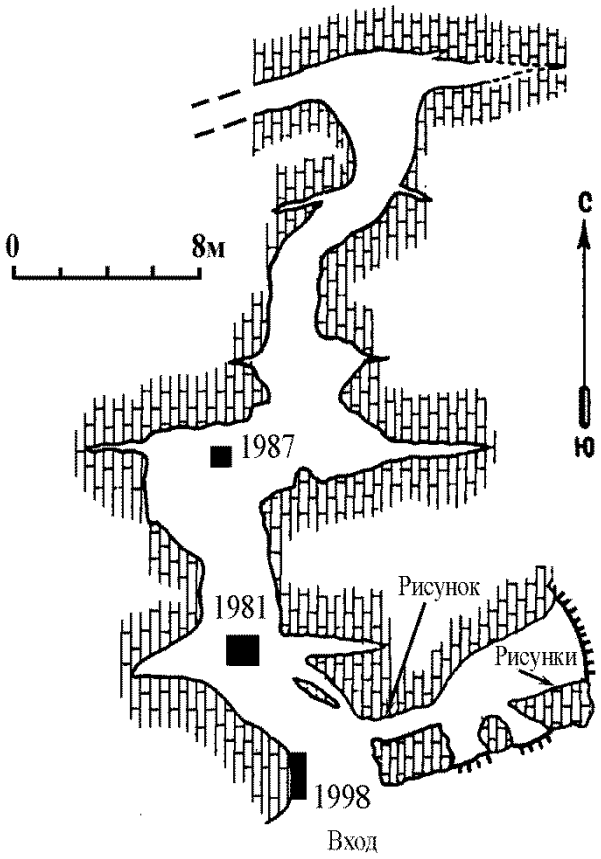

Рис. 4.104. Пещера Идрисовская 1. План с шурфами и местами, где были зафиксированы рисунки. Топографическая основа В.И. Мартина

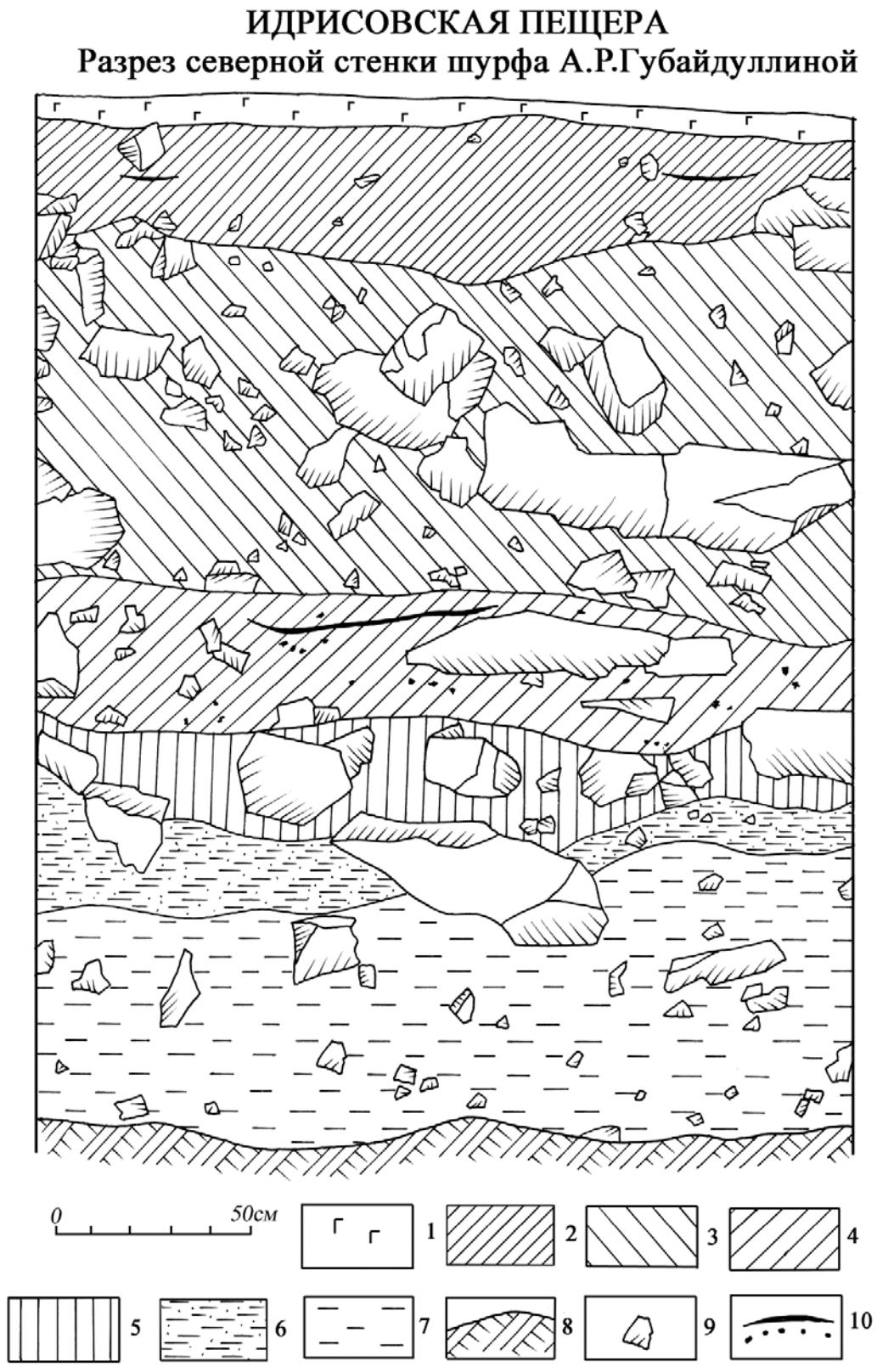

Рис. 4.105. Идрисовская пещера. Разрез северной стенки шурфа А.Р. Губайдуллиной (по Губайдуллиной, 1981). Условные обозначения: 1 – гумус; 2 – суглинок серо-коричневый; 3 – суглинок светло-бурый со щебенкой; 4 – суглинок светло-коричневый, гумусированный; 5 – суглинок желтовато-серый; 6 – глина коричневая с красноватым оттенком; 7 – супесь темно-желтая; 8 – скальное дно; 9 – обломочный материал; 10 – углистые прослойки и угольки

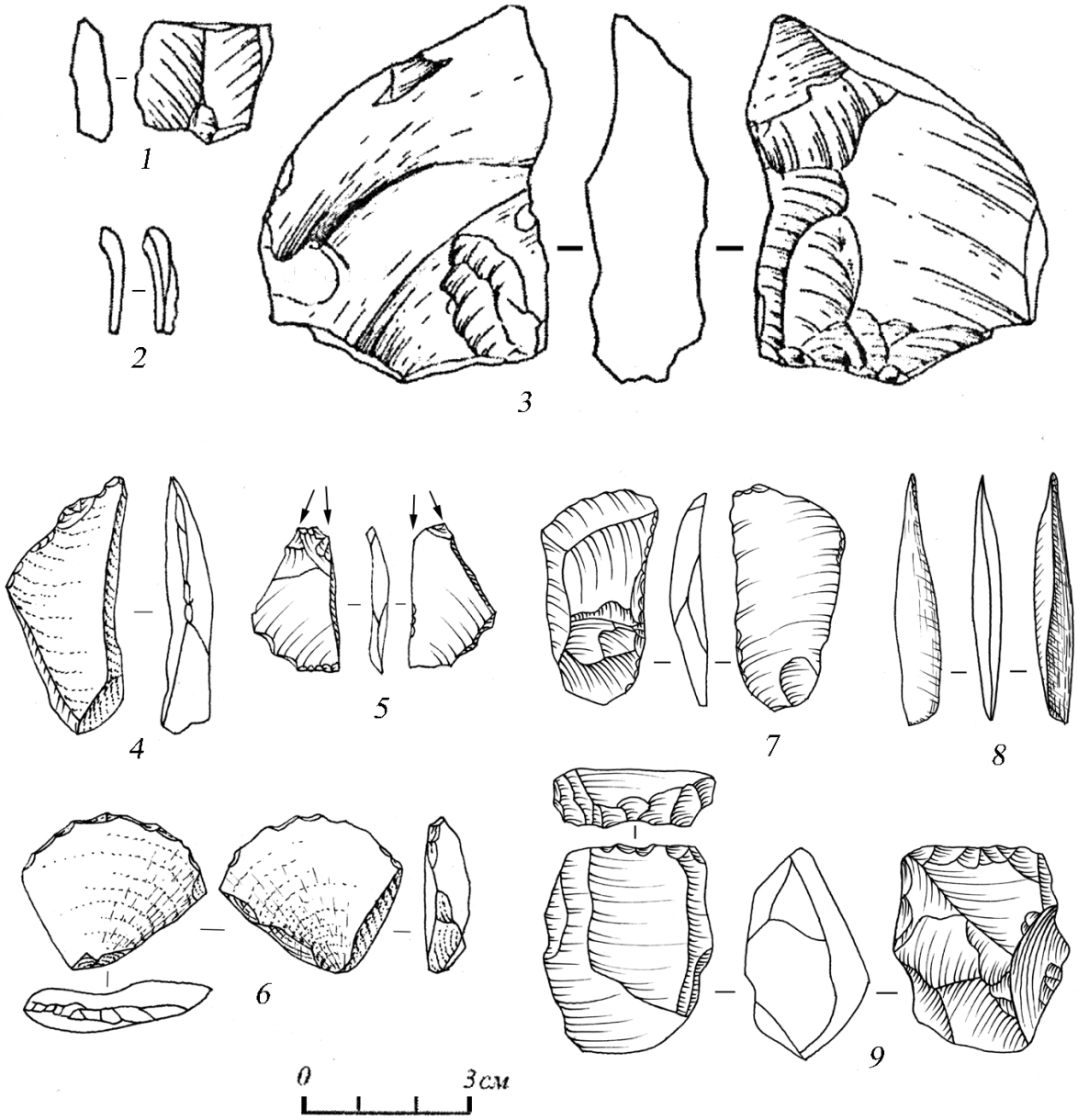

Рис. 4.106. Идрисовская пещера. Каменные и костяные изделия: 1- сегмент пластины, 2 – осколок, 3 – отщеп, 4 – 7 – отщепы с ретушью, 8 – проколка, 9 – нуклеус двусторонний, параллельно-радиального снятия. 1-3, 5, 7, 9 – кремень, 4, 6 – известняк, 8 – кость. 1-3 – из шурфа В.Н.Широкова (1987 г.) (по: Широков, 2004, рис. 22), 4-6 – из шурфа С.В.Ульянова (1998 г.), 7-9 – из шурфа Р.А.Губайдуллиной (по Губайдуллиной, 1981, рис. 21)

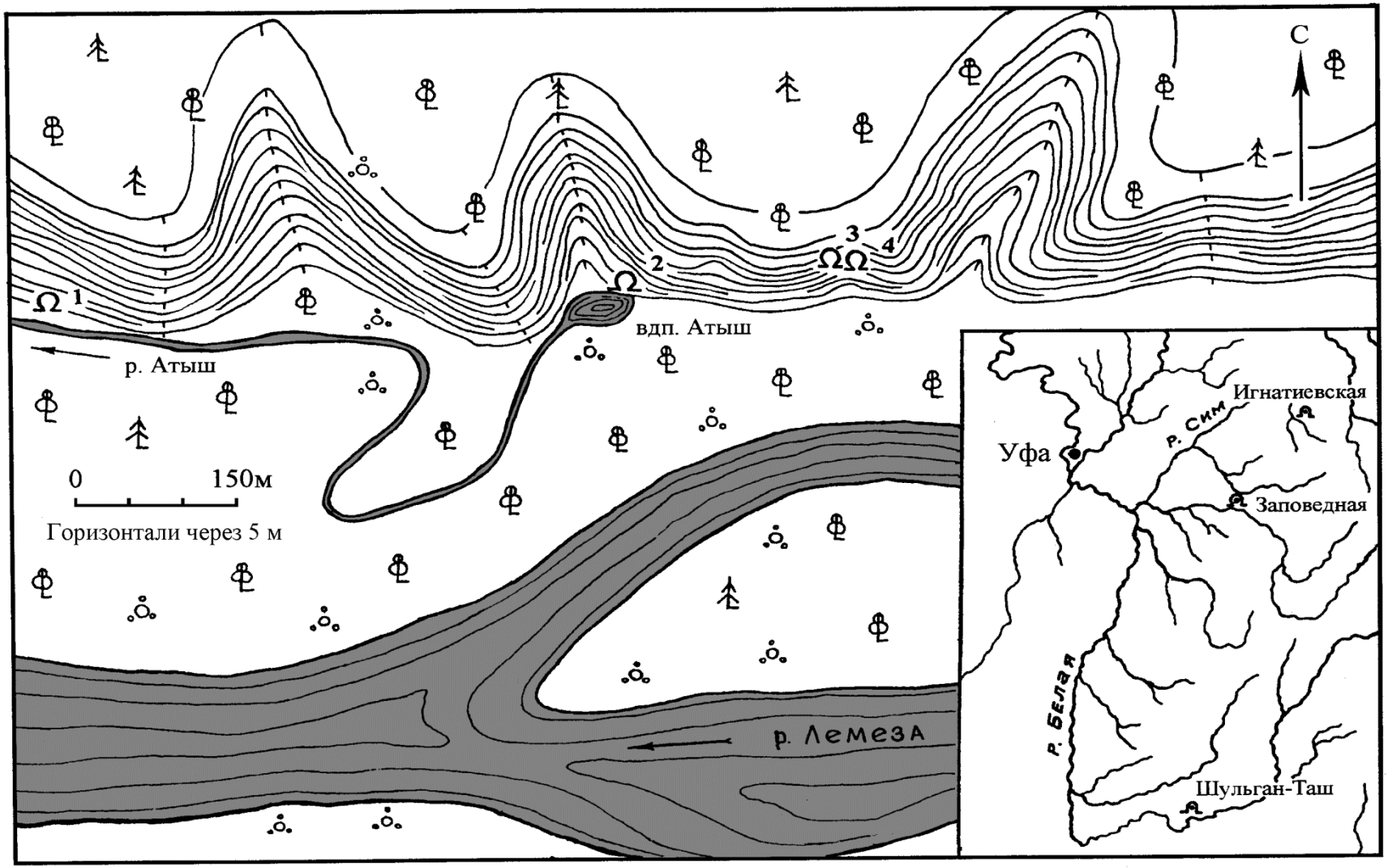

Рис. 4.107. Местонахождение пещеры Заповедная (по Котову, 2012): 1 – пещера Атышская 2; 2 – пещера Атышская 1; 3 – пещера Верхняя; 4 – пещера Заповедная

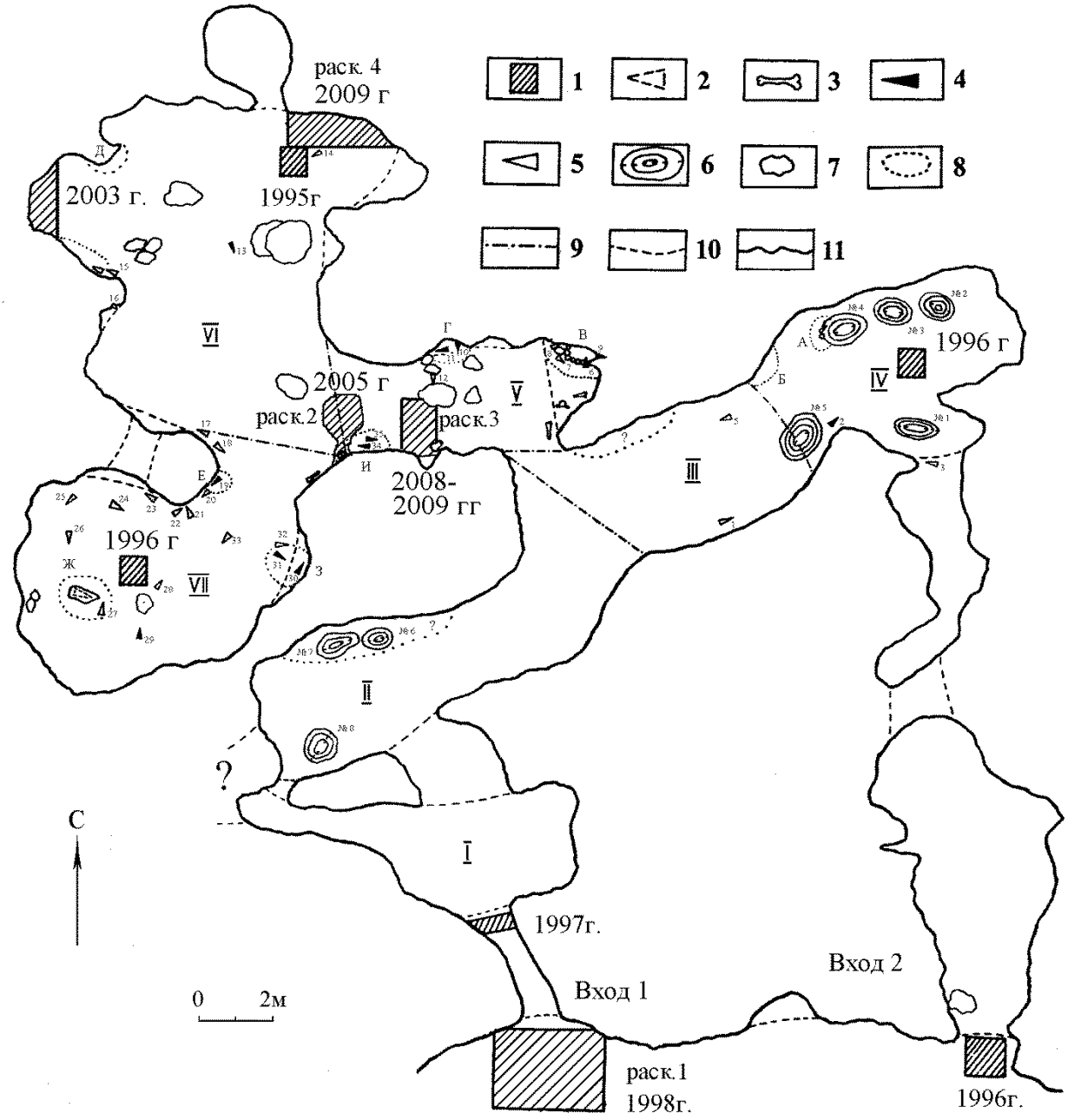

Рис. 4.108. Пещеры Заповедная. План (по А.И. Смирнову с дополнениями автора): 1 – шурфы и раскопы; 2 – место черепа, установленного на глыбе; 3 – крупная кость; 4 – череп, ориентированный теменем вверх; 5 – череп неориентированный; 6 – яма; 7 – крупные камни и глыбы; 8 – границы скоплений черепов; 9 – условные границы залов; 10 – граница ниш и проходов; 11 – контур пещеры

Рис. 4.109. Пещера Заповедная. Вид на вход 1 с юга. Фото В.Г. Котова 2008 г.

Рис. 4.110. Пещера Заповедная. Череп, заклиненный в кладке комплекса В в зале V. Вид с запада. Фото В.Г. Котова 1995 г.

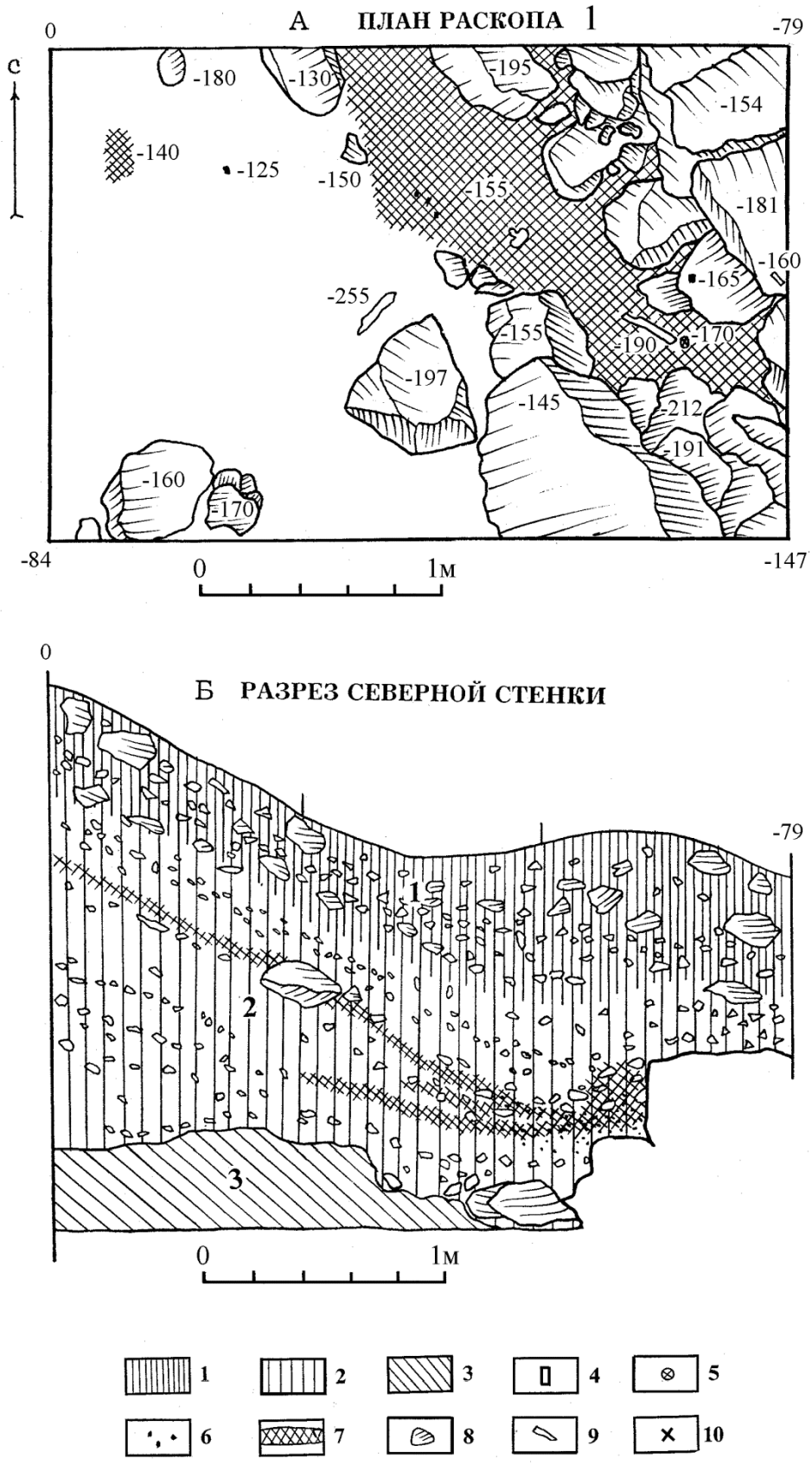

Рис. 4.111. Пещера Заповедная. План раскопа 1 и разрез северной стенки: 1 – гумус; 2 – гумусированная супесь; 3 – светло-бурый тяжелый суглинок; 4 – кремневая пластина; 5 – кусочек охры; 6 – отдельные угольки; 7 – зольная прослойка; 8 – камень; 9 – кость; 10 – место находки пластины

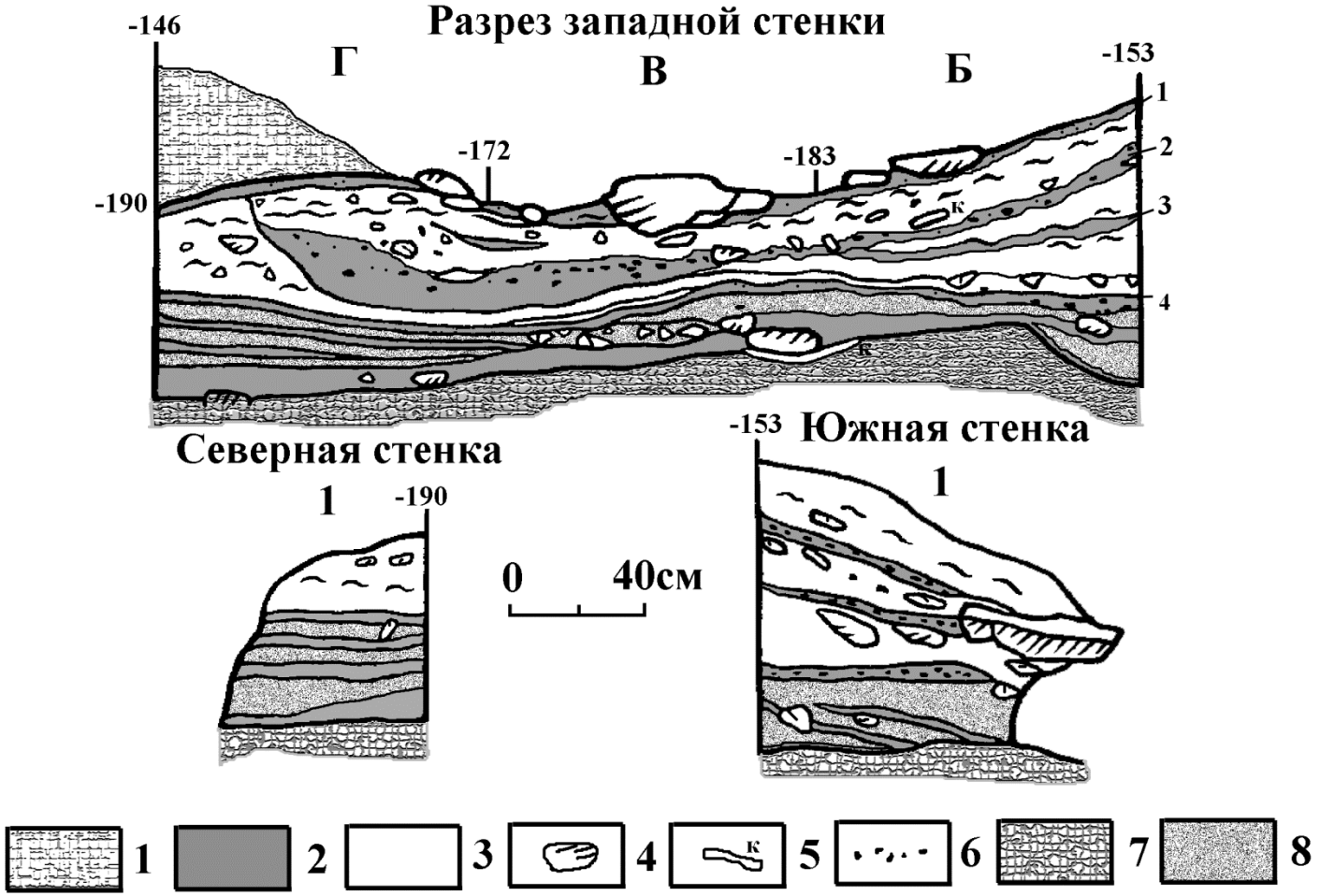

Рис. 4.112. Пещера Заповедная. Раскоп 3. Схематические разрезы западной, северной и южной стенок. Условные обозначения: 1 – отвал; 2 – буровато-серый суглинок; 3 – светло-бурый суглинок; 4 – камень; 5 – кость; 6 – угольки; 7 – коричневый суглинок, 8 – светло-коричневая супесь. Цифрами сбоку обозначены культурные слои

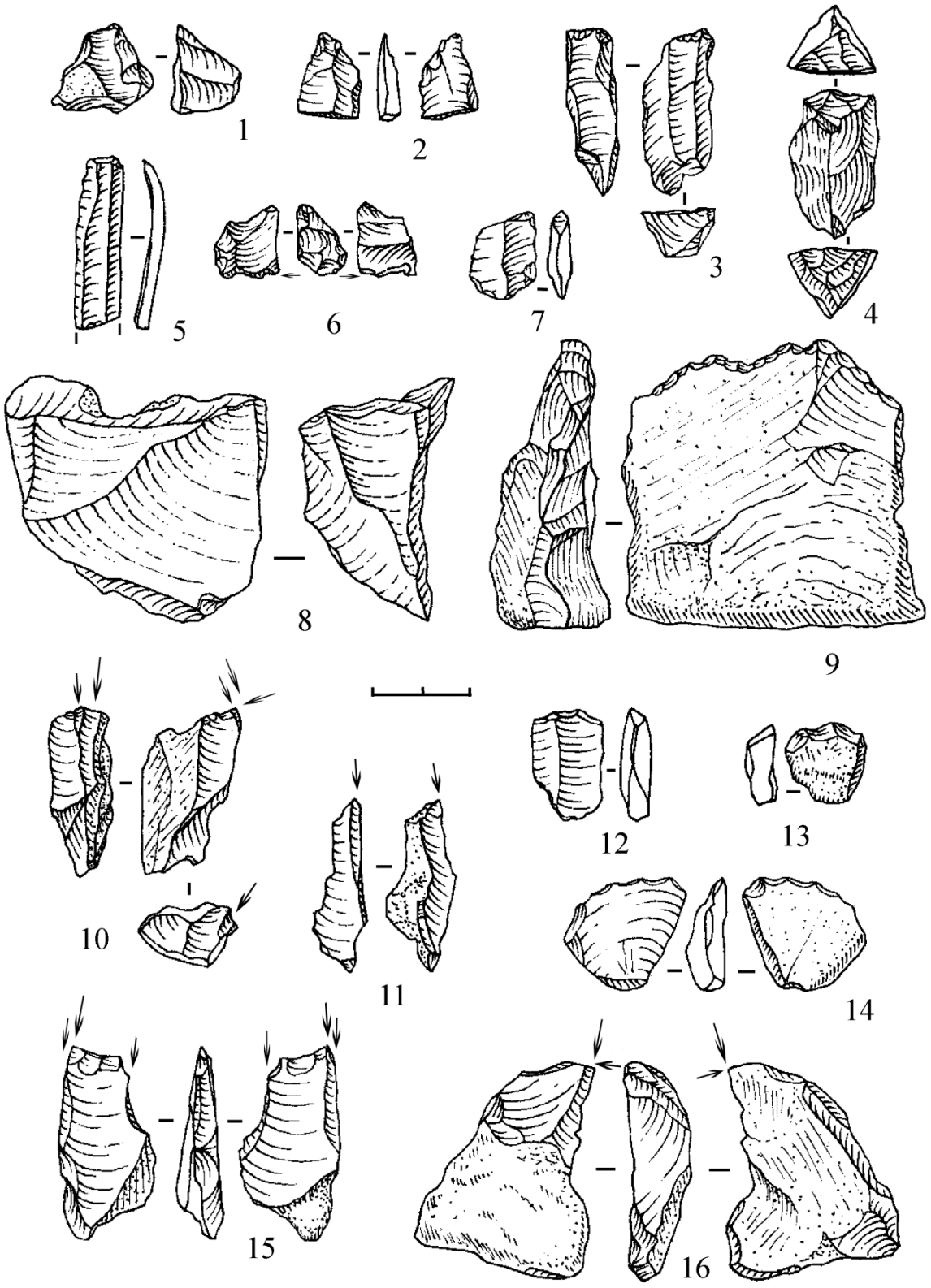

Рис. 4.113. Пещера Заповедная. Каменные изделия: 1, 3 – резчики, 4, 12-14 – скребки, 8 – нуклеус, 9 – скребло, 10, 11, 15, 16 – резцы. Раскоп 1: 5, 6 – гор. 9. Раскоп 3: 1, 2, 4, 10, 11, 15, 16 – гор. 2; 3, 7, 12 – гор. 3; 8, 13, 14 – гор. 4; 9 – ПМ. 5, 6 – кремень, остальное – известняк

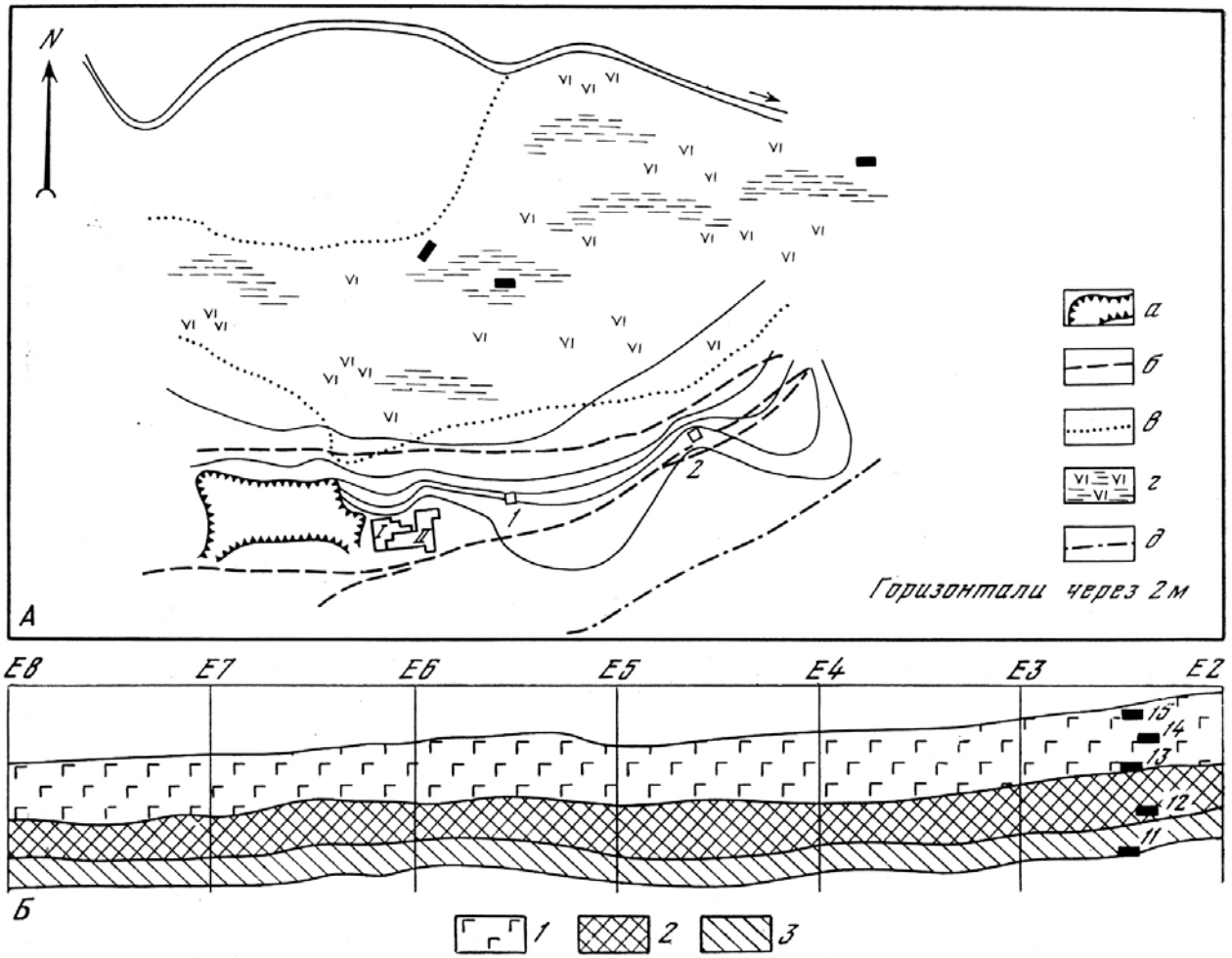

Рис. 4.114. Стоянка Ильмурзино (по Матюшину, 1976). А – план стоянки: а – карьер; б – дороги; в, г – болото; д – границы пашни; Б – профиль по линии Е2-Е8: 1 – гумус; 2 – темно-бурый суглинок; 3 – светлый суглинок; I, II, 1, 2 – раскопы и шурфы. Черные квадраты указывают место взятия образцов для анализа пыльцы

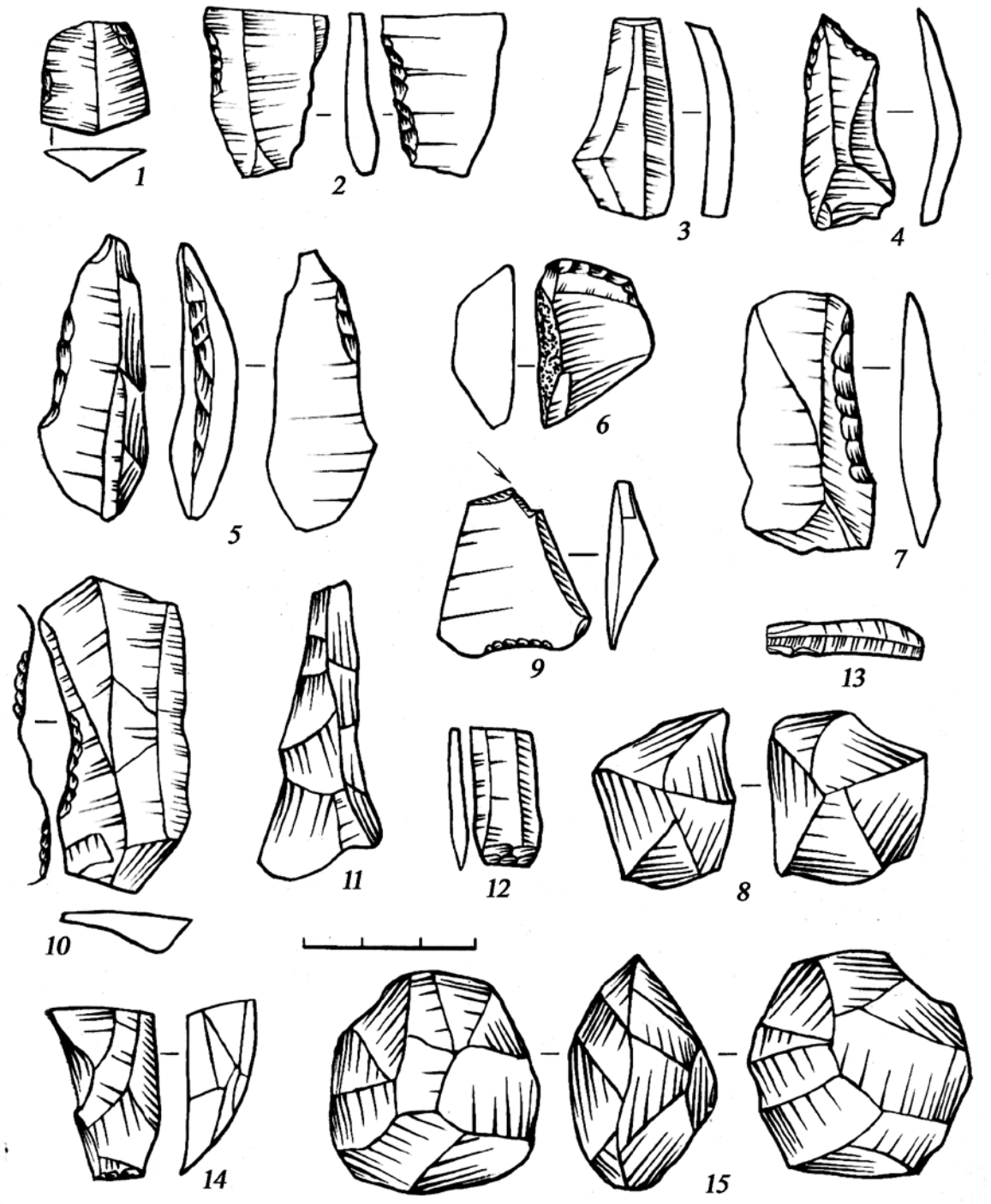

Рис. 4.115. Стоянка Ильмурзино. Каменные изделия 6-7 горизонтов (по Матюшину, 1976): 1 – фрагмент пластины с ретушью, 2 – фрагмент пластины с противолежащей ретушью, 3, 12 – фрагменты пластин, 4 – острие, 5 – пластина с чередующейся ретушью, 6 – скребок прямой скошенный, 7, 10 – выемчатое орудие, 9 – резец боковой на отщепе с выемкой, 11, 14 – реберчатые сколы, 8, 15 – нуклеусы дисковидные

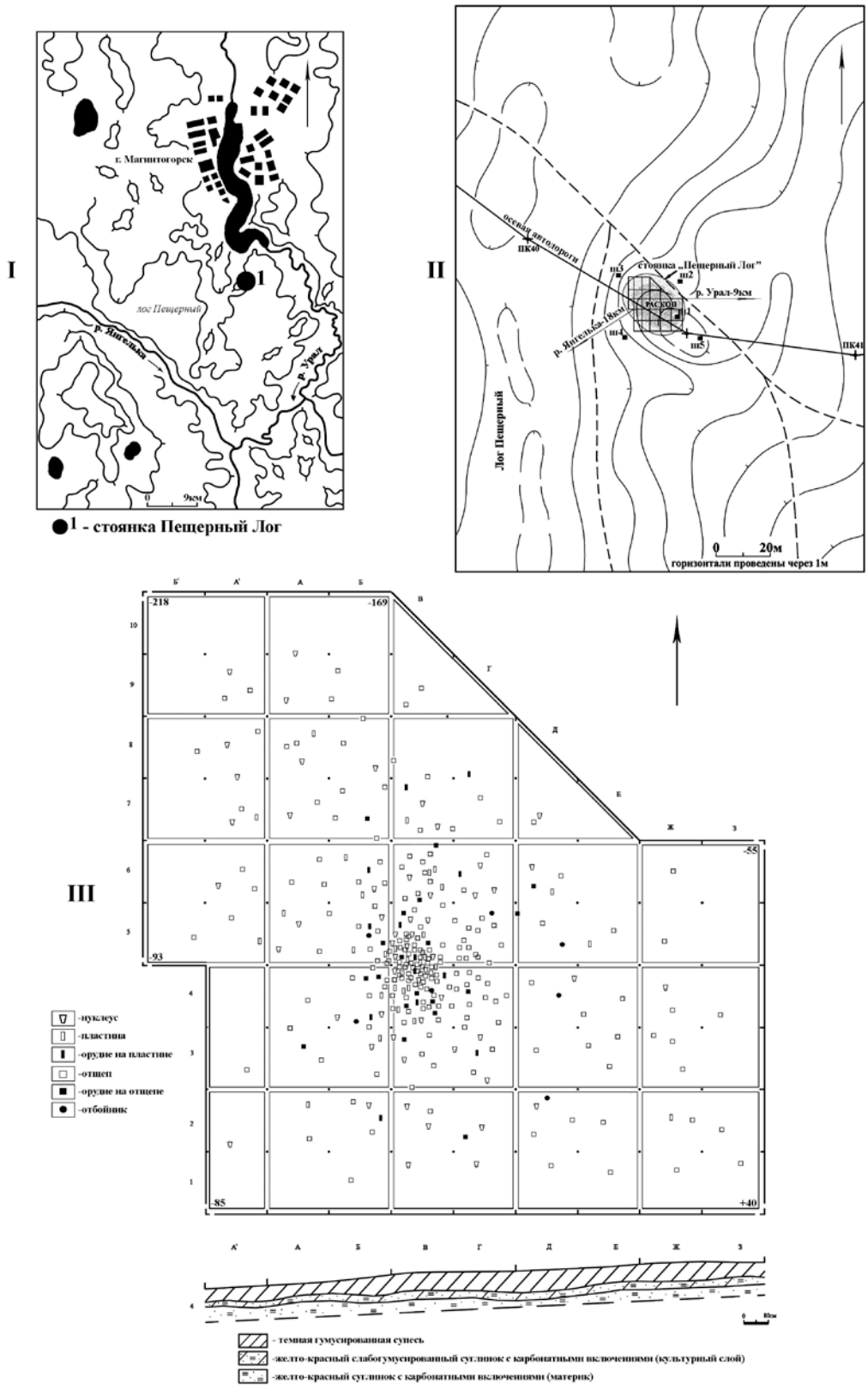

Рис. 4.116. Стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска (по Куприянову, 2016): I - Карта местонахождения памятника; II - Топографический план памятника; III - План и разрез раскопа

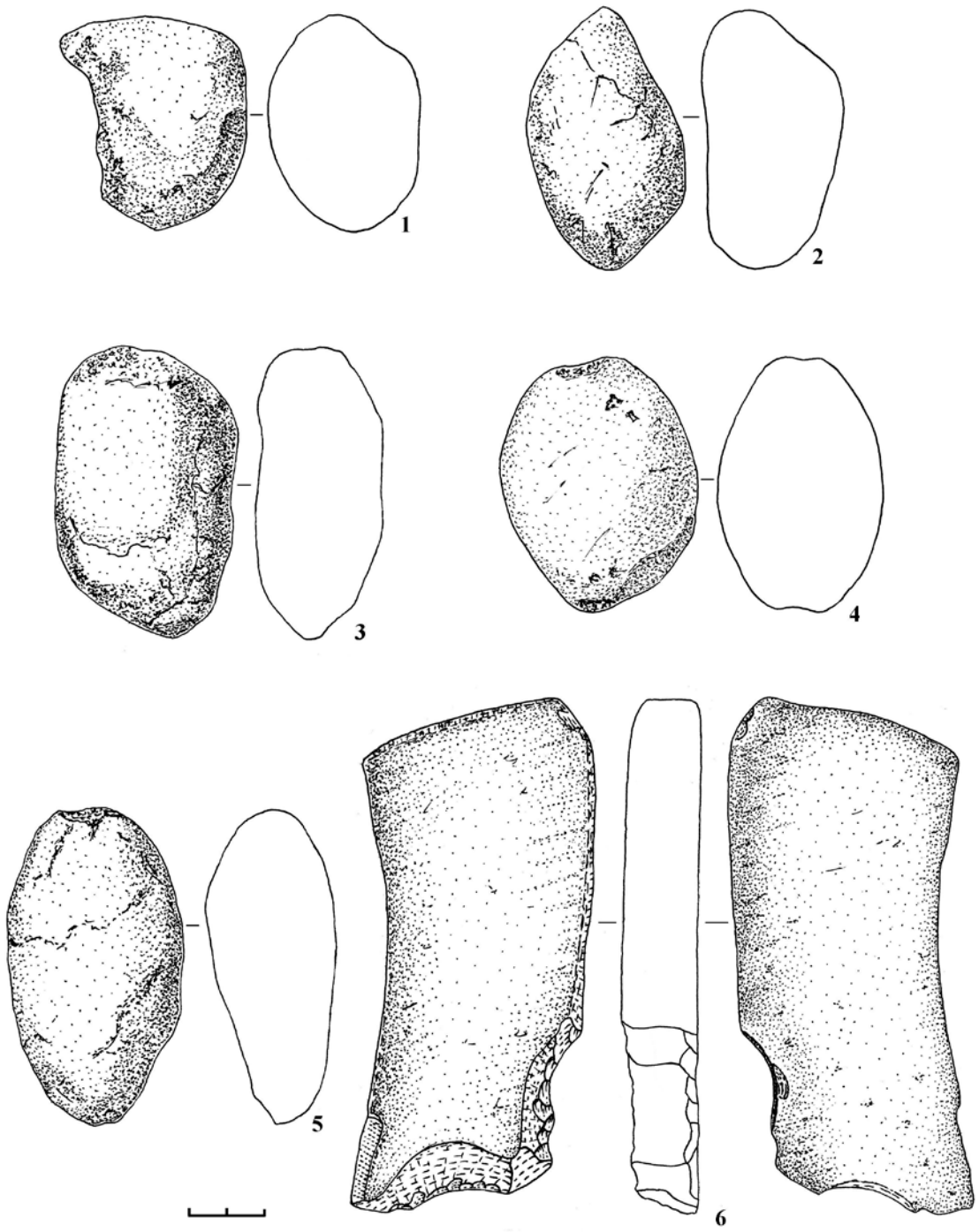

Рис. 4.117. Стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска. Отбойники (по Куприянову, 2016): 1-5 - на гальках, 6 – отбойник-молоток на плитке с оформленной рукояткой

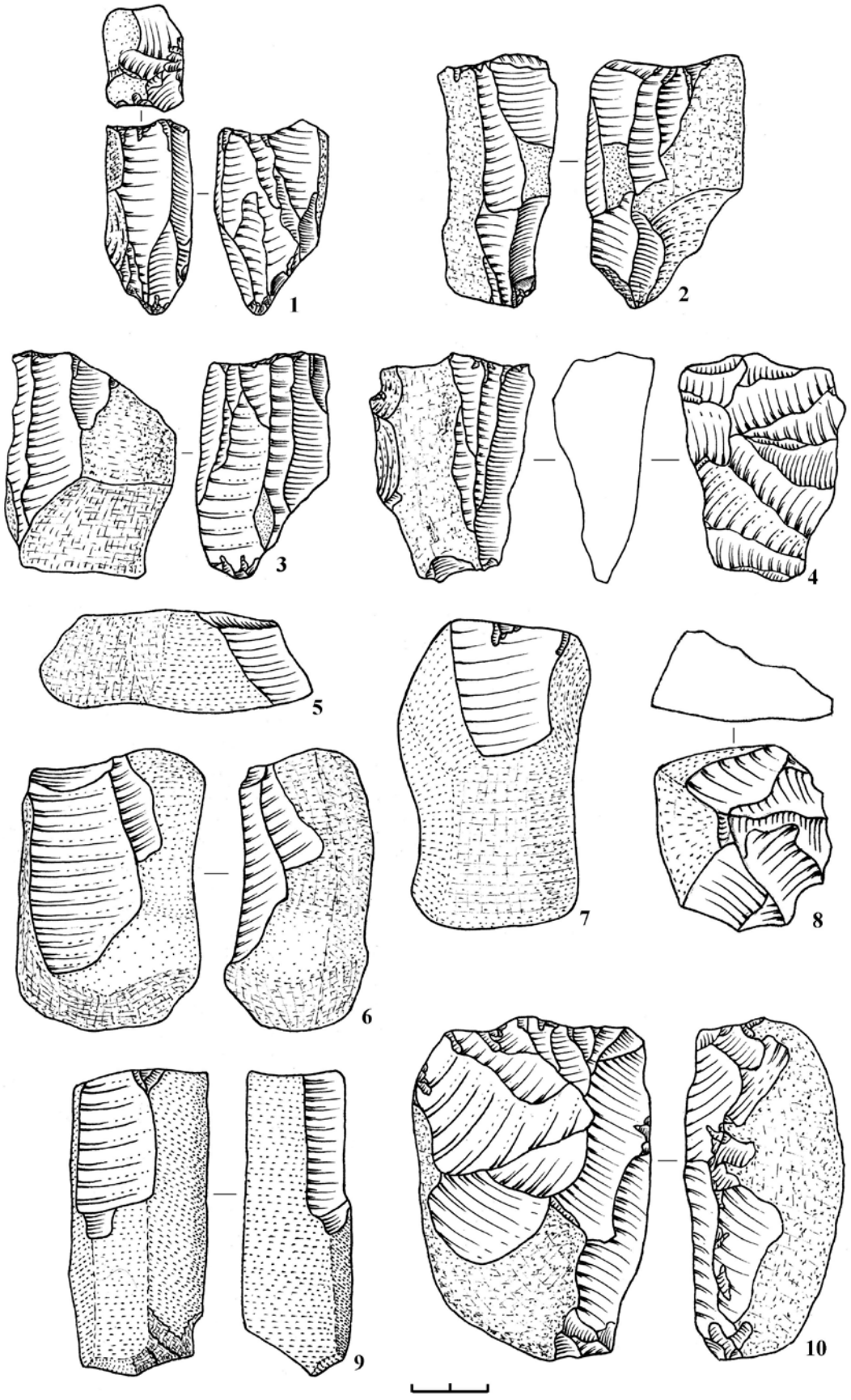

Рис. 4.118. Стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска. Нуклеусы (по Куприянову, 2016)

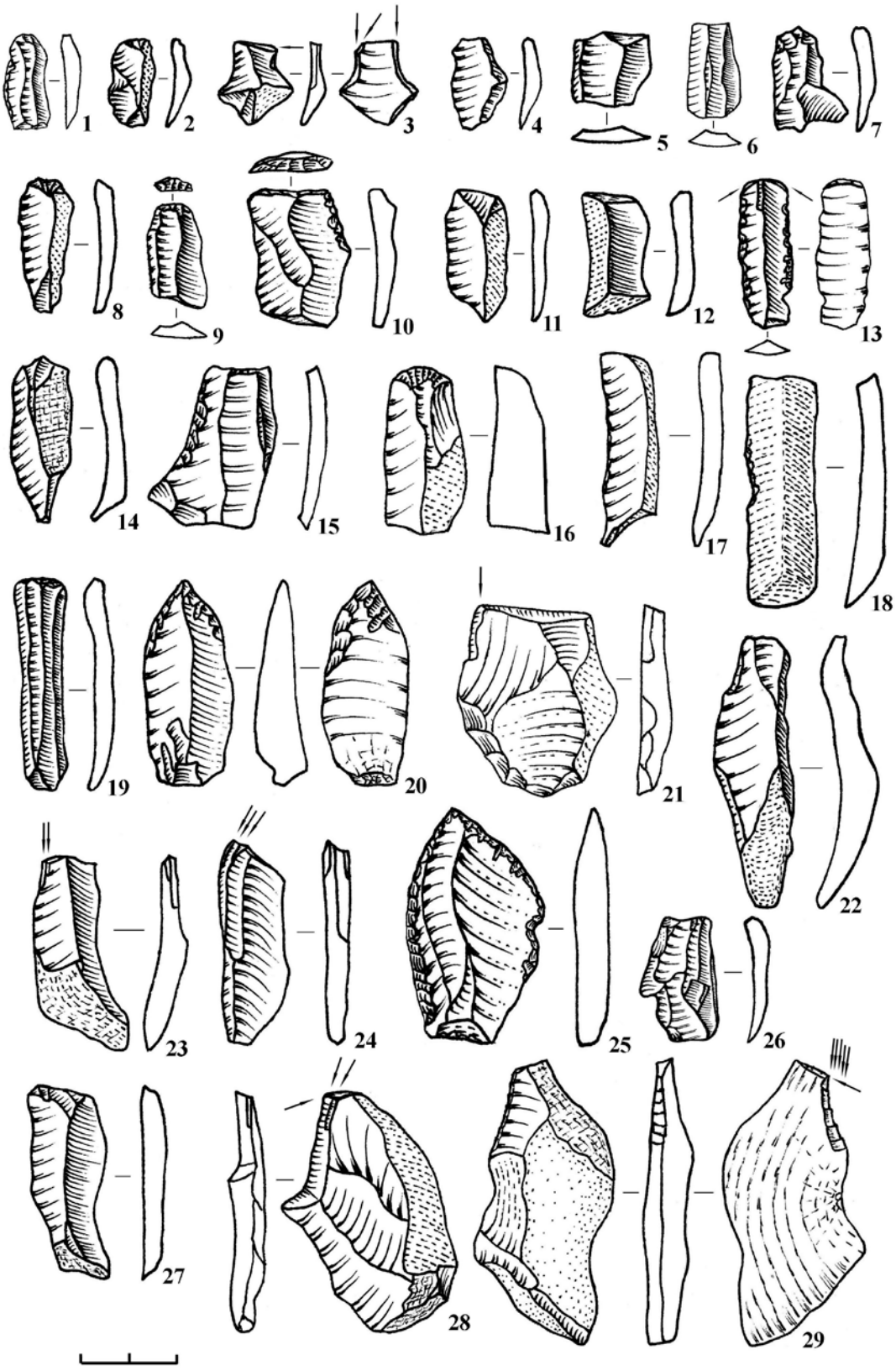

Рис. 4.119. Стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска. Каменные изделия (по Куприянову, 2016): 8, 16 – скребки, 1, 9-10, 13, 17 – пластины с ретушью, 2, 4-7, 11, 12, 14, 19, 22, 26 – пластины, 15, 18 – выемчатые орудия, 3, 12, 23, 24, 28, 29 – резцы, 20 – наконечник стрелы, 21 – резец-скребок скошенный

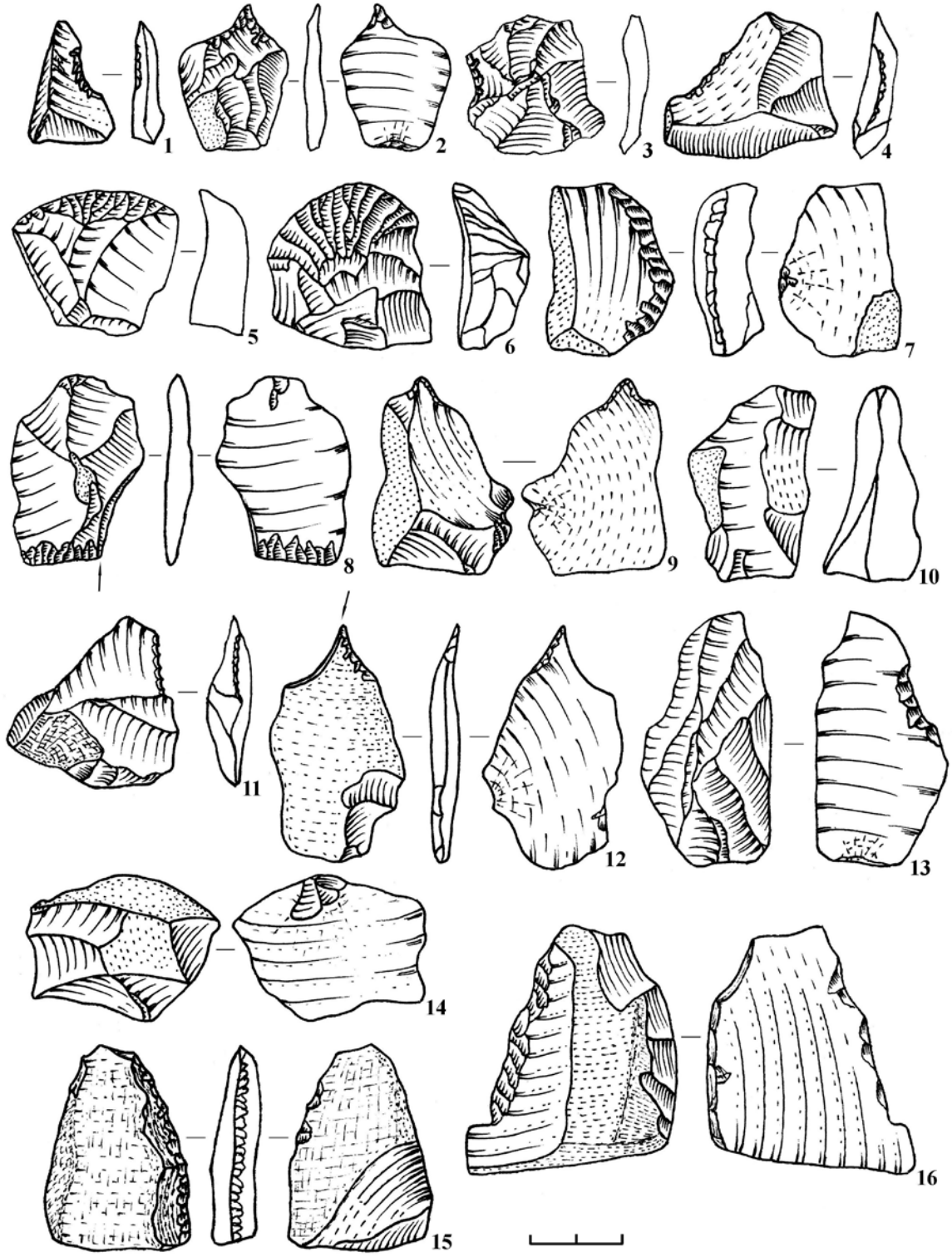

Рис. 4.120. Стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска. Каменные изделия (по Куприянову, 2016): 1, 3. 4, 13 – выемчатые орудия, 2, 9, 12 – орудия с шипом, 5, 6 – скребки концевые на отщепе, 7 – скребок площадочный на отщепе, 8 – долотовидное орудие, 11 – зубчатое орудие,10, 14 – отщепы, 15, 16 – скребла

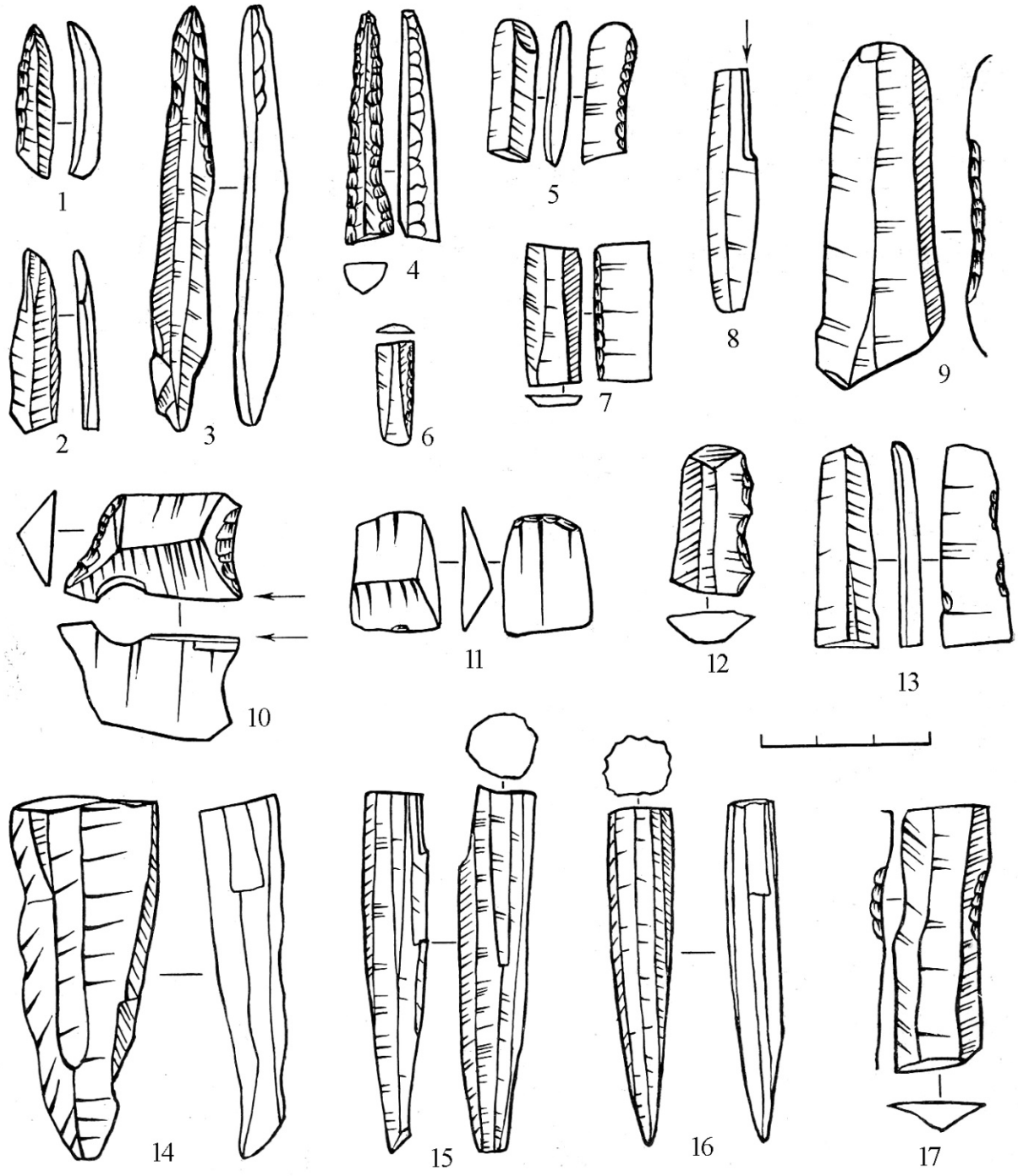

Рис. 4.121. Стоянка Сюнь I (Холодный Ключ). Каменные изделия (по Матюшину, 1976): 1, 2 – острия на пластинках; 3, 4 – проколки на пластинах; 5- 7 – фрагменты пластин с ретушью; 6 – пластинка с ретушью; 8 – резец на пластинке; 9, 12, 13, 17 – пластины с выемками; 10 – трапеция ассиметричная; 11 – сегмент пластины с вентральной ретушью; 14-16 – нуклеусы

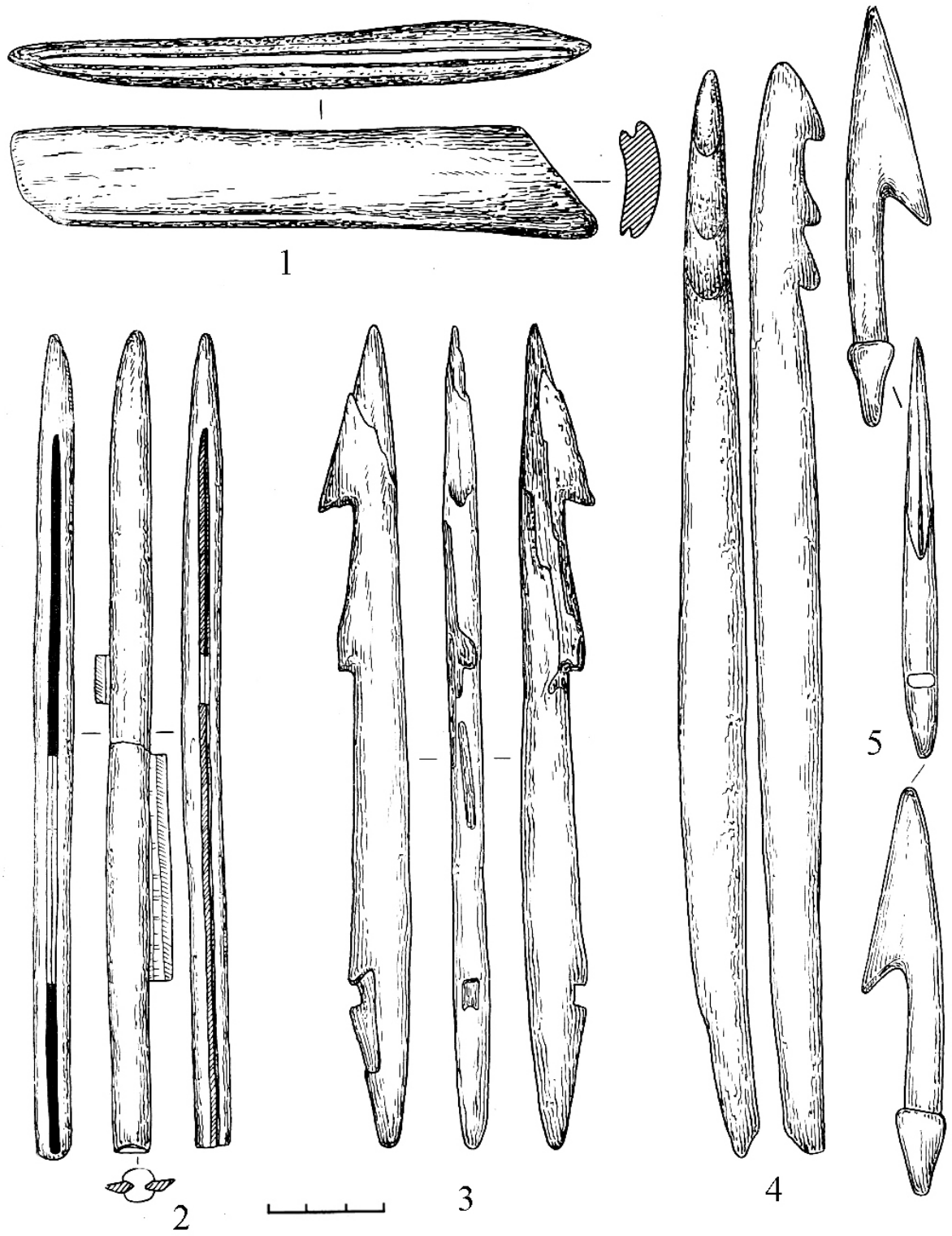

Рис. 4.122. Находки с р. Сюнь. Изделия из кости (по Матюшину, 1976): 1 – вкладышевое орудие; 2 – наконечник стрелы игловидный двухпазовый; 3-5 – гарпуны односторонние. 1, 3 – стоянка Сюнь I; 2 – стоянка Сюнь II; 4, 5 – находки с р. Сюнь

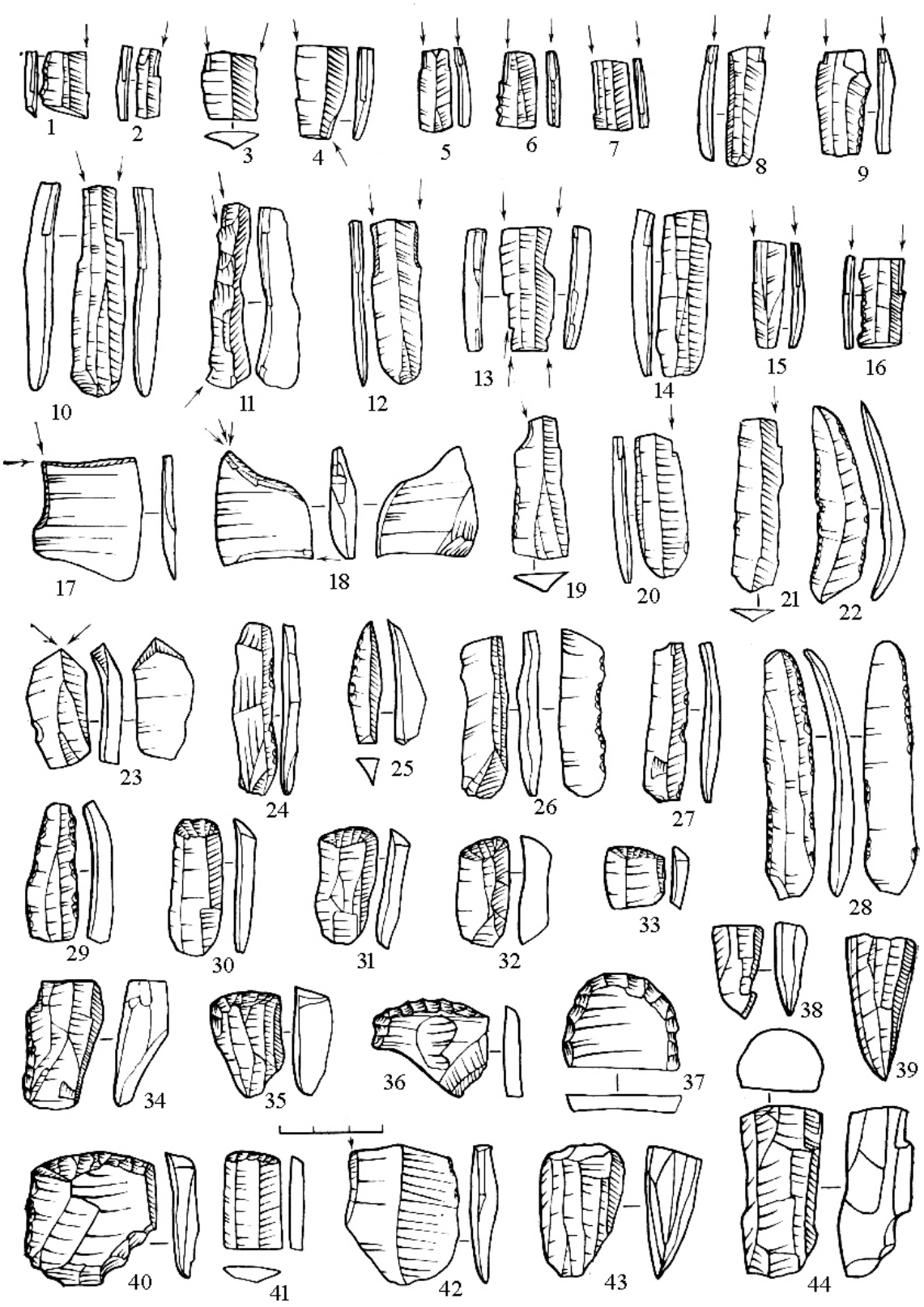

Рис. 4.123. Каменные изделия стоянки Сюнь II (по Матюшину, 1976): 1-21, 42 – резцы; 22, 28, 29 – пластины с ретушированными краями; 23 – усеченная резцовыми сколами пластина; 24 – реберчатая пластина; 25 – острие; 26, 27 – зубчато-выемчатое орудие; 30-37, 40, 41 – скребки концевые; 38, 39, 43, 44 - нуклеусы

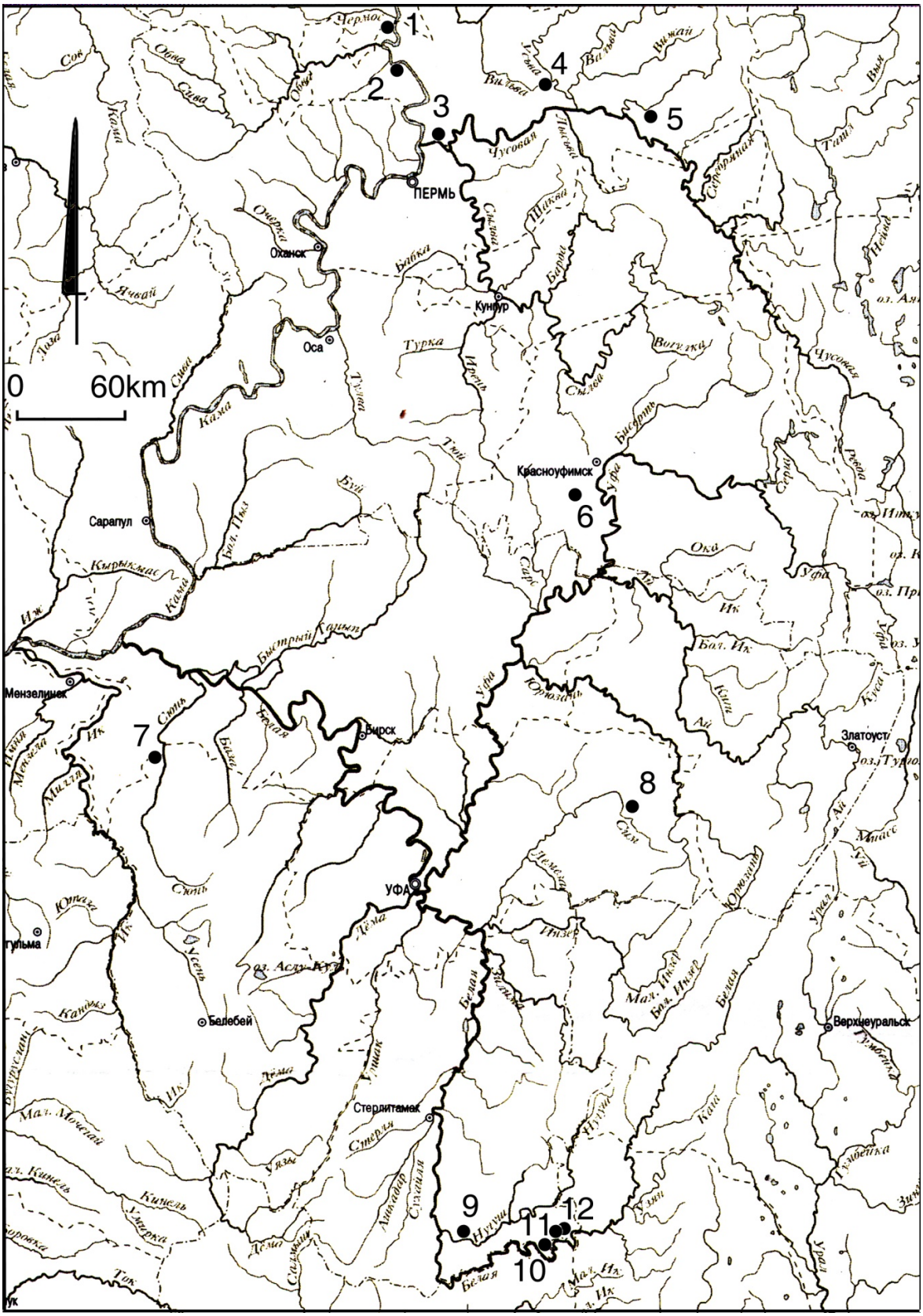

Рис. 4.124. Карта памятников верхнего палеолита Урала. 1 – Ширококово II, стоянка; 2 – Ганичата II, местонахождение; 3 –Талицкого, стоянка; 4 – грот Столбовой, 5 – грот Большой Глухой, 6 – грот Бобылек, 7 – Сюнь 2, стоянка; 8 – пещера Игнатиевская, 9 – Сергеевка 1, стоянка; 10 – пещера Байсланташ, 11 – пещера Кульюрт-Тамак, 12 – пещера Шульган-Таш (Каповая)

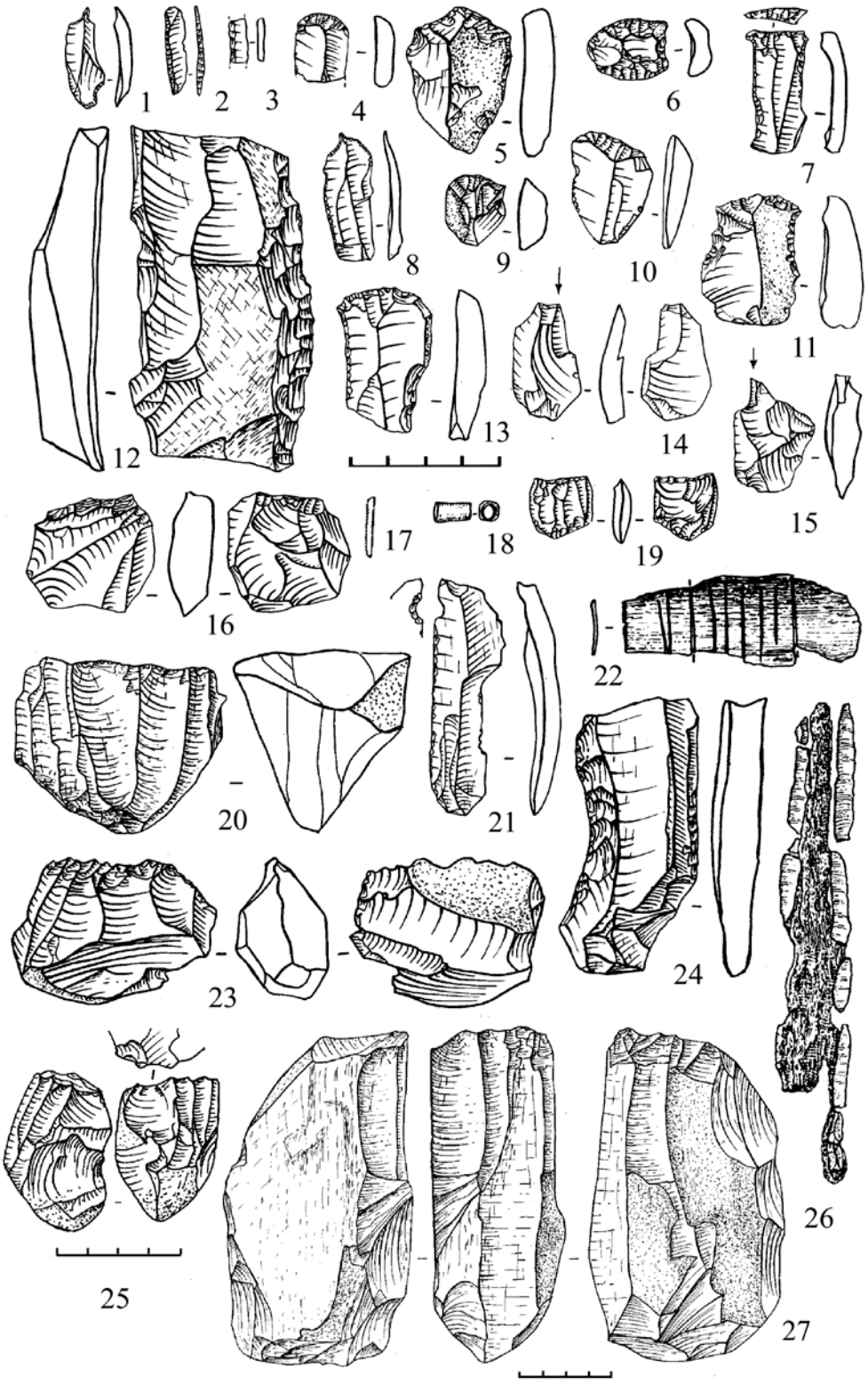

Рис. 4.125. Стоянка Талицкого (по Щербаковой, 1986). 1, 8 – проколки, 2, 3 – пластинки с притупленной спинкой, 4, 13 – концевые скребки на пластинах, 5 – скребок стрельчатый, 6 – скребок двойной укороченный с шипами, 7, 11 – орудия с шипом, 9 – скребок укороченный, 10 – скребок концевой скошенный на отщепе, 14, 15 – резцы боковые, 16 – нуклеус двусторонний вееровидно-радиальный, 17 – фрагмент костяной иглы, 18 – костяная пронизка, 19 – нуклеус плоский, 20, 25 – нуклеусы конусовидные, 21 – пластина с выемкой, 22 – фрагмент кости с нарезками, 23 – нуклеус одноплощадочный уплощенный, 24 – пластина с вогнутым краем, 26 – костяной двухпазовый наконечник, 27 – нуклеус торцовый

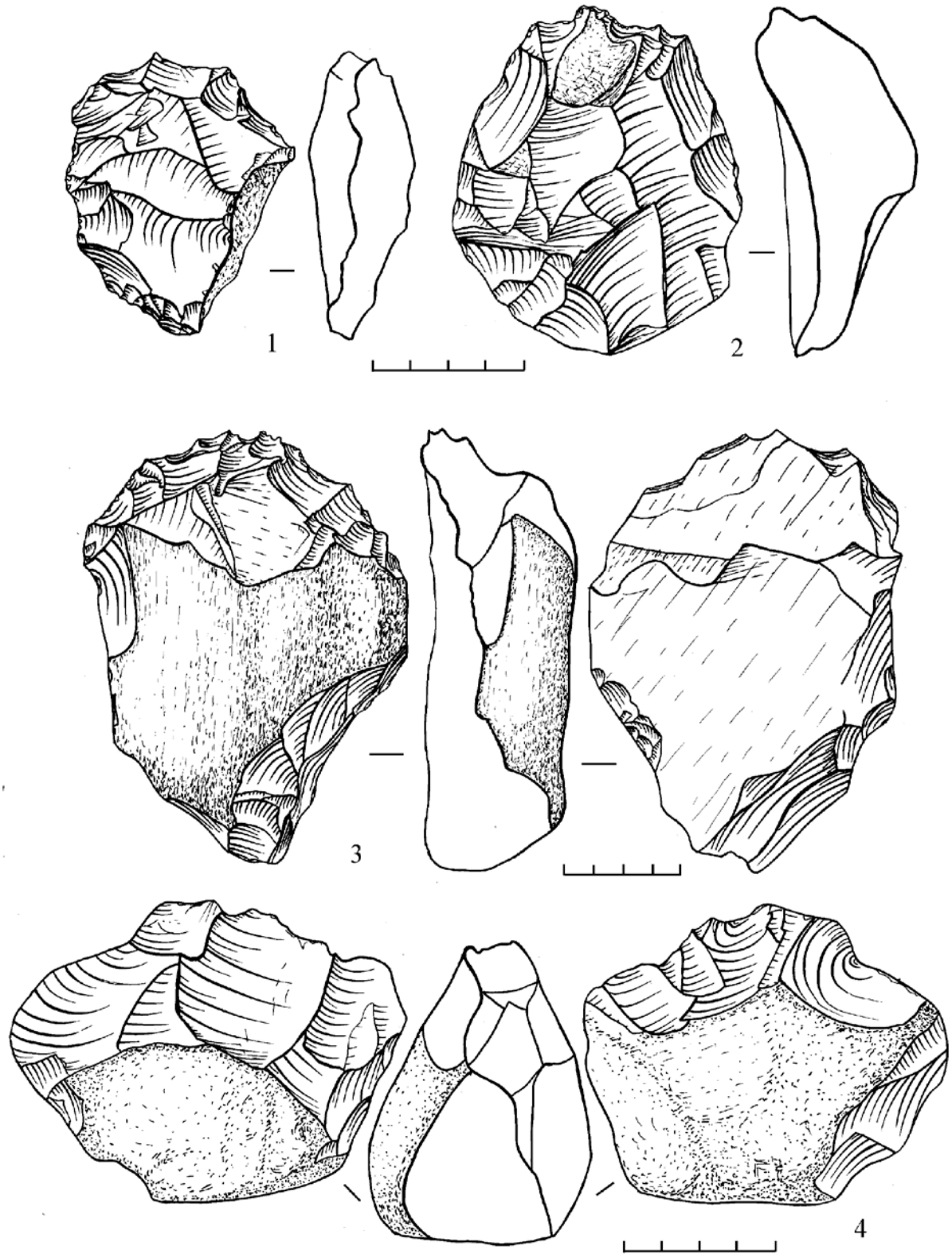

Рис.4.126. Стоянка Талицкого (по Щербаковой, 1986). 1, 2 – дисковидные нуклеусы-скребла, 3 – скребло-скобель, 4 – чоппинг

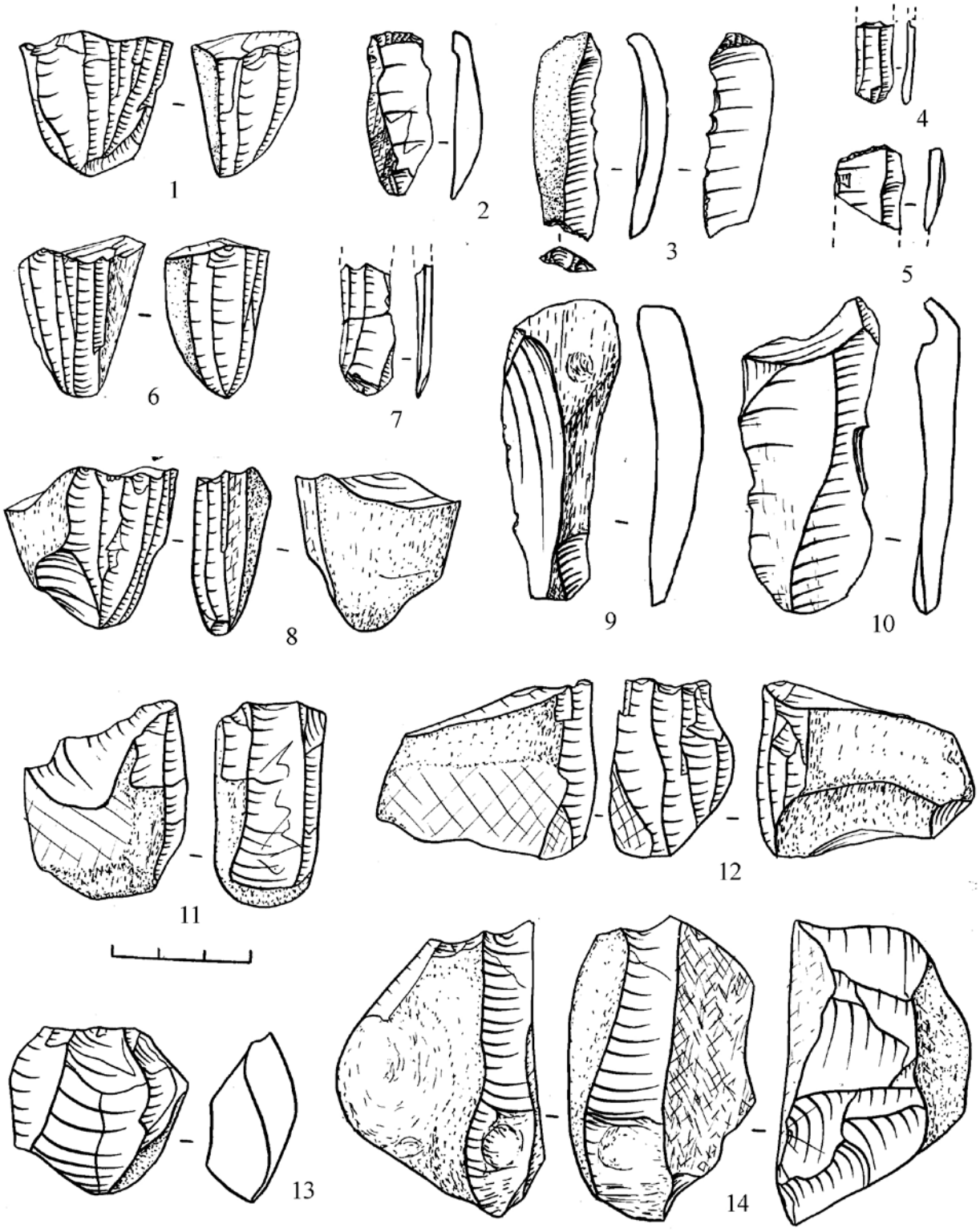

Рис. 4. 127. Грот Столбовой (по Щербаковой, 1986). 1, 6 – нуклеусы конусовидные, 2, 3 – скребки концевые на пластинах, 4, 7, 9, 10 – пластины, 8, 11, 12 – нуклеусы торцевые, 13 – нуклеус одноплощадочный уплощенный, 14 – нуклеус ортогональный

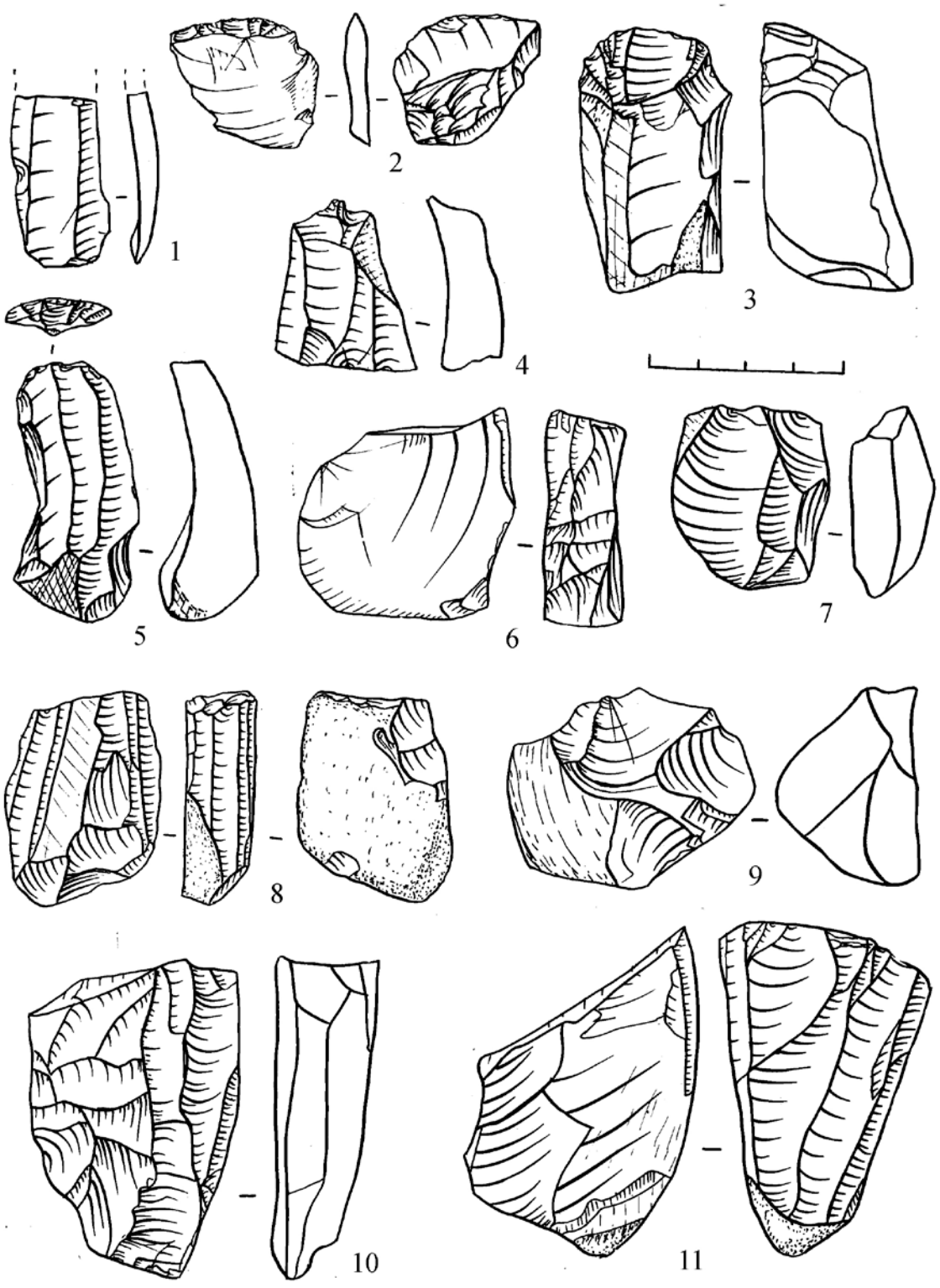

Рис. 4.128. Грот Близнецова (по Щербаковой, 1986). 1 – пластина, 2 – скребок вентральный, 3 – скребок концевой высокой формы, 4 – орудие с шипом, 5 – скребок концевой, 6, 8, 10 – нуклеусы торцовые, 7 – нуклеус одноплощадочный уплощенный, 9 – нуклеус радиальный, 11 – нуклеус конусовидный

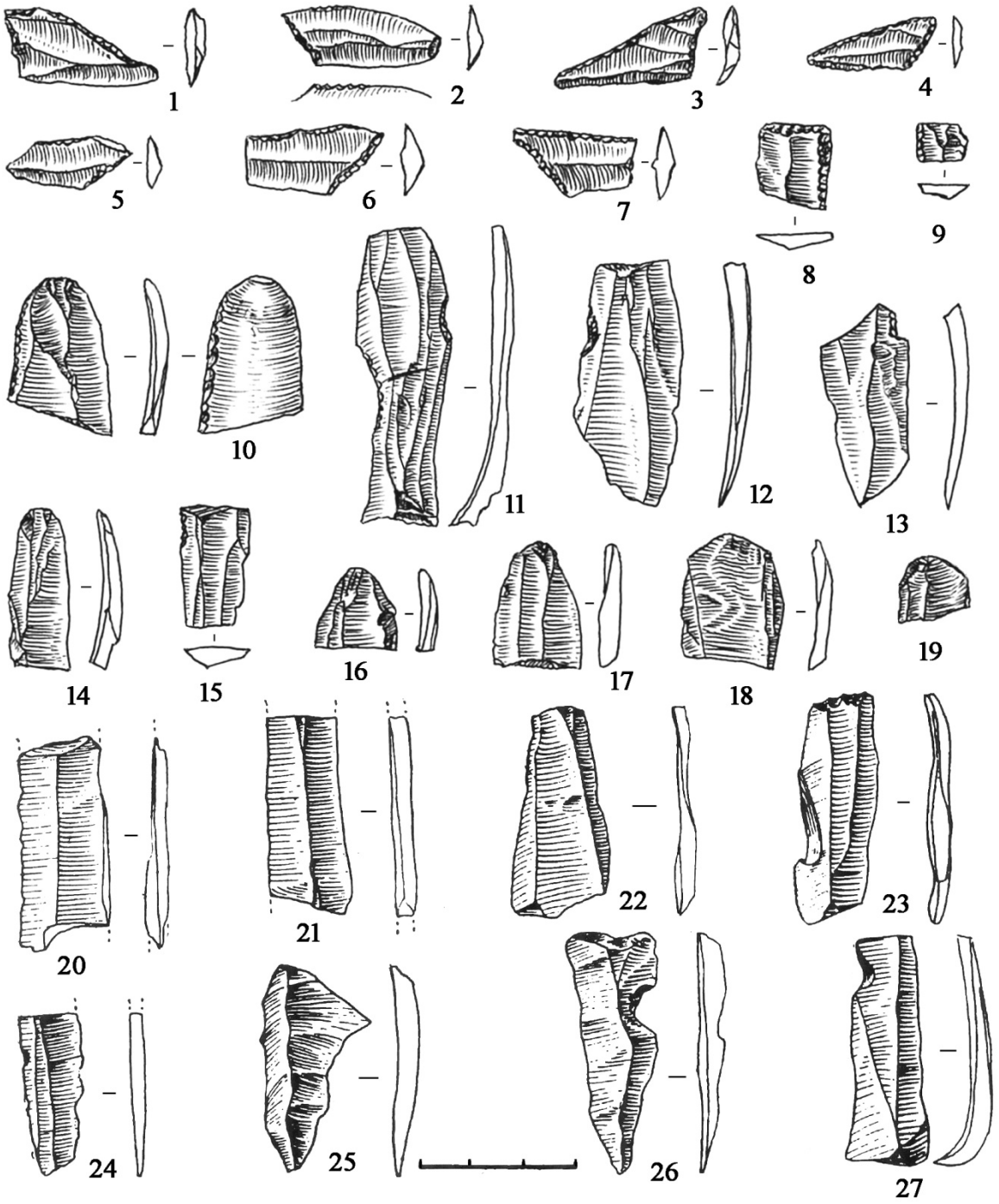

Рис. 4.129. Стоянка Шикаевка II (по Петрину, Смирнову, 1975). 1, 2-8 – трапеции ассиметричные, 2, 23 – косоусеченные ретушью пластины, 9 – фрагмнет пластины с ретушью, 10 – пластина с противолежащей ретушью 11, 12, 26 – пластины с выемками, 13 – резчик (?) ретушный, 14-22, 24,25 – пластины, 27 – резец (?) боковой. Материал: яшма красно-зеленая

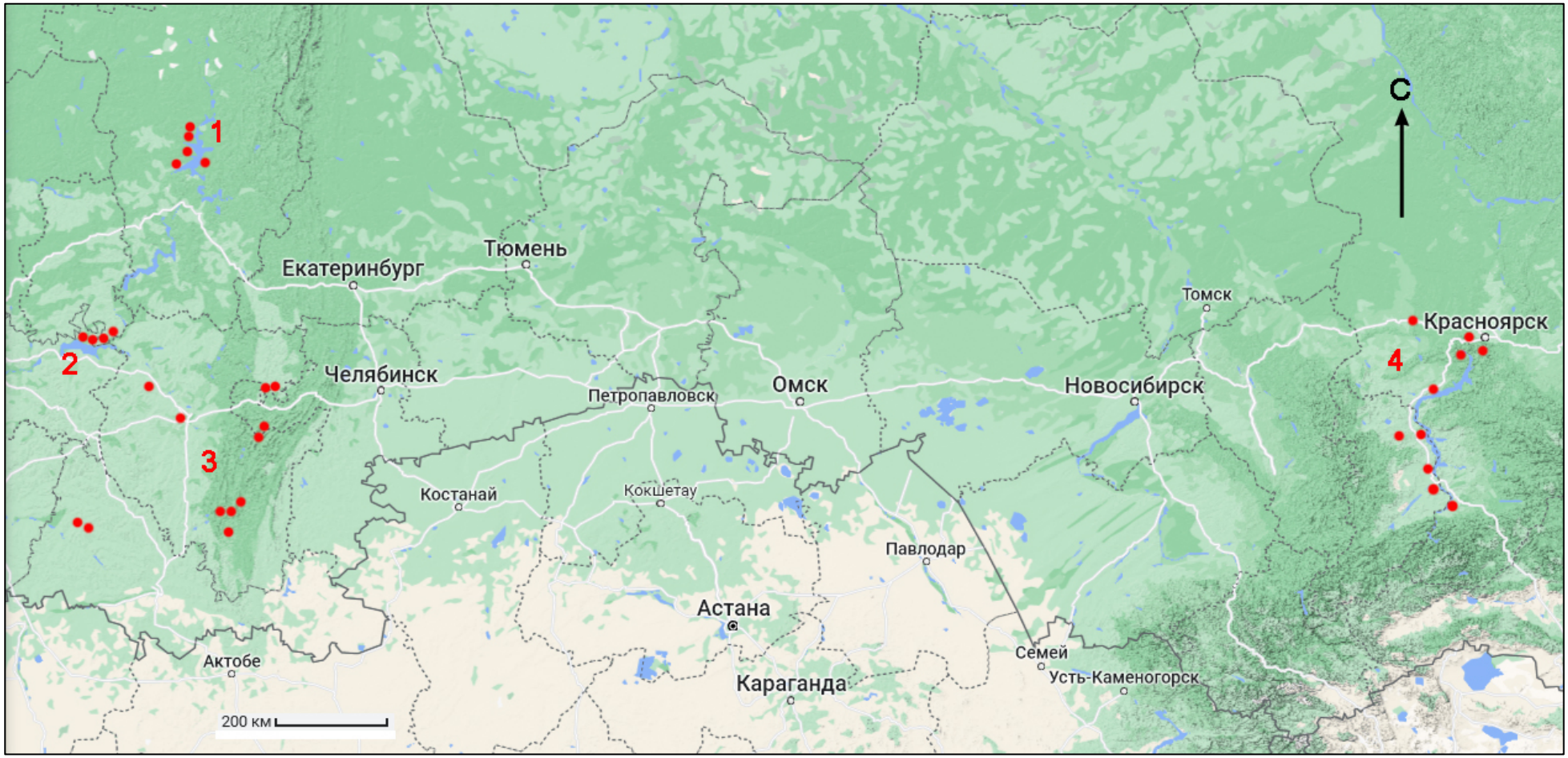

Рис. 4.130. Карта верхнепалеолитических памятников Урала и Сибири. 1 – стоянки Прикамья, 2 – стоянки устья Камы, 3 – стоянки Южного Урала, 4 – стоянки в долине р. Енисея

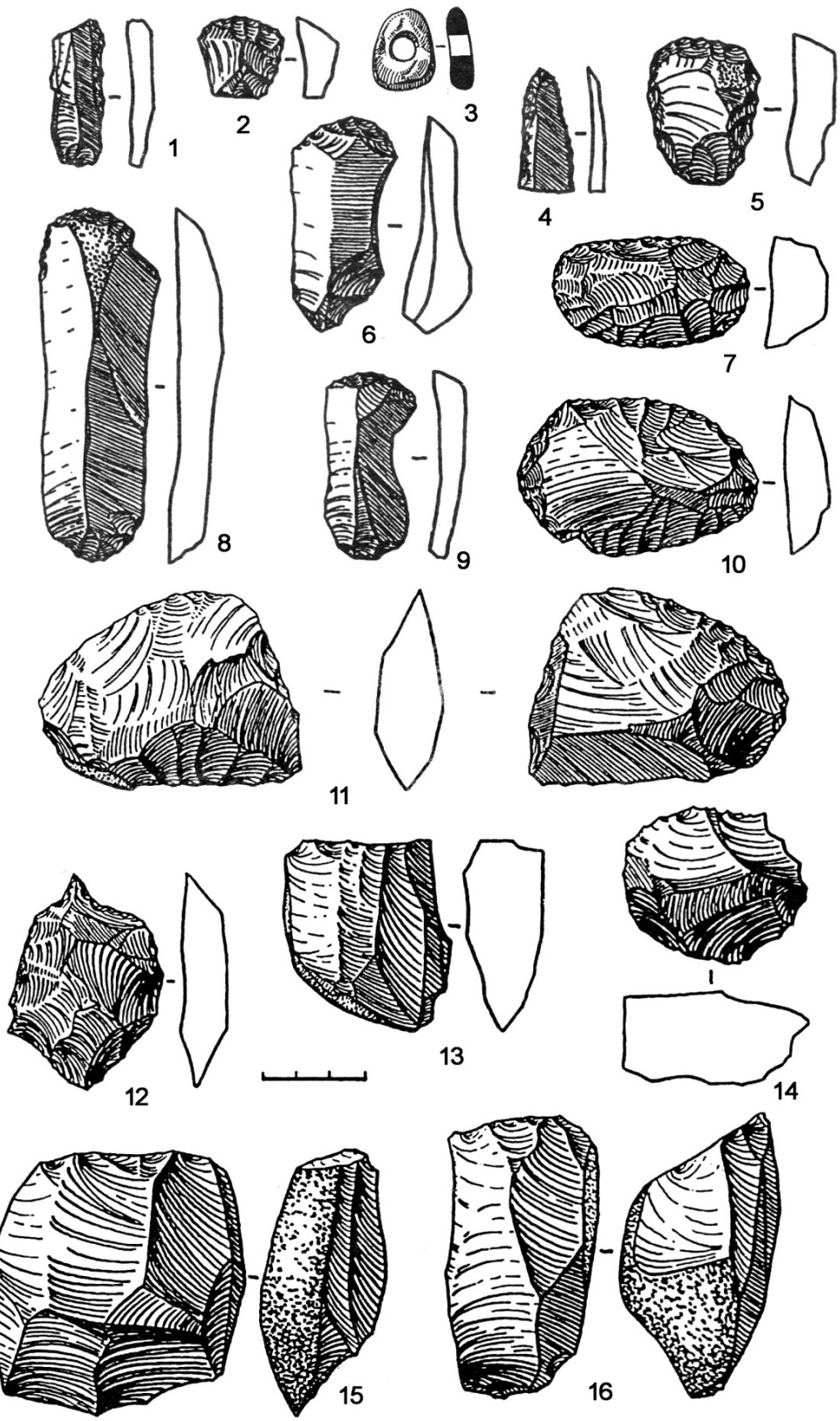

Рис. 4.131. Стоянка Куртак 5 (по Лисицыну, 2000). Каменные и костяные изделия: 1 – пластина с ретушью; 2, 5, 6, 8, 9 – скребки; 3 – нашивка из кости; 4 – острие; 7, 10 – скребла овальные; 11 – скребло бифасиальное; 12 – проколка; 13 – нуклеус параллельного скалывания плоский; 14 – нуклеус радиальный; 15, 16 – нуклеусы параллельно-встречного скалывания

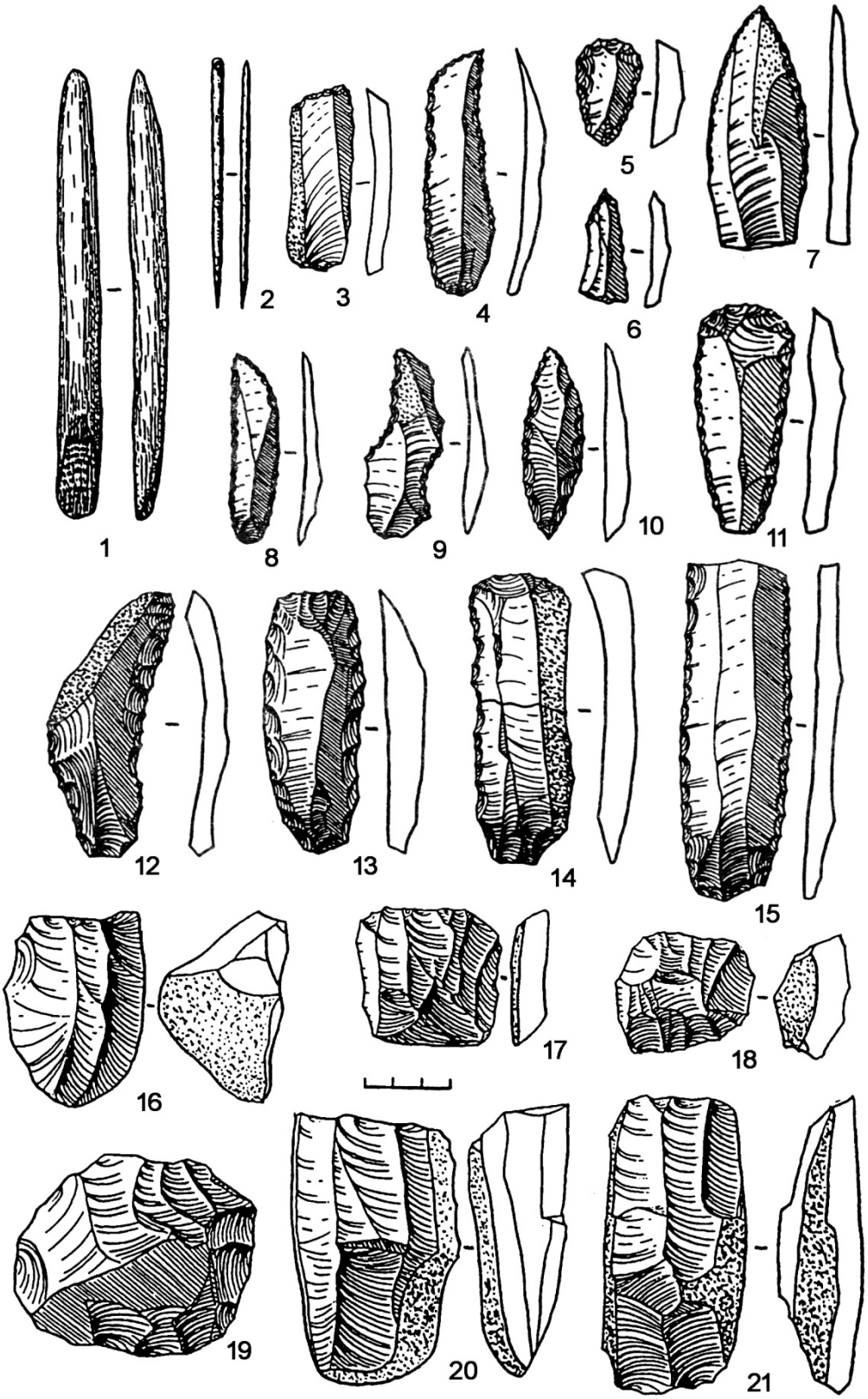

Рис. 4.132. Стоянка Сабаниха (по Лисицыну, 2000). Каменные и костяные изделия: 1 – наконечник костяной; 2 – игла костяная; 3 – скребок скошенный прямой; 4, 8 – острия скошенные; 5, 11 – скребки с зауженным основанием; 6 – проколка; 7, 10 – остроконечники; 9, 12 – выемчатые орудия; 13 – долото с ретушированными краями; 14 – скребок; 15 – пластина с ретушью; 16, 17, 20 – нуклеусы параллельные; 18,19 – нуклеусы радиальные; 21 – нуклеус параллельно-встречного скалывания

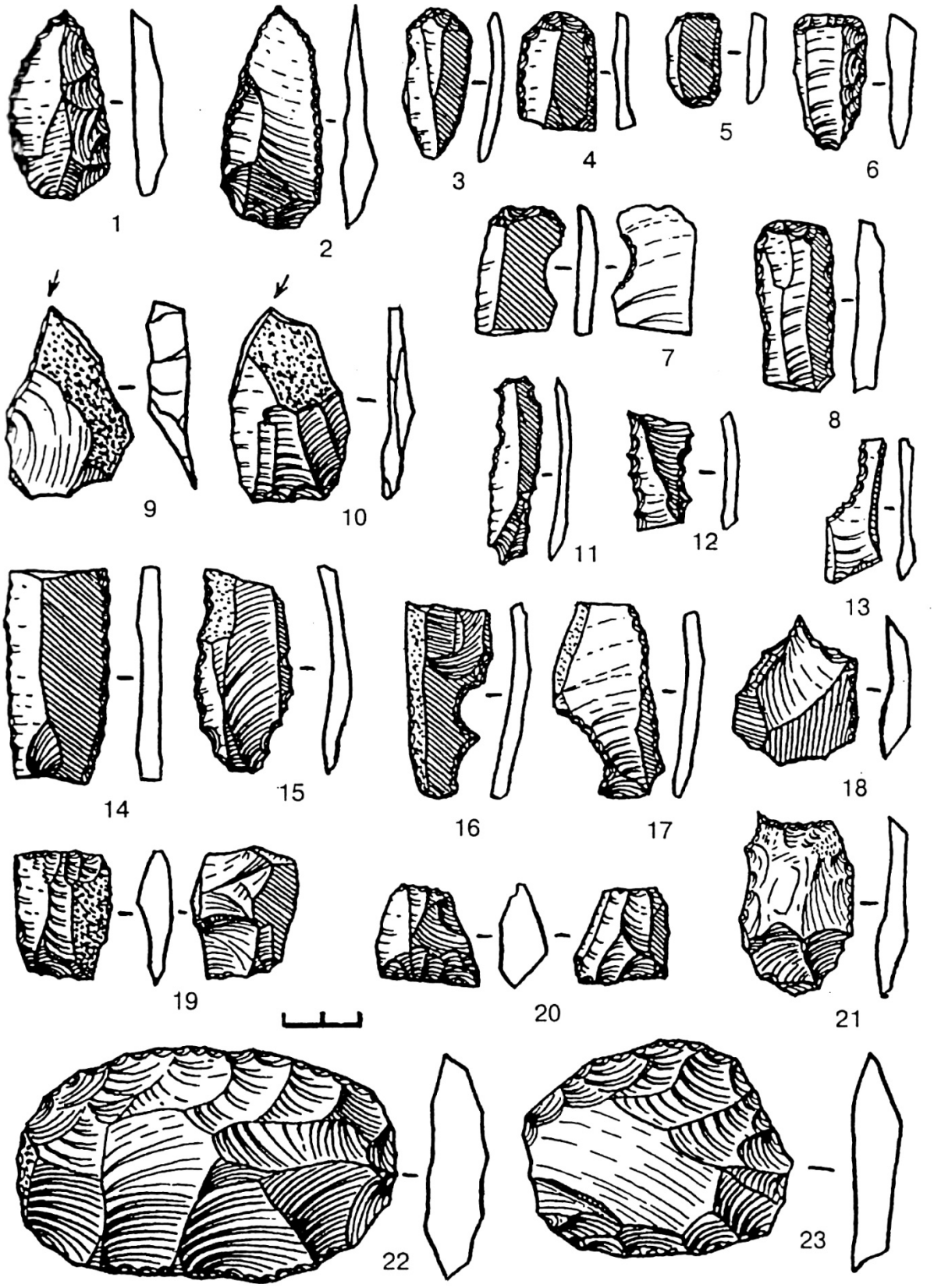

Рис. 4.133. Стоянка Сабаниха (по Лисицыну, 2000). Каменные изделия: 1, 2 – остроконечники; 3-8 – скребки; 9,10 – резцы; 11-13, 16,17 – выемчато-зубчатые изделия; 14, 15 – пластины с ретушью; 18, 21 – проколки; 19, 20 – долотовидные орудия; 22, 23 - скребла